
SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650
CHRISTO ET ECCLESIAE
The gift of
Eugene Schuyler,
Consular Agent
at Birmingham &c
6 Oct. 1879.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1872.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Thirty-seventh tome

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

С. САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 100.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

КТО ВИНОВАТЪ

ВЪ

СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ?

И. Е. Забѣлину.

Мои сочиненія по русской исторіи не разъ подвергались въ печатной критикѣ превратнымъ толкованіямъ ихъ смысла и междустрочному чтенію. Мнѣ почему-то не разъ приписывали въ нѣкоторомъ родѣ коварные умыслы унижать или, какъ выражались нѣкоторые: сводить съ пьедестала знаменитыя лица отечественной исторіи. М. П. Погодинъ отличился въ этого рода обличеніяхъ еще въ 1864-мъ году, по поводу моей статьи о «Куликовской битвѣ», потомъ въ текущемъ году, выступивъ защитникомъ Скопина-Шуйскаго, противъ моей статьи «Личности смутнаго времени». Однако, въ то же время, когда одни, подобно г. Погодину, порицали меня за низведеніе съ пьедестала героевъ,—другіе, признавая за мною то же самое, отзывались съ похвалою. Я не могу принимать на свой счетъ ни порицаній, ни похвалъ въ такомъ смыслѣ, потому что никогда не задавалъ себѣ задачею сводить кого-нибудь съ пьедестала или вообще унижать и умалять историческія достоинства героевъ прошедшаго; о личностяхъ же смутнаго времени могу сказать это болѣе всего, такъ какъ я указывалъ только на неясность, темноту, недоразумѣнія и вопросы, возникающіе относительно опредѣленія характера, способностей и образа дѣйствій нѣкоторыхъ

личностей означенной эпохи. Само собою разумѣется, что такого рода пріемъ не можетъ считаться унизительнымъ; напротивъ, если кто, обративъ вниманіе на поставленные вопросы, постарается разрѣшить ихъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для означенныхъ личностей и успѣетъ покрыть ихъ самыми яркими лучами славы, тотъ собственно разъяснитъ только то, что я намѣтилъ, и слѣдовательно его сочиненія не имѣли бы никакого полемическаго значенія противъ моей статьи.

Ученый споръ съ г. Погодинымъ — невозможенъ. Тотъ, кто станетъ отвѣчать ему, невольно будетъ похожъ на человѣка, котораго полицейскій чиновникъ притянулъ напрасно къ слѣдствію, и который на всѣ вопросы только и можетъ отвѣчать: не знаю, не говорилъ, это не такъ было сказано и пр. Г. Погодинъ относится къ явленіямъ отечественной исторіи такъ, какъ относился когда-то Ломоносовъ въ нападкахъ на Миллера, и состязаніе съ г. Погодинымъ не представляетъ никакого интереса для той части любителей русской исторіи, которая въ своихъ понятіяхъ шагнула далѣе ломоносовскихъ временъ.

Совсѣмъ иначе является другой мой антагонистъ И. Е. Забѣлинъ, напечатавшій въ «Русскомъ Архивѣ», издаваемомъ при Чертковской библіотекѣ, статью: «Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время». Статья эта посвящена разрѣшенію именно тѣхъ сторонъ, которыя я указалъ темными или двусмысленными, и заключаетъ въ себѣ взгляды и мнѣнія, діаметрально противоположныя моимъ. И. Е. Забѣлинъ—одна изъ самыхъ даровитыхъ, почтенныхъ и глубокосвѣдущихъ личностей, занимающихся и занимавшихся русскою исторіею и археологіею; мы привыкли уже такъ высоко уважать этого писателя, что еслибы намъ пришлось въ ратоборствѣ съ нимъ и положить оружіе, то намъ все-таки останется то утѣшеніе, что труды нашихъ писаній не пропали даромъ, если вызвали съ его стороны произведеніе, достойное его таланта и знаній.

Мы рѣшаемся вступить съ нимъ въ состязаніе съ цѣлью высказать еще яснѣе нѣкоторые наши взгляды, несходные съ его взглядами. Просвѣщеннымъ читателямъ предоставляется оцѣнить силу и справедливость нашихъ взглядовъ.

I.

И. Е. Забѣлинъ очень мало придаетъ значенія полякамъ въ смутное время; они у него, какъ говорится, съ боку припека: зло главное не въ нихъ; великій врагъ, волновавшій Русь въ началѣ XVII-го вѣка—это смута, засѣвшая въ боярствѣ и служиломъ сословіи, сословіи, которое представляется какъ бы скопищемъ мерзавцевъ, тогда какъ противъ этого скопища стоитъ другая стихія, здоровая, нравственно крѣпкая, чуждая смутъ, стихія эта, пользующаяся большимъ сочувствіемъ автора — народъ, сирота-народъ, какъ онъ его называетъ, употребляя старинный терминъ челобитныхъ.

Вотъ этотъ-то сирота-народъ поднялся по зову Минина, уже готовый прежде, бодрый духомъ, крѣпкій смысломъ и единодушіемъ, вручивъ предводительство достойному великому человѣку, князю Пожарскому, для спасенія отечества, растерзаннаго смутою, произведенною боярствомъ и служилыми.

Такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и показываетъ какъ-будто, что тѣ и другіе были людьми иного племени, языка, словно турки и греки въ оттоманской имперіи или какіе-нибудь остъ-готы, либо лонгобарды съ одной стороны, и римляне съ другой—въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся въ возможности такого раздвоенія въ русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые казались бы враждебными и какъ бы разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ. Если у служилыхъ и у остальнаго народа и были свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ. Люди родовитые, люди служилые принадлежали къ одному и тому же народу съ тѣмъ земствомъ, которое такъ любитъ г. Забѣлинъ, противопоставляя его служилымъ. Между тѣми и другими не было еще того различія, какое въ болѣе позднее время возникло между высшими и низшими классами вслѣдствіе образованности, распространившейся въ высшихъ слояхъ; при томъ же, несмотря на всѣ предразсудки родовой чести (измѣрявшейся однако службою), служилые и неслужилые не оставались какими-нибудь восточными кастами. Частыя верстанья безпрестанно пополняли ряды служилыхъ людьми неслужилыми; даже въ дѣти боярскія верстали изъ гулящихъ людей, всякаго званія, давали имъ помѣстья, а дѣти боярскія выходили въ дворяне. Не говоримъ уже о болѣе низшихъ разрядахъ служилыхъ людей, безпрестанно пополняемыхъ тѣми, которые принадлежали къ массѣ сироты-народа. Не

только у дворянъ и дѣтей боярскихъ — у знатнѣйшихъ бояръ, даже въ царскихъ палатахъ мы видимъ одни нравы, одинакія понятія какъ и у народа. Понятно, что служилые и неслужилые имѣли одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, одни пороки. Общихъ тѣмъ и другимъ свойствъ и признаковъ жизни было такъ много, что невозможно приписывать исключительно одной только части русскаго народа явленій, обнимавшихъ строй всей русской исторіи.

Г. Забѣлинъ видитъ въ предшествовавшихъ временахъ исторію развитія той смуты, которую ставитъ въ вину однимъ служилымъ. «Ея историческіе корни, говоритъ онъ, уходятъ далеко въ глубину прожитыхъ вѣковъ и могутъ быть указаны чуть не на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ, самовластномъ, своевольномъ и крамольномъ духѣ той среды боярства, которая помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время было непререкаемое право княжеской дружины властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли: право очень древнее, которое въ первое время возникло естественно, было историческою необходимостью, и такъ сказать историческою нравственностью, твердымъ и благимъ уставомъ самой жизни. Но съ теченіемъ вѣковъ, по ходу исторіи, оно, если хотѣло быть добрымъ уставомъ жизни, должно было бы переродиться во что̀-либо новое, политически годное для дальнѣйшаго развитія народной исторіи. Между тѣмъ въ теченіи этихъ вѣковъ, особенно въ періодъ княжескихъ междоусобій, оно еще больше усиливало свои старыя, допотопныя начала жизни, и поддерживало въ Землѣ такую же нескончаемую смуту.

«Началомъ дружинной жизни (если объяснять ихъ одними только существенными, хотя и рѣзкими чертами) были самоволіе и самовластіе, властолюбіе и честолюбіе, добываніе высокихъ столовъ для своего князя, т.-е. великихъ старшихъ волостей или княженій, слѣдовательно жадность къ захвату новой власти и многаго имѣнія. Все это, конечно, утверждалось на первобытномъ историческомъ корнѣ отношеній дружины-боярства къ лицу своего князя, и въ первую пору вполнѣ единило интересы дружины съ интересами князя по той причинѣ, что въ ту пору и самъ князь, въ собственныхъ глазахъ, былъ столько же главою Земли, сколько главою дружины, былъ самъ только первымъ дружинникомъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ лишь свои эгоистическія цѣли. Очень понятно, что такія начала и даже задачи жизни должны были воспитывать дру-

жинную боярскую среду особымъ образомъ, должны были вырабатывать ея нравы и обычаи по особому складу, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей Земли».

Нельзя не признать въ этихъ словахъ значительной доли правды, но также нельзя не видѣть односторонности, преувеличенія и смѣшенія понятій. Не слѣдуетъ, во-первыхъ, смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ то же время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, которыхъ исторія намъ извѣстнѣе, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ земскихъ аристократовъ. Въ «Русской Правдѣ» бояре выразительно отличаются отъ дружины: «аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ кто умретъ?»; и въ лѣтописяхъ бояре нерѣдко именуются принадлежащими городу или землямъ (что, конечно, одно и то же, такъ какъ городъ былъ средоточіемъ своей земли и по старинному образу выраженія означалъ землю), а не особѣ князя: бояре кіевскіе, вышегородскіе, галицкіе, ростовскіе. Что бояре земскіе были близки къ князю—это естественно, такъ какъ князь былъ правитель земли, а бояре богатѣйшими и вліятельнѣйшими ея членами; что, при добрыхъ отношеніяхъ къ князю, они поддерживали его и, такимъ образомъ, составляли лучшую часть его дружины—это также вполнѣ естественно. Но не только бояре, и княжеская дружина (за исключеніемъ развѣ отдаленныхъ языческихъ временъ или же тѣхъ аномалій, которыя замѣтны на югѣ, когда князья ходили въ походъ на челѣ инородческихъ шаекъ) не составляла по существу своего чего-то составленнаго изъ иныхъ элементовъ, отличныхъ отъ земщины и тѣмъ самымъ не была діаметрально противоположна земщинѣ. Дружина была неизбѣжнымъ явленіемъ при удѣльности князей, а удѣльность князей соотвѣтствовала древней раздѣльности земель. Сбивчивости нашихъ представленій о многихъ явленіяхъ старой жизни способствуетъ усвоенное со школьной скаміи понятіе, будто вначалѣ была какая-то единая русская земля, а потомъ раздробилась на княженія и отсюда потекли на нее всякія бѣдствія. Наоборотъ, въ глубокой древности жили разрозненные народцы, у которыхъ, если быть можетъ и существовали начатки сознанія племенной связи, то ужъ никакъ не настолько зрѣлые, чтобы образовать между народцами прочное единеніе. Народцы эти, какъ гласятъ

преданія и какъ слѣдовало ожидать по свойствамъ человѣческой природы, то и дѣло что ссорились между собою. Кіевскіе князья языческаго періода начали ихъ сшивать на живую нитку, но сшивка эта ограничивалась тѣмъ, что ихъ обдирали, когда можно было, да призывали вмѣстѣ грабить византійскую имперію. Только съ распространеніемъ христіанства и съ развѣтвленіемъ одного княжескаго рода по всѣмъ Землямъ наступаетъ періодъ единенія, которое, начинаясь съ крайней разрозненности, клонилось прежде къ федеративному строю, а потомъ уже, впослѣдствіи, въ силу новыхъ толчковъ, повернуло къ иной формѣ. Стало обычаемъ, что земля должна имѣть у себя князя изъ одного на Руси дома; стало необходимостію, чтобы при князѣ, правителѣ и охранителѣ земли была постоянная военная сила: то была дружина. Откуда же набиралась эта дружина? Были въ ней и иностранцы, были русскіе изъ иныхъ земель, но главная сила ея, по крайней мѣрѣ въ большей части русскихъ земель, состояла изъ уроженцевъ той земли, гдѣ княземъ былъ тотъ, кому она служила; такимъ образомъ, дружина не теряла связи и общихъ интересовъ съ землею. Что дружина князя состояла изъ людей той же земли—рѣзко и наглядно показываетъ примѣръ изъ многомятежной жизни Изяслава Мстиславича кіевскаго, который, будучи изгнанъ изъ Кіева, вмѣстѣ съ дружиною, говорилъ послѣдней: «вы есте по мнѣ изъ руские земли вышли своихъ селъ, а своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь». Изъ кого же состояла дружина этого князя? Конечно, изъ тѣхъ же земскихъ людей, кіянъ, которые прежде признали его своимъ княземъ на вѣчѣ отъ мала до велика. Собственно дружина была только органомъ земской дѣятельности. Дружинники не составляли замкнутаго сословія; люди всякаго происхожденія возвышались и достигали большого значенія. Такъ мы встрѣчаемъ въ чинѣ знатныхъ лицъ поповичей, напр. Александра Поповича или Судьича, попова внука и даже происходившихъ изъ смердовъ (два беззаконника отъ племени смердья). Въ Новгородѣ въ болѣе позднее время дружина князя или намѣстника состоала изъ пришельцевъ не-новгородцевъ, но все-таки русскихъ.

Конечно, бывали не рѣдкіе случаи, когда дружинники съ своими князьями преслѣдовали эгоистическія цѣли и наносили вредъ русскимъ землямъ; и это бывало особенно тогда, когда князь съ дружиною, составленною изъ жителей той земли, гдѣ онъ жилъ и княжилъ прежде, нападалъ на чужую землю и княженіе, а на готовѣ у него была помощь инородцевъ; но вина зла этого не можетъ

падать на однихъ дружинниковъ: вина эта крылась во всемъ настроеніи русскаго общества, и свойства дружинниковъ не были ихъ исключительными свойствами, чуждыми остальной массы земщины, изъ которой они происходили.

Задавшись мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ, можно и не обратить вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ «дружиною» разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ значеніи кружка людей вліятельныхъ или благопріятствующихъ, хотя бы они не составляли княжеской дружины въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, между прочимъ, въ повѣствованіи о тѣхъ новгородцахъ, которые, во времена Ярослава Владимировича, готовившагося идти на Кіевъ, перебили поставленныхъ у нихъ въ домахъ варяговъ, а потомъ были сами коварно избиты княземъ въ Ракомѣ, этотъ князь, жалѣя о погибшихъ, называетъ ихъ своею «любою дружиною». А вѣдь это были земскіе люди, нарочитые мужи, домовладѣльцы новгородскіе, и конечно у Ярослава была иная дружина, дружина въ тѣсномъ значеніи, которая и содѣйствовала избіенію новгородцевъ въ Ракомѣ. Мы находимъ также основаніе предполагать, что въ словахъ лѣтописи о томъ, какъ Владимиръ, «любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ землянѣмъ», разумѣется дружина въ обширномъ смыслѣ, такъ что къ этой дружинѣ, то-есть къ кругу людей, близкихъ къ князю, относились даже духовныя лица; именно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы для поясненія, какимъ образомъ Владимиръ думалъ съ дружиною о строи землянѣмъ, и о ратѣхъ и о уставѣ землянѣмъ, повѣствуется, какъ онъ, по совѣту епископовъ, сталъ казнить разбойниковъ, а потомъ, по совѣту епископовъ и старцевъ, вмѣсто смертной казни, началъ брать виры, принимая въ разсчетъ необходимые расходы на войну (и рѣша епископы и старци: рать многа: оже вира, то на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ: тако буди). Точно также нѣсколько строкъ предъ тѣмъ, гдѣ описывается, какъ пировавшіе съ Владимиромъ изъявили желаніе ѣсть серебряными ложками, а не деревянными, слово «дружина», по ходу рѣчи, имѣетъ обширное значеніе. На пиру у Владимира были: боляре, гриды, сотскіе, десятскіе, и нарочитые мужи. Когда они подпили, то начали роптать на князя за ложки. Владимиръ, потакая ихъ прихоти, называетъ ихъ общимъ именемъ «дружины» (повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато). Слова о невозможности найти дружину за золото и серебро показываютъ, что здѣсь

идетъ рѣчь о нравственно близкихъ людяхъ, о друзьяхъ Владимира, а не о наемныхъ воинахъ, состоящихъ на платѣ, какихъ именно и можно пріобрѣсть за серебро и золото. Въ иномъ мѣстѣ лѣтописи, въ описаніи изгнанія изъ Кіева Изяслава Ярославича, происшедшаго въ 1067 году, кіевляне, готовясь освободить полоцкаго князя изъ темницы съ его двумя сыновьями, говорятъ: «Пойдемъ высадимъ дружину свою изъ погреба.» Здѣсь слово «дружина» еще въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ прежде; здѣсь она вообще означаетъ лицъ дружелюбныхъ, друзей. Такимъ образомъ, самое слово «дружина» на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, что̀ подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ осторожно приступать къ какимъ бы то ни было выводамъ по этому вопросу.

Но болѣе всего г. Забѣлинъ не правъ по отношенію къ временамъ болѣе позднимъ, ко временамъ усиленія московскаго государства и объединенія Руси подъ властію Москвы. «Не захотѣвши сдѣлаться слугою Землѣ, она (дружина) за это самое должна была сдѣлаться слугою князя. Ея общіе съ нимъ интересы стали расходиться все дальше, древняя дружба стала разстраиваться. Стремясь за общеземскими цѣлями, князь въ Москвѣ выросъ цѣлою головою выше старыхъ дружинныхъ связей и отношеній. Стремясь исключительно только за своими личными цѣлями и интересами, дружина понизилась до значенія холопства. Но не выучившись ничему новому, она крѣпко держала въ памяти свое старое, крѣпко жила своими старыми преданіями, и не думала измѣнять своимъ древнимъ нравамъ и обычаямъ. Собравшись въ Москвѣ около своего государя самодержца, она все еще' думала, что это только первый дружинникъ, и стала постоянно заводить тѣ же самыя исторіи, какими была ознаменована жизнь прежнихъ волостныхъ и удѣльныхъ князей. Главнѣйшимъ пунктомъ дружиннаго самоволія и властолюбія, какъ прежде такъ и теперь, являлось наслѣдованіе престола и вообще малолѣтство или неспособность наслѣдника. Въ эти времена съ необыкновенною силою просыпались необузданныя и ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки. Здѣсь въ полной мѣрѣ обнаружилось самое существо древнедружиннаго обычая—это неизмѣнное стремленіе властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ... Въ государевой Москвѣ древніе дружинники долго старались заводить эту рознь, поддерживая удѣльныхъ, возбуждая споры и смуты о разныхъ наслѣдникахъ, вообще же стремясь овладѣть государевою властію. Однако, идея государственнаго единства, перешаг-

нувши черезъ множество неповинныхъ жертвъ, восторжествовала. Но въ этой безпощадной борьбѣ за единодержавіе и самодержавіе государя, династія, по весьма понятнымъ причинамъ, уничтожая самое себя, должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть».

Историческій ходъ событій представляетъ намъ совсѣмъ противное тому, что здѣсь высказано. Конечно, можно все это подтвердить отдѣльно взятыми исключительными фактами, насильственно давая имъ предумышленное значеніе; но историкъ долженъ составлять свои приговоры не на основаніи только единичныхъ отрывочныхъ явленій, а принимать во вниманіе то, что совершалось въ ихъ цѣльности, въ связи, отъ начала до конца; такимъ только образомъ можно указывать и опредѣлять характеръ и направленіе вѣка, народа или сословія.

Дружинникамъ ставятъ въ вину, что они сдѣлались слугами князя, а потомъ его холопами. Но какъ же могло быть иначе, когда сами князья были холопами и рабами завоевателей, и съ ними вся Русь охолопилась до мозга и костей. Татарское господство совершенно сбило ее съ той, хотя и своеобразной, но по духу исторіи все-таки средневѣковой европейской дороги, по которой она шла до половины XIII-го вѣка. Мы не думаемъ искать какихъ-нибудь высокихъ идеаловъ, осуществившихся въ до-татарской Руси. Нѣтъ; и тогда было варварство, но варварство европейское, тогда какъ, послѣ татарскаго завоеванія, Русь погрузилась въ варварство азіатское. Первое, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, хотя медленно, хотя съ уклоненіями, хотя болѣе или менѣе узкимъ и туго расширявшимся кругомъ участниковъ движенія, а все-таки шло на пути къ идеалу личной свободы человѣка, къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ правъ, понятій о чести и долгѣ; для послѣдняго не было другихъ общественныхъ идеаловъ, кромѣ постояннаго страха за существованіе, самоуничиженія и хитраго раболѣпства передъ безграничною эгоистическою силою, чѣмъ бы ни была эта сила: верховною ли властію деспота, твердо сидящаго на своемъ тронѣ, или разнузданною наглостію успѣвающаго бунтовщика. Понятно, что московскіе князья, освобождаясь, въ силу обстоятельствъ, отъ чужеземнаго деспотизма и захватывая въ свои руки ту верховную власть, которая выпадала изъ одряхлѣвшихъ рукъ хановъ Золотой Орды, послѣдовали за тѣмъ образцомъ, который былъ имъ близокъ отъ отца и дѣда, за образцомъ восточнаго деспота; понятно, что и пособники ихъ должны были слѣдовать за образцомъ подчиненія, съ какимъ были знакомы и дѣлаться холопами. Мы не скажемъ, впрочемъ, чтобъ на Руси не оста-

валось уже ни жизненныхъ слѣдовъ, ни воспоминаній о прошломъ, но эти слѣды и воспоминанія были до того, такъ сказать, завалены наносами прожитой народомъ въ послѣдующія времена исторіи, что развѣ великія бури и крутыя потрясенія могли бы снести эти наносы. Слѣдуетъ замѣтить, что остатки византійскихъ государственныхъ понятій, хотя въ нихъ уже издавна было много азіатскаго, не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго механизма.

Ничто такъ не содѣйствовало возвышенію московскихъ князей и ихъ стремленію къ собиранію русскихъ земель, какъ дружинное или служилое (какъ оно послѣ стало называться) сословіе. Москва наполнялась людьми этого сословія—боярами и вольными слугами, приходившими отовсюду служить московскимъ великимъ князьямъ. При сохраненіи права свободнаго отъѣзда бывали случаи и противные — отъѣзжали изъ Москвы въ удѣлы, но число такихъ, въ сравненіи съ числомъ приставшихъ къ московскимъ князьямъ изъ удѣловъ, было незначительно. При ихъ-то помощи и содѣйствіи эти князья укрѣплялись, расширяли свои владѣнія, возвышались надъ прочими князьями. Покореніемъ удѣловъ, напр. Нижняго, Владиміра, Рязани, Твери они были обязаны тѣмъ, что тамошніе дружинники перешли на московскую сторону. То же, вѣроятно, дѣлалось и въ мелкихъ удѣлахъ; за дружинниками князья ихъ, оставленные безъ вооруженной силы, стали именовать себя холопами московскаго князя. Вначалѣ, пока московскіе великіе князья не были еще слишкомъ сильны, пока имъ предстояла борьба съ удѣльными князьями, которой успѣхъ зависѣлъ отъ перехода служилыхъ на московскую сторону, понятно, что они относились къ своимъ боярамъ какъ къ совѣтникамъ. Но отношенія перемѣнились уже съ Ивана III: это былъ самовластный деспотъ, нетерпѣвшій вокругъ себя никого, кромѣ холоповъ. Сынъ его Василій превзошелъ родителя, такъ что современникамъ Иванъ III, въ сравненіи съ своимъ преемникомъ, представлялся добродушнымъ и привѣтливымъ государемъ. Герберштейнъ, посѣщавшій Москву при Василіи, говоритъ: «никто не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только, что противорѣчить ему: „воля государя—Божья воля»! Иностранцу того времени строй московской державы представлялся безпредѣльно самодержавнымъ. А кто же довелъ до этого, какъ не служилое сословіе, покорявшееся обстоятельствамъ? Не только не препятствовало оно развитію идеи государственнаго единства, какъ увѣряютъ насъ, а напротивъ — оно-то и было главнѣйшимъ органомъ этого развитія.

Вопреки словамъ г. Забѣлина, будто дружинное самоволіе проявлялось во время малолѣтства наслѣдника, мы просимъ читателей припомнить тотъ многознаменательный фактъ, какъ во время малолѣтства Димитрія Донского бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто приросшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью. Вѣроятно, г. Забѣлинъ намекаетъ на смуты во время малолѣтства Ивана Грознаго. Но много ли г. Забѣлинъ покажетъ намъ примѣровъ въ исторіи монархическихъ государствъ, когда малолѣтство сироты-государя, требовавшее регентства, не было временемъ пререканій, недоразумѣній и смутъ? Явленіе—черезъ-чуръ, общеисторическое, чтобы на немъ основывать характеристику цѣлаго сословія. Да и что же въ самомъ-то дѣлѣ мы видимъ: ссоры лицъ, не болѣе, а не борьбу партій за какіе-нибудь принципы. Вотъ, если бы Бѣльскіе, Шуйскіе, Воронцовы стояли за какія-нибудь измѣненія порядка въ государствѣ съ цѣлію расширить и упрочить права своего сословія или своей партіи на счетъ самодержавной власти—иное дѣло; но этого мы не видимъ.

Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, эти необузданныя, ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки? Гдѣ эта безпощадная борьба за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее! Мы видимъ только вѣрныхъ и ревностныхъ рабовъ: только тогда, когда уже тяжело кому-нибудь покажется жить, тотъ убѣгаетъ! Неужели это борьба, да еще безпощадная? Покажите намъ хотя одинъ примѣръ, когда представитель самодержавной власти выходилъ съ войскомъ противъ полчища враговъ самодержавія? Покажите намъ хоть одинъ заговоръ съ цѣлію ниспровергнуть форму правительства? Мы видимъ безчисленное множество казней, совершавшихся по подозрѣнію, а не видимъ дѣйствительныхъ попытокъ произвести перевороты въ государствѣ, съ цѣлію подорвать единодержавіе и самодержавіе государя. Мы видимъ, какъ при дворѣ одни противъ другихъ враждуютъ, строятъ одни другимъ козни, роютъ одни подъ другими ямы, но по отношенію къ верховной власти всѣ они покорные холопы. При Иванѣ Грозномъ представляется намъ единственный примѣръ, когда царь, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, нѣкоторое время управлялъ по совѣту Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, и какъ бы находился подъ ихъ опекою. Но все это касалось только личности Ивана, а не царскаго самодержавія вообще въ его идеѣ. Самъ Иванъ, по трусости, поддался нравственному вліянію умныхъ личностей, успѣвшихъ въ короткое время именемъ царя совершить истинно великія дѣла; но какъ мало расположены

были эти люди поставить прочныя границы самодержавію и единодержавію, показываетъ то, что царь всѣхъ ихъ разогналъ, истребилъ, а потомъ уже многіе годы совершалъ чудеса тиранства, и все сходило ему съ рукъ. Мысль г. Забѣлина, что рюрикова династія должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть, болѣе, чѣмъ непонятна. У Ѳедора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножался. По отношенію къ политическимъ событіямъ московскаго государства, предшествовавшимъ смутамъ, возникшимъ по прекращеніи рюриковой династіи, это прекращеніе есть фактъ чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій съ ними въ связи.

Едвали въ силахъ доказать г. Забѣлинъ, будто закрѣпощеніе крестьянъ было дѣломъ интригъ боярскаго властолюбія. Мѣра эта, насколько намъ извѣстно, предпринята была въ тѣхъ видахъ, чтобы остановить усилившіеся побѣги и народныя переселенія, грозившія опустѣніемъ центру государства, и была въ свое время нужнѣе для государственныхъ цѣлей, чѣмъ для интересовъ землевладѣльцевъ.

Вѣрный своей задачѣ—накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, и какъ можно болѣе въ привлекательномъ видѣ изображать своего «сироту-народъ», г. Забѣлинъ, переходя къ эпохѣ смутъ въ началѣ XVII-го вѣка, причину всѣхъ этихъ смутъ взваливаетъ исключительно на тотъ же служилый классъ: «Смуту искони производилъ, а теперь распространилъ ее на всю Землю именно пластъ служебный, по древнему дружинный, а нынѣ уже холопій». Авторъ изображаетъ прекращеніе Рюриковой династіи въ видѣ смерти хозяина дома, послѣ котораго слуги-холопи бросились расхищать его достояніе, а сирота-народъ долго стоялъ предъ домомъ покойника и все видѣлъ и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо назвалъ все это дѣло воровствомъ и всѣхъ заводчиковъ смуты ворами. Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ, смуту распространялъ тотъ самый сирота-народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему. Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ значеніи вольнаго человѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей. Люди, какъ скоро имъ становилось или казалось невыносимымъ отъ суровости властей и тяготы поборовъ и повин-

ностей — бѣжали. Крестьянинъ уходилъ изъ волости, посадскій изъ посада; и тотъ и другой избавлялся побѣгомъ отъ участія въ платежахъ, работахъ и службахъ, увеличивая тѣмъ самымъ тягость тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ жительства,—боярскій холопъ бѣжалъ изъ боярскаго дома, бѣгалъ подъ часъ и служилый человѣкъ, избавляясь отъ государской службы. Бѣжать было дѣломъ обычнымъ: посадскіе люди и крестьяне безъ зазрѣнія въ своихъ челобитныхъ обѣщали, въ случаѣ отягощеній, разбрестись врознь. Бѣжать было куда: на югѣ и на востокѣ было много пустыхъ пространствъ, гдѣ можно было селиться, укрываясь отъ руки правительства. Но сосѣдство съ хищническими ордами дѣлало этихъ бѣглецовъ воинами; такимъ образомъ, сложилось военное общество, носившее названіе казаковъ, названіе, безъ сомнѣнія, заимствованное отъ татаръ. Къ сожалѣнію, появленіе казачества до сихъ поръ остается еще неизслѣдованнымъ. Замѣчательно, что почти одновременно тяга народа на югъ и образованіе казачества совершалось какъ изъ московскаго государства, такъ и изъ русскихъ земель, принадлежавшихъ Польшѣ, и въ образованіи великорусскаго казачества, котораго ядро было на Дону, участвовалъ элементъ малорусскій. Это усматривается, вопервыхъ, въ нарѣчіи, которое до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ южномъ краѣ Донской Земли, обличаетъ смѣсь малорусской рѣчи съ великорусскою; во-вторыхъ—въ одинаковости названій чиновъ и въ сходствѣ устройства; въ-третьихъ, въ томъ, что въ движеніяхъ великорусскихъ казаковъ всегда почти принимали участіе малоруссы. Хотя война была главнымъ занятіемъ казаковъ, но у нихъ слагались своего рода идеалы общественнаго строя, которые они хотѣли видѣть осуществимыми: идеалы эти были противоположны государственнымъ порядкамъ. Вмѣсто подчиненія, казакъ считалъ личность свою ни отъ кого независимой; вмѣсто разверстокъ, разрубовъ, дапей — казакъ зналъ равный дуванъ дохода отъ добычи и добровольную складку на общее дѣло; вмѣсто міра— у казаковъ былъ вольный казачій кругъ; казакъ не признавалъ для себя законною иной власти, кромѣ той, которая выбрана въ этомъ вольномъ кругу и могла быть имъ же смѣнена; не терпѣлъ казакъ никакого тягла и прикрѣпленія, признавая право каждому приходить откуда угодно и уходить куда угодно, не терпѣлъ никакой неволи, господства человѣка надъ человѣкомъ, никакого холопства: казакъ днѣпровскій сталъ прирожденный врагъ польскаго пана, а донской ненавидѣлъ московскаго боярина; и тотъ и другой съ радостію принимали въ свою братскую семью бѣжавшихъ панскихъ и боярскихъ рабовъ и подданныхъ. У казака сложилась и своя, единственно допускаемая имъ, форма земле-

владѣнія: право каждому считать своею собственностію ту усадьбу, на которой онъ живетъ, и ту землю, которую самъ обработываетъ. Казакъ не зналъ различія людей по породѣ и ненавидѣлъ его. Всѣ власти, сверху поставленныя именемъ царя, или короля, были ему равно противны, и только по отношенію къ самымъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить, но съ тѣмъ чтобъ послѣдніе не мѣшались въ ихъ дѣла, и сами казаки считали себя отъ нихъ независимыми, а на свои услуги они смотрѣли какъ на добровольныя. Такъ какъ казацкое общество безпрерывно пополнялось новыми бѣглецами, то они не могли отрѣшиться отъ прежняго своего отечества, оторваться отъ всѣхъ его интересовъ, и потому, при удобномъ случаѣ, покушались къ враждебнымъ выходкамъ противъ государства. Ихъ казацкая страна была безъ границъ, какъ ихъ казацкая воля; отъ этого они стремились расширить ее на счетъ того государства, изъ котораго бѣжали сами или ихъ отцы. Такъ украинскіе казаки успѣли захватить и оказачить значительную часть южной Руси, хотя за то, во многомъ, измѣнили первоначальнымъ казацкимъ идеаламъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ мы видимъ подобное стремленіе у великорусскихъ казаковъ: во время возстаній, предпринимаемыхъ противъ государства, казаки старались захватить города и уѣзды, истребить въ нихъ поставленное отъ верховной власти начальство и ввести казацкое устройство.

Такъ было при Стенькѣ Разинѣ; то же повторялось во время бунтовъ Булавина и Некрасова. Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII-го в. было такъ сказать школою, воспитавшею и укрѣпившею казачество. Правда, мы въ это время еще почти не видимъ положительнаго стремленія къ оказаченію страны, введенія формъ новой организаціи, но за то казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, разъѣдая и истощая ненавистное ему государство. Народъ почуялъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеалъ свободнаго человѣка былъ только идеалъ казака или подобіе его. Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ: тамъ не было ни промысловъ, ни торговли, жители были и бѣднѣе и отважнѣе; сосѣдство съ казаками увлекало ихъ. На сѣверѣ, гдѣ въ городахъ были промышленники и торговцы, люди зажиточные и домовитые, казацкій духъ распространялся сравнительно менѣе. Тогда, какъ извѣстно, къ казакамъ примыкали не только тѣ, которые носили это званіе, но и вообще всякіе искатели воли, и въ томъ числѣ разбойничьи шайки также величали себя казаками; да и другіе не отнимали отъ нихъ

такого званія, только къ слову казаки прибавляли слово «воровскіе». Всѣ казацкія и казачествующія шайки составлялись изъ голи—голытьбы, бѣдняковъ, дышавшихъ ненавистью столько же къ богатымъ, сколько къ знатнымъ. Черный народъ, именно тотъ сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смутъ, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіей тогдашней смуты. Онъ-то приставалъ къ тушинскому вору, онъ наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворамъ той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно́, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и поляки и свои удальцы проучили его — онъ опомнился, однако все-таки склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени и доставлять изъ своей массы контингентъ для разъѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачева включительно. Люди родовитые и вообще служилые, въ своемъ большинствѣ, всегда составляли консервативный элементъ: и въ смутное время Шаховскіе, Мосальскіе, Трубецкіе составляли временное исключеніе, точно такъ, какъ, напримѣръ, въ полчищѣ Богдана Хмельницкаго были исключеніями пристававшіе къ нему шляхтичи. Странно на такомъ основаніи утверждать, что шляхта сочувствовала казацкимъ возстаніямъ, но мало чѣмъ менѣе странно утверждать, вмѣстѣ съ г. Забѣлинымъ, что смуту производили бояре и служилые, а сирота-народъ постоянно былъ охранителемъ спокойствія и государственнаго порядка. Если единодержавіе и самодержавіе вели съ кѣмъ безпощадную борьбу, то именно съ этимъ «сиротою».

Мы, однако, не станемъ, въ обратномъ смыслѣ, поступать подобно г. Забѣлину, и, взваливая вину смутъ на черный народъ, признавать правыми родовитыхъ и служилыхъ. Ужъ если кого обвинять, то прежде всего послѣднихъ, вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ получилъ наклонность производить смуты. Но мы обвинять кого-нибудь считаемъ неумѣстнымъ. Виноваты ли тѣ и другіе, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ? Виноваты могутъ быть люди только тогда, когда имъ

предстоитъ возможность и удобство отличать лучшее отъ худшаго и выбирать одно изъ другого. Подобнаго положенія относительно сферы политической жизни въ московской исторіи не было тамъ, гдѣ не было такого умственнаго развитія, при которомъ возможенъ былъ выборъ. Люди дѣйствовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ.

II.

Г. Забѣлинъ считаетъ неимѣющею историческаго значенія легендою записанный въ лѣтописи, отысканной г. Мельниковымъ, разсказъ о томъ, какъ Мининъ говорилъ нижегородцамъ о бывшемъ ему явленіи св. Сергія, какъ Бпркинъ заявилъ-было сомнѣніе, а Мининъ заставилъ его замолчать, пригрозивъ объявить православнымъ кое-что такое, что зналъ за Биркинымъ. Г. Забѣлинъ смущается даже тѣмъ, что лѣтописный отрывокъ этотъ извѣстенъ только по рукописи XVIII-го вѣка.

Во всемъ этомъ разсказѣ, какъ и во всемъ повѣствованіи, къ которому онъ принадлежитъ, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Повѣствованіе, очевидно, составлено было во времена очень близкія къ описываемымъ событіямъ. Явленія святыхъ и разныя таинственныя видѣнія были въ ходу въ эту эпоху: объ этомъ говорится и въ Никоновской лѣтописи. Народъ, утомившись отъ бѣдствій, послѣ многихъ неудачныхъ усилій избавиться отъ нихъ, ожидалъ помощи свыше и потому всякое возбужденіе, обращенное къ народу, должно было дѣйствовать сильнѣе, когда подкрѣплялось свидѣтельствомъ объ участіи высшихъ силъ. Притомъ же, явленіе св. Сергія Минину наканунѣ воззванія его къ нижегородцамъ записано и въ чудесахъ св. Сергія: это обстоятельство подтверждаетъ справедливость извѣстія, передаваемаго лѣтописью. Являлся ли чудотворецъ Сергій дѣйствительно Минину, или Мининъ выдумалъ это нарочно для того, чтобъ лучше подѣйствовать на народъ, мы не беремся рѣшать; по духу вѣка могло быть и то и другое. Люди умные вѣрили въ чудеса и явленія святыхъ, но также, при случаѣ, для благой цѣли, не считали предосудительнымъ и сочинить. Такимъ образомъ, Курбскій, восхваляя Сильвестра, соглашается, что, быть можетъ, чудеса, которыми онъ дѣйствовалъ на царя Ивана, были мечтательныя, однако не только не находитъ такого обмана дурнымъ дѣломъ, а напротивъ еще прославляетъ за это мнимаго чудотворца, называя его благокозненнымъ льстецомъ и сравниваетъ

съ врачемъ, прибѣгающимъ иногда къ обману, когда приходится ему подавать непріятное лекарство дѣтямъ. Отчего же召Мининъ не могъ себѣ позволять того, что позволялъ Сильвестръ, личность не менѣе знаменитая и почтенная въ русской исторіи?

Что касается до Биркина, то отношеніе къ нему Минина въ томъ положеніи, въ какомъ находились тотъ и другой, вполнѣ заслуживаетъ вѣроятія. Г. Забѣлинъ порицаетъ меня за то, что я слово «сумняшеся» понялъ и выразилъ въ томъ смыслѣ, что Биркинъ сомнѣвался въ дѣйствительности видѣнія, бывшаго Минину. Но въ лѣтописномъ разсказѣ смыслъ, къ чему относится слово «сумняшеся», черезъ-чуръ ясенъ. Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ нижегородцамъ: мнѣ являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; затѣмъ говорится, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, что и толковать-то нечего! Драгоцѣнное сказаніе рисуетъ намъ событіе безъ всякой легендарности и наглядно представляетъ черты того времени, разъясняя намъ то, на что, безъ этого, у насъ были только намёки. Биркинъ былъ соперникъ Минина, но собственно не врагъ самому начинанію; ему, какъ человѣку завистливому и себялюбивому, хотѣлось быть первымъ; ему досадно было, что первымъ дѣлается не онъ, а Мининъ. Это качество проявляется и въ послѣдующихъ поступкахъ этой личности (такъ понялъ Биркина и нашъ историкъ Соловьевъ, т. VIII, стр. 448). Биркину сразу хотѣлось подорвать авторитетъ Минина. Но Мининъ, съ своей стороны, какъ человѣкъ умный и осторожный, разсчелъ, что не слѣдуетъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ возбуждать домашнія ссоры, тѣмъ болѣе, что въ прочитанной передъ тѣмъ грамотѣ всѣ слышали убѣжденія оставить всякія недоразумѣнія и неудовольствія. Мининъ зналъ нехорошія дѣла за Биркинымъ и имѣлъ возможность ихъ обличить, но уличая соперника всенародно, онъ тѣмъ самымъ бросилъ бы съ перваго раза зародышъ раздоровъ; у Биркина, конечно, были свои благопріятели, которые стали бы за него заступаться, да наконецъ уже одно то было бы дурно, что вниманіе нижегородцевъ отъ великаго общественнаго предпріятія, къ которому ихъ хотѣлъ подвинуть Мининъ, отвлечено было бы къ домашнимъ дрязгамъ. И вотъ благоразумный Мининъ довольствуется только угрозою Биркину употребить, въ случаѣ крайности, то оружіе, которое у него есть въ запасѣ, если Биркинъ не перестанетъ заявлять себя противъ Минина. И Биркинъ, естественно, не будучи увѣренъ, что одолѣетъ Минина, не

рѣшается вступать съ нимъ въ открытую вражду, и уступаетъ до поры до времени. Все это до чрезвычайности правдоподобно, отнюдь не легендарно и не могло быть никакъ составленнымъ въ позднее время, когда уже самое имя Биркина должно было забыться или во всякомъ случаѣ потерять живой интересъ современности. Мой достопочтенный критикъ ставитъ мнѣ въ вину и то, что, передавая слова, произнесенныя Мининымъ Биркину, я прибавилъ—*тихо* сказалъ. Однако, тотъ же мой критикъ говоритъ слѣдующее: «Мы вовсе не думаемъ отнимать у историка принадлежащее ему право возстановлять сухой и черствый фактъ во всей его живой истинѣ, при помощи даже поэтическихъ и драматическихъ прикрасъ». А если такъ, то какое же преступленіе, когда я, для объясненія и полноты, употребилъ черту, въ живой истинѣ которой едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе? Какъ же могъ сказать Мининъ Биркину, если не тихо? Если бы онъ сказалъ эти слова громко, то это равнялось бы исполненію той угрозы, которая заключалась въ произнесенныхъ Мининымъ словахъ.

Что касается до того обстоятельства, что повѣствованіе, отысканное г. Мельниковымъ, извѣстно по списку XVIII-го вѣка, то это само по себѣ не можетъ умалять достоинства источника до того, чтобъ лишать его достовѣрности. Иначе пришлось бы уничтожить древнюю лѣтопись, называемую «Несторовою», такъ какъ списковъ ея нѣтъ ранѣе XIV-го вѣка.

Г. Забѣлинъ силится доказать несправедливость моего вывода, состоящаго въ томъ, что, по силѣ приговора, составленнаго Мининымъ, бѣдные отдавались въ кабалу богатымъ. «Фантазія эта, — говоритъ мой достоуважаемый противникъ — основана на буквальномъ толкованіи извѣстной рѣчи Минина: дворы, женъ и дѣтей закладывать и продавать, слова, которыя онъ самъ внесъ въ приговоръ». Да въ томъ-то и вся суть, что *внесъ въ приговоръ.* Въ этомъ приговорѣ положительно говорится: «быти имъ во всемъ послушнымъ и не противитися ни въ чемъ, а для жалованья ратнымъ людямъ имать у нихъ деньги, а если денегъ не достанетъ, имати у нихъ не точію животы ихъ, но и женъ и дѣтей имая отъ нихъ закладывати, чтобъ ратнымъ людемъ скудости не было» (Нов. Лѣт. 145). Мы не имѣемъ поводовъ не вѣрить существованію приговора, а смыслъ приведенныхъ изъ него словъ до того ясенъ, что не допускаетъ никакихъ изворотовъ. Намъ говорятъ, что до этого не должно было доходить, потому тогда брали пятую, а по другому извѣстію третью деньгу, слѣдовательно во всякомъ случаѣ извѣстный процентъ. Но, вопервыхъ: въ самомъ приговорѣ указывается, какъ поступать, если

денегъ не достанетъ, во-вторыхъ: нельзя понимать этого такъ, чтобы слова пятая или третья деньга относились исключительно къ наличной звонкой монетѣ, иначе была бы допущена вопіющая несправедливость: брали бы съ тѣхъ, у кого были наличныя деньги и не подвергали бы участію въ общей повинности тѣхъ, у кого не было на-готовѣ монеты, но были промыслы и имущества, приносящія доходъ. Слова третья или пятая деньга мы понимаемъ такъ, что они означаютъ вообще третью или пятую часть цѣнности имуществъ. Если же только хозяева принуждены были отчуждать значительную часть своего имущества, то понятно, что кабала была неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ она вообще въ древней русской жизни была дѣломъ обычнымъ и истекала изъ народныхъ нравовъ того времени. Даже и тогда, когда у хозяевъ было имущество, они могли находить для себя болѣе легкимъ отдавать въ кабалу членовъ своей семьи богачамъ, которые за нихъ заплатятъ часть слѣдуемую отъ нихъ на общее дѣло, и поступившіе въ кабалу могли въ теченіи годовъ отслужить заплаченное; это для отцовъ семействъ было удобнѣе, чѣмъ сразу лишиться значительной части имущества, черезъ то самое разориться, и въ концѣ концовъ идти уже быть можетъ въ вѣчную кабалу съ семействомъ. Сомнѣваться въ практическомъ примѣненіи составленнаго Мининымъ приговора значитъ увлекаться тою театральностію, которую г. Забѣлинъ отыскиваетъ у другихъ, и которою напротивъ г. Забѣлинъ самъ страдаетъ. У него Мининъ настоящій театральный герой псевдоклассической трагедіи, по правиламъ которой великій человѣкъ непремѣнно долженъ быть представленъ ходячимъ магазиномъ всѣхъ добродѣтелей, идеально-прекраснымъ существомъ высшей породы, чуждымъ не только пороковъ, но даже слабостей своего вѣка. Г. Забѣлину не нравится, что у меня Мининъ выходитъ какъ будто диктаторомъ, потому что «въ старомъ земствѣ нашемъ всякій, даже копѣечный сборъ и на всякій случай всегда неотмѣнно производился міромъ, по его разверсткамъ и разрубамъ, по самому возможно вѣрному распредѣленію, кому что въ силахъ платить». Наконецъ уже то, что Мининъ выбранъ былъ земскимъ старостою, достаточно, по мнѣнію моего противника, указываетъ въ пользу Минина: «онъ долженъ былъ имѣть типическія черты, которыми народъ вообще опредѣлялъ это важное въ его быту званіе и которыя, конечно, не могли быть худыя или сомнительныя черты».

Ужъ если нашъ почтенный противникъ для характеристики дѣйствій Минина ссылается на формы обычнаго въ тѣ времена выборнаго управленія, которыя такъ превозноситъ, то и намъ позволено будетъ указать на примѣръ, какъ земскій староста, вы-

бранный всенародно, показалъ такія «худыя или сомнительныя черты», которыя могли повести къ подачѣ на царское имя челобитной въ томъ, что этотъ староста, по словамъ посадскихъ, «въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, а въ денежныхъ приходахъ и въ расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть. Да онъ же староста подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно, и ночи просиживаетъ, а на насъ сиротъ твоихъ, посадскихъ людей, воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и воевода, стакався съ откупщикомъ и имъ земскимъ старостою насъ сиротъ твоихъ продаютъ и убытчатъ бóльшею продажею и убытками, и мы сироты твои отъ такова озорничества и отъ напрасныхъ продажъ и убытковъ промыслишковъ своихъ отбыли и въ конецъ погибли и оскудѣли. Да онъ же староста Иванъ Смолянинъ, будучи у нашихъ мірскихъ дѣлъ, стакався съ воеводою, порядился у уѣздныхъ людей на нынѣшій 173-й годъ съ цѣловальники къ денежному сбору избиралъ онъ, Иванъ, ямскіе и полоняньныя деньги и законнаго даточнаго сборовъ и съ недорослей, по рублю съ двора, и отъ тѣхъ зборныхъ денегъ онъ, Иванъ Смолянинъ, имѣлъ себѣ большую подмогу, а насъ, сиротъ твоихъ, ввелъ въ смуту съ уѣздомъ и въ остуду великую» (Акты гор. Шуи, I. 324).

Мы бы могли привести также мѣста изъ наказовъ воеводамъ, гдѣ послѣднимъ поручается охранять посадскихъ и волостныхъ людей отъ ихъ же братіи, находившейся въ выборныхъ должностяхъ, но не хотимъ утомлять читателей выписками, тѣмъ болѣе, что г. Забѣлину, какъ знатоку нашей внутренней исторіи, это хорошо извѣстно. Мы указываемъ на эти черты, вовсе не желая тѣмъ сказать, что Мининъ былъ такой же земскій староста, какимъ представляются подобные Ивану Смолянину; мы думаемъ только видѣть въ этихъ примѣрахъ опроверженіе того мнѣнія, какое имѣетъ г. Забѣлинъ о важности мірского управленія, разверстокъ и разрубовъ и о характерѣ земскихъ старостъ вообще. Г. Забѣлинъ доказываетъ, что Мининъ, по своему положенію, не могъ быть диктаторомъ. Достаточно можно видѣть, что даже въ качествѣ земскаго старосты, Мининъ имѣлъ возможность быть диктаторомъ, а тѣмъ болѣе въ томъ положеніи, въ какомъ находился исключительно передъ всѣми земскими старостами, будучи выбранъ къ важному дѣлу, касавшемуся всей русской земли, получивъ приговоръ, въ которомъ всѣ обѣщали повиноваться ему во всемъ, имѣя такимъ образомъ, по словамъ лѣтописателя, власть и силу. Г. Забѣлинъ, толкуя слова «власть въ людяхъ», говоритъ, что это вовсе не значитъ, чтобъ Мининъ имѣлъ власть надъ людьми, это означаетъ только, что возбуждалъ къ себѣ

довѣріе. Но если такъ, то тѣмъ крѣпче и неограниченнѣе была его власть. По мнѣнію г. Забѣлина, Мининъ не могъ быть человѣкомъ суроваго и крутого нрава, потому что онъ былъ выбранъ, а по нашему — оттого-то, вѣроятно, его и выбрали, что знали его за человѣка суроваго и крутого нрава; тогда именно таковъ и былъ нуженъ, а не добродушный мямля. Многіе примѣры въ исторіи разныхъ народовъ указываютъ намъ, что въ критическія минуты общество для своего спасенія, довѣряя власть одному изъ своей среды, всегда предпочитаетъ человѣка энергическаго и крутого, потому что только такой характеръ и въ состояніи навести страхъ на эгоистическія побужденія отдѣльныхъ личностей и направить ихъ къ общей цѣли. Если вѣрить г. Забѣлину, при Мининѣ все шло согласно, всѣ должны были принести долю своего достатка: каковъ былъ достатокъ, такова была и доля; дѣло тѣмъ и кончалось. Свидѣтельства источниковъ, однако, говорятъ не совсѣмъ такъ. Въ томъ же лѣтописномъ сказаніи, на которое г. Забѣлинъ опирается, говоря о третьей и пятой деньгѣ, прибавляется (Арх. Калач. I. 37): «а у иныхъ и силою начали отнимать». Да и самъ Мининъ не слишкомъ полагался на единодушіе нижегородцевъ, когда, получивъ отъ нихъ приговоръ, поспѣшилъ отправить его подалѣе «бояся, да не отнимутъ его паки».

Г. Забѣлинъ касается также толоконцовскаго дѣла, упомянутаго мною въ моей статьѣ: «Личности Смутнаго Времени». Г. Забѣлинъ замѣтилъ въ немъ невѣрность времени, и въ этомъ мы съ нимъ совершенно соглашаемся. Приводя прежде извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, я не имѣлъ права перемѣнить указанія года и числа, не видѣвъ самъ лично акта, о которомъ мнѣ сообщилъ достопочтенный П. И. Мельниковъ. Оказывается, что просьба бортниковъ была подана царю Михаилу. Такъ какъ, по изысканіямъ г. Забѣлина видно, что лица, поименованныя въ грамотѣ, вѣдали большимъ дворцомъ уже съ воцаренія Михаила, то, вѣроятно, въ доставленномъ мнѣ спискѣ сдѣлана описка и 7120-й годъ поставленъ вмѣсто 7122-го. Сущность дѣла отъ этого неизмѣняется; она состоитъ въ томъ, что по жалобѣ толоконцовскихъ бортниковъ отправленъ для обыска Антонъ Рыбушкинъ, и по обыску толоконцовскіе бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы. «Но толоконцовцы—говоритъ г. Забѣлинъ—могли легко и прибавить о посулахъ, какъ въ подобныхъ челобитныхъ обыкновенно прибавлялись всякія вещи для бо́льшаго объясненія своей правоты». Конечно, могли, но точно также можно наводить сомнѣніе на справедливость какъ всѣхъ вообще жалобъ на противозаконные поступки начальныхъ людей, такъ равно и всѣхъ вообще

обвинительныхъ рѣшеній по такимъ жалобамъ. Дѣйствительно, обвиненіе на Минина въ посуловзимательствѣ и кривосудіи могло быть поклепомъ, но оно могло быть и справедливымъ, такъ какъ эти пороки были въ духѣ онаго времени и въ нравахъ общества, среди котораго жилъ и родился召Мининъ.

Г. Забѣлинъ подробно излагаетъ біографію Пожарскаго и упоминаетъ о всѣхъ его дѣяніяхъ, доказывающихъ его безупречное поведеніе. Такъ какъ на счетъ этого я уже высказалъ свой взглядъ (Смутн. Вр. III. 245, 260. — Личн. Смутн. Врем. «В. Е.» іюнь 1871), непротиворѣчащій г. Забѣлину, то не считаю нужнымъ теперь распространяться. Замѣчу только, что достопочтенный авторъ не безпристрастно относится къ Пожарскому, стараясь обратить во вредъ Лыкову его заявленія о томъ, что Пожарскій при царѣ Борисѣ доводилъ на Лыкова «многіе затѣйные доводы, что будто онъ, Лыковъ, сходясь съ Голицынымъ да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждалъ и умышлялъ всякое зло, а его мать, Дмитріева, княгиня Марья, въ ту же пору доводила царицѣ Марьѣ на матерь его, Лыкова, что будто она, Лыкова, съѣзжаючись съ княгинею Оленою, женою князя Василія Өедоровича Шуйскаго-Скопина и будто ся разсуждали про нее, царицу и про царевну Оксенью злыми словесы, и за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня (говоритъ Лыковъ) положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску». По мнѣнію г. Забѣлина, Лыковъ клеветалъ на Пожарскаго. Очень могло быть, что Пожарскій доводилъ на Лыкова не по затѣйнымъ доводамъ, и доносъ его былъ не «лганье», какъ выражался Лыковъ, а дѣйствительно Лыковъ съ Татевымъ разсуждали о царѣ Борисѣ. Но едва ли Лыковъ указывалъ Шуйскому на такое дѣло, которое вовсе никогда и никакъ не происходило; едва ли Лыковъ рѣшился бы лгать такъ, что его могли тотчасъ обличить; болѣе вѣроятія, что со стороны Пожарскаго были доносы на Лыкова. Тогда было время доносовъ. Г. Забѣлинъ, называя заявленіе Лыкова сплетнею, на той же сплетнѣ основывается самъ: «изъ сплетни Лыкова—говоритъ онъ—видно, что Пожарскій съ матерью были въ приближеньѣ у царя Бориса». Слѣдовательно, изъ одного и того же извѣстія г. Забѣлинъ принимаетъ то, что̀ не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаетъ. Впрочемъ, если Пожарскій въ числѣ многихъ очутился въ числѣ наушниковъ тирана, этого ставить ему въ упрекъ нельзя; дѣло было обычное и въ тогдашнихъ нравахъ. Черта эта показываетъ только, что Пожарскій былъ въ то время, если не ниже, то не выше другихъ по своему нравственному достоинству. То же можно вывести и

изъ споровъ о мѣстничествѣ. Пожарскій былъ до нихъ охотникъ, за что и платился, даже уже послѣ своей славы, и мы не можемъ согласиться съ нашимъ достопочтеннымъ противникомъ, что Пожарскій носитъ въ себѣ черты наиболѣе гражданскія, и наименѣе боярскія и дворянскія; мѣстническіе счеты, которыми такъ испещряется біографія Пожарскаго, противорѣчатъ этоми приговору и представляютъ Пожарскаго лицомъ чисто служилымъ.

III.

Теперь перейдемъ къ самому важному вопросу. Г. Забѣлинъ держится такого мнѣнія, что поляки были менѣе опасные враги, чѣмъ своя внутренняя смута, и поэтому не только оправдываетъ Пожарскаго за его медленность въ Ярославлѣ, но видитъ въ этомъ доказательство высокаго благоразумія и способностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень не жалуетъ Авраамія Палицына, который не одобрялъ этой медленности, видитъ въ его исторіи пустое риторство, умышленную ложь, хвастовство и желаніе преувеличить заслуги своего Троицко-Сергіева монастыря.

Намъ кажется, что задачею Пожарскаго было только прогнать изъ Москвы чужестранцевъ, разрушить ту тѣнь русскаго правительства, которая, прикрываясь личиною законности, могла еще, при удобномъ случаѣ, даже противъ собственнаго желанія членовъ, составлявшихъ это правительство, волновать край именемъ Владислава, надобно было уничтожить фактически призрачное царствованіе Владислава и открыть путь къ избранію царя изъ русскихъ людей; усмирять же смуту и умиротворять землю было задачею новоизбраннаго царя и его правительства, а не Пожарскаго. До того времени необходимо было, сосредоточивъ дѣятельность на изгнаніи поляковъ, сходиться даже и съ противными себѣ элементами, если только и они были противъ чужеземцевъ. Надобно было помнить русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай! Признавать за поляками того времени мало опасности, значитъ относиться слишкомъ легко къ тогдашней исторіи. Неудача поляковъ происходила отъ той легкомысленности, съ какою поляки очень часто не умѣли пользоваться собственными силами, но нельзя не обращать вниманія на эти силы, такъ какъ при нѣкоторыхъ условіяхъ была возможность ими и воспользоваться. Польша въ тѣ времена обладала обаятельною, искусительною нравственною силою. Не говоря уже о превосходствѣ польской цивили-

заціи передъ такими странами, какъ московская Русь, польская шляхетская свобода была могучее орудіе. Польша была такая нація, которая способна была всякую страну, добровольно ли къ ней прильнувшую или покоренную оружіемъ, привязать къ себѣ дарованіемъ своихъ шляхетскихъ правъ высшему сословію этой страны, передавая ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ порабощеніе низшіе слои народа. Такъ Польша поступила въ Литвѣ и въ тѣхъ русскихъ провинціяхъ, которыя уже были соединены съ нею. Всѣмъ извѣстно, какъ скоро успѣла Польша въ этихъ послѣднихъ не только привязать къ себѣ, но совершенно ополячить туземное высшее сословіе. Не далѣе какъ внуки, а иногда даже дѣти тѣхъ, которые отличались ревностію къ православію, стали фанатиками латинства, господствовавшаго въ Польшѣ. Обыкновенно такое перерожденіе приписываютъ іезуитамъ. Конечно, іезуиты играли здѣсь важную роль, но и безъ нихъ Польша въ своемъ строѣ имѣла много поглощающихъ и преобразующихъ силъ. Безъ іезуитовъ распространеніе католичества шло бы туже, православіе держалось бы долѣе, но перерожденіе дворянства совершилось бы одинаково: извѣстно, что самые ревностные защитники православія, долѣе другихъ державшіеся противъ увлекающаго потока, уносившаго отеческую вѣру, писали по-польски сочиненія въ защиту православной церкви, усвоили себѣ совершенно польскую рѣчь, польскіе нравы и были истыми поляками по своимъ понятіямъ и политическимъ симпатіямъ. То же произошло бы и въ московской Руси, еслибъ только поляки успѣли хоть сколько-нибудь установиться на ея почвѣ. Вначалѣ избраніе Владислава не было дѣломъ противнымъ боярамъ и дворянамъ: они, какъ извѣстно, бросались просить милостей у Сигизмунда, когда онъ стоялъ подъ Смоленскомъ, русскимъ городомъ, пытаясь отнять его у державы, избравшей его сына въ цари. Не даромъ въ актахъ того времени мы встрѣчаемъ такую характеристику русскихъ людей: «только бъ не отъ Бога посланъ и такого досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ, и за то кому было стояти; не токмо вѣру попрати, хотя бы на всѣхъ хохлы хотѣли учинити, и за то бъ никто слова не смѣлъ молыти» (А. А. Эксп. II. 321). Еслибы Сигизмундъ дѣйствовалъ иначе, и Владиславъ былъ коронованъ въ Москвѣ, коренное перерожденіе русскихъ пошло бы какъ по маслу. Бояре и дворяне сейчасъ бы почувствовали, что имъ дышется легко, что надъ ними не стало всемогущаго батога и, напротивъ, этотъ батогъ очутился въ ихъ рукахъ надъ остальнымъ русскимъ народомъ. Все, что только возвышалось по происхожденію, по званію надъ прочими,—все это пристало бы къ

польской сторонѣ; все начало бы полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ. Вотъ тогда наступило бы на самомъ дѣлѣ такое раздвоеніе народа, которое воображаетъ себѣ существовавшимъ г. Забѣлинъ и котораго не было еще; это раздвоеніе наступило бы вовсе не оттого, чтобы въ служиломъ сословіи были располагавшія къ этому свойства, чуждыя остальному русскому народу; это раздвоеніе возникло бы потому, что полякамъ, по ихъ натурѣ и по ихъ цѣлямъ, нужно было бы вырвать одну часть народа изъ цѣлой его массы и возвысить для того, чтобы привязать къ себѣ, но возвысить ее можно было не иначе, какъ даровавши ей преимущества, вредныя для остального народа, доводящія его до порабощенія. Конечно, прочности въ этомъ порядкѣ вещей не могло быть; польскому торжеству скоро наступилъ бы конецъ: по мѣрѣ бо́льшаго порабощенія и униженія, народная громада теряла бы терпѣніе, возбуждался бы въ ней національный духъ, ненависть къ иноземному, стремленіе сбросить съ себя иноземное тяжелое ярмо; въ Руси былъ уже готовый элементъ для противодѣйствія давленію сверху; этотъ элементъ было казачество, народъ нашелъ бы въ немъ для себя опору и средоточіе: поднялось бы страшное народное восстаніе, произошло бы то же, что черезъ полвѣка происходило въ южной Руси, только въ большемъ размѣрѣ. Но то было еще вдалекѣ, а въ ближайшемъ—успѣхъ поляковъ повелъ бы за собою измѣну высшихъ слоевъ русскаго народа.

Дѣло было попорчено, но еще могло поправиться для Польши. Еще въ Кремлѣ былъ польскій гарнизонъ; еще тамъ находилось русское правительство въ лицѣ бояръ, которые, даже и по неволѣ, должны были дѣлать угодное полякамъ. Сигизмундъ съ Владиславомъ могли пріѣхать въ Кремль; казаки не выдержали бы: они ужъ и такъ боялись прихода Ходкѣвича и умоляли земское ополченіе выручить ихъ. Но у поляковъ были не одни только Гонсѣвскіе да Струси, у нихъ былъ Жолкѣвскій—человѣкъ высокаго таланта, уже показавшій себя московскимъ людямъ, умѣвшій въ равной степени и поражать и обольщать ихъ. Бояре разослали бы грамоты по всему государству о прибытіи законнаго царя, съ успокоительными завѣреніями на счетъ вѣры и съ обѣщаніями разныхъ льготъ и милостей служилому сословію. Появленіе этого царя произвело бы сильное волненіе, образовалась бы многочисленная партія въ его пользу. Владиславъ могъ бы скоро короноваться: элассонскій архіерей былъ къ услугамъ. Обрядъ коронованія возвысилъ бы его еще болѣе. Если уже въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, когда на престолѣ въ Москвѣ сидѣлъ царь вполнѣ законный, избранный

всею землею, прибытіе Владислава не осталось безъ вліянія, были случаи измѣны, въ Москвѣ народъ волновался,—то что̀ же было бы, если бы Владиславъ прибылъ въ то время, когда кромѣ него не было еще лица, носившаго, по праву избранія титулъ царя, когда Москва со всею ея святынею была бы въ его рукахъ, когда первѣйшіе бояре московскаго государства уговаривали бы покориться царю, котораго они выставляли въ качествѣ законнаго государя? Что̀ бы дѣлалъ тогда Пожарскій въ Ярославлѣ? Неужели его защитники станутъ приписывать ему невозможную прозорливость, скажутъ, что онъ предвидѣлъ, что будетъ такъ, какъ сдѣлалось? Неужели Пожарскій могъ знать то, чего не знали и поляки? Вѣдь сидѣвшіе въ Кремлѣ держались до такой крайности, что начали ѣсть другъ друга, именно оттого, что были увѣрены въ скоромъ прибытіи Сигизмунда и Владислава!

Но казаки? Но примѣръ Ляпунова? говорятъ намъ. На это мы замѣтимъ, что время, когда дѣйствовалъ князь Пожарскій, было уже не то, когда дѣйствовалъ Ляпуновъ. Вліяніе и могущество Заруцкаго ослабѣли. Явнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что какъ только приблизилось земское ополченіе— онъ бѣжалъ. Казаки въ большинствѣ не послѣдовали за нимъ. Самое гнусное покушеніе на жизнь Пожарскаго только свидѣтельствуетъ о слабости Заруцкаго; злодѣй чувствовалъ, что проиграетъ, когда явится Пожарскій, и можетъ быть еще поставленъ будетъ въ необходимость дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, а потому и прибѣгнулъ къ такому средству. Спрашиваютъ: что вышло бы по отношенію къ казакамъ, если бы Пожарскій послушался увѣщаній троицкихъ властей и явился бы подъ Москвою ранѣе? Вышло бы то же, что случилось, когда Пожарскій пришелъ и позже. Казаки ворчали на земскихъ людей, а все-таки вмѣстѣ съ ними бились противъ поляковъ. Казаки не любили земскихъ, но ненавидѣли поляковъ еще болѣе.

Ставятъ даже Пожарскому въ заслугу то, что онъ посылалъ отряды противъ казаковъ, появившихся около Антоньева монастыря и Пошехонья. Полагаютъ, что и по этой причинѣ ему не слѣдовало идти къ Москвѣ. Но что значитъ Антоньевъ монастырь около Бѣжецка и какое-нибудь Пошехонье, когда дѣло шло объ освобожденіи Москвы, сердца государства, о предупрежденіи опасности новаго вторженія иноземной силы и возможности страшныхъ потрясеній и волненій во всемъ государствѣ? Однако, не случилось такихъ бѣдствій, которыя могли бы случиться, скажутъ намъ, слѣдовательно Пожарскій своею медленностію не принесъ вреда. Да; не случилось, и оттого-то теперь есть возможность превозносить подвиги Пожарскаго и воз-

водить его въ великіе люди. Сигизмундъ съ Владиславомъ не пришли въ пору—и Московское государство было избавлено отъ тѣхъ невзгодъ и смятеній, какія послѣдовали бы за ихъ своевременнымъ приходомъ. Но исторія не можетъ разсматривать событій безотносительно къ причинамъ ихъ. Избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому.

По нашему убѣжденію, изъ всей подробной біографіи Пожарскаго, изложенной г. Забѣлинымъ, оказывается не то, чего хотѣлъ достопочтенный авторъ. Пожарскій является личностію политически-честною, человѣкомъ благодушнымъ, но по своимъ способностямъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ. Случай временно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственныя ошибки не принесли вреда. Тѣмъ не менѣе, однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произнести объ немъ такой приговоръ. Замѣтимъ одно немаловажное обстоятельство. Уже послѣ воцаренія Михаила мы встрѣчаемъ не разъ Пожарскаго больнымъ. Онъ страдалъ чернымъ недугомъ. Что же, если, быть можетъ, эта болѣзнь играла роль и въ его прежней дѣятельности? Онъ могъ быть дѣйствительно человѣкомъ съ гораздо бо̀льшими способностями, чѣмъ кажется по дѣламъ своимъ, но болѣзнь препятствовала ему проявить ихъ во всей силѣ. Поэтому-то, какъ и по другимъ признакамъ, возбуждающимъ безотвѣтные вопросы, мы все-таки, какъ прежде говорили, причисляемъ Пожарскаго къ личностямъ, которыя, по недостатку источниковъ, тускло отпечатлѣлись въ исторіи.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ за старца Авраамія Палицына.

Г. Забѣлинъ обвиняетъ его въ слѣдующемъ: «Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошое и доброе дѣлалось и совершалось въ то время починомъ троицкаго монастыря, старецъ беззастѣнчиво расписываетъ, что ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ московской разрухи».

Развертываемъ Сказанія Авраамія Палицына и находимъ не совсѣмъ то.

На стр. 248 (изд. 1822) въ главѣ 70-й мы встрѣчаемъ такое извѣстіе:

«Рязанскія же земли жители дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе воинскіе люди видяще толико насильство поляковъ, въ нихъ же начальствуя тогда на Рязани воевода Прокопей Петровичъ Ляпуновъ и сослашася съ Володимерцы и съ Ярославцы и съ Костромичи и съ Нижегородцы и съ государствомъ казанскимъ и съ волскими городами и со всѣми татары. Потомъ же того врага Заруцкаго увѣщаша многими дарми и посланми, съ нимъ же многіе казаки и сѣверскіе городы изволеніемъ Божіимъ обратишася, и тако изо всѣхъ градовъ Литву начаша изгоняти».

До этого времени ни о какихъ грамотахъ отъ троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впослѣдствіи, когда Ляпуновъ былъ подъ Москвою и поляки зажгли столицу, троицкія власти узнали объ этомъ отъ прибѣжавшаго изъ Москвы боярскаго сына Якова Алеханова (стр. 247) и потомъ уже «разослаша грамоты во всѣ городы россійскія державы», (стр. 249). Правда, уже послѣ этого, на стр. 251—253, Палицынъ исчисляетъ бояръ и воеводъ пришедшихъ подъ Москву, но нельзя этому мѣсту давать такого смысла, какъ будто авторъ хочетъ сказать, что всѣ эти лица пришли подъ Москву и подвинулись первоначально на свой подвигъ по грамотамъ троицкаго монастыря, такъ какъ о первомъ ихъ движеніи сказано выше (на стр. 242) и этотъ фактъ отнесенъ ко времени, предшествовавшему разсылкѣ троицкихъ грамотъ.

Г. Забѣлинъ представляетъ Авраамія пристрастнымъ благопріятелемъ казаковъ, человѣкомъ особенно державшимся Трубецкого. «Вся Земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага отечеству: поляки и казаки, съ которыми требуется вести почти одинакіе счеты. Объ этомъ очень мало знали только троицкія власти съ своимъ келаремъ, Авраамiемъ Палицынымъ. Впрочемъ, могло и то случиться, что живя вблизи казаковъ и казацкихъ воеводъ они по необходимости должны были мирволить имъ». (Арх. 3. 4. 583). На стр. 602 г. Забѣлинъ говоритъ: «Обвиняетъ Пожарскаго (и не въ одной медленности) одинъ только человѣкъ, троицкій келарь старецъ Авраамій Палицынъ. По всему видно, что онъ держался ближе къ Трубецкому, чѣмъ къ Пожарскому, ближе къ казацкому ополченію, чѣмъ къ нижегородскому: онъ здѣсь, подъ Москвою, былъ знакомѣе, былъ свой человѣкъ.» На стр. 603: «За кого, слѣдовательно, стоялъ Авраамій? Не иначе, какъ за свои личныя связи или за пріятельство, или за короткое знакомство съ Трубецкимъ, которому въ «Сказаніи» онъ даетъ видное мѣсто».

И это не совсѣмъ такъ. Просмотримъ, напр., хоть то мѣсто, гдѣ Авраамій съ соболѣзнованіемъ говоритъ о смерти Ляпуно-

ва, описываетъ яркими красками злодѣянія казаковъ и представляетъ ихъ виновниками того, что войско, стоявшее подъ Москвой, разошлось. «Исполнишася зависти и ярости мужества его ради и разума, зѣло бо той Прокофей ревнуя о правовѣріи, ненавидя же до конца хищенія и неправды, бывшія тогда въ казачьемъ воинствѣ, и призвавше его въ съѣздѣ возложиша нань измѣну и воставше убиша его. По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокофьевѣ бысть во всемъ воинсвѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ христіаномъ, врагомъ же полякомъ и русскимъ измѣнникомъ бысть радость велика; казаки же начаша въ воинствѣ великое насиліе творити, по дорогамъ грабити и побивати дворянъ и дѣтей боярскихъ, потомъ же начаша и села и деревни грабити, крестьянъ мучити и побивати, а такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ царствующаго града... разыдошася вси насилія ради казаковъ» (стр. 256). Эта картина не показываетъ въ авторѣ пристрастнаго благопріятеля казаковъ, человѣка, который мирволилъ имъ. Мы увѣрены, что троицкія власти съ своимъ келаремъ, точно также какъ и «вся Земля» знали и понимали, что у московскаго государства было двое враговъ: поляки и казаки, и что съ тѣми и съ другими надобно было вести почти одинакіе счеты, только они, какъ благоразумные люди, также понимали и то, что нельзя было вести счетовъ съ обоими разомъ, а слѣдовало сначала окончить счеты съ одними, чужими, а потомъ уже считаться и съ другими, своими.

Можетъ быть съ бо́льшимъ основаніемъ г. Забѣлинъ могъ догадываться о расположеніи Палицына къ самому Трубецкому. Но чѣмъ, въ сущности, это доказывается? Тѣмъ только, что онъ нигдѣ не порицаетъ Трубецкого, хотя послѣдній и былъ достоинъ порицанія за прежнее служеніе вору и за потачку Заруцкому. Но вѣдь Авраамій его особенно и не прославляетъ. Современники, однако, также не смотрѣли на Трубецкого такими глазами, какими теперь смотримъ на него мы, припоминая всѣ предшествовавшія его дѣянія. По соединеніи съ Пожарскимъ Трубецкой тотчасъ же получилъ первенство какъ главный воевода, а земская дума признавала за нимъ великія заслуги, когда награждала его Вагою. Очевидно, современники забыли его темныя дѣянія, не подозрѣвали его въ участіи въ убійствѣ Ляпунова, принимали въ уваженіе его долговременное стояніе подъ Москвою. Вообще мы видимъ здѣсь то благодушное свойство великорусскаго характера, который, по пословицѣ: быль молодцу не укоръ,—прощаетъ и забываетъ дурные поступки за по-

слѣдующіе хорошіе. Чѣмъ же виноватѣе Авраамій земской думы и своихъ современниковъ?

Въ сказаніи Авраамія много риторства, но у кого же изъ грамотнаго люда его не было. Развѣ меньше риторства въ томъ отрывкѣ, который приводитъ г. Забѣлинъ о Мининѣ, гдѣ Мининъ сравнивается съ Гедеономъ и Зоровавелемъ.

Но мы далеки отъ того, чтобъ довѣрять безусловно Авраамію. Въ его разсказахъ, очевидно, есть легенды, неимѣющія за собою объективной истины, хотя все-таки сохраняющія для историка достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ. Мы согласимся съ г. Забѣлинымъ, что старецъ немного и прихвастываетъ. По крайней мѣрѣ, въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ въ день битвы съ Ходкѣвичемъ уговорилъ казаковъ, чувствуется, что если онъ здѣсь и не сочинялъ вовсе, то поставилъ себя уже слишкомъ на первомъ мѣстѣ и далъ описываемому событію такое освѣщеніе, какого могло бы и не быть, если бы другой очевидецъ, не пристрастный къ личности Авраамія, описывалъ то же. Но это не болѣе какъ чувствуется. Повѣрить — нечѣмъ, и отвергать вовсе также нѣтъ основанія. Поэтому-то въ своемъ сочиненіи «Смутное время» я, передавая эти событія, счелъ нужнымъ оттѣнить его словами: «Если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль», — и тѣмъ самымъ относилъ его къ ряду такихъ многочисленныхъ въ исторіи мѣстъ, когда чувствуется, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласитъ источникъ, но нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе — нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе. Что касается до укоровъ Пожарскому за медленность, то намъ вполнѣ понятно, что троицкія власти съ своимъ келаремъ были правы, и еслибъ даже никто изъ современниковъ не укорялъ Пожарскаго за эту медленность, то мы бы все-таки сочли ее дѣломъ неумѣстнымъ, потому что она подвергала опасностямъ все государство.

Н. Костомаровъ.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ

УНІИ

Историческій очеркъ *).

(*Окончаніе*)

VI.

Въ февралѣ 1839-го года Іосифъ Сѣмашко отправился въ Полоцкъ, гдѣ предположено было составить соборный актъ о присоединеніи уніатовъ къ православной церкви и прошеніе на имя государя императора. Сюда же къ назначенному числу долженъ былъ пріѣхать Антоній, викарій Іосифа; такимъ образомъ, здѣсь къ 12-му февраля должны были быть три унитскихъ епископа: Іосифъ литовскій, Василій Полоцкій и викарій литовскій Антоній Зубко. 12-е число февраля въ 1839-мъ году приходилось въ недѣлю православія. Въ этотъ день подписанъ былъ соборный актъ о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію и составлены всеподданнѣйшія прошенія отъ уніатовъ, — одно о желаніи присоединиться, а другое объ оказаніи уніатамъ снисхожденія относительно нѣкоторыхъ обыкновеній, временемъ вкоренившихся, но единству церкви не противныхъ.

Іосифъ служилъ въ этотъ день литургію въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Служеніе это отличалось особенностію, предвѣщавшею конецъ такъ-называемой уніи: вмѣсто папы, Іосифъ

*) См. выше: апр. 606; іюнь, 588; іюль, 60; авг. 524 стр.

поминалъ всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Въ то же время онъ причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Молебенъ послѣ обѣдни совершенъ былъ съ большою торжественностію; Іосифу сослужили епископы Василій и Антоній, молебенъ этотъ былъ благодарственный о здравіи и благоденствіи государя и всей августѣйшей фамиліи. Но предоставимъ лучше говорить за насъ самому пр. Іосифу, который въ порывѣ радости вотъ что писалъ Протасову отъ 26-го февр. 1839-го года: «Слава въ вышнихъ Богу! благое дѣло довершается. Въ 12-й день настоящаго февраля мѣсяца, въ недѣлю православія подписанъ окончательно всѣми греко-унитскими епископами и начальствующимъ духовенствомъ соборный актъ о возприсоединеніи уніатовъ къ православной греко-восточной каѳолической церкви. Въ сей день служилъ я торжественно въ полоцкомъ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ, и причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія вмѣсто папы поминалъ я всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Послѣ литургіи отслуженъ мною вмѣстѣ съ преосвященными Василіемъ и Антоніемъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей августѣйшей фамиліи. Во время обѣда, на которомъ находились важнѣйшія духовныя и гражданскія лица въ Полоцкѣ бывшія, послѣ тоста за здравіе всемилостивѣйшаго Государя былъ кубокъ за благоденствіе и преуспѣяніе православной церкви».

Для сохраненія на мѣстѣ оффиціальнаго слѣда о бытности въ то время въ Полоцкѣ всѣхъ трехъ греко-унитскихъ епископовъ записано по журналу консисторіи и правленія семинаріи о посѣщеніи ими этихъ присутственныхъ мѣстъ.

Впечатлѣніе, произведенное служеніемъ въ Полоцкѣ, описывалъ Скрипицынъ въ своемъ донесеніи Протасову такъ: «12-го числа, въ день Православія служилъ литургію епископъ Іосифъ, а потомъ всѣ три епископа служили соборно благодарственный молебенъ, при большомъ стеченіи народа; во время всего богослуженія воспоминаемы были только православные патріархи, что не произвело ни малѣйшаго неблагопріятнаго впечатлѣнія, а наружный видъ епископа Антонія, какъ бы свидѣтельствуя о готовности литовской епархіи, кажется поколебалъ и послѣднія надежды неблагонамѣренныхъ [1])».

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. донесеніе состоящаго за оберъ-прокурорскимъ сто-

На другой день всѣ три епископа отправились въ Витебскъ, а съ ними вмѣстѣ поѣхалъ туда и Скрипицынъ. Епископы Антоній и Василій вмѣстѣ посѣтили здѣсь всѣ церкви, а въ томъ числѣ и православный соборъ, гдѣ при большомъ стеченіи народа были встрѣчены со звономъ всѣмъ духовенствомъ въ облаченіи, со крестомъ и пѣніемъ; тутъ же послѣ св. синода имъ вмѣстѣ съ епископомъ Исидоромъ провозглашено многолѣтіе. Пробывши два дня въ Витебскѣ, архіереи отправились въ свои мѣста, а Скрипицынъ остался здѣсь. Іосифъ долженъ былъ приготовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. Но онъ хотѣлъ прежде своего прибытія извѣстить Протасова о счастливомъ исходѣ дѣла, а потому, кромѣ вышеприведеннаго письма, отправилъ къ Протасову и всѣ документы, касающіеся окончательнаго рѣшенія унитскаго дѣла, какъ-то: соборный актъ о возсоединеніи, два вышеупомянутыя прошенія, именную роспись духовенства литовской епархіи, давшаго собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православію, въ числѣ 938, а при этомъ и самыя подлинныя объявленія, сшитыя въ 27 тетрадей; въ первой тетради помѣщены были объявленія духовенства монашествующаго, а также наставниковъ духовныхъ училищъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, по благочиніямъ не показанныхъ; въ слѣдующихъ 25-ти тетрадяхъ находились объявленія духовенства по благочиніямъ, при церквахъ состоящаго; а въ послѣдней тетради объявленія семинаристовъ, кончившихъ курсъ наукъ въ прошломъ году; именную роспись духовенства бѣлорусской епархіи, давшаго также собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православной греко-россійской церкви, въ числѣ всего 367.

Число духовныхъ унитскихъ, давшихъ подписки присоединиться къ православію, распредѣлялось по двумъ унитскимъ епархіямъ такимъ образомъ. По литовской: бѣлыхъ священниковъ 834, іеромонаховъ и монаховъ 62, секретарь консисторіи и свѣтскихъ наставниковъ по духовнымъ училищамъ 20-ть; по бѣлорусской епархіи: бѣлыхъ и монаховъ 367; итого всѣхъ 1305 человѣкъ. Что касается до недавшихъ подписокъ на присоединеніе, то ихъ по литовской епархіи было: — бѣлыхъ священниковъ 116, монаховъ 95, а по бѣлорусской: бѣлыхъ священниковъ 305, а монаховъ 77, итого 593 человѣка. Впрочемъ, пр. Іосифъ въ письмѣ своемъ къ Протасову говоритъ объ этихъ лицахъ, что ихъ должно считать скорѣе сомнительными, нежели неблагонадежными. Изъ этихъ лицъ считалось по литовской епархіи 59 без-

---

ломъ въ св. синодѣ каммергера Скрипицына и послѣдовавшія на имя его отъ прокурора св. синода предписанія относительно возложеннаго на него порученія.

мѣстныхъ священниковъ, а остальные были престарѣлые, которыхъ, какъ и безмѣстныхъ, не признано было нужнымъ тревожить требованіемъ подписокъ, такъ что едвали остается и 20 священниковъ, коихъ настоитъ надобность или устранить, или пріобрѣсть для православной церкви. По бѣлорусской епархіи было безмѣстныхъ священниковъ 136-ть, отъ которыхъ, какъ и отъ прочихъ, необязавшихся присоединиться къ православной церкви, не требованы еще подписки, и хотя по этой епархіи оказалось до 150-ти священниковъ, обнаружившихъ сопротивленіе въ дачѣ помянутыхъ подписей, но по всей вѣроятности, послѣ разстройства нынѣ бывшей здѣсь интриги и высылки зачинщиковъ ея, весьма также малое окажется число дѣйствительно неблагонадежныхъ.

Скоро послѣ отправленнаго къ Протасову письма и вышеупомянутыхъ документовъ, Іосифъ явился самъ въ Петербургъ. 1-го марта Протасовъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ представилъ государю вышеупомянутыя два прошенія и соборный актъ.

По исторической важности этихъ документовъ мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ.

Вотъ содержаніе перваго прошенія:

«Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь!

«Съ отторженіемъ отъ Руси въ смутныя времена западныхъ ея областей Литвою и послѣдовавшимъ затѣмъ присоединеніемъ оныхъ къ Польшѣ, русскій православный народъ подвергся въ нихъ тяжкому испытанію отъ постоянныхъ усилій польскаго правительства и римскаго двора отдѣлить ихъ отъ церкви православно-каѳолической восточной и присоединить къ западной. Лица высшихъ состояній, стѣсняемыя всѣми мѣрами въ ихъ правахъ, совратились скоро въ чужое имъ римское исповѣданіе, и забывъ собственное происхожденіе и народность, давно уже считаютъ себя поляками. Мѣщане и поселяне были отторгнуты отъ единенія съ восточною церковію посредствомъ уніи, введенной въ концѣ XVI-го столѣтія. Съ того времени сей народъ отдѣлился отъ матери своей — Россіи; постоянныя ухищренія политики и фанатизма стремились къ тому, чтобы сдѣлать его совершенно чуждымъ древняго отечества его, и уніаты испытали въ полномъ смыслѣ всю тягость иноплеменнаго ига.

«По возвращеніи Россіею древняго ея достоянія, большая половина уніатовъ восприсоединились къ прародительской своей греко-россійской церкви, а остальные нашли покровительство и защиту отъ преобладанія римскаго духовенства. Въ благословенное же царствованіе вашего императорскаго величества, при благодѣтельномъ воззрѣніи вашемъ, всемилостивѣйшій государь,

у нихъ уже по большей части возстановлены въ прежней чистотѣ богослуженіе и постановленія греко-восточной церкви; ихъ духовное юношество получаетъ воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію; они могутъ уже быть и называть себя русскими.

«Но греко-унитская церковь въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ исповѣданій, не можетъ никогда совершенно достигнуть ни полнаго благоустройства, ни спокойствія, необходимаго для ея благоденствія, и многочисленные принадлежащіе къ ней жители западныхъ губерній, русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ перемѣнчивостію обстоятельствъ, и нѣсколько чуждыми своихъ православныхъ собратій.

«Сія причина, наипаче же забота о вѣчномъ благѣ ввѣренной намъ паствы, побуждаютъ насъ, твердо убѣжденныхъ въ догматахъ святыя, апостольскія, православно-каѳолическія восточной церкви, припасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше молить васъ, державнѣйшій Монархъ, упрочить дальнѣйшую судьбу уніатовъ, дозволеніемъ имъ присоединиться къ прародительской православной всероссійской церкви. Въ удостовѣреніе же общаго нашего на сіе согласія, имѣемъ счастіе поднести составленный нами, епископами, начальствующимъ духовенствомъ греко-унитской церкви въ городѣ Полоцкѣ сего числа соборный актъ и при ономъ собственноручныя объявленія 1305 лицъ остальнаго греко-унитскаго духовенства. Всемилостивѣйшій Государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшіе: Іосифъ, епископъ литовскій.

Василій, епископъ оршанскій,
управляющій бѣлорусскою епархіею.

Антоній, епископъ брестскій,
викарій литовской епархіи[1])».

Во второмъ прошеніи уніаты писали слѣдующее:

«Всеавгустѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

«Во всеподданнѣйшемъ прошеніи нашемъ, съ приложеніемъ соборнаго акта, о намѣреніи греко-унитской церкви восприсоединиться къ православно-каѳолической-восточной церкви, мы изложили подробно побудительныя къ тому причины и главное желаніе составлять по прежнему часть нашей прародительской всероссійской церкви. Вмѣстѣ съ симъ не дерзаемъ покрывать молчаніемъ, что, за исключеніемъ немногихъ духовныхъ лицъ

[1]) Въ канц. Об.-Пр. св. син. дѣло 1839 года, № 48 о присоединеніи такъ именовавшейся въ Россіи греко-унитск. церкви къ св. православной восточной.

изъ числа изъявившихъ письменное сіе желаніе, почти всѣ прочіе въ объявленіяхъ своихъ изложили и просьбу о дозволеніи имъ нынѣшнихъ, привычкою вкорененныхъ мѣстныхъ обычаевъ, непротивныхъ сущности православія. Мы будучи убѣждены, что нынѣшнее неслужебное одѣяніе греко-унитскаго духовенства, бритье бородъ, употребляемая во время постовъ пища и нѣкоторыя молитвенныя обыкновенія, не нарушающія догматовъ св. восточной каѳолической церкви, отъ долговременной привычки къ нимъ духовенства и самаго народа, не могутъ быть въ скоромъ времени измѣнены безъ всякихъ неудобствъ, и между прочимъ скорая перемѣна въ наружномъ видѣ священниковъ можетъ даже ихъ лишить полезнаго вліянія на паству, осмѣливаемся всеподданнѣйше испрашивать, дабы по приведеннымъ нами причинамъ, оказано было восприсоединенному духовенству и народу въ отношеніи къ таковымъ мѣстнымъ обычаямъ снисхожденіе, и въ семъ обстоятельствѣ полагаемъ все наше упованіе на отеческое сердце Вашего Императорскаго Величества, всеавгустѣйшій Монархъ,—источникъ благоденствія ввѣренныхъ Богомъ высокому скипетру вашему народовъ [1])».

Подъ прошеніемъ подписались тѣ же самыя лица, которыхъ имена значатся подъ первымъ прошеніемъ.

Соборный актъ гласилъ слѣдующее:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Мы, благостію Божіею, епископы и освященный соборъ греко-унитской церкви въ Россіи, въ неоднократныхъ совѣщаніяхъ, приняли въ разсужденіе нижеслѣдующее:

«Церковь наша отъ начала своего была въ единствѣ святыя, апостольскія, православно-каѳолическія церкви, которая самимъ Господомъ, Богомъ и Спасомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ на Востокѣ насаждена, отъ востока возсіяла міру и доселѣ цѣло и неизмѣнно соблюла божественные догматы ученія Христова, ничего къ оному не прилагая отъ духа человѣческаго суемудрія. Въ семъ блаженномъ и превожделѣнномъ вселенскомъ союзѣ церковь наша составляла нераздѣльную часть греко-россійскія церкви, подобно какъ и предки наши по языку и происхожденію всегда составляли нераздѣльную часть русскаго народа. Но горестное отторженіе обитаемыхъ нами областей отъ матери нашей—Россіи, отторгнуло и предковъ нашихъ отъ истиннаго, каѳолическаго единенія, и сила чуждаго преобладанія подчинила ихъ власти римской церкви, подъ названіемъ уніатовъ. Хотя же для нихъ и обезпечены были отъ нея фор-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48.

мальными актами восточное богослуженіе на природномъ нашемъ русскомъ языкѣ, всѣ священные обряды и самыя постановленія восточныя церкви, и хотя даже воспрещенъ былъ для нихъ переходъ въ римское исповѣданіе (яснѣйшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древніе восточные уставы), но хитрая политика бывшей польской республики и согласное съ нею направленіе мѣстнаго латинскаго духовенства, нетерпѣвшіе духа русской народности и древнихъ обрядовъ православнаго Востока, устремили всѣ силы свои къ изглажденію, если бы можно было, и самыхъ слѣдовъ первобытнаго происхожденія нашего народа и нашей церкви. Отъ сего сугубаго усилія предки наши, по принятіи уніи, подверглись самой бѣдственной долѣ. Дворяне, стѣсняемые въ своихъ правахъ, переходили въ римское исповѣданіе, а мѣщане и поселяне, неизмѣняя обычаямъ предковъ, еще сохранившимся въ уніи, терпѣли тяжкое угнетеніе. Но скоро обычаи и священные церковные обряды, постановленія и самое богослуженіе нашей церкви стали значительно измѣняться, а на мѣсто ихъ вводились латинскіе, вовсе ей несвойственные; греко-унитское приходское духовенство, лишенное средствъ къ просвѣщенію, въ бѣдности и униженіи, порабощено римскимъ и было въ опасности подвергнуться наконецъ совершенному уничтоженію и превращенію, еслибы Всевышній не прекратилъ сихъ вѣковыхъ страданій, возвративъ россійской державѣ обитаемыя нами области—древнее достояніе Руси. Пользуясь столь счастливымъ событіемъ, большая часть уніатовъ возсоединилась тогда же съ восточною, православно-каѳолическою церковію и уже по прежнему составляетъ нераздѣльную часть церкви всероссійскія; остальные же нашли по возможности въ благодѣтельномъ русскомъ правительствѣ защиту отъ превозможенія римскаго духовенства. Но отеческимъ щедротамъ и покровительству нынѣ благополучно царствующаго благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича обязаны мы нынѣшнею полною независимостію церкви нашей, нынѣшними обильными средствами къ приличному образованію нашего духовнаго юношества, нынѣшнимъ обновленіемъ и возрастающимъ благолѣпіемъ святыхъ храмовъ нашихъ, гдѣ совершается богослуженіе на языкѣ нашихъ предковъ и гдѣ священные обряды возстановлены въ древней ихъ чистотѣ. Повсюду вводятся постепенно въ прежнее употребленіе всѣ уставы нашей искони восточной-русской церкви. Остается же лишь только, дабы сей древній, боголюбезный порядокъ былъ упроченъ и на грядущія времена для всего уніатскаго въ Россіи населенія; дабы полнымъ возстанов-

леніемъ прежняго единства съ церковію россійскою сіи прежнія чада ея могли на лонѣ истинной матери своей обрѣсти то спокойствіе и духовное преуспѣяніе, котораго лишены были во время своего отъ оной отчужденія. По благости Господней мы и прежде отдѣлены были отъ древней матери нашей православно-каѳолическія восточныя и въ особенности россійскія церкви не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостію и неблагопріятными событіями; нынѣ же, по милости всещедраго Бога, такъ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

«Посему въ теплыхъ, сердечныхъ моленіяхъ призвавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (который единъ есть истинная Глава единыя истинныя церкви) и Святаго, всесовершающаго Духа, мы положили твердо и несомнѣнно:

1) Признать вновь единство нашея церкви съ православною, каѳолическою, восточною церковію и посему пребывать отнынѣ купно со ввѣренными намъ паствами въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода.

2) Всеподданнѣйше просить благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйшее покровительство принять, и исполненію онаго къ миру и спасенію душъ, высочайшимъ своимъ благоусмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы подъ благотворнымъ его скипетромъ со всѣмъ русскимъ народомъ совершенно едиными и неразнствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Тріединаго Бога, по древнему чину апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святителей и учителей православно-каѳолическія церкви.

«Въ увѣреніе чего мы всѣ, епископы и начальствующее духовенство, сей соборный актъ утверждаемъ собственноручными нашими подписами, и въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго греко-унитскаго духовенства, прилагаемъ собственноручныя же объявленія священниковъ и монашествующей братіи, всего тысячи-трехъ-сотъ пяти лицъ.

«Данъ въ богоспасаемомъ градѣ Полоцкѣ, лѣта отъ сотворенія міра седмь тысячъ триста сорокъ седьмаго, отъ воплощенія же Бога-Слова тысяча восемь сотъ тридцать девятаго, мѣсяца февраля въ двѣнадцатый день, въ недѣлю православія.

Смиренный Іосифъ, епископъ литовскій.

Смиренный Василій, епископъ оршанскій, управляющій бѣлорусскою епархіею.

Смиренный Антоній, епископъ брестскій, викарій литовскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Игнатій Пильковскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Іоаннъ Конюшевскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Левъ Паньковскій.

Засѣдатель литовской консисторіи, соборный протоіерей Антоній Тупальскій.

Предсѣдатель бѣлорусской консисторіи, ректоръ семинаріи, соборный протоіерей Михаилъ Шелепинъ.

Вице-предсѣдатель литовской консисторіи, соборный протоіерей Михаилъ Голубовичъ.

Въ должности ректора литовской семинаріи, соборный протоіерей Фердинандъ Гомолицкій.

Вице-предсѣдатель бѣлорусской консисторіи, протоіерей Константинъ Игнатовичъ.

Членъ бѣлорусской консисторіи Іосифъ Вылинскій.

Членъ бѣлорусской консисторіи Іосифъ Новицкій.

Инспекторъ бѣлорусской семинаріи, соборный протоіерей Ѳома Малишевскій.

Инспекторъ литовской семинаріи Игнатій Желяговскій.

Кустошъ софійскаго каѳедральнаго полоцкаго собора Михаилъ Копецкій.

Экономъ бѣлорусской семинаріи, соборный протоіерей Іоаннъ Шесновичъ.

Соборный протоіерей, ассессоръ литовской консисторіи, Плакидъ Янковскій.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, протоіерей Іоаннъ Глыбовскій.

Ассессоръ литовской консисторіи, Григорій Куцевичъ.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, священникъ Іоаннъ Сченевичъ.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, Ѳома Околовичъ.

Секретарь при литовскомъ епископѣ, іеромонахъ Фавстъ Михневичъ.

Секретарь при епископѣ Антоніѣ, іеромонахъ Петръ Михалевичъ».

Всѣ эти документы представлены были Протасовымъ государю императору въ аничковскомъ дворцѣ.

1-го марта послѣдовалъ высочайшій указъ на имя синода такого содержанія:

«Епископы греко-унитской церкви имперіи нашей представили намъ чрезъ завѣдующаго духовными дѣлами сего исповѣданія,

оберъ-прокурора св. синода графа Протасова, прошеніе свое о дозволеніи имъ вмѣстѣ съ ввѣренною имъ паствою присоединиться къ ихъ прародительской православной церкви, отъ которой ихъ предки были отторгнуты въ смутное время преобладанія Польши въ обитаемыхъ ими западныхъ русскихъ областяхъ. Они съ тѣмъ вмѣстѣ поднесли намъ и составленный ими съ прочимъ начальствующимъ духовенствомъ ихъ епархій въ городѣ Полоцкѣ 12-го сего февраля соборный актъ, коимъ изъявляютъ твердое намѣреніе признать единство ихъ церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и быть въ послушаніи св. всероссійскаго синода, а въ доказательство согласія на то и всего остальнаго ихъ духовенства прилагаютъ къ акту собственноручныя объявленія 1305 священниковъ и монашествующей братіи. Воздавъ изъ глубины души благодареніе всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленнаго, искони русскаго духовенства возвратиться вмѣстѣ съ ихъ паствою на лоно истинной ихъ матери—православной церкви, мы повелѣли оберъ-прокурору св. синода означенный актъ и объявленія внести въ св. синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами св. церкви постановленіе [1])».

Въ то же время государь чрезъ Протасова приказалъ оказать возсоединенному духовенству просимое имъ снисхожденіе [2]).

Синодъ, разсмотрѣвши вышеупомянутыя греко-унитскія прошенія, соборный актъ и объявленія, опредѣленіемъ 6-го и 13-го марта положилъ: поднесть государю императору при особомъ докладѣ синодальное дѣяніе, подписанное 23-го марта, содержащее въ себѣ постановленіе о принятіи греко-унитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыя, православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской. Докладъ синодальный отъ слова до слова былъ такой:

«Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему,
«Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому
всеподданнѣйшій докладъ Синода.

«Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 1-го дня сего мѣсяца, ваше императорское величество соизволили повелѣть синоду войдти по церковнымъ правиламъ въ разсмотрѣніе соборнаго акта, постановленнаго епископами и прочимъ духовенствомъ греко-унитской въ Россіи церкви, для возсоединенія ея съ церковью всероссійскою.

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.
[2]) Тамъ же.

«Синодъ входилъ въ разсмотрѣніе сего предмета со вниманіемъ, соотвѣтствующимъ важности онаго; и состоявшееся по сему постановленіе о принятіи греко-унитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, изложенное въ подносимомъ при семъ синодальномъ дѣяніи, всесмиренно представляемъ на благоволительное вашего величества усмотрѣніе, и въ державное покровительство исполненіе онаго.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«При семъ событіи, синодъ, исполненный духовнаго утѣшенія и благодаренія къ Богу, благодѣющему церкви своей, и благословляющему царствованіе вашего величества, отъ лица всея церкви россійскія благоговѣйно привѣтствуетъ ваше императорское величество мирнымъ торжествомъ духовнаго возсоединенія съ нею многочисленныхъ сыновъ Россіи, столь благопріятнаго естественному и гражданскому между ими единству, вознося купно вашему императорскому величеству благодареніе за предшествовавшее благопромыслительное устроеніе, которое открыло греко-унитской церкви свободный и ничѣмъ не преграждаемый путь возвращенія въ объятія древней и истинной ея матери, церкви всероссійской.

«Обращаясь къ послѣдствіямъ возсоединенія, синодъ полагаетъ:

1) Управленіе возсоединенныхъ епархій и принадлежащихъ къ нимъ училищъ оставить на прежнемъ основаніи, впредь до ближайшаго усмотрѣнія, какимъ лучшимъ и удобнѣйшимъ образомъ оное можетъ быть соглашено съ управленіемъ древлеправославнымъ.

2) Греко-унитскую духовную коллегію поставить въ отношеніи къ св. синоду, по іерархическому порядку, на степень московской и грузино-имеретинской св. синода конторъ, и именоваться ей бѣлорусско-литовскою духовною коллегіею.

3) Іосифу, епископу литовскому, быть предсѣдателемъ бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Сіи положенія представляя на всемилостивѣйшее усмотрѣніе ваше, синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ высочайшаго вашего величества указа.

«Вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшіе:
Серафимъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Смиренный Филаретъ митрополитъ кіевскій и галицкій.
Смиренный Филаретъ митрополитъ московскій.
Смиренный Іона митрополитъ.
Смиренный Владиміръ архіепископъ казанскій.
Смиренный Наѳанаилъ архіепископъ псковскій.
Духовникъ протопресвитеръ Николай Музовскій.
Оберъ-священникъ Василій Кутневичъ».

«23-го марта 1839-го года.

На этомъ докладѣ государь собственноручно чернилами (а не карандашемъ, какъ обыкновенно водилось) написалъ: «Благодарю Бога, и принимаю. Николай».

«С.-Петербургъ 25-го марта 1839-го года.

Синодальное дѣяніе, приложенное къ докладу, заключалось въ слѣдующемъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

«Лѣта Господня 1839-го, марта въ шестый день, по державному изволенію благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича самодержца всероссійскаго, въ присутствіе святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода внесенъ и въ ономъ слушанъ соборный актъ, постановленный въ 12-й день прошедшаго февраля епископами и прочимъ духовенствомъ такъ именовавшейся до нынѣ греко-унитской въ Россіи церкви, въ которомъ они, изложивъ свое древнее и первоначальное единеніе со святою апостольскою православно-каѳолическою церковію вообще и въ особенности съ россійскою церковію, потомъ непроизвольное въ предкахъ своихъ отторженіе отъ сего единенія силою бѣдственнаго отторженія отъ державы россійскія, торжественно изъявили свою твердую и неизмѣнную рѣшимость признать вновь единство своея церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и потому пребывать отнынѣ купно со ввѣренными имъ паствами въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи св. правительствующаго всероссійскаго синода; и таковое намѣреніе свое представили въ августѣйшее покровительство благочестивѣйшаго Государя Императора. Актъ сей подписанъ всѣми греко-унитскими въ Россіи епископами и старѣйшимъ по нихъ духовенствомъ, а въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго греко-унитскаго духовенства приложены собственноручныя же объявленія 1305 священниковъ и монашествующихъ.

«По выслушаніи сего, первымъ и общимъ движеніемъ св. синода было благодарственное прославленіе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, который неизслѣдуемыми путями своего

благодатнаго смотрѣнія непрестанно приводя въ исполненіе свое непреложное обѣтованіе, яко врата адова неодолѣютъ истинной церкви Его, и нынѣ многообразныя, продолжительныя и повидимому даже успѣшныя усилія человѣческія отчуждить отъ православныя церкви россійскія немалое число единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, содѣлалъ ничтожными, положивъ въ сердце благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича оградить греко-унитское священноначаліе отъ посторонняго вліянія; а потомъ невидимымъ мановеніемъ подвигнуть сердца отчужденныхъ обратиться къ первоначальному и истинному православно-каѳолическому единству, съ такимъ свободнымъ многочисленнаго духовенства единодушіемъ, которое должно составить достопамятный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

«Вступая въ ближайшее разсмотрѣніе предлежащаго предмета, св. синодъ принялъ во вниманіе слѣдующее:

«1) Отторженіе такъ именуемыхъ греко-унитовъ въ Россіи отъ православныя восточныя церкви произведено собственно чрезъ устраненіе ихъ отъ іерархическаго съ нею общенія, но такъ, что они сохранили древній восточный чинъ богослуженія и священныхъ обрядовъ, который будучи проникнутъ духомъ православныхъ догматовъ и преданій, внутреннею силою противодѣйствовалъ совершенному уничтоженію прежняго единства, не взирая на то, что оно внѣшно расторжено было подчиненіемъ чуждой власти.

«Хотя же въ продолженіи времени чинъ сей постороннимъ вліяніемъ начиналъ быть измѣняемъ, чрезъ что и примѣшеніе мудрованій человѣческихъ къ древнему чистому ученію сдѣлалось сильнѣе; но лишь только чуждымъ усиліямъ поставлена была преграда, предстоятели греко-унитской церкви незамедлили пещись о возстановленіи онаго въ древней чистотѣ. Сіе въ особенности усмотрѣно св. синодомъ въ 1834-мъ году, когда всѣ греко-унитскіе архіереи единогласно опредѣлили заимствовать главнѣйшія богослужебныя книги отъ св. синода, въ чемъ они тогда и были удовлетворены.

«Торжественное нынѣ въ поставленномъ соборномъ актѣ исповѣданіе, что Господь Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ единъ есть истинная глава единыя истинныя церкви, и обѣщаніе пребывать въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и св. синодомъ, не оставляютъ ничего требовать отъ греко-унитской церкви для истиннаго и существеннаго соединенія вѣры, а потому не остается также ничего, что могло бы препятствовать единенію іерархическому. По

таковымъ разсужденіямъ св. синодъ, по благодати, дару и власти, данной отъ Великаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ св. отецъ, принялъ въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія.

«2) Въ особенности епископамъ и священству преподать соборное благословеніе св. синода, съ молитвою вѣры и любви къ Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ ихъ выну въ изреченномъ ими исповѣданіи и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ къ совершенію святыхъ.

«3) Въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ поступать имъ на основаніи слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій, и согласно съ предписаніями св. синода, и утверждать ввѣренныя имъ паствы въ единомысліи православныя вѣры, а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, некасающихся догматовъ и таинствъ, являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія, съ кротостію и долготерпѣніемъ.

«Въ заключеніе сего св. синодъ положилъ принести благодареніе благочестивѣйшему императору и самодержцу всероссійскому отъ лица всероссійскія церкви за явленное споспѣшествованіе сему благому и душеспасительному начинанію, и за тѣмъ исполненіе настоящаго синодальнаго постановленія смиренно представить въ его державное покровительство.

«Возсоединеннымъ же преосвященнымъ епископамъ дать во извѣщеніе и благословеніе синодальную грамату. Писано въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ св. Петра, въ лѣто отъ сотворенія міра седмь тысячъ триста четыредесять седмое, отъ воплощенія же Бога-Слова тысяча восемьсотъ тридесять девятое, марта въ двадесять третій день [1]).

Серафимъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.
Смиренный Филаретъ митрополитъ кіевскій и галицкій.
Смиренный Филаретъ митрополитъ московскій.
Смиренный Іона митрополитъ.
Смиренный Владиміръ архіепископъ казанскій.
Смиренный Наѳанаилъ архіепископъ псковскій.
Духовникъ, протопресвитеръ Николай Музовскій.
Оберъ-священникъ Василій Кутневичъ.
Оберъ-прокуроръ св. синода графъ Протасовъ».

---

[1]) Синодальное дѣяніе написано на пергаментѣ; заглавныя буквы разрисованы красною краскою, а слова «Іисусъ Христосъ», также другія выраженія, взятыя изъ св. писанія, написаны золотомъ.

Протасовъ, подносл государю докладъ синода и синодальное постановленіе о принятіи греко-унитской церкви въ нѣдра православія, предпослалъ ему свой всеподданнѣйшій докладъ.

«Унія въ Россіи, писалъ Протасовъ въ своемъ докладѣ, существовала въ продолженіи 243 лѣтъ: началась въ 1596-мъ году соборнымъ актомъ брестскимъ и кончилась въ 1839-мъ году актомъ полоцкимъ. Такимъ образомъ, милосердый Богъ, благодѣющій Россіи и вложившій въ сердце вашего величества великую мысль о возвращеніи на лоно истинной церкви и отечества дѣтей ихъ, нѣкогда отторгнутыхъ насиліемъ, вѣнчаетъ нынѣ полнымъ успѣхомъ сіе исполинское предпріятіе, столь же важное въ политическомъ, сколько въ религіозномъ смыслѣ, которое займетъ блестящую страницу въ лѣтописяхъ имперіи и въ исторіи славнаго и поистинѣ русскаго царствованія вашего императорскаго величества.

«Всемилостивѣйшій государь! Съ свойственною вамъ милостію примите въ избыткѣ радости излившіяся изъ сердца строки сіи, какъ изъявленіе вѣрноподданническаго чувства, которое при семъ событіи должно одушевлять каждаго сына отечества и которое при имени вашего величества громкими отголосками отзовется въ благословеніяхъ позднѣйшаго потомства [1].»

Пока синодъ составлялъ актъ и опредѣленіе о принятіи греко-унитской церкви въ составъ церкви русской, состоялся 17 марта 1839-го года высочайшій указъ о подчиненіи греко-унитской духовной коллегіи святѣйшему синоду. Впрочемъ печатаніе его въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» отложено было до нѣкотораго времени. 30 марта 1839 года (это было въ четвергъ недѣли Пасхи) въ синодѣ происходило чрезвычайное собраніе или засѣданіе членовъ его по дѣлу унитской церкви. Засѣданіе это было сперва внутреннее, а потомъ открытое. Во внутреннемъ засѣданіи происходило слѣдующее. Слушаны были:

I) Высочайшее его императорскаго величества соизволеніе, заключающееся въ словахъ: «Благодарю Бога и принимаю», собственноручно написанное государемъ въ 26-й день марта на всеподданнѣйшемъ докладѣ св. синода. Положено было: 1) О совершившемся въ синодѣ и принятомъ его императорскимъ величествомъ присоединеніи именовавшейся въ Россіи греко-унитской церкви въ полное и совершенное общеніе св. православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской, объявить въ присутствіи св. синода преосвященному Іосифу, архіепископу литовскому, причемъ вручить ему

---

[1] Вышеприведенное дѣло подъ № 48.

и синодальную грамату ко всѣмъ возсоединеннымъ епископамъ. 2) О совершившемся благодатію Божіею возсоединеніи принести въ синодальной церкви благодарственное Господу Богу молебствіе, при которомъ быть и преосвященному Іосифу, какъ представителю возсоединенныхъ. 3) О семъ же событіи преосвященному Іосифу и преосвященнымъ епископамъ: Василію оршанскому и викарію Антонію брестскому, предписать указами, съ тѣмъ, чтобы они въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ поступали на основаніи слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій и согласно съ данною имъ синодальною граматою, и предписаніями св. синода, въ особенности же наблюли и впредь наблюдали, чтобы во ввѣренныхъ имъ церквахъ употребляемъ былъ восточный никео-цареградскій символъ православной вѣры, и чтобы въ церковныхъ моленіяхъ воспоминаемъ былъ св. правительствующій синодъ, по установленному чину. 4) Въ бѣлорусско-литовскую духовную коллегію, какъ о семъ, такъ и о настоящемъ ея именованіи послать указъ. 5) Православнымъ архіереямъ древле православныхъ епархій, сопредѣльныхъ къ новоприсоединеннымъ, увѣдомить о семъ указами съ тѣмъ, чтобы они, принявъ сіе къ собственному свѣдѣнію, сообразно съ обстоятельствами входили въ общеніе съ возсоединенными и братолюбнымъ обращеніемъ съ ними старались сохранять и утверждать возстановленный союзъ единства. 6) О бытіи преосвященному Іосифу предсѣдателемъ бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа, объявить ему, преосвященному, въ присутствіи св. синода, съ приведеніемъ его къ присягѣ, и о томъ послать къ нему указъ, каковымъ объявить о семъ коллегіи и прочимъ мѣстамъ и лицамъ по духовному вѣдомству.

II) Вѣдѣніе правительствующаго сената отъ 21-го марта, съ прописаніемъ высочайшаго указа, послѣдовавшаго 17-го дня сего же марта, о подчиненіи греко-унитской духовной коллегіи, вмѣсто правительствующаго сената, св. синоду. Положено: принять къ свѣдѣнію.

III. Рапортъ бывшей греко-унитской духовной коллегіи о полученіи указа правительствующаго сената о томъ же. Положено: пріобщить къ дѣлу.

Въ открытомъ засѣданіи происходило слѣдующее: по облаченіи членовъ синода въ мантіи и по занятіи ими своихъ мѣстъ, оберъ-прокуроръ Протасовъ ввелъ въ присутствіе синода преосвященнаго Іосифа, который также облаченъ былъ въ мантію. Тогда: 1) первенствующій членъ синода, митрополитъ Серафимъ, объявилъ ему о совершившемся возсоединеніи и принятіи онаго

его императорскимъ величествомъ, и вмѣстѣ отъ имени св. синода и всей церкви россійской привѣтствовалъ его съ столь важнымъ событіемъ, и въ лицѣ его все присоединенное духовенство. 2) Членъ св. синода митрополитъ кіевскій Филаретъ прочиталъ синодальную грамату къ возсоединеннымъ епископамъ, а митрополитъ с.-петербургскій вручилъ ее Іосифу. 3) Членъ св. синода, митрополитъ московскій Филаретъ прочиталъ высочайше утвержденныя положенія св. синода о бытіи преосвященному Іосифу предсѣдателемъ коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа, и о переименованіи той коллегіи. 4) Затѣмъ члены св. синода и преосвященный Іосифъ, какъ представитель возсоединенныхъ, дали взаимное цѣлованіе мира, и всѣ вмѣстѣ выступили въ синодальную церковь, и соборнѣ съ преосвященнымъ Іосифомъ, съ чередными архимандритами Анатоліемъ и Ѳеогностомъ и двумя александроневскими іеромонахами, принесли Господу Богу благодарственное моленіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему царствующему дому, св. синоду, православнымъ вселенскимъ патріархамъ, въ присутствіи оберъ-прокурора св. синода и старшихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства. 5) Въ заключеніе преосвященный Іосифъ принялъ въ св. алтарѣ присягу по установленной формѣ».

Присяга происходила такъ: Іосифъ въ мантіи сталъ у престола; московскій митрополитъ разогнулъ ему евангеліе и положилъ на него крестъ; тогда Іосифъ самъ началъ читать присяжный листъ; по прочтеніи присяги, Іосифъ подписался подъ присяжнымъ листомъ.

Такъ совершилось торжество возсоединенія уніатовъ. Событіе это радовало всѣхъ, хотя не скроемъ, были и такіе, даже между православными архіереями, которые не стѣснялись выражать свое презрѣніе къ Іосифу, называли его Іудою предателемъ, какъ, напримѣръ, полтавскій епископъ Гедеонъ; но всѣхъ болѣе радовался покойный государь. По этому случаю онъ награждалъ членовъ синода, Протасова и другихъ лицъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ унитскомъ дѣлѣ. Митрополитъ Серафимъ получилъ посохъ, осыпанный брилліантами, цѣною въ 28,000 руб. сер.; митрополитъ кіевскій — орденъ Андрея, московскій—Владиміра 1-й степени, Іона митрополитъ — брилліантовые знаки на Александра Невскаго, архіепископы казанскій и псковскій, а также духовникъ Музовскій Владиміра 2-й степени, Кутневичъ Владиміра 3-й степени, Протасовъ Анны 1-й

степени, Іосифу, кромѣ возведенія его въ санъ архіепископа и въ должность предсѣдателя бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, пожалована была пожизненная пенсія въ 6000 руб. асс. въ годъ [1]).

Въ Ѳомино воскресенье члены синода, и въ числѣ ихъ Іосифъ, которому съ тѣхъ поръ приказано было государемъ являться на всѣ духовныя церемоніи вмѣстѣ съ православными архіереями во дворецъ и представляться государю, явились въ Зимній дворецъ въ 12 часовъ. По окончаніи литургіи, которую служилъ Музовскій въ присутствіи царской фамиліи, синодъ вышелъ изъ придворнаго алтаря, предшествуемый своимъ президентомъ, митрополитомъ Серафимомъ. У митрополита была въ рукахъ икона Спасителя; это одно уже говорило, что члены синода собрались принести своему государю не одно поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, но нѣчто иное.

Дѣйствительно, Серафимъ, поднося икону къ Государю, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Удостойте, благочестивѣйшій Государь, принять сей подносимый мною Вашему Величеству отъ всего сословія св. синода Образъ Христа Спасителя, яко нѣкій священный памятникъ того великаго и въ церковныхъ лѣтописяхъ безпримѣрнаго событія, каковое нынѣ въ благословенное царствованіе ваше совершилось, событіе возвращенія въ нѣдра православныя церкви чадъ ея, нашихъ же единоплеменныхъ братій, насиліемъ въ прошедшія несчастныя для нихъ и для насъ времена изъ матерьнихъ ея объятій исторженныхъ. Поелику же событіе сего ихъ возвращенія къ ней совершилось безъ всякаго принужденія, а было со стороны ихъ добровольное, искреннее и усердное; то посему оно для церкви Христовой есть истинно весьма радостно, для отечества вожделѣнно, а для нихъ самихъ, для спокойствія совѣсти ихъ, что они по особенной благодати Божіей паки содѣлались нынѣ православно вѣрующими, должно быть особливо утѣшительно и спасительно. Слава событія сего по истинѣ весьма чуднаго принадлежитъ Господу Богу, ибо *Онъ единъ есть творяй чудеса;* но смѣемъ сказать, что по Немъ она принадлежитъ и Тебѣ, помазанникъ Его; ибо Онъ за живую вѣру Твою въ Него и за Твое благочестіе избралъ Тебя въ орудіе *сего истиннаго великаго дѣла Своего. Да возрадуется убо днесь* душа Твоя о Господѣ Бозѣ; мы же сорадуясь Тебѣ, молимъ и никогда молить Его со всею святою церковію не перестанемъ, да сохранитъ Онъ Тебя, яко зеницу ока, для блага ея и для блага Россіи, толико Тобою любимыя и то-

---

[1]) Тамъ же, марта 26-е.

лико Тебя, яко истиннаго отца своего, всею душою и всѣмъ сердцемъ своимъ любящія.» [1]) Государь, помолясь иконѣ, поцѣловалъ ее, потомъ взялъ ее въ руки и сказалъ: «Я очень радъ столь важному для православія событію.»

Такъ совершилось формальное возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію. Посмотримъ теперь, какъ оно приведено было въ исполненіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ главнымъ образомъ было пребываніе и мѣсто уніи; какъ оно совершилось среди унитскаго народа.

Преосвященные Василій и Антоній получили извѣщеніе формальное о совершившемся возсоединеніи: 1) чрезъ синодальную грамоту, 2) чрезъ синодальный указъ.

Синодальная грамота была такого содержанія:

«Божіею милостію

Святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ.

«Боголюбезнѣйшимъ епископамъ: литовскому Іосифу, оршанскому Василію и брестскому Антонію, со священствомъ и духовными паствами.

«Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа и Святаго Духа.

«Благословенъ Богъ, положившій въ сердца ваши правыя, благія и спасительныя помышленія мира, и чрезъ то даровавшій намъ утѣшеніе простирать къ вамъ словеса мира и любви.

«По истинѣ, сколь прежде болѣзненно было, что отъ вѣковъ соединенные съ нами единствомъ рода, отечества, языка, вѣры, богослуженія, священноначалія, горестнымъ отторженіемъ подверглись многимъ затрудненіямъ и бѣдствіямъ и опасности совершеннаго духовнаго отчужденія: столь нынѣ вожделѣнно скрѣпленіе вновь древняго прерваннаго союза и возстановленіе совершеннаго единства.

«Надежду сего вожделѣннаго событія мы полагали преимущественно въ томъ, что въ церквахъ вашихъ, по благодати Божіей, сохранился восточный священный чинъ богослуженія, проникнутый духомъ православныхъ догматовъ и преданій. По мѣрѣ какъ вы, державнымъ покровительствомъ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, бывъ освобождены отъ посторонней зависимости, усугубляли ревность вашу о возстановленіи сего священнаго чина въ его древней чистотѣ, чаяніе наше возрастало, и наконецъ, боголюбезные братія, вы совершенно исполняете оное, обратясь къ древнему и истинному священному единству съ такимъ многочисленнаго священства

---

[1]) См. журналъ Прохора, г. 1839-й, 1-е апрѣля.

единогласіемъ, которое должно составить достопамятный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

«Мы вняли вашему общему и торжественному обѣту признать вновь единство церкви вашея съ православно-каѳолическою восточною церковію, и пребывать отнынѣ, купно со ввѣренными вамъ паствами, въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи святѣйшему всероссійскому синоду: и пріемля отъ васъ обѣтъ сей предъ лицемъ Господнемъ, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и отъ Святаго и всесовершающаго Духа, послѣдуя священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, пріемлемъ васъ и сущее съ вами священство и духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, вознося молитву вѣры и любви къ великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ васъ выну въ изреченномъ вами исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ. Въ управленіи ввѣренными вамъ паствами, какъ и вѣдаете, подобаетъ вамъ послѣдовать слову Божію, правиламъ святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ седми вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, а также и государственнымъ постановленіямъ. Такъ утверждайте, боголюбезные братія, ввѣренныя вамъ паствы въ единомысліи вѣры. Къ разнообразію же нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, мы положили являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оные посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ».

Указомъ синодскимъ извѣщались преосвященные Василій и Антоній не только о совершившемся возсоединеніи уніатской церкви съ православною, но и о подчиненіи бѣлорусской литовской духовной коллегіи синоду. Но при разсылкѣ какъ преосвященнымъ возсоединеннымъ, такъ и древле православнымъ, этого указа, дано было Протасовымъ секретное предписаніе, не оглашать этого указа впредь до особаго повелѣнія, а только давать прочитывать его, съ подпискою въ прочтеніи, всѣмъ членамъ консисторіи, начальствующимъ лицамъ семинаріи, благочиннымъ и вообще только благонадежнымъ священникамъ, пріѣзжающимъ въ каѳедральный городъ, по мѣрѣ признаваемой къ тому возможности. Благочиннымъ разосланы были экземпляры этого указа съ тѣмъ, чтобы они также давали прочитывать его благонадежнымъ духовнымъ въ своемъ благочиніи. Съ такими же предосто-

рожностями разосланы были экземпляры этого указа генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ западныхъ губерній. При этомъ Протасовъ обращался къ нимъ еще съ такого рода просьбою, чтобы они сдѣлали распоряженіе по ввѣреннымъ имъ губерніямъ о томъ, чтобы мѣстныя гражданскія начальства, предоставляя собственному усмотрѣнію приходскаго возсоединеннаго духовенства все касающееся богослуженія, хотя бы оное и не во всемъ согласно было съ богослуженіемъ православнымъ, ограничивались однимъ лишь тѣмъ этому духовенству содѣйствіемъ, въ которомъ оно само станетъ нуждаться; и чтобы генералъ-губернаторы извѣщали его о всемъ, что будетъ происходить по этому случаю во ввѣренной имъ мѣстности.

Въ литовской возсоединенной епархіи дѣло объявленія указа происходило совершенно по программѣ, начертанной правительствомъ. Преосвященный Антоній вызывалъ въ Жировицы благочинныхъ, настоятелей монастырей, и объявлялъ имъ указъ о возсоединеніи. Поводомъ къ вызову духовныхъ въ Жировицы служило то обстоятельство, что въ то время правительствомъ назначено было вспомоществованіе бѣднѣйшимъ духовнымъ изъ возсоединенныхъ; раздача этой суммы должна быть произведена чрезъ благочинныхъ, которые будто бы за полученіемъ ея и являлись въ каѳедру, гдѣ они и прочитывали указъ о возсоединеніи и дѣйствительно получали и вспомогательную сумму на бѣднѣйшіе причты своего благочинія, и гдѣ, кромѣ того, получали извѣщеніе, что скоро все возсоединенное духовенство будетъ получать отъ правительства постоянное денежное пособіе. Послѣднее обстоятельство производило самое благопріятное дѣйствіе на возсоединенныхъ и парализовало всякую оппозицію. Долгоруковъ и Антоній писали Протасову, что въ Жировицахъ вмѣсто папы поминается уже св. синодъ и символъ вѣры поется, какъ въ православныхъ церквахъ, и эти перемѣны не производятъ надъ прихожанами никакого дѣйствія: народъ по прежнему собирается на молитву въ храмы Божіи. Одинъ только іеромонахъ Яковъ Шахновскій, бывшій учителемъ въ мелицкомъ училищѣ Волынской губерніи и вытребованный въ Жировицы вслѣдствіе замѣченной въ немъ неблагонамѣренности, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ богослуженіи [1]). Но Шахновскаго тотчасъ за это выслали въ Курскъ, и поступокъ его не имѣлъ никакого вліянія на другихъ.

Въ бѣлорусской епархіи допущено было отступленіе отъ правительственной программы въ способѣ объявленія указа о совер-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.

шившемся возсоединеніи. Въ недѣлю мироносицъ пр. Василій служилъ по окончаніи литургіи благодарственный молебенъ; но предъ начатіемъ этого молебна секретаремъ консисторіи прочитанъ помянутый указъ о возсоединеніи и о подчиненіи бывшей унитской коллегіи св. синоду. На благодарственномъ молебнѣ уже воспоминаемъ былъ св. синодъ вмѣсто папы. Все это, по свидѣтельству пр. Василія и Скрипицына, не произвело ни малѣйшаго безпокойства или удивленія въ молившихся въ полоцкомъ соборѣ; городъ былъ также спокоенъ; только полоцкій уѣздный предводитель произнесъ такую фразу предъ Скрипицынымъ: «стало быть все кончено, и мы всѣ давно этого ждали» [1]). Но въ Петербургѣ этимъ были встревожены и опасались дурныхъ послѣдствій; Протасовъ послалъ Скрипицыну строгій выговоръ, сваливая вину этого поступка главнымъ образомъ на него. «Получивъ рапортъ вашъ отъ 11-го апрѣля, писалъ Протасовъ, считаю нужнымъ изъяснить, что торжественное чтеніе чрезъ секретаря въ каѳедральной церкви указа, котораго даже печатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» отложено до времени, и молебствіе суть такія событія, которыми нарушена постепенность предначертанныхъ высшею властію мѣръ, вамъ извѣстныхъ и изъ моихъ словесныхъ наставленій и изъ тѣхъ бумагъ, кои даны были здѣсь мною вамъ къ прочтенію и собственному вашему свѣдѣнію и о коихъ сказано было, что первый указъ публикуется обыкновеннымъ образомъ; а чтеніе въ церкви и молебствіе необыкновеннымъ при публикаціи сенатскихъ указовъ. Тогда какъ, по предположенному свыше плану надлежало совершить возсоединеніе образомъ незамѣтнымъ, съ вѣдома одного только духовенства и гражданскихъ властей, безъ оглашенія публичнаго, и слѣдственно безъ всякаго впечатлѣнія на народъ,—вы, допустивъ прочтеніе указа въ церкви и торжественное преждевременное молебствіе, подали всѣмъ свидѣтелямъ того явный поводъ офиціально знать то, что каждый изъ возсоединяемаго духовенства долженъ былъ знать про себя, къ своему собственному удостовѣренію и въ потребныхъ случаяхъ соображенію. Такимъ образомъ уничтожается въ публикѣ и народѣ та неопредѣленность понятія о правительственныхъ мѣрахъ, которая именно почтена была необходимою на извѣстное время, ибо народъ еще не вездѣ приготовленъ къ православію, и еще могутъ неблагонамѣренные люди мутить спокойствіе его совѣсти внушеніями, будто духовенство измѣняетъ вѣрѣ отцевъ. Ежели въ главномъ

[1]) Въ канц. Об. Пр. дѣло подъ № 19-мъ, донесенія состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. синодѣ каммергера Скрипицына.

городѣ епархіи при чтеніи указа и воспоминаніи новой духовной власти не послѣдовало безпорядковъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя было, ибо тутъ неблагонамѣренные конечно не могли бы рѣшиться на какой-нибудь дерзкій поступокъ въ виду всѣхъ властей: то сіе еще не доказываетъ, чтобы вслѣдствіе столь преждевременнаго дѣйствія не приключилось нарушенія спокойствія въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ вы не можете присутствовать. Сообщаю единственно къ свѣдѣнію вашему, что въ минувшемъ посту прихожане нѣсколькихъ селеній въ Овручьскомъ уѣздѣ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія при преобразованіи церквей, и между тѣмъ никто изъ нихъ не пошелъ къ исповѣди: такое предубѣжденіе противъ того, что они почитаютъ измѣненіемъ вѣры, стóитъ самаго безпорядка и явно обличаетъ несвоевременность распоряженія о преобразованіи, коему ни въ какомъ случаѣ неслѣдовало-бы быть во время поста.

«Остаюсь въ недоумѣніи, какъ вы могли думать, что столь важное обстоятельство, каково публичное возвѣщеніе прекращенія уніи, я предоставилъ бы вамъ безъ особенной на сей случай инструкціи. Что касается мнѣнія преосвященнаго Василія о необходимости публично прочесть указъ и проч., то вамъ надлежало бы помнить свою обязанность не только поддерживать его въ случаѣ, когда бы онъ терялъ бодрость духа, но, и еще болѣе, воздерживать его отъ всякаго поспѣшнаго стремленія.

«Онъ самъ писалъ ко мнѣ по сему вопросу, который предоставлялъ на мое рѣшеніе; почему же вы не присовѣтовали ему подождать отвѣта? Мудрено предполагать тутъ мысль преосвященнаго, а не вашу собственную. Но какъ важная ошибка уже сдѣлана, и въ Полоцкѣ и въ окрестностяхъ его нигдѣ уже никто не считается въ неизвѣстности не только на счетъ подчиненія коллегіи (что еще можно бы было допустить въ народномъ понятіи и безъ принятія ими православія), но даже и на счетъ самаго принятія ими православія, и затѣмъ нѣтъ возможности вполнѣ возвратиться къ предначертанному высшею властію порядку; то предписываю вамъ къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

«1. Сообщить преосвященному Василію, чтобы оставить дѣло возсоединенія въ томъ положеніи, какъ оно есть, не дѣлая ни шагу впередъ и дожидаясь синодскаго указа, а при немъ и моихъ особенныхъ по сему случаю отношеній о способѣ публикованія онаго.

«2. Не простирать никакихъ требованій къ измѣненію настоящаго образа богослуженія, а вездѣ лично, а не письменно строго наблюсти, чтобы не были измѣняемы никакіе вкоренившіе

временемъ такъ-называемые уніатскіе обряды, молитвословія и другіе обычаи, потому что разница въ сихъ обрядахъ и обычаяхъ не составляетъ никакой разницы въ вѣрѣ.

«3. Строго наблюдать за дѣйствіями православныхъ духовныхъ лицъ, чтобы они не смущали бывшихъ уніатовъ неумѣстными замѣчаніями касательно несходства обычаевъ и надобности измѣнить ихъ, и о таковыхъ дѣйствіяхъ, буде случатся, доносить мнѣ немедленно.

«4. Не подвергать безъ особаго разрѣшенія взысканію священниковъ, кои не подражали бы каѳедрѣ въ повиновеніи, но внушить вообще благонадежнымъ священникамъ, чтобы до времени дѣйствовали смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

«5. Поелику вы изъясняете, что къ публичному извѣщенію указа и проч. вы приступили по зрѣломъ совѣщаніи, то донести мнѣ, изъ кого именно состояло это совѣщаніе, и кто какого мнѣнія держался, и также по собственному ли вашему убѣжденію одобрили вы помянутую мѣру вопреки даннымъ вамъ наставленіямъ.

«6. Доносить мнѣ какъ можно чаще и подробнѣе прежняго о всемъ происходящемъ по дѣлу возсоединенія, и о томъ, въ какихъ именно городахъ и мѣстахъ сдѣлалось извѣстнымъ публичное воспоминаніе въ Полоцкѣ св. синода, и гдѣ именно оно нашло подражателей, какое производитъ впечатлѣніе на умы и проч.

«7. Внутри церквей никакихъ публикацій впредь не допускать ни теперь, ни послѣ втораго указа.

«8. Молебствій никакихъ не дѣлать безъ разрѣшенія отсюда [1])».

Скрипицынъ конечно оправдывался, какъ могъ въ поступкѣ, совершенномъ Василіемъ; объяснялъ его своимъ искреннимъ усердіемъ и желаніемъ воспользоваться благопріятными мѣстными обстоятельствами къ успѣшнѣйшему достиженію благой цѣли; твердою увѣренностію въ благопріятномъ исходѣ этого дѣла, безполезностію далѣе скрывать его, такъ какъ о немъ знали уже польскіе помѣщики прежде нежели полученъ былъ указъ въ Полоцкѣ [2]).

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи получались самыя благопріятныя извѣстія: нѣкоторые священники сами, по собственному движенію, пропускали въ служеніи имя папы и вмѣсто его упоминали св. синодъ. Но правительство, несмотря на всѣ эти благо-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 19.

[2]) Тамъ же.

пріятные признаки, дѣйствовало крайне осторожно; формальное чтеніе или объявленіе указа о совершившемся возсоединеніи было все-таки еще дѣломъ тайны, доступной только для нѣкоторыхъ избранныхъ.

Но наконецъ нужно же было показать массѣ унитскаго народа въ самыхъ центрахъ ея пребыванія чѣмъ-нибудь болѣе видимымъ, болѣе яснымъ и формальнымъ, чѣмъ всѣ доселѣ происходившія дѣйствія, что возсоединеніе ея съ православною церковію совершилось. И вотъ, положено было воспользоваться случаемъ отправленія кіевскаго митрополита Филарета изъ Петербурга въ Кіевъ, чтобы торжественнымъ образомъ извѣстить бывшій унитскій народъ о совершившемся возсоединеніи; для этой цѣли митрополитъ долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ чрезъ Витебскъ, гдѣ назначено было торжественное служеніе. Напередъ извѣщены были о прибытіи митрополита въ Витебскъ Скрипицынъ, епископы Исидоръ и Василій, а также и мѣстныя гражданскія власти. Пріемъ митрополиту приготовленъ былъ самый торжественный; Скрипицынъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу за 40 верстъ отъ Витебска; оба епископа напередъ прибыли въ Витебскъ и ожидали его пріѣзда; когда пріѣхалъ митрополитъ въ Витебскъ, то при звонѣ колоколовъ встрѣченъ былъ въ соборѣ обоими епископами, духовенствомъ древле православнымъ и возсоединеннымъ, также генералъ-губернаторомъ и другими гражданскими чиновниками въ полной формѣ. На другой день, который былъ Троицынъ-день, митрополитъ прибылъ изъ Маркова монастыря, гдѣ назначено ему было пребываніе, въ витебскій успенскій соборъ и вмѣстѣ съ двумя епископами Исидоромъ и Василіемъ, также 8-ю священниками, изъ которыхъ 4 были древле православные, а 4 возсоединенные, служилъ литургію, на которой возложилъ камилавку на возсоединеннаго протоіерея Голембіовскаго и скуфью на священника, также возсоединеннаго, Валюшевича.

Послѣ литургіи отслужена была положенная въ тотъ день по уставу вечерня. По окончаніи вечерни соборный протоіерей прочелъ синодальный указъ о возсоединеніи, съ нѣкоторыми выпусками. Въ это время митрополитъ громогласно провозгласилъ: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» И пѣвчіе отвѣчали: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» Наконецъ, провозглашено было многолѣтіе государю императору и всему царствующему дому, также синоду и восточнымъ патріархамъ. Результатъ этого служенія превзошелъ ожиданіе православныхъ и возсоединенныхъ: народъ толпился около митрополита, чтобы получить его благословеніе.

Въ дворянскомъ домѣ, куда приглашенъ былъ митрополитъ

предводителемъ дворянства, ему представлялись всѣ чиновники, безъ различія вѣроисповѣданій; городское общество поднесло хлѣбъ-соль и просило митрополита служить на другой день въ возсоединенной унитской церкви Петра и Павла. Митрополитъ встрѣченъ былъ въ этой церкви почетными гражданами со свѣчами въ рукахъ; послѣ литургіи былъ молебенъ, на который собрались священники православные и возсоединенные не только городскіе, но многіе и изъ деревень. Само собою разумѣется, что какъ на литургіи, такъ и на молебнѣ поминался св. синодъ. Народъ съ какимъ-то одушевленіемъ стремился къ митрополиту; но это воодушевленіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда митрополитъ благословилъ городское витебское общество иконою Спасителя: всякій изъ членовъ общества хотѣлъ владѣть этою иконою, и дѣло дошло даже до серьезнаго спора. Радость митрополита и всѣхъ друзей православія была самая живая, а Василія—неописанная.

Государь былъ въ восторгѣ отъ этихъ извѣстій и на докладахъ Протасова о всемъ этомъ писалъ: «Слава Богу! Утѣшительно читать!» Хотя указъ о возсоединеніи не былъ читанъ, по приказанію Протасова, въ приходскихъ возсоединенныхъ церквахъ, но теперь, послѣ митрополитскаго служенія въ Витебскѣ, всѣмъ уже стало извѣстно, что унія перестала существовать, а потому приходскіе возсоединенные священники теперь сами перестали поминать въ богослуженіи папу. Теперь уже получены были благочинными и экземпляры синодскаго указа о возсоединеніи и показывались священникамъ.

Богослуженіе кіевскаго митрополита въ Витебскѣ было 14-го и 15-го мая, а въ первыхъ числахъ іюня Іосифъ служилъ въ Полоцкѣ и въ Минскѣ совмѣстно съ православными нашими архіереями Исидоромъ и Никаноромъ. Протасовъ заблаговременно извѣстилъ объ имѣющемъ быть служеніи Іосифа въ упомянутыхъ городахъ Скрипицына и двухъ древле православныхъ архіереевъ. Скрипицынъ долженъ былъ сопровождать Іосифа во всѣхъ его поѣздкахъ и присутствовать при его служеніяхъ. По описанію Скрипицына, это торжество происходило такъ: 4-го іюня, архіепископъ вмѣстѣ съ епископами Исидоромъ и Василіемъ, также съ многочисленнымъ духовенствомъ обѣихъ епархій совершилъ литургію въ древле православномъ каѳедральномъ соборѣ. Стеченіе народа для уѣзднаго города было необыкновенное: впереди стояли кадеты, за ними семинаристы; по правую сторону дворянское училище, на хорахъ уѣздныя училища обѣихъ епархій, а все прочее пространство огромнаго собора наполнено было разными сословіями городскихъ и сельскихъ жи-

телей, всего до 1,500 человѣкъ. На одномъ клиросѣ были пѣвчіе пр. Исидора, на другомъ пр. Василія. Дискосъ на великомъ выходѣ принималъ Іосифъ, а потомъ Исидоръ; по окончаніи литургіи отправленъ былъ благодарственный молебенъ, за которымъ провозглашено многолѣтіе государю императору, царствующему дому, св. синоду и патріархамъ. Къ молебну облачилось и все прибывшее по разнымъ причинамъ изъ епархій духовенство, всего до 34-хъ священниковъ. Когда архіепископъ разоблачился, то Скрипицынъ поспѣшилъ принять его благословеніе; примѣру Скрипицына послѣдовали многіе изъ бывшихъ въ церкви, что придало выходу его изъ храма полную торжественность.

Въ домѣ, гдѣ остановился Іосифъ, ему представилась депутація отъ полоцкаго городского общества, состоявшая изъ городского головы и почетнѣйшихъ гражданъ, частію древле православныхъ, частію возсоединенныхъ, и принесла ему благодарность за доставленную имъ радость его торжественнымъ служеніемъ. Торжество заключилось обѣдомъ у пр. Исидора, гдѣ были Іосифъ и Василій, первый былъ въ расѣ и клобукѣ.

«Все это, пишетъ Скрипицынъ, дало пищу разговорамъ о великолѣпномъ, небываломъ здѣсь богослуженіи, о походкѣ, манерахъ, голосѣ служащихъ и проч., о важнѣйшемъ же, т.-е. о совмѣстномъ служеніи почти и рѣчи не было и нѣтъ, потому что, почитая это дѣло конченнымъ, находятъ и событіе правильнымъ, и всякое сужденіе о немъ несвоевременнымъ. Во все время доброе согласіе между главнѣйшими дѣйствующими лицами не нарушалось; но самая строгая справедливость побуждаетъ меня по совѣсти свидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ о искреннемъ радушіи, съ которымъ древле православное духовенство приняло въ семъ случаѣ новыхъ собратій своихъ, и о примѣрной уступчивости, съ которою каждый изъ нихъ готовъ былъ пожертвовать и правами старшинства по службѣ и занимаемаго мѣста для того только, чтобы не оскорбить самолюбіе новыхъ товарищей, къ чему неоспоримо расположили ихъ наставленія и примѣръ епископа».

Для полноты картины считаемъ нужнымъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ нѣкоторое отношеніе къ служенію Іосифа въ полоцкомъ православномъ соборѣ. «Наканунѣ служенія, говоритъ тотъ же Скрипицынъ, нѣкоторыя малодушныя гражданскія лица, вѣроятно тайно движимыя неблагонамѣренными, вздумали остерегать меня вслѣдствіе слуховъ на счетъ личной моей безопасности, и сообщили даже о томъ военному уѣздному начальству, которое я просилъ не давать ника-

кого этому хода, а самъ обратилъ это въ шутку, выслушавъ какъ бы забавную сказку, принимая въ соображеніе, что преслѣдованіе гласнаго толка дастъ ему видъ правдоподобія; а если бы тутъ и скрывалась искра истины, то въ дѣлѣ государственномъ одно лицо не заслуживаетъ вниманія. Послѣдствія доказали, что это, кажется, былъ послѣдній опытъ, которому хотѣли меня подвергнуть. Доношу же о семъ единственно изъ опасенія, чтобы какіе-либо ложные о семъ слухи не дошли до вашего сіятельства, всепокорнѣйше прося благоволить не обращать на то ни малѣйшаго вниманія, какъ на вздоръ, который кончился, какъ былъ принятъ — шуткою [1])».

Въ Минскѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ можно было опасаться не махинацій польскихъ, не злоухищреній ксендзовъ, а умышленнаго равнодушія къ торжественному служенію Іосифа— здѣсь нужно было заботиться о возбужденіи вниманія и любопытства. Скрипицынъ съ свойственною ему энергіею привелъ въ движеніе всѣ средства для достиженія этой цѣли; по его распоряженію, Іосифъ ѣхалъ въ каретѣ, запряженной 6-ю лошадьми, съ двумя конными жандармами впереди и въ сопровожденіи полиціймейстера; предъ минскимъ соборомъ стоялъ церковный парадъ. Іосифъ и Никаноръ взошли въ соборъ оба вмѣстѣ, въ мантіяхъ, и вмѣстѣ облачались на амвонѣ; по распоряженію Никанора царскія врата не затворялись во время всей литургіи, чтобы всякій, даже иновѣрецъ, могъ видѣть совершенное единеніе; даже и во время причащенія св. тайнъ царскія двери были отворены какъ въ Пасху.

По окончаніи литургіи былъ по обычаю благодарственный молебенъ, на которомъ было 24 священника, провозглашено многолѣтіе государю и всему царствующему дому, синоду и вселенскимъ патріархамъ.

Впечатлѣніе, произведенное служеніями въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Минскѣ было огромное: оно пересилило всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя получалъ народъ отъ римскихъ процессій и церемоній, бывавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, и располагало умы народа въ пользу православія; а главное, теперь народъ униатскій до очевидной ясности увѣрился, что унія кончилась и возсоединеніе съ православною церковію совершилось. «На возвратномъ пути изъ Жировицъ какъ дорогою, такъ и въ Минскѣ, писалъ Скрипицынъ Протасову, я старался узнавать, какое впечатлѣніе и какіе толки произвело служеніе двухъ архіепископовъ, и оказалось, что простой народъ совершенно покоенъ,

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 19-мъ.

а духовенство (латинское) и помѣщики убѣдились, что дѣло совершенно кончено, и уніи болѣе нѣтъ. Между послѣдними распространилась благодѣтельная мысль, что теперь всякое сужденіе объ этомъ будетъ уже принято правительствомъ, какъ открытое дѣйствіе противъ высочайшей воли, что всѣхъ ихъ удерживаетъ въ границахъ совершеннаго благоразумія [1])».

Пребываніе Іосифа и служеніе его въ Жировицахъ привело его къ мысли, что теперь уже настало время оффиціальнымъ образомъ сообщить свѣдѣніе о совершившемся возсоединеніи уніатовъ, такъ что онъ, прежде главный поборникъ идеи непубликованія указа объ окончаніи уніи, теперь сталъ доказывать Протасову, что какъ можно скорѣе нужно опубликовать во всеобщее свѣдѣніе указъ о возсоединеніи. «Таковая гласность необходима, писалъ онъ Протасову, какъ для дѣйствія духовнаго возсоединеннаго начальства, такъ и для сношеній онаго съ другими вѣдомствами». Потомъ въ другомъ письмѣ къ Протасову онъ мотивируетъ свою мысль такъ: «вотъ я еще пробылъ недѣлю въ Жировицахъ, и все по прежнему благополучно. Въ субботу была здѣсь ярмарка, и по сему случаю довольно значительное стеченіе народа. Все было совершенно тихо, хотя полиціи почти никакой не было. Народъ молился по обыкновенію усердно, несмотря, что вмѣсто папы поминается св. синодъ; что слово: «и Сына» пропускается; что епископъ Антоній, Тупальскій, одинъ благочинный и полоцкій діаконъ съ бородами; что я нарочно присутствовалъ при богослуженіи въ расѣ и клобукѣ. Однихъ бывшихъ въ сей день у исповѣди и св. причастія было 600 человѣкъ. Вчера мы торжествовали день царя нашего отца; я служилъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, а къ молебну вышелъ и преосвященный Антоній. Благочинные и духовенство привезли мнѣ въ Жировицы совершенно удовлетворительныя извѣстія.... Я желалъ бы сдѣлать ваше сіятельство совершенно спокойнымъ на счетъ дальнѣйшаго хода дѣла. Я не предвижу ничего важнаго; а на мелочи и не слѣдуетъ обращать вниманія; все, дастъ Богъ, уладится безъ большихъ неудобствъ и шума. Еще разъ прошу ваше сіятельство о скорѣйшемъ публикованіи указа о возсоединеніи уніатовъ къ православной церкви; это, кажется, необходимо. Къ нашему духовенству по многимъ мѣстамъ обращаются уже римляне о принятіи ихъ на лоно православія, или къ вѣнчанію, а между тѣмъ мы еще не можемъ воспользоваться откровенно правами господствующей церкви. При публикаціи покорнѣйше прошу прислать для литовской

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 19-мъ.

епархіи около 50-ти печатныхъ экземпляровъ, для храненія по одному у каждаго благочиннаго и настоятеля монастыря, дабы указъ сей могъ быть объявляемъ безъ затрудненія тѣмъ изъ нынѣшнихъ сомнительныхъ еще духовныхъ, кои впослѣдствіи изъявятъ желаніе присоединиться къ православію [1])».

Торжественныя служенія возсоединенныхъ архіереевъ съ древле-православнымъ духовенствомъ шли своимъ чередомъ: кромѣ тройственнаго служенія въ Жировицахъ, по случаю нареченія Голубовича въ санъ епископа пинскаго, гдѣ съ Іосифомъ участвовали Исидоръ и Антоній, 8-го сентября было торжественное служеніе въ самой Вильнѣ, по случаю посвященія того же Голубовича въ епископы. Здѣсь уже сами римляне были свидѣтелями торжества православія.

Обильный такими важными для Россіи событіями 1839-й годъ близился къ концу, всѣ предначертанія Государя касательно уніатовъ исполнились успѣшно, всѣ опасенія разсѣялись; теперь уже таинственность была неумѣстна, и даже необходимо было формально, торжественно, во всеуслышаніе всей Европы провозгласить, что уніи нѣтъ въ русскихъ владѣніяхъ и она не можетъ быть въ православной Россіи.

Мало-по-малу стали исходить изъ мрака эти объявленія: въ первыхъ числахъ октября было обнародовано о совершившемся возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію; потомъ закрытъ былъ секретный комитетъ по унитскимъ дѣламъ [2]), наконецъ выбита была медаль на возсоединеніе уніатовъ, изображающая І. Христа на одной сторонѣ, съ такою надписью: «таковъ подобаше намъ архіерей», т.-е.: не папа есть глава церкви, а І. Христосъ, а въ то же время намекала надпись и на то, что архіерей долженъ быть съ бородою, съ длинными волосами, по подражанію пастыреначальнику І. Христу, а не бритый, какъ латинскій папа и латинскіе архіереи. На другой сторонѣ медали надпись: «отторженные насиліемъ возсоединены любовію», — резюмировала всю прошедшую исторію унитской церкви и весь процессъ возвращенія ея въ лоно-православія. А по мысли кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, утверждено было какъ для древле-православныхъ, такъ и возсоединенныхъ, одно общее названіе «православныхъ», чѣмъ давалось разумѣть, что всякое различіе между православными и бывшими униатами теперь уничтожено, и что духовенство возсоединенное и семей-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.

[2]) Всеподданнѣйшіе доклады Об.-Пр. св. синода за 1839-й годъ №№ 222, 223.

ства ихъ пользуются тѣми же правами, какими вообще пользуется православное духовенство.

Въ началѣ 1840 года произошло окончательное устройство возсоединенныхъ епархій въ іерархическомъ отношеніи и совершенное сглаженіе слѣдовъ бывшей уніи—правительство разграничило предѣлы возсоединенныхъ епархій, т.-е.: перенесло церкви бѣлорусской епархіи, состоящія въ Минской губерніи, въ минскую епархію, а церкви полоцкой епархіи, состоящія въ Виленской губерніи, причислило къ епархіи литовской, а церкви бывшія унитскія, состоящія въ епархіяхъ кіевской, подольской, волынской, могилевской, передало вѣдѣнію православныхъ архіереевъ этихъ епархій. При этомъ распредѣленіи Іосифу и его преемникамъ назначено имѣть каѳедру въ Вильнѣ и именоваться литовскимъ и виленскимъ и священно-архимандритомъ Свято-Троицкаго виленскаго монастыря. Епархія литовская въ то же время поставлена была во 2-мъ классѣ и въ порядкѣ епархій должна занимать мѣсто прямо послѣ херсонской. Реформа коснулась и бѣлорусской епархіи: Василію велѣно было именоваться полоцкимъ и витебскимъ [1]).

Такъ какъ унитскіе духовные, будучи постоянными свидѣтелями обращенія нашихъ древле-православныхъ архіереевъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, болѣе всего возмущались мыслію о томъ, что и ихъ участь будетъ зависѣть отъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ начальниковъ, и между прочимъ многіе изъ нихъ единственно по этому не принимали православія; то правительство сдѣлало съ своей стороны все, чѣмъ могли быть уничтожены опасенія возсоединеннаго духовенства: въ Минскъ назначенъ былъ Антоній Зубко на мѣсто Никанора, котораго преимущественно боялось и не любило уніатское духовенство; древле-православнымъ архіереямъ, къ которымъ переходила часть возсоединенной паствы, посланы были секретныя правила касательно образа управленія возсоединенными церквами, гдѣ между прочимъ предписывалось архіереямъ, чтобы они, примѣняясь къ обстоятельствамъ и по уваженію того, что возсоединенное духовенство мало еще ознакомилось съ правилами, принятыми въ порядкѣ управленія древле-православными епархіями, не стѣснялись общими положеніями, и въ исправленіи упущеній и проступковъ употребляли мѣры, сколько возможно, снисходительныя и негласныя [2]).

---

[1]) Въ канц. Об.-Пр. св. син. дѣло 1840 года, № 4, о распредѣленіи границъ нѣкоторыхъ изъ западныхъ губерній.

[2]) Тамъ же.

Нѣтъ нужды распространяться намъ о важности и значеніи факта возсоединенія уніатовъ съ православною церковію; для него уже настаетъ исторія, и она-то произнесетъ надъ нимъ свой судъ, называя его событіемъ, имѣющимъ огромную важность не только въ церковномъ, но еще болѣе въ государственномъ отношеніи,—событіемъ, укрѣпляющимъ на вѣчныя времена западный нашъ край за Россіей, дающимъ Россіи въ полутора-милліонной массѣ народа, вмѣсто прежнихъ враговъ Россіи и православія, вмѣсто пособниковъ Польши и сторонниковъ латинства, друзей, вѣрныхъ сыновъ Россіи.

Но мы, еще слишкомъ близкіе свидѣтели этого событія, вполнѣ не можемъ измѣрить и обнять всей обширности значенія его; въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ, въ дальнѣйшихъ судьбахъ Россіи яснѣе, выпуклѣе и полнѣе обозначится громадность этого факта, несмотря на тѣ махинаціи, на тотъ туманъ, которыми окружали покойнаго Государя польско-латинская интрига и продажность и лукавство русскаго чиновничества, и несмотря на глупость и тупоуміе отечественныхъ администраторовъ.

Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ эпоху совершенія этого событія больше сознавалось значеніе его для Россіи противною стороною, чѣмъ самими русскими, безъ сомнѣнія за немногими исключеніями. По крайней мѣрѣ то извѣстно, что польско-латинская партія пришла въ сильное движеніе и, не имѣя возможности открыто противопоставить силѣ силу, боясь полиціи и плачемъ выражая свою злобу [1]), она тѣмъ усиленнѣе начала вести свои подкопы подъ землею, тайно, дома и за границею. Первымъ дѣломъ ея было возбудить общественное мнѣніе въ Европѣ, а преимущественно въ Римѣ. Польскіе мятежники 1830 года, разные бѣглые католическіе попы, монахи всѣхъ римскихъ орденовъ явились изъ нашихъ западныхъ губерній въ Римѣ и осадили римскую курію, съ воплями о гоненіяхъ римской вѣры въ Россіи. Папа Григорій XVI (Каппелляри), человѣкъ самый чувственный, любившій много ѣсть и почти всегда выходившій изъ-за стола пьянымъ, жившій съ женою своего цырюльника и прижившій съ нею сына, котораго всѣ жители Рима не иначе называли, какъ Grigoriolo—Гриша, огромный ростомъ, съ весьма развитыми мускулами, грубый и любящій самыя вульгарныя удовольствія, былъ современникомъ

---

[1]) Въ канц. Об.-Пр. св. син. дѣло 1839 года № 19-й. Донесеніе состоящаго за оберъ-прокур. столомъ въ св. син. каммер. г. Скрипицына и въ немъ письмо священника Голембіовскаго къ Скрипицыну, и письмо Скрипицына къ Протасову.

совершившагося у насъ возсоединенія уніатовъ[1]). Онъ былъ игрушкою своихъ государственныхъ секретарей, сначала Бернетти, а потомъ Ламбрускини. Послѣдній управлялъ Григоріемъ XVI-мъ самымъ тиранническимъ образомъ и внушалъ ему къ себѣ такой страхъ, что когда папа встрѣчалъ въ своихъ комнатахъ своего секретаря, идущаго къ нему съ бумагами, то, не заглядывая въ нихъ, вскрикивалъ: «весьма хорошо, ваше преосвященство, весьма хорошо; ваше преосвященство дѣлаетъ чудесно; продолжайте, продолжайте! [2])». Этотъ секретарь папы, управлявшій всѣми дѣлами латинской церкви, былъ человѣкъ гордый, упрямый, горячій ультрамонтанъ, а потому и другъ іезуитовъ. Къ нему-то по преимуществу и устремилась польско-іезуитская партія съ своими воплями о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ католицизма въ Россіи. Въ конфиденціальномъ объясненіи съ нашимъ посланникомъ въ Римѣ, Потемкинымъ, Каппачини, помощникъ Ламбрускини, прямо сказалъ, что—les Polonais proscrits recherchent par tous les moyens de soulever l'opinion en leur faveur, en représentant le gouvernement Impérial comme persécuteur du catholicisme et s'efforçant constamment à susciter l'animadversion du Siége par les rapports clandestins qu'ils adressent à S. Siége; que tout récemment encore lui-même avait remis à sa Sainteté une lettre, qui lui était parvenue sous l'enveloppe du cardinal Lambruschini, de la part d'un Polonais résidant à Paris et qui contenait des détails sur les prétendues persécutions [3]).

Партія эта въ Римѣ и Парижѣ старалась увлечь папу или лучше Ламбрускини къ какой-нибудь крайней мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что она считала себя побѣдительницею въ недавнихъ столкновеніяхъ римскаго двора съ прусскимъ правительствомъ въ дѣлѣ кёльнскаго архіепископа и въ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ бракахъ лютеранъ и протестантовъ съ католиками, или по крайней мѣрѣ ей удалось увлечь римскій дворъ къ крайнимъ мѣрамъ. Напрасно просвѣщенный и умѣренный Каппачини употреблялъ всѣ съ своей стороны усилія, чтобы поставить римскій дворъ на прямую и вѣрную точку воззрѣнія на дѣло унитское и убѣждалъ папу ограничиться въ этомъ дѣлѣ простымъ только увѣщаніемъ къ возсоединившимся епископамъ [4]);

---

1) Histoire diplomatique des Conclaves par Petruccelli Della Gattina, VI vol. 409—421; также La Rome des papes, tom. II, 315—343.

2) Histoire diplomatique des Conclaves, t. IV, pag. 417.

3) Депеша подъ №№ 9468-1, 9479-1.

4) Ib. № 8443.

вліяніе Ламбрускини, подстрекаемаго поляками и іезуитами, все болѣе и болѣе одерживало верхъ надъ Григоріемъ XVI-мъ. Отношеніе къ намъ папскаго двора становилось день ото дня враждебнѣе, и нашъ посланникъ въ Римѣ писалъ гр. Нессельроду: «il faut bien le dire, nous sommes regardés depuis quelque temps surtout avec une méfiance affreuse, et telle qu' elle peut dégénérer d'un moment à l'autre en une inimitié ouverte[1])». Мало того: бѣглецы польскіе и іезуиты изъ поляковъ, изгнанные въ 1820-мъ году изъ Россіи, задумали планъ, совершенно достойный этого святого общества: бывшіе польскіе мятежники должны были вступить въ іезуитскій орденъ, перемѣнить свои имена, и въ одеждѣ духовныхъ пробраться въ Краковъ, Галицію и отсюда въ Польшу и тамъ произвести мятежъ. Руководителемъ этого плана былъ нѣкто Непомученъ, ректоръ іезуитскаго коллежъ въ Фрибургѣ, уроженецъ бѣлорусскій, изгнанный изъ Россіи въ 1820-мъ году и перемѣнившій во время удаленія изъ Россіи свое имя Непомученъ на Галичъ, по всей вѣроятности, съ заднею мыслію и съ намѣреніемъ нѣкогда попасть въ Россію подъ покровомъ фальшиваго имени и производить тамъ іезуитскія козни[2]). Въ этомъ планѣ приняло участіе высшее духовенство Рима, какъ достовѣрно узнало наше правительство, и одинъ изъ римскихъ сановниковъ, близкихъ къ папѣ, монсиньоръ Гарибальди, прямо обѣщалъ одному знатному поляку выхлопотать папское одобреніе и содѣйствіе осуществленію этого плана[3]). Сильныя представленія и объясненія нашего посланника въ Римѣ съ Ламбрускини остановили осуществленіе этого плана, или по крайней мѣрѣ отсрочили исполненіе его. За то, тѣмъ усиленнѣе стала работать эта партія надъ тѣмъ, чтобы заставить папу рѣшиться на какой-нибудь крайній шагъ по отношенію къ Россіи вслѣдствіе унитскаго дѣла. Потемкинъ постоянно выражалъ въ своихъ депешахъ къ Нессельроду свои опасенія на счетъ будущихъ дѣйствій папы въ отношеніи къ русскому двору. Государь при этихъ извѣстіяхъ сохранялъ полное спокойствіе, совершенное сознаніе своего достоинства, и велѣлъ сообщить своему посланнику въ Римѣ такія его слова папѣ касательно унитскаго дѣла: «La

---

[1]) Ib. №№ 8903, 8905, 9478.

[2]) Ib. №№ 9479,—8905.

[3]) Ib. №№ 8903, 1929, 1920. Аугсбургская газета отъ 16 сентября 1839 года передавала извѣстіе одного очевидца, который самъ былъ свидѣтелемъ, какъ на экзаменѣ клириковъ въ іезуитскомъ коллежъ въ числѣ кандидатовъ на священство находились и многіе изъ поляковъ съ рубцами на щекахъ, свидѣтельствующими о ихъ дѣятельномъ участіи въ польскомъ мятежѣ.

question des ex-grecs-unis est fort simple. Lorsque politiquement séparés de la Russie, les habitants grecs furent privés de leur chef de l'église, ils acceptèrent pour tel le pape; les actes existent et prouvent que cela n' à eté qu'une reconnaissance politique; dans ce moment ce même clergé a demandé à rentrer dans le giron de l'église-mére dont ils ne se consideraient *jamais* comme séparés — la chose a été accordée et amen!» На эту тему, данную самимъ Императоромъ, долженъ былъ вести свои объясненія съ римскимъ дворомъ Потемкинъ [1]). Къ этому Потемкинъ долженъ былъ, по наставленію гр. Нессельрода, прибавить, что возсоединеніе уніатовъ есть уже совершившійся фактъ; что православная вѣра была исконною вѣрою нашихъ западныхъ губерній, а католицизмъ есть религія новая въ этихъ странахъ, какъ это показываетъ самая исторія уніи, и что наконецъ правительство оставалось совершенно чуждымъ этому дѣлу [2]). Такого рода объясненія, конечно, не остановили предпріятій ультрамонтанской партіи, и папа 22 ноября 1839 года разразился въ своей консисторіи рѣчью, по дѣлу возсоединенія уніатовъ. Приступъ, или начало этой рѣчи, изображалъ, что то несчастіе, о которомъ папа намѣренъ повѣдать своимъ почтеннымъ братьямъ, превосходитъ всѣ доселѣ поражавшія церковь бѣдствія. Потомъ, разсказавши извѣстныя сказки объ отпаденіи русскихъ отъ католическаго единства, о добровольномъ будто бы принятіи уніи жителями нашихъ западныхъ губерній, о ихъ будто бы благоденствіи подъ польскимъ правительствомъ, переходитъ къ описанію возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, и здѣсь не щадитъ самыхъ яркихъ красокъ, не скупится на самую грубую ложь и клевету, особенно когда касается главныхъ дѣятелей въ дѣлѣ возсоединенія; говоритъ, что это дѣло совершилось обманомъ, хитростію. Далѣе изображаетъ, какую скорбь это событіе причинило ему, и по этому случаю называетъ возсоединенныхъ епископовъ отступниками; какія гибельныя послѣдствія могутъ послѣдовать отъ этого для католиковъ, оставшихся вѣрными римской церкви; а потому онъ предъ лицомъ всего міра не престанетъ жаловаться на отпаденіе уніатовъ отъ римской церкви, а особенно на отпаденіе епископовъ, и будетъ поражать самымъ тяжкимъ порицаніемъ обиду, нанесенную ими католической церкви. Впрочемъ подражая Тому, который богатъ милосердіемъ и который пришелъ взыскать и спасти погибшаго, папа не лишаетъ своей

---

[1]) Депеша № 1917.

[2]) Ib. № 1917.

милости и возсоединенныхъ епископовъ и каждаго изъ нихъ убѣдительнѣйше проситъ подумать, откуда они ниспали, и какимъ страшнымъ наказаніямъ должны быть подвергнуты по каноническимъ правиламъ; грозитъ имъ страшнымъ судомъ и проситъ возвратиться на путь истины. Рѣчь заключается словами, что вообще католичество въ Россіи находится въ стѣсненномъ положеніи, но папа употребитъ всѣ мѣры въ облегченію этого положенія, будетъ ходатайствовать за церковь римскую предъ русскимъ Императоромъ, который по своей честности или прямодушію исполнитъ желаніе его, а для этой цѣли будетъ молить Бога, чтобы Онъ милостиво призрѣлъ на свое наслѣдіе и помогъ бы своей церкви, оплакивающей отпаденіе своихъ сыновъ, и далъ бы желанное счастіе.

Вотъ подлинный текстъ папской рѣчи: «Venerabiles Fratres! Multa quidem gravia et acerba inde ab initiis apostolici officii munere coacti fuimus diuturna temporum adversitate ex hoc ipso loco nuntiavi. At quidem in hodierno coetu vestro moerorem inter ac luctum ecclesiae universae sumus nuntiati, ejusmodi profecto est, ut malorum, quae alias ingermimus, longe superet acerbitatem etc. etc.»

Хотя рѣчь папы и была тотчасъ перепечатана въ нѣкоторыхъ газетахъ, напр.: во Франкфуртской (см. № 336), но она не произвела того впечатлѣнія на европейское общество, какого ожидала іезуитско-польская партія. «Quant à l'impression, писалъ Потемкинъ Нессельроду, général que ce manifeste a produit ici, elle parait bien moins profonde, qu'on ne pourrait le croire ailleurs.»

Наше правительство, т.-е. государь императоръ, осталось довольно умѣреннымъ тономъ папской рѣчи, особенно сравнительно съ тѣми филиппиками, которыя сказаны были папою противъ прусскаго правительства, по случаю заключенія въ крѣпость архіепископа кёльнскаго, а главное, у насъ хотѣлось скорѣе положить конецъ всѣмъ разглагольствованіямъ папы объ унитахъ, а потому не обращало вниманія ни на какія печатныя клеветы, распѣваемыя въ европейской прессѣ о прекращеніи уніи. Даже появленіе книги адвоката и оратора ультрамонтанской партіи Монталамбера: «Vicissitudes de l'église catholique des deux rites en Pologne et en Russie» прошло незамѣченнымъ или не возбудило того вниманія въ нашемъ правительствѣ, какое должно бы было возбудить. Только одна уже слишкомъ пошлая и слишкомъ возмутительная клевета какъ бы вывела наше правительство изъ его пассивнаго состоянія. Эта клевета выдумана была польско-іезуитскою партіею, потерпѣвшею неудачи въ Римѣ

и обманувшеюся въ своихъ революціонныхъ разсчетахъ въ Россіи и желавшей чѣмъ бы то ни было отмстить Россіи за возсоединеніе уніатовъ и возбудить противъ нея европейское общественное мнѣніе. Дѣло заключалось въ выдуманной исторіи о мученіи игуменьи базиліанскаго монастыря Макрины Мечиславской. Исторія эта въ первый разъ явилась въ польской газетѣ «Trois-Mai», подхвачена въ «l'Univers» и «l'Ami de la Religion» ультрамонтанскими газетами, отсюда перешла во всю европейскую журналистику, и породила разныя брошюры. Во всѣхъ этихъ іезуитскихъ произведеніяхъ съ ужасомъ разсказывалось, какъ Сѣмашко,—этотъ отступникъ, тиранъ и палачъ, мучилъ монахинь минскаго базиліанскаго монастыря и заставлялъ ихъ принять проклятую схизму, и какъ онѣ при всѣхъ мученіяхъ остались вѣрны католической церкви. За вѣрность святому апостольскому престолу, этихъ монахинь, по приказанію кровожаднаго Сѣмашко, сковывали по двѣ вмѣстѣ, забивали ноги ихъ въ кандалы, и въ такомъ положеніи пѣшкомъ заставляли ихъ идти изъ Минска въ Витебскъ, гдѣ помѣстили ихъ въ русскомъ женскомъ монастырѣ, наполненномъ по большей части казацкими вдовами. Изъ Витебска этихъ мученицъ переселили въ Полоцкъ. Въ трехъ верстахъ отъ этого города находится спасскій монастырь, резиденція архіепископа. Сюда-то приведены были несчастныя жертвы, въ числѣ 30-ти, и заперты были здѣсь, какъ овцы. Такъ какъ начальникъ монастыря спасскаго былъ человѣкъ сострадательный, то Сѣмашко смѣнилъ его и поставилъ другого, по имени Михалевича, бывшаго семь лѣтъ тому назадъ духовникомъ базиліанокъ. Бѣдныхъ базиліанокъ будто бы заставлялъ этотъ Михалевичъ равнять косогоры, носить кирпичи каменьщикамъ, строившимъ палаты для архіерея, разбивать камни для мостовой предъ архіерейскимъ домомъ, приказывалъ два раза въ недѣлю давать по 50-ти ударовъ всякій разъ каждой изъ этихъ монахинь, отъ чего двѣ изъ нихъ померли, а остальныя едва влачили жизнь, нося на себѣ рубцы и язвы, произведенныя этими экзекуціями. Кормили ихъ одними только солеными сельдями, а пить послѣ такого кушанья не давали ничего; грозили при этомъ сжечь ихъ, ставили ихъ предъ костромъ, у котораго стояли солдаты съ зажженными факелами. Но всѣ эти мученія и угрозы не достигали своей цѣли; мученицы остались вѣрны римской церкви. Тогда Сѣмашко приказалъ бить ихъ палками, чтобы посредствомъ этого заставить ихъ принять православіе; насильно поволокли ихъ Сѣмашкины дьяконы въ схизматическую церковь. При дверяхъ церкви стоялъ отступникъ Сѣмашко, украшенный крестомъ и орденами, окруженный своимъ духовенствомъ; одна изъ сестеръ схватила обломокъ дерева и бросила его прямо въ

церковныя двери, говоря, что ни она сама, ни другія сестры живыя не перейдутъ за порогъ схизматической церкви. Начальница этихъ сестеръ-мученицъ схватила плотничій топоръ, подала его Сѣмашкѣ и сказала ему: «возьми этотъ топоръ, отруби имъ наши головы и брось ихъ въ твою церковь, въ которую не вступитъ наша нога». Сѣмашко выхватилъ изъ ея рукъ топоръ и бросилъ его въ сестеръ, изъ которыхъ у одной разрубилъ ногу, потомъ ударилъ въ щеку начальницу съ такой силою, что вышибъ у нея одинъ изъ коренныхъ зубовъ. Видя наконецъ, что всѣ усилія обратить этихъ мученицъ въ схизматическую вѣру остались тщетными, Сѣмашко взошелъ въ свою церковь и произнесъ здѣсь проклятіе имъ.

Изъ спасскаго монастыря отправили базиліанокъ въ Мяджіоли, гдѣ ихъ мучили особеннымъ образомъ: силою таскали ихъ въ озеро и купали въ немъ, какъ купаютъ лошадей. Для этого на нихъ надѣвали родъ мѣшка и потомъ вели ихъ къ озеру, привязавши къ шеѣ веревку. Отъ этихъ истязаній три изъ сестеръ померли. Конца бы не было этимъ мученіямъ, если бы бѣднымъ мученицамъ не удалось убѣжать изъ рукъ своихъ палачей. Куда же бѣжать? конечно въ сердце Франціи — Парижъ, гдѣ находится столь извѣстный въ польской эмиграціи Ламбертовъ отель, а въ немъ старый козподѣй и заклятый врагъ Россіи Адамъ Чарторижскій, который и выдумалъ всю эту исторію вмѣстѣ съ бѣглыми поляками и іезуитами. Но тогда бы поддѣлка была слишкомъ груба, лишилась бы всей прелести таинственности, не достигла бы своей цѣли. Нѣтъ, мученицу Макрину Мечиславскую и съ нею другихъ сестеръ нужно отправить въ Римъ,— центръ латинства и іезуитизма, гдѣ появленіе польскихъ мученицъ произведетъ болѣе эффекта, возбудитъ болѣе шуму; да при томъ же вся эта исторія и выдумана въ Парижѣ, а слѣдовательно здѣсь она не можетъ никого обмануть; виновники выдумки сами лучше всѣхъ другихъ увѣрены были въ своемъ обманѣ. Итакъ, мнимыхъ мученицъ отправили въ Римъ, гдѣ іезуиты и поляки представили ихъ папѣ, какъ живой примѣръ гоненій латинства въ Россіи, какъ несчастныхъ жертвъ жестокости отступника отъ уніи Сѣмашко. Въ Парижѣ, для возбужденія общественнаго мнѣнія, признано за лучшее служить панихиды въ церкви св. Роха по замученнымъ въ Минскѣ базиліанкамъ, говорить рѣчи, наполнять газеты и журналы статьями о мученичествѣ Макрины и ея спутницъ. Въ Римѣ же Мечиславскую помѣстили въ монастырѣ св. Сердца и дѣлали ей тамъ разныя оваціи. Наконецъ, эта комедія надоѣла русскому правительству, и оно приказало своему посланнику въ Римѣ потре-

бовать объясненія отъ Рима, или лучше само объяснило папскому правительству какъ нелѣпа, груба и безчестна эта выдумка. Дѣйствительно, даже въ нѣкоторыхъ изъ іезуитовъ по этому случаю сказалась совѣсть, и они убѣждали Ламбрускини скорѣе прекратить толки объ этихъ мнимыхъ эмигранткахъ изъ Минска, тѣмъ болѣе, что пресловутая Макрина и ея спутницы оказались женщинами такого поведенія и изъ такого слоя общества, съ какими избѣгаютъ всякаго знакомства всѣ мало-мальски порядочные люди.

Внутри Россіи интрига польской партіи и месть ея за возсоединеніе уніатовъ выражались въ стремленіяхъ совращать въ латинство недавно возсоединенныхъ. Стремленія эти приводились въ исполненіе такъ систематически, что правительство наше принуждено было принять противъ этого мѣры. По этому случаю образованъ былъ секретный комитетъ изъ Блудова, Дашкова, Строганова 2-го и Протасова; цѣлію дѣятельности этого комитета должно быть предупрежденіе совращеній въ латинство [1]). Возсоединенные епископы должны были неусыпно бодрствовать надъ свою паствою. Безцеремонность ксендзовъ, ихъ наглость, хитрость польской шляхты, доходили въ дѣлѣ совращенія до геркулесовскихъ столбовъ [2]). Чтобы не дать возможности нашему правительству осуществить мысли касательно возсоединенія холмскихъ уніатовъ, польско-іезуитская партія особенно между ними развернула свою мистическую дѣятельность, такъ что изъ 400 тысячъ уніатовъ болѣе полутораста тысячъ приняли латинство. Частныя же всѣ совращенія не могли повредить общему дѣлу возсоединенія, и въ огромной массѣ возсоединенныхъ эти частности не могли имѣть большого значенія.

М. Я. Морошкинъ.

---

[1]) Всепод. докл. об.-прок. св. синода 1839 г. № 221.

[2]) Въ М. Вн. Д. дѣло 1853-го г. № 64-й, 1855-й г. № 20, и № 55.

Въ послѣднемъ дѣлѣ разсказывается, какъ помѣщикъ Жолкѣвскій устроилъ въ своемъ домѣ самовольно каплицу, внесъ туда фортепіано вмѣсто органа, и ежедневно созывалъ въ нее православныхъ крестьянъ, приходившихъ къ нему на барщину, заставлялъ ихъ стоять на колѣняхъ по два и три часа и слушать отправляемое имъ какого-то рода богослуженіе.

ОТЕЦЪ ВАРѲОЛОМЕЙ

Психологическій этюдъ.

Предки помѣщика Сумракова были богаты и знатны. Дѣдъ его когда-то построилъ въ усадьбѣ у себя церковь и обезпечилъ на вѣчныя времена существованіе причта, а затѣмъ, какъ тому и быть слѣдовало, въ свое время померъ. Помѣщикъ, владѣющій въ настоящее время усадьбой, тоже дѣдъ, да къ тому же еще и превосходительный: значитъ, со времени постройки церкви прошло годовъ довольно. Несмотря на это, она стоитъ до настоящихъ дней прямо, и аккуратно каждое воскресенье въ ней совершается служба.

Эта церковь не отличается грандіознымъ величіемъ пятиглаваго собора, на золоченый куполъ котораго доброхотные датели расходуютъ деньги тысячами, удовлетворяя этимъ не столько религіозное чувство, сколько суетное тщеславіе, искони вѣковъ охватившее собою весь человѣческій міръ. Нѣтъ вблизи ея громадной колокольни, напоминающей собою безсильныя попытки строителей вавилонской башни, и не слышенъ гулъ тысячепудоваго колокола, какіе любятъ жертвовать богобоязненные купцы, надѣющіеся искупить массой мѣди свои грѣхи вольные и невольные...

Я живо представляю себѣ эту маленькую церковь. Во всѣ времена года она одинаково нравилась мнѣ когда-то въ давнопрошедшее время. Помню я жаркіе лѣтніе дни, когда при полномъ блескѣ солнца живетъ и дышетъ вся природа, и сумрачные осенніе вечера, когда темныя тучи сгущаются въ воздухѣ, и бурный вѣтеръ воетъ подъ сердитые раскаты грома, и освѣщаются молніей, точно заревомъ пожара, деревенскія жилища

вмѣстѣ съ испуганными лицами ихъ обитателей; помню зимнюю холодную пору, когда едва виднѣются изъ-подъ снѣга полузакрытые его сугробами крестьянскія избушки, и дни весны, когда въ лѣсахъ, поляхъ и въ шумѣ водъ, вездѣ чувствуется необъятная сила, оживляющая душу истомленнаго человѣка. Все это воскресаетъ въ моемъ воображеніи при воспоминаніи деревенской жизни, и я снова вижу маленькую церковь. Самая ветхость ея, сѣроватотемный цвѣтъ стѣнъ, двѣ-три плакучія ивы, поникнувшія своими вѣтвями на церковную крышу, свѣтъ лампады, пробивающійся въ окна,—все это когда-то казалось такъ поэтически прекрасно и необъяснимо привлекательно, и все это теперь навѣваетъ только тихую грусть о чемъ-то давно, давно прошедшемъ и гдѣ-то невозвратно утраченномъ...

Вблизи церкви, нѣсколько въ сторонѣ отъ крестьянскихъ избъ, находился когда-то небольшой, въ три окна домикъ для священника. Домикъ давно разрушился и замѣнился новой избой. Стараго священника замѣнилъ молодой, рѣзкій голосъ котораго странно какъ-то звучитъ въ тишинѣ ветхой церкви, въ противуположность тихимъ и мягкимъ возгласамъ его предшественника.

Этотъ предшественникъ и его жена давно уже кончили свое земное странствіе, но они еще живутъ въ моемъ воспоминаніи, и я хочу познакомить съ ними читателя, въ связи съ другими немногими лицами, имѣющими нѣкоторое отношеніе къ этому повѣствованію.

I.

Зелень березъ и липъ, окружавшая домикъ съ трехъ сторонъ, придавала ему особенную прелесть, а изъ-за этой зелени выглядывали на церковную площадь всегда безукоризненно бѣлыя занавѣсы оконъ съ вѣчно блестящими стеклами рамъ и съ разнообразными цвѣтами комнатныхъ растеній, начиная отъ скромныхъ гвоздикъ и гераніума и доходя до китайской розы.

Каждый, въ первый разъ посѣщавшій усадьбу невольно любовался, глядя на этотъ домикъ, и мысленно завидовалъ тому счастливцу, который въ немъ обиталъ.

Если любознательность его простиралась до того, что онъ рѣшался переступить калитку воротъ и заглянуть во дворъ домика, то и тамъ находилъ тоже нѣчто достойное вниманія и изученія. Его даже, такъ сказать, поражало отсутствіе того, что обыкновенно случается видѣть во всѣхъ деревенскихъ дворахъ:

не торчала разсыхающаяся на солнцѣ старая полубочка, обручи которой давно разбросаны шаловливыми ребятами по всему двору и бьютъ по ногамъ каждаго, кто неосторожно на нихъ наступаетъ; не видно было на этомъ дворѣ изломанной телѣги, которую хозяинъ съ незапамятныхъ временъ собирается починить и все не можетъ собраться за недосугомъ; не было разбросано по двору даже клочьевъ сѣна и соломы, — вездѣ было чисто и все находилось на своемъ мѣстѣ. Подъ навѣсомъ, гдѣ стояла окрашенная въ голубой цвѣтъ одноколка, былъ отведенъ цѣлый уголъ подъ помѣщеніе куръ и горластаго пѣтуха, служившаго грозою всѣмъ остальнымъ пѣтухамъ деревни, какъ по причинѣ его непомѣрной физической силы и ловкости, такъ и по громадности голосовыхъ средствъ. Дворъ всегда такъ чисто содержался, что двѣ свиньи съ поросятами, какъ будто сознавая, что имъ неприлично быть на такомъ чистомъ дворѣ, избирали своимъ пребываніемъ мѣсто за конюшней, гдѣ и чесали спины о заборъ, къ вящшему соблазну полусоннаго борова, лежавшаго въ грязи и покрякивавшаго отъ удовольствія при видѣ этого процесса.

Когда кому-либо случалось въ первый разъ войти внутрь самаго домика, то онъ въ невольномъ изумленіи останавливался при входѣ въ комнаты, очарованный уютно-мирнымъ характеромъ обстановки ихъ... Но здѣсь вкралось неточное выраженіе: нельзя сказать «при входѣ въ комнаты», потому что собственно комната была только одна, хотя и раздѣлялась при помощи обтянутой ситцемъ ширмы на двѣ неравныя части, одна въ два окна, а другая въ одно; первая половина называлась гостинной, а вторая спальной. Кухня и прочія хозяйственныя помѣщенія находились въ пристройкѣ, соединявшейся съ домикомъ небольшимъ навѣсомъ, подъ которымъ помѣщалось крыльцо, вѣчно посыпанное свѣжею зеленью лѣтомъ и чистою цыновкою зимой.

Таковъ былъ по внѣшнему виду маленькій домикъ съ его безукоризненно чистымъ дворомъ.

Казалось, въ этомъ тихомъ уголкѣ не можетъ имѣть мѣста гнѣвъ, зависть и другіе пороки, которыми въ большей или меньшей степени отличается отъ прочихъ животныхъ человѣкъ, именуемый царемъ природы и вѣнцомъ творенія. И дѣйствительно, можно ли было подумать, глядя на блестящій, какъ зеркало, полъ, устланный бѣлыми половиками, чтобы по нимъ могъ озлобленно топать ногами кто-либо изъ живущихъ въ этомъ домикѣ? Можно ли было предположить, при видѣ аккуратно уложенныхъ на передиванномъ столѣ книгъ и симметрически по-

ставленныхъ на немъ двухъ вазочекъ съ цвѣтами, что обитатели домика отличаются дикостью нрава, грубыми и невѣжественными привычками? Напротивъ, взглянувъ на тихо мерцающую въ переднемъ углу лампаду передъ образомъ, въ кіотѣ котораго стояли украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи, никакъ нельзя было допустить той мысли, чтобы въ этомъ домикѣ могли жить какія-либо другія чувства, кромѣ чувства мира и любви. Въ этомъ должны были убѣдить и литографическія картинки, висѣвшія по стѣнамъ съ изображеніемъ символа вѣры и молитвы господней въ лицахъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Варѳоломей Григорьевичъ Златорунскій, съ своей супругой, Анной Аѳанасьевной.

Въ этомъ домикѣ никогда не было мира, бывало только перемиріе; въ немъ рѣдко бывало тихо, и тишина всегда предшествовала бурѣ: чѣмъ тишина бывала продолжительнѣе, тѣмъ сильнѣе потомъ злобствовала буря. И странное дѣло: война называлась междоусобной, а велъ ее только одинъ изъ обитателей домика безъ всякаго желанія на это со стороны другого. Одинъ и тотъ же человѣкъ велъ войну, заключалъ перемиріе, нарушалъ его и снова возобновлялъ; другой же вѣчно оставался въ какомъ-то странномъ положеніи, котораго онъ самъ себѣ никакъ не могъ объяснить съ достаточною опредѣленностью. Ему казалось, что онъ въ этой войнѣ никакого участія не принимаетъ и ограничивается только ролью спокойнаго наблюдателя; но въ то же время чувствовалось, что онъ какъ будто бы совсѣмъ не наблюдатель, а непосредственно дѣйствующій въ домашней войнѣ, называемой имъ, вслѣдствіе этого, междоусобной. Иногда даже, начиная опредѣлять свое положеніе, онъ томился и страдалъ при мысли о томъ, что «самъ во всемъ виноватъ», что «самъ усугубляетъ междоусобіе». Между тѣмъ, говоря откровенно, онъ на себя просто клеветалъ по извѣстной его слабости принимать на свою голову всякія вины и проступки другихъ людей: въ дѣйствительности со стороны его никакихъ усугубленій дѣлаемо не было, потому что онъ никогда не имѣлъ въ сердцѣ другихъ чувствъ, кромѣ чувства любви, мира, добра и правды.

Человѣкъ, отличавшійся такими качествами, былъ отецъ Варѳоломей; войну же вела, заключала перемирія и нарушала ихъ его супруга, Анна Аѳанасьевна.

Когда война достигала невѣроятныхъ размѣровъ и обрушивалась на совершенно неподходящія къ этому вещи, какъ-то на стулья и столы, предметы даже вовсе неодушевленные, въ то время отецъ Варѳоломей старался вооружаться и вооружался

до нѣкоторой степени безукоризненно, ибо миръ и спокойствіе въ это время занимали въ его сердцѣ главное мѣсто. Когда супруга его въ припадкѣ воинственнаго азарта гнѣвно сверкала глазами, швыряя во всѣ стороны что ни попадало въ руки, глаза отца Варѳоломея были по обыкновенію тихи и кротки и, казалось, могли бы укротить всякаго звѣря, кромѣ только его неукротимой супруги. Укротить супругу было невозможно; она укрощаться могла только сама, по собственной волѣ и укрощалась иногда на довольно продолжительное время, такъ, напримѣръ, дней на пять или на шесть, а иногда даже и на цѣлую недѣлю. Послѣднее, впрочемъ, бывало рѣдко и всегда предвѣщало большую бурю въ скоромъ времени.

О. Варѳоломей былъ въ отношеніяхъ къ своей супругѣ ласковъ и внимателенъ, называлъ ее обыкновенно матушкой и только въ то время, когда Анна Аѳанасьевна грозила обратить свой гнѣвъ на неодушевленные предметы или принять ихъ въ союзники, отецъ Варѳоломей переставалъ обращаться къ ней, какъ къ матушкѣ, и хотя по прежнему кротко, но называлъ ее уже просто попадьей. Иногда, впрочемъ, это послѣднее обращеніе употреблялось и не въ самомъ разгарѣ «междоусобій», но только уже во всякомъ случаѣ не въ мирное время.

Сидитъ, напримѣръ, у отца Варѳоломея гость, заѣзжій ли дьяконъ изъ сосѣдняго села, управитель ли какого-нибудь имѣнія, или экономъ дома Сумракова,—сидитъ онъ вдвоемъ съ отцомъ Варѳоломеемъ и ведутъ они мирную бесѣду. Въ комнатѣ полнѣйшая тишина и только раздаются тихіе звуки мѣрной и отчасти медленной рѣчи отца Варѳоломея, да по временамъ слышно, какъ кошка царапаетъ что-то, злодѣйски всматриваясь въ угловую дыру половицы. Это нисколько не тревожитъ отца Варѳоломея, онъ доволенъ и крайне счастливъ, ибо любитъ бесѣдовать. Вдругъ появляется изъ кухни матушка, и какъ бурный вихрь нарушаетъ прелесть тихаго вечера, такъ мгновенно нарушаетъ матушка мирный характеръ бесѣдующихъ. Въ противуположность медленной и тихой рѣчи отца Варѳоломея раздается громкая и торопливая фраза, съ шумомъ и трескомъ отдвигается въ сторону попавшійся на дорогѣ стулъ, и Анна Аѳанасьевна начинаетъ посвящать гостя въ подробности своихъ воинственныхъ отношеній къ сосѣдственнымъ жителямъ. Отецъ Варѳоломей старается смолчать и дать возможность своей супругѣ высказаться; но такой образъ дѣйствій не достигаетъ своей цѣли, ибо супруга не умолкаетъ и уже принимается кого-то за что-то распекать, очевидно кого-нибудь изъ сосѣднихъ непріятелей, которыхъ у ней развелось великое множество. Тер-

пѣніе отца Варѳоломея сильно страдаетъ и всего болѣе потому, что онъ любитъ миръ и тишину, а громкія жалобы супруги на сосѣдей, Богъ-вѣсть для чего приплетенныя къ ихъ бесѣдѣ, давно ему извѣстны и, по справедливости говоря, достаточно сильно уже намозолили уши. Онъ ласково взглядываетъ на свою супругу, какъ-бы прося ее умолкнуть, и приступаетъ къ продолженію прерваннаго разговора. Анну Аѳанасьевну это оскорбляетъ, но она сдерживаетъ свой гнѣвъ и только время отъ времени срываетъ его на противорѣчіяхъ, которыми путаетъ мирную бесѣду отца Варѳоломея съ гостемъ. Отецъ Варѳоломей нѣкоторое время не обращаетъ на это вниманія, но такъ какъ вмѣшательство супруги принимаетъ все бóльшіе размѣры и доходитъ до того, что на каждое слово о. Варѳоломея является критическая замѣтка, онъ не выдерживаетъ и рѣшается снова «утруждать» свою супругу.

— Матушка, удостойте выслушать мою всепокорнѣйшую просьбу, говоритъ онъ.

— Ну, что тебѣ нужно, говори скорѣй, не размазывай? вопрошаетъ довольно рѣзко Анна Аѳанасьевна.

— Сдѣлайте хотя единожды мнѣ такое одолженіе, оставьте пожалуйста втунѣ ваши противорѣчія и пререканія.

Это кроткое обращеніе принимается Анной Аѳанасьевной уже за открытое объявленіе войны. Тонъ ея голоса поднимается сразу на нѣсколько нотъ и забираясь все выше и выше, достигаетъ, наконецъ, такихъ предѣловъ, за которыми уже, собственно говоря, голоса и не слышно, а раздается только нѣчто похожее на пискъ поросенка, упрятаннаго, противъ его желанія, въ глухой мѣшокъ.

Иногда гость неожиданно, къ великому своему удивленію, слышалъ отъ матушки, что причина споровъ есть именно онъ самъ съ своими нравственными, умственными и физическими недостатками. Не успѣвалъ еще онъ опомниться отъ этой новости, какъ уже былъ осыпаемъ различными упреками, все въ томъ же духѣ, и зá жену свою, если былъ человѣкъ женатый, и за мать, не принимая во вниманіе была ли она въ числѣ живыхъ или мертвыхъ, и даже за всю свою родню. Нужно замѣтить, что Анна Аѳанасьевна не церемонилась и умѣла порой выражаться смѣло и рѣшительно. Въ такое бурное время отецъ Варѳоломей начиналъ сильно безпокоиться, приходилъ въ крайнее смущеніе и сидѣлъ не поднимая глазъ; если же онъ замѣчалъ, что гость дѣйствуетъ безтактно и «усугубляетъ» войну своими оправданіями, то дѣлалъ ему таинственные знаки или украдкой дергалъ его за полу одежды, давая знать, что путь

во спасенію только въ одномъ молчаніи. Бывало такъ, что гость оказывался посредникомъ между мужемъ и женою и долженъ былъ выслушивать жалобы Анны Аѳанасьевны на о. Варѳоломея за то, что онъ не хозяинъ, «не скопидомъ», и ея похвалы самой себѣ за то, что «ею одной все держится».

Въ томъ и другомъ случаѣ одинаково должна была прерываться мирная бесѣда о. Варѳоломея съ гостемъ. Въ первомъ случаѣ, то-есть въ то время, когда Анна Аѳанасьевна опорочивала гостя во всевозможныхъ преступленіяхъ, превращалась не только мирная бесѣда о. Варѳоломея, но гость совсѣмъ уходилъ, и иной даже давалъ себѣ клятвы не приходить болѣе никогда въ описываемый домикъ; но въ послѣднемъ случаѣ, во время избранія гостя посредникомъ, бывало такъ, что о. Варѳоломей, выждавъ желаемый моментъ, вставалъ съ своего мѣста и приложивъ руку къ сердцу, говорилъ:

— Матушка, я уже нѣсколько разъ вамъ объяснялъ, и это конечно извѣстно всему околотку, что настоящая, такъ сказать, глава всего есть вы, а не я, и паки повторяю то же.

Анна Аѳанасьевна вслѣдствіе такой благопріятной тактики мужа нѣсколько подавалась на заключеніе перемирія.

— Такъ неугодно ли вамъ будетъ, матушка, ласково продолжалъ о. Варѳоломей, распорядиться изготовленіемъ чаю.

Иногда такими словами предупреждались крупныя событія. Это доставляло о. Варѳоломею большое утѣшеніе, даже пожалуй нѣкоторое счастіе, хотя и въ весьма микроскопическихъ размѣрахъ. Случалось, что и такая, повидимому весьма благопріятная, тактика не приносила надлежащей пользы и даже оказывала вредныя послѣдствія. Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ, что о. Варѳоломей всего болѣе желаетъ ея удаленія изъ комнаты, въ видахъ удовольствія пріятной бесѣды, напускалась уже непосредственно на него самого и начинала его бранить, неизвѣстно, впрочемъ, за какія провинности. Онъ въ отвѣтъ на эту брань тихо улыбался, посматривая на гостя, какъ бы желая дать ему нѣкоторыя понятія о младенчески-невинныхъ, по его мнѣнію, притязаніяхъ Анны Аѳанасьевны; но когда такія младенчески-невинныя притязанія, даже по мнѣнію о. Варѳоломея, выходили изъ своихъ предѣловъ, тогда онъ терялъ терпѣніе и приложивъ по обыкновенію руку къ сердцу, убѣдительно возражалъ:

— Попадья! говорилъ онъ, есть въ тебѣ Богъ, или нѣтъ?

— Есть! Есть! громко перебивала Анна Аѳанасьевна и снова звенѣлъ ея голосъ, уподобляясь вышеупомянутому визгу.

Отецъ Варѳоломей выжидалъ удобную минуту и снова возражалъ:

— Я такъ предполагаю, что Онъ тебя если еще и по сіе время не оставилъ, то по истинѣ весьма скоро оставитъ за твое постоянно гнѣвное со мною обращеніе.

Это уже было обиднѣе всякой обиды, и Анна Аѳанасьевна по нѣкоторымъ стратегическимъ соображеніямъ находила нужнымъ отъ наступательнаго дѣйствія перейдти къ другому способу. Она, какъ-бы пораженная «ужасными» словами своего супруга, въ изнеможеніи опускалась на стулъ, а если его по близости не оказывалось, то на полъ, начинала выть, называя себя несчастной жертвой строптиваго мужа. «Ужасныя» слова мужа какъ будто наполняли до краевъ чашу ея какихъ-то страданій; подъ вліяніемъ ихъ она переносилась мыслію въ воспоминанія своей давно прошедшей юности и начинала высказывать слезливымъ голосомъ свои сожалѣнія о томъ времени, когда у ней были въ виду хорошіе женихи, изъ безчисленнаго количества которыхъ она могла выбрать достойнѣйшаго спутника жизни, ни въ чемъ не похожаго на о. Варѳоломея. Вой перемѣшивался съ жалобами на отца и мать, на судьбу и даже на самого Бога. Перепуганный, какъ воемъ и плачемъ супруги, такъ въ равной степени и ея жалобами на Бога, о. Варѳоломей сильно терялся и не зналъ, что ему дѣлать, хотя, казалось, онъ могъ бы давно пріобрѣсть полную возможность привыкнуть къ такимъ рѣзкимъ переходамъ супруги. Онъ торопливо бросался за водой и предлагалъ супругѣ «освѣжиться».

— Попадья! Попадья!.. печально, говорилъ онъ, не малодушествуй... Ну, выпей вотъ воды... Ну, ежели ужъ такъ, ну, я во всемъ виновенъ... приношу покаяніе...

— Зачѣмъ я, несчастная, на свѣтъ родилась! Зачѣмъ не убьетъ меня Господь!... продолжала съ воемъ Анна Аѳанасьевна.

— Попадья! зачѣмъ ты богохульствуешь... Говорю тебѣ не малодушествуй... Вспомни, что безъ воли Божей ни единый власъ съ главы не свалится.

Гость чувствовалъ себя въ весьма щекотливомъ положеніи и не зналъ какъ ему быть, въ особенности если онъ былъ человѣкъ еще не достаточно коротко знакомый съ жизнью Златорунскихъ. Близкіе знакомые отца Варѳоломея привыкли уже къ этому. Они даже принимали участіе въ успокоеніи Анны Аѳанасьевны и улаживали дѣло.

Но опять-таки нужно оговориться, что и такіе случаи утѣшеній составляли тоже явленіе нечастое, потому что Анна Аѳанасьевна не принадлежала къ числу нервныхъ женщинъ, пере-

считать которыхъ въ наше время также трудно, какъ звѣзды на небѣ. Она была женщина, одаренная замѣчательнымъ здоровьемъ и никогда не хворала, а потому и вой ея всего болѣе напоминалъ собою завыванье волка, когда онъ, уныло двигаясь по снѣжнымъ сугробамъ пустынной степи, горько жалуется на голодъ и пугаетъ страшнымъ завываніемъ проѣзжаго человѣка. Анна Аѳанасьевна выла собственно потому только, что это вытье составляло одинъ изъ лучшихъ способовъ одерживать побѣду.

Иногда во время крупной домашней сцены входитъ гость, человѣкъ весьма уважаемый и чтимый даже самою Анной Аѳанасьевной, для которой, между прочимъ сказать, людей, достойныхъ почитанія было немного. Изъ уваженія къ чтимому гостю она умолкаетъ и какъ будто ни въ чемъ небывало уходитъ за ширмы, въ другую половину комнаты. Отецъ Варѳоломей принимаетъ гостя, усаживаетъ его на почетное мѣсто, на диванѣ, самъ беретъ стулъ, придвигаетъ его къ столу и казалось бы, что крупной сценѣ положе́нъ конецъ. Но Анна Аѳанасьевна не успокоилась и изыскиваетъ способы, чѣмъ бы досадить о. Варѳоломею. Способъ находится скоро. Она подходитъ къ шкафику съ посудой, стоящему за ширмой, вынимаетъ изъ него тарелки и начинаетъ ими сильно гремѣть. О. Варѳоломей старается не глядѣть въ ту сторону, гдѣ стоитъ ширма и «отвратить свой слухъ» отъ производимаго супругой громыханья. Онъ спѣшитъ вступить въ пріятную бесѣду съ гостемъ и забыть о томъ, что происходитъ за ширмой. Но забыть и «отвратить слухъ» не представляется возможности, потому что Анна Аѳанасьевна съ каждой секундой начинаетъ гремѣть все сильнѣе и сильнѣе. О. Варѳоломей приходитъ, по обыкновенію, въ сильное смущеніе, теряется и не можетъ продолжать бесѣды.

— Попадья! слышится его робкій возгласъ.

За ширмой молчаніе. Слышенъ только громъ тарелокъ.

— Попадья! чѣмъ же такъ повинны предъ тобою тарелки, что ты ими громыхаешь до послѣдней степени?

Молчаніе. Слышенъ нѣкоторый трескъ чего-то разбившагося.

— Такимъ образомъ совершенно безвинно можетъ пострадать и разрушиться вся посуда!...

На этотъ послѣдній возгласъ Анна Аѳанасьевна отвѣчаетъ тѣмъ, что швыряетъ посуду какъ ни попало въ шкафъ и уходитъ въ кухню, сильно хлопнувъ дверью, такъ что стѣны домика потрясаются и изъ потолка сыплется земля.

Отецъ Варѳоломей находится нѣкоторое время въ совершенномъ недоумѣніи, не зная какъ выдти изъ такого затруднительнаго положенія. Ему хочется выразить свое удивленіе по этому поводу словами стихиры, содержаніемъ своимъ соотвѣтствующей случаю, въ родѣ, напримѣръ: «Ужасеся о семъ небо и земли удивишася концы»; но въ то же время въ немъ является желаніе «оградить» супругу отъ людскихъ навѣтовъ, а оградить, между тѣмъ, возможности никакой не представляется: уже слишкомъ ясно совершившійся фактъ говоритъ самъ за себя. Не видя никакихъ способовъ, которыми можно было оправдать поступокъ Анны Аѳанасьевны, о. Варѳоломей проситъ извинить ее «ради слабости человѣческой». Онъ быстро, опытными руками, снимаетъ со стола книги, вазочки съ цвѣтами, стряхиваетъ съ бѣлой скатерти насыпавшуюся съ потолка землю и снова по прежнему въ томъ же порядкѣ устанавливаетъ все на столѣ, не переставая въ то же время приносить оправданіе передъ гостемъ за свою супругу.

— Главная причина ея гнѣва та, что она безплодна, повѣствуетъ онъ печально гостю. Вотъ это есть первая и послѣдняя причина. Господь, какъ и вамъ самимъ это не безъизвѣстно, не благословилъ меня потомствомъ...

Онъ подавляетъ вздохъ и взглядываетъ съ выраженіемъ кроткой покорности въ передній уголъ на тотъ самый образъ, гдѣ стоятъ украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи.

Гость только что хочетъ что-нибудь сказать въ утѣшеніе о. Варѳоломею; но онъ уже торопливо поднимается со стула, и, приложивъ руку къ сердцу, спѣшитъ перебить рѣчь гостя, какъ будто боясь со стороны его возраженій относительно характера Анны Аѳанасьевны.

— Повѣрьте! Повѣрьте!... Она вообще нрава тихаго и кроткаго, но главное—безплодіе. Это главная причина. Безплодіе ее озлобляетъ. Вотъ если бы Господь даровалъ мнѣ потомство, продолжалъ онъ, то въ такомъ случаѣ жизнь моя могла уподобиться земному раю.

— Да, это вы, батюшка, справедливо, вставляетъ свое слово гость.

— Справедливо! со вздохомъ повторяетъ отецъ Варѳоломей и, находясь подъ вліяніемъ только что высказанной мысли о возможности уподобить свою жизнь земному раю, грустно добавляетъ, печально склонивъ голову на бокъ: — что дѣлать! не сподобился!...

Желая и на это что-нибудь сказать для поддержки разговора гость протягиваетъ: — Н-да-а-съ... Жизнь!... Это...

Но о. Варѳоломей успѣлъ оправиться отъ охватившей его грусти и нѣсколько возвысивъ тонъ, продолжаетъ:

— Не сподобился! уже съ нѣкоторой укоризной самому себѣ говоритъ онъ,—но что-жъ изъ сего, что я не сподобился... Могу ли я знать, какія послѣдствія могли наступить при иныхъ обстоятельствахъ? Не могъ ли бы я тогда возгордиться, возмечтать о себѣ многое... Повѣрьте! уже воодушевившись продолжаетъ онъ: повѣрьте! Милосердый Господь нашъ болѣе насъ, грѣшныхъ, о насъ же самихъ печется... Это нужно памятовать, каждодневно, ежечасно... Человѣческому уму недоступно прозрѣвать мысленнымъ окомъ въ будущее. Господь, словами апостола Павла, глаголетъ: «Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну». Нужно вполнѣ, всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣми чувствами своими предаться промыслу Божію и тогда ничто не въ состояніи будетъ нарушить мира нашей души... Повѣрьте!...

Онъ прикладываетъ, по обыкновенію, руку къ сердцу и продолжаетъ:

— Вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія...

Подтверждать свои заключенія разсказами изъ жизни, приводя въ примѣръ различныя достойныя вниманія событія, отецъ Варѳоломей весьма любилъ, и это составляло нѣкоторую его слабость. Такая слабость даже ставила его иногда въ затруднительное положеніе, хотя онъ и умѣлъ его преодолѣвать. Начиналъ онъ, напримѣръ, излагать какое-нибудь достойное вниманіе событіе, увлекался различными мелкими подробностями, незамѣтно уклонялся отъ первоначальной темы и запутывался въ такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ для другого въ этомъ случаѣ не представилось бы ни малѣйшей возможности выбраться; но о. Варѳоломей, какъ опытный проповѣдникъ, всегда умѣлъ ловко свести концы съ концами: искусно и почти совершенно незамѣтно онъ перебирался чрезъ всѣ, имъ же самимъ воздвигнутыя, препятствія на старую тему и заключалъ свой разсказъ какими-нибудь текстами изъ священнаго писанія. Противъ священнаго текста гость, конечно, уже не находилъ возможности что-либо возразить и утомленный ожиданіемъ запоздавшаго самовара, уныло начиналъ взглядывать на дверь, ведущую въ кухню.

Иногда гость, уже привыкшій слышать въ домикѣ отца Варѳоломея громкій, визгливый голосъ Анны Аѳанасьевны, изумлялся тишинѣ, царствовавшей въ домикѣ. Такъ странно было не слышать ея громкаго голоса, или хотя отдаленныхъ звуковъ его

со двора, съ улицы, съ огорода. Въ такое время, въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ такой тишины, отецъ Варѳоломей грустно подсмѣивался надъ своимъ собственнымъ положеніемъ и пояснялъ, что въ настоящее время матушка немножко не въ духѣ. Передавая это извѣстіе, отецъ Варѳоломей робко оглядывался на дверь, ведущую въ кухню, боясь, чтобы она не услыхала его смѣлыхъ отзывовъ. Боязнь эта имѣла свои основанія, потому что Анна Аѳанасьевна иногда любила подслушать, о чемъ именно ея мужъ разговариваетъ съ гостемъ, и бывали случаи, что она, какъ разсказывалъ самъ отецъ Варѳоломей, влетала «въ мгновеніе ока» въ комнату и «громогласно» начинала уличать своего супруга «якобы во лжесвидѣтельствѣ.» Такимъ образомъ, оглянувшись изъ предосторожности на дверь, отецъ Варѳоломей тише прежняго продолжалъ, что въ настоящее время у него въ домѣ еще «неспокойно» и что о томъ времени, когда собственно должно послѣдовать замиреніе, онъ достовѣрно сказать ничего не можетъ.

Увлекшись иногда подробностями разсказа отецъ Варѳоломей забывался до такой степени, что начиналъ подсмѣиваться надъ своимъ положеніемъ и находилъ его весьма комичнымъ. Иногда даже руками разведетъ въ заключеніе разсказа и, сдерживая просящійся наружу смѣхъ, закроетъ ладонями ротъ, чтобы не фыркнуть. Гость, слушая отца Варѳоломея, забываетъ совершенно о томъ, что разсказчикъ горько смѣется не надъ кѣмъ-либо другимъ, а надъ самимъ же собою, тоже заражается смѣхомъ и сдерживается, чтобы не фыркнуть. Замѣтивъ такое дѣйствіе своихъ рѣчей, отецъ Варѳоломей вдругъ овладѣваетъ собою и уже отчаянно машетъ обѣими руками надъ головой гостя и убѣдительнымъ шопотомъ проситъ его успокоиться. Иной смѣшливый гость до того заражался смѣхомъ, что выбѣгалъ, какъ угорѣлый, изъ комнаты и случалось такъ, что сталкивался въ самыхъ дверяхъ съ Анной Аѳанасьевной и фыркалъ ей прямо въ лицо. Анна Аѳанасьевна нѣсколько мгновеній недоумѣвала, но потомъ начинала гнѣваться и распекать гостя, справедливо подозрѣвая, что можетъ быть ея отношенія къ супругу были поводомъ этого смѣха. Отецъ Варѳоломей считалъ своимъ долгомъ отклонить и разсѣять всякія подозрѣнія, и оправдывалъ гостя тѣмъ, что онъ «ослабѣлъ».

Иногда и изъ-за этого поднималась буря. Такъ шло изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и изъ года въ годъ. Такъ началось съ перваго года женитьбы отца Варѳоломея, когда онъ щеголялъ еще своею темнорусой бородкой, нѣсколько клинообразной, и съ удовольствіемъ расчесывалъ длинные, вившіеся куд-

рями волосы, такъ шло и теперь, когда его темнорусая бородка уже засеребрилась сѣдыми волосами и вмѣсто длинныхъ кудрей на головѣ оказались весьма рѣдкіе волосы пепельнаго цвѣта, которые онъ все-таки тщательно всегда расчесывалъ, потому что любилъ имѣть «видъ благообразный».

Вообще говоря, онъ любилъ во всемъ «благообразіе.» Хотя Анна Аѳанасьевна и ставила себя во главѣ дома, но это только могло относиться къ экономической сторонѣ дѣла: чистота и порядокъ во всемъ поддерживались самимъ отцемъ Варѳоломеемъ. Анна Аѳанасьевна и за это его иногда распекала, будучи недовольна, что онъ «суется» не въ свое дѣло, какъ, напримѣръ, мететъ иногда комнаты, отираетъ пыль съ мебели, моетъ цвѣты. Онъ покушался не разъ забрать подъ свое непосредственное вѣдѣніе мытье пола и даже изобрѣлъ для этого особый снарядъ, чтобы можно было мыть не сгибая спины, но Анна Аѳанасьевна снарядъ «сокрушила», и нашла, что такое занятіе священнослужителю не благопристойно. Отецъ Варѳоломей и самъ съ этимъ согласился, хотя внутренно остался при своемъ убѣжденіи, что неблагопристойнаго въ этомъ ничего нѣтъ, ибо всякій трудъ, служащій на поддержаніе чистоты въ жилищѣ, не только полезенъ для человѣка, но пріятенъ и Богу. На эту тему онъ когда-то въ давно прошедшіе дни написалъ даже стихотвореніе о трудѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что:

«Трудъ—веселье благодатное,
Трудъ — и радость и покой,
Трудъ — услада необъятная
Въ нашей юдоли земной.»

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что кромѣ этого «гимна» труду онъ переложилъ когда-то на стихи тропарь Николаю Чудотворцу, который начинался такъ:

«Ты вѣры правило, ты кротости законъ,
Ты воздержанія есть истинный учитель.
Явилъ тебя Господь, послалъ ко стаду Онъ,
И это истина, нашъ пастырь просвѣтитель...

и т. д., весьма близко къ подлиннику.

Какъ эти стихотворенія, такъ и нѣкоторыя другія, большею частію религіознаго содержанія, отецъ Варѳоломей покушался когда-то «предать печати» подъ заглавіемъ: «Скромный плодъ вдохновенія, навѣяннаго смиренной музой»; но по зрѣломъ размышленіи покушеніе это оставилъ втунѣ, боясь заразиться тщеславіемъ.

Это было давно, еще въ первые годы его священнослужительства. Послѣдующія событія, и вообще говоря, «волны житейскаго моря» лишили его піитическаго дарованія. Впрочемъ нѣкоторое стремленіе къ литературнымъ трудамъ сохранилось въ немъ до сѣдыхъ волосъ, какъ объ этомъ читатель узнаетъ въ свое время.

II.

Между множествомъ причинъ, вызывавшихъ, по словамъ отца Варѳоломея, «междоусобія», главное мѣсто занимало не одно то именно обстоятельство, на которое онъ указывалъ, т. е. безплодіе Анны Аѳанасьевны, но и нѣкоторыя другія. Анна Аѳанасьевна имѣла страсть къ благамъ міра сего, заключавшимся, по ея понятіямъ, въ деньгахъ и въ различнаго рода приношеніяхъ со стороны прихожанъ, между тѣмъ отецъ Варѳоломей относился къ этимъ предметамъ весьма равнодушно и о благахъ міра имѣлъ совершенно другія понятія. Для него составляло удовольствіе помочь нуждающемуся чѣмъ возможно, а если еще при этомъ представлялся случай пріятно побесѣдовать, то онъ уже былъ несказанно счастливъ. Анна Аѳанасьевна этимъ не ограничивалась. Ее даже иногда сердило то, зачѣмъ мужъ ея такъ спокоенъ; она можетъ быть даже завидовала, что его ничто не волнуетъ, не выводитъ изъ себя и вслѣдствіе этого еще болѣе начинала сердиться и досадовать на отца Варѳоломея. Несмотря на свою повидимому не веселую жизнь, съ всегдашними «междоусобіями», онъ, казалось, мало тяготился ею и какъ будто находилъ, что иначе и быть не можетъ; а если иногда и приходилось ему жутко, то только въ самый разгаръ битвы; чрезъ пять минутъ по ея окончаніи онъ уже о ней совершенно позабывалъ. Слова: «междоусобія и битва», не нужно понимать въ ихъ настоящемъ значеніи, потому что, какъ сказано выше, войну вела только одна Анна Аѳанасьевна, она заключала перемирія, она ихъ нарушала, а отецъ Варѳоломей, вѣрнѣе говоря, былъ только наблюдателемъ, даже очень спокойнымъ. Но такъ какъ, опредѣляя свои отношенія къ супругѣ, онъ употреблялъ именно эти выраженія и сопричислялъ себя къ числу тоже воинственныхъ людей, то они и остаются въ нашемъ повѣствованіи въ томъ самомъ значеніи, какъ ихъ понималъ отецъ Варѳоломей, т.-е. въ значеніи болѣе комическомъ.

Относясь спокойно и холодно къ благамъ міра сего, т.-е. къ приношеніямъ прихожанъ, отецъ Варѳоломей вызывалъ, ко-

нечно, заслуженный гнѣвъ своей супруги. Мало того, что онъ довольствовался за свои труды тѣмъ, что ему дадутъ, но еще часто исполнялъ всякія требы безплатно и такого рода противузаконными, по мнѣнію Анны Аѳанасьевны, дѣйствіями выводилъ ее изъ терпѣнія. Ей казалось, что онъ такъ поступаетъ на зло ей, чтобы только досадить, вывести ее изъ терпѣнія и за это она, послѣ каждаго такого случая, обрушивалась на него всею силою своего строптиваго нрава.

Въ двухъ верстахъ отъ усадьбы Сумракова была деревня Ульяновка, принадлежавшая какому-то давно разорившемуся и разорившему своихъ крестьянъ помѣщику; мужики этой деревеньки были бѣдные, часто голодали и перебивались кое-какъ отъ жатвы до жатвы. Случалось такъ, что они обращались къ отцу Варооломею и просили его посредничества предъ владѣльцемъ усадьбы, отставнымъ генераломъ, Николаемъ Савичемъ Сумраковымъ, не надѣясь сами выпросить у него помощи. Отецъ Варооломей, конечно, съ величайшею заботою выслушивалъ ихъ просьбы и неотступно ходатайствовалъ за бѣдныхъ крестьянъ предъ Николаемъ Савичемъ, забывая въ это время про то, что Николай Савичъ «вельможа» и вельможа важный, порой сурово-строгій и даже неприступный.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ о. Варооломей, не только предъ лицомъ Николая Савича, но даже заочно, отзывался о немъ съ большою почтительностію и почти съ боязнію, какъ о лицѣ слишкомъ высоко стоящемъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, въ особенности по отношенію къ нему, совершенно безвѣстному сельскому священнику; въ случаяхъ же ходатайства за мужиковъ весь страхъ его исчезалъ, и онъ изъ робкаго, застѣнчиваго человѣка превращался въ неотступнаго просителя. Николай Савичъ хмурился, сердито ворчалъ, и такъ какъ каждую весну при посѣвѣ хлѣба повторялись подобныя просьбы, то онъ, наконецъ, отказывался помогать, обвиняя мужиковъ въ пьянствѣ. Отецъ Варооломей начиналъ молить, упрашивать, точно этою помощію должна была рѣшиться его собственная роковая участь. Однажды Николай Савичъ, несмотря нà продолжительныя просьбы о. Варооломея, на его горячую, полную чувства рѣчь о томъ, что всѣ мы должны носить тягость другъ друга, наотрѣзъ отказался сдѣлать какую бы то ни было помощь и даже застучалъ о-полъ своимъ костылемъ; о. Варооломей заплакалъ и упалъ предъ нимъ на колѣни. Николай Савичъ до того былъ пораженъ этимъ, что самъ бросился поднимать о. Варооломея и заморгалъ глазами, стараясь скрыть набѣжавшую слезу. Этотъ случай навсегда

остался въ памяти Сумракова: онъ положилъ за правило уже, безъ всякихъ просьбъ о. Варѳоломея, выдавать каждую весну извѣстное количество хлѣба ульяновскимъ мужикамъ, такъ какъ поля ихъ не унаваживались и за неимѣніемъ нужнаго количества скота, и урожаи всегда были плохи. Съ этого же времени онъ началъ, каждый разъ при встрѣчѣ съ о. Варѳоломеемъ, протягивать ему руку для полученія благословенія, чего прежде за нимъ не водилось и приказалъ своему управляющему увеличить содержаніе о. Варѳоломея, справедливо сознавая, что этимъ увеличеніемъ дѣлаетъ добро многимъ.

Такія ходатайства за совершенно постороннихъ людей сердили Анну Аѳанасьевну и возстановляли противъ мужа, потому что она хотѣла бы лучше для себя добиться помощи, чѣмъ для другихъ. Бывали и такіе случаи, что о. Варѳоломей не только дѣлался посредникомъ между бѣдными мужиками и Николаемъ Савичемъ, а помогалъ имъ самъ изъ своихъ небогатыхъ средствъ.

Приходитъ, напримѣръ, мужикъ съ просьбой о помощи и валится въ ноги о. Варѳоломея, начиная во все горло выть. Отецъ Варѳоломей строгимъ шопотомъ начинаетъ усовѣщевать просителя:

— Молчи! Молчи! въ ужасѣ шепталъ онъ: молчи!

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ, вопитъ мужикъ, стукаясь лбомъ о полъ.

— Вставай! Вставай! Грѣховодникъ ты этакой! Кому ты кланяешься? Кому? Ты долженъ Господу Богу поклоняться и ему единому служить.... Вставай!...

Мужикъ лѣниво поднимается и начинаетъ громко разсказывать свое горе, что давно хлѣба нѣтъ, что семья третій день сидитъ голодная, что ходилъ и туда и туда...

Отецъ Варѳоломей только руками машетъ и проситъ говорить тише, а самъ оглядывается не слышитъ ли Анна Аѳанасьевна. Удостовѣрившись, что ее нѣтъ дома, онъ «тихими стопами» отправляется въ свою амбарушку для того, чтобы исполнить просьбу бѣдняка.

— Ты, главное, много не говори, замѣчаетъ при этомъ о. Варѳоломей; помни, что въ многоглаголаніи нѣсть спасенія, а потому, касательно снабженія тебя хлѣбомъ ты лучше умолчи. Я съ великою готовностію радъ тебѣ услужить и помочь. Но ты помни слова Господа нашего, который глаголетъ: «ищите прежде царствія Божія и правды его, а вся временная благая приложатся вамъ». Вотъ, напримѣръ, я тебѣ, братецъ мой, скажу, было однажды достопамятное событіе въ царствованіе въ Бозѣ почившаго благовѣрнаго государя нашего Александра Благосло-

веннаго. Во время одного изъ своихъ путешествій по государству онъ долѣе обыкновеннаго оставался на почтовой станціи..

Мужикъ стоялъ предъ о. Варѳоломеемъ съ открытой головой и внимательно слушалъ разсказъ; а разскащикъ, уже не обращая вниманія на то, что амбарушка еще не заперта и мужицкая телѣга съ мѣшкомъ хлѣба стоитъ посреди его двора, обстоятельно со всѣми подробностями разсказывалъ про достопамятное событіе.

Подъ вліяніемъ представившагося случая сдѣлать добро ближнему и даже еще имѣть возможность побесѣдовать съ нимъ, отецъ Варѳоломей совершенно забывалъ про то, что матушка въ это время можетъ возвратиться домой и уличить его на мѣстѣ преступленія въ томъ, что онъ «расточаетъ» свое имѣніе. Несмотря на то, что уже бывали такіе случаи и вели за собою весьма продолжительныя «пререканія», о. Варѳоломей былъ неисправимъ. Въ первое время онъ пугался, когда Анна Аѳанасьевна нападала на него въ расплохъ и даже не зналъ что говорить, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо: тутъ стоялъ и мужикъ съ открытой головой, тутъ же стояла и тощая клячёнка съ мѣшкомъ муки на телѣгѣ; но отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ о. Варѳоломей обтерпѣлся и на упреки жены «за расточительство» указывалъ ей на ея малодушіе.

— Попадья! Попадья! говорилъ онъ, отчего ты не памятуешь о житіи святаго Филарета Милостиваго? Ужели въ твоемъ воспоминаніи не осталось никакихъ слѣдовъ изъ моихъ разсказовъ о дѣяніяхъ сего замѣчательнаго угодника Божія...

Но указывать на малодушіе ему приходилось не долго, потому что чрезъ двѣ-три минуты Анна Аѳанасьевна уже визжала на весь дворъ, и изъ ея устъ лились одно за другимъ, въ безконечномъ количествѣ, различныя опредѣленія касательно нравственныхъ свойствъ о. Варѳоломея: тутъ слышались и «аспидъ», и «василискъ», и такія непонятныя слова, которыя могла придумать только разсерженная супруга о. Варѳоломея, строгая блюстительница его хозяйственныхъ интересовъ.

Крестьянинъ, послужившій новою причиною продолженія «междоусобій», спѣшилъ поскорѣе ретироваться и если успѣвалъ, то увозилъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, а если нѣтъ, то оставлялъ его на полѣ битвы до слѣдующаго благопріятнаго случая, когда Анны Аѳанасьевны не будетъ дома. О. Варѳоломей, замѣчая, что авторитетъ Филарета Милостиваго сильно страдаетъ въ этомъ междоусобіи, благоразумно отступалъ и оставлялъ поле битвы. Онъ удалялся внутрь домика, плотно притворялъ за собою дверь для того, чтобы не слышать, какъ раздается во дво-

рѣ звонкій голосъ Анны Аѳанасьевны, не видѣть, какъ испуганныя этимъ крикомъ куры, вмѣстѣ съ солидно ходившимъ до того времени пѣтухомъ, торопливо улепетываютъ въ отдаленную часть поповскаго двора, въ болѣе безопасное, по ихъ понятіямъ, мѣсто.

Отецъ Варѳоломей, вслѣдствіе неудавшагося случая сдѣлать добро и вообще вслѣдствіе «возникшихъ» вновь непріятностей, печально склонялся головой на передиванный столъ и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

Если кому-либо изъ читателей случалось видѣть въ Эрмитажѣ картину Бруни «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду», то онъ отчасти вѣрно можетъ представить себѣ выраженіе лица о. Варѳоломея въ то время, когда онъ, поднявъ голову отъ стола, смотрѣлъ въ передній уголъ на икону, слабо освѣщенную свѣтомъ лампады.

Какъ ни далеко заходили иногда домашнія непріятности, какъ ни было трудно и, главное, обидно переживать ихъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ, когда замѣшивался и страдалъ при этомъ интересъ третьяго лица, но о. Варѳоломей умѣлъ переживать: судя по его же собственнымъ словамъ, всѣ страданія сердца и боль, иногда «мгновенно» охватывавшая душу, разсѣевались при одномъ только взглядѣ на икону Долготерпѣвшаго, при одной мысли о неисповѣдимомъ Его промыслѣ, разсѣевались такъ же, какъ во храмѣ «ѳиміамъ куренія».

Успокоивъ такимъ образомъ свои взволнованныя чувства, о. Варѳоломей уже начиналъ обдумывать, какъ бы поскорѣй устроить, чтобы мѣшокъ съ мукой передать по принадлежности. А во дворѣ между тѣмъ все еще гремитъ голосъ Анны Аѳанасьевны. Она, какъ говорится, расходилась и сама не можетъ собою владѣть. Сосѣди, прильнувъ лицомъ къ щелямъ забора, наблюдаютъ за теченіемъ событій во дворѣ о. Варѳоломея; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ это, начинаетъ ихъ распекать и въ досадѣ швыряетъ въ нихъ первое попавшееся подъ руку, не разбирая, полѣно ли попало, камень или что другое. Однажды въ азартѣ она кинула въ сосѣдній дворъ даже посохъ отца Варѳоломея, который онъ только-что было-выкрасилъ въ голубой цвѣтъ, сильно имъ, между прочимъ сказать, любимый.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ оканчивались соображенія о передачѣ мужику мѣшка съ хлѣбомъ, о. Варѳоломей осторожно подходилъ къ двери, прикладывалъ ухо къ ея скважинѣ и начиналъ вслушиваться въ неумолкающій визгъ Анны Аѳанасьевны, печально повторяя про себя: соблазнъ! соблазнъ!... Дождавшись, наконецъ, того времени, когда во дворѣ

возстановлялась тишина, онъ глубоко, глубоко вздыхалъ, точно по окончаніи тяжелой работы и садился за книгу, чтобы забыться окончательно и успокоиться, для чего и надвигалъ на носъ старинныя серебряныя очки солидныхъ размѣровъ. Иногда междоусобіе этимъ и оканчивалось; супруга, сознавъ свое превосходство и восторжествовавъ надъ мужемъ, сурово принималась за свои домашнія дѣла, не обращая вниманія на о. Варѳоломея.

Вслѣдствіе этого онъ уже совершенно успокоивался и углублялся въ чтеніе духовной книги; но читая, напримѣръ, о битвѣ филистимлянъ съ израильтянами во время Саула и Іонаѳана, онъ какъ-то невольно задумывался надъ вопросомъ о томъ, къ которому собственно изъ ихъ лагерей могла быть сопричислена его воинственная супруга.

Такъ дешево отдѣлаться за посягательство «расточать» свое имѣніе о. Варѳоломею приходилось не часто, потому что Анна Аѳанасьевна не всегда ограничивалась тѣмъ, что срывала большую часть гнѣва на сосѣдяхъ, его оставалось и на долю о. Варѳоломея достаточное количество. Въ такомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ на нѣкоторое время «удалиться» изъ своего дома, чтобы дать возможность скорѣе утихнуть домашнимъ волненіямъ. Онъ уходилъ въ поле, бродилъ по лѣсу, забирался на горы и совершенно забывалъ о томъ, какія причины вызывали его изъ дома. Иногда въ такое время домашнихъ баталій его можно было встрѣтить сидящимъ на крутомъ обрывѣ горы и наблюдающимъ закатъ солнца. Сидитъ онъ и смотритъ, какъ уходитъ за дальнія горы великое свѣтило, какъ постепенно скрывается отъ глазъ его послѣдняя блестящая точка, и во всѣ стороны неба изъ яркаго пламени вечерней зари разстилаются полукругомъ его блѣднѣющіе лучи; вотъ оно уже совершенно скрылось отъ глазъ, а лучи все еще видны на небѣ и прорѣзываются сквозь легкія облака, озолоченныя и окрашенныя необъяснимо-чудными цвѣтами. Сидитъ о. Варѳоломей и все смотритъ, и только порывистѣе и порывистѣе дѣлается его дыханіе, видно, что на глубинѣ души его что-то творится и просится наружу; онъ, наконецъ, не выдерживаетъ, встаетъ на ноги, снимаетъ, шляпу и начинаетъ пѣть со слезами на глазахъ: «Величитъ душа моя Господа!..

Но темнѣетъ все болѣе и болѣе горизонтъ; догорающая заря, тихая предвѣстница ночи, кладетъ на лѣсъ и поля и горы какой-то таинственный мягкій полусвѣтъ, и постепенно скрываетъ ихъ отъ глазъ отца Варѳоломея. Вотъ уже скрылись «подъ пологомъ ночи» всѣ отдаленные предметы, милліоны звѣздъ забли-

стали въ невѣдомомъ, непостижимомъ человѣческому уму пространствѣ; таинственная полоса млечного пути раскинулась по всему небу, и блѣдная луна, какъ ночи стражъ, медленно поднимаясь съ востока, стала совершать свое шествіе, покорная вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ мірозданія.

— День прешедъ, благодарю тя Господи, шепчетъ о. Варѳоломей, отправляясь обратно въ свой домикъ, и нипочемъ уже для него всякія междоусобія, распри, и все, все, что человѣка мучитъ, волнуетъ, давитъ...

III.

Не всегда же такъ шла жизнь о. Варѳоломея, что онъ долженъ былъ искать успокоенія только въ созерцаніи природы и въ вызываемыхъ ею восторженно-духовныхъ настроеніяхъ. Бывали и другіе дни, и не бывать они не могли, ибо какой бы злой мачихой ни была судьба, но и ей можетъ наскучить постоянно сыпать колотушки на неповинную голову своего питомца.

Извѣстно, что нѣтъ такого мѣста на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ небо постоянно покрыто тучами, гдѣ не перестаетъ завывать буря и, подъ шумными раскатами грома, изливается на землю безконечный дождь. Хотя на непродолжительное время, но и въ такихъ мѣстахъ, которыя самимъ Богомъ обижены, свѣтитъ ясное солнце и даетъ возможность угрюмому жителю пустынныхъ мѣстъ видѣть рѣдкаго небеснаго гостя, ненадолго выглядывающаго изъ-за густыхъ слоевъ мрачныхъ и грозныхъ тучъ. Такъ и въ жизни о. Варѳоломея бывали такіе дни, когда прекращались всякія «междоусобія», не только по отношенію къ нему, но и ко всѣмъ обитателямъ ближнихъ и дальнихъ избъ сумраковскаго имѣнія. Казалось, возстановлялся прочный миръ. Но при наступленіи такихъ дней отецъ Варѳоломей, искушенный жизненнымъ опытомъ, нѣсколько малодушествовалъ, недовѣрчиво относясь къ прочности и продолжительности наступившаго мира, и печально «мнилъ», что не представляютъ ли наступившіе дни собою чего-либо другого. Его думы всего болѣе склонялись къ тому, что этотъ миръ есть только скоропроходящее перемиріе; что, вѣроятно, чрезъ непродолжительный періодъ времени до его слуха опять донесутся со двора громкіе звуки голоса Анны Аѳанасьевны, предвѣщая начало новой войны, можетъ быть даже такой, которой послѣдствія отразятся на немъ, и что, можетъ быть, эта война будетъ даже «горшѣе первыхъ». Онъ, конечно, имѣлъ уважительныя основанія такъ думать, по-

тому что бывали въ прошедшее время случаи необыкновенно быстраго перехода отъ мирнаго хода событій къ самой шумной баталіи. Достаточно было того, чтобы какой-нибудь пятилѣтній мальчуганъ пустилъ камнемъ въ голосистаго пѣтуха, до небесъ превозносимаго Анной Аѳанасьевной, и поднималась такая перепалка, во время которой не только безслѣдно пропадалъ во дворѣ сосѣдей голубой посохъ о. Варѳоломея, но грозила такая же опасность даже фіолетовой скуфьѣ, полученной имъ за примѣрный порядокъ и исправность по службѣ. Но иногда мнительность о. Варѳоломея, къ счастію его, не оправдывалась: миръ дѣйствительно наступалъ, Анна Аѳанасьевна успокоивалась и дѣлалась примѣрной супругой, скромной и любящей подругой жизни. Другой, со стороны глядя, могъ только изумляться такъ быстро наступившей перемѣнѣ въ характерѣ Анны Аѳанасьевны. Она какъ будто утомлялась, наконецъ, постоянными междоусобіями и искала отдохновенія, какъ ищетъ его всякій воинъ послѣ продолжительныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій. Она, казалось, начинала ощущать потребность тишины и даже не обращала вниманія на такіе проступки сосѣдей, за которые въ другое время могла ихъ сильно распечь. Можетъ быть эта потребность тишины являлась вслѣдствіе того гордаго сознанія, что «порядокъ возстановленъ», по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Такое возстановленіе порядка, а слѣдовательно и относительную прочность мира о. Варѳоломей узнавалъ по несомнѣннымъ признакамъ: въ кухнѣ его домика появлялись жители сосѣднихъ избъ, по преимуществу женскаго пола (даже можно сказать: «исключительно»), кипѣлъ самоваръ совершенно не въ указанное время и слышались звуки мирной, отчасти веселю шумной бесѣды о курахъ, поросятахъ и о разныхъ предметахъ, относящихся до сельскаго хозяйства. Распивая чаи съ своими недавними врагами, Анна Аѳанасьевна не забывала и своего супруга: она сама, какъ онъ говорилъ: «собственною своею персоною» приносила ему чаю, безъ всякаго съ его стороны объ этомъ напоминанія и поставивъ стаканъ на передвиванный столъ, нѣсколько разъ трепала своего супруга по плечу, а иногда даже и цѣловала въ лобъ, приговаривая: «Охъ, ты мой попикъ смирненькой». О. Варѳоломей млѣлъ и таялъ отъ такой ласки и за эту одну ласку готовъ былъ перенести тысячи новыхъ баталій. Ласки и внимательность Анны Аѳанасьевны не ограничивались только этимъ: въ такіе дни она вспоминала, какія кушанья любитъ о. Варѳоломей, и за обѣденнымъ столомъ неожиданно появлялась уха изъ свѣжей рыбы, творогъ со сметаной и прочая благодать. Что чувствовалъ въ такое время о. Варѳоломей,

выразить и передать невозможно, хотя бы даже въ блѣдномъ очеркѣ.

— Ну что, попикъ, сытъ? спрашивала въ такіе дни Анна Аѳанасьевна послѣ обѣда.

— Сытъ, матушка! отвѣчалъ о. Варѳоломей, приложивъ руку къ груди: премного сытъ и необъяснимо признателенъ вамъ...

— Не хочешь ли къ вечеру простокваши съ корицой и съ сахаромъ? а? Попикъ? Хочешь? вопрошала Анна Аѳанасьевна, подсаживаясь къ нему рядомъ на диванъ.

— Что-жъ, простокваши хорошо... неотяготительно и для желудка...

— Ну, то-то.... А можетъ и ягодокъ бы съѣлъ съ сахаромъ, а?

— Нѣтъ, къ чему же? Простокваши достаточно... Только я думаю, не очень ли вы много матушка заботитесь...

— Ну, ну, молчи... Поцѣлуй меня! Охъ ты лысенькая моя головушка!...

— Неужли-жъ я, матушка, уже лысенькой? Я предполагаю, что такое названіе нѣсколько преждевременно...

— Ну, чего преждевременно! Лысой будешь не сегодня— завтра... До лысины дожилъ, а дѣтей не нажилъ...

Это напоминаніе нѣсколько омрачаетъ прелесть минуты. Отецъ Варѳоломей вздыхаетъ; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ вздохъ, хочетъ развлечь своего супруга чѣмъ-нибудь, и иногда въ припадкѣ нѣжности наклонитъ его голову къ себѣ на колѣни и дастъ ему нѣсколько ударовъ въ спину, какъ будто въ наказаніе за то, отчего, доживъ до лысины, не нажилъ себѣ дѣтей.

— Виноватъ, матушка, простите по великодушію вашему... Не сподобилъ Господь... оправдывается о. Варѳоломей, не имѣя возможности поднять приклоненную къ колѣнамъ супруги голову.

— То-то, не сподобилъ Господь!...

И опять въ припадкѣ нѣжности Анна Аѳанасьевна угощаетъ его тумаками.

Вообще, все какъ-то у нея выходило рѣзко, крупно и грубо, даже самыя ласки.

Во всѣ дни мира о. Варѳоломей бывалъ въ необыкновенно пріятномъ и сладостно спокойномъ расположеніи духа.

Хотя такое состояніе онъ испытывалъ иногда и во времена междоусобій, но тогда оно вызывалось совершенно-другими причинами и послѣдствіемъ его было духовное наслажденіе, въ состояніи котораго о. Варѳоломей какъ бы отрѣшался отъ всего земного и становился выше его. Но домашній миръ вызывалъ

въ немъ нѣкоторыя другія дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ было не отрѣшеніе отъ всего земного, а тихое наслажденіе имъ. Въ такое время онъ любилъ, напримѣръ, расхаживать по своей комнатѣ, заложивъ руки за широкій поясъ подрясника, вышитый шерстями яркихъ цвѣтовъ, и расхаживалъ онъ не такъ, какъ обыкновенно бывало, т.-е. нѣсколько сгорбившись, а высоко закинувъ голову, какъ-бы обозрѣвая на потолкѣ щели, въ которыя во времена междоусобій сыпалась земля. Расхаживая такимъ образомъ, онъ распѣвалъ нѣжнымъ теноромъ ирмосы и въ особенности: «Понтомъ покрывъ Фараона съ колесницами», можетъ быть потому, что этотъ ирмосъ по содержанію своему отчасти соотвѣтствовалъ событіямъ текущаго дня. Анна Аѳанасьевна даже любила слушать его пѣніе, такъ оно было пріятно, и какъ будто даже кстати. Насладившись пѣніемъ, о. Варѳоломей любилъ посидѣть на диванѣ въ полулежачемъ положеніи и порадоваться на свое счастіе. Подъ вліяніемъ этого счастія онъ иногда вдругъ снова закидывалъ высоко кверху голову и начиналъ, собственно ни къ кому не обращаясь, разсказывать о прелестяхъ мира въ его семейной жизни и разсказывалъ, случалось, довольно долго; но въ сущности это былъ не разсказъ, а нѣчто напоминающее лирическое стихотвореніе, въ которомъ восторженный поэтъ выражаетъ свои чувства.

— Какъ сладко жить на свѣтѣ, говорилъ онъ въ услажденіе самому себѣ: какъ сладко жить человѣку, когда божественная благодать, немощная врачующая и оскудѣвающее наполняющая, снисходитъ на его кровъ. Какъ безпредѣльна и безконечна милость Божія къ такому грѣшному и недостойному рабу, каковымъ всегда и по достоинству именую я себя... И т. д. въ этомъ родѣ.

Возблагодаривъ Создателя міровъ за незаслуженныя будто бы наслажденія благами жизни, о. Варѳоломей отправлялся обозрѣвать свой дворъ, огородъ, и все это казалось ему въ такое время отличающимся чѣмъ-то особенно хорошимъ, точно вмѣстѣ съ нимъ вся природа и все его домашнее хозяйство готово было запѣть какой-нибудь торжественный ирмосъ, въ родѣ того же «Понтомъ покрывъ».

Въ такіе дни «возстановленія порядка» Анна Аѳанасьевна не ставила въ вину о. Варѳоломею даже и того, что онъ «шлялся по больнымъ», тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ она за это распекала постоянно, и будучи мнительна заставляла его, по возвращеніи отъ больныхъ, снимать все верхнее платье и провѣтривать. Нужно замѣтить, что когда впервые зашла рѣчь объ этомъ, о. Варѳоломей усумнился въ справедливости словъ

своей супруги и подумалъ, что она шутитъ; но когда оказалось, что Анна Аѳанасьевна нисколько и не думаетъ шутить, а хочетъ въ дѣйствительности ввести такія строгія карантинныя мѣры, о. Варѳоломей рѣшился протестовать. Главное, было обидно то, что онъ не былъ объ этомъ предувѣдомленъ заблаговременно: Аннѣ Аѳанасьевнѣ вдругъ пришло въ голову ввести эту мѣру, и именно въ то время, когда онъ только-что возвратился отъ больного и хотѣлъ войти въ комнату.

— Вѣдь это, матушка, совершенно неблагопристойно, обиженно замѣтилъ онъ.

— А неблагопристойно, такъ оставайся на дворѣ до сумерекъ; въ комнату до того времени не пущу....

— Мнѣ по сану моему неблагопристойно быть даже безъ рясы, а вы требуете, чтобы я и подрясникъ снялъ. Это нѣсколько странно... Наконецъ, я не могу знать предѣловъ вашего желанія, можетъ быть вы потребуете моего совершеннаго разоблаченія посреди двора при свѣтѣ дня...

Но Анна Аѳанасьевна была непреклонна и сдѣлала только незначительную уступку, а именно порѣшила на томъ, что о. Варѳоломей, по возвращеніи отъ больныхъ, можетъ требовать «перемѣнку» и переоблачаться въ прихожей. Иногда эти путешествія по больнымъ сильно раздражали Анну Аѳанасьевну, и долго послѣ «переоблаченія» ему приходилось выслушивать упреки супруги. Но въ дни мира она не только не упрекала о. Варѳоломея въ полнѣйшемъ, будто бы, невѣжествѣ въ дѣлѣ леченія болѣзней, но даже сама сопутствовала ему въ посѣщеніи какого-нибудь Сидора или Ефрема, «изнемогающаго въ недугѣ». Стоило только о. Варѳоломею въ такое время сказать, что «по справедливости говоря, матушка», намъ надлежало бы посѣтить такого-то, и она, безъ всякихъ споровъ и возраженій, соглашалась ему сопутствовать. Согласіе свое на посѣщеніе больного она выражала тѣмъ, что молча накидывала на голову красный шерстяной платокъ, торопливо совала подъ него выбившіяся на лобъ волоса и кротко отвѣчала: «Ну, пойдемъ», что̀ доказывало о приносимой ею жертвѣ въ угоду мужу.

О. Варѳоломей всегда очень соболѣзновалъ о томъ, что неискусенъ «въ наукѣ врачеванія тѣлесныхъ болѣзней» и подъ вліяніемъ этого, а также и по сохранившейся страсти къ литературнымъ занятіямъ, написалъ однажды докладъ по начальству о необходимости преподаванія нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣній въ семинаріяхъ. Хотя въ этомъ докладѣ и говорилось предварительно о небесномъ Врачѣ, исцѣляющемъ всякіе недуги, говорилось даже весьма пространно, и затѣмъ очень осторожно

было приступлено къ необходимости оказыванія нѣкоторой помощи земными средствами; но докладъ высшему начальству не понравился, и о. Варѳоломей получилъ за него изрядную нахлобучку. «Богъ съ ними, говаривалъ онъ по этому поводу, съ нихъ взыщется. Будетъ время, будутъ другіе люди и другіе порядки, а я, непотребный, чѣмъ могу, тѣмъ и служу». Въ ожиданіи лучшаго будущаго онъ ограничивался тѣмъ, что приносилъ больному чаю «на запарочку» или сушоной малины, другихъ средствъ для излеченія болѣзней онъ не зналъ, ибо и самъ другими средствами никогда не лечился.

Случалось, что Анна Аѳанасьевна приглашала его сопутствовать, но только уже не къ больнымъ, а на скотный дворъ, чтобы посмотрѣть въ какомъ состояніи здоровья находится ихъ собственная стельная корова. О. Варѳоломей изъявлялъ, конечно, полнѣйшую готовность и шелъ на скотный дворъ; приходили, смотрѣли на стельную корову и иногда любовались, глядя, какъ она пережевываетъ солому. Если являлось какое-либо сомнѣніе относительно состоянія ея здоровья, то о. Варѳоломей обходилъ ее со всѣхъ сторонъ, внимательно оглядывалъ и старался успокоить Анну Аѳанасьевну, говоря, «что по веселому взору животнаго дурного предположить ничего нельзя».

Возвращались домой, мирно садились за ужинъ (ужинали всегда въ кухнѣ) и отходя ко сну, о. Варѳоломей усердно благодарилъ Создателя за то, что Онъ не по достоинству и не по заслугамъ награждаетъ его земными благами.

Такъ въ одинъ изъ такихъ дней, въ домикѣ о. Варѳоломея былъ миръ и спокойствіе, и даже болѣе въ «сугубой» степени, потому, можетъ быть, что на слѣдующій день утромъ о. Варѳоломей долженъ былъ отправиться въ Петербургъ по дѣламъ службы и потому, можетъ быть, Анна Аѳанасьевна была въ этотъ вечеръ особенно кротка, любезна и внимательна къ мужу. Уже совершенно стемнѣло. О. Варѳоломей изъявилъ желаніе поужинать; но только что Анна Аѳанасьевна приготовилась подавать ужинъ, и босоногая дѣвочка, единственная прислуга въ ихъ домѣ, потащила изъ печки кушанье, какъ изъ дома Сумраковыхъ явился посланный и передалъ о. Варѳоломею, что Николай Саввичъ желаетъ его сегодня видѣть.

— Что же, матушка, отложимъ на нѣкоторое время ужинъ? суетливо предложилъ о. Варѳоломей.

— Ну, отложимъ. Иди, да только не болтайся долго-то... Слышишь?

— Слышу, слышу, матушка... Конечно, я не замедлю. Любопытно мнѣ узнать, какая настоятельная надобность его прево-

сходительству во мнѣ и въ такое ночное время, говорилъ онъ, отыскивая свою шляпу.

— Ну, что ты испугался? что ты суешься изъ угла въ уголъ, точно угорѣлъ? замѣтила Анна Аѳанасьевна, видя, что поиски о. Варѳоломея ни къ чему не ведутъ.

— Отчего же мнѣ пугаться, я такъ предполагаю, что повинностей за мною никакихъ нѣтъ, отчего же я буду пугаться...

— Нашелъ что ли? Мелешь, .самъ не зная что... нашелъ? нетерпѣливо спрашивала супруга.

— Вы, матушка, успокойтесь, я отыщу, я въ самомъ скоромъ времени отыщу, увѣрялъ онъ, тщательно оглядывая всѣ углы и потомъ вдругъ снова увлекся неожиданностію приглашенія.

— Любопытно мнѣ знать, какая такая настоятельная надобность...

— Да нашелъ ли ты, наконецъ, шляпу-то? Господи!..

— Благодареніе Создателю,—вотъ она! торжественно оповѣстилъ о. Варѳоломей, и объяснивъ еще супругѣ, что пугаться ему положительно нѣтъ никакого основанія, тронулся наконецъ въ путь.

IV.

Сидитъ о. Варѳоломей въ почтительной позѣ, на кончикѣ стула, въ кабинетѣ Николая Саввича. Николай Саввичъ медленно и лѣниво сосетъ свой чубукъ, и по обыкновенію хмурится. Онъ молчитъ, и не то дремлетъ, не то что-то обдумываетъ, всего вѣрнѣе послѣднее, потому что во время дремоты его сѣдыя брови не такъ близко сдвигаются одна къ другой. Отецъ Варѳоломей находится въ большомъ недоумѣніи, ибо еще не получилъ надлежащихъ свѣдѣній о томъ, какая настоятельная надобность встрѣтилась въ немъ въ ночное время. Онъ давно уже допилъ пятый стаканъ чаю (предлагали — совѣстно было отказаться) и держалъ его въ рукахъ, робко поглядывая на дверь, изъ которой долженъ былъ, по его предположенію, показаться слуга съ подносомъ. Николай Саввичъ замѣтилъ, наконецъ, его робкіе взгляды и позвонилъ.

— Выпейте еще, о. Варѳоломей, предложилъ онъ.

— Въ изобиліи, въ изобиліи, ваше превосходительство. Душевно признателенъ, кланялся о. Варѳоломей, вставъ со стула.

— Вы завтра утромъ ѣдете?

— Да-съ, предполагаю, если Господь благословитъ...

Онъ взглянулъ на образъ и хотѣлъ прощаться.

— Гм... Да... Вы спѣшите. Понимаю. Но присядьте... Мнѣ нужно вамъ передать кой-что, предложилъ Николай Саввичъ.

— Съ душевною готовностью, ваше превосходительство. Я предполагалъ, что моя бесѣда можетъ быть нѣсколько васъ уже и утомила, потому больше поспѣшилъ...

— Нѣтъ, нисколько, замѣтилъ Николай Саввичъ.

Это замѣчаніе было совершенно справедливо, потому что въ продолженіи получаса со времени прихода о. Варѳоломея бесѣды собственно никакой не было, — какъ хозяинъ, такъ и гость все время сидѣли молча: одинъ изъ уваженія «къ вельможѣ» пилъ стаканъ за стаканомъ чай, а другой, по всегдашней привычкѣ, сосалъ трубку и хмурился, находя необходимымъ, можетъ быть тоже изъ чувства уваженія, налить сначала гостя чаемъ.

— Присядьте, о. Варѳоломей. Я васъ не задержу...

— Слушаю-съ.

О. Варѳоломей снова помѣстился на кончикѣ стула, и сложивъ на животѣ руки, началъ вертѣть пальцами, въ ожиданіи, что̀ будетъ говорить Сумраковъ.

Николай Саввичъ пошамкалъ нѣсколько губами и, еще болѣе нахмурившись, началъ:

Я поручилъ бы вамъ, если только не составитъ это для васъ большого труда...

— Съ искреннею готовностію, ваше превосходительство, съ искреннею готовностію, что угодно. Не токмо не составитъ труда, но я всегда за особенную честь приму и поспѣшу...

— Гм... Гм... Да... Но позвольте, о. Варѳоломей, мнѣ докончить...

О. Варѳоломей уже не рѣшался произнести ни одного слова и только закивалъ головой, какъ будто хотѣлъ этимъ успокоить генерала въ томъ, что не будетъ болѣе перебивать его рѣчи.

— Если не составитъ вамъ большого труда, то пріищите мнѣ, или, если не успѣете, то поручите кому-либо изъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ... У васъ, помнится мнѣ, есть тамъ знакомые профессора...

Отецъ Варѳоломей утвердительно закивалъ головой.

— Гм... Да. Такъ поручите, пожалуйста, пріискать мнѣ репетитора для младшаго сына...

— Для Михаила Николаевича? спросилъ о. Варфоломей, находя что этотъ вопросъ можно сдѣлать безпрепятственно.

— Да. Курсы начнутся 15-го августа. Такъ вотъ именно къ этому времени...

Наступила нѣкоторая пауза. О. Варѳоломей вздохнулъ, находясь въ нерѣшительномъ положеніи относительно своего молчанія. Ему казалось, что пора изъявить свое согласіе на исполненіе порученія, и въ то же время онъ боялся, что пожалуй опять не вб-время заговоритъ.

— Я съ своей стороны, началъ-было онъ, но генералъ перебилъ его рѣчь.

— Да, вотъ что,—я не вѣрно выразился: репетитора, да... То-есть, онъ долженъ жить у меня въ квартирѣ, какъ будто бы отчасти въ качествѣ гувернера.

— Такъ-съ, рѣшился вставить о. Варѳоломей и вздохнулъ. Его, видимо, утомляло молчаніе.

— Затѣмъ, относительно платы. Я назначаю 600 рублей въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ.

— Что-жъ! Я предполагаю, плата весьма достаточная, ваше превосходительство...

— Гм... Гм... Да... Но позвольте...

— Слушаю-съ. Слушаю-съ...

— Главное, о. Варѳоломей, обратите вниманіе, чтобы человѣкъ былъ хорошей нравственности.

— Во всякомъ случаѣ...

— Гм... Гм... — Позвольте...

— Виноватъ-съ. Слушаю-съ...

— Вы, поручая это дѣло вашимъ знакомымъ, именно и попросите, чтобы обратили самое главное вниманіе на этотъ предметъ.

Николай Саввичъ замолчалъ и сталъ сосать свою трубку.

О. Варѳоломей уже положительно понялъ, что по поводу порученія сказано все, и потому заговорилъ почти безъ всякой робости.

— Въ виду я, говоря по справедливости, ваше превосходительство, въ настоящее время пока не имѣю такого лица, но въ Санктъ-Петербургѣ, при посредствѣ моего продолжительнаго знакомства съ господиномъ профессоромъ Крестовоздвиженскимъ, я навѣрное могу удовлетворить ваше желаніе.

Николай Саввичъ болѣе не говорилъ ни слова, точно сознавалъ, что надо же дать человѣку возможность высказаться.

— Въ то время, ваше превосходительство, продолжалъ о. Варѳоломей, въ то время, когда я проходилъ курсъ наукъ въ санктпетербургской духовной семинаріи...

И пошелъ, и пошелъ расписывать, строя подробности на

подробностяхъ, удаляясь далеко въ сторону по поводу различныхъ, достойныхъ вниманія, случаевъ и снова перескакивая на главный предметъ бесѣды. Говорилъ онъ медленно, однозвучно, и благодаря этому обстоятельству, разговоръ его оказалъ нѣкоторое благодѣтельное вліяніе на Николая Саввича, страдавшаго безсонницей. Увлеченный своей собственной бесѣдой, о. Варѳоломей не замѣтилъ, что генералъ давно дремлетъ, и только тогда опомнился, когда услышалъ сладкое шипѣнье заснувшаго старика.

— Господи! что же мнѣ теперь дѣлать? въ испугѣ подумалъ о. Варѳоломей, вдругъ останавливая потокъ своей рѣчи на самомъ, казалось, интересномъ мѣстѣ. — Какое, однако, странное стеченіе обстоятельствъ! удивлялся онъ, робко оглядываясь по сторонамъ и точно отыскивая способъ выдти изъ затруднительнаго положенія. — Какъ же мнѣ теперь уйти, подумалъ онъ, недоумѣвая.

Во всемъ домѣ, какъ на грѣхъ, царила полнѣйшая тишина, ниоткуда не слышно было движенія и говора, точно весь домъ давнымъ-давно спалъ мертвымъ сномъ и только доносились изъ зала звуки ударовъ часового маятника, равномѣрно и медленно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, да слышалось тутъ, послѣ о. Варѳоломея, сладкое шипѣнье Николая Саввича.

— Въ то время я, ваше превосходительство, началъ о. Варѳоломей погромче.

Но старикъ не просыпался и. зашипѣлъ еще сильнѣе.

О. Варѳоломей робко приподнялся со стула, заглянулъ въ дверь, ведущую въ залъ, и не зналъ, какъ поступить — уйти, или остаться.

— Невѣжливо такъ уйти не простившись, тѣмъ паче, утромъ уѣзжаю въ путь... Но если же этотъ сонъ продлится на довольно значительное время? въ испугѣ подумалъ онъ. Какъ же это я не замѣтилъ, что усыпляю?

— Въ то время, я, ваше превосходительство... началъ онъ уже значительно возвысивъ голосъ.

Николай Саввичъ открылъ глаза.

— А! Извините, пробормоталъ онъ и засосалъ охладѣвшую трубку.

— Меня великодушно простите, ваше превосходительство,— не извольте безпокоиться,—духъ бо бодръ, плоть же немощна...

Онъ помолился на образъ и, раскланявшись, хотѣлъ уйти, но Николай Саввичъ остановилъ его. Медленно приподнявшись съ кресла, онъ всталъ на ноги, протянулъ къ о. Варѳоломею руку и сказалъ: «благословите». Онъ уважалъ о. Варѳоломея и, какъ

сказано выше, чтилъ въ немъ не только одинъ санъ, но и замѣчательныя нравственныя достоинства. Чтилъ конечно по своему, такъ сказать по-генеральски, вполнѣ сознавая, какъ казалось ему, ту громадную пропасть, которая положена между ними жизнію, общественнымъ положеніемъ, аристократичностію рода Сумраковыхъ и тому подобными, по его мнѣнію, весьма важными причинами.

— Какъ же это я не могъ предвидѣть и избѣжать такого обстоятельства, идя по залѣ, печально размышлялъ о. Варѳоломей по поводу своего «неблаговиднаго поступка», — въ этомъ случаѣ на будущее время нужно быть осмотрительнѣе...

Онъ спѣшилъ домой къ давно ожидавшему его ужину и уже предчувствовалъ, что Анна Аѳанасьевна распечетъ его за поздній приходъ; но на пути опять «не могъ предвидѣть обстоятельства» и застрялъ въ прихожей генеральскаго дома, встрѣтившись съ буфетчикомъ, съ которымъ цѣлые полчаса разговаривалъ шопотомъ.

— Да зайдемте, батюшка, ко мнѣ, что намъ здѣсь шептаться, предложилъ буфетчикъ.

— Я, изволите видѣть, спѣшу очень, а впрочемъ...

Но зайти къ буфетчику и побесѣдовать о. Варѳоломею не удалось: у дверей прихожей, на крыльцѣ, давно уже сторожила его босоногая дѣвочка, посланная Анною Аѳанасьевной. Только-что онъ показался на крыльцѣ, намѣреваясь, сойдя съ него, повернуть въ лѣвую сторону, вмѣсто того, чтобы идти на право, по направленію къ своему дому, — какъ дѣвочка, въ темнотѣ имъ незамѣченная, плаксиво заговорила:

— Батюшка! матушка васъ безпримѣнно велѣла звать домой...

— Царь небесный! Нельзя уже и на едину минуту отлучиться!.. Сейчасъ!

Онъ не рѣшался идти къ буфетчику и стоя на ступеняхъ крыльца, продолжалъ разговоръ.

— Его превосходительству, изволите видѣть, благоугодно, шепталъ онъ, чтобы для Михаила Николаевича былъ приготовленъ въ Санктъ-Петербургѣ надлежащій наставникъ...

— Все равно, о. Варѳоломей, все равно, толку не будетъ никакого. Какой ужъ теперь ему наставникъ, онъ только и знаетъ теперь, что какъ бы поскорѣй деньжонкамъ глаза протереть. Шалопаи они оба. Старшой-то ужъ совсѣмъ завертѣлся съ своими долгами, сказываютъ, что въ Питерѣ-то онъ вертится въ долгахъ-то какъ бѣсъ передъ заутреней... Шалопаи они оба вмѣстѣ съ Владиміромъ, сердито заключилъ буфетчикъ.

— Я, конечно, не могу, судить, тѣмъ паче о Владимірѣ Николаевичѣ, онъ уже въ настоящихъ годахъ и въ офицерскомъ чинѣ; но относительно Михаила Николаевича... Дѣло въ томъ, изволите видѣть, что при хорошемъ наставникѣ могутъ быть нѣкоторыя перемѣны къ лучшему.

Дѣвочка опять заголосила:

— Батюшка! матушка право сердится. Она говорила, ежели, говоритъ, онъ не придетъ сейчасъ, я сама за нимъ пойду...

— Владычица! И даже на единую минуту нѣтъ мнѣ соотвѣтственной свободы въ дѣйствіяхъ, раздраженно прошепталъ о. Варѳоломей и сталъ прощаться, но опять заговорился.

— Да зайдемте, батюшка, на минуту, снова позвалъ буфетчикъ, у меня уха сегодня изъ свѣжей рыбы.

— Такъ я пойду, коли такъ, плаксиво и громко заныла дѣвчонка.

О. Варѳоломей заговорилъ сердитымъ шопотомъ:

— Глупая! глупая! зажми ротъ, говорю тебѣ, зажми свой ротъ. Ты полагаешь, что находишься въ полѣ. Глупая! Гдѣ ты стоишь?.. Тише! Я иду сейчасъ, видишь, прощаюсь. Вотъ моя жизнь какая, обратился онъ опять къ буфетчику, — не имѣю никакой свободы въ поступкахъ моихъ...

— Да что-жъ бояться. Зайдите, о. Варѳоломей, снова послышался въ темнотѣ соблазняющій голосъ. Не бойтесь,—что-жъ за бѣда....

— Я не опасаюсь.... Я, даже, по чистой совѣсти говоря, нисколько не опасаюсь, но невозможно.... Невозможно потому, собственно, что съ разсвѣтомъ необходимо выѣхать.

— Уха какая! мучимый скукой одиночества звалъ соблазнитель.

— Предвкушаю, заранѣе предвкушаю.... Но.... до повиданія. Невозможно!

И разстались наконецъ.

— Всегда ты, всегда о. Варѳоломей болтаешься по пяти часовъ, распекала его по возвращеніи Анна Аѳанасьевна, да на что же это похоже? Подумай ты, пожалуйста, что же это такое? Я сижу тутъ, жду, жду. Ужинъ давно простылъ.... Да если въ тебѣ хоть капелька стыда!

Отецъ Варѳоломей стоялъ въ дверяхъ, печально и съ сожалѣніемъ смотря на расходившуюся супругу.

— Ну что же ты сталъ? Что же ты стоишь-то?... Господи! Да это я ужъ и не знаю, на что это похоже.... Завтра утромъ уѣзжаетъ и — скажите пожалуйста, — слова не хочетъ отвѣтить

— Матушка! отвѣтилъ, наконецъ о. Варѳоломей, кладя шляпу на столъ, насколько ты неблагоразумна!

— Это еще что за новости?... Говори, отчего ты такъ долго тамъ болтался?

— Насколько ты неблагоразумна, повторилъ еще о. Варѳоломей, приложивъ правую руку къ груди и затѣмъ молча сѣлъ за столъ, на которомъ стоялъ давно уже остывшій ужинъ.

Потому ли, что въ этотъ день съ утра установился въ домикѣ о. Варѳоломея прочный миръ, или вслѣдствіе сознанія того, что «попикъ» на слѣдующее утро «разлучается» съ Анной Аѳанасьевной, она недолго распекала его за позднее возвращеніе и смѣлый отзывъ, высказанный имъ относительно, будто бы, ея неблагоразумія — ни къ какимъ «пререканіямъ» не повелъ. Онъ удовлетворилъ ея женское любопытство относительно причинъ, по которымъ былъ вызванъ «въ позднее время» къ Николаю Саввичу, и затѣмъ все кончилось благополучно, тихо, мирно, въ сладкихъ радостяхъ супружеской любви и счастія.

Утромъ слѣдующаго дня онъ тащился въ своей голубой, всему околотку извѣстной, таратаечкѣ по направленію къ желѣзной дорогѣ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ крестьянскій мальчикъ, взятый вмѣсто кучера. Провожая ихъ въ дорогу, Анна Аѳанасьевна поучала мальчика относительно того собственно, какъ онъ долженъ ѣхать обратно одинъ и грозила побить его, если онъ что-либо изломаетъ у знаменитой одноколки или измучитъ лошадь скорой ѣздой. Поученіе началось собственно въ то время, когда уже о. Варѳоломей взялъ возжи въ руки, чтобы тронуться въ путь, и продолжалось такъ долго, что о. Варѳоломей даже согрѣшилъ, подумавъ: «а, ну-ка я уѣду не дождавшись конца», но уѣхать такъ не рѣшился.

— Да если только ты смѣешь!... Да если только я замѣчу!... наговаривала Анна Аѳанасьевна мальчику, который кажется тоже думалъ: «да что это батюшка смотритъ, стегнулъ бы по лошади — и шабашъ».

— Матушка, я могу такимъ образомъ опоздать.... Позвольте уже тронуться въ путь.... попросилъ наконецъ о. Варѳоломей.

— Ну, съ Богомъ. Только пожалуйста ты дорогой-то ему побольше говори о томъ, какъ онъ долженъ обратно ѣхать, крикнула еще вслѣдъ Анна Аѳанасьевна.

Но о. Варѳоломей только что выѣхалъ за деревню, какъ забылъ уже о порученіи своей супруги.

По пріѣздѣ на станцію онъ къ ужасу своему замѣтилъ, что поѣздъ уже пришелъ и потому бросился со всѣхъ ногъ къ кассѣ, не сказалъ даже своему маленькому кучеру, что поѣзжай, молъ,

домой, передай матушкѣ почтеніе, скажи, что доѣхали, и т. п., и только на бѣгу махнулъ ему шляпой въ ту сторону, гдѣ находилась усадьба Сумракова, какъ бы желая указать направленіе пути. На станціи, какъ на грѣхъ, скопилось много пассажировъ: со всѣхъ сторонъ валилъ народъ, у кассы тѣснилась большая толпа, и волей-неволей нужно было идти очень медленно поочереди. «Опоздаю, опоздаю», шепталъ о. Варѳоломей и нетерпѣливо заглядывалъ впередъ, желая удостовѣриться, скоро ли ему придется взять желаемый билетъ. Сзади налетѣлъ кто-то съ чемоданомъ и ткнулъ имъ о. Варѳоломея въ спину, не думая извиниться.

— Можно поблагороднѣе, я такъ предполагаю, оскорбившись замѣтилъ о. Варѳоломей, и довольный тѣмъ, что успѣлъ наконецъ взять билетъ, торопливо проскользнулъ подъ саквояжемъ какого-то пассажира и выбѣжалъ на платформу станціи. Но тутъ встрѣтилась ему крестьянка съ охапкой калачей и съ узломъ за плечами, красная, какъ полымя; она лѣзла на него въ упоръ, и едва переводя духъ, торопилась протискаться въ двери станціи.

— Что же ты, ошалѣла! Ахъ, какая! Нѣтъ въ васъ нисколько благородства, сказалъ онъ совершенно растерявшейся женщинѣ, отстраняя ее отъ себя обѣими руками.

— Ахъ, матушки-и, да вѣдь никакъ я опоздала-а! Родимые! раздался позади о. Варѳоломея отчаянный крикъ женщины.

Онъ было-остановился, по привычкѣ чутко отзываться на всякій голосъ, нуждающійся въ помощи, но неумолимый звонокъ въ третій разъ занылъ въ воздухѣ, и о. Варѳоломей всплеснулъ только руками, оглянулся кругомъ, точно отыскивая, кому бы поручить попеченіе о бабѣ, и бросился бѣгомъ впередъ по направленію къ вагонамъ третьяго класса. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что полы его рясы раздулись, какъ два паруса. На бѣгу замѣтилъ онъ знакомаго помѣщика, сидѣвшаго у окна въ вагонѣ 1-го класса, и даже не поклонился ему.

— Нехорошо, ахъ, какъ нехорошо, все-таки успѣлъ подумать онъ, — нехорошо: не уваженіе съ моей стороны. Нужно по возвращеніи непремѣнно побывать у него, засвидѣтельствовать почтеніе и извиниться.

Онъ вбѣжалъ, или, вѣрнѣе сказать, вспрыгнулъ на площадку вагона и, наткнувшись на кондуктора всей грудью, испуганно заговорилъ:

— Простите великодушно, что я васъ нѣсколько обезпокоилъ своимъ поспѣшнымъ набѣгомъ.... Такая суета сутствій!

— Ничего. Наше дѣло привычное. Пожалуйте, отвѣчалъ мрачный кондукторъ.

— Какого онъ, однако, багрянаго цвѣта, успѣлъ подумать и про него о. Варѳоломей, но затѣмъ тотчасъ же прибавилъ: —Господи, прости мое согрѣшеніе, самъ не вѣдаю, что позволяю себѣ.

Только что онъ вошелъ въ двери вагона, какъ тутъ же на самомъ порогѣ и остановился въ полнѣйшемъ изумленіи, не зная какъ идти впередъ и гдѣ присѣсть: вагонъ былъ, какъ говорится, биткомъ набитъ пассажирами.

— Какое, между прочимъ сказать, большое стеченіе публики, проговорилъ онъ вслухъ, пробираясь осторожно впередъ и собственно ни къ кому не обращаясь, потому что пассажиры большею частію еще спали или дремали, угрюмо тыкаясь носами впередъ.

Въ вагонѣ было тихо, только въ углу на рукахъ женщины нылъ грудной ребенокъ. Она не переставала его утѣшать укачиваньемъ и грустнымъ припѣвомъ, который то затихалъ, то громче раздавался, смотря по тому, тише или сильнѣе начиналъ плакать ребенокъ. Подъ это тоскливое нытье, перекинувшись головой чрезъ спинку скамьи, спалъ какой-то счастливецъ, широко раскрывъ ротъ, при чемъ храпѣлъ, и всклокоченная борода торчала кверху, какъ помело; далѣе, кто-то безцеремонно перекинувъ ноги на противуположную скамью и загородивъ такимъ образомъ проходъ, уткнулся головой въ стѣну вагона и казалось хотѣлъ изобразить своей фигурой быка, когда онъ, разгнѣванный, роетъ рогами землю и мычитъ. Отецъ Варѳоломей осторожно перешагнулъ чрезъ такое встрѣтившееся на пути препятствіе, но далѣе предстояло другое: въ проходѣ, между скамьями, спалъ солдатъ, широко раскинувшій руки и ноги; онъ былъ совершенно недвижимъ, точно шальная пуля не дала ему выговорить слова и свалила замертво убитымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ застала.

Тяжелый спертый воздухъ, ноющій ребенокъ и какъ маятникъ качающаяся фигура измученной матери, — все это могло навести невыносимую тоску, въ особенности еще и при невозможности найти мѣсто, приткнуться хотя гдѣ-нибудь на уголкѣ: все это, послѣ деревенскаго простора полей и лѣсовъ, послѣ чистаго воздуха, сразу вдругъ охватившее, могло показаться мѣстомъ заключенія, тюрьмой, наказаніемъ за неизвѣстныя провинности. Такъ былъ тяжелъ переходъ «съ воли» въ вагонъ третьяго класса.

О. Варѳоломей тоже не чуждъ былъ этого чувства и, перебираясь чрезъ встрѣчающіяся по пути препятствія, только шепталъ про себя: «Господи помилуй, какая духота».

V.

На слѣдующей станціи отецъ Варѳоломей уже успѣлъ оглядѣться въ вагонѣ, какъ говорится, обтерпѣлся и возъимѣлъ положительное намѣреніе побесѣдовать; но для бесѣды подходящихъ личностей не находилось: въ сосѣдствѣ сидѣли все какія-то пасмурныя, сердитыя лица, было нѣсколько крестьянъ, но бесѣдовать съ ними особеннаго вожделѣнія о. Варѳоломей нечувствовалъ, ибо такихъ собесѣдниковъ и въ усадьбѣ встрѣчалось достаточно.

Былъ въ виду одинъ молодой человѣкъ, наружность котораго о. Варѳоломею очень понравилась, но завязать съ нимъ разговоръ онъ отчасти робѣлъ, потому что молодой человѣкъ казался ему какъ будто нѣсколько гордымъ и какъ будто въ то же время не гордымъ, а печальнымъ, вообще непонятнымъ. О. Варѳоломей долго присматривался, вздыхалъ, томимый желаніемъ побесѣдовать, но наконецъ рѣшился.

— Въ Санктпетербургъ изволите? вкрадчиво спросилъ онъ.

— Да, тихо и коротко отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Та-а-к-съ, протянулъ о. Варѳоломей.

Помолчали нѣсколько времени.

Сложивъ на животѣ руки, о. Варѳоломей завертѣлъ пальцами и снова украдкой изъ-подлобья оглянулъ молодого человѣка.

— Та-а-к-съ. По служебнымъ дѣламъ изволите путешествовать?

— Нѣтъ, по своимъ.

— Гм.... Гм.... По собственнымъ!... Та-а-к-съ.... Боже очисти мя!....

Онъ опять вздохнулъ и смолкъ.

— Вѣроятно коммерческія дѣла вынуждаютъ ѣхать въ столицу? снова послышался его тихій, нѣсколько робкій вопросъ.

— Нѣтъ, я такъ ѣду....

— Поблаженствовать? съ заискивающей улыбкой спросилъ о. Варѳоломей.

— Нѣтъ, такъ....

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ....

— Это довольно неопредѣленно, замѣтилъ о. Варѳоломей, и какъ будто нѣсколько сконфузился.

— Да, дѣйствительно неопредѣленно, отвѣтилъ молодой человѣкъ и задумался, точно самъ себѣ хотѣлъ сначала опредѣлить, зачѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ.

— Это даже нѣсколько странно.... А впрочемъ, можетъ статься, вы имѣете свои уважительныя причины хранить по этому случаю молчаніе, вкрадчиво спросилъ о. Варѳоломей.

— Нѣтъ, нисколько. Я ѣду, батюшка, поискать счастія, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вотъ ка-а-къ! Счастія! Это назидательно! уже оживившись подсказалъ любопытный собесѣдникъ, — это крайне любопытно и назидательно. — Гм.... Гм... крякнулъ онъ, предвкушая сладость предстоящей бесѣды, и обратился къ мужику, сидѣвшему рядомъ съ молодымъ человѣкомъ:

— Уступите мнѣ, достопочтеннѣйшій, на нѣкоторое время вашего мѣстечка.

Тотъ молча уступилъ.

— Душевно признателенъ, поблагодарилъ о. Варѳоломей, и сѣлъ.

— Въ чемъ же собственно ваши поиски будутъ состоять? обратился онъ къ молодому человѣку.

— Не знаю пока....

— Такъ. Это справедливо. Да.

Помолчали. О. Варѳоломей съ большимъ трудомъ переносилъ это молчаніе, какъ неизбѣжную деликатность: «нельзя же такъ вдругъ, думалъ онъ, нужно поблагороднѣе».

— Есть знакомые въ столичномъ городѣ? спросилъ онъ спустя минуту-другую.

— Да, два-три....

— Покровители?

— Нѣтъ, такъ, знакомые....

— Званіе ваше?

Молодой человѣкъ объяснилъ.

— Имѣете родственниковъ, родителя, напримѣръ, родительницу?

— Да, имѣю.

— Такъ-съ. Гм.... Гм.... Очень пріятно познакомиться. Во время пути, сами изволите знать, медленно и однообразно проходятъ часы.

— Да, пожалуй.

— А какъ по фамиліи?

— Чухлымовъ.

— Позвольте узнать имя-отечество.

— Иванъ Петровичъ.

— Иванъ Петровичъ! У меня тесть покойникъ былъ Иванъ Петровичъ! Очень, очень пріятно познакомиться.

Несмотря на отрывочные отвѣты, о. Варѳоломей исподволь, потихоньку продолжалъ свои разспросы, видимо довольный представившимся благопріятнымъ случаемъ побесѣдовать.

Поѣздъ остановился на станціи. Молодой человѣкъ казалось былъ радъ, что имѣлъ поводъ оставить любопытство собесѣдника; но только что поѣздъ тронулся въ путь, какъ о. Варѳоломей опять попросилъ мужика, сидѣвшаго рядомъ съ Чухлымовымъ, уступить «на нѣкоторое время» мѣсто и возобновилъ разговоръ. Хотя Чухлымовъ туго поддавался на разспросы, какъ будто даже тяготился отвѣтами; но о. Варѳоломей въ увлеченіи этого не замѣчалъ и лаконическіе отвѣты молодого человѣка относилъ непосредственно къ его характеру.

— Нѣсколько тугонекъ и молчаливъ, подумалъ онъ про него; но такъ надо предположить, что человѣкъ очень хорошій и кроткій.

Разспрашивая такимъ образомъ молодого человѣка, о. Варѳоломей освѣдомился объ имени и отчествѣ его родителя и родительницы не столько потому, чтобы это его очень интересовало, сколько по той уважительной причинѣ, что желалъ «разговориться». Разговоръ, между тѣмъ, все вязался туго; спросивъ «здравствуютъ ли они», о. Варѳоломей уже непосредственно изъ любопытства освѣдомился о ихъ лѣтахъ; затѣмъ, при отвѣтѣ на вопросъ о «здравіи» дѣдушки и бабушки, глубоко вздохнулъ, точно сожалѣя о ихъ ранней смерти и печально произнесъ:

— Да, конечно, предѣлъ, его же не прейдеши! Всѣ будемъ тамъ, всѣ помремъ, только не въ одно время!

Чухлымовъ не нашелъ возможности представить противъ этого вывода какія-либо возраженія.

— Это справедливо, подсказалъ, вздыхая въ свою очередь, сосѣдъ мужикъ, — это вы, батюшка, точно...

О. Варѳоломей нѣсколько воодушевился.

— Нѣтъ, вотъ я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія событіе, началъ онъ, возвысивъ голосъ и многозначительно оглядывая сермяги сосѣдовъ мужиковъ, какъ бы призывая ихъ къ слушанію: — одна женщина, имени и званія ея, къ сожалѣнію, не упомню, бывъ довольно въ преклонныхъ лѣтахъ, изнемогала въ тяжкомъ недугѣ...

— Ишь ты! качая головами, вздохнули мужики.

— Хворала, значитъ, пояснилъ кто-то изъ нихъ.

— Ты слушай, чортъ, сердитымъ шопотомъ пригрозилъ другой.

— Довольно продолжительный періодъ времени... продолжалъ о. Варѳоломей. — Приснилось ей видѣніе....

Началось подробное и обстоятельное объясненіе приснившагося видѣнія.

— И представьте, Иванъ.... Отчество ваше запамятовалъ....

— Петровичъ, тоскливо отвѣтилъ Чухлымовъ.

— Да, да! Иванъ Петровичъ! Представьте Иванъ Петровичъ, эта изнемогающая женщина, находясь, можно сказать, на смертномъ одрѣ, вдругъ почувствовала нѣкоторую бодрость, стала приходить въ движеніе, приподнялась на ослабѣвшія ноги...

— Эка, парень, чудо! снова заговорилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Слушай, оглобля! тыкая въ бокъ, шепталъ сердитый сосѣдъ.

— И изцѣлилась! заключилъ чрезъ нѣсколько времени о. Варѳоломей, торжественно оглядывая слушателей.

— Боже мой! Господи помилуй! вздыхали сермяги.

— Какъ-бы мнѣ поделикатнѣе отъ него избавиться, размышлялъ Чухлымовъ, цѣпляясь то за одно, то за другое средство, но всѣ они казались ему недостаточно вѣжливымъ предлогомъ для того, чтобы улизнуть въ другой вагонъ. Онъ раскаявался, что не сдѣлалъ этого ранѣе, когда разговоръ ограничивался исключительно только разспросами и не касался еще «достойныхъ вниманія событій». Раскаяніе было совершенно безполезно, потому что «улизнуть» въ другой вагонъ не представлялось почти никакой возможности, по крайней мѣрѣ Чухлымовъ ее не находилъ; ему казалось неловко, невѣжливо такъ вдругъ встать и уйти, не дослушавъ. Къ тому же о. Варѳоломей до того уже увлекся бесѣдой, что придерживалъ Чухлымова за пуговицу пальто и какъ только оканчивалъ разсказъ, такъ тотчасъ же сообщалъ о какомъ-нибудь новомъ случаѣ, находя почему-то нужнымъ приплести его къ разговору.

— Конечно, сказано: «по вѣрѣ вашей дастся вамъ»... продолжалъ онъ по какому-то поводу: вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу достойное вниманія....

И въ такомъ родѣ шла нескончаемая бесѣда.

Проѣхали еще нѣсколько станцій. Только что Чухлымовъ вставалъ, чтобы уйти, подъ предлогомъ прогулки, отецъ Варѳоломей тоже вставалъ.

— Вы, конечно, имѣете намѣреніе нѣсколько поразмяться? заботливо спрашивалъ онъ.

— Да, я хотѣлъ бы....

— Превосходно! Я буду вамъ съ готовностію сопутствовать. Неугодно ли?

— Гм... Гм.... Отчего же, я съ удовольствіемъ... нехотя соглашался Чухлымовъ.

И шли вмѣстѣ.

Такимъ образомъ Чухлымовъ вдругъ неожиданно попалъ подъ самый строгій надзоръ. О. Варѳоломей слѣдилъ за всѣми его движеніями, боясь потерять изъ виду такого пріятнаго собесѣдника. Онъ точно принялъ на себя обязанности тѣхъ личностей, которымъ поручаются наблюденія «по особенно важнымъ дѣламъ». Разспросивъ все, о чемъ только можно было разспросить и сообщивъ еще нѣсколько «по истинѣ достойныхъ вниманія» случаевъ, о. Варѳоломей добрался до благочинныхъ того губернскаго города, который былъ родиной Чухлымова и, наконецъ, освѣдомился даже о томъ: «какое, собственно разстояніе отъ архіерейскаго дома до собора».

— Не могу вамъ навѣрное сообщить, сдерживая улыбку, отвѣтилъ Чухлымовъ,—близко кажется...

Отецъ Варѳоломей послѣ этого вопроса и самъ добродушно засмѣялся.

— Конечно, не измѣрять же... Хе! Хе! Хе! Ужъ вы меня извините, я, знаете, по простотѣ, люблю побесѣдовать. Любопытно знаете, человѣкъ съ далекой стороны... Вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу...

— Предѣлъ, его же не прейдешн! въ глубокой тоскѣ вспомнилось Чухлымову.

Такъ шло время часъ за часомъ. Мелькали мимо телеграфные столбы, оставались назади станціи съ неизбѣжными звонками, свистками локомотива и вѣчной суетой пассажировъ, постоянно одержимыхъ страхомъ за скоропроходящія минуты остановокъ; встрѣчались на пути и быстро исчезали изъ виду обдаваемые паромъ и дымомъ поѣзда печальныя деревеньки, «жилища бѣдности, невѣжества и, можетъ быть, спокойствія»; узкая проселочная дорога, вся изрытая ямами и выбоинами и наводящая на жителя какую-то неопредѣленную грусть и тоску, уныло пряталась въ сторону, точно сама грустила и тосковала за свое печальное положеніе. Мутныя рѣчки съ глинистыми топкими берегами, въ которыхъ вѣчно вязнутъ деревенскія коровы и телята вмѣстѣ съ оборванными и загорѣлыми мальчишками; животрепещущіе мосты, неизъяснимымъ чудомъ спасающіе отважнаго путника, когда онъ, ради храмового праздника, хватитъ черезъ край зелена-вина, и заломивъ шляпу на бек-

рень, дуетъ чрезъ него въ хвостъ и гриву на тощей клячонкѣ, такъ что мостъ вздрагиваетъ и долго потомъ еще покачивается, когда уже отъ угорѣлаго человѣка и слѣдовъ не осталось, и только слышенъ еще гдѣ-то далеко его дикій отчаянный крикъ; рѣдкіе и скудные растительностію перелѣски и вѣчно низменныя болотистыя равнины,—все это безслѣдно пропадало для о. Варѳоломея, увлеченнаго бесѣдою съ своимъ новымъ знакомымъ. Въ другое время онъ и самъ любилъ сидѣть у окна вагона и всматриваться въ быстро мелькающіе предметы; но теперь всѣмъ этимъ наблюденіямъ предпочитался Чухлымовъ.

Къ полудню матеріалы для разговора, казалось, истощились, и о. Варѳоломей какъ будто почувствовалъ нѣкоторое утомленіе и даже раза два вздохнулъ, произнося: «Боже милостивъ буди ми»... Воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ къ прекращенію «бесѣды», Чухлымовъ торопливо выдернулъ изъ саквойяжа газету и хотѣлъ искать въ ней спасенія такъ же, какъ утопающій ищетъ спасенія въ первомъ подвернувшемся подъ руку предметѣ, не разбирая насколько онъ можетъ быть полезенъ. Газета не спасла: О. Варѳоломей не понялъ тактики Чухлымова, не догадался чего онъ ищетъ, или вѣрнѣе сказать, понялъ совершенно наоборотъ, — онъ подумалъ, что Чухлымовъ взялъ газету отъ скуки, только по случаю прекратившагося разговора, и поэтому обратился съ новымъ вопросомъ:

— Ужъ очень мнѣ... Имя-отчество ваше запамятовалъ...

— Иванъ Петровичъ, пояснилъ Чухлымовъ, изъ деликатности прервавъ чтеніе.

— Да, да. Иванъ Петровичъ. Старъ я становлюсь, память начинаетъ ослабѣвать но все-таки, благодаря Создателя, въ иныхъ случаяхъ еще достаточно твердая... Да; что бишь я вамъ хотѣлъ объяснить? Да! Ужъ очень мнѣ, Иванъ Петровичъ, лицо ваше понравилось, такое располагающее, апостольское... Представьте себѣ, былъ у меня одинъ благопріятель... Въ то время мы еще были въ первомъ классѣ семинаріи. Родители мои...

И подъ однообразный шумъ колесъ и звукъ дребезжащихъ стеколъ потянулся разсказъ отца Варѳоломея, полѣзли одно на другое различныя придаточныя предложенія, дополнительныя, сокращенныя, распространенныя и совершенно безличныя... Чухлымовъ тоскливо выпустилъ изъ рукъ газетный листъ и слушалъ, въ сущности ничего не понимая, потому что ловилъ слова только, какъ говорится, изъ пятаго на десятое. Прекратить бесѣду, заняться чтеніемъ или грубо оборвать о. Варѳоломея онъ не могъ, не только потому, что это было не въ его характерѣ, но и по той причинѣ, что о. Варѳоломей, при всей сво-

ей слабости многоглагольствовать, былъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный и необыкновенно кроткій. Найти другой приличный способъ прекратить разговоръ Чухлымовъ не могъ и только думалъ объ одномъ, скоро ли поѣздъ придетъ въ Петербургъ.

Разговоръ, наконецъ, дошелъ до того, что о. Вареоломей нашелъ нужнымъ вкрадчиво и деликатно спросить Чухлымова, бываетъ ли онъ каждогодно у исповѣди и св. причастія. Тотъ хотѣлъ въ отвѣтъ ухнуть, что не бываю молъ, собственно съ досады, но удержался, и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Конечно, замѣтилъ на это о. Вареоломей, въ наше время есть сѣятели, кои сѣютъ плевелы, но благодать Божія не оскудѣваетъ и не оскудѣетъ...—Насъ было у матушки семеро, малъ-мала меньше, разсказывалъ онъ въ подтвержденіе этого, уже о самомъ себѣ...

А Чухлымовъ слушалъ и думалъ:

— За какіе это грѣхи наказываетъ меня Богъ!

— И представьте, продолжалъ о. Вареоломей, этакое, съ позволенія сказать, полчище надо было прокормить, обуть, одѣть...

На бѣду гдѣ-то поѣздъ долго застоялся на станціи, и такимъ образомъ число часовъ бесѣды еще болѣе увеличилось. Прошелъ, наконецъ, день. Поѣздъ приближался къ Петербургу. Шелъ дождь, небо заволоклось тучами, и скука путешествія еще болѣе увеличилась; по временамъ во время остановокъ на станціяхъ слышалось однообразное стучанье дождя въ желѣзныя крыши вагоновъ.

— А ректоръ семинаріи, продолжалъ разсказывать о. Вареоломей, этотъ вѣчно памятный мнѣ ректоръ, по свойствамъ своего нрава, уподоблялся Ироду...

Но раздался продолжительный свистокъ, и Чухлымовъ вздохнулъ во всю грудь, уже не слыша, что такое сдѣлалъ семинарскій Иродъ.

— Это, по истинѣ говоря, было избіеніе младенцевъ...

Продолжать далѣе уже не представлялось никакой возможности. Публика стала подниматься съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые торопливо вскакивали, испуганно осматривались со сна; другіе сладко потягивались и зѣвали во весь ротъ.

Какая-то толстая купчиха, закутанная шалями и шарфами, точно на дворѣ были трескучіе морозы, охватила въ испугѣ обѣими руками кучу подушекъ, на которыхъ сидя спала, и испуганно зашептала: «ахъ, батюшки, не горимъ ли». Вылѣзали изъ-подъ скамей и показывались на свѣтъ Божій неизвѣстно

откуда взявшіяся лица: проворно вылѣзъ, точно изъ-подъ пола, какой-то бѣлобрысый мужиченко, и видя, что появленіе его возбудило хохотъ товарищей, самъ захихикалъ себѣ подъ носъ, оттого, что не просыпаясь доѣхалъ отъ Волочка до Петербурга; черная борода медленно, точно крадучись, высовывалась изъ-подъ скамьи, и вылѣзъ оттуда цѣлый татаринъ, да такой толстый, что изъ него легко можно было выкроить троихъ; вскочилъ на ноги, какъ встрепанный, солдатъ и сталъ поспѣшно оправлять свою аммуницію; появились саквойяжи, чемоданы, ящики и проч., и проч. Татаринъ, выбравшись изъ своей засады, сѣлъ тутъ же на полу, и предварительно погладивъ ладонью голову, сталъ напяливать на засаленную тюбетейку высокую баранью шапку; но выбитый изъ своей позиціи общимъ движеніемъ пассажировъ, онъ въ свою очередь поднялся на коротенькія ноги, сильно крякнулъ и началъ икать. Высокій, сухощавый, съ длинной сѣдой бородой купецъ вздыхалъ на весь вагонъ и смотря въ темную даль неба, молился Богу. Татаринъ узналъ въ немъ знакомаго.

— Иванъ Сидоришь, ты? крикнулъ онъ купцу.

Купецъ молча молился, не поворачивая головы.

— Иванъ Сидоришь, ты? опять повторилъ татаринъ, пробираясь поближе къ купцу.

— Ну я, видишь чай, сердито отвѣтилъ купецъ, окончивъ молитву.

Татаринъ такъ быстро заговорилъ, что кромѣ купца разговоръ этотъ для всѣхъ остальныхъ сливался въ общую трескотню, только и можно было понять между интервалами икоты: «я, судырь мой, поѣлъ, судырь мой, и заснулъ, судырь мой, подъ эта самая сидѣнья, судырь мой», потомъ опять шла трескотня словъ до новой икоты.

Поѣздъ шелъ уже между строеніями, и по причинѣ темнаго ненастнаго вечера можно было по временамъ видѣть, какъ вблизи рельсовъ двигались человѣческія фигуры съ фонарями, точно мрачные заговорщики въ какомъ-нибудь таинственномъ романѣ. Вѣтеръ сердито вылъ и шумѣлъ; кондукторъ растворилъ дверь вагона и сталъ въ проходѣ, оставаясь безучастнымъ къ нетерпѣнію публики и можетъ быть занятый своими соображеніями о стеариновыхъ огаркахъ, которые при позднемъ зажиганіи и раннемъ тушеніи вагонныхъ фонарей составляли нѣкоторую статью его доходовъ. Публика тѣснилась къ выходу. О. Варѳоломей расчесывалъ широкимъ бѣлымъ гребнемъ волосы, и окончивъ, такимъ образомъ, приготовленія къ пріѣзду въ столичный городъ, обратился къ Чухлымову.

— До повиданія, достопочтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, до повиданія. Если Господь благословитъ, можетъ быть и паки встрѣтимся на пути жизни...

Попросивъ предварительно позволенія, онъ поцѣловался съ Чухлымовымъ на прощанье.

— Вы мнѣ не поставьте въ вину того, что можетъ быть я нѣсколько обременилъ васъ своею бесѣдою...

Въ голосѣ его послышалась теплая, задушевная нота, видно было, что ему хотѣлось еще что-то сказать, но онъ не рѣшался, боясь, какъ бы не оскорбить; но наконецъ, не выдержалъ, и припадая къ уху Чухлымова, началъ ему нашептывать:

— Можетъ быть вы на первое время нѣсколько стѣснены въ обстоятельствахъ своихъ, такъ не угодно ли со мною въ качествѣ попутчика: у меня здѣсь въ столицѣ родственники, превосходные люди... Ничего! Повѣрьте! Для нихъ это не составитъ разсчету...

— Что вы! что вы, батюшка, помилуйте!

— Повѣрьте! повѣрьте! шепталъ о. Варѳоломей.

— Я вамъ вѣрю, но.... извините меня... я не могу...

— Но по нерѣшительному тону вашей рѣчи, и вообще...

— Ахъ, батюшка, оставимте этотъ разговоръ... Я рѣшительно не могу... Благодарю васъ искренно... но не могу.

— Въ такомъ случаѣ не поставьте мнѣ въ вину этого, я, можетъ быть, впалъ въ заблужденіе... Оставимъ это втунѣ...

Публика безпокоила о. Варѳоломея, начиная выходить, такъ какъ поѣздъ уже остановился. Кто-то наконецъ сильно двинулъ его въ спину и увлекъ отъ Чухлымова, который напослѣдокъ услыхалъ только фразу о. Варѳоломея, обращенную уже къ публикѣ:

— Почтенные господа, недовольнымъ голосомъ произнесъ онъ, стараясь запахнуть рясу, почтенные господа, нужно поблагороднѣе, я такъ предполагаю...

Мужики вздѣвали на спины мѣшки и совершенно исчезали за ними, такъ что вдругъ въ одномъ концѣ вагона вмѣсто людей оказалась цѣлая куча громадныхъ мѣшковъ, которые, какъ будто сами собой, двигались и расталкивали публику. Недовольные этимъ волшебнымъ превращеніемъ отталкивали отъ себя мѣшки, и тогда точно изъ глубины ихъ слышалось сердитое ворчанье:

— Не налягай больно-то, эй!

— Ослобони маленько, почтенный!

Далѣе послышался громкій крикъ, покрывшій весь шумъ движенія и говоръ толпы.

— Ребята, держись плотнѣе, оно ловчѣй будетъ, не свалятъ...

Но надъ этимъ окрикомъ старался взять верхъ другой.

— Не вались, Микитка, эка обрадовался, дьяволъ!

И затѣмъ всѣ мѣшки высыпали на платформу.

Выйдя изъ вагона и пробившись кое-какъ сквозь толпу, о. Варѳоломей нанялъ извощика и поѣхалъ.

А у станціи все еще продолжалась та же толкотня, давка и суета, такъ что отъ этой толкотни и давки и отъ разнаго предложенія всевозможныхъ услугъ пассажиры находились на нѣкоторой степени одичалости и вырывались торопливо наружу, на площадь, стараясь поскорѣе броситься на дрожки перваго попавшагося извозчика, не разбирая что̀ это будетъ стоить, лишь бы только поскорѣе убраться. Такъ вырывается изъ жарко натопленной бани запарившійся купецъ, когда «молодцы» приващики истреплютъ объ него десятокъ вѣниковъ и измученные работой едва махаютъ руками, а онъ не перестаетъ приговаривать: «благодѣтели, поддавайте», но, наконецъ, чувствуя, что теряетъ уже послѣдній остатокъ сознанія, вдругъ вскакиваетъ, рвется наружу и, падая пылающей тушей въ первый сугробъ снѣга, безсознательно шепчетъ: «нынѣ отпущаеши»...

VI.

Дѣла задержали о. Варѳоломея въ Петербургѣ вмѣсто трехъ дней на цѣлыхъ три недѣли.

Возвращаясь обратно, онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, довольный тѣмъ, что благополучно окончилъ свои дѣла и уже предвкушалъ сладость свиданія съ своей супругой, надѣясь, что долгая разлука можетъ послужить залогомъ прочнаго и продолжительнаго мира.

Бѣдный, онъ не предчувствовалъ, какая страшная гроза собиралась надъ его головой.

Для проѣзда отъ станціи желѣзной дороги въ усадьбу онъ нанялъ крестьянскую телѣгу и во время пути все распѣвалъ нѣжнымъ теноромъ: «Понтомъ покрывъ». Пѣніе прерывалось лишь для того, чтобы вынуть изъ-за пазухи подрясника какое-то письмо, перечитываемое едва ли не въ десятый разъ. По окончаніи чтенія о. Варѳоломей завертывалъ письмо въ фуляровый платокъ, бережно клалъ за пазуху и снова затягивалъ: «Понтомъ покрывъ».

Письмо было имъ получено въ день отъѣзда въ Петербургѣ по городской почтѣ отъ пріятеля, извѣщавшаго объ успѣхѣ по дѣлу о ходатайствѣ о. Варѳоломея за кого-то.

— Какой у о. Павла слогъ богатѣющій, думалъ онъ по поводу письма, какой подчеркъ смѣлый и рѣшительный. Я такъ предполагаю, что о. Павелъ съ большимъ искусствомъ и отлично хорошо владѣетъ многими иностранными языки, кромѣ проходимыхъ въ семинаріи... «Понтомъ покрывъ», начиналъ онъ опять.

Лошаденка лѣниво трухала шагъ за шагомъ и телѣга медленно двигалась впередъ, вылѣзая изъ ямъ и рытвинъ съ такимъ трудомъ, какъ будто въ ней сидѣлъ не о. Варѳоломей, а весь причтъ церковный, съ ихъ женами, сестрами, свояченицами и прочей родней, которой такъ щедро наградилъ Господь лица духовнаго сословія.

Вдали показалась усадьба, бѣлый большой домъ помѣщика, унылыя покосившіяся избушки крестьянъ... Вотъ и церковь видна съ плакучими ивами, поникнувшими вѣтвями на ея крышу, и свѣтъ лампады брежжетъ сквозь мелкоклѣтчатыя рамы оконъ. Отецъ Варѳоломей обнажилъ голову, перекрестился и любовно оглядѣлъ ее сверху до низу.

Телѣга, по его желанію, остановилась у церковной ограды. Онъ слѣзъ, вошелъ на паперть, прочиталъ приличныя случаю молитвы, и, положивъ земной поклонъ, уже пѣшій отправился въ свой домикъ.

Видимо, онъ былъ совершенно счастливъ и блаженствовалъ, довольный благополучнымъ возвращеніемъ.

Во дворѣ встрѣтила его босоногая дѣвочка. Онъ ласково ей улыбнулся и, благословляя, спросилъ:

— Гдѣ матушка?

— Въ комнатѣ, въ смущеніи отвѣтила она.

— Въ добромъ здравіи?

— Ничего... Сердита сегодня...

О. Варѳоломей подавилъ вздохъ, вдругъ прихлынувшій въ сердцу.

— Какая же тому причина?

— Не знаю...

Онъ тихо вошелъ въ комнату, уже болѣе чѣмъ на половину лишившись того блаженства, которое за минуту предъ тѣмъ ощущалъ. Въ комнатѣ все было по прежнему. Такъ же все чисто и уютно и такъ же тихо, какъ бывало въ дни мира. Онъ поставилъ посохъ на свое мѣсто въ углу у входной двери, повѣсилъ шапку на гвоздь, помолился, потомъ, снимая рясу, воз-

гласилъ, обращаясь лицомъ къ перегородкѣ, за которою, по его соображеніямъ, должна была находиться матушка.

— Здравствуйте, матушка!

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ робко пріотворилъ дверцу ширмы и заглянулъ внутрь спальни.

Матушка лежала на кровати, закрывъ глаза и сердито нахмуривъ лицо.

О. Варѳоломей повторилъ свое привѣтствіе, но матушка снова ничего на него не отвѣтила.

— Что съ тобою, моя дорогая супруга? заботливо спросилъ онъ, входя.

Матушка сердито и порывисто перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ и молчала. По частому дыханію ея можно было ждать большой грозы впереди.

О. Варѳоломей давно уже и безъ этого понялъ, что она не въ духѣ и, не желая ее раздражать, вышелъ снова въ зальцо.

Тишина не прерывалась. Его сладостное состояніе духа совершенно уже исчезло и замѣнилось давящей тоской. Онъ снова подавилъ вздохъ и молча сѣлъ на диванчикъ въ сомнительной надеждѣ на то, будетъ ли матушкѣ угодно напоить его чаемъ.

Такъ прошло не болѣе пяти минутъ. Матушка была не въ силахъ долѣе сдерживать свой гнѣвъ. Она быстро вскочила съ кровати, сердито отпихнула дверцу, такъ что вся ширма заколыхалась, точно въ комнату ворвался сильнѣйшій вѣтеръ.

— Такъ вотъ ты какъ, заголосила она, вбѣгая въ комнату и задыхаясь. Такъ вотъ ты каковы штуки-то со мной выдѣлываешь!...

О. Варѳоломей изумленно глядѣлъ на нее, тоскливо думая: откуду мнѣ сіе?

— Мучитель! Извергъ! Лиходѣй!...

— Что съ вами, матушка?

— Что съ вами, матушка? передразнила она его, и, подскочивъ близко, къ самому лицу, заголосила, завизжала, торопливо глотая слова, такъ что трудно было понять, что именно она говоритъ.

— Злодѣй!... Варваръ!... Ты мнѣ тогда говорилъ, что тѣ деньги, которыя намъ помѣщикъ на праздникъ далъ, лежатъ у тебя въ сундучкѣ сохранно....

О. Варѳоломей только-было раскрылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но она тотчасъ же перебила его:

— Врешь! Врешь! Врешь!...

— Но позвольте, матушка, я вамъ сейчасъ все объясню съ должною ясностію....

— Врешь! Врешь! Врешь!... Нѣтъ тебѣ отъ меня вѣры ни на одну денежку.... Безстыжіе твои глаза, вдругъ начала она его стыдить, медленно вытягивая слово за словомъ: ты ихъ, безстыжій человѣкъ, ты ихъ Максимкѣ Спиридонову отдалъ...

И вдругъ опять перескочила на прежній торопливый размѣръ рѣчи и стала голосить, уличая о. Варѳоломея въ расточительствѣ и приплетая въ подтвержденіе этого множество случаевъ, прежде бывшихъ, о которыхъ о. Варѳоломей давно уже позабылъ.

— Матушка! Что же о прошломъ вспоминать. Оно уже невозвратно кануло въ вѣчность. Позвольте о настоящемъ-то случаѣ вамъ объяснить...

— Нечего мнѣ объяснять. Я уже давно все узнала... Извергъ ты этакой!..

— Да вѣдь Максимъ-то Спирид...

— Врешь! Врешь!..

Она замахала руками, бѣгая по комнаткѣ. Потомъ, вдругъ вспомнивъ, чѣмъ всего сильнѣе можно уличить о. Варѳоломея, снова подскочила къ нему, уперлась обѣими руками въ свои бока и надменно закинувъ голову кверху, заговорила голосомъ, полнымъ пренебреженія.

— Ну, хорошо!.. Ты говоришь, не отдавалъ? Ты говоришь не отдавалъ? Да? Да?..

Вопросы, повторяясь, дѣлались все язвительнѣе, и выраженіе лица матушки выражало все большее презрѣніе и торжество.

— Ну, говори, не отдавалъ?..

— Позвольте. Я вамъ сейчасъ все изложу...

— Слышать не хочу!..

И потомъ вдругъ схватила его за руку и стала тормошить, осыпая его тысячью словъ, изъ которыхъ только и понялъ о. Варѳоломей, что онъ «извергъ рода человѣческаго».

— Онѣ были у тебя въ сундучкѣ, теперь ихъ тамъ нѣтъ. Гдѣ же онѣ. Я открыла сундучокъ...

— И замочекъ сломали? печально спросилъ о. Варѳоломей.

— Сломала! Сломала!.. Тебѣ небось жалко... Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ...

И съ этими словами матушка пошвыряла со стола всѣ книги, причемъ обѣ вазочки съ цвѣтами полетѣли тоже на полъ и разбились.

— Это уже выходитъ изъ всякихъ предѣловъ благоприличія, возроптал о. Варѳоломей, печально поглядывая на мелкіе кусочки разбившихся вазочекъ...

Поздно вечеромъ возвращался о. Варѳоломей изъ лѣса и зашелъ къ управителю сумраковскаго имѣнія для того, чтобы напиться чаю, такъ какъ со времени пріѣзда со станціи желѣзной дороги онъ еще ничего не пилъ и не ѣлъ.

VII.

Была поздняя осень 18... года. Уже нѣсколько недѣль въ домикѣ о. Варѳоломея не угасалъ во всю долгую ночь слабый огонекъ. Матушка была больна и лежала въ горячкѣ. О. Варѳоломей ночи не спалъ, ухаживая за ней. Болѣе двухъ недѣль прошло въ ужасномъ состояніи между жизнію и смертію. Сидя у постели больной, о. Варѳоломей вслушивался въ ея дыханіе, наблюдалъ каждое ея движеніе и старался предупредить каждое желаніе больной, угадать ея мысли. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ выраженіи лица, во всемъ выражалось столько чувства любви, привязанности и самоотверженія, сколько только можетъ вмѣстить въ себя человѣческое сердце.

Матушка уже два раза причастилась и чувствовала себя нѣсколько лучше.

Однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ изъ сосѣдней деревни пріѣхалъ мужикъ, звать о. Варѳоломея на требу. Ночь была темная, бурная, дождь начался еще съ сумерекъ и не переставалъ лить.

Босоногая дѣвчонка тихо вошла въ комнату и шопотомъ позвала о. Варѳоломея. При извѣстіи о томъ, что въ сосѣдней деревнѣ умираетъ больной, о. Варѳоломей сильно задумался и долго стоялъ посреди кухни, видимо въ борьбѣ съ самимъ собой.

— У меня тоже больная... прошепталъ онъ, стараясь не глядѣть на мужика. Ему какъ-то было стыдно, совѣстно выговорить эту фразу, намекающую на отказъ.

— Ужъ сдѣлай милость, батюшка... Помираетъ, вишь, у меня братъ-то...

— Знаю... Знаю... пошепталъ еще о. Варѳоломей, по прежнему недвижно стоя посреди кухни и глядя въ полъ. Освѣщенное свѣтомъ сальнаго огарка лицо его было глубоко задумчиво и полно скорби...

Чрезъ полчаса у постели его жены сидѣлъ уже не онъ, а женщина изъ сосѣдней крестьянской избы. Онъ, закрывшись отъ дождя рогожей и поддерживая ее обѣими руками отъ порывовъ вѣтра, лежалъ въ телѣгѣ, которая тихо тащилась по грязной дорогѣ.

Грустно было у него на сердцѣ.

Возвратился онъ только къ полудню слѣдующаго дня. Между тѣмъ въ эту ночь матушкѣ сдѣлалось хуже, и передъ утромъ она померла.

Подъѣзжая къ домику, о. Варѳоломей замѣтилъ странный свѣтъ въ окнахъ. Сердце его вдругъ болѣзненно сжалось и замерло.

Блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, и совершенно обезсилѣвшій, онъ хотѣлъ быстро сойти съ телѣги, чтобы скорѣе разсѣять охватившія его подозрѣнія, но не могъ. Телѣга протащилась мимо домика и завернула въ ворота. О. Варѳоломей глазъ не сводилъ съ оконъ, и нужно было видѣть, что̀ дѣлалось съ его лицомъ, чтобы понять до какой степени онъ былъ пораженъ увидѣннымъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ домикѣ горятъ погребальныя свѣчи. Его глаза съ каждымъ моментомъ раскрывались все шире и шире. Уставленные на одинъ предметъ, а именно, на свѣтъ, пробивавшійся изъ оконъ, они точно съ каждой секундой лишались того божественнаго огня, который мы называемъ выраженіемъ мысли.

Качаясь, слѣзъ онъ съ телѣги и медленно пошелъ по двору. Изъ сосѣднихъ избъ уже сбѣгались женщины и мальчишки, точно хотѣли посмотрѣть на горе попа. Онъ вдругъ остановился, дико оглянулъ толпу, поднялъ для чего-то правую руку, какъ будто хотѣлъ устрашить вошедшихъ гнѣвомъ Божіимъ, какъ бывало дѣлывалъ во время проповѣдей; но вдругъ совершенно обезсилѣлъ, свалился на землю около стѣны и зарыдалъ...

Уныло стояли вокругъ него мужики, бабы и мальчишки, слышались слова утѣшенія, многіе плакали; кто-то, наконецъ, догадался, что нужно поднять отца Варѳоломея, но онъ, какъ ребенокъ, сталъ отбиваться отъ нихъ и не хотѣлъ вставать.

Чрезъ нѣсколько времени пришелъ самъ Николай Саввичъ и тоже сталъ уговаривать, всего болѣе напирая на то, что на все есть воля Божія.

— Будто я этого не знаю, съ грустной ироніей проговорилъ, наконецъ, о. Варѳоломей; но вѣдь я... человѣкъ... вѣдь у меня тоже есть чувства...

И снова зарыдалъ.

Николай Саввичъ самъ помогъ ему подняться и хотѣлъ повести его въ свой домъ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Пустите меня... Дайте мнѣ выплакать мое горе... Боже милосердный!.. Судьбы твои неисповѣд...

Онъ не договорилъ, и рыдая снова упалъ на крыльцѣ своего домика.

— Сколь много она меня любила и сколь безумно я ее огорчалъ, причитывалъ онъ.

Матушку схоронили. О. Варѳоломей каждый день служилъ на могилѣ ея панихиды, всѣ сорокъ дней, но молитвъ, читанныхъ имъ въ это время, никто бы не понялъ, ибо ничего нельзя было разобрать, кромѣ первыхъ начальныхъ словъ, а затѣмъ слышались только рыданія.

Мѣсяца два онъ еще прожилъ въ усадьбѣ, слабый, болѣзненный. Въ это время, встрѣтившись съ нимъ, знакомые могли принять его за совершенно другое лицо: онъ одряхлѣлъ, сгорбился, глаза ввалились и потускнѣли. Любопытнымъ предметомъ его разговоровъ была постоянна Анна Аѳанасьевна и воспоминанія о томъ, какъ они съ ней мирно и тихо прожили тридцать лѣтъ жизни. При этихъ воспоминаніяхъ самыя лютыя баталіи вдругъ получали совершенно иное освѣщеніе и казались совсѣмъ не баталіями, а какими-то необычайно прелестными идилліями.

О. Варѳоломей доживалъ въ усадьбѣ послѣдніе дни. Послѣ смерти жены онъ началъ хлопотать о переходѣ въ монашество и получивъ разрѣшеніе, раздарилъ все свое имѣніе крестьянамъ, и собрался въ путь.

Ни природа, когда-то имъ сильно любимая, ни знакомыя мѣста, на которыхъ онъ часто искалъ успокоенія отъ житейскихъ треволненій, ни даже ветхая церковь, бывшая такою близкою его сердцу, ничто не удержало его въ усадьбѣ, все вдругъ какъ-то стало чуждо, какъ будто въ предвѣдѣніи чего-то иного, невѣдомаго, но уже приближающагося, чувствуемаго сердцемъ; и дѣйствительно: по прошествіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени его отъѣзда Николай Саввичъ получилъ письмо отъ настоятеля какого-то дальняго сѣвернаго монастыря, извѣщавшаго что о. Варѳоломей преставился...

По прежнему стоитъ въ усадьбѣ ветхая церковь, по прежнему вѣтви деревьевъ, точно ласкаясь, покоятся на ея крышѣ, и каждый разъ, при воспоминаніи объ этой картинѣ, воскресаетъ въ моемъ воображеніи дивный образъ дивнаго человѣка.

Д. С-х-ъ.

АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГѢ Г. ТЭНА

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

I.

Обращаешься ли къ прошедшему или къ настоящему, заглядываешь ли въ исторію давно минувшихъ дней или останавливаешься на современной намъ лѣтописи, всегда и вездѣ видишь одно, что люди никогда ничѣмъ не бываютъ довольны и всегда жалуются на свое положеніе. Все имъ не хорошо, все имъ чего-то недостаетъ, все имъ дурно живется, все они безостановочно добиваются бòльшаго счастья, все ищутъ гдѣ лучше, и не находя этого бòльшаго счастья, не находя этого «лучше», клянутъ свое время, клянутъ свою жизнь и съ завистью смотрятъ, одни на прошедшее, которое улыбается имъ такъ заманчиво, другіе на будущее, которое никому не извѣстно, но въ которомъ тѣмъ не менѣе они чуятъ то «лучше», которое не дается имъ въ настоящемъ. Недовольство настоящимъ, тѣми условіями жизни, при которыхъ должны жить люди, это старая, хроническая болѣзнь, сдѣлавшаяся кажется неотъемлемымъ свойствомъ человѣческаго общества. Болѣзнь эта, какъ бы ни подсмѣивались надъ нею истинные философы и историки и какъ бы ни раздражала она исключительный слой панегиристовъ по профессіи

всего фактическаго, имѣетъ свои весьма выгодныя стороны. Она толкаетъ людей впередъ, она не позволяетъ имъ успокоиваться, она неизмѣнно подгоняетъ человѣчество, заманивая его виднѣющимися въ туманѣ идеалами, которые то и дѣло что отступаютъ и отступаютъ все дальше на заднiй планъ.

Итакъ, эта болѣзнь вошла уже въ кровь человѣчества и превратилась какъ-бы въ хроническую; но бываютъ періоды, когда люди то какъ будто успокоиваются и менѣе жалуются на свое время, менѣе недовольны своимъ положеніемъ, то снова начинаютъ страдать и изъ всѣхъ силъ охаютъ и стонутъ, извергая проклятія на божій міръ.

Время, въ которое живемъ мы, люди континентальной Европы, принадлежитъ, кажется, къ такимъ періодамъ, когда старая, вкоренившаяся въ нашъ организмъ болѣзнь, получила опять особенно безпокойный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни различны взгляды и убѣжденія людей, какъ ни разно смотрятъ они на современное положеніе континентальной Европы, всѣ почти готовы согласиться съ однимъ, что континентальная Европа переживаетъ тяжелое время, время кризиса, который быть можетъ подготовляетъ самую мрачную будущность. Никто не чувствуетъ себя спокойнымъ, никто не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ; Европа ухитрилась выработать себѣ такое положеніе, которое необыкновенно сильно раздражаетъ людей всевозможныхъ партій, всевозможныхъ воззрѣній, которое вызываетъ озлобленіе и вражду каждаго противъ всѣхъ, всѣхъ противъ каждаго, и наконецъ всѣхъ вмѣстѣ противъ направленія времени, противъ жизни, выработанной конституціонною Европою.

Въ современныхъ убѣжденіяхъ людей есть, безъ сомнѣнія, множество различныхъ оттѣнковъ, но en gros ихъ можно раздѣлить на три большія группы. Первою группою представляются люди такъ-называемой золотой середины, которые наиболѣе склонны довольствоваться настоящимъ со всѣми его хорошими и дурными сторонами; затѣмъ ошую и одесную стоятъ двѣ другія группы, обѣ крайнія: одна крайняя по своимъ стремленіямъ впередъ, другая крайняя по своимъ поползновеніямъ назадъ. Возьмите человѣка, принадлежащаго къ золотой срединѣ, человѣка именующагося умѣреннымъ либераломъ и спросите его: доволенъ ли онъ настоящимъ положеніемъ Европы? Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, онъ пожметъ плечами и съ грустною улыбкою на устахъ произнесетъ: о, не совсѣмъ! Какъ можно быть вполнѣ довольнымъ, когда живешь въ такое время! Вы развѣ не видите, черезъ какой кризисъ переходитъ Европа; вы развѣ не видите, что она расходится со всѣхъ сторонъ, что она по-

теряла тотъ устой, надъ которымъ мы такъ много трудились, тотъ устой, который зовется конституціонализмомъ, этимъ уравновѣшивающимъ всѣ противоположныя силы въ каждой странѣ началомъ. Смотрите, въ какой странѣ континентальной Европы конституціонализмъ устоялъ на своихъ прочныхъ началахъ, гдѣ конституціонализмъ, или его вѣрное выраженіе, парламентаризмъ не подвергся рѣзкимъ, безпощаднымъ нападеніямъ; гдѣ, въ какой странѣ, въ какомъ благодатномъ краѣ вы можете указать на торжество умѣренной свободы, съ одной стороны ограничивающей необузданные порывы власти, съ другой охраняющей эту власть отъ страшныхъ взрывовъ народнаго безумія. Гдѣ же мы должны искать теперь тѣхъ устоевъ, тѣхъ гранитныхъ береговъ, которые сдерживаютъ бурныя волны движенія народныхъ массъ, гдѣ та величественная спокойная гавань, предотвращающая государства отъ внезапныхъ шкваловъ дикой стихіи? Сбиты эти гранитные берега, подмыты они нашимъ печальнымъ вѣкомъ, нѣтъ болѣе этой гавани, охранявшей одинаково какъ права верховной власти, такъ и права, дарованныя ею народу! Исчезъ изъ континентальной Европы тотъ строгій непоколебимый конституціонализмъ, который одинъ могъ дать намъ матеріальное и нравственное благосостояніе, всюду его стараются вытѣснить, всюду на его мѣсто старается сѣсть или милитаризмъ, или анархія, всюду на него направлены удары сегодня ярыхъ демагоговъ, завтра не менѣе ярыхъ абсолютистовъ. Гдѣ выходъ изъ такого печальнаго положенія, спрашиваетъ себя представитель умѣренной группы, гдѣ конецъ ему, и не видя этого выхода, не усматривая ему конца онъ только судорожно пожимаетъ плечами и съ печальною складкою на губахъ произноситъ: небывалое положеніе, страшное положеніе, Европа стоитъ на краю гибели! Остается только одно: отчаяніе и вздохи!

Если представитель умѣренной группы недоволенъ положеніемъ континентальной Европы, то быть можетъ болѣе доволенъ представитель той или другой изъ крайнихъ группъ. Послушайте, что говоритъ представитель группы, стоящей одесную — и вы испугаетесь. Крайній консерваторъ, или вѣрнѣе ретроградъ, еще болѣе недоволенъ, чѣмъ умѣренный либералъ, и его недовольство выражается болѣе шумно, болѣе рѣзко; онъ не рисуется, не вздыхаетъ, онъ захлебывается отъ ярости, отъ негодованія и бѣшенства и въ своемъ горячечномъ бреду произноситъ анаѳему на всѣхъ, кто только не съ нимъ и не за него. Онъ вопитъ противъ своего времени, противъ анархическаго состоянія континентальной Европы, онъ не знаетъ удержа, говоря о томъ зловредномъ духѣ, который обуялъ всѣ европейскія государства.

Онъ возмущается тѣмъ духомъ свободнаго изслѣдованія, который проникъ въ жизнь западной Европы, онъ кричитъ: Европа въ огнѣ, она обуреваема духомъ революціи! Ему ненавистны даже всѣ великія пріобрѣтенія науки, на которыя онъ смотритъ какъ на исчадія ада; онъ не восклицаетъ: стой солнце! нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы оно шло назадъ, чтобы оно вернулось къ тому блаженному, счастливому времени, когда не было рѣчи ни о свободѣ совѣсти, ни о свободѣ печати, ни о личной свободѣ, когда никто не думалъ ни о какихъ общественныхъ правахъ, когда никто не заботился о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи народныхъ массъ, и когда эти послѣднія были такъ неразвиты, такъ глупы и такъ загнаны, что непомышляли вовсе о иной жизни, чѣмъ той, которая по словамъ m-me de Sévigné такъ близко походила на жизнь дикихъ звѣрей. Для людей, которые всѣ свои идеалы находятъ въ давно минувшемъ, которые съ умиленіемъ вспоминаютъ о томъ времени, въ одной странѣ далекомъ, въ другой недавнемъ, когда народъ былъ закрѣпощенъ, когда въ странѣ имѣли значеніе немногіе, когда жизнь простого человѣка могла быть безнаказанно уничтожена, когда судъ былъ посмѣшищемъ, когда слово было сковано, когда совѣсть не была свободна, когда наука существовала только для того, чтобы поддерживать суевѣріе и когда ей чужды были слова: свободная критика, свободный анализъ; для людей, которые мечтаютъ о томъ, чтобы заставить пресмыкаться народъ въ невѣжествѣ, вырвать съ корнемъ стремленія къ равноправности всѣхъ гражданъ, для такихъ людей положеніе современной Европы представляется какимъ-то чудовищнымъ, и они съ ужасомъ говорятъ, что Европа гибнетъ, что она катится въ страшную пропасть, что она заражена смертоносною чумою. И въ самомъ дѣлѣ, становясь на точку зрѣнія человѣка, принадлежащаго къ крайней группѣ, стоящей одесную умѣренно-либеральной, можно придти въ истинный ужасъ. Развѣ не наступилъ послѣдній день, развѣ не разлагается міръ, развѣ не переживаетъ континентальная Европа страшнаго кризиса? Да, она переживаетъ его, какъ же не жаловаться на свое положеніе, какъ быть довольнымъ своимъ временемъ, своею жизнію.

Отчаянное положеніе! размышляетъ человѣкъ средней группы; отчаянное положеніе! говоритъ и человѣкъ крайней группы, стоящей одесную, и одинъ при этомъ нахмуриваетъ сумрачно брови, другой рветъ и мечетъ, мечетъ и рветъ! Кто же доволенъ положеніемъ континентальной Европы? если недоволенъ человѣкъ умѣренный, если недоволенъ ретроградъ, то быть можетъ доволенъ имъ человѣкъ другой крайней группы, но

стоящей ошую; быть можетъ, радостно улыбается крайній республиканецъ, радикалъ? Нѣтъ и тутъ довольства. Прислушиваясь къ тому, что говорится въ этомъ лагерѣ, читая то, что имъ пишется, приходишь къ заключенію, что среди этой группы ненависть и ожесточеніе безграничны, и даже мысль о томъ, что она довольна, не можетъ быть допущена. Идеалъ, къ которому она такъ настойчиво стремится, нигдѣ не осуществляется. Если республика, какъ политическій идеалъ, оказывается такимъ нѣжнымъ растеніемъ, которое никакъ не можетъ приняться и пустить прочные корни на континентальной Европѣ, то еще болѣе должно быть то сказано о соціальномъ идеалѣ республиканской группы, идеалѣ поднимающемъ страшную вражду, ожесточенную борьбу, на счастливый исходъ которой до сихъ поръ ей позволяется только возлагать свои горячія надежды, но который такъ далекъ, такъ далекъ еще, что могутъ пройти много поколѣній, прежде чѣмъ эта группа въ состояніи будетъ увидѣть простымъ глазомъ свою обѣтованную землю. Итакъ, опять проклятіе континентальной Европѣ! пусть гибнетъ она! произносятъ въ отчаяніи крайніе республиканцы, радикалы, соціалисты, съ горечью ставя вопросъ: да куда же, куда идемъ мы? Гдѣ та дорогая намъ республика, къ которой мы такъ настойчиво стремимся?—нѣтъ ее, вездѣ она замѣнилась милитаризмомъ, деспотизмомъ, лживымъ парламентаризмомъ. Гдѣ существуетъ священная свобода слова?—ее нѣтъ, вездѣ оно обуздано, вездѣ оно преслѣдуется, вездѣ на него налагаютъ цѣпи! Смотрите, со злобою восклицаютъ эти вѣчные мечтатели, смотрите какъ обращаются со словомъ въ континентальной Европѣ! Развѣ конфискаціи, аресты, предостереженія, развѣ всевозможныя литературныя преслѣдованія не тѣ же костры, которые, сжигая бумагу, думали истребить человѣческую мысль, развѣ все это не то же насиліе, развѣ все это не то же звѣрское обращеніе! Люди несвободны, люди рабы, шепчутъ они: ихъ бьютъ, грабятъ, систематически убиваютъ на войнѣ, систематически разоряютъ налогами, и зачѣмъ эти войны, зачѣмъ эти налоги;—вездѣ и во всемъ, плачутся эти утописты, видно только одно: угнетеніе, вѣчное и вѣчное притѣсненіе народа! Европа гибнетъ, Европа на краю пропасти, еще шагъ, и придется совершать по ней печальную тризну! Ретрограды, либералы, вы побѣдили! ну, торжествуйте вашу побѣду!—а между тѣмъ ретрограды и либералы кричатъ почти то же самое.

Кто же доволенъ? Никто. Всѣ жалуются, всѣ ропщутъ, всѣ проклинаютъ то время, въ которое они живутъ, и тѣ условія

жизни, при которыхъ приходится жить. Что же значитъ это повальное недовольство, что значитъ всеобще смущеніе и уныніе? *Оно* означаетъ, что хроническая болѣзнь недовольства находится въ своемъ остромъ періодѣ, и что на европейскую жизнь особенно сильно подулъ неблагопріятный, удушливый вѣтеръ.

Причины такого остраго болѣзненнаго состоянія континентальной Европы становятся довольно понятны, когда, переходя по очереди отъ одной европейской страны къ другой, вездѣ видишь рѣзкіе симптомы кризиса, переживаемаго народами. Въ одной странѣ этотъ кризисъ имѣетъ возможность выдти наружу, и онъ дѣйствительно вышелъ, и выражается необыкновеннымъ броженіемъ на самой поверхности государства, въ другой онъ скрытъ внутри, такъ что судя по наружному виду государства, по его внѣшности, все обстоитъ благополучно, въ то время, когда внутри государства все разслабло. Эти государства съ наружнымъ спокойствіемъ быть можетъ находятся въ несравненно болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ тѣ, въ которыхъ неурядица, хаосъ, сильное броженіе поражаютъ глазъ: болѣзнь, глубоко засѣвшая внутри организма, гораздо труднѣе излечивается, нежели та, которая вышла наружу. Нужно въ самомъ дѣлѣ сознаться, что мы живемъ въ тяжелое время, время переходное, когда старая жизнь пошатнулась въ своемъ основаніи, когда старые порядки, выработанные вѣками, очевидно отжили уже свой вѣкъ и только упрямо, настойчиво молодятся, не желая уступить мѣсто новымъ идеямъ, новымъ правамъ, новымъ учрежденіямъ. Эти новыя идеи, нравы и учрежденія, безъ сомнѣнія, не свалились съ неба, они точно также вылупились изъ старыхъ, какъ старые вышли изъ предшествовавшихъ имъ идей, нравовъ и учрежденій. Въ однихъ государствахъ, какъ Англія, этотъ переходъ отъ однихъ учрежденій къ другимъ совершается почти незамѣтно, естественнымъ путемъ, безъ особыхъ потрясеній, безъ острыхъ кризисовъ; въ другихъ, какъ въ большей части всѣхъ континентальныхъ государствъ, переходъ отъ однихъ учрежденій къ другимъ, отъ одного строя жизни къ новому, вызываетъ страшныя конвульсіи, судороги, угрожающія задушить самую жизнь. Причина, въ силу которой въ одномъ государствѣ переработка идей и учрежденій совершается безъ потрясеній, а въ другомъ сопровождается необыкновеннымъ броженіемъ, лежитъ конечно не въ одномъ только различіи политическихъ системъ, которыми приводится въ дѣйствіе государственный организмъ, но также въ различіи народныхъ темпераментовъ, народныхъ характеровъ, въ различіи физическихъ и нравственныхъ свойствъ того или другого народа.

Переберите всѣ страны континентальной Европы, посмотрите, что дѣлается во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Испаніи, и вездѣ вы увидите безурядицу, хаосъ, усиленное броженіе, вездѣ почти вы должны будете признать, что эпоха, переживаемая этими государствами, есть эпоха переходная, полная внутренней борьбы, смятенія, тяжелой неизвѣстности.

Нужно ли говорить о Франціи? нужно ли доказывать, что въ этой несчастной странѣ безурядица достигла своего апогея, что дальше ей идти некуда, что организмъ ея разстроенъ мучительною болѣзнью, причиняющею ей невѣроятныя страданія? Въ продолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ она бросается во всѣ стороны, нѣсколько разъ измѣняла свою форму правленія: то призывала умѣренную монархію, то неумѣренную имперію, то, наконецъ, республику, и ни одна изъ этихъ формъ правленія не могла прочно установиться нравственно, хотя, правда, и были такія, которыя, благодаря организованной военной силѣ, фактически держались даже слишкомъ долго. Франція бросается во всѣ стороны, она не можетъ добыть себѣ прочныхъ политическихъ учрежденій, она не въ силахъ порѣшить съ слишкомъ долго продолжавшеюся внутреннею борьбою партій, различныхъ группъ. Вина, конечно, лежитъ не на одной какой-нибудь группѣ, а на всѣхъ вмѣстѣ; всѣ онѣ слишкомъ исключительны, всѣ онѣ не могутъ выносить рядомъ съ собою своихъ противниковъ и даже при своемъ торжествѣ доставить имъ дѣйствовать, открыто бороться, не отказываться отъ политической жизни. Что происходитъ во Франціи? сегодня устанавливается умѣренная монархія, или то, что можно назвать золотою серединою: немедленно двѣ крайнія группы лишаются дневного свѣта, ихъ вгоняютъ подъ землю, гдѣ онѣ и таятся до удобной минуты, когда можно выползти на свѣтъ божій и занять господствующее мѣсто въ государствѣ. Пока среди группъ, борющихся въ странѣ, будетъ жить старый духъ узкости, замкнутости, исключительности, до тѣхъ поръ будутъ жить и старыя учрежденія.

Политическая неурядица въ странѣ обусловливаетъ собою неурядицу и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ жизни, обусловливаетъ неурядицу соціальную, неурядицу нравственную. Политическая неурядица всегда ведетъ за собою какое-нибудь крупное бѣдствіе, что-нибудь въ родѣ внѣшней и внутренней войны, въ которой побѣда не болѣе заманчива, какъ и пораженіе. Результатъ одинъ: лучшія силы населенія гибнутъ, трудъ останавливается въ своемъ производствѣ, гибнетъ безплодно для народа. Бѣдные становятся всегда еще бѣднѣе, а бога-

тые становятся богаче не силою труда, а бо́льшею бѣдностью бѣдныхъ. Труднѣе ли прослѣдить неурядицу нравственную? Нисколько. Литература блекнетъ, интересы становятся болѣе мелкими, болѣе исключительными; всѣ тѣ, которые работаютъ въ области мысли, поневолѣ отрѣшаются отъ общихъ вопросовъ, важныхъ одинаково для всего человѣчества и замыкаются въ крошечные вопросики, волнующіе извѣстную партію, извѣстную группу. Нравственный уровень страны неизбѣжно понижается, и это пониженіе отражается въ наукѣ, литературѣ, журналистикѣ, въ драмѣ, комедіи, однимъ словомъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности. Правда, такое пониженіе нравственнаго уровня, такая нравственная безурядица не мѣшаетъ появляться на поверхности отдѣльнымъ именамъ, но ихъ вліяніе остается чрезвычайно ограниченнымъ, и они не имѣютъ той силы, которая безъ всякаго сомнѣнія въ лучшей средѣ, при лучшихъ условіяхъ ихъ жизни и дѣятельности, была бы имъ присуща.

Если Германія находится съ внѣшней стороны въ другихъ условіяхъ, чѣмъ Франція, то внутренняя сторона ея жизни, весь ея организмъ подверженъ той же болѣзни. Думать, что военное торжество, славныя побѣды могутъ уврачевать всѣ раны, это значитъ принижать человѣческое общество и смотрѣть слишкомъ поверхностно на самыя настоятельныя требованія прогресса. Военное торжество и побѣды ничего не измѣняютъ, они замедляютъ только кризисъ, увеличивая въ будущемъ его опасность. То недовольство, то броженіе, которое вызвало смуты 1848 года, остались въ существѣ своемъ тѣмъ же, чѣмъ они были и прежде. Исторія послѣднихъ двадцати-двадцатипяти лѣтъ въ Германіи обличаетъ глубоко засѣвшую язву въ обществѣ, исцѣлить которую могутъ не подрумяненныя старыя учрежденія, а дѣйствительно новыя идеи и новыя учрежденія, болѣе согласныя съ духомъ времени. Что̀ мы видимъ въ Германіи? Мы видимъ то же всеобщее недовольство, стремленіе къ чему-то новому, затаенный пока разладъ между нѣмецкимъ обществомъ и нѣмецкимъ правительствомъ.

Какъ ни жалка была нѣмецкая или вѣрнѣе прусская конституція, какое злобное презрѣніе ни вызывала она въ передовыхъ умахъ, тѣмъ не менѣе этотъ «листъ бумаги», какъ выражается Лассаль, далъ возможность громко заявить, что не все спитъ въ странѣ, что люди внимательно слѣдятъ за всѣми правительственными дѣйствіями и ставятъ ихъ на неуплаченный счетъ правительства. И до сихъ поръ счетъ этотъ остается неуплаченнымъ, и теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь прусское

правительство расположено уплатить его. Впрочемъ его теперь и не безпокоятъ, кредитъ его выросъ безконечно, а оно, пользуясь этимъ случаемъ, старается устроить свои дѣла такъ, чтобы никто и никогда не осмѣливался требовать уплаты. Итакъ, прусская конституція дала все-таки возможность завязать парламентскую борьбу, которая окончилась такимъ тяжелымъ фіаско для передовой группы и такимъ торжествомъ для группы, по своему существу представляющей собою реакцію. Прусское правительство пошло на помощь Лассалю и постаралось убѣдить тѣхъ, которые не вѣрили, когда имъ говорили, что прусская конституція есть не что иное, какъ «листъ бумаги». Началась эпоха войнъ, которая зажала ротъ дерзкимъ крикунамъ. На ихъ буйныя и неуважительныя рѣчи, трофеи Дюппеля, Кёниггреца и наконецъ Седана смирили, правда, большинство передовыхъ людей въ Германіи, они какъ будто забыли свое политическое прошедшее, свои самыя горячія убѣжденія; но насколько все это прочно, въ этомъ едва ли увѣрены и тѣ, которые эксплуатируютъ настроеніе данной минуты.

Нельзя сказать, чтобы положеніе остальныхъ европейскихъ государствъ континентальной Европы было сколько-нибудь лучше. Вездѣ замѣчается переходное состояніе, кризисъ, вездѣ явно сказывается хроническая болѣзнь недовольства, вездѣ происходитъ борьба между старыми и новыми идеями, стоящіе, къ несчастію, слишкомъ враждебно другъ противъ друга. Возьмите Австрію: что вы найдете въ ней? Безконечное взаимное терзаніе различныхъ партій, безконечныя попытки замѣнить одну никуда негодную систему другою, каждые нѣсколько мѣсяцевъ кризисъ въ правительственной сферѣ, который долженъ будетъ наконецъ привести къ кризису въ организмѣ всего государственнаго строя. Есть полное основаніе предполагать, что сколько новыхъ системъ ни перепробуетъ Австрія, къ какимъ компромиссамъ ни станетъ она прибѣгать, всѣ ея попытки къ пересозданію государства не приведутъ ни къ какимъ результатамъ, пока въ основаніи всѣхъ этихъ попытокъ будутъ лежать старыя идеи.

Италія и Испанія не менѣе другихъ странъ континентальной Европы подвержены тѣмъ потрясеніямъ, которыя служатъ опасными симптомами критическаго положенія народовъ. Въ послѣднія двадцать лѣтъ та и другая подвергались жестокимъ испытаніямъ, и если мотивы этихъ испытаній были различны, то тѣмъ не менѣе они одинаково тяжело отзывались на участи народа. Одна страна настойчиво стремилась освободиться отъ внѣшняго ига, слиться въ одно политическое цѣлое, и нако-

нецъ эта завѣтная мечта была достигнута всякими правдами и неправдами. И что-же? наступилъ ли для Италіи золотой вѣкъ, получила ли она великую нравственную силу, пошла ли она быстро впередъ по пути прогресса. Увы! отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. Возьмите любой журналъ, любую газету, и вы услышите тотчасъ одну ноту, ногу недовольства, вы почувствуете въ жизни какую-то пустоту, какое-то отсутствіе содержанія. Политическая жизнь бѣзцвѣтна, литература мертва, и все, кажется, оправдываетъ людей, проникнутыхъ скептицизмомъ, которые съ уныніемъ качаютъ головою и говорятъ: нѣтъ, эта нація болѣе не воскреснетъ, у нея нѣтъ болѣе жизненныхъ силъ! Испанія находится еще въ болѣе печальномъ положеніи, нежели Италія, она утопаетъ въ политической безурядицѣ и не въ силахъ установить у себя что-нибудь прочное. Послѣднія двадцать лѣтъ представляютъ собою печальную страницу въ исторіи Испаніи. Она не можетъ освободиться отъ политическихъ потрясеній самаго грустнаго свойства, такъ какъ всѣ они имѣли своимъ результатомъ не установленіе болѣе справедливой системы управленія, а только замѣну одной камарильи другою.

Въ такое время, когда безурядица политическая и нравственная сдѣлалась повальною болѣзнію всѣхъ государствъ континентальной Европы, когда всѣ группы недовольны и думаютъ излечить зло взаимнымъ истребленіемъ другъ друга, — въ такое время утѣшительно обращаться къ такимъ странамъ, которыя мѣрнымъ шагомъ идутъ впередъ по пути прогресса, не бросаясь сегодня въ одну, завтра въ другую сторону, и которыя настолько счастливы, или вѣрнѣе настолько искусны, что проходятъ невредимо сквозь самыя опасныя шхеры. Но гдѣ такая страна, которая можетъ служить для другихъ образцомъ, гдѣ существуютъ тѣ учрежденія, которыя одинаково предохраняютъ страну какъ отъ всепотрясающей революціи, такъ и отъ всеподавляющей реакціи? Гдѣ та страна, гдѣ тотъ народъ, который для осуществленія своей воли не нуждается въ революціяхъ, гдѣ то правительство, которое для своей поддержки не нуждается во вредной для себя и для общества реакціи? Такими странами, въ настоящую минуту, представляются конечно Америка и Англія, и Англія едва ли не болѣе, чѣмъ Америка. Развитіе Америки шло совершенно иными путями нежели развитіе европейскихъ народовъ, Америкѣ не нужно было освобождаться отъ вѣковыхъ традицій, она брала все готовое, ея нравы слагались подъ совершенно иными условіями нежели наши нравы. Свобода и равенство, эти два начала, которыхъ до сихъ поръ не могутъ осуществить европейскія страны, несмотря на всѣ по-

пытки, несмотря на всѣ усилія, Америка взяла готовыми въ свои грубыя руки, передѣлала ихъ по своему, отбросила то идеальное понятіе, которое связывали европейцы съ этими двумя словами, и затѣмъ положила ихъ въ основаніе своей жизни. Англія же ближе къ намъ, она жила вмѣстѣ съ Европою, она развивалась вмѣстѣ съ нею, и черезъ всѣ тѣ эпохи и фазисы развитія, черезъ которыя проходили континентальныя государства, проходила и Англія, съ тою только разницею, что она обгоняла ихъ подчасъ и цѣлымъ вѣкомъ, прежде испытывала тѣ кризисы, которые впослѣдствіи выпадали на долю нѣкоторыхъ изъ континентальныхъ народовъ. Положеніе Англіи сравнительно съ другими европейскими государствами конечно болѣе выгодно, и выгодою этою она обязана въ значительной степени своему географическому положенію. Она можетъ жить и развиваться совершенно независимо отъ другихъ европейскихъ государствъ, что нельзя сказать о послѣднихъ. Между ними существуетъ тѣсная связь: то, что дѣлается въ одномъ, отзывается тотчасъ на другомъ, поэтому они ревнивымъ глазомъ слѣдятъ другъ за другомъ, всегда угрожая вмѣшаться въ взаимныя дѣла. На Англію же они смотрятъ какъ на нѣчто отдѣльное, и чтобы у нея ни дѣлалось, чтобы ни происходило внутри ея, никогда никому не придетъ въ голову вступиться за ту или другую партію.

Англія, живя такимъ образомъ независимою отъ континентальной Европы жизнію, выработала себѣ особые совсѣмъ нравы, особыя идеи, особыя учрежденія, особую политическую систему, болѣе совершенную, безъ сомнѣнія, чѣмъ всѣ политическія системы европейскихъ государствъ. Не все разумѣется можетъ служить примѣромъ, не все конечно достойно подражанія въ Англіи; въ ея не столько политической, сколько нравственной и соціальной жизни есть много такого, чего нельзя пожелать другимъ, но что по истинѣ въ ней велико, это тотъ духъ индивидуальной свободы, который проникъ въ цѣлый государственный строй и подчинилъ себѣ всю политическую систему, тотъ духъ свободы, благодаря которому все безъ страха, безъ боязни можетъ выдти наружу, безъ страха преслѣдованія, угнетенія. Всѣ стремленія получаютъ свое законное мѣсто, всѣ партіи, всѣ группы могутъ свободно существовать безъ всякаго опасенія гоненій, преслѣдованій. «Это немного еще», быть можетъ скажутъ иные; «это все», можно отвѣтить имъ, потому что благодаря этому традиціонному духу свободы можно смѣло идти впередъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ возможною открытую, а не затаенную борьбу со всѣмъ отжившимъ, со всѣми злоупотребленіями старыхъ идей и старыхъ учрежденій, и новыя идеи

свободно подвергаются опыту времени и жизни. Вотъ почему Англія имѣетъ удивительную, непостижимую привилегію приводить къ соглашенію самыя противоположныя группы людей. На Англію указываютъ вамъ умѣренные либералы, представители конституціоннаго начала, на Англію указываютъ ретрограды, на Англію же указываютъ и радикалы: Англія даетъ каждому то, что ему нужно. Средняя группа находитъ въ ней стройное развитіе конституціоннаго начала, которое все умиротворяетъ и сдерживаетъ въ должныхъ границахъ враждебные элементы. Крайняя правая съ благоговѣніемъ смотритъ на гранитную аристократію, которая хотя и принимаетъ въ себя подчасъ представителей плебса, но все-таки остается первою аристократіею въ свѣтѣ, и вліяніе ея, значеніе въ государственномъ организмѣ весьма велико. Эта крайняя группа сквозь пальцы смотритъ на поползновеніе все больше и больше урѣзать аристократическое начало въ странѣ, и видя тотъ почетъ, которымъ окружена въ Англіи аристократія, съ удовольствіемъ указываетъ на нее какъ на страну, которой слѣдуетъ подражать. Наконецъ крайняя лѣвая группа, среди политическихъ бѣдствій континентальной Европы, одинаково съ удовольствіемъ останавливается на Англіи какъ на странѣ, въ которой, хотя демократія далеко еще не сказала своего послѣдняго слова, но гдѣ она можетъ свободно развиваться, гдѣ она можетъ безъ стѣсненія пропагандировать свои идеи и гдѣ, наконецъ, эта демократія съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе успѣхи. Въ самой Англіи наконецъ существуютъ тѣ три группы, которыя существуютъ въ континентальной Европѣ, и всѣ онѣ вовсе не страдаютъ тою хроническою болѣзнью недовольства и взаимной ненависти, которая такъ глубоко вкоренилась на континентѣ. Благодаря политической системѣ Англіи всѣ группы могутъ жить вмѣстѣ; преобладаніе, торжество даже одной нисколько не уничтожаетъ другой, побѣда одной не ведетъ за собою преслѣдованій, гоненій другой, каждая въ минуту своего пораженія имѣетъ возможность громко заявлять не только о своемъ существованіи, но о своихъ требованіяхъ, желаніяхъ. Каждая группа постоянно, въ каждую минуту своего существованія надѣется достигнуть вліянія, власти, смѣнить враждебную группу, и борьба идетъ открытая, честная. Меньшинство имѣетъ всѣ шансы превратиться въ большинство; существующее министерство, господство одной группы не будетъ защищаемо громадною арміею, не будетъ держаться въ странѣ одною физическою силою, однимъ страхомъ; нѣтъ, лишь только теряетъ оно нравственную силу, оно падаетъ и ничто неспособно остановить его паденія. Пэтому никто также не думаетъ

свергать правительство силою, не нужно заговоровъ, не нужно баррикадъ, не нужно рукопашной борьбы, довольно подорвать авторитетъ министерства, а подрывать его всякому предоставлено сколько угодно, чтобы одно направленіе уступило мѣсто другому. Причина ненависти такимъ образомъ уничтожается, когда каждый знаетъ, что правительство держится не пушками и штыками, всегда направленными на непокорныхъ, а нравственною силою, пріобрѣтенною въ странѣ. Усилія различныхъ группъ направлены такимъ образомъ постоянно на то, чтобы распространять въ народѣ идеи своей группы, такъ какъ идеи въ сущности даютъ власть. Вы не находите въ странѣ громко высказываемаго презрѣнія господствующей группы къ остальнымъ, потому что эти остальныя въ свою очередь могутъ стать во главѣ и отплатить тою же монетою. Меньшинство въ Англіи не должно скрываться, оно не должно таить въ себѣ свои стремленія, свои идеи и цѣли, оно пользуется всѣми правами, принадлежащими большинству. Сегодня образуется партія соціалистовъ,—она не ищетъ тьмы, напротивъ она выходитъ и показываетъ себя при дневномъ свѣтѣ; завтра начинается движеніе республиканское въ обществѣ,—оно точно также громко заявляетъ о своемъ существованіи и никому не приходитъ въ голову, что людей стоящихъ во главѣ такого движенія можно было бы преслѣдовать, никто не станетъ помышлять о томъ, чтобы это движеніе можно было задушить физическими средствами. Каждый членъ англійскаго общества можетъ думать, говорить, писать какъ ему угодно, можетъ задаваться какими угодно стремленіями, цѣлями, ничто ему не помѣшаетъ добиваться ихъ осуществленія, лишь бы онъ употреблялъ на то непротивозаконныя средства, т.-е. лишь бы онъ не убивалъ, не грабилъ, словомъ, лишь бы онъ не покушался на свободу и права другого человѣка, пользующагося такими же правами, какъ и онъ самъ. Помимо этого ограниченія всѣ средства дозволены, ему предоставленъ полный просторъ. Очевидно при этомъ, что тайной борьбы, скрытой ненависти, тайной агитаціи, которая въ континентальныхъ государствахъ приводитъ къ внезапнымъ взрывамъ, тутъ уже быть не можетъ, а потому развитіе націи совершается безъ скачковъ, безъ сюрпризовъ. Каждое движеніе, проявляющееся въ странѣ, растетъ постепенно, выясняетъ свои цѣли, програму, средства, такъ что все общество контролируетъ его, критикуетъ, и подмѣчая его слабыя стороны тѣмъ самымъ дѣлаетъ его болѣе осмысленнымъ, такъ какъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія оно болѣе или менѣе видоизмѣняется. Сильное общественное мнѣніе, и сильное потому, что оно свободно—вотъ единственный

стражъ общественнаго спокойствія и общественной безопасности; подъ его эгидой всѣ группы, всѣ партіи чувствуютъ себя независимыми, точно также какъ чувствуетъ себя независимымъ каждый отдѣльный человѣкъ, направляющій безпрепятственно свою дѣятельность сообразно своимъ вкусамъ, желаніямъ, сообразно преслѣдуемой имъ цѣли. Аристократія не опасается, чтобы однимъ взрывомъ, насильственно у нея были отняты ея прерогативы, средніе классы не дрожатъ надъ своими капиталами, наконецъ народъ, рабочіе классы знаютъ, что ничто не можетъ помѣшать имъ добиваться того, чего они настойчиво желаютъ. Каждая группа людей, однимъ словомъ, живетъ здѣсь свободною и независимою жизнью и потому естественно, что либералы, ретрограды и радикалы континентальной Европы, всѣ въ одинъ голосъ указываютъ на Англію и говорятъ другъ другу: смотрите и поучайтесь!

II.

Въ виду такой особенной роли, которую занимаетъ Англія среди государствъ континентальной Европы, весьма понятно, что съ давняго времени писатели всѣхъ странъ обращались къ англійскому народу, и какъ сфинкса вопрошали его: какъ намъ быть, какими путями, какимъ чудомъ добиться того, надъ чѣмъ мы такъ тщетно хлопочемъ! Европейскіе писатели брали англійскія книги, изучали англійскихъ писателей, отправлялись сами въ Англію, жили по годамъ среди англійскаго общества, знакомясь съ его нравами, съ его учрежденіями, съ различными слоями общества, и если подчасъ убѣждались, что вблизи и издалека одинъ и тотъ же предметъ получаетъ различную окраску, если иногда и выносили убѣжденіе, что не все то золото, что блеститъ, то въ концѣ концовъ все-таки приходили къ заключенію, что Англія — это страна, которая по преимуществу должна быть названа страною свободныхъ учрежденій, свободныхъ нравовъ. Всѣ писатели, изучая Англію, думали тѣмъ самымъ приносить пользу своей странѣ, и дѣйствительно ее приносили, потому что нужно сказать, что ничто такъ не помогаетъ изученію своего народа, своего общества, какъ изученіе чужого народа, чужого общества. Результатомъ такого изученія Англіи была колоссальная литература, посвященная описанію политическаго, соціальнаго быта англійскаго народа, масса трактатовъ, разсуждающихъ научнымъ образомъ объ англійскихъ учрежденіяхъ, объ ихъ self governement'ѣ, объ ихъ правитель-

ственной системѣ и цѣломъ политическомъ организмѣ, цѣлая тьма такъ-называемыхъ «путешествій», публицистическихъ сочиненій и всевозможныхъ очерковъ, этюдовъ, эскизовъ и т. п.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ написать книгу объ Англіи и предварительно прочесть все, что было написано о ней европейскими писателями, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такому человѣку не хватило бы цѣлой жизни, хотя бы онъ и жилъ Маѳусаиловъ вѣкъ, онъ задавленъ былъ бы этою горою исписанной бумаги, онъ потонулъ бы въ этомъ морѣ ушедшихъ на описаніе Англіи чернилъ. Но какъ же быть? спроситъ читатель. Отвѣтъ не можетъ представлять затрудненій: нужно оставить покоиться подъ толстымъ слоемъ пыли всю написанную груду книгъ, нужно съузить свою задачу, опредѣлить ея границы, и въ этомъ отношеніи на помощь является книга, книга чрезвычайно интересная — послѣднее сочиненіе Тэна: «Notes sur l'Angleterre». Но отчего же, можетъ опять спросить читатель, вы берете имено Тэна; развѣ мало другихъ, одинаково замѣчательныхъ писателей, отчего вы не дѣлаете другого выбора изъ всей этой плеяды писателей, посвящавшихъ свои труды описанію Англіи?

Большинство писателей объ Англіи принадлежитъ непремѣнно къ тѣмъ тремъ группамъ людей, о которыхъ было говорено выше: каждый служитъ своему знамени, каждый имѣетъ симпатіи своей группы и потому каждый видитъ въ Англіи по преимуществу то, что ему нужно. Если взять писателя «золотой средины», онъ будетъ вамъ описывать Англію подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія; если остановиться на писателѣ, примыкающемъ къ крайней правой группѣ,—онъ станетъ выставлять аристократію, ея вліяніе, могущество и представитъ вамъ Англію по преимуществу аристократическую, постарарясь не дать вамъ и почувствовать, что рядомъ съ Англіею аристократической можетъ стоять другая Англія—Англія демократическая. Точно также, беря писателя изъ лагеря крайней лѣвой, вы можете быть увѣрены, что его трудъ, его сочиненіе, его «путешествіе» или «письма» будутъ носить характеръ односторонности. Такихъ же писателей, которые не примыкали бы ни къ одной изъ названныхъ группъ, которые чуждались бы одинаково всѣхъ партій или относились ко всѣмъ съ одинаковымъ чувствомъ, такихъ писателей весьма немного и потому ихъ сочиненія представляютъ въ этомъ случаѣ особенный интересъ. Составляетъ ли такое свойство человѣка его личное преимущество или нѣтъ, достоинство или недостатокъ,—это иной вопросъ, и если бы нужно было рѣшить этотъ вопросъ и выразить свое мнѣніе, то я

не задумался бы сказать, что такое свойство составляетъ недостатокъ, такъ какъ человѣкъ, живущій среди извѣстнаго общества долженъ опредѣленно заявлять, какому направленію, какой сторонѣ принадлежитъ его сочувствіе и всѣ симпатіи. Но пусть будетъ то достоинствомъ или недостаткомъ, фактъ тотъ, что Тэнъ принадлежитъ именно къ такимъ писателямъ, которые не примыкаютъ ни къ какой группѣ, онъ не заявляетъ своего исключительнаго сочувствія никакой партіи, въ немъ нѣтъ увлеченій, нѣтъ страсти. То положеніе, которое занимаетъ благодаря этому самъ Тэнъ во французскомъ обществѣ, отзывается и на его трудѣ, рѣзко выдѣляющемся изъ цѣлой груды описаній Англіи, представленныхъ другими писателями. Что же такое книга Тэна, какъ охарактеризовать его послѣднее сочиненіе? Мнѣ кажется, давая своей книгѣ названіе: «Notes sur l'Angleterre», онъ какъ нельзя болѣе вѣрно опредѣлилъ самъ характеръ своего сочиненія. Это дѣйствительно «notes», это безконечный рядъ замѣтокъ, набросковъ, эскизовъ, которые онъ заносилъ въ свою записную книжку во время своего путешествія, или вѣрнѣе путешествій, которыя онъ нѣсколько разъ предпринималъ по Англіи. Напрасно стали бы вы искать здѣсь строгой системы, вы этого не найдете; напрасно станете вы искать описанія учрежденій всей государственной машины—вы не встрѣтите этого у Тэна. Это не научное сочиненіе, это не серьезный трактатъ, это замѣтки наблюдательнаго туриста, это умное «путешествіе». Нужно сказать, что вообще «путешествія» относятся къ разряду самыхъ любопытныхъ и вмѣстѣ поучительныхъ книгъ; когда же путешествуетъ такой замѣчательный писатель, какъ Тэнъ, и при томъ по такой странѣ, какъ Англія, то такое «путешествіе» естественно должно выдвинуться впередъ.

Тэнъ, прежде всего, французъ. Ему въ настоящее время сорокъ или сорокъ два года, слѣдовательно въ 1851 году онъ вступилъ уже болѣе или менѣе въ «мыслящій» возрастъ. Вторая имперія только что водворилась во Франціи. Всѣ его сочиненія, отъ перваго до послѣдняго, принадлежатъ этой грустной эпохѣ, и это обстоятельство, чрезвычайно важное, не нужно упускать изъ виду при критической оцѣнкѣ Тэна. Дѣтскіе годы его, однимъ словомъ, то время, когда онъ не могъ еще сознательно относиться къ общественнымъ дѣламъ, совпадаетъ со временемъ іюльской монархіи; метеоромъ пронесшаяся республика не могла сильно повліять на него, такъ какъ въ эпоху 48-го года, онъ былъ юношей, едва еще вступившимъ въ жизнь; наконецъ зрѣлище, которое представляли собою въ это время различныя партіи, интриговавшія другъ противъ друга, та реакція,

которая послѣдовала за іюльскими днями, не могли благопріятно подѣйствовать на восемнадцатилѣтняго юношу. Затѣмъ совершившійся государственный переворотъ и наступившій за нимъ терроръ, то отвратительное по истинѣ время, когда для того, чтобы жить, нужно было притворяться мертвымъ, когда всѣ оставшіеся въ живыхъ и сами не подвергшіеся преслѣдованіямъ видѣли кругомъ себя безчисленные аресты, ссылки въ Кайенну, заключенія въ крѣпости, форты, отправленія въ колоніи, когда самое драгоцѣнное право каждаго человѣка: святость жилища была попираема на каждомъ шагу и каждую минуту, когда судъ сдѣлался насмѣшкою и свобода и достояніе человѣка призракомъ—все это вмѣстѣ должно было роковымъ образомъ вліять на сформированіе политическихъ убѣжденій молодого человѣка.

Имперія выработала три типа людей. Одинъ типъ, это типъ продажнаго человѣка, не имѣющаго ni foi ni loi, готоваго на всѣ самые гнусные поступки, если только они могутъ принести ему личную выгоду, доставить деньги или почести; другой типъ, какъ реакція противъ перваго, типъ человѣка крайняго фанатика, готоваго жертвовать своею жизнью, лишь бы доставить торжество порядку, противоположному тому, который водворенъ былъ имперіею, и, наконецъ, третій типъ индифферента, человѣка, не желающаго быть рабомъ, слишкомъ уважающаго себя, чтобы мараться въ грязи, и вмѣстѣ настолько любящаго жизнь, чтобы не подвергать ее малѣйшей опасности. Этотъ типъ людей, типъ крайне вредный, долженъ былъ особенно развиться во Франціи. Политическая жизнь, неровная, перемѣнчивая, преисполненная всяческихъ волненій, которыя сегодня вели къ установленію республики, завтра къ монархіи, естественно могла возбудить отвращеніе и привести человѣка къ печальному результату: «ничего не хочу знать, ни до чего мнѣ нѣтъ дѣла». Онъ спокойно переноситъ имперію, мирится съ нею, точно также, какъ холодно принимаетъ республику, политическіе инстинкты въ немъ глохнутъ и онъ ищетъ удовлетворенія въ другой сферѣ—сферѣ внутренней жизни; онъ начинаетъ жить не дѣйствительностью, а отвлеченными идеями; все существующее представляется ему чѣмъ-то преходящимъ, на что не стóитъ тратить своихъ силъ; важность, значеніе въ его глазахъ пріобрѣтаетъ только «вѣчное», стоящее внѣ зависимости отдѣльнаго человѣка или цѣлаго общества, все остальное мелко, преходяще. Направленіе вредное, потому что помимо его воли, безсознательно, оно проникаетъ во всѣ другія области его жизни, помимо политической, то же равнодушіе, тотъ же индифферентизмъ забирается дальше и глубже и приводитъ человѣка къ нездоро-

вому спокойствію, къ какому-то квіетизму. Человѣкъ становится такимъ образомъ фаталистомъ и на всѣ язвы человѣческаго общества смотритъ съ поразительнымъ равнодушіемъ. Равнодушіе проникаетъ въ его существо и прокрадывается во всѣ его воззрѣнія. Оно ослабляетъ его силы, потому что уничтожаетъ въ человѣкѣ «идеалъ», къ которому бы онъ постоянно стремился и которому желалъ бы доставить торжество. У такого человѣка нѣтъ идеаловъ, нѣтъ убѣжденій, а есть только *«мнѣнія»*. Сегодня онъ долженъ высказаться въ вопросѣ политическомъ. Если свободное выраженіе своего *мнѣнія* представляетъ какую-нибудь опасность, онъ благоразумно промолчитъ, потому что ему собственно не изъ-за-чего биться. У него есть политическое мнѣніе, мнѣніе для личнаго его обихода. Оно не овладѣло имъ, онъ спокойно и равнодушно видитъ торжество другого мнѣнія. Онъ даже скажетъ себѣ: ну, что же, если то мнѣніе восторжествовало, значитъ, климатъ, географическое положеніе, нравственныя условія должны были привести къ его торжеству, изъ-за чего же мнѣ тутъ тревожиться и страдать. Нужно ему высказаться въ вопросѣ религіозномъ, онъ будетъ разсуждать точно также. Я смотрю, скажетъ онъ, на эту матерію такъ и такъ, другіе смотрятъ иначе; пусть же другіе остаются при своихъ мнѣніяхъ, какъ я остаюсь при своихъ. Свое безпристрастіе, свое равнодушіе онъ доведетъ даже до того, что въ чужомъ мнѣніи, въ чужомъ вѣрованіи будетъ всячески отстаивать хорошія стороны, и отыскавъ ихъ, успокоится и скажетъ: ну, что же, прекрасно, я смотрю, положимъ, на дѣло иначе, но и вы дѣлаете отлично, держась вашего мнѣнія. Той бьющей жилки, той горячей струи, того священнаго огня, который возможенъ только при глубокомъ убѣжденіи въ справедливости того, что составляетъ плоть и кровь человѣка,—ничего подобнаго нѣтъ у индифферента.

Въ вопросѣ соціальномъ у него является то же отношеніе, полное безучастности, полное равнодушія, которое поражаетъ и въ другихъ вопросахъ. Онъ нарисуетъ вамъ безподобную картину нищеты, страданій рабочаго люда; онъ покажетъ вамъ всѣ чудовищныя стороны того порядка, который въ удѣлъ трудящагося класса даетъ голодъ и рубища; онъ поведетъ васъ въ страшныя трущобы и заставитъ содрогнуться васъ, если только въ васъ не притуплено въ конецъ и не вымерло чувство состраданія къ ближнему; вы невольно думаете, что только человѣкъ, пропитанный страстною любовью къ этому люду можетъ такъ глубоко проникнуть въ его жизнь, въ его страданія; вы уже ждете безпощадныхъ выводовъ, вы ждете рѣшительнаго заключенія, вамъ кажется, что вы уже слышите исторгающееся изъ его груди

осужденіе міру неправды, горя и ненависти — и вы поражены, васъ обдаетъ ледяною водою, когда вамъ становится ясно, что всѣ эти мастерскія описанія нищеты и страданій сдѣланы безъ капли любви къ самимъ нищимъ и страждущимъ, и что человѣкъ весьма далекъ отъ того заключенія, отъ тѣхъ выводовъ, которые совсѣмъ готовые вертятся уже въ вашей головѣ. Вы видите, что съ тѣмъ же мастерствомъ, или вѣрнѣе съ тѣмъ же талантомъ, который вы принимаете за любовь, онъ говоритъ вамъ о жизни богатства, привилегій, съ тою же тщательностью и съ тою же симпатіею онъ распространяется о роскошной обстановкѣ избранныхъ міра. Какого же мнѣнія, можете вы спросить, держится такой человѣкъ въ соціальномъ вопросѣ? Онъ полагаетъ, что если такое или другое положеніе существуетъ, то въ силу этого оно и должно существовать въ данное время, и что если это положеніе дурно и оно можетъ измѣниться, то, очевидно, со временемъ оно и измѣнится; а до тѣхъ поръ можно жалѣть объ однихъ и наслаждаться вмѣстѣ съ другими, безъ того даже, чтобы признавать это несправедливымъ. Такой человѣкъ обо всемъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія «вѣчности», а съ такой точки дѣйствительно ко всему можно относиться безучастно. Во всѣхъ другихъ жизненныхъ вопросахъ онъ будетъ разсуждать точно также, вездѣ и во всемъ вы встрѣтите у него мнѣнія, а не убѣжденія, всегда онъ будетъ говорить спокойно, никогда не увлечется, всегда выскажется ясно, опредѣленно, и согласно его воззрѣніямъ весьма—разумно. Но не ждите отъ такого человѣка горячности, страсти, не ждите, чтобы онъ когда-нибудь былъ чѣмъ-нибудь тронутъ, чтобы у него сердце ёкнуло при видѣ человѣческой печали, страданія. Нѣтъ, этого вы никогда не дождетесь, и не потому, чтобы это былъ человѣкъ дурной, злой, вовсе нѣтъ, а только потому, что онъ ко всему относится объективно и на все смотритъ черезъ призму столѣтій. Общественныя бѣдствія ничѣмъ не измѣнятъ спокойнаго, безстрастнаго теченія его жизни, никакія страданія родной страны, родного народа неспособны повергнуть его въ отчаяніе, потому что у него нѣтъ горячаго сочувствія, пламенной любви къ этой странѣ и къ этому народу. Вотъ типъ равнодушнаго человѣка, вотъ типъ индифферента, образованію котораго такъ много способствовала деморализація политическая и нравственная, порожденная злосчастною эпохою второй имперіи. Такой типъ человѣка очевидно не можетъ, да и не долженъ быть особенно симпатиченъ. Холодность, равнодушіе всегда дѣйствуютъ отталкивающимъ образомъ; индифферентизмъ лишаетъ человѣка той силы, которая присуща убѣжденію и извѣстной страстности; но чтобы быть

справедливымъ нужно сказать, что онъ даетъ человѣку и нѣкоторое вознагражденіе. Вознагражденіе это заключается въ томъ, что индифферентизмъ не допускаетъ односторонности, исключительности, и дѣлаетъ человѣка способнымъ во всякомъ вопросѣ видѣть его выгодныя и невыгодныя стороны, и потому наблюденіе его, выводы, которые онъ дѣлаетъ, являются болѣе полными, цѣльными, а въ силу этого быть можетъ и болѣе прочными. Но какъ бы то ни было, все, таки въ концѣ концовъ невыгода индифферентизма далеко перевѣшиваетъ его выгодныя стороны, и человѣку нужно имѣть сильный талантъ и большое внутреннее содержаніе, чтобы они могли помирить съ индифферентизмомъ и вытекающимъ изъ него квіетизмомъ.

Къ такому типу людей равнодушныхъ и индифферентныхъ принадлежитъ и замѣчательный авторъ «Notes sur l'Angleterre.» Если достоинства его многочисленныхъ произведеній легко объясняются изъ ряду вонъ выходящимъ талантомъ, то недостатки его въ значительной степени могутъ быть объяснены тою несчастною эпохою для Франціи, въ которую ему пришлось жить, тѣмъ индифферентизмомъ, къ которому онъ пришелъ благодаря жизненнымъ условіямъ окружающаго его общества. Тэнъ всегда остается себѣ вѣренъ, въ одномъ сочиненіи, какъ и въ другомъ онъ всегда является однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, съ тѣми же воззрѣніями, мнѣніями, съ тѣмъ же методомъ. Чтобы представить его характеристику, строго говоря, можно было бы обойтись безъ прежнихъ его сочиненій и остановиться только на послѣднемъ произведеніи. Начиная съ его разбора басенъ Лафонтена, и затѣмъ перебирая всѣ его сочиненія, его критику французскихъ философовъ девятнадцатаго вѣка, его въ высшей степени замѣчательные по необыкновенной тонкости анализа критическіе этюды, въ видѣ этюда о Бальзакѣ, Расинѣ, Стендалѣ и множествѣ другихъ, наконецъ его извѣстное и заслуженно извѣстное сочиненіе объ англійской литературѣ, — вездѣ и во всемъ видите человѣка, который такъ ярко высказался въ книгѣ объ Англіи.

Я сказалъ уже, что по общему своему типу Тэнъ принадлежитъ къ лагерю индефферентовъ, къ тому лагерю, у котораго есть одно только убѣжденіе, что міръ идетъ своимъ путемъ, что ничто не въ состояніи дать иного направленія неизмѣннымъ законамъ природы, и что слѣдовательно нечего портить себѣ кровь изъ-за всего преходящаго, мимолетнаго. Жизнь коротка, думаютъ люди этого лагеря, изъ-за чего же слѣдовательно мы будемъ себѣ отравлять ее, волноваться, безпокоиться, отчаяваться и тѣмъ еще

болѣе сокращать свою жизнь. Внѣ этого убѣжденія, нѣтъ болѣе ничего, чтó глубоко проникало бы въ ихъ существованіе.

Сколько вы ни будете изучать сочиненій Тэна, вы никогда не въ состояніи будете сказать, каковы его убѣжденія, во чтó онъ вѣритъ, во чтò нѣтъ, что ему близко, дорого, и чего онъ чуждается, чтò ему антипатично. Вы скажете: онъ консерваторъ, онъ ретроградъ! неправда, я укажу вамъ въ его сочиненіяхъ десятки страницъ, въ которыхъ вы должны будете признать въ немъ человѣка не только либеральныхъ мнѣній, но пожалуй человѣка крайняго, радикальнаго. Вы порѣшите, читая эти страницы, что онъ радикалъ, и какъ вы ошибетесь! въ томъ же сочиненіи, нѣсколькими страницами далѣе вы увидите, что онъ самымъ искреннимъ образомъ сочувствуетъ такимъ идеямъ и такимъ учрежденіямъ, которыя прямо противоположны радикализму. Точно также вы не въ состояніи признать въ немъ человѣка «золотой середины», потому что онъ никогда не эквилибрируетъ между двумя крайнями понятіями, а становится, смотря по вкусу, защитникомъ или противникомъ того и другого, а самое частое—и защитникомъ, и противникомъ. Никогда и ни въ чемъ онъ не ищетъ непремѣнно середины. У него нѣтъ убѣжденій, которыя онъ горячо сталъ бы отстаивать, у него нѣтъ дорогихъ для него вѣрованій, у него есть одна страсть, одна любовь: страсть къ спокойствію, любовь къ красотѣ, къ силѣ, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. То, что было сказано про Гёте, то можетъ быть сказано и про Тэна, который, между прочимъ, безгранично боготворитъ нѣмецкаго поэта. Если Гёте называли «великимъ язычникомъ», то и про Тэна можно сказать, что онъ язычникъ, въ томъ же конечно смыслѣ, въ какомъ былъ имъ геніальный творецъ Фауста. Онъ поклоняется силѣ, онъ поклоняется красотѣ и бездушно, безучастно смотритъ на все, что слабо, что болѣзненно, что некрасиво. Онъ съ презрѣніемъ отнесется къ пороку, когда порокъ этотъ «такъ себѣ», порокъ средней руки, но пускай порокъ пріобрѣтетъ гигантскую силу, пускай онъ достигнетъ колоссальныхъ размѣровъ, о, тогда дѣло другое, Тэнъ сниметъ, какъ говорится, передъ нимъ свою шапку, онъ поклонится ему. Не имѣя убѣжденій, не имѣя вѣрованій, ко всему относясь равнодушно, безстрастно, очевидно, Тэнъ не можетъ имѣть никакого опредѣленнаго идеала человѣческаго общества; у него нѣтъ идеала ни для политической формы, ни для соціальной, онъ не хочетъ знать, хорошо то или дурно, когда въ народѣ сильны или слабы религіозныя вѣрованія, да, главное, онъ этимъ и не интересуется. Онъ только констатируетъ нравы, учрежденія, состояніе идей въ томъ или дру-

томъ слоѣ общества, и если тутъ или тамъ онъ встрѣчаетъ спокойную жизнь, изящную обстановку, богатство, силу, то можете быть увѣрены, что онъ отнесется сочувственно ко всему тому, гдѣ только онъ найдетъ эти элементы.

Всѣ эти свойства, которыя бросаются въ глаза при чтеніи прежнихъ сочиненій Тэна, замѣчательныхъ по силѣ таланта, анализа, знанія, еще болѣе сильно, если только это возможно, выступаютъ въ его послѣдней книгѣ.

Въ жизни англійскаго народа существуетъ цѣлая тьма противорѣчій; быть-можетъ, этихъ противорѣчій здѣсь больше, чѣмъ въ жизни какого-нибудь другого народа, но самое ихъ существованіе доказываетъ только, какъ глубоко вкоренились свободные нравы въ этой странѣ. Обратите вниманіе на любую сторону жизни, и вы тотчасъ встрѣтите два противоположныхъ тока: одинъ тянетъ въ одну сторону, другой въ другую, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они вытѣсняли другъ друга. Возьмите любую сферу, сферу политическую, религіозную или соціальную—вездѣ вы найдете рѣзкія противорѣчія между однимъ направленіемъ и другимъ, и вездѣ вы увидите, что оба направленія существуютъ совершенно законно, одно силой своей, проистекающей изъ присущей ей власти, не давитъ другого и не старается вогнать въ землю. Кому неизвѣстно, что въ континентальной Европѣ никогда еще власть не уживалась рядомъ съ свободой, или одна или другая, онѣ не въ силахъ дѣлить своего господства. Сегодня торжествуетъ одна, она грызетъ другую, поѣдаетъ ее; сегодня возносится другая, она мститъ и бросаетъ въ пропасть свою соперницу. Едва ли нужно приводить примѣры, доказательства, Франція, Германія, Италія подтверждаютъ своею исторіею всю справедливость этого положенія. Въ Англіи, напротивъ, это положеніе вещей не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и тутъ съ полною основательностію можно сказать, что съ континентальной европейской точки зрѣнія два противорѣчащія начала живутъ душа въ душу, такъ какъ монархія пропитала собою свободу, а свобода въ свою очередь пропитала монархію. Монархія и свобода относятся другъ къ другу съ самымъ полнымъ уваженіемъ, и живя вмѣстѣ обнаруживаютъ безконечную взаимную терпимость. Нужно сказать при этомъ, что монархія обнаруживаетъ тутъ еще бóльшую терпимость, чѣмъ свобода, которая даже и въ Англіи начинаетъ мало-по-малу принимать вызывающій характеръ. Монархія является тутъ часто стороною защищающеюся, свобода нападающею.

Если свобода трудно мирится съ монархіею, то еще труднѣе мирится она съ неравенствомъ различныхъ слоевъ общества, и од-

нако, въ Англіи это неравенство поразительно, и притомъ неравенство, не въ смыслѣ соціальномъ, о которомъ нечего и говорить, а въ смыслѣ политическомъ. Если что-нибудь скрадываетъ это неравенство и заставляетъ его менѣе чувствовать, то опять-таки тѣ нравы, которые дѣлаютъ то, что каждый человѣкъ сознаетъ себя свободнымъ и независимымъ человѣкомъ, и который въ силу этого требуетъ, чтобы съ нимъ обращались по-человѣчески.

Одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ англійской жизни, это сторона религіозная, которая сильна въ англійскомъ обществѣ своимъ формализмомъ, своимъ ханжествомъ. При томъ формально-религіозномъ настроеніи общества, которое существуетъ тамъ, во всякой другой странѣ религія стала бы нетерпимою, недопускающею никакого противорѣчія. Однако мы не то видимъ въ англійскомъ обществѣ. Критика, анализъ имѣютъ здѣсь полный просторъ и религіозное чувство, религіозное вѣрованіе для своей охраны вовсе не требуетъ духовной цензуры. Но нужно впрочемъ сказать, что такая цензура лежитъ въ нравахъ страны, которыя установили уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Уваженіе же къ чужимъ мнѣніямъ можетъ существовать только въ той странѣ, гдѣ всѣ мнѣнія свободны, и гдѣ одно не стремится внѣшнею силою уничтожить другія.

Свободная страна требуетъ, безъ сомнѣнія, распространенія образованія, она требуетъ, чтобы высшее, научное образованіе не было привилегіею одного какого-нибудь класса и чтобы оно не замыкалось двумя-тремя школами, да однимъ или двумя университетами. Въ Англіи система образованія, какъ читатель увидитъ далѣе, находится въ довольно жалкомъ состояніи и представляетъ одну изъ самыхъ грустныхъ сторонъ жизни, и если что-нибудь ослабляетъ вредныя послѣдствія этой системы, то опять-таки только существующіе нравы, которые дѣлаютъ то, что путемъ частной иниціативы образуются низшія, среднія учебныя заведенія и кое-какъ сглаживается коренной недостатокъ.

Въ соціальномъ отношеніи всѣ мрачныя стороны, существующія на континентѣ, одинаково существуютъ и въ Англіи, и тутъ пожалуй, даже навѣрное, онѣ еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Нигдѣ не существуетъ такого контраста между нищетою и богатствомъ, какъ въ Англіи, нигдѣ нельзя было бы болѣе опасаться, что каждый день вспыхнетъ страшная соціальная война между имущими и неимущими, и однако Англія и богатые классы не подымаютъ никакого вопля изъ-за того, что образуются trades-unions'ы. Нѣтъ сомнѣнія, образуйся они въ континентальной Европѣ, немедленно раздались бы тысячи голо-

совъ, требующихъ ихъ уничтоженія, явились бы законы, карающіе всякаго причастнаго къ этому дѣлу; здѣсь же никто объ этомъ не думаетъ, каждый знаетъ, что это немыслимо. Нравы сдѣлали такой значительный успѣхъ, что право каждаго человѣка принадлежать такому или другому союзу не подвергается никакому сомнѣнію.

Когда писатель задается задачею представить цѣльную картину жизни той или другой націи, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ не долженъ выставлять на видъ одни недостатки, точно также какъ не долженъ говорить объ однихъ достоинствахъ. Но рисуя свѣтлыя и мрачныя стороны извѣстнаго народа, писатель, въ которомъ живетъ сильное убѣжденіе, который не относится ко всему равнодушно, невольно выскажетъ, что̀ именно онъ считаетъ мрачными, и что̀ свѣтлыми сторонами. Въ самомъ описаніи, въ тѣхъ краскахъ, которыя онъ станетъ накладывать на различныя стороны и явленія жизни народа, будетъ ясно видно, что̀ ему дорого, что̀ ему ненавистно, что̀ онъ считаетъ благомъ для народа, что̀ онъ считаетъ зломъ. Возьмите двухъ писателей противоположныхъ лагерей, одного изъ лагеря ретрограднаго, другого изъ радикальнаго, и вы услышите двѣ совершенно противоположныя пѣсни. Одинъ станетъ восторгаться вамъ въ той же самой Англіи сильною, крѣпкою аристократіей, другой съ горячностью станетъ порицать ее и доказывать необходимость ея паденія; одинъ будетъ съ упоеніемъ описывать, какъ поземельная собственность находится въ рукахъ ничтожнаго круга людей, другой увидитъ въ этомъ величайшее зло. Наконецъ, первый станетъ доказывать, что если Англія страдаетъ какимъ-нибудь зломъ, то это зло — свобода печати, свобода сумасбродныхъ сборищъ, второй же именно во всемъ томъ, что порицаетъ первый, видитъ прочные элементы, вѣрные задатки для счастливаго будущаго страны. У Тэна вы не встрѣтите ничего подобнаго, для него кажется нѣтъ темныхъ сторонъ, все прекрасно, все обстоитъ благополучно, на все онъ смотритъ съ улыбкой на устахъ, такъ что первое впечатлѣніе, которое онъ долженъ произвести, это впечатлѣніе оптимиста. Между тѣмъ у него даже нѣтъ оптимизма, а только индифферентизмъ. Онъ видитъ печальныя стороны, онъ понимаетъ своимъ свѣтлымъ и блестящимъ умомъ, что̀ трагическаго есть въ томъ или другомъ положеніи, но онъ не хочетъ остановиться, не желая проникнуть въ глубь, онъ боится, что печальныя размышленія причинятъ ему нравственное безпокойство, ему, который ничего такъ не любитъ какъ спокойствіе, красоту. Онъ скользитъ поэтому по темнымъ сторонамъ жизни,

онъ не хочетъ дѣлать никакихъ выводовъ, изъ боязни нарушить свое спокойствіе, отвлечься отъ пріятнаго въ жизни. Вотъ отчего онъ во всемъ и вездѣ отыскиваетъ свѣтлыя стороны, и хотя бы извѣстные нравы, извѣстныя учрежденія должны были бы быть ему антипатичны по его внутренней закваскѣ, онъ путемъ парадоксовъ, софизмовъ и всяческихъ натяжекъ не только оправдываетъ, но почти преклоняется передъ учрежденіемъ, которое, живи въ немъ сильное убѣжденіе, имѣй онъ извѣстный идеалъ общественнаго устройства, было бы ему безусловно антипатично.

Тэнъ, прежде всего, какъ всякій французъ, демократъ. Недемократовъ нѣтъ больше во Франціи. Приверженецъ имперіи, ярый бонапартистъ,—но попробуйте спросить его кто онъ такой, онъ непремѣнно отвѣтитъ вамъ, что онъ истинный демократъ. Обратитесь къ сторопнику Орлеановъ, вы убѣжите отъ безконечной и горячей проповѣди демократизма. Ухватитесь наконецъ за приверженца бѣлаго знамени съ лиліей, и вы услышите отъ него о духѣ времени, что онъ понимаетъ легитимистскую монархію, но приложенную къ современнымъ нравамъ, однимъ словомъ, une monarchie démocratique. О республиканцахъ всевозможныхъ оттѣнковъ не можетъ быть и рѣчи, они само собою демократы. Немного, весьма немного осталось во Франціи не-демократовъ, немного осталось могикановъ монархіи недемократической, монархіи аристократической, но и тѣ, которые остались, тщательно скрываются подъ ширмами демократіи. Возьмите человѣка очень замѣчательнаго по таланту, принадлежащаго къ французской аристократіи и написавшаго даже цѣлую, весьма интересную книгу объ Англіи для того, чтобы доказать, что самая счастливая страна это та, гдѣ есть сильная аристократія, и что слѣдовательно Франція можетъ быть счастлива только тогда, когда она перенесетъ къ себѣ это драгоцѣнное растеніе; возьмите этого человѣка и послушайте, что говоритъ онъ, аристократъ, такъ настойчиво рекомендовавшій Франціи сильную англійскую аристократію. «Постоянный успѣхъ и окончательное торжество демократіи—это въ настоящее время неоспоримые факты, столь же очевидные, какъ успѣхъ и торжество абсолютной монархіи, начиная отъ XV-го вѣка и до XVIII-го. Демократія управляетъ всюду, гдѣ она еще не царствуетъ. Безумно не признавать ея побѣды, безумно также противиться ей до тѣхъ поръ, пока она не выродится въ угнетеніе, пока она не повлечетъ за собою извѣстныхъ послѣдствій, несогласныхъ съ совѣстью и здравымъ смысломъ [1]).» Такимъ образомъ, можно

---

[1]) De l'Avenir politique de l'Angleterre, par le Comte de Montalambert.

признать, что всѣ французы демократы. Тэнъ конечно не составляетъ исключенія, и въ его сочиненіяхъ можно привести тому много доказательствъ. Но посмотрите какой онъ оригинальный демократъ! Демократъ, безъ всякаго сомнѣнія, не только можетъ, но даже долженъ понимать и аристократію; но едвали убѣжденный демократъ можетъ восторгаться аристократіею, съ любовью говорить о ея силѣ, значеніи, восхвалять ея принципъ настолько же, если не больше, насколько восхваляетъ онъ принципъ демократическій. У Тэна между прочимъ это именно такъ. Что это въ сущности доказываетъ? Мнѣ кажется только одно — что онъ относится совершенно равнодушно къ подобнымъ вопросамъ, и что въ концѣ концовъ ему нѣтъ никакого дѣла ни до аристократіи, ни до демократіи, какъ нѣтъ дѣла до того, какая форма правленія существуетъ въ странѣ, монархическая или республиканская. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ къ Тэну, нужно сказать, что уже давно, еще въ 1857 году, въ одномъ изъ первыхъ своихъ этюдовъ, именно въ этюдѣ, написанномъ по поводу вышедшей тогда книги графа Монталамбера объ Англіи, Тэнъ, юноша двадцати-четырехъ, двадцати-пяти лѣтъ, откровенно сознавался, что онъ «весьма мало любитъ политику». Тогда, правда, можно было думать, что слова эти сказаны молодымъ писателемъ для большей безопасности, такъ какъ въ 1857 году любовь къ политикѣ во Франціи могла имѣть самыя грустныя послѣдствія. Оказалось однако, что слова Тэна не были только словами предосторожности, а голою истиною.

Изъ трехъ словъ, изъ которыхъ слагается девизъ, сдѣлавшійся со времени великой революціи оффиціальнымъ девизомъ Франціи, изъ трехъ словъ: liberté, égalité, fraternité! посчастливилось только одному. Liberté витаетъ въ облакахъ, fraternité оказалось несозрѣвшимъ плодомъ, égalité же вошло въ жизнь и подчинило себѣ все общество. Равенство вошло въ законы, вошло въ нравы французской націи и никакая реакція, никакой порядокъ не вытѣстъ этого понятія. Оно засѣло весьма глубоко. Это равенство Тэнъ всосалъ съ молокомъ матери, оно укрѣплялось въ немъ его нянькою, оно утверждалось въ немъ школою, онъ нашелъ это понятіе въ себѣ совсѣмъ готовымъ и прочнымъ, когда юношей вступилъ въ жизнь, какъ находитъ его готовымъ всякій французскій юноша. Казалось бы, что это понятіе такъ сильно сидитъ въ немъ, что противоположное ему понятіе должно быть ему антипатично, и онъ возстанетъ противъ него всею силою своего ума. Оказывается, что нѣтъ, и на повѣрку выходитъ, что равнодушіе, индифферентизмъ такъ

глубоко засѣли въ его натуру, что заглушили собою даже то понятіе равенства, которое онъ нашелъ въ себѣ уже совсѣмъ сложившимся и готовымъ. Тэнъ пріѣзжаетъ въ Англію, находитъ въ ней рѣзкое разграниченіе между различными слоями общества, находитъ неравенство политическое, неравенство нравственное, находитъ жизнь, сложившуюся такъ, какъ будто бы каждый человѣкъ, по его же выраженію, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода; онъ описываетъ это положеніе, вкушаетъ съ нѣкоторою нѣгою плоды этой привилегированной жизни, и у него ни слова не вырывается такого, которое указывало бы, что «равенство» имѣетъ для него, какъ для всякаго француза, какое-нибудь значеніе. Никто конечно не желаетъ, чтобы писатель, имѣющій извѣстное понятіе о порядкѣ, существующемъ въ обществѣ, каждый разъ, что онъ встрѣчаетъ другой порядокъ, приходилъ въ ярость и начиналъ метать громы и молніи; избави Богъ! но все-таки нельзя не сказать, что писатель, проникнутый однимъ началомъ, и начинающій восхищаться другимъ, производитъ неприятное впечатлѣніе. Неравенство, рѣзкое бросающееся въ глаза, не имѣетъ въ Англіи такого дурного вліянія, какое бы оно имѣло въ другой странѣ, потому что нравы смягчаютъ здѣсь суровую рѣзкость политическаго и соціальнаго неравенства. Нѣтъ, не въ правахъ ищетъ онъ оправданія, не правами старается объяснить, отчего это неравенство стало противоположно «равенству» французскаго народа, и не производитъ на него непріятнаго впечатлѣнія. Оно просто не задѣваетъ его глубоко, потому что онъ относится и къ этому съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ тѣмъ же индифферентизмомъ, съ какимъ относится и ко всему остальному.

Еще болѣе этотъ индифферентизмъ поражаетъ въ Тэнѣ, когда обращаешься къ религіозному вопросу и читаешь тѣ страницы, на которыхъ онъ говоритъ о религіи въ Англіи. Тэнъ въ религіозномъ отношеніи принадлежитъ къ той категоріи людей, которые носятъ имя: libres penseurs. Онъ чуждъ всякаго суевѣрія, онъ чуждъ всякой внѣшней религіозности, онъ въ сущности ни во что не вѣритъ, кромѣ неизмѣнныхъ законовъ природы; онъ, если хотите, пантеистъ. И вотъ этотъ libre-penseur пріѣзжаетъ въ Англію, встрѣчаетъ тутъ внѣшнюю религіозность, доведенную до своихъ геркулесовыхъ столбовъ, находитъ въ ней цѣлую тьму предразсудковъ, всяческихъ суевѣрій, находитъ какую-то крайне отталкивающую религіозную чопорность. Не подумайте однако, что онъ отнесется къ этой внѣшней, формальной религіи, къ этому ханжеству съ пренебреженіемъ, съ

насмѣшкой; не подумайте, что онъ объяснитъ, отчего произошло и какъ поддерживается въ Англіи это печальное состояніе религіознаго вопроса,—ничуть не бывало; онъ, libre-penseur, видитъ въ этомъ религіозномъ лицемѣрствѣ только одно хорошее, онъ отыскиваетъ только выгодныя стороны, которыхъ, собственно говоря, для «свободнаго мыслителя» вовсе не должно было бы существовать. Это противорѣчіе между тѣмъ, что онъ говоритъ, и тѣмъ, чего онъ самъ держится, объясняется конечно вовсе не его непослѣдовательностью, а только однимъ его индифферентизмомъ.

Менѣе конечно можно удивляться тому, что, говоря о положеніи соціальнаго вопроса въ Англіи, онъ является такимъ же безсердечнымъ наблюдателемъ, какимъ былъ и въ другихъ вопросахъ. Онъ даетъ вамъ полное горькой истины описаніе рабочаго люда, его жизни, онъ рисуетъ вамъ съ фламандскимъ искусствомъ грозные по своему мрачному виду кварталы нищеты, обезображивающей людей, онъ вноситъ въ свою панораму Лондонскій Stadwell, эту картину изъ Дантовскаго ада, и кажется, что когда онъ пишетъ эти страницы, у него нѣтъ другого желанія, какъ вызвать негодованіе у своихъ читателей; ничуть не бывало. На слѣдующей же страницѣ вы видите, что Тэнъ съ такимъ же искусствомъ, съ такою же точностью описываетъ богатство англійскихъ лордовъ, ихъ роскошное житье-бытье, ихъ дворцы, ихъ виллы, ихъ жизнь въ зáмкахъ, ихъ комфортъ.

Вотъ тотъ характеръ Тэна, которымъ обусловливаются какъ выгодныя качества, такъ и недостатки его послѣдняго труда, и который проводитъ рѣзкую границу между авторомъ «Notes sur l'Angleterre» и всѣми другими французскими писателями, посвящавшими себя изученію этой классической страны свободныхъ нравовъ.

Евг. Утинъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

(Окончаніе).

IV.

Преподаваніе наукъ.

Непосредственнымъ начальникомъ и блюстителемъ учебной части въ духовныхъ академіяхъ былъ ректоръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. Поэтому онъ служилъ для наставниковъ не только руководителемъ, но и примѣромъ, а въ такомъ случаѣ, казалось, всего бы лучше и естественнѣе избирать ректора изъ опытныхъ академическихъ профессоровъ. Но по заведенному порядку, ректору, какъ сказано выше, непремѣнно нужно было быть монахомъ. Другіе пять ординарныхъ профессоровъ принадлежали къ бѣлому духовенству или къ мірянамъ, и потому если нельзя было сдѣлать инспектора ректоромъ, то искали кандидатовъ на должность послѣдняго въ семинаріяхъ. Хотя и въ академіяхъ, какъ мы увидимъ ниже, не было слишкомъ много поводовъ и побужденій отличаться профессорскою дѣятельностію, но все-та-

---

*) См. выше, іюль, 219, авг. 664 стр.

ки тутъ почти всѣ наставники готовились къ классу; лекціи произносили большею частію устно, не читая по тетрадкамъ или книжкамъ; была хоть какая-нибудь умственная работа. Въ семинаріяхъ же тогда не лекціи говорили, а задавали и выслушивали уроки; только небольшое количество чудаковъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, учили хорошо,—да и то преимущественно занимались объясненіемъ учебныхъ руководствъ или своихъ записокъ. И чѣмъ долѣе продолжалась служба въ семинаріи, тѣмъ человѣкъ становился неспособнѣе для академіи; гораздо лучше было бы, кажется, нигдѣ не служить; мало пріобрѣлось бы, можетъ быть, новыхъ познаній, но не поселилась бы и не утвердилась небрежность къ наставнической должности. Между тѣмъ изъ 14 ти человѣкъ, которые съ 1819 г. занимали должность ректора въ петербургской духовной академіи, только двое постоянно служили при академіи, именно: Григорій Постниковъ и впослѣдствіи виленскій архіепископъ Макарій Булгаковъ; къ нимъ можно причислить Іоанна Соколова, бывшаго послѣ смоленскимъ епископомъ; онъ долго находился ректоромъ петербургской семинаріи, но уже послѣ того, какъ слишкомъ десять лѣтъ служилъ въ академіи; ему уже не могла повредить семинарская рутина. Пять же ректоровъ до самаго поступленія въ ректоры академіи переводились только изъ одной семинаріи въ другую. Къ несчастію, при переводѣ ректоровъ семинарій въ академію руководствовались иногда совершенно сторонними цѣлями, а не ихъ способностями; напр., Венедикта Григоровича сдѣлали ректоромъ академіи для того только, чтобы онъ уплатилъ поскорѣе числившіяся на немъ казенныя деньги. Потомъ, высшее духовное начальство конечно не находило излишнимъ, если ректоръ былъ вмѣстѣ дѣльнымъ профессоромъ, но главнымъ образомъ желало въ немъ видѣть хорошаго, по своему понятію, администратора. Ректоръ могъ даже не ходить въ классъ, или изрѣдка туда заглядывать, плохо читать лекціи,—это все ничего; только бы въ академіи все шло по заведенному порядку, только бы онъ нравился митрополиту да оберъ-прокурору; тогда опасаться нечего. Одинъ ректоръ въ теченіи полгода былъ не болѣе трехъ разъ въ классѣ, и все же не отказался отъ профессорской должности; ему за это даже дали 1000 рублей прибавочнаго жалованья. Наконецъ, ректорство академіи было послѣднею уже ступенью къ архіерейству. Къ чему же тутъ много заниматься лекціями, когда и безъ того скоро панагія будетъ украшать грудь? Ректоръ — отличный профессоръ, скорѣе другихъ могъ быть заподозрѣнъ въ либерализмѣ, въ неправославіи, какъ и

случилось это съ Иннокентіемъ Борисовымъ. Такимъ образомъ, между ректорами академіи вовсе нелегко было встрѣтить хорошаго профессора; къ почетнымъ исключеніямъ изъ этого правила принадлежали, напр., Григорій Постниковъ, Макарій Булгаковъ, Іоаннъ Соколовъ и еще человѣка два-три въ петербургской академіи. Мы знаемъ первыхъ четырехъ ректоровъ, какъ администраторовъ; посмотримъ теперь на ихъ профессорскую дѣятельность.

Іоаннъ Доброзраковъ имѣлъ немало задатковъ, чтобы быть хорошимъ, даже отличнымъ профессоромъ,— именно множество свѣдѣній, чрезвычайно быстрое соображеніе, ловкость и находчивость въ случаѣ встрѣченныхъ возраженій и недоумѣній и замѣчательную способность говорить. Надобно было на него посмотрѣть, когда онъ, самъ отворивши и затворивши дверь въ классъ, снявши верхнюю рясу и небрежно положивши ее куда-нибудь, и какъ-нибудь перекрестившись на образъ, начнетъ тотчасъ же, не дойдя еще до профессорскаго кресла: *въ прошедшій классъ мы говорили о томъ-то, разсмотрѣли то-то* и пр., затѣмъ говоритъ цѣлый часъ легко, свободно, чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякихъ вычуръ и модныхъ фразъ, ни на чемъ не запинаясь, по временамъ подшучивая, или высказывая остроты. Но послушавши нѣсколько его лекцій, легко можно было убѣдиться, что профессоръ недолго надъ ними раздумывалъ, развѣ-развѣ начертилъ для себя коротенькій конспектъ. Онѣ скорѣе походили на импровизацію говоруна, готоваго разсуждать обо всемъ во всякое время и увѣреннаго, что ему, по поговоркѣ, *не нужно будетъ лазить въ карманъ за словомъ*. Тутъ одно отступленіе или эпизодъ смѣнялись другимъ, вновь возвращались къ главному предмету, опять отступали, опять возвращались, и нить, такъ сказать, не прерывалась. Вниманіе слушателей увлекалось потокомъ словъ, но упомнить, записать лекцію почти не было возможности; слушатели немного уносили отъ нея мыслей, но за то пріобрѣтали убѣжденіе, что если бы профессоръ имѣлъ охоту позаняться лекціей, то она была бы прекрасною; нельзя не пожалѣть, что веселая и умная голова и тутъ не любила хоть *словами* доставить пользу студентамъ. При всемъ этомъ Доброзраковъ былъ хорошій, даже очень хорошій профессоръ; особенно вновь пріѣхавшіе студенты удивлялись его *краснорѣчію*.

Напротивъ, Смарагдъ Крыжановскій отъ природы получилъ и самъ пріобрѣлъ очень мало задатковъ для того, чтобы быть даже посредственнымъ профессоромъ. Да онъ и не заботился обогатить себя необходимыми для этого свѣдѣніями. Въ то вре-

мя, какъ въ Германіи шла ожесточенная ученая борьба между установленною догмою и раціонализмомъ, когда раціоналистическія идеи проникли въ Россію, когда бы ихъ нужно было разобрать съ точки нашего православія, разумѣется, въ духовныхъ академіяхъ, на богословской каѳедрѣ,—нашъ ординарный профессоръ богословія не прочиталъ ни одной раціоналистической книги, умѣлъ только бранить раціоналистовъ, не понимая ихъ идей. Сомнительно даже, чтобы онъ читалъ книги иностранныхъ писателей — защитниковъ догмы, чтобы касался даже прежнихъ богослововъ, напр. Гуннія или нашего Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ богословъ, воспитавшійся на русской почвѣ, на пространномъ катихизисѣ Платона, на тѣхъ догматикахъ, которыя училъ въ семинаріи и академіи. Лекціи его были почти только перифразомъ учебника или записокъ, которыя выдавались студентамъ для заучиванія на память; развѣ дѣлались ничтожныя и мелочныя какія-либо прибавленія. Притомъ, сообразуясь съ своимъ умственнымъ настроеніемъ, а вѣрнѣе, съ принятою на себя ролью, онъ и въ студентахъ восхищался не глубокомысленнымъ изслѣдованіемъ богословскихъ предметовъ, а знаніемъ неважныхъ какихъ-либо особенностей нашего вѣроисповѣданія. Напр., не получивши отъ одного студента отвѣта на вопросъ: почему на иконахъ евангелистовъ изображаются еще ангелъ, или левъ, или волъ, или орелъ, онъ пришелъ въ крайнее негодованіе; и потомъ когда другой студентъ разрѣшилъ этотъ вовсе не догматическій вопросъ,—былъ въ восхищеніи и нѣсколько минутъ, ходя по классу, только и говорилъ: «ай да хватъ, Б.; вотъ такъ молодецъ Б.» Наконецъ, Крыжановскій, можно сказать, уродовалъ и безъ того уже не очень привлекательныя лекціи своими пріемами и своею дикціей. Рѣчь его не лилась непрерывнымъ потокомъ; послѣдующее слово шло за предыдущимъ не торопясь и очень часто отдѣляясь слогами: *во*, или *ну-во*, составлявшими отличительный признакъ его рѣчи. Присовокупите къ этому, что краснорѣчивый профессоръ не садился въ кресло, а ходилъ, наклонившись нѣсколько впередъ и вмѣстѣ на тотъ бокъ, который былъ ближе къ первому ряду классическихъ столовъ, и кромѣ того одною рукою опираясь на нихъ. Смотря на эту наклонившуюся впередъ и на бокъ фигуру, слушая его: *во* и *ну-во*, трудно было не улыбнуться. Но профессоръ за этимъ слѣдилъ очень строго. «Что вы это смѣетесь? съ негодованіемъ говорилъ онъ улыбнувшемуся. Ректоръ говоритъ лекцію, притомъ по св. Писанію, а онъ смѣется! На что это похоже?»

Если у Крыжановскаго было мало, то Венедиктъ Григоро-

вичъ уже вовсе не имѣлъ никакихъ задатковъ для профессуры. Крыжановскій до ректорства своего въ петербургской академіи состоялъ наставникомъ отчасти въ ней, а еще болѣе въ кіевской, и только три года въ семинаріи виѳанской, все-таки долженъ былъ говорить лекціи, а не задавать одни уроки. Напротивъ, служба Григоровича до того же ректорства происходила только въ семинаріяхъ, а тамъ, какъ я уже сказалъ, говореніе лекцій было не въ модѣ. Притомъ онъ не имѣлъ порядочнаго дара слова. Объясняясь объ обыкновенныхъ даже предметахъ, онъ занимался и украшалъ свою рѣчь вставками въ родѣ: *тамо-тата вотъ-тата, та-та* и т. п. Онъ внутренно и самъ сознавалъ свои недостатки въ этомъ отношеніи. Несмотря на грубое обращеніе съ студентами, когда ему приходилось дѣйствовать въ роли начальника, онъ, напротивъ, не показывалъ ничего въ классѣ; при первомъ его дебютѣ здѣсь замѣтили даже, что у него руки дрожали. Но и этотъ, можно сказать, безталанный человѣкъ для профессорской должности тоже хотѣлъ сначала озадачить студентовъ своею ученостію. На первой лекціи усѣвшись на кресла, онъ началъ вступительную недурную рѣчь, перешелъ потомъ къ ученію о Богѣ, и все это говорилъ на латинскомъ языкѣ. Латынь была недурна; студенты стали-было подумывать, что, вѣроятно, старикъ — ученый мужъ, но скоро начали перешептываться, переглядываться и посмѣиваться. Въ академіи въ то время учебникомъ о Богѣ и Троицѣ были статьи Григорія Постникова на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи». Оказалось, что новый профессоръ вступительную рѣчь самъ сочинилъ, а лекція состояла изъ буквальнаго перевода начальныхъ 2—3 страничекъ статей Постникова на латинскій языкъ. Но латыни достало только на одинъ классъ; въ слѣдующія лекціи отецъ-профессоръ читалъ уже печатный учебникъ буквальнѣйшимъ образомъ, ничего не измѣняя, не прибавляя и не убавляя, точно какъ будто бы боялся, чтобы не постигло его проклятіе за опущеніе *единой іоты*. По окончаніи ученія о Богѣ и Троицѣ надобно было взяться за другіе предметы догматики; для нихъ тоже существовалъ учебникъ, но рукописный, перешедшій *отъ предковъ къ потомкамъ*, составленный Григоріемъ Постниковымъ на русскомъ языкѣ. Профессоръ-латинистъ и букваристъ нашелъ этотъ учебникъ недостаточнымъ, вмѣсто него отыскалъ у себя какія-то старыя лекціи, которыя, кажется, преподавались студентамъ перваго курса, но написанныя на латинскомъ языкѣ. Григоровичъ, принося въ классъ по нѣскольку листовъ этого *старья*, прочитывалъ ихъ буквально самымъ монотоннымъ, скучнѣйшимъ образомъ, не заботился даже о не-

реводѣ на русскій языкъ; опять тоже какъ будто боялся проклятія за измѣненіе *іоты единой*. Но чтеніе очень часто прерывалось по слѣдующему обстоятельству. Въ листкахъ лекцій были только указанія на библейскіе тексты, а не самыя слова ихъ. Профессоръ, дочитавшись до такихъ указаній, останавливался и говорилъ уже по-русски: «а вотъ прінщите-ка Матвѣя или Луки такую-то главу и стихъ». Текстъ находили, прочитывали; профессоръ, не сдѣлавши никакого объясненія, принимался опять за свою латынь, вновь останавливался на текстѣ, который отыскивали и прочитывали. Такія паузы дѣлали и безъ того бездушныя лекціи, можно сказать, еще *мертвеннѣе*. Но къ этому привходили побочныя обстоятельства. Текстъ найденъ и прочитанъ; но слишкомъ видно, что нейдетъ къ дѣлу. Тогда профессоръ начинаетъ говорить: «да такъ ли вы нашли?»—или: «что же это такое-то? постойте-ка, я посмотрю»; и приподнявъ листъ со стола, подвинувши его къ свѣту и держа одну руку повыше глазъ, онъ начинаетъ разсматривать письмо и говоритъ: «кажется, не пятая, а десятая глава, не третій, а пятый стихъ» и пр. Иногда поправка удавалась, а то ничего не находили подходящаго; тогда, какъ будто ни въ чемъ не бывало, какъ будто все доказано, принимались опять за латинскій текстъ. Но и тутъ не обходилось безъ бѣды. Иное слово было написано неразборчиво, другое замарано чернилами; тамъ самыя чернила порыжѣли и стерлись. Надобно было разсматривать листъ, поднимать и прикладывать руку повыше глаза, и, увы! иногда ничего не разобрать; и тутъ опять, какъ будто ни въ чемъ не бывало, читали далѣе. Все это вмѣстѣ составляло не лекціи, а самую бездарную, безжизненную пародію на нихъ, какъ будто нарочно придуманную для того, чтобы опошлить и лекціи, и предметъ, котораго онѣ касались.

Понятно, студенты не имѣли къ Григоровичу никакого уваженія, и даже не слушались его распоряженій относительно лекцій, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, который вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, что̀ за люди были въ числѣ ректоровъ и профессоровъ академіи, и до какого своеволія доводили студентовъ.

Нашъ профессоръ нашелъ, что отчасти печатный, отчасти рукописный учебникъ по догматическому богословію, составленный Постниковымъ, недостаточенъ, сдалъ свои старые листы для списыванья и для приготовленія по нимъ уроковъ. Студентамъ это очень не понравилось. Венедиктовскія лекціи были на латинскомъ языкѣ, слишкомъ обширны, да ихъ надобно было еще списывать; тогда какъ Постниковскія излагались коротко и

по-русски, да и у большой части студентовъ находились п наслѣдству отъ предшественниковъ; выгоды на сторонѣ послѣднихъ были слишкомъ ясны; молодежь отказалась ректору списывать его лекціи, и послѣ продолжительнаго спора устояла на своемъ. Ректоръ, сдѣлавши уступку, сильно впрочемъ оскорбился непослушаніемъ своихъ подчиненныхъ и отъ времени до времени любилъ повторять: «а вотъ погодите, я вамъ отплачу за это». Но дѣло вышло иначе.

Планъ мщенія отложенъ былъ ректоромъ до публичныхъ экзаменовъ. Къ нимъ обыкновенно заранѣе приготовлялась какая-либо часть лекцій по каждому предмету, а не вся наука. Ректоръ сказалъ, что по догматическому богословію онъ назначаетъ ученіе о Троицѣ. Студенты приготовили трактатъ по учебнику Постникова. Но вечеромъ наканунѣ экзамена, часу въ девятомъ имъ всѣмъ розданы были печатные конспекты предметовъ, назначенныхъ къ завтрашнему испытанію. Тутъ они съ удивленіемъ увидали, что конспектъ по ученію о Троицѣ напечатанъ на латинскомъ языкѣ и притомъ по запискамъ не Постникова, а Григоровича. Отправили депутата къ ректору просить объясненія, что̀ это такое значитъ? «А это вотъ что значитъ, отвѣчалъ ректоръ съ злобною усмѣшкою. Вы-то не хотѣли меня слушать, не списывали моихъ лекцій, и къ окончательному экзамену не приготовили ихъ, несмотря на мое приказаніе; я говорилъ, что расквитаюсь съ вами за это. Вотъ теперь я съ вами и расквитался; увижу, какъ-то вы завтра станете отвѣчать; я буду спрашивать по своему конспекту?» Депутатъ началъ-было говорить, что они не ожидали такого распоряженія, что приготовили бы все, какъ слѣдуетъ, а теперь имъ невозможно это сдѣлать; вѣдь ни у кого нѣтъ даже лекцій. Ректоръ не захотѣлъ слушать и сказалъ: «отходите-то; я на своемъ поставлю». Съ старикомъ нечего было дѣлать; студенты посовѣтовались между собою и всѣ рѣшились на смѣлый поступокъ — отвѣчать по лекціямъ Постникова, несмотря на вопросы ректора.

Господствовавшій тогда обычай на публичныхъ экзаменахъ въ духовныхъ академіяхъ поблагопріятствовалъ студентамъ. Ихъ для отвѣта не вызывали къ экзаменаторскому столу, а позволяли имъ оставаться на своихъ мѣстахъ и оттуда отвѣчать на предлагаемые вопросы; требовалось только говорить громко, чтобы всѣ слышали. Потомъ наставникъ, предметъ котораго былъ на очереди, долженъ былъ *стоять*, какъ говорили *на серединѣ залы*. Митрополитъ не посадилъ даже и Григоровича, хотя онъ въ это время уже былъ епископомъ. И потому, ког-

да начался экзаменъ по ученію о Троицѣ, Григоровичъ, имѣя слабый голосъ и неразборчивое произношеніе, всталъ у самыхъ столовъ студентческихъ, саженяхъ въ трехъ отъ митрополита, и предложилъ вопросъ на латинскомъ языкѣ по своимъ, разумѣется, лекціямъ. Митрополитъ едва ли разслушалъ вопросъ. Отвѣчавшій студентъ былъ ловкій молодой человѣкъ. Выслушавъ ректора, какъ будто бы съ полнымъ вниманіемъ, онъ началъ читать свой отвѣтъ по лекціямъ Постникова, но читать громко, ясно, съ интонаціею. Ректоръ хотѣлъ-было остановить его, замѣтивши ему, что надобно отвѣчать по-латыни; и опять говорилъ своимъ негромкимъ, шепелявымъ языкомъ. Но митрополитъ, уже заинтересовавшись отвѣтомъ, сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ славно читаетъ?» Дошла очередь до другого; ректоръ и тутъ хотѣлъ настоять на своемъ, подвинулся къ студенту поближе и уже довольно внятно предложилъ вопросъ опять по-латыни. Студентъ, какъ и его предшественникъ, не сробѣлъ, а выслушавши, началъ отвѣчать по-русски. Замѣтно было, что митрополиту показались страноватыми русскіе отвѣты на латинскіе вопросы; но по счастію и новый студентъ читалъ бойко, смѣло, внятно. Ректоръ хотѣлъ-было и этого остановить, но митрополитъ опять сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ знатно читаетъ».

Послѣ этого ректоръ призналъ себя побѣжденнымъ, не сталъ уже дѣлать вопросовъ на латинскомъ языкѣ, а употреблялъ почти только одно слово: *продолжайте*. За то, ставши близъ самаго конца передняго стола, онъ принялся ругаться, и чтобы его слова слышны были только студентамъ, а не митрополиту и другимъ посѣтителямъ, онъ закрылся находившимися въ его рукахъ листами бумаги со стороны публики; а между тѣмъ произносилъ слова (извините, что я ихъ цитую буквально): «дьяволы-то, разбойники-то», и пр. И потомъ когда вновь спрошенный начиналъ свой отвѣтъ, ректоръ говорилъ: «и этотъ такой же разбойникъ» и пр. Сцена была, къ сожалѣнію, уморительная; публика видѣла, что происходитъ что-то недружественное между ректоромъ и студентами, но никакъ не могла догадаться, въ чемъ дѣло, потому что отвѣты студентовъ были вполнѣ удовлетворительны. Студенты едва могли удерживаться отъ смѣха. Еще смѣшнѣе стало смотрѣть на ректора, когда по окончаніи экзамена стали благодарить его за прекрасные отвѣты студентовъ; онъ не могъ преодолѣть внутренней своей досады и неудовлетворенной злобы, и принимая благодарность, сдѣлалъ довольно кислую мину.

Виталій Щепетевъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ,

по своему дару слова стоялъ гораздо выше Крыжановскаго и Григоровича, и по всей вѣроятности былъ бы очень хорошимъ наставникомъ, если бы вся служба его происходила въ академіи. Но по окончаніи академическаго курса онъ десять лѣтъ инспекторствовалъ и ректорствовалъ въ московской семинаріи, и по мѣстнымъ условіямъ не развилъ въ себѣ качествъ нужныхъ для профессорской каѳедры. Поступивъ ректоромъ въ петербургскую духовную академію, онъ, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ; но у него слишкомъ много времени отнимали правленскія дѣла, редакція статей по «Христіанскому Чтенію» и одна несчастная слабость, о которой я упомянулъ—и ему не удалось сдѣлаться хорошимъ академическимъ профессоромъ. Недостатки свои въ этомъ отношеніи онъ усиливалъ и дѣлалъ невыносимыми посредствомъ мнимой важности и торжественности. Напр., захотѣлось ему понюхать табаку. Онъ кладетъ бумагу на столъ, отправляется рукою въ карманъ, вынимаетъ оттуда табакерку и платокъ, открываетъ первую, опускаетъ въ нее щепоть, нюхаетъ табакъ, утирается платкомъ; потомъ начинается, такъ сказать, обратная церемонія закрытія табакерки, укладыванья ея и платка въ карманъ; и все это дѣлалось съ торжественнѣйшею медленностію, какъ будто дѣло шло о какомъ-либо церемоніальномъ актѣ, и все это продолжалось нѣсколько минутъ. А студенты, разумѣется, сиди въ это время смирнехонько; потому что Щепетевъ не былъ похожъ на Григоровича и съумѣлъ бы отплатить всякому студенту, который бы при немъ улыбнулся. За всѣмъ тѣмъ, сравнительно, все-таки его нельзя было назвать дурнымъ профессоромъ.

Надзоръ ректоровъ за преподаваніемъ наукъ другими едва-ли не въ томъ только состоялъ, что они отъ наставниковъ принимали списки и конспекты, производили экзамены; лично же въ классы на лекціи почти ни къ кому никогда не ходили; напр., Венедиктъ Григоровичъ въ теченіи всего своего ректорства ни разу ни у кого не былъ. О достоинствѣ лекцій каждаго они составляли понятіе, если только считали это нужнымъ, по доходившимъ до нихъ слухамъ или при посредствѣ переносчиковъ-студентозъ.

Метода опредѣленія новыхъ и на служебное положеніе всѣхъ вообще наставниковъ была слѣдующая. Свободныя баккалаврскія мѣста слишкомъ рѣдко занимались людьми, доказавшими свою опытность въ преподаваніи; изъ семинарій если и вызывали наставниковъ въ академію, то почти только тѣхъ, которые изъявили желаніе поступить въ монашество. Наибольшая часть вновь опредѣляемыхъ баккалавровъ состояли изъ только-

что кончившихъ курсъ студентовъ; сегодня они еще вмѣстѣ съ будущими своими слушателями кушаютъ въ одной и той же столовой одинъ и тотъ же супъ, одну и ту же гречневую кашу, а дня чрезъ четыре уже садятся въ классѣ на наставническое кресло и читаютъ о пользѣ наукъ, въ чемъ чуть не наканунѣ сильно сомнѣвались. При избраніи студентовъ на баккалаврскія мѣста наибольшею частію руководствовались окончательнымъ спискомъ; занимавшіе въ немъ первыя мѣста и дѣлались баккалаврами. Исключенія касались иногда монашествующихъ студентовъ, которыхъ предпочитали свѣтскимъ. Еще иногда руководствовались покорнѣйшими просьбами кого-либо изъ петербургскихъ папенекъ-священниковъ, выслѣдившихъ между студентами жениха для своей милой дочери и хлопотавшихъ о томъ, чтобы его пристроили при академіи, но вовсе не обращали вниманіе на то, любитъ ли и знаетъ ли вновь избранный науку, преподаваніе которой ему вздумали поручить. Главное правило состояло въ томъ, что если есть вакантное мѣсто, то его надобно занять лучшимъ по общему списку студентомъ. Бывали примѣры, что назначали баккалавромъ по какому-либо языку человѣка, который вовсе его не зналъ. Напр., въ 1833 году вновь опредѣленный баккалавромъ нѣмецкаго языка Предтеченскій долженъ былъ начать свою профессію съ того, чтобы учиться читать по-нѣмецки и знакомиться съ грамматикою языка. Потомъ уже людей, нѣсколько ознакомившихся съ своимъ предметомъ, иногда вдругъ передвигали на другой.

Вообще академическихъ наставниковъ можно было раздѣлить на два разряда; къ первому принадлежали монахи, а ко второму лица бѣлаго духовенства и свѣтскія, не пожелавшія быть ни монахами, ни священниками. На монашествующихъ обращено было все вниманіе начальства, изливались всѣ милости, всѣ поощренія и награды. А между тѣмъ каждый изъ нихъ зналъ, что учебная служба не есть конечная его цѣль, а только прокладываетъ ему дорогу къ высшей іерархической степени — епископству.

Положеніе священниковъ-наставниковъ въ петербургской духовной академіи было самое шаткое, жалкое. Начальство думало, что священническая должность препятствуетъ имъ быть исправными преподавателями. Это мнѣніе, можетъ быть, справедливо относительно приходскихъ священниковъ, но его уже никакъ нельзя приложить къ тѣмъ, которые состояли при учебныхъ заведеніяхъ или казенныхъ мѣстахъ. Несмотря на это, только или громкая, заслуженная извѣстность, или умѣнье пріобрѣсти и поддерживать благоволеніе начальства помогли не-

многимъ священникамъ долго служить въ академіи. Прочіе же скоро оставляли ее; кого щадили, тѣмъ самимъ приказывали подавать просьбы объ увольненіи, а съ кѣмъ не хотѣли церемониться, тѣхъ отставляли безъ прошенія. Въ послѣднемъ случаѣ не задумывались надъ отыскиваніемъ причинъ. Напр., въ 1835 году академическое правленіе, представляя объ увольненіи трехъ баккалавровъ—священниковъ Ксенофонта Делекторскаго, Ѳедора Сидонскаго и Якова Предтеченскаго, признавало необходимымъ это увольненіе, потому что академія нуждается въ свѣтскихъ наставникахъ, которымъ бы можно было поручить стороннія должности, напр., должность секретаря, библіотекаря и пр.; и коммиссія духовныхъ училищъ нашла подобную нелѣпость уважительною и уволила всѣхъ трехъ баккалавровъ. Замѣчательно также, что академическое начальство, не удерживая и даже выгоняя дѣльныхъ наставниковъ - священниковъ, оставляло такихъ, которыхъ бы даже не слѣдовало опредѣлять и на короткое время. Напр., у Делекторскаго, Сидонскаго и одного изъ лучшихъ въ свое время, Богословскаго отнята была возможность служить въ академіи; тогда какъ протоіереи Ивановъ и Колоколовъ долго, долго мучили студентовъ своимъ нѣмотствующимъ преподаваніемъ.

Свѣтскимъ наставникамъ, повидимому, ничто не мѣшало вполнѣ посвятить себя наукѣ и мало-по-малу сдѣлаться хорошими профессорами. Дѣйствительно, было мало препятствій, но съ другой стороны и мало побужденій къ тому. Жалованье они получали ничтожное, едва достаточное для холостого; женатому особенно съ семьею при такомъ жалованьѣ надобно было голодать. Потомъ, будучи холостыми, они еще пользовались казенною квартирою съ отопленіемъ, но какъ скоро вступали въ бракъ, монашествующее начальство, боясь соблазна отъ еввиныхъ правнучекъ, выгоняло ихъ мужей изъ академическаго дома и вмѣсто того, и то не всегда, давало небольшое квартирное пособіе. Поощреній, наградъ и т. п. вовсе почти никакихъ не было; развѣ сдѣлаютъ секретаремъ, экономомъ, библіотекаремъ и пр. Конечно, свѣтскихъ наставниковъ не выгоняли, но за то большая часть ихъ сама спѣшила выдти изъ академіи или въ священники, или на гражданскую службу.

При описанныхъ условіяхъ академической службы наставниковъ всѣхъ категорій, она, очевидно, не могла быть продолжительной, одного спѣшили перевести куда-либо повыше, другой самъ спѣшилъ уйти, третьяго спѣшили выгнать. Такимъ образомъ, если академію назвать театромъ, а наставниковъ декораціями, то можно сказать, что тутъ на сценѣ прежнія декора-

ціи постоянно замѣнялись новыми, которыя впрочемъ рѣдко развѣ были лучше прежнихъ. Въ пятидесятилѣтнее существованіе петербургской академіи, среднимъ числомъ, служба наставниковъ продолжалась не болѣе четырехъ лѣтъ. Но вотъ уже болѣе поздній примѣръ изъ московской академіи, въ которой съ 1846 по 1864 годъ, въ теченіи осьмнадцати лѣтъ на классѣ греческаго языка перемѣнилось восемь наставниковъ, и слѣдовательно на долю каждаго пришлось съ небольшимъ по два года. Ни одного театра не найдете, гдѣ бы декорація такъ скоро или передѣлывалась на другую, или вовсе выбрасывалась.

Ординарные профессоры, за исключеніемъ монашествующихъ, большею частію, несмотря на невыгоды службы, долго оставались на ней; нѣкоторые профессорствовали или до самой своей смерти, или до тѣхъ поръ, пока здоровье и другія обстоятельства позволяли имъ. Слѣдовательно, они имѣли возможность сдѣлаться хорошими наставниками, но составляли только треть всѣхъ наставниковъ. Званіе же экстраординарнаго профессора давалось очень рѣдко, да и существеннаго улучшенія въ матеріальномъ отношеніи не производило; экстраординарный профессоръ получалъ такое же ничтожное жалованье, какъ и баккалавръ.

Несмотря на все то, въ петербургской академіи, какъ мы увидимъ, въ описываемое мною время было довольно порядочное количество хорошихъ, очень хорошихъ и даже отличныхъ наставниковъ не только между профессорами, но и между баккалаврами, не только между наставниками-священниками и свѣтскими, но и между монахами. И многіе студенты отчасти сами собою, отчасти при помощи наставниковъ достигали очень удовлетворительнаго умственнаго развитія.

Въ числѣ такихъ вліятельныхъ наставниковъ на первомъ планѣ надобно поставить четырехъ ординарныхъ профессоровъ, товарищей между собой по первому курсу петербургской духовной академіи: протоіереевъ Герасима Павскаго и Акима Кочетова, и свѣтскихъ: Степана Райковскаго и Василья Себржинскаго. У нихъ у всѣхъ была одна общая черта,—пунктуальная точность относительно хожденія въ классъ. Я уже говорилъ, что въ то время для каждой лекціи назначалось два часа, но большая часть наставниковъ приходили часа на полтора, а нѣкоторые, особенно ректоры, не болѣе, какъ на часъ. Но тѣ четверо являлись чрезъ 5—10 минутъ, и развѣ по какому-либо особому случаю чрезъ четверть часа; а Павскій и Кочетовъ приходили нерѣдко въ классъ тогда, какъ еще собралось человѣкъ пять студентовъ, одного изъ нихъ посылали приглашать товарищей,

а сами между тѣмъ садились въ кресло и ожидали. Павскій, котораго классъ былъ близъ жилыхъ студентческихъ комнатъ, не нашедши никого въ немъ, самъ отворялъ дверь въ ближайшую комнату и говорилъ: «Господа, или звонокъ еще не билъ?» Или, если уже слышалъ звонокъ, то: «Господа, въ классъ пора, звонокъ уже пробилъ». Слова эти произносились голосомъ спокойнымъ, не обнаруживавшимъ никакого признака неудовольствія; это былъ голосъ отца, приглашавшаго взрослыхъ дѣтей провести время въ пріятной бесѣдѣ. Отъ описаннаго обычая началъ отступать только Себржинскій въ то время, какъ сдѣланъ былъ секретаремъ правленія и конференціи и когда развившаяся въ немъ чахотка постепенно вела его къ могилѣ.

Изъ этихъ четырехъ ветерановъ лучшимъ былъ Герасимъ Петровичъ Павскій, первый студентъ перваго академическаго курса; — человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомѣрія, но неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемѣрія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою. Въ средѣ тогдашняго духовенства онъ былъ замѣчательнымъ ученымъ; кромѣ семитическихъ языковъ, зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій, нѣкоторыя славянскія нарѣчія, даже, какъ говорили, санкритскій и исландскій. Будь профессоромъ университета, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы знаменитымъ филологомъ. Но находясь даже въ той средѣ, которая тогда давила и гнала таланты, онъ все-таки успѣлъ перевести съ еврейскаго текста едва ли не всѣ книги ветхаго завѣта и написалъ филологическія изслѣдованія по русскому языку, за которыя получилъ отъ академіи наукъ полную демидовскую премію. Будучи профессоромъ еврейскаго языка, онъ, повидимому, не могъ имѣть большого вліянія на студентовъ, а между тѣмъ доставлялъ имъ пользы въ научномъ отношеніи едва ли не болѣе, нежели всѣ наставники по богословію (за исключеніемъ немногихъ); это происходило отъ методы его преподаванія. Прочитавши въ нѣсколько классовъ грамматику еврейскаго языка, онъ для перевода бралъ какого-либо пророка, самъ разбиралъ или помогалъ студентамъ разбирать прежде всего буквальный смыслъ его, и послѣ сопровождалъ разборъ филологическими и богословскими замѣчаніями, которыя всегда интересовали студентовъ. Занимательность его объясненій увеличивалась отъ его замѣчательнаго дара слова; онъ какъ будто рожденъ былъ для того, чтобы темные предметы дѣлать ясными и наглядными. Къ сожалѣнію, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ принужденъ былъ оставить

академію въ 1835 году, когда уволенъ былъ отъ преподаванія закона Божія Наслѣднику Престола. Его обвиненіе въ неправославномъ образѣ мыслей разсматривать здѣсь не мѣсто; оно требуетъ отдѣльной статьи, да едва ли еще возможно о немъ откровенно высказаться. Скажу только одно, что Павскій давно былъ подозрѣваемъ въ нелюбви къ монашеству; и дѣйствительно онъ не любилъ его за тотъ гнетъ, которымъ оно тяготѣло надъ бѣлымъ духовенствомъ и надъ духовно-учебными заведеніями. Онъ не скрывалъ этой нелюбви, высказывая ее иногда рѣзкими остротами. Вотъ одна изъ нихъ. Однажды у протоіерея и профессора Кочетова на обѣдѣ, за которымъ были академическіе начальники и наставники, зашла рѣчь о монашествѣ, панегиристомъ котораго явился тогдашній ректоръ семинаріи. Павскій предложилъ ему вопросъ: откуда произошло названіе бѣлаго и чернаго духовенства? И когда ректоръ представилъ какое-то мистическое объясненіе, то Павскій отвѣчалъ шуткой: «нѣтъ, отецъ-ректоръ, не такъ; по моему мнѣнію названіе это произошло отъ того, что въ Россіи до принятія христіанства поклонялись бѣлбогу и чернобогу; бѣлбогъ былъ настоящій Богъ, а чернобогъ былъ — злой. По принятіи христіанства жрецы бѣлбога пошли въ бѣлое духовенство, а жрецы чернобога въ черное.» Вотъ такіе-то слухи о его нелюбви къ монашеству, и опасеніе, что Павскій, удержись только на своемъ почетномъ мѣстѣ, со временемъ сдѣлается членомъ синода, заставили поискать доказательствъ его неправославія; — а это, особенно тогда, было не трудно.

Протоіерей и профессоръ Акимъ Семеновичъ Кочетовъ преподавалъ въ академіи библейскую и церковную исторію почти въ теченіи 34-хъ лѣтъ. Онъ имѣлъ громадную память и замѣчательную способность занимательно разсказывать событія историческія и анекдоты. Потомъ полагая, что почти двухъ-часовая лекція о серьезныхъ предметахъ, произносимая серьезнымъ тоже тономъ, можетъ утомить вниманіе слушателей и наскучить имъ, онъ находилъ нужнымъ вставлять въ свои лекціи болѣе или менѣе занимательные анекдоты, имѣющіе къ нимъ какое-либо отношеніе. Къ этому нужно прибавить, что Кочетовъ умѣлъ придавать своей рѣчи нѣкоторую торжественность безъ надутости и педантства, а своимъ пріемамъ — важность безъ надменности и тщеславія. При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествахъ, слѣди этотъ человѣкъ за литературою своей науки, не у насъ конечно (гдѣ все тогда спало по этой части), а за границею, усвояй себѣ то, что онъ бы встрѣтилъ въ ней замѣчательнаго и обогащай этимъ свои лекціи, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ

лучшихъ профессоровъ академіи. Но къ сожалѣнію на него возложили, или онъ самъ, какъ говорятъ, *нахваталъ* множество разнообразныхъ должностей, число которыхъ, какъ мнѣ самому случалось отъ него слыхать, доходило до 14-ти. Конечно, многія изъ нихъ не требовали большой дѣятельности, а ограничивались подписью нѣсколькихъ бумагъ и журналовъ, но общій ихъ итогъ дѣлалъ то, что Кочетовъ, выѣзжая изъ квартиры въ семь часовъ утра, возвращался въ нее рѣдко ранѣе пятаго, а иногда даже седьмого часа вечера; — когда же ему было слѣдить за иностранною литературою тѣмъ болѣе, что онъ нѣмецкаго языка не зналъ? И потому ему оставались вполнѣ неизвѣстными всѣ труды тогдашнихъ германскихъ писателей по библейской и церковной исторіи; самое имя Неандера дошло до него только по слуху. Источниками для его лекцій служили библія и нѣсколько писателей, не принадлежавшихъ къ девятнадцатому столѣтію. Но и пользуясь ими, онъ составилъ конспектъ своихъ лекцій едвали еще не до наступленія двадцатыхъ годовъ и потомъ распространялъ и улучшалъ его развѣ мелочными какими-либо прибавками, притомъ большею частію анекдотическаго характера.

Пришедши въ классъ, онъ усаживался въ кресло, просилъ ближайшаго къ нему студента подать учебникъ, т.-е. или библейскую исторію Филарета Дроздова, или церковную Иннокентія, раскрывалъ его на той страницѣ, съ которой начиналась лекція и наклонивши голову на правую руку, нѣсколько времени какъ будто думалъ о чемъ-то, потомъ важнымъ, торжественнымъ тономъ буквально читалъ нѣсколько строкъ, иногда и періодовъ, изъ учебника, затѣмъ принимался за объясненія, за разсказы и по временамъ за анекдоты; послѣднихъ студенты могли уже ожидать, потому что ихъ предшественники на учебникѣ оставили замѣтки, напр., слова: *здѣсь будетъ разсказываться анекдотъ о мясникѣ* и т. п. Кончивъ свое объясненіе, Кочетовъ принимался читать учебникъ, затѣмъ слѣдовали опять объясненія, опять чтеніе учебника и т. д. Студенты въ своихъ мнѣніяхъ о профессорѣ раздѣлялись на двѣ партіи; одна, довольствуясь только тѣмъ, что занимательные разсказы историческихъ событій и анекдотовъ не позволяли имъ скучать, хвалили его, даже восхищались имъ. Другіе же, напротивъ, желавшіе и имѣвшіе право желать, чтобы библейская и церковная исторіи были не сборникомъ разсказовъ и анекдотовъ, а глубоко обдуманною наукою, которая бы основательно, критически разъясняла судьбы еврейской и христіанской религіи, — эти, разумѣется, не любили Кочетова. И по правдѣ сказать, онъ слиш-

комъ мало заботился о глубокомысліи и основательности лекцій. Происхожденіе и быстрое распространеніе, напримѣръ, магометанства приписывалось у него просто тому, что мечтатель, чуть не полусумасшедшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый обманщикъ вскружилъ своими мечтами головы арабовъ, вслѣдствіе чего всѣ они сдѣлались фанатиками, солдатами, а нѣкоторые отличными генералами, и чуть-чуть не опрокинули христіанскаго міра. Наконецъ, реформація едвали бы произошла, если бы Лютеру не вздумалось жениться, и пр.

Но въ каждомъ курсѣ было время около 2—3 мѣсяцевъ, когда уже всѣ студенты были очень довольны Кочетовымъ, именно когда онъ излагалъ исторію русской церкви въ XVIII-мъ столѣтіи. Но и тутъ онъ оставался вѣренъ своей методѣ, избѣгалъ всякихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій, держался того же рутиннаго порядка, по которому составленъ учебникъ Иннокентія. *Осьмнадцатый вѣкъ Кочетова* раздѣлялся также на семь главъ; тутъ, напр., нужны были отдѣлы о гоненіяхъ на церковь и о наказаніяхъ, которыя постигли гонителей и пр. Нельзя было обойтись безъ натяжекъ; и вотъ гонителями церкви являются Биронъ, Минихъ, Остерманъ, даже самъ Меньшиковъ; за что они послѣ и наказаны лишеніемъ должностей, чиновъ и орденовъ. А настоящей церковной исторіи все-таки не было. Но лекціи Кочетова увлекательны были своею не церковно-историческою, а русско-политическою стороною. Кочетовъ имѣлъ множество свѣдѣній не только о явныхъ событіяхъ, которыхъ не было надобности скрывать, но и о закулисныхъ секретахъ русскаго правительства и русскихъ государственныхъ людей XVIII-го столѣтія; и этими свѣдѣніями онъ дѣлился съ студентами и увлекалъ ихъ. Лекціи начинались просьбою «не выносить сора изъ избы»; и дѣйствительно выносить не слѣдовало. По всей вѣроятности, едва ли тогда хоть въ одномъ университетѣ профессоръ русской исторіи осмѣливался высказывать все то, что студенты академіи слышали отъ Кочетова. Многія политическія событія, на которыя и теперь печать дѣлаетъ только намеки, онъ разсказывалъ съ полною откровенностію, съ мельчайшими подробностями. Студенты конечно не узнавали исторіи русской церкви XVIII-го столѣтія такъ, какъ это нужно бы для будущихъ профессоровъ ея, пастырей и архипастырей. Но знакомясь съ политической исторіей Россіи въ то же столѣтіе по пустѣйшему руководству, кажется, Кайданова, они не могли не быть отъ души благодарными профессору, который, рискуя болѣе, нежели своею службою, рѣшался говорить имъ то, за что, по поговоркѣ, хоть и не въ буквальномъ смыслѣ, могли урѣзать ему языкъ. Этими лекціями Кочетовъ заканчивалъ свою

науку и заставлялъ студентовъ, даже тѣхъ, которые имъ недовольны были, забывать недостаточность прежнихъ лекцій.

Въ заключеніе о Кочетовѣ надобно сказать, какъ его профессура окончилась при академіи. Конечно онъ, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, уже не могъ быть профессоромъ высшаго учебнаго заведенія; ему слѣдовало удалиться. Но съ человѣкомъ, котораго служба при академіи продолжалась 37 лѣтъ, все-таки надобно было бы поступить деликатно и вѣжливо, напомнивъ ему, что онъ уже довольно послужилъ, что измѣнившіяся понятія о педагогіи и церковно-библейской исторіи требуютъ новаго дѣятеля съ свѣжими силами. Но монашество не любитъ деликатиться съ *попами*, какъ оно говоритъ. Кочетова уволили безъ прошенія и даже не позаботились о томъ, чтобы извѣстіе объ отставкѣ было ему передано въ квартирѣ; нѣтъ, ему, какъ я слышалъ, бумагу съ этимъ извѣстіемъ вручили, когда онъ пришелъ въ классъ! Справедливо ли это? если справедливо, то такой поступокъ нельзя не назвать жестокимъ и въ высшей степени неделикатнымъ.

Степанъ Ивановичъ Райковскій въ академіи пріобрѣлъ извѣстность не только какъ профессоръ математики, но и какъ большой оригиналъ, почти-что чудакъ. Вотъ нѣсколько странностей изъ его жизни. Имѣя квартиру въ самомъ академическомъ корпусѣ и отъ нее до класса проходя только по корридорамъ и лѣстницамъ, онъ въ лѣтнее время являлся на лекцію очень часто въ теплой шинели, калошахъ и теплой фуражкѣ. Напротивъ зимою, несмотря на то, что въ корридорахъ и галлереяхъ было также холодно, какъ и на дворѣ, нашъ оригиналъ прихаживалъ въ одномъ фракѣ, лѣтней шляпѣ и безъ калошъ. Однажды служитель замѣтилъ, что баринъ бросилъ свой новый фракъ въ печку, гдѣ уже разгорѣлись дрова и сказалъ: «что это, Степанъ Ивановичъ! зачѣмъ вы бросили фракъ въ печку; вѣдь онъ совсѣмъ новый»?—Новый-то новый, отвѣчалъ баринъ, да плохъ, вотъ я его и бросилъ въ печку.—«Да вы бы мнѣ его отдали?» — А почему я зналъ, что онъ тебѣ понравится; ты бы мнѣ напередъ сказалъ.—Еще родной его братъ, бывшій потомъ законоучителемъ университета, священникъ исакіевскаго собора, сталъ выговаривать ему за то, что онъ никогда къ нему не приходитъ. «Вѣдь тебя дома никогда не захватишь», сказалъ оригиналъ. — Да вотъ приходи въ первый день пасхи (разговоръ происходилъ на страстной недѣлѣ) къ обѣду; я буду дома, вмѣстѣ пообѣдаемъ. Наступила пасха; оригиналъ, въ самомъ началѣ утренней службы, отправился къ своему брату, и когда кухарка отперла ему дверь, спросилъ: «а что, братъ дома»?—По-

милуйте, Степанъ Ивановичъ, отвѣчала кухарка, да теперь всѣ въ церкви у заутрени. — «Ну вотъ, заговорилъ чудакъ, я вѣдь говорилъ, что его дома никогда не застанешь. Вѣдь вотъ звалъ обѣдать, а самъ ушелъ въ церковь.» — Сказавши это, отправился въ академію и, разумѣется, къ обѣду не явился.

Этотъ оригиналъ, можно сказать, посвятилъ всего себя математикѣ, избѣгалъ всякаго знакомства, выходилъ изъ академіи почти только для одной прогулки, и знать не хотѣлъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ математическихъ. Товарищи его по академіи говорили, что онъ, бывши студентомъ, почти вовсе не обращалъ вниманія на богословскія, философскія, словесныя и историческія науки, отчего и кончилъ курсъ подъ № 60-мъ младшимъ кандидатомъ, хотя имѣлъ очень бойкія способности, и вовсе не былъ лѣнтяемъ. Всѣ почти занятія его сосредоточились на математическихъ наукахъ. Преподаватель ихъ академикъ Гурьевъ считалъ его лучшимъ студентомъ по своему предмету и настоялъ, чтобы его оставили баккалавромъ въ академіи по математикѣ, несмотря на степень младшаго кандидата. Сдѣлавшись наставникомъ по математикѣ, Райковскій только ею одною и занимался; прочія науки для него не существовали; относительно даже общеизвѣстныхъ предметовъ ихъ онъ нерѣдко выказывалъ совершеннѣйшее невѣдѣніе. Естественно ожидать, что онъ, ничѣмъ не развлекаясь, вѣчно занятый своимъ предметомъ, узналъ его, какъ нельзя лучше; всѣ тогдашнія сочиненія математическія на русскомъ и французскомъ языкѣ были ему вполнѣ извѣстны. Особенно же онъ зналъ хорошо элементарную геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и механику. Учебникъ его по первой, долго бывшій руководствомъ въ семинаріяхъ, отличается ясностію, отчетливостію, простотою доказательствъ и самою строгою послѣдовательностію; при появленіи его на свѣтъ въ 1827 году, онъ едва ли не былъ лучшимъ классическимъ руководствомъ на русскомъ языкѣ по геометріи. Составленныя имъ краткія записки по плоской тригонометріи, дифференціальному исчисленію и механикѣ остались только въ рукописяхъ. Но въ физикѣ, которую ему пришлось читать въ классѣ уже въ послѣдніе два года его жизни, онъ, кажется, былъ не очень силенъ; опыты его часто не удавались.

Оригинальности или, лучше, странностей своихъ Райковскій не оставлялъ и въ преподаваніи математики. Напр., черная доска какъ бы ни была чиста, онъ прежде всего непремѣнно вытиралъ ее губкою аккуратнѣйшимъ образомъ, потомъ не иначе начиналъ лекцію, какъ держа въ правой рукѣ мѣлъ, а въ лѣвой губку, хотя въ нихъ иногда не оказывалось надобности полчаса и бо-

лѣе. Лекціи свои считалъ вполнѣ совершенными, и потому студенту ничѣмъ нельзя было такъ обидѣть его, какъ сказавши, что онъ не понимаетъ какого-либо доказательства. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ просили профессора повторить сказанное. Но и тутъ было именно только повтореніе; ни прибавки, ни убавки, ни новаго какого-либо пріема не допускалось. Это, сколько я зналъ покойника, вовсе нельзя было приписать его незнанію другихъ пріемовъ; тутъ замѣшивалась, можетъ быть, самолюбивая мысль, что избранное имъ доказательство и самая форма его есть верхъ совершенства. Самолюбіе его обнаруживалось еще тѣмъ, что онъ, сдѣлавши какую-либо ошибку, напр., поставивъ плюсъ вмѣсто минуса и обратно, не исправлялъ ее открыто, а украдкою какъ-нибудь.

Несмотря на всѣ странности и въ образѣ жизни, и въ преподаваніи, Райковскій былъ вполнѣ удовлетворительный профессоръ математики для духовной академіи, но ему пришлось кончить свою карьеру и жизнь несчастливо. Его сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ секретаря и казначея при редакціи «Христіанскаго Чтенія». Въ 1827 и 1828-мъ г. открылось, что множество экземпляровъ этого журнала не было высылаемо подписчикамъ, хотя деньги получались съ почты Райковскимъ. Такихъ денегъ нашлось, кажется, не менѣе 6000 рублей асс. Конечно и Райковскаго нельзя вполнѣ оправдывать; впрочемъ, главнымъ виновникомъ былъ ректоръ и редакторъ Доброзраковъ, который распоряжался деньгами по редакціи, какъ ему хотѣлось, дѣлясь выгодами съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ наставниковъ и нисколько не удѣляя прочимъ сотрудникамъ. Но вся бѣда свалилась на Райковскаго! Его уволили отъ должности секретаря не только редакціи, но и академическаго правленія, и присудили удерживать наибольшую часть его жалованья для уплаты пропавшихъ денегъ. Взысканіе производилось очень строго, такъ что Райковскій даже не могъ имѣть у себя хорошаго стола и долженъ былъ часто довольствоваться кое-какою пищею изъ булочной и мелочной лавочки. Въ это-то время особенно и увеличились его странности. Между тѣмъ стѣсненныя обстоятельства не остались безъ вліянія на его здоровье; въ груди поселилась водяная, отъ которой онъ скоропостижно и умеръ въ 1855 г., приготовляя самъ себѣ обѣдъ на небольшомъ очагѣ, устроенномъ въ его квартирѣ.

Василій Ивановичъ Себржинскій, ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ, преподавалъ въ академіи алгебру, аналитическую геометрію, интегральное исчисленіе и физику. Для второй и третьей науки составленныя имъ записки не напечатаны, впрочемъ интегральное исчисленіе оставалось не со-

всѣмъ оконченнымъ, и не вполнѣ отдѣланнымъ, но аналитическая геометрія могла бы появиться и въ печати тѣмъ болѣе, что въ то время учебниковъ по этой наукѣ на русскомъ языкѣ было очень мало. Руководство же къ алгебрѣ въ первый разъ напечатано въ началѣ двадцатыхъ годовъ и оставалось учебникомъ въ семинаріяхъ почти до послѣдняго времени. Оно надѣлало много хлопотъ своему автору. Жена покойнаго академика Гурьева подала жалобу, въ которой доказывала, что Себржинскій слишкомъ уже воспользовался записками ея мужа. Заимствованія дѣйствительно были обширны, но заимствователь оправдался, доказавши, что и самъ Гурьевъ при составленіи своихъ записокъ очень многое взялъ у французскихъ алгебристовъ, которыми же и Себржинскій, по его объясненію, руководствовался, а не Гурьевымъ. Но все-таки Себржинскій, какъ профессоръ, нравился студентамъ гораздо болѣе, нежели Райковскій. Прежде всего онъ отличался добродушіемъ, привѣтливостію и вѣжливымъ обращеніемъ; грубости отъ него никто не испытывалъ. Если иногда онъ и бывалъ недоволенъ отвѣтами студентовъ, то тутъ высказывался не человѣкъ, осердившійся на другого, а профессоръ, которому больно было видѣть, что студентъ такъ мало внимателенъ къ его наукѣ. Потомъ въ немъ уже не замѣчалось никакого мелочного самолюбія или педантизма, которые такъ ярко выказывались въ Райковскомъ.

Одобряя вполнѣ Себржинскаго за его математическое преподаваніе, нельзя не упрекнуть его за преподаваніе физики. Ни своихъ записокъ, ни конспекта онъ не имѣлъ, а держался вполнѣ учебника Двигубскаго; такимъ образомъ студенты не слыхали ничего о новыхъ открытіяхъ по физикѣ, которыми такъ богаты были конецъ двадцатыхъ и начало тридцатыхъ годовъ. Далѣе, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, тогда нерѣдко встрѣчавшихся наставниковъ, которые думали, что физику можно читать безъ инструментовъ, не показывая ихъ на самомъ дѣлѣ, а рисуя на доскѣ, и разсказывая, какъ на этихъ воображаемыхъ инструментахъ производятся тѣ или другіе опыты; а потомъ къ концу трети или предъ экзаменомъ, какъ бы въ награду за терпѣніе, повести слушателей въ физическій кабинетъ и тамъ сдѣлать большее или меньшее количество опытовъ. Себржинскій къ сожалѣнію принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, которые, увы! и доселѣ еще не совсѣмъ перевелись. Гораздо болѣе полугода онъ читалъ лекціи по физикѣ, ссылаясь на воображаемые, имъ нарисованные на доскѣ инструменты. А потомъ уже послѣ настоятельныхъ требованій студентовъ приводилъ ихъ въ кабинетъ и тамъ дѣлалъ опыты надъ воздушнымъ насосомъ, элек-

трическою машиною, магнитами и пр., притомъ не научнымъ образомъ, а такъ, почти-что для забавы студентовъ. Никакъ не думаю, чтобы это происходило отъ нерадѣнія, или отъ неумѣнья обращаться съ инструментами. Себржинскій былъ усердный, дѣятельный и добросовѣстный человѣкъ; притомъ, какъ можно было судить по опытамъ въ кабинетѣ, онъ зналъ, какъ производить ихъ; но, кажется, боялся, какъ бы, часто перенося инструменты изъ кабинета въ классъ, не испортить, не разбить ихъ.

Ему, бѣдняку, академическая служба также не очень улыбалась. Онъ довольно рано женился, обзавелся небольшимъ семействомъ и при недостаточномъ жалованьи принужденъ былъ испытывать множество недостатковъ, хлопотъ и горя. Все это, равно какъ усиленныя занятія прежде по математикѣ, а потомъ по должности секретаря академическаго правленія и конференціи, разстроили и безъ того слабое его здоровье; чахотка довела его до могилы въ 1833-мъ году, когда ему было развѣ немного болѣе 45-ти лѣтъ.

Кромѣ четырехъ ветерановъ, о которыхъ я довольно подробно говорилъ, перебывало въ описываемое мною время многое множество наставниковъ, едва ли не болѣе 40-ка человѣкъ. О каждомъ изъ нихъ говорить, даже не очень подробно, нѣтъ возможности и надобности, тѣмъ болѣе, что относительно, можетъ быть, цѣлой половины характеризуемыхъ лицъ пришлось бы только сказать, что они не имѣли или времени, или талантовъ обнаружить замѣтное вліяніе на академію. Очень многіе появлялись прямо съ студентческой скамьи въ качествѣ баккалавровъ на годъ, на 2—4 года и потомъ оставляли академію. Другіе продолжали свою службу при ней очень долго, и успѣли оказать много пользы студентамъ въ научномъ отношеніи, но въ описываемое мною время только начинали дѣйствовать, подавали надежды, которыя оправдались уже послѣ. Поэтому я намѣренъ сказать здѣсь лишь о тѣхъ наставникахъ, которые успѣли зарекомендовать себя или съ хорошей, или съ дурной стороны и которые, какъ говорится, уже *отъидоша ко отцемъ нашимъ*.

Изъ *отшедшихъ ко отцемъ нашимъ* наставниковъ петербургской духовной академіи первое мѣсто по всѣмъ правамъ принадлежитъ Иннокентію Борисову, экстраординарному профессору богословскихъ наукъ. Дѣятельность его въ академіи была двоякая: административная въ званіи инспектора, и ученая въ качествѣ профессора.

Иннокентій Борисовъ, сознавая свои умственныя способности, нравственную энергію, сильное желаніе играть замѣтную роль въ обществѣ, не принадлежалъ, разумѣется, къ тѣмъ натурамъ,

которыя говорятъ и думаютъ о смиреніи, самоуниженіи, отреченіи *отъ почестей и благъ міра сего;* надобно прямо выразиться: онъ былъ честолюбивъ, самолюбивъ, терпѣть не могъ противорѣчій отъ своихъ подчиненныхъ. Обучаясь еще въ сѣвской семинаріи, онъ уже мечталъ о будущемъ своемъ величіи, о чемъ мнѣ удалось слышать отъ одного изъ его товарищей и друзей по сѣвской семинаріи, теперь священника въ Р—и, Ст. Ег. Р—го. Оба они, гуляя въ рощѣ близъ семинаріи, согласились между собою идти по одной дорогѣ. — «Куда же? спросилъ товарищъ и получивъ въ отвѣтъ: въ духовную академію, сказалъ: еще учиться?»—Такъ что же? учиться еще; за то дорога широка послѣ.— «Неужели же ты пойдешь въ монахи?»—Отчего нейти, отвѣчалъ молодой бурсакъ? Можетъ быть, Провидѣнію угодно будетъ поставить меня на такую высоту, о которой мы и не думаемъ.»— Такъ поговаривалъ сѣвскій семинаристъ.

Еще будучи студентомъ кіевской духовной академіи, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства своими умственными способностями и свѣдѣніями. Слухъ объ этомъ дошелъ до Петербурга; тогдашняя коммиссія духовныхъ училищъ опредѣлила Борисова инспекторомъ петербургской семинаріи, и съ небольшимъ чрезъ годъ перевела баккалавромъ въ академію. Знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ и возможность въ Петербургѣ доставать иностранныя, даже запрещенныя книги, помогли Борисову познакомиться со всѣми замѣчательными учеными произведеніями нѣмецкой и французской литературъ. Въ этомъ отношеніи онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ богослововъ нашихъ, которые къ другимъ предметамъ, кромѣ богословскихъ, боятся коснуться, какъ будто опасаясь отъ нихъ заразиться чѣмъ-нибудь. Борисовъ, разумѣется, занимался съ большимъ усердіемъ богословскою иностранною литературою; можно сказать, что онъ прочиталъ все, что тогда выходило замѣчательнаго въ ней, принадлежало-ль это тогдашнимъ раціоналистамъ и неологамъ, или защитникамъ католической и протестантской догмы. Но кромѣ того съ неменьшимъ, можетъ быть, усердіемъ онъ занимался философіей, исторіей, эстетикою, археологіей и пр. Если къ этому присоединить, что онъ тогда уже изучалъ сочиненія отцевъ церкви, а потомъ въ Кіевѣ еще болѣе увеличилъ свои свѣдѣнія по этой части, то, будь сказано не въ обиду почитателямъ покойнаго митрополита Филарета Дроздова, ученость Борисова была многостороннѣе, объемистѣе и современнѣе учености московскаго святителя. Послѣдній могъ удивлять всякаго только чрезвычайно обширнымъ знаніемъ богословія и сочиненій отцевъ церкви. Но на перваго съ удивленіемъ смо-

трѣли профессоры кіевскаго и харьковскаго университетовъ, приглашавшіеся къ нему на вечера для ученыхъ бесѣдъ большею частію о предметахъ всѣхъ почти, а не однихъ богословскихъ наукъ. Замѣчательно только, что Борисовъ и не зналъ, и не любилъ математическихъ, естественныхъ и физическихъ наукъ; про математику онъ говорилъ даже, что ею занимаются только люди съ ограниченнымъ умомъ. Причину такого, надобно правду сказать, близорукаго отзыва слѣдуетъ отыскивать въ характерѣ Борисова. Увлекаясь господствовавшею тогда дедуктивною философіей, которая такъ любила до всего доходить *per conclusionem et seriem conclusionum* (при помощи умозаключенія и ряда умозаключеній), онъ и самъ сдѣлался теоретикомъ, дедуктивнымъ философомъ, готовымъ также все рѣшать *per conclusionem et seriem conclusionum*. Послѣ этого естественно, что онъ не могъ любить математики, которая своими формулами и неумолимо строгимъ анализомъ препятствуетъ разсудку уноситься *вдаль за облака*. Равнымъ образомъ естественныя и физическія науки, въ которыхъ опытъ и наведеніе тоже не позволяютъ слишкомъ фантазировать, не могли понравиться молодому, пылкому уму Борисова, не желавшему сталкиваться съ какими-либо препятствіями, когда предстояла возможность рѣшить вопросъ дедуктивнымъ образомъ. Прибавьте къ этому большое самолюбіе и высокое мнѣніе о себѣ. Математики, естественныхъ и физическихъ наукъ *мы не знаемъ*, да *онѣ намъ и не по душѣ*. Зачѣмъ же дать имъ почетное мѣсто въ умственномъ развитіи? иначе надобно будетъ сознаться, что *у насъ* есть недостатокъ въ знаніи очень важныхъ предметовъ. Почему же не рѣшить въ свою пользу, что математикою могутъ заниматься только люди съ ограниченнымъ умомъ? Такія мысли можно встрѣчать и нынѣ во многихъ особахъ нашего духовенства.

За всѣмъ тѣмъ въ головѣ Борисова былъ собранъ такой громадный запасъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, что онъ ими могъ заинтересовать самую взыскательную молодежь. Этому помогалъ полученный отъ природы и имъ самимъ усовершенствованный замѣчательный даръ слова. На профессорской должности Борисовъ былъ не сухимъ теоретикомъ, тяжелымъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но ораторомъ, который воодушевленъ и увлеченъ своимъ предметомъ, и умѣетъ также воодушевлять и увлекать имъ своихъ слушателей; рѣчь его была живымъ, дѣйствующимъ словомъ, проникающимъ до мозговъ, расшевеливающимъ даже тупоумныхъ людей. Далѣе, лекціи его не походили на венигретъ подобный тому, которымъ угощаютъ *говоруны* - профессоры; онѣ были глубоко обдуманы и излагались въ строгой системати-

ской связи, которая позволяла студентамъ послѣ класса изложить ихъ на бумагѣ почти также, какъ говорилъ профессоръ.

Сначала въ академіи Борисовъ преподавалъ обличительное богословіе, потомъ ему поручили еще науку, называвшуюся тогда экклезіастикою. Несмотря на свою молодость и новость послѣдней науки, онъ составилъ по обѣимъ руководства. Но особенно проявилъ онъ свой профессорскій талантъ въ учебный $18^{29}/_{30}$ годъ, когда читалъ такъ-называемое фундаментальное или основное богословіе. Конечно нынѣ, чрезъ сорокъ лѣтъ лекціи Борисова уже не покажутся образцовыми, но въ 40 лѣтъ много воды утекло. Чтобы судить объ этихъ лекціяхъ, нужно возвратиться къ тогдашнему времени. За свѣдѣніями у Борисова не было остановки, но отъ него требовалась большая смѣлость, чтобы рѣшиться въ духовной академіи читать лекціи по богословію, которыя слишкомъ рѣзко отличались отъ того, какъ онѣ до тѣхъ поръ читались. Повторяю, нынѣ подобныя лекціи не удивятъ многихъ, но тогда онѣ были отважнымъ подвигомъ; особенно если взять во вниманіе, что профессоръ смѣло касался раціоналистическихъ идей, конечно оцѣнивалъ и критиковалъ ихъ, какъ прилично наставнику духовной академіи, — но и не ратовалъ противъ нихъ, какъ фанатикъ. Студенты были увлечены этими лекціями, заслушивались ихъ и выходили изъ класса въ полномъ очарованіи отъ нихъ. Самъ профессоръ едвали имѣлъ болѣе счастливое время въ своей профессорской жизни для своей профессорской совѣсти, какъ то, о которомъ говорю.

Приверженцы старины и защитники нашей неподвижности давно уже подозрѣвали Борисова въ неправославіи и вольнодумствѣ. Ему было-угрожала нешуточная опасность еще въ 1827-мъ г., при окончаніи VII-го академическаго курса. По существовавшему порядку, диссертаціи, написанныя студентами для полученія ученыхъ степеней, были представлены въ коммиссію духовныхъ училищъ и тамъ отданы для прочтенія тогдашнему рязанскому архіепископу Филарету Амфитеатрову, бывшему послѣ кіевскимъ митрополитомъ. Этотъ архипастырь нашелъ въ двухъ диссертаціяхъ неправославныя мысли, состоявшія въ намекахъ на то, что язычникамъ, которые жили на бѣломъ свѣтѣ добродѣтельно, не придется всю вѣчность мучиться въ аду. Амфитеатровъ такъ былъ возмущенъ этимъ «богопротивнымъ и ужаснымъ намекомъ», что, какъ тогда говорили, пріѣхавши въ засѣданіе коммиссіи духовныхъ училищъ, всталъ на колѣни и именемъ Божіимъ просилъ членовъ ея остановить распространяющееся въ петербургской академіи нечестіе. Виновникомъ этого нечестія считали Борисова. Но тогдашній ректоръ Доброра-

ковъ умѣлъ успокоить поднявшуюся бурю, дѣйствуя преимущественно на митрополита Серафима. Съ того времени слава Борисова, какъ ученаго богослова и отличнаго профессора, росла и росла болѣе и болѣе, а случаевъ къ новымъ обвиненіямъ въ неправославіи не представлялось. И потому, когда лѣтомъ 1830-го года ректора Добрзракова назначили пензенскимъ епископомъ, то Борисовъ считался непремѣннымъ его преемникомъ, въ чемъ былъ и самъ вполнѣ увѣренъ. Только между имъ и Доброзраковымъ было разногласіе относительно того, кому быть инспекторомъ академіи; ему хотѣлось опредѣлить на это мѣсто инспектора тверской семинаріи Іосифа Позднышева, уже прежде бывшаго баккалавромъ въ академіи, а Доброзраковъ, не любившій Позднышева, рекомендовалъ инспектора костромской семинаріи Никодима. Борисовъ долженъ былъ по окончаніи академическихъ экзаменовъ отправиться на ревизію, кажется, въ петрозаводскую и архангельскую семинаріи, но предъ своимъ отъѣздомъ тайкомъ отъ Доброзракова такъ обдѣлалъ дѣло объ академической инспекціи, что ее рѣшились предоставить Позднышеву. Доброзраковъ, обидѣвшись этимъ, умѣлъ съ своей стороны доказать митрополиту Серафиму и другимъ вліятельнымъ членамъ коммиссіи духовныхъ училищъ, что ректоромъ петербургской академіи лучше сдѣлать тогдашняго ректора кіевской, Смарагда Крыжановскаго, а на мѣсто его послать Борисова. Послѣдній, возвратившись съ ревизіи, нашелъ уже дѣло непоправимымъ.

Но по однимъ слухамъ нельзя было окончательно осудить Борисова; требовались письменные документы, которыми можно было бы доказать неправомысліе его; за это взялся московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ. Ему удалось достать тѣ лекціи Борисова по фундаментальному богословію, которыя онъ говорилъ въ $18^{29}/_{30}$ г., въ петербургской академіи, и которыя студенты записывали и составили. Теперь оставалось найти доказательство, что онѣ дѣйствительно были говорены Борисовымъ; тутъ Филаретъ Дроздовъ нашелъ себѣ помощниковъ въ ректорѣ петербургской академіи Виталіѣ Щепетевѣ и баккалаврѣ іеромонахѣ Климентѣ Можаровѣ. Разскажу объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ мнѣ говорилъ Можаровъ: «Однажды часу въ пятомъ призвалъ меня къ себѣ ректоръ (Щепетевъ) и спросилъ, не хочешь ли со мною прогуляться? Я, разумѣется, согласился. Мы поѣхали въ городъ; ректоръ мнѣ ничего не говорилъ во всю дорогу. Замѣтивши, что лошади съ Невскаго проспекта поворотили въ Троицкій переулокъ, я спросилъ ректора: куда это мы ѣдемъ? Ужъ не къ преосвященному ли ми-

трополиту? и получилъ въ отвѣтъ: мнѣ нужно заѣхать на подворье. Вскорѣ мы дѣйствительно пріѣхали и пошли въ комнаты митрополита. Ректоръ, оставляя меня въ залѣ, сказалъ: подожди здѣсь; а самъ ушелъ къ митрополиту. Чрезъ нѣсколько времени и меня туда же потребовали. Вхожу; владыка, благословивъ меня, велѣлъ мнѣ сѣсть на кресло близъ стола, гдѣ онъ самъ сидѣлъ. «Посмотри-ка вотъ эти тетради, сказалъ онъ, подвигая ихъ ко мнѣ, да почитай повнимательнѣе; не знакомы ли онѣ тебѣ?» Я началъ читать и скоро увидѣлъ, что это лекціи Иннокентія (Борисова) по фундаментальному богословію, перелистывалъ, читалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ остановился. «Ну, вновь началъ митрополитъ, говори по совѣсти, да не лги; чтó это такое?» Что мнѣ было дѣлать? продолжалъ Можаровъ: не сказать правды бѣда, меня могли задавить; я и сказалъ: это лекціи Иннокентія, бывшаго инспектора нашей академіи.—«Такъ напиши-ка то, чтò говоришь». Разумѣется, я написалъ; вѣдь нельзя было не написать, иначе бѣда бы».

Не знаю, въ синодъ ли, или въ коммиссію духовныхъ училищъ, притомъ оффиціальнымъ ли образомъ при бумагѣ, или только при словесномъ донесеніи тетради были представлены, какъ лекціи Борисова съ указаніями на неправославныя, встрѣчавшіяся въ нихъ мнѣнія. Отъ Борисова потребовали объясненія; но и онъ тоже, подобно Можарову, боялся бѣды и нашелъ за лучшее сказать, что это не его лекціи; даже будто бы назвалъ ихъ глупыми.

И прежде этого событія Борисовъ понималъ, особенно же послѣ него вполнѣ убѣдился, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ профессору-монаху своими лекціями, хоть съ нѣкоторымъ либеральнымъ оттѣнкомъ, можно не отличиться, а скорѣе нажить бѣду. И потому онъ въ Кіевѣ пошелъ по новой дорогѣ, началъ часто говорить проповѣди; конечно, онѣ многимъ понравились, прежде расходились и теперь расходятся еще по Руси, но нельзя не сказать, что Борисовъ ими далеко не принесъ той пользы, которую бы принесли его лекціи. Еслибы онъ пробылъ на профессорской каѳедрѣ 25—30 лѣтъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, постоянно улучшался, то сколькихъ бы онъ приготовилъ отличныхъ и очень хорошихъ профессоровъ? Какъ бы хорошо было, еслибы, по прибытіи Борисова въ столицу, какой-либо добрый человѣкъ посовѣтовалъ ему искать себѣ занятія въ университетѣ! Къ несчастію впрочемъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свирѣпствовали тогда Шишковы, Магницкіе и Руничи.

Не упоминая о другихъ профессорахъ богословія, перейдемъ теперь къ преподаванію философіи.

Философія преподается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ давнымъ-давно; даже въ концѣ XVII-го столѣтія въ кіево-могилянской академіи читалась не только логика, но и метафизика; потомъ почти до самыхъ новыхъ временъ философія или ея обломки: логика и психологія, считались послѣ богословія важнѣйшими предметами. Между тѣмъ большая часть монашествующаго ученаго духовенства видѣла въ ней опаснаго врага для религіи и замѣчательныхъ, изъ ряду выдающихся наставниковъ ея заподозривали въ вольнодумствѣ. Даже снисходительные къ ней наши богословы, за немногими исключеніями, полагали, что она должна быть для ихъ науки только *служанкою* (это названіе я самъ слышалъ на лекціи одного изъ лучшихъ моихъ наставниковъ-монаховъ). Описываемое мною время было очень неблагопріятно для этой «служанки». Въ концѣ царствованія Александра I-го реакція противъ просвѣщенія отразилась и на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на свою ученую знаменитость, тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, вызванный для засѣданій въ синодѣ, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Серафимомъ въ ретроградномъ духѣ. Они рѣшились-было уничтожить ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ и, можетъ быть, успѣли бы въ томъ, если бы не встрѣтили себѣ умнаго и дѣятельнаго противника въ тогдашнемъ ректорѣ петербургской духовной академіи Григоріѣ Постниковѣ. Послѣдній, узнавши о намѣреніи митрополитовъ, собралъ болѣе дѣльныя задачи оканчивавшихъ тогда курсъ студентовъ VI-го курса, принялъ на себя трудъ и уговорилъ наставниковъ академіи исправить эти задачи и представилъ ихъ, какъ доказательство того, что студенты вполнѣ заслуживаютъ ученыя степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же пришлось выдержать борьбу во время публичнаго экзамена въ 1825-мъ году съ митрополитами, которые старались конфузить студентовъ. Несмотря на все это, ни одинъ изъ студентовъ VI-го курса петербургской и II-го кіевской академіи не получилъ тотчасъ степени магистра; — она была дана имъ уже чрезъ два года.

Реакціонеры напали преимущественно на философію, запретивъ наставникамъ преподавать ее по своимъ запискамъ, и назначивъ для руководства въ семинаріяхъ Баумейстера, а въ академіяхъ Винклера. По моему мнѣнію, это было хуже, нежели еслибъ вовсе было уничтожено преподаваніе философіи. Въ послѣднемъ случаѣ воспитанники только что не знали бы, о чемъ говорить эта наука, тогда какъ Баумейстеръ и Винклеръ

пробуждали отвращеніе къ ней. Мало-по-малу наставники стали опять составлять свои записки, или пользоваться уже составленными; само начальство въ этомъ отношеніи не показывало себя очень придирчивымъ — такъ была ясна пустота философіи Баумейстера и Винклера. Но все-таки наставники должны были не забывать, что если они станутъ въ своихъ письменныхъ и устныхъ урокахъ высказывать что-либо новое и особенно увлекать своею новизною воспитанниковъ, то имъ грозитъ опасность. Въ подтвержденіе моихъ словъ укажу на примѣръ, случившійся въ петербургской духовной академіи въ 1833-мъ году. Бывшій тогда баккалавръ философіи выдавалъ свои лекціи на русскомъ языкѣ, —неслыханная дотолѣ новость въ академіи. Лекціи отличались также новостью своего содержанія; наставникъ шелъ не по пробитой колеѣ, а проводилъ въ нихъ свой взглядъ на философію. Главное же преступленіе его состояло въ томъ, что онъ, будучи самъ искреннимъ поклонникомъ философіи, съ воодушевленіемъ излагалъ свои лекціи и пробуждалъ во многихъ студентахъ стремленіе къ философствованію. Еще задолго до окончательнаго экзамена носились слухи о томъ, что эти лекціи не нравятся якобы за свое вольнодумство начальству, которое впрочемъ въ теченіи всего двухгодичнаго курса ни разу не было на нихъ въ классѣ. Но, можетъ быть, бѣды бы никакой не случилось, если бы ревизоромъ въ академію не былъ назначенъ новый тогдашній оберъ-священникъ арміи и флота Кутневичъ, слывшій и самъ себя считавшій философомъ, кажется, только потому, что онъ лѣтъ 10-ть былъ профессоромъ философіи въ московской духовной академіи, но не оставилъ рѣшительно никакихъ печатныхъ проявленій своего философствованія. Еще во время такъ-называемыхъ частныхъ испытаній онъ выражалъ свое философское и ревизорское негодованіе на разныя, якобы неправославныя, или антифилософскія мысли, заключавшіяся въ лекціяхъ; ему вторилъ ректоръ Венедиктъ Григоровичъ, который даже и въ семинаріяхъ не читалъ философіи; за то только-что произведенный въ санъ епископа, онъ вѣроятно, полагалъ, что *божіею милостію* можетъ рѣшать безъ апелляцій всякіе вопросы, даже философскіе. Но главную атаку они оба отложили до публичнаго экзамена. Для него назначены были два дня; во второй изъ нихъ слѣдовало произвести испытаніе по философіи. Случайно или намѣренно митрополитъ Серафимъ не пріѣхалъ въ этотъ день къ самому началу экзамена, который прямо по философіи и начали производить Кутневичъ и Григоровичъ. Надобно полагать, что оба эти *философы* заранѣе положили *добить, дорѣзать* наставника. Спрашиваемые студенты почти

что ничего не читали; едва они произносили нѣсколько словъ, какъ у двухъ философовъ, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, тотчасъ же появлялись возраженія, которыя впрочемъ обращались не къ студенту, а къ наставнику. Этотъ защищалъ свои уроки съ достоинствомъ, ясно, сдержанно, безъ всякой запальчивости. Возражатели, думавшіе на первыхъ же словахъ *дорѣзать*, *добить* его, но встрѣтивъ благородную и умную защиту, разгорячились; уже не возражали, а безобразно кричали, часто оба вдругъ, не слушая ни студентовъ, ни наставниковъ. Сцена была отвратительная; забыты всѣ приличія, соблюдаемыя при ученыхъ спорахъ, и трудно было рѣшить, чѣмъ бы все кончилось, еслибы не пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Серафимъ. Философію отодвинули въ сторону, начались экзамены по другимъ предметамъ. Но результаты *философской борьбы* этимъ не кончились; наставникъ съ философской каѳедры переведенъ былъ на одинъ изъ языковъ, а потомъ чрезъ два года безъ прошенія уволенъ вовсе изъ академіи. Ему не только не помогло, но даже повредило изданное имъ «сочиненіе» подъ названіемъ: «Введеніе въ философію». Оно было удостоено академіею наукъ, кажется, половинной демидовской преміи. Но духовному начальству и это не понравилось. Прежде всего автору поставили въ вину то обстоятельство, почему онъ — священникъ — осмѣлился напечатать свое сочиненіе съ дозволенія свѣтской, а не духовной цензуры. Потомъ былъ составленъ для разсмотрѣнія сочиненія комитетъ изъ тогдашняго викарія петербургскаго Венедикта Григоровича и, къ сожалѣнію, изъ профессора академіи Карпова. Оффиціальнаго отзыва этого комитета я не читалъ, но отзывъ былъ неблагопріятный; автора уличали по обыкновенію въ неправославіи и т. п. Результатомъ было то, что авторъ долго, долго, долго оставался забытымъ, пока петербургскій университетъ не отыскалъ его для занятія философской каѳедры у себя.

Послѣ этого, понятно, какое самоотверженіе нужно было имѣть профессору академіи, чтобы читать философію въ новомъ, оригинальномъ и современномъ духѣ.

Въ началѣ описываемаго мною времени преподавалъ философію въ академіи Родіонъ Яковлевичъ Вѣтринскій. За нѣсколько лѣтъ до того онъ издалъ на латинскомъ языкѣ свои лекціи, изъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ записокъ семинарскіе «философы». Сочиненіе конечно далеко не оригинальное; но все-таки доказывало въ авторѣ любовь къ своей наукѣ и желаніе заявить чѣмъ-либо полезнымъ свою профессорскую дѣятельность, а не проводить время въ буддійскомъ покоѣ. Но прослу-

живши въ академіи лѣтъ десять, убѣдившись, что въ ней только монашествующимъ все идетъ во благое, что философія здѣсь не можетъ быть самостоятельной наукой, а должна отправлять роль *служанки* богословія, вынужденный потомъ читать лекціи по Винклеру, Вѣтринскій почувствовалъ какую-то апатію и не скрывалъ ея. Въ классѣ онъ слишкомъ негложировалъ своими лекціями. Пришедши въ него, онъ часто подходилъ къ окну, изъ котораго видна была шлиссельбургская дорога, стоялъ предъ нимъ по нѣскольку минутъ, молча посматривая на нее, а иногда постоявши, оборачивался къ студентамъ и предлагалъ имъ вопросы, въ родѣ слѣдующаго: «а кто изъ васъ, господа, костромичи?» И когда костромичи сказывались, то онъ опять съ прежнимъ серьезнымъ, такъ сказать, философскимъ тономъ говорилъ: «вонъ ваши земляки ѣдутъ, везутъ масло или грибы и т. п.» Наконецъ, наскучивъ и себѣ, и студентамъ, онъ перешелъ въ свѣтское вѣдомство.

Преемникомъ его былъ Андрей Степановичъ Красносельскій. Если бы этотъ человѣкъ подолѣе послужилъ въ академіи, то изъ него могъ бы выдти очень замѣчательный профессоръ философіи. Онъ чрезвычайно любилъ заниматься ею; знаніе нѣмецкаго языка дало ему возможность основательно ознакомиться съ замѣчательными произведеніями тогдашней нѣмецкой философской литературы. Читая исторію философіи, онъ умѣлъ не только дѣльно изложить систему того или другого философа, но и объясняя ее, ознакомить студентовъ съ современными философскими мнѣніями. Владѣя хорошимъ даромъ слова, преподавая свою науку съ воодушевленіемъ любителя ея, смѣло высказывая либеральныя идеи, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями. Особенно же интересовала студентовъ та часть ихъ, гдѣ онъ съ безпристрастіемъ ученаго разсматривалъ философію отцевъ церкви. Къ счастію безпечность ректора Добровракова давала Красносельскому возможность не стѣсняться въ классѣ опасеніями быть обвиненнымъ въ либерализмѣ. Но усиленныя занятія разстроили его здоровье; на шестомъ году академической службы появилась у него чахотка, которая скоро довела его до могилы.

За нимъ профессоромъ философіи въ академіи былъ родной его братъ, только по фамиліи не Красносельскій, а Вершинскій, Дмитрій. По своимъ умственнымъ способностямъ онъ едва ли не былъ выше своего брата; относительно любви къ наукѣ и свѣдѣній въ ней развѣ немного стоялъ ниже его. Въ непродолжительную свою службу въ академіи онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ небольшую исторію философскихъ системъ

Аста и объемистую логику Бахмана, изъ которой наши доморощенные философы долго дѣлали выписки для своихъ руководствъ по логикѣ. Несмотря на все это, нельзя не сказать, что Вершинскій весьма не нравился студентамъ своими лекціями. Зная его коротко, можно было по неволѣ дойти до мысли, что онъ едвали не съ намѣреніемъ плохо читалъ лекціи. Напр., студентамъ десятаго курса онъ преподавалъ логику по Бахману, которой переводъ былъ имъ уже оконченъ и исправленъ. Кажется, по готовымъ тетрадямъ можно было по крайней мѣрѣ читать, не нагоняя скуки и сна на слушателей, тѣмъ болѣе, что профессоръ имѣлъ хорошій даръ слова. Но онъ между тѣмъ читалъ невыносимо скучно, монотонно, растянуто, останавливаясь, какъ будто надъ чѣмъ задумывался. Когда потомъ ему поручили исторію философскихъ системъ, то онъ приносилъ въ классъ одинъ изъ томовъ Бруккеровой исторіи философіи, — томы эти у студентовъ назывались *красными книгами* за красный цвѣтъ ихъ переплета. Красная книга раскрывалась, профессоръ начиналъ читать латинскій текстъ ея съ убійственною монотонностію, съ невыносимою апатіею, безъ всякаго, повидимому, участія, только чтобы прочитано было. Если встрѣчались греческія цитаты, то и онѣ передавались буквально. Студентамъ опротивѣли подобныя лекціи. Кто-то изъ нихъ написалъ пасквиль на Вершинскаго и вывѣсилъ его въ одномъ изъ коррридоровъ академіи. Профессоръ читалъ тогда объ Александрійской школѣ, изложилъ уже по красной книгѣ ученіе Плотина и немного коснулся Ямвлиха и Порфирія. Узнавши о пасквилѣ, онъ въ слѣдующую за тѣмъ лекцію приходитъ безъ красной книги, съ краткимъ конспектомъ и начинаетъ продолжать по-русски говорить о Ямвлихѣ, Порфиріѣ и прочихъ послѣдователяхъ Плотина. Точно такимъ же образомъ сказалъ двѣ лекціи о схоластической философіи; говорилъ не съ особеннымъ воодушевленіемъ, но ясно, просто, основательно; студенты обрадовались такой перемѣнѣ. Послѣ 3 — 4 лекцій красная книга опять появилась, или замѣнялась рукописными тетрадями на латинскомъ тоже языкѣ. Профессоръ какъ будто бы хотѣлъ доказать, что онъ можетъ говорить очень хорошо и очень хорошія лекціи на русскомъ языкѣ, но не можетъ, или не хочетъ этого дѣлать по какимъ-то секретнымъ соображеніямъ. Въ слѣдующемъ курсѣ онъ нерѣдко читывалъ свою красную книгу или тетради, сидя бокомъ къ студентамъ. Подозрѣвать его въ лѣности нельзя; онъ велъ вполнѣ ученую, кабинетную, трезвую жизнь, почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не ходилъ. Недостатка въ дарѣ слова и въ свѣдѣніяхъ не имѣлъ. Поэтому, повторю высказан-

ное мною выше мнѣніе, не нарочно ли онъ небрежно читалъ свои философскія лекціи, чтобы избѣгнуть обвиненія въ вольнодумствѣ. Впрочемъ, не прослуживъ десяти лѣтъ при академіи, онъ уѣхалъ въ Парижъ протоіереемъ при тамошнемъ нашемъ посольствѣ.

Вершинскому наслѣдовалъ, по званію профессора философіи, Василій Николаевичъ Карповъ, переводчикъ разговоровъ Платона и авторъ логики. Вызванный изъ баккалавровъ кіевской академіи въ петербургскую еще прежде того за два года, онъ читалъ уже философію. Въ метафизикѣ его любимою мыслью была, употребимъ его выраженіе, *жизнь природы*. Конечно, его система не отличалась особенною оригинальностію, имѣла много недостатковъ, подобно всѣмъ философскимъ системамъ, составлявшимся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ; но должно прибавить, что онъ въ то время своими лекціями, которымъ любилъ придавать воодушевленіе, сильно затрогивалъ и увлекалъ почти всѣхъ студентовъ, пробуждалъ въ нихъ охоту мыслить. Чего же больше? Кромѣ того онъ былъ человѣкъ религіозный и всячески старался не расходиться съ православіемъ, но это не избавило его отъ непріятностей, даже отъ временныхъ гоненій и притѣсненій. Ректоръ Виталій Щепетевъ самъ вызвалъ его изъ Кіева въ Петербургъ, самъ же колебался сдѣлать его профессоромъ философіи на мѣсто Вершинскаго, и можетъ быть, не сдѣлалъ бы, еслибы Филаретъ Дроздовъ случайно не вступился за Карпова. Послѣдній къ публичному экзамену 1835 г. назначилъ изъ своихъ лекцій статью, въ которой между прочимъ разсуждалось объ отношеніи между религіей и философіей; на эту статью и Серафимъ и Филаретъ обратили вниманіе, зная, что авторъ ея ждетъ отъ нея пособія для занятія профессорской каѳедры. Начался экзаменъ по философіи, спросили двухъ-трехъ студентовъ; Серафимъ, не будучи любителямъ ея и, вѣроятно, предубѣжденный ректоромъ не въ пользу наставника, слушалъ, но, какъ оказалось, не очень хорошо понималъ читаемое; можетъ быть, этому помогало и то, что статья, написанная на латинскомъ языкѣ, и по содержавшимся въ ней мыслямъ не отличалась ясностію. Наскучивъ ею, Серафимъ наклонился къ Дроздову и сказалъ ему: «у насъ въ Смоленскѣ (онъ прежде былъ тамъ епископомъ) это называли *ермолафіей*». Дроздовъ, желая ли вступиться за наставника, которому грозила опасность не получить профессуры, или думая только попротиворѣчить Серафиму, обратился къ Карпову съ вопросами и возраженіями. Начались довольно продолжительныя объясненія, которыя окончилъ Филаретъ слѣдующими словами: «такъ ваша философія

ведетъ разумъ къ религіи?»—и получивъ въ отвѣтъ: Такъ точно, ваше в-во,—прибавилъ: «Вотъ это прекрасно, благодаримъ васъ». Противъ профессуры такимъ образомъ уже нельзя было возражать. Самъ Серафимъ, когда на слѣдующій день академическіе наставники пришли благодарить его за посѣщеніе, сказалъ Карпову: «Вамъ спасибо за вашу философію; она ведетъ къ религіи». О ермолафіи же ни слова. Карповъ былъ утвержденъ и долго оставался профессоромъ. Но ему пришлось много вытерпѣть за свою философію. Притѣсненія, которымъ онъ подвергался, не относятся къ описываемому мною времени, и потому, оставляя философію, обращаюсь къ словесности.

Словесность почти во все описываемое мною время преподавали два священника: Ксенофонтъ Ивановичъ Делекторскій и Иванъ Ивановичъ Ивановъ; первый читалъ общую словесность, а второй церковное краснорѣчіе, или, какъ его теперь называютъ, гомилетику.

Для надлежащей оцѣнки Делекторскаго нужно помнить, что въ тогдашнія времена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ свой *семинарскій* слогъ. Главныя его качества состояли въ такъ-называемомъ тогдашнемъ *краснорѣчіи*, т.-е. въ употребленіи тропическихъ выраженій, фигуральныхъ оборотовъ, славянскихъ словъ, заимствованныхъ изъ библіи и церковныхъ книгъ. Потомъ слова въ періодахъ располагались по образцамъ латинскаго языка, въ которомъ, напр., глаголы ставятся въ концѣ предложеній; наконецъ, говорить просто и ясно считалось неприличнымъ для ученыхъ людей; что же за ученое сочиненіе, когда въ немъ не надъ чѣмъ *голову ломать!* Образцомъ для всего этого служили тѣ проповѣди, которыя Филаретъ Дроздовъ говорилъ, будучи еще ректоромъ академіи. О настоящей русской рѣчи слишкомъ мало заботились. Пушкина читать могли ученики только украдкою; исторію Карамзина конечно рекомендовали, но его «Марьину рощу», «Марѳу Посадницу» и пр. считали еще опасными. Напротивъ, образцами для подражанія были сочиненія Ломоносова, Державина, Озерова, Хераскова и пр.

Делекторскій, несмотря на свою священническую рясу, составлялъ счастливое исключеніе изъ тогдашнихъ наставниковъ словесности по духовно-учебному вѣдомству. Преподаваніе имъ словесности въ академіи можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ теоретической и практической. Теоріей онъ не любилъ заниматься, да и не очень былъ силенъ въ ней; изданная имъ брошюрка въ изящномъ не заслуживала и не обратила на себя вниманія. Впрочемъ, въ первую треть двухгодичнаго курса лекціи его объ изящномъ и высокомъ очень нравились студентамъ,

потому что они въ семинарскихъ урокахъ, кромѣ сухого схоластическаго перечня разнообразныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ родовъ сочиненій, ничего не слыхали. Но не будучи почитателемъ теоріи, Делекторскій обращалъ особенное вниманіе на критическій разборъ сочиненій по всѣмъ родамъ словесности и поэзіи. Такъ, напр., изложивъ понятіе о героической поэзіи, онъ критически разбиралъ Иліаду Гомера, Энеиду Виргилія, Освобожденный Іерусалимъ Тасса, Потерянный Рай Мильтона, Мессіаду Клопштока, даже нашу Россіаду Хераскова, прочитывая множество отрывковъ изъ нихъ, указывая на совершенство и недостатки ихъ; и такимъ образомъ знакомилъ студентовъ съ замѣчательными произведеніями латинской, греческой и другихъ литературъ.

Что же касается до русской литературы, то развѣ немногіе соотечественные писатели, начиная съ Ѳеофана Прокоповича, Кантемира и Третьяковскаго, до Жуковскаго, Карамзина и Пушкина, не подвергались критическому разбору на лекціяхъ Делекторскаго. Въ сужденіяхъ своихъ о нихъ онъ конечно касался и внутренняго содержанія ихъ сочиненій, но главное вниманіе обращалъ на слогъ, и тутъ являлся неумолимымъ гонителемъ такъ-называемаго высокаго, напыщеннаго слога. Не Ломоносовъ, не Державинъ и Херасковъ, а Жуковскій и Пушкинъ были имъ рекомендованы, какъ образцы для подражанія. Проповѣди Филарета Дроздова подвергались неумолимой критикѣ, тѣмъ болѣе, что очень многіе студенты, особенно при началѣ академическаго курса, ими слишкомъ увлекались. Въ горячихъ спорахъ, которые часто происходили въ такихъ случаяхъ, Делекторскій забывалъ о своей личной безопасности, называя слогъ проповѣдей этого *знаменитаго духовнаго витіи* школярнымъ, надутымъ, ребяческимъ.

Если Делекторскій такъ смѣло и безпощадно отзывался о знаменитостяхъ, то онъ еще менѣе церемонился съ задачками студентовъ и неумолимо преслѣдовалъ *семинарскій слогъ* съ его славянщиною и реторикою. Соблюдая инкогнито автора, онъ съ большею или меньшею подробностію критически разбиралъ въ классѣ студентческія сочиненія, особенно тѣ, которые были или очень хороши, или очень дурны. Критиковалъ онъ безпощадно и этимъ возбуждалъ часто сильное негодованіе студентовъ, особенно въ началѣ курса. Но мало-по-малу студенты съ развитіемъ литературнаго вкуса понимали пользу, которую доставлялъ имъ наставникъ своею критикою. Безъ всякаго пристрастія надобно сказать, что Делекторскій не увлекалъ студентовъ какими-либо глубокими взглядами на свою науку, не знакомилъ

ихъ съ тѣми теоріями изящнаго, которыми тогда такъ обиловала особенно нѣмецкая литература, избѣгалъ философскихъ пріемовъ, къ которымъ такъ тогда были почти всѣ расположены, и этимъ не нравился студентамъ. Но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ наставниковъ, которые имъ наиболѣе принесли пользы, отучая ихъ отъ глупаго, напыщеннаго семинарскаго слога и развивая литературный вкусъ. Его бы надобно удерживать и даже упрашивать оставаться въ академіи. Между тѣмъ, въ 1835-мъ году, безъ всякаго прошенія и притомъ безъ всякой уважительной причины уволили его. Ректоръ Щепетевъ въ этомъ отношеніи поступилъ недобросовѣстно, желая подслужиться своему патрону, который зналъ, что Делекторскій осмѣливается на лекціяхъ дѣлать вовсе нелестные отзывы о его проповѣдяхъ.

О профессорѣ церковнаго краснорѣчія Ивановѣ не стòитъ и говорить много. Онъ воображалъ, что церковнымъ ораторомъ можно сдѣлать студента посредствомъ теоріи, изложивши съ возможною подробностію предметъ церковныхъ поученій, ихъ формы, правила для составленія ихъ и пр. и пр. Его рукописныя лекціи, не шутя, можно назвать сводомъ законовъ по церковному краснорѣчію. Но пункты законовъ до такой степени нерѣдко были мелочно-подробны, такъ часто многіе изъ нихъ походили другъ на друга, излагались въ такой утомительной формѣ, что ихъ запомнить и заучить не было возможности; а главное, выучивши ихъ, все-таки не сдѣлаешься даже посредственнымъ проповѣдникомъ. Особенно же онѣ отличались дѣленіями и подраздѣленіями, для обозначенія которыхъ нужно было употреблять цифры, буквы латинскаго, русскаго и греческаго алфавитовъ; случалось, что всего этого недоставало; тогда авторъ прибѣгалъ къ удвоенію буквъ и пр.

И этого профессора держали въ академіи болѣе 20-ти лѣтъ. Но вѣдь онъ былъ человѣкъ смирный, покорный, давалъ въ годъ раза два-три отличные обѣды, на которые приглашалось академическое начальство, и доставлялъ очень много переводовъ изъ сочиненій отцевъ церкви для «Христіанскаго Чтенія»; ректорамъ не хотѣлось разстаться съ такою драгоцѣнностію. И потомъ когда стали говорить, что безсовѣстно оставлять такого человѣка профессоромъ въ академіи по церковному краснорѣчію, то Щепетевъ предложилъ ему перейти на еврейскій языкъ, полагая, что онъ откажется отъ этого. Но Ивановъ тутъ показалъ храбрость; онъ сталъ мучить студентовъ уже не по-русски, а по-еврейски. Не появись нѣкто крещеный еврей Левисонъ, которому покровительствовала покойная Татьяна Борисовна Потемкина, и не будь нужно мѣсто профессора еврейскаго

языка для этого господина, Ивановъ, по всей вѣроятности, еще бы остался при академіи лѣтъ на десять.

Отъ профессоровъ и баккалавровъ, какъ представителей науки, перейдемъ къ студентамъ, какъ питомцамъ ея, собраннымъ со всѣхъ концовъ Россіи для того, чтобы, напитавшись ею въ академіи, разнести ее потомъ по семинаріямъ для приготовленія пастырей *словеснаго стада*, состоявшаго и тогда почти изъ 50-ти милліоновъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но изъ сказаннаго мною видно, что поставщики умственной пищи въ академіи представляли какую-то странную смѣсь; одни изъ нихъ предлагали своимъ слушателямъ самую питательную, здоровую пищу, а другіе нѣчто въ родѣ булыжника или кирпича, истертаго въ порошокъ. Посмотримъ, какъ этотъ разнообразный винегретъ дѣйствовалъ на умственный организмъ студентовъ.

Студенты низшаго отдѣленія въ началѣ своей академической жизни даже не представляли себѣ возможности опускать классы. Получивши еще въ семинаріяхъ убѣжденіе, что въ академіи можно *проникнуть въ самую глубину премудрости*, по пріѣздѣ въ нее слыша отъ земляковъ и неземляковъ, своихъ предшественниковъ, что нужно вести себя какъ можно осторожнѣе, *ни въ чѣмъ не попадаться инспектору*, — молодые новобранцы тотчасъ послѣ звонка спѣшили въ классическія комнаты, усаживались за столы, и всякаго пришедшаго къ нимъ наставника слушали съ полнымъ вниманіемъ, опасаясь, какъ бы какое-либо изъ его драгоцѣнныхъ словъ не ускользнуло отъ нихъ. Если даже собственное сознаніе робко начинало докладывать, что нѣкоторые изъ академическихъ мудрецовъ какъ будто похожи на учителей семинаріи, такъ уже прискучившихъ, то не вдругъ этому вѣрили, даже обвиняли самихъ себя въ неумѣньи понять и оцѣнить мудрецовъ, отъ которыхъ ничего дѣльнаго и путнаго не слыхали. Но это робкое сознаніе, поддерживаемое неудовлетворяемою любознательностію, становилось мало-по-малу посмѣлѣе; здравый смыслъ убѣждалъ, что у нѣкоторыхъ наставниковъ дѣйствительно нечего слушать; потомъ узнавали, что студенты высшаго отдѣленія частенько не ходятъ въ классъ и, сдѣлавшись пооткровеннѣе, прямо поговариваютъ, что и имъ тоже можно рисковать опущеніемъ кое-какихъ лекцій. Относительно же инспектора собственнымъ опытомъ убѣждались, что онъ не всевѣдущъ, что и отъ него можно скрывать свои неисправности и пр. И вотъ, если не черезъ полгода, то чрезъ годъ и въ низшемъ отдѣленіи на нѣкоторыхъ лекціяхъ

можно уже было не досчитываться кое-кого; недочетъ этотъ постепенно увеличивался. О студентахъ высшаго отдѣленія нечего и говорить; тѣхъ уже по пословицѣ, какъ *воробьевъ на мякинѣ не проведешь*.

Само собою разумѣется, что студенты опускали лекціи не у всѣхъ наставниковъ. Къ Борисову, Красносельскому, Кочетову, когда онъ читалъ восемнадцатый вѣкъ, и нѣкоторымъ другимъ не ходить на лекціи было почти немыслимо, къ нимъ являлись даже больные. Далѣе, не бывать у инспектора въ классѣ было опасно; вѣдь сразу въ спискѣ по поведенію за какой-либо мѣсяцъ отмѣтитъ нерадивымъ, неисправнымъ. Про нѣкоторыхъ наставниковъ существовало убѣжденіе, что они мстятъ при составленіи списковъ тому, кого часто не видывали у себя въ классѣ, не ходить къ нимъ побаивались тоже люди робкіе. Затѣмъ въ каждомъ курсѣ едвали насчитывалось человѣкъ пять, которые бы опускали хоть одинъ классъ, если только болѣзнь не мѣшала. Прочіе же, не исключая самихъ гг. старшихъ, были болѣе или менѣе виновны въ этомъ грѣхѣ. Случалось, что къ какому-либо Иванову приходило изъ 50—60-ти человѣкъ не болѣе 20—30-ти даже и менѣе, да и изъ нихъ къ концу класса половина уходила. Сами ректоры, если только не были грозою для студентовъ, видали у себя на лекціяхъ иногда не болѣе половины обязательныхъ слушателей.

Мѣры противъ нехожденія студентовъ въ классъ были разнообразны. Главная между ими состояла въ томъ, что комнатный старшій долженъ былъ выслать всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ классъ, запереть дверь и ключъ отъ нея взять съ собою: никто-де такимъ образомъ не останется въ комнатѣ и никто ранѣе положеннаго термина въ нее не можетъ возвратиться. Но студенты съ согласія старшаго, а иногда и вмѣстѣ съ нимъ оставались въ комнатѣ, запирали дверь, но извнутри ея, и ключъ вынимали изъ замка. Инспекторъ, желая убѣдиться въ томъ, исполняются ли его приказанія, отправлялся осматривать студентческія комнаты, находилъ двери запертыми, заглядывалъ въ замочныя скважины, ключа въ нихъ не видѣлъ. Чтобы еще болѣе успокоить свою совѣсть, постучится въ дверь, какъ будто онъ былъ студентомъ, ушедшимъ изъ класса, а то если у двери лежитъ принесенная вязанка дровъ, пошевелитъ ее, постучится, разыгрывая роль служителя. Запершіеся студенты это слышатъ, догадываются о посѣтителѣ, перемигиваются между собою; иной забавникъ выставитъ языкъ стучальщику, но дверь остается по прежнему запертою. Инспекторъ, убѣдившись въ видимой исправности, идетъ въ самодовольствіи домой. Но бы-

вали промахи и со стороны студентовъ-затворниковъ: или дверь останется незапертою, или забудутъ вынуть ключъ изъ замка, или какой-либо простакъ самъ отопретъ дверь стучащему инспектору. Ну, тогда виновные, получивши надлежащую головомойку, принуждены были отправляться въ классъ, иногда съ полузаспанными глазами. Если ихъ немного, то они входятъ одинъ за другимъ незамѣтно. Но случалось, что инспекторъ заставалъ цѣлые десятки студентовъ въ комнатахъ, и отрядами, а то и цѣлою колонною отправлялъ, или какъ тогда правильнѣе выражались, *выгонялъ* въ классъ: ну, тогда уже весь отрядъ массою вступалъ въ него; сидѣвшіе здѣсь знали, отчего появилось такое усердіе слушать лекцію, смѣялись; пришедшіе съ кислыми минами, или съ ребяческою беззаботностію, или съ форсомъ школяра усаживались на свои мѣста; самая лекція иногда должна была на время прерваться.

Чтобы избѣгнуть подобной *выгонки*, студенты находили и другія убѣжища отъ премудрости академической. Въ тотъ день, когда отапливалась баня, на цѣлые два часа отправлялись въ нее мыться во время класса; бывали примѣры, что инспекторъ и туда прихаживалъ, но это случалось очень рѣдко.

Въ лѣтнее время можно было укрываться въ саду и палисадникахъ; иной заберется на средину луга и заляжетъ въ высокой травѣ; другой укроется гдѣ-либо между густыми кустарниками; третій просто посиживаетъ или похаживаетъ въ боковыхъ менѣе посѣщаемыхъ начальствомъ аллеяхъ. Инспекторъ иногда и туда являлся въ качествѣ преслѣдователя; но густо насаженныя деревья не давали ему возможности съ главной аллеи угадать, какой господинъ погуливаетъ на боковой; если ревность къ исполненію своихъ обязанностей заставляла инспектора своротить на боковыя аллеи, то укрывавшійся студентъ ловкимъ манеромъ переходилъ на другую аллею. Чтобы сдѣлать подобныя укрывательства невозможными, не разъ принимались прочищать садъ, т.-е. вырубать столько въ немъ деревьевъ, чтобы оставшимися нельзя было студентамъ прикрывать свои физіономіи. Находили себѣ убѣжища въ самомъ академическомъ домѣ; менѣе спѣсивые просиживали гдѣ-либо въ служительской комнатѣ въ подвальномъ этажѣ, въ правленіи у письмоводителей, въ корридорахъ близъ церкви и пр.; иные просто похаживали около самаго класса; является *невзгода инспекторъ*, они уходятъ въ классъ, и *слѣдъ простылъ*. Одинъ молодецъ любилъ въ такихъ случаяхъ зимою надѣвать профессорскія шубы на свою особу, чтобы сберечь себя отъ холода.

Но вотъ студенты сами пришли, или отчасти *выгнаны* ин-

спекторомъ въ классъ. Впрочемъ, сущность измѣнилась мало. Студенты запасались обыкновенно тетрадями и книгами; и въ то время, какъ одинъ наставникъ читалъ о поврежденности человѣческой природы, о благодати господней, о пришествіи антихриста, о послѣднемъ грозномъ судѣ, другой о томъ, какъ пробуждать заснувшую совѣсть грѣшника, выводить заблудшую овцу на путь спасенія, третій глубокомысленно доказывалъ необходимость любви къ родителямъ, уваженія къ наставникамъ,—студенты читали кто романъ Вальтеръ-Скотта, кто даже Поль-де-Кока; за серьезную книгу взяться было трудно; для чтенія ея надобно было усилить свое вниманіе, которое тутъ развлекалось монотоннымъ чтеніемъ лекціи. Не запасшіеся же ничѣмъ сидѣли, сложивши руки, посматривая на потолокъ, позѣвывая, иногда гдѣ-нибудь на задней партѣ и засыпая. Спрашивали у имѣвшихъ часы, сколько времени остается до звонка. И такъ какъ инспекторъ выгонялъ студентовъ, напр., послѣ обѣда преимущественно въ концѣ 3-го и началѣ 4-го часа, то узнавши, что наступила уже вторая половина 4-го, одинъ по одному начинали уходить изъ класса, съ тѣмъ, чтобы попрежде другихъ поспѣшить съ самоваромъ на кухню и застать тамъ побольше горячихъ углей.

Люди, незнакомые съ тогдашнимъ бытомъ духовныхъ академій, прочитавши послѣднія мои замѣчанія, вѣроятно скажутъ: «вотъ и академія, вотъ и высшее учебное заведеніе! вотъ и будущіе кандидаты и магистры богословія, іереи, протоіереи и архіереи! И бурсаки не прибѣгали къ такимъ продѣлкамъ, какъ они, чтобы не сидѣть въ классѣ! Не даромъ же начальство иногда поступало съ ними, почти какъ съ бурсаками!» Мнѣ и самому грустно вспоминать объ этихъ временахъ; сознаюсь, что положеніе академіи было незавидно, но никакъ не рѣшаюсь обвинять въ этомъ студентовъ, особенно однихъ. Ихъ избирали изъ лучшихъ учениковъ семинарій; значитъ они съ предметами семинарскаго курса хорошо уже ознакомились. Но въ академіи читались почти тѣже предметы, какъ и въ семинаріи. Еслибы они вновь преподавались даже не дурно, но почти въ томъ же объемѣ, съ тѣми же пріемами, какъ и въ семинаріяхъ, безъ особыхъ прибавленій, безъ новыхъ взглядовъ или подробностей; еслибы даже говорилось кое-что и новое, но скучно, утомительно; то слушать повтореніе того, что уже поприскучило и въ семинаріи, слушать почти въ видѣ *задовъ*, существовавшихъ тогда при обученіи грамотности; — вѣдь это невыносимо! Студенты были народъ молодой; многіе изъ нихъ ѣхали въ академію, чтобы удовлетворить своей любознательности, получить раз-

рѣшеніе на научные вопросы, которые зараждались въ ихъ горячихъ головахъ, ознакомиться вполнѣ съ наукою изъ желанія быть хорошимъ руководителемъ другихъ къ ней. А тутъ вдругъ одинъ толкуетъ о томъ, какъ лучше перевести: *кони же*, или: *а лошади;* другой растягиваетъ погребальнымъ тономъ небольшой періодъ на нѣсколько минутъ, и даже слово: *которая*—произноситъ въ два пріема; третій никакъ не разберетъ въ своихъ старыхъ пожелтѣлыхъ тетрадяхъ, въ пятой или осьмой главѣ посланія къ римлянамъ находится нужный текстъ; четвертый, сказавши слова два-три, вставляетъ свое: *во*, *во-во*, *ну-во*. Да помилуйте, тутъ и не молодая, не горячая голова не выдержитъ, и каменное терпѣніе лопнетъ.

Къ обязательнымъ трудамъ студентовъ принадлежали сочиненія на задаваемыя предложенія. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ издавна существуетъ обыкновеніе заставлять воспитанниковъ писать сочиненія, какъ можно чаще; напр., въ низшемъ отдѣленіи семинаріи каждую недѣлю нужно было подавать по сочиненію. Почтенное начальство, вѣроятно, думало приложить здѣсь прямое тройное правило, т.-е. чѣмъ больше подано будетъ сочиненій, тѣмъ болѣе окажется въ ученикѣ искусства сочинять; тогда какъ тутъ лучше бы уступить мѣсто тройному обратному правилу, т.-е. чѣмъ болѣе будутъ требовать сочиненій отъ ученика, тѣмъ менѣе у него окажется времени на обдумываніе каждаго изъ нихъ и слѣдовательно тѣмъ хуже онъ будетъ писать. И петербургская академія держалась того-же обыкновенія; въ ней положено было давать по сочиненію на каждые десять дней. Столь короткій срокъ былъ причиною того, что по большей части писали очень тоже краткія сочиненія; вотъ почему послѣднія и назывались *задачками*. И сами наставники сильно заботились о такой краткости, опасаясь затруднить свои глаза чтеніемъ большихъ сочиненій, они требовали, чтобы каждый студентъ писалъ не болѣе, напр., листа, и даже полулиста; тутъ уже выходила даже не задачка, а задачонка. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, часто давались такія темы для задачекъ, что дѣйствительно трудно было написать и поллистика. Напр., что могъ написать только что поступившій въ академію семинаристъ на предложеніе: an datur criterium veritatis universale, materiale (есть ли всеобщій, матеріальный критерій истины)? А такое именно предложеніе и было дано студентамъ десятаго курса на первый разъ. Иной оригиналъ наставникъ еще проще отдѣлывался отъ труда читать задачки, не принимая уже ни одной, даже и маленькой задачки послѣ назначеннаго для нея срока. Впрочемъ, къ чести нѣкоторыхъ наставни-

ковъ, напр., Делекторскаго, надобно сказать, что они не прибѣгали ко всѣмъ этимъ стѣснительнымъ выдумкамъ, принимали отъ студентовъ большія и малыя сочиненія, и въ срокъ, и послѣ срока; а также давали предложенія ясныя, не затѣйливыя.

Кромѣ десятидневныхъ задачекъ студентамъ высшаго, а иногда и низшаго отдѣленія назначалось писать поочереди проповѣди. Это дѣло доставляло по болѣе хлопотъ. Проповѣдь разсматривалась не однимъ наставникомъ, а и ректоромъ;—ее нужно было произнести въ академической церкви предъ всѣми студентами,—самыми неумолимыми критиками, или въ александроневскомъ соборѣ. Но и тутъ для обуздыванія ораторскихъ порывовъ иногда назначалась рамка для поученій, напр., требовалось, чтобы оно было не болѣе листа, или 5 — 6 четвертокъ. Наконецъ, въ послѣдній годъ или въ послѣднее полугодіе академическаго курса, каждый студентъ писалъ курсовое разсужденіе для полученія ученой степени; тутъ уже не назначалось число листовъ, и потому нерѣдко представлялись чуть не цѣлые трактаты. Много ли было въ нихъ толку, не говорю о томъ; по крайней мѣрѣ бумаги для нихъ не жалѣли; а академическое правленіе по своей добротѣ выдавало особую, лучшую бумагу для переписки набѣло курсового разсужденія. Можетъ быть, тутъ былъ и другой умыселъ. Курсовыя разсужденія изъ академической конференціи отсылались въ коммиссію духовныхъ училищъ, гдѣ прочитывались ея членами. Академическое правленіе побаивалось получить выговоръ, еслибы диссертаціи переписывались набѣло на той синей или сѣрой бумагѣ, какую оно выдавало студентамъ.

Къ концу каждаго полугодія задачки прекращались, но увеличивалась работа отъ репетицій. Наставники спѣшили заставлять студентовъ повторить то, что̀ прочитано въ теченіи полугода или, правильнѣе, заучить на память рукописный или печатный учебникъ. Затрудненія тутъ увеличивались отъ побочныхъ обстоятельствъ. Нѣкоторые наставники въ то же время надумывались выдавать новыя свои записки, такъ что студентамъ надобно было ихъ не только заучить, но и списать. Потомъ многія учебныя руководства своимъ языкомъ, своею методою были чрезвычайно затруднительны; тогда еще господствовала въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мысль, что на нашемъ несчастномъ русскомъ языкѣ нельзя было выражать высокія истины богословскія и философскія; тутъ считалась необходимою латынь. Правда, что въ петербургской академіи уже ректоръ Григорій Постниковъ изложилъ часть догматическаго богословія на русскомъ языкѣ; ему подражалъ Иннокентій Борисовъ отно-

сительно экклезіастики и обличительнаго богословія, и, впослѣдствіи профессоръ петербургскаго университета, Ф. Ф. Сидонскій относительно философіи; но за тѣмъ много еще было руководствъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ далеко не всѣ студенты могли свободно объясняться. Далѣе, многіе учебники были написаны слишкомъ схоластически и утомительно для памяти; люди съ хорошею памятью, выучивши ихъ, забывали все дня черезъ два—три. Сюда особенно принадлежали нравственное богословіе на латинскомъ языкѣ, приписываемое покойному Филарету Дроздову, церковная исторія Иннокентія, церковное краснорѣчіе Иванова и философія Винклера. При всѣхъ этихъ *отягчающихъ* обстоятельствахъ, понятно, что студенты во время репетицій были, какъ говорится, *завалены работою*, особенно предъ окончаніемъ учебнаго курса, когда нужно репетировать все, что было пройдено въ теченіи двухъ лѣтъ. Тутъ студенты просиживали почти цѣлыя ночи за своими учебниками. Вотъ и всѣ домашнія оффиціальныя занятія студентовъ! Можно догадаться, что не всѣ они были очень питательны для ума; при помощи ихъ однихъ умственное развитіе студентовъ далеко бы не ушло.

Къ счастію студенты сами помогали себѣ при помощи книгъ. Академическая библіотека и тогда была хороша, почти до конца тридцатыхъ годовъ безденежно получая всѣ вновь выходящія въ Россіи книги; равнымъ образомъ почти постоянно пополнялась она новыми замѣчательными сочиненіями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Особенно богаты были отдѣлы библіотеки по богословію и философіи; тутъ за исключеніемъ книгъ, которыя брали для себя наставники, оставалось множество другихъ для употребленія студентамъ. Посредствомъ ихъ можно было ознакомиться съ новыми современными идеями тѣмъ удобнѣе, что студентамъ безъ затрудненія тогда выдавались для чтенія книги даже либеральнаго содержанія. А если въ чемъ либо имъ отказывали, то они умѣли доставать на сторонѣ, и даже покупали на свои деньги, какъ напр., богословіе Вегшейдера, считавшееся, такъ сказать, катихизисомъ раціонализма. За тѣмъ множество книгъ приносили изъ города отъ знакомыхъ и изъ публичныхъ библіотекъ; а для выписки газетъ и журналовъ часто дѣлали складчины. Этими-то путями студенты узнавали многое, о чемъ имъ въ классѣ не говорили, въ учебникахъ не писали и не печатали.

Чтобы узнать, хорошіе ли успѣхи оказываютъ студенты въ преподаваемыхъ предметахъ, или чтобы исполнить букву закона, производились въ академіи экзамены. Ихъ можно раздѣлить на три рода: на полугодичные, окончательные и публичные.

Полугодичные производились въ концѣ декабря, а иногда и предъ каникулами. Кромѣ двухъ письменныхъ сочиненій или, какъ ихъ называли, *экспромтовъ*, которые требовалось написать въ теченіи нѣсколькихъ часовъ или не болѣе, какъ въ одинъ день, студентамъ дѣлались устныя испытанія изъ тѣхъ частей наукъ, которыя прочитаны въ теченіи даннаго полугодія. На это назначалось большею частію по два дня, часа 4 — 5 въ день. Такъ какъ всѣхъ наставниковъ было въ академіи 18 человѣкъ, то при равномѣрномъ распредѣленіи времени на каждый предметъ можно было распредѣлить немного болѣе 30 минутъ и проэкзаменовать въ немъ 50—60 человѣкъ. Но на нѣкоторые предметы, особенно на преподаванные ректоромъ и инспекторомъ, а также на философію и т. п. считалось необходимымъ отдѣлять поболѣе времени; отъ этого происходило, что на прочіе предметы оставалось минутъ по десяти на каждый! Кромѣ того тогда еще не оставляли стариннаго обыкновенія обращать экзамены въ нѣчто похожее на словесные турниры. Предсѣдатель, которымъ большею частію бывали ректоръ и викарій петербургскій, дѣлалъ возраженіе противъ того, что читалось, но не всегда для испытанія студента, а часто для опроверженія лекцій. Наставникъ, разумѣется, вступался за свою честь; начиналось словопреніе, продолжавшееся иногда по 20 — 30 минутъ и состоявшее большею частію въ переливаніи *изъ пустого въ порожнее*. Наставникамъ также отъ скуки или отъ желанія отличиться предъ публикою приходила охота заводить подобные споры. Теперь можно судить, что̀ это были за экзамены. По самому почетнѣйшему предмету спрашивали не болѣе 15—20 человѣкъ, т. е. четвертой или третьей части студентовъ. Числа эти затѣмъ постоянно сокращались пропорціонально тому почету, которымъ пользовался тотъ или другой предметъ, а иногда тотъ или другой наставникъ, такъ что по презрѣннымъ предметамъ, къ числу которыхъ особенно принадлежала математика, спрашивали человѣкъ двухъ — трехъ. Прибавьте къ этому, что студентъ, отвѣчая съ своего мѣста за партою, а не у стола, за которымъ сидѣли экзаменаторы, могъ заглянуть въ учебникъ и получить пособіе отъ своихъ сосѣдей, что часто сами наставники спрашивали того, кого находили нужнымъ, отчего нѣкоторыхъ лучшихъ студентовъ тревожили чуть не по каждому предмету, а цѣлую половину не спрашивали ни изъ одного даже. Не обходилось также и безъ плутовства, затѣйниками котораго бывали обыкновенно студенты, а наставники, впрочемъ далеко не всѣ, если не подстрекали ихъ къ тому, то по крайней мѣрѣ и не противодѣйствовали имъ. Къ этому побуждало послѣднихъ то

обстоятельство, что начальство посредствомъ экзаменовъ думало узнавать не только успѣхи студентовъ, но и способности наставника; такъ что если первые отвѣчали плоховато, то и о послѣднемъ составлялось не выгодное понятіе. Вообще не только баккалавры, но и ординарные профессоры при полугодичныхъ экзаменахъ играли жалкую, невыгодную роль. Каждый изъ нихъ во время экзамена по своему предмету долженъ былъ, какъ отвѣтственное и подсудимое лицо, стоять въ промежуткѣ между экзаменаторскимъ столомъ и студентческими партами. За тѣмъ общіе списки составлялись академическимъ правленіемъ или, лучше, однимъ ректоромъ, да развѣ еще инспекторомъ безъ всякаго участія наставниковъ.

Такимъ образомъ, полугодичные экзамены производились только для формы, для исполненія буквы устава академическаго, да развѣ еще для поддержанія авторитета ректора; дѣло отъ нихъ ничего не выигрывало; за то они были очень полезны въ гастрономическомъ отношеніи. По окончаніи экзамена въ первый, а часто во второй день наставники отправлялись къ ректору на закуску, или лучше на сытный обѣдъ, въ которомъ недоставало только такъ-называемаго горячаго, т.-е. ухи или супа. Хотя всѣ кушанья были рыбныя, но довольно порядочно приготовленныя, а главное, чтобы желудокъ не затруднялся переварить ихъ, на столѣ стояло вполнѣ достаточное количество разныхъ винъ; въ заключеніе же всего выпивали по нѣсколько бокаловъ шампанскаго за здоровье митрополита, ректора, господъ наставниковъ и за цвѣтущее состояніе академіи. Затѣмъ, поблагодаривъ хлѣбосольнаго хозяина, расходились всѣ по домамъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Впрочемъ, по правдѣ сказать, ректора вовсе не за что было благодарить. На эти закуски, или обѣды онъ не тратилъ ни копѣйки изъ своихъ денегъ и даже имѣлъ нѣкоторыя выгоды, потому что все недоѣденное и недопитое почти всегда оставалось въ его квартирѣ. Закуски со всѣми винами приготовлялись по распоряженію его экономомъ на казенныя деньги, но безъ внесенія расхода ихъ въ шнуровыя книги. Поэтому наставники, собравшіеся на экзаменъ, обыкновенно спрашивали эконома: будетъ ли нынѣ закуска? если получался отрицательный отвѣтъ, то они мало-по-малу, по минованіи въ нихъ надобности, расходились. Но если отвѣтъ былъ положительный, то наставники хотя и удалялись на время изъ залы, но къ концу экзамена опять возвращались въ нее; такъ что поэтому студенты могли уже догадываться о томъ, будетъ ли у ректора закуска или нѣтъ. Но и ихъ не забывали; обыкновенно въ первый день экзаменовъ столъ для нихъ приготовлялся праздни-

ный, съ пирогами, все равно, какъ и въ господскіе и высокоторжественные праздники.

Окончательные экзамены были гораздо посерьезнѣе полугодичныхъ, могли даже называться дѣйствительными экзаменами. Они производились не внутреннимъ правленіемъ, а академическою конференціей, которая для каждаго предмета назначала двухъ своихъ членовъ подъ названіемъ депутатовъ. Кромѣ того, въ то же время синодъ поручалъ митрополиту или другому кому либо изъ своихъ членовъ обревизовать академію во всѣхъ отношеніяхъ. Митрополитъ самъ слишкомъ рѣдко являлся на экзамены, предоставляя это своему викарію, но другіе ревизоры неопустительно присутствовали на всѣхъ почти экзаменахъ.

Наконецъ, были еще и публичные экзамены, ежегодно производившіеся въ концѣ іюня. Такъ какъ на нихъ приглашались члены синода, высшіе свѣтскіе чиновники его и коммиссіи духовныхъ училищъ, почетное духовенство и пр., то начальство академическое старалось все представить въ великолѣпномъ видѣ. Разумѣется, все и вездѣ, куда могли заглянуть посѣтители, чистилось, вымывалось, вытиралось; студентамъ приказывалось попринарядиться, попригладить свои волосы; въ столовой приготовлялось для нихъ *утѣшеніе веліе*. Но что касается до учебнаго значенія публичныхъ экзаменовъ, то они едва ли не были смѣшнѣе и нелѣпѣе даже полугодичныхъ. На нихъ назначалось или два дня, а больше одинъ день. Мы уже видѣли, что̀ за карриматура выходила изъ двухдневныхъ полугодичныхъ экзаменовъ. Теперь понятно, чѣмъ дѣлались однодневные публичные. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что члены синода, какъ представители церковной іерархіи, считали обязанностію побольше заняться догматическими и другими богословіями. Потомъ не обходилось безъ турнирныхъ представленій, т.-е. безъ возраженій, которыми хотѣли *попробовать*, *пощупать*, а иногда и *поскон-фузить* наставника, а также и себя показать. Результатомъ этого было то, что изъ остальныхъ предметовъ спрашивали по два, по три человѣка, даже по одному, а нѣкоторыхъ наставниковъ вовсе и не тревожили. За то въ концѣ концовъ слѣдовало вполнѣ удовлетворительное гастрономическое наслажденіе.

Митрополитъ Серафимъ, если былъ здоровъ, приглашалъ членовъ синода и оберъ-прокурора на обѣдъ къ себѣ. Затѣмъ прочіе посѣтители переименовывались уже въ гостей и вмѣстѣ съ наставниками отправлялись въ комнаты ректора, гдѣ былъ уже готовъ великолѣпный обѣдъ. Закусывали, выпивали, потомъ пили, ѣли, поздравляли съ окончаніемъ трудовъ; иной удивлялся успѣхамъ студентовъ; другой рѣшался на критику; общаго пред-

мета для разговора уже не могло быть; разсуждали и обо всемъ, и о ничемъ, спорили и пр. и пр.; ну, словомъ сказать, дѣлалось все, чтó бываетъ за большими обѣдами, когда за столомъ сидитъ человѣкъ до 50—60.

Нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, прочитавши мои воспоминанія объ учебномъ, нравственномъ и экономическомъ состояніи петербургской духовной академіи, подумаютъ: не красивая же она была, не отдѣлялась даже и отъ семинарій *дистанціей огромнаго размѣра*; да и академистовъ какъ будто трудненько отличать отъ бурсаковъ! Отсюда легко уже вывести заключеніе, что и общество, и церковь немного получали пользы отъ тогдашнихъ духовныхъ академій;—но это было бы слишкомъ произвольное заключеніе, и не во всемъ была виновна одна академія. Наконецъ, академія приносила и положительную пользу—относительно семинарій.

Еще въ семинаріяхъ выработывалось пагубное убѣжденіе, что умнѣе семинаристовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Авторъ изданной за границею книги: «Описаніе сельскаго духовенства», уже указалъ на этотъ недостатокъ: «Семинаристъ безъ претензій—явленіе, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбіе самое пошлое, безсмысленное и, несмотря на то, обнаруживающееся слишкомъ рѣзко и угловато,—вотъ чѣмъ набитъ ученикъ семинаріи, особенно кончившій курсъ, съ головы до пятокъ» *). Основаніе для такого самолюбія, для такого высокаго мнѣнія о себѣ семинаристы брали изъ того понятія, которое имѣли они о богословіи, философіи и реторикѣ,—наукахъ, считавшихся въ семинаріяхъ главными. Наставники говорили, а семинаристы вѣрили, что богословіе открываетъ *всѣ* доступные и даже недоступные человѣку тайны божества, философія разрѣшаетъ *всѣ* вопросы относительно міра и человѣка, реторика разъясняетъ *всѣ* формы, которыми выражаются мысли человѣческія. Какъ же человѣку, выучившемуся этимъ տремъ наукамъ и чрезъ нихъ ознакомившемуся съ божественнымъ и человѣческимъ, небеснымъ и земнымъ, горнимъ и преисподнимъ (а между тѣмъ незнающему порядочно даже ариѳметики) не подумать, что онъ умнѣйшая голова на свѣтѣ, особенно если въ спискѣ своихъ товарищей занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ? Не даромъ же многіе изъ образованныхъ людей, обучавшихся въ духовной академіи,

---

*) Это убѣжденіе вообще развивается легко и не въ однѣхъ семинаріяхъ, а вездѣ, гдѣ, подъ предлогомъ классицизма, господствуетъ схоластика. — *Ред.*

сознаются, что они имѣли самое высокое понятіе о себѣ при поступленіи въ нее. Отъ этой самолюбивой мечты академисты большею частію скоро вылечивались. Въ составъ каждаго изъ академическихъ курсовъ вызывались лучшіе семинаристы почти всегда не менѣе, какъ изъ 20 семинарій. Итакъ, вотъ 20 первыхъ, 20 вторыхъ и пр. лучшихъ учениковъ. Кто изъ нихъ будетъ первымъ и, увы! послѣднимъ? Академическіе наставники, съ перваго по крайней мѣрѣ раза, обращаются, конечно, вѣжливо, но одинаково со всѣми и не оказываютъ никому особеннаго предпочтенія, даже не знаютъ и знать не хотятъ, кто изъ ихъ слушателей былъ первымъ, кто вторымъ и т. д. Какой же ударъ для самолюбія, когда болѣе половины первыхъ, вторыхъ и пр. къ полугодичному экзамену оказываются во второмъ разрядѣ, а нѣкоторые, по неизбѣжному закону судьбы, и послѣдними? Да и перворазрядные, и даже первые начинаютъ понимать, что они не Богъ-знаетъ какъ умнѣе второ-разрядныхъ; залѣнись, позазѣвайся немного, и самъ явишься во второмъ разрядѣ; случалось, что занимавшій первое мѣсто въ теченіи двухъ лѣтъ не оканчивалъ курса магистромъ. По неволѣ приходилось заглянуть въ себя; по неволѣ зарождалось сомнѣніе въ своей глубокой, всеобъемлющей учености.

Но на сомнѣніи не останавливались; скоро мало-по-малу зарождалось и полное убѣжденіе, что знанія, на основаніи которыхъ мы привыкли-было считать себя богословами, философами и ораторами, оказываются чѣмъ-то похожимъ на незнаніе, *мыльнымъ*, такъ сказать, *научнымъ пузыремъ*. Слушая новую словесность, студенты къ великому своему удивленію убѣждались, что ихъ реторика не учила краснорѣчію, а только отъучила говорить по-человѣчески; что образцами для слога нужно брать сочиненія не Хераскова, Озерова, Ломоносова, Державина и даже митрополита Филарета, а Карамзина, Жуковскаго и особенно Пушкина. И относительно семинарской философіи узнавали, что она есть сборъ отжившихъ свой вѣкъ схоластическихъ позицій, что появились уже новые взгляды на вселенную и человѣка, съ которыми ей нѣтъ возможности ужиться. Зараждались сомнѣнія и относительно богословскихъ положеній. Въ этомъ случаѣ, смѣшно сказать, что либерализмъ начинался съ сухарей, подобно тому, какъ у кавказскихъ горцевъ европейская образованность первоначально выказывалась питьемъ водки. Въ первые дни по пріѣздѣ новыхъ, старшіе студенты, угощая ихъ чаемъ, покупали скоромные сухари, хотя бы угощеніе происходило и въ постный день. Конечно, тутъ руководило угощавшимъ маленькое фонфаронство: — вотъ-де знай нашихъ; мы

знать не хотимъ постныхъ дней! Но новичокъ не догадывался объ этомъ, а бралъ сначала съ робостію сухарики, и убѣдившись, что они вкусны, не останавливаются въ горлѣ, перевариваются въ желудкѣ такъ же, какъ и въ скоромные дни, хватался за нихъ посмѣлѣе. Вскорѣ, а иногда и тутъ же узнавали, что не все, считавшееся въ семинаріи грѣхомъ, есть дѣйствительно грѣхъ, что и въ нѣкоторыхъ изъ «несомнѣнныхъ» истинъ можно безбоязненно и съ полнымъ правомъ поусомниться.

Все это въ людяхъ съ посредственными способностями, съ наклонностію къ рутинному настроенію, безъ стремленія къ отчетливому знанію, пошевелилось бы не надолго, и потомъ успокоилось бы; они поворотили бы опять на прежнюю дорогу, даже получили бы окончательное отвращеніе къ наукѣ вообще, особенно если бы всѣ наставники были въ родѣ Смарагдовъ Крыжановскихъ, Венедиктовъ Григоровичей, Ивановъ Ивановыхъ и пр. Но въ академію поступало не мало даровитыхъ людей, съ горячими головами, которые давно уже инстинктивно понимали, что семинарскія, и богословіе, и философія, и вся вообще семинарская мудрость что-то неудовлетворительны и непитательны. Они, получивши даже легкій толчекъ, и сами проложили бы себѣ новую дорогу. Но ихъ расшевеливали и порасталкивали не одни земляки *сухарнымъ либерализмомъ*; сильное пособіе къ умственному своему развитію они получали отъ дѣльныхъ наставниковъ, которые, какъ я уже говорилъ, были въ петербургской духовной академіи, хоть и въ небольшомъ количествѣ.

Наконецъ, въ большей части высшихъ учебныхъ заведеній есть особое, каждому изъ нихъ свойственное умственное и нравственное образованіе воспитанниковъ; — его называютъ *духомъ училища*. Оно развивается и изъясняется цѣлою исторіей заведенія, передается отъ одного курса къ другому подобно тому, какъ отличительныя фамильныя черты нѣкоторыхъ семействъ переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ,—пожалуй, почти также какъ инстинктуальныя наклонности животныхъ отъ одного поколѣнія къ другому. Духъ этотъ, какъ бы въ подражаніе раздѣленію такъ-называемыхъ безплотныхъ духовъ, бываетъ *добрымъ и злымъ*. Не касаясь послѣдняго, я скажу, что въ описываемое мною время въ петербургской духовной академіи господствовалъ и *добрый духъ*, который стремился къ философскому самомышленію, къ свободному пересмотру началъ знанія и вѣры, къ самостоятельности въ жизни. Можетъ быть, хоть и не вполнѣ, онъ получилъ свое начало въ первомъ еще курсѣ. Многіе изъ студентовъ, тогда пріѣхавшіе въ академію, были,

акъ я уже говорилъ, изъ учителей, изъ воспитанниковъ, кіевской, московской и александроневской академій; они не позволяли трактовать себя, какъ мальчишекъ; да и первые два ректора не убивали ихъ самостоятельности. Кромѣ того, и въ научномъ отношеніи они дѣлали большой шагъ впередъ и могли, хоть и не всѣ, считать себя образованными людьми по тогдашнему времени. Филаретъ Дроздовъ старался-было подавить этотъ духъ и студентовъ передѣлать въ нѣчто похожее на монастырскихъ послушниковъ; отъ этого второй, третій и отчасти четвертый выпуски были несравненно слабѣе перваго. Но духъ не былъ вполнѣ задавленъ, онъ все-таки поддерживался Павскимъ, Себржинскимъ, Райковскимъ и другими наставниками; и потому при Григоріѣ Постниковѣ онъ опять пробудился и ожилъ, отъ чего студенты пятаго и шестого выпусковъ оказались лучше студентовъ даже перваго. Наконецъ, при Борисовѣ и Красносельскомъ поокрѣпнулъ духъ философской любознательности, даже духъ довольно сильнаго стремленія къ религіозной и политической независимости. Пусть обучавшіеся въ то время въ академіи припомнятъ тѣ горячіе и оживленные споры о философскихъ, богословскихъ и пр. предметахъ, которые тогда происходили у студентовъ и между собою въ комнатахъ, и съ наставниками въ классахъ. Развѣ не случалось, что лекція прерывалась надолго, споры продолжались по получасу и по часу, въ нихъ принимали участіе человѣкъ пять и даже десять? Отъ запальчивости, отъ горячности антогонистовъ истина тутъ не всегда выплывала наружу, но самая эта запальчивость и горячность показывали, что она слишкомъ интересовала споривших. Что касается до высказывавшихся мыслей, то всѣхъ ихъ и теперь нельзя было бы напечатать *по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ*. Далѣе, сколько было студентовъ, которые, не зная нѣмецкаго языка, выучивались ему въ годъ, полгода и даже въ меньшій срокъ, съ тѣмъ только, чтобы поскорѣе читать книги нѣмецкія? Къ любимымъ предметамъ принадлежали философія и богословіе, особенно въ раціоналистическомъ тонѣ. Развѣ мало было тружениковъ, которые, такъ сказать, корпѣли надъ сочиненіями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада, Круга, Вегшейдера, Брейтшнейдера, Розенмюллера, Деветте, Маренеке и пр. и пр.? Студенты любили также заниматься и словесностію; сами на свои деньги, какъ я уже сказалъ, выписывали тогдашніе журналы; критическія и ученыя статьи «Московскаго Телеграфа» съ жадностію ими прочитывались. Не смотря на то, что издатель «Телескопа» былъ изъ духовнаго званія, его журналъ ставили ниже «Телеграфа». Романы Вальтеръ-Скотта и Купера и

особенно Загоскина чуть ли не всѣхъ интересовали. Въ подтвержденіе этого ссылаюсь на студентовъ X-го выпуска. Пусть припомнятъ, какъ они въ самый разгаръ холеры 1831 года въ числѣ 30—40 человѣкъ, собравшись въ одну комнату, цѣлую ночь просидѣли, слушая Рославлева,—второй романъ Загоскина, описывавшій событія 1812 года. Академисты не чуждались даже и политики, и въ этомъ отношеніи едва-ли не были выше студентовъ, по крайней мѣрѣ, петербургскаго университета. Въ самомъ дѣлѣ, Панаевъ, — студентъ его, въ своихъ запискахъ пишетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго «понятія о значеніи политическихъ движеній. Іюльская революція не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія» и пр.? Къ современнымъ ему студентамъ петербургской духовной академіи подобный отзывъ неприложимъ.

Такимъ образомъ, въ студентахъ петербургской академіи могло бы быть много зачатковъ и задатковъ для хорошаго умственнаго образованія, для того чтобы изъ нихъ вышли полезные дѣятели и въ литературѣ, и въ обществѣ. Но такое заключеніе на самомъ дѣлѣ не очень сильно подтверждается. Пересматривая списки студентовъ, принадлежавшихъ къ описываемому времени, встрѣчаешь слишкомъ мало людей, которые бы успѣли, если не прославить себя, то хоть пріобрѣсти извѣстность своими учеными и литературными трудами. То же самое можно сказать и о другихъ родахъ общественной дѣятельности; хорошіе зачатки не много принесли хорошихъ плодовъ. Отъ чего же это произошло?

Школа, даже университетская, не дѣлаетъ еще своихъ питомцевъ вполнѣ готовыми, общественными дѣятелями, литераторами, учеными и пр.; она только подготавливаетъ ихъ къ тому; затѣмъ каждый изъ нихъ долженъ позаботиться объ окончательномъ своемъ образованіи, — *довоспитать* себя. Если среда, въ которую попадетъ воспитанникъ по окончаніи курса хоть въ самомъ высшемъ учебномъ заведеніи, будетъ благопріятствовать его дальнѣйшему умственному и нравственному развитію, то дѣло пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, все, что ни запало въ душу воспитанника во время его школьной жизни, замретъ, заглохнетъ, или по крайней мѣрѣ остановится въ развитіи своемъ; развѣ только сильныя, даровитыя натуры съумѣютъ уберечь себя отъ подобной смерти.

Къ несчастію студентовъ петербургской духовной академіи, неблагопріятныя для ихъ умственнаго развитія обстоятельства начинались еще въ самой академіи. Въ низшемъ отдѣленіи студенты гораздо больше занимались своимъ дѣломъ, нежели въ

высшемъ. На это была не одна причина. Наставники въ низшемъ отдѣленіи почти всѣ были или священники, или свѣтскіе; если не всѣ они, то многіе изъ нихъ, живя, такъ сказать, одною своею наукой, смотрѣли на занятія ею очень серьезно, и даже пристращивались къ ней, и потому преподавали ее удовлетворительно. Самыя науки въ этомъ отдѣленіи очень сильно интересовали молодой умъ, предоставляя ему самостоятельно развиваться. Наконецъ, въ студентахъ не успѣвала еще остынуть та горячность, съ которою они ѣхали въ академію, въ надеждѣ получить разрѣшеніе на вопросы, затрогивавшіе ихъ любознательность.

Въ высшемъ отдѣленіи многое измѣнялось; тутъ уже преобладала наука чисто богословская. «Богословская же наука—выразимся словами бывшаго рязанскаго архіепископа Иринарха (о преподаваніи богословія въ университетахъ, стр. 37),—основанная на божественномъ откровеніи, не требуетъ никакихъ измѣненій, улучшеній и усовершенствованій, также какъ и самое откровеніе. Кто ее преподавалъ два-три года, тотъ послѣ можетъ быть преподавателемъ ея почти безъ всякаго приготовленія и излагать ее весьма легко со всею подробностію». Замѣтьте, что такъ говоритъ архіепископъ въ оффиціальномъ своемъ отзывѣ министерству народнаго просвѣщенія. Можетъ быть, это и нужно для устойчивости богословія, но нельзя не сознаться, что при такомъ взглядѣ на нее богословскія лекціи уже не заинтересуютъ молодого человѣка, который притомъ еще прежде ознакомился съ ними въ семинаріи. Повторять и слушать только то, что́ уже давно извѣстно, не смѣть и думать о чемъ-либо новомъ подъ опасеніемъ быть уличеннымъ въ ереси, все новое вставлять такъ или иначе въ извѣстныя рамки, одинъ разъ навсегда устроенныя, — такая умственная дѣятельность неувлекательна, скоро прискучиваетъ. Только люди, подобные Иннокентію Борисову, могутъ заинтересовать богословскими лекціями,—но и тутъ нужно беречься обвиненія въ ереси, вольнодумствѣ и пр. Къ этому прибавить нужно, что наставниками по богословскимъ предметамъ въ академіи въ то время были почти исключительно монашествующіе. А выше уже было сказано, какъ мало они имѣли поводовъ быть исправными и дѣятельными преподавателями.

Послѣ этого понятно, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на студентовъ ихъ переходъ въ высшее отдѣленіе. Можетъ быть, и въ низшемъ отдѣленіи они уже почувствовали недостаточность академическаго образованія, невозможность при помощи его удовлетворить своей любознательности. Но теперь имъ начина-

ютъ читать тоже самое, что они уже слышали въ семинаріяхъ, часто почти тѣми же словами, по той же методѣ, со внушеніемъ, что тутъ разсуждать нечего.

Много было и другихъ обстоятельствъ, останавливавшихъ умственное развитіе студентовъ высшаго отдѣленія.

По окончаніи академическаго курса студенты наибольшею частію попадали въ такую среду, гдѣ умственное развитіе встрѣчаетъ еще болѣе сильныя препятствія, и гдѣ можно было проявить свою общественную дѣятельность въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Лучшіе студенты, какъ я уже говорилъ, оставались при академіи баккалаврами. Здѣсь самая должность, личное самолюбіе и даже личныя выгоды заставляли заниматься наукою. Нѣкоторые изъ этого сорта академистовъ вышли, если не учеными, то по крайней мѣрѣ хорошими преподавателями. Но большая часть баккалавровъ, ознакомившись съ неблагодарною академическою службою, спѣшили поскорѣе пристроить себя, при помощи невѣстъ, на священническія мѣста въ Петербургѣ. Тѣ, которые попадали въ законоучители учебныхъ заведеній, не оставляли своихъ ученыхъ занятій и даже пріобрѣтали извѣстность своими печатными сочиненіями. Поступившіе въ священники приходскихъ церквей съ большимъ трудомъ уже могли заниматься ученостію. Мелочныя заботы по исправленію требъ, необходимость бывать въ разныхъ мѣстахъ, расширяющійся болѣе и болѣе отъ этого кругъ знакомства, невозможность часто и на долгое время сосредоточивать свое вниманіе на какомъ-либо ученомъ трудѣ и множество другихъ обстоятельствъ дѣлаютъ то, что только немногіе изъ священниковъ приходскихъ петербургскихъ церквей имѣли и имѣютъ время и охоту заниматься наукою. Хотя они и называются «духовными» людьми, но житейскія заботы сильно влекутъ ихъ къ матеріальнымъ интересамъ.

Наибольшая часть академистовъ поступали въ наставники по семинаріямъ. Здѣсь скудное жалованье, почти отсутствіе какихъ бы то ни было наградъ и поощреній, безнадежность въ будущемъ, ничтожное значеніе въ самомъ заведеніи, угнетеніе и невниманіе со стороны ближайшей, недоступность болѣе высокой власти пробуждали апатію не только къ наукѣ, а даже къ жизни; а если бы и оставалось какое-либо еще стремленіе къ наукѣ, то ему трудно было удовлетворить за невозможностію имѣть какія-либо ученыя пособія. Тутъ еще болѣе, нежели въ академіи, старались пристроиться гдѣ-либо священникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться наставникомъ. При этомъ условіи являлась необходимость не столько заниматься наукою, сколько

раболѣпствовать предъ властями, которымъ слишкомъ легко было устранить изъ семинаріи тѣхъ, кто имъ не нравился; здѣсь служба часто обращалась въ *прислуживаніе*; а наукѣ съ лакействомъ мудрено уживаться.

Наконецъ, иные тотчасъ послѣ окончанія академическаго курса, или послуживши немного наставниками въ академіи или семинаріи, переходили на гражданскую службу. Неподготовленность къ ней, недостатокъ протекціи, неумѣнье держать себя съ свѣтскою ловкостію болѣе или менѣе затрудняли дорогу къ высшимъ должностямъ. Можетъ быть иной и мечталъ быть Сперанскимъ, но приходилось умирать совѣтникомъ въ какой-либо палатѣ, даже секретаремъ въ консисторіи; завидовали тому, кто дѣлался начальникомъ отдѣленія, вице-директоромъ, и рѣдкій, рѣдкій дослуживался до званія директора департамента и т. п. Такимъ образомъ, приходилось быть извѣстнымъ почти только въ одномъ своемъ *муравейникѣ*.

Итакъ, какія же благотворныя послѣдствія оставила въ обществѣ, или по крайней мѣрѣ въ духовенствѣ петербургская духовная академія описываемаго мною времени? Никакого, надобно было бы отвѣчать, если принять за правило, что о вліяніи всякаго учебнаго заведенія надобно судить единственно потому, вышли ли изъ него такія лица, которыя пріобрѣли историческое значеніе и отъ которыхъ видимымъ образомъ произошла та или другая реформа, то или другое, какъ говорятъ, капитальное событіе въ обществѣ. Но вліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть дѣйствительно произведено не однимъ, но многими, и притомъ такъ, что нѣтъ возможности указать на выдающіяся изъ нихъ личности, которымъ бы исключительно, или преимущественно можно было приписать реформу или событіе. Напримѣръ. Послѣ австро-прусской войны 1866 года вездѣ стали говорить, что въ ней побѣду одержалъ надъ австрійцами «школьный прусскій учитель», т. е. учитель народныхъ прусскихъ школъ. Но можно ли указать на кого либо изъ множества этихъ учителей, который бы особенно способствовалъ побѣдамъ 1866 г.? Получилъ ли хоть одинъ изъ нихъ извѣстность историческую, особенно съ разсматриваемой нами стороны? Имѣютъ ли право прусскіе учителя шестидесятыхъ годовъ сказать, что они одни, а не ихъ предшественники заслуживаютъ благодарность своего отечества? Разумѣется, что на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать: нѣтъ; а между тѣмъ учителя народныхъ прусскихъ школъ одержали побѣду надъ австрійцами, только учителя не однихъ шестидесятыхъ, или пятидесятыхъ годовъ, а всего времени, начиная съ 1807 года. Можетъ быть,

что учителя первой половины этихъ годовъ, напр. до 1830 и даже 1840 г. заслуживаютъ даже большей похвалы, нежели ихъ преемники; послѣдніе шли по пробитой дорожкѣ, а тѣмъ надобно было прокладывать ее и по временамъ бороться съ появлявшеюся въ обществѣ реакціей.

Дѣлая такое сравненіе, я вовсе не хочу утверждать, что петербургская духовная академія имѣла такое же вліяніе на Россію, какое народныя школы имѣли на Пруссію; я выбралъ примѣръ для того только, чтобы удобнѣе объяснить свою мысль. Идеи, какъ говорятъ, не умираютъ; ихъ можно придавливать, на время пріостанавливать, даже искажать, но онѣ все-таки распространяются, и если не всегда являются въ надлежащей, такъ сказать, своей формѣ, то по крайней мѣрѣ обнаруживаютъ свое вліяніе по послѣдствіямъ, которыя отъ нихъ проистекаютъ. Въ описываемое мною время много было въ петербургской духовной академіи высказано новыхъ, неслыханныхъ дотолѣ философскихъ, богословскихъ и др. идей, шедшихъ въ разрѣзъ съ господствовавшими тогда мыслями. А студенты изъ переданныхъ имъ идей вывели, при помощи логической послѣдовательности, еще большее количество умозаключеній. Потомъ разсудокъ ихъ, сбросивши съ себя оковы въ теоретическихъ истинахъ, сталъ смѣло смотрѣть и на практическую жизнь, увидѣлъ и осмѣлился обсуждать множество злоупотребленій, недостатковъ и безпорядковъ въ духовной и духовно-училищной администраціи. Идеи и результаты, къ которымъ студенты неизбѣжно доходили, не всегда можно было высказывать всѣмъ своимъ слушателямъ прямо, откровенно. Но никто не могъ попрепятствовать разсужденіямъ въ кругу близкихъ людей, которые «*не выносятъ сора изъ избы*», или высказывать только факты и явленія, на которыхъ основывается та или другая идея, а окончательный выводъ ея предоставлять догадливости слушателей. Если же и это оказывалось неудобнымъ и опаснымъ, то можно было молодымъ людямъ указать настоящую дорогу къ пріобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній, т.-е. пріучить ихъ составлять правильныя сужденія и умозаключенія при помощи математическаго анализа, опытовъ и наблюденій, такъ-называемымъ индуктивнымъ методомъ.

Остававшіеся при академіи наставники едва ли не энергичнѣе другихъ своихъ товарищей могли дѣйствовать и дѣйствовали. Несмотря на гнетъ, подъ которымъ имъ приходилось жить въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сѣмена, посѣянныя Борисовымъ, Красносельскимъ, Делекторскимъ, Павскимъ и пр., не погибли, а давали отростки; духъ пытливости, критицизма и любознательности

былъ истребляемъ, но не истреблялся въ академіи, а недовольство господствовавшими въ духовно-учебномъ и духовномъ вѣдомствѣ безпорядками и злоупотребленіями едва ли не увеличивалось. Авторитеты прежніе падали; въ этомъ случаѣ всего лучше указать на Филарета Дроздова. Его библейскую исторію, его записки на книгу бытія, его проповѣди перестали считаться въ академіи образцовыми; надъ ними, особенно надъ их слогомъ безпощадно смѣялись; сами монашествующіе, наконецъ, и въ статьяхъ, печатаемыхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи», и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, даже въ проповѣдяхъ, уже не подражали Дроздову.

Скажемъ нѣсколько словъ и о тѣхъ тогдашнихъ студентахъ, которые поступали священниками въ Петербургѣ. Конечно, не всѣ они принадлежали къ партіи духовнаго прогресса; иные оказывались порядочными даже ретроградами; но по крайней мѣрѣ большая часть ихъ не была почитателями тѣхъ лицъ, которыя старались тогда парализировать умственное движеніе въ духовномъ званіи; нѣкоторые же изъ нихъ держались идей Борисова, Красносельскаго и Павскаго и пр. Но почти всѣ съ неудовольствіемъ переносили тотъ іерархическій, и особенно педагогико-монашескій гнетъ, который тяготѣлъ тогда надъ духовенствомъ. Наконецъ, и отъ тѣхъ студентовъ, которые посылались наставниками въ семинаріи, много, очень много такъ или иначе распространено новыхъ идей богословскихъ, философскихъ и пр., много мыслей относительно неудовлетворительнаго положенія духовныхъ училищъ.

Гдѣ же доказательства того вліянія, которое я приписываю петербургской духовной академіи извѣстнаго періода? Гдѣ тѣ *австрійцы*, которыхъ ей удалось побѣдить? У насъ до сихъ поръ лица такъ щекотливы, что я ихъ не стану трогать; они готовы вступаться даже за *австрійскія идеи*. Лучше укажу на реформы, произведенныя въ послѣднее время въ духовныхъ училищахъ и духовенствѣ. Несправедливая привилегія ученаго монашества занимать всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и отчасти въ академіяхъ—отмѣнена. Вотъ уже какъ нѣсколько лѣтъ вновь опредѣляемые ректоры почти всѣ принадлежатъ къ бѣлому духовенству, а инспекторы—и къ мірянамъ: даже въ трехъ академіяхъ инспекторствуютъ тоже свѣтскіе профессоры. Ректоры и инспекторы семинарій только утверждаются синодомъ, а первоначальное избраніе ихъ зависитъ отъ собранія всѣхъ наставниковъ ея. Бѣлому духовенству предоставлено право участвовать въ управленіи духовно-учебными заведеніями епархій; депутаты его избираютъ смотрителей низшихъ училищъ,

повѣряютъ ихъ не только хозяйственное, но и учебное управленіе; они же избираютъ въ училищныя и семинарскія правленія членовъ, которые, не говорю уже объ административномъ вліяніи, имѣютъ право слѣдить въ классѣ за преподаваніемъ наукъ наставниками. Автократизмъ ректоровъ устраненъ; большинство членовъ распорядительнаго и особенно педагогическаго правленія состоитъ изъ депутатовъ отъ духовенства и отъ наставниковъ. Содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ такъ улучшено, что, можетъ быть, недалеко то время, когда о бурсѣ можно судить будетъ только по преданію. Раздѣленіе преподаваемыхъ предметовъ на главные и второстепенные—уничтожено; для окончанія курса въ семинаріи нынѣ нужно ученику знаніе математики точно также, какъ и знаніе богословія. Духовныя академіи получили коренное преобразованіе; организація ихъ почти одинакова съ организаціей университетовъ; жаль только, что ректоръ назначается не по избранію академическаго совѣта, а порядкомъ административнымъ. Реформы коснулись и самого бѣлаго духовенства; вспомните новые штаты церквей, новый составъ причта, уничтоженіе духовнаго званія, какъ отдѣльной касты, отмѣну передачи мѣстъ по наслѣдству и чрезъ невѣстъ и пр. и пр. Перечислять всѣ реформы по духовному вѣдомству и его училищамъ, было бы очень продолжительно, А сколько еще вновь ихъ приготовляется? Не говорю о томъ, чтобы всѣ новыя реформы были вполнѣ удовлетворительны. Къ большому еще сожалѣнію ихъ стараются передѣлать на старый ладъ сильные авторитеты, *консерваторы старинныхъ безпорядковъ*. Въ семинаріяхъ злоупотребленія отчасти предотвращаются членами-ревизорами духовно-учебнаго комитета; въ епархіальномъ же управленіи еще въ ходу: «Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas»! За всѣмъ тѣмъ, такъ много уже сдѣлано, такъ много подготовляется, что чрезъ нѣсколько лѣтъ при благопріятныхъ, разумѣется, обстоятельствахъ, духовенство наше должно вполнѣ преобразоваться къ лучшему...

И все же не лишнее вспомнить недавно прошедшее, такъ какъ нельзя утверждать, чтобы не было совсѣмъ путей къ возвращенію, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, и что «корабли совсѣмъ сожжены».

Р. С.

ЧУМАКЪ

ВЪ

НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

Этнографическій очеркъ.

«Языкъ, законодательство, кодексъ нравственныхъ правилъ—все это отвлеченности; полное же знаніе доставляетъ изученіе человѣка дѣйствующаго, тѣлеснаго, видимаго, который ѣстъ, ходитъ, борется, работаетъ».

Тэнъ: Histoire de la littérature anglaise.

О высокомъ достоинствѣ народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ между любителями и знатоками народной поэзіи установилось чрезвычайно выгодное мнѣніе. Можетъ быть этому и обязаны южнорусскія пѣсни своимъ распространеніемъ болѣе чѣмъ въ десяти сборникахъ[1]). Но пѣсни эти до настоящаго времени

---

[1]) Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни. (Сборникъ г. Лукашевича) Спб. 1836 г.

2. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827.

3. Украинскія народныя пѣсни, его же. М. 1834.

4. Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, его же. Кіевъ. 1849.

5. Народныя южнорусскія пѣсни, изд. А. Л. Метлинскимъ. Кіевъ. 1854.

6. Ужинок рідного поля, вистачений працею. М. Г. Москва 1857.

такъ и остаются по большей части безъ изслѣдованія. Правда, было нѣсколько попытокъ къ изученію южнорусской поэзіи; но при этомъ лица, обращавшія свое вниманіе на пѣсни украинскія, занимались: или критически-художественною оцѣнкою этихъ произведеній, руководясь личнымъ эстетическимъ вкусомъ [1]); или филологическимъ ихъ достоинствомъ и сближеніями съ доисторическими памятниками индоевропейскаго эпоса—миѳическою и лексическою ихъ стороною [2]); или, наконецъ, ихъ высокимъ историческимъ значеніемъ [3]). Такимъ образомъ, занимались гораздо больше произведеніями народа, чѣмъ самимъ народомъ, изобразившимъ въ творчествѣ своего духа—пѣсняхъ и сказаніяхъ — свой бытъ, свои типическія личности, выработанныя процессомъ многовѣковой исторической жизни.

Первый, и давно обратившій вниманіе на характеристику народа по произведеніямъ украинскихъ народныхъ типовъ, былъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ разсужденіи: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Едва ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи послѣдователемъ г. Костомарова явился г. Боровиковскій съ небольшимъ, но живымъ и прекрасно исполненнымъ этнографическимъ этюдомъ: «Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ [4])». Хотя г. Боровиковскій въ предисловіи къ своему очерку скромно замѣчаетъ, что онъ желалъ только «дать хоть приблизительное понятіе о томъ, какое богатство поэзіи въ украинскихъ пѣсняхъ»; но онъ даетъ гораздо больше обѣщаннаго: очеркъ его представляетъ весьма удачную характеристику жизни малороссіянки въ различныхъ ея положеніяхъ: дѣвушки, жены, матери.

Вотъ все, что̀, сколько намъ извѣстно, сдѣлано южнорус-

---

7. Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волыни. Н. И. Костомаровымъ. (Малорусскій литературный сборникъ, изд. Д. Мордовцевымъ). Саратовъ. 1859.

8. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Н. Закревскій. Старосвѣтскій бандуриста, кн. 1-я. М. 1860.

9. Пісні про кохання. Видавъ Д. Лавренко. Кіевъ. 1864.

10. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, Wacława z Oleska. Lwów. 1833.

11. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli. 2 t. Lwów. 1839—1840.

Кромѣ того, я еще пользовался пѣснями и разсказами чумаковъ, собранными мною въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно Полтавской губерніи, а также матеріалами, обязательно сообщенными мнѣ С. Л. Метлинскимъ и И. П. Новицкимъ.

[1]) Венелинъ, Бодянскій.

[2]) Буслаевъ.

[3]) Максимовичъ, Костомаровъ.

[4]) Чтенія въ Императ. обществѣ исторіи и древностей. 1867 г., кн. 4-я.

свою этнографіею для характеристики народныхъ типовъ по народной поэзіи.

Не претендуя на всестороннее изслѣдованіе народнаго быта, мы также въ своемъ этнографическомъ очеркѣ намѣрены ограничиться однимъ изъ начинающихъ исчезать украинскихъ типовъ — *чумаковъ*. Стараясь, по возможности полно, представить этотъ оригинальный и самобытный типъ во всѣхъ положеніяхъ жизни, съ картиною его быта, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ, мы старались характеризовать его преимущественно подлинными словами самыхъ пѣсенъ. Даже и чисто-внѣшнюю сторону чумацкой жизни и ея обстановки мы изображали тѣмъ же способомъ, съ цѣлью, во-первыхъ, показать — насколько сильна въ нихъ описательная (художественная) сторона; а во-вторыхъ, всякая характеристика удачнѣе всего можетъ быть сдѣлана на языкѣ лица характеризуемаго. Относительно народныхъ типовъ, а особенно украинскихъ, такой пріемъ болѣе необходимъ, чѣмъ гдѣ-либо: подлинныя слова пѣсни часто вамъ скажутъ то, чего не выразятъ цѣлыя изслѣдованія и разсужденія.

I.

Происхожденіе чумачества.

Чумаками, какъ извѣстно, называются малороссіяне, отправляющіеся на волахъ въ Крымъ за солью или къ морямъ Черному и Азовскому за рыбою, откуда они развозятъ соль и рыбу по безчисленнымъ украинскимъ ярмаркамъ.

Откуда и когда произошло чумачество? подъ вліяніемъ какихъ именно внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ оно привилось въ Южной Руси и сдѣлалось любимымъ промысломъ южноруссовъ? наконецъ, какъ этотъ промыселъ вліялъ на выработку типической личности чумака?

Основываясь на томъ, что потребность въ соли, рыбѣ и другихъ продуктахъ существовала для Южной Руси и была удовлетворяема, конечно, съ самаго ранняго времени исторической жизни южноруссовъ, — торговля съ Византіею и вообще югомъ нынѣшней Россіи велась издревле,—а, наконецъ, черезъ Южную Русь пролегалъ извѣстный торговый путь «въ греки», а также *соляной* (подъ 1169 г.)—можно бы отнести происхожденіе чумачества къ довольно давнему прошлому. Но для подтвержденія этого мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ историческихъ данныхъ, а потому и не станемъ вдаваться въ слишкомъ

глубокую старину и по догадкамъ строить гипотезы о древности чумака. Мнѣнія же знатоковъ Южной Россіи и ея прошлыхъ судебъ, относительно образованія чумачества, расходятся значительно. Такъ, Н. И. Костомаровъ, въ сочиненіи «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», говоря о казакѣ, какъ «образцѣ народнаго малороссійскаго характера», замѣчаетъ, что когда, наконецъ, козакъ сошелъ съ исторической сцены, на которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ народной жизни южноруссовъ, то «черты его перешли въ другіе классы народа». Такимъ образомъ, «отраженіемъ угасшаго рыцарства явился въ Малороссіи чумакъ», какъ бы вызванный условіями переходнаго состоянія отъ воина къ земледѣльцу. «Прежде, чѣмъ козакъ обратился въ поселянина, говоритъ г. Костомаровъ, онъ сталъ чумакомъ и бурлакомъ»: оставивши «козаковать», малороссіяне принялись «чумаковать». А г. Максимовичъ утверждаетъ, что «чумачество *издавна* было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ».

По нашему мнѣнію, чумачество едва ли можетъ быть названо «отраженіемъ угасшаго рыцарства»; напротивъ, это — самостоятельный типъ южноруссовъ, существовавшій и во времена козачества, — и подтвержденіе тому можно найти вѣ народной поэзіи и въ историческихъ актахъ.—Дѣйствительно, козакъ, его духъ и характеръ были образцемъ, идеаломъ малороссіянина,—идеаломъ, осуществить который было желаніемъ каждаго. И всякій, конечно, болѣе или менѣе осуществлялъ этотъ идеалъ. Поэтому-то характеристическія черты козака, какъ идеала, присущи каждому малороссіянину, будь онъ *чумакъ*, *бурлакъ* или просто *хліборобъ*. Да иначе и быть не могло. Народъ не можетъ составить себѣ идеала, какъ отвлеченную идею: онъ въ идеалѣ осуществляетъ только лучшія черты своего собственнаго міровоззрѣнія, своего быта и характера. Поэтому, «дівчина», лаская своего «милого» вечеромъ «надъ криницею», (у источника), называетъ его «казаченькомъ» — хотя этотъ козаченько только что возвратился отъ плуга. Чумакъ тоже именуется «козаченькомъ». Описывая красоту чумака, малороссіянинъ говоритъ: «Ой чумаче, чумаче, въ тебе личко козаче»! — Во времена бурной, воинственной жизни Малороссіи, рядомъ съ козакомъ — идеаломъ малороссіянина — существовали какъ чумаки, такъ бурлаки, и «селяне — хліборобы», которые, когда бывало нужно, мѣняли свои волы, возы, плуги, косы на «бистриі коні», на «гостриі списи», на «шаблі-сестриці» и на сестриці-ладівниці» — и становились козаками. Часто случалось, что одинъ и тотъ же человѣкъ въ теченіи своей жизни прохо-

дилъ всѣ три положенія: былъ бурлакомъ, козакомъ и чумакомъ. Въ пѣсни поется:

Ой хвортуна, хвортунина (фортуна)!
Послужи намъ, якъ служила:
Служила въ бурлацтві,
Служила въ козастві —
Послужи ще й у чумастві!

Историческіе памятники также служатъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. Когда Потоцкій, 1-го декабря 1637-го года, прибылъ въ гор. Богуславъ, то нашелъ рыновъ, загроможденный *чумацькими мажами* (возами) съ солью [1]). Въ актахъ, изданныхъ Археографическою коммиссіею, помѣщенъ листъ гетмана Мазепы полковнику Новицкому (16 іюля 1690 г.) [2]), гдѣ между прочимъ, говорится... «свѣжо намъ дойшла вѣдомость певная отъ *чумаковъ Полтавськихъ*, которые безъ вѣдома нашего самовольнѣ будучи на Запорожью, а оттоль заѣхавши и въ Крымъ, *для своего торговаго дѣла*»... etc... Значитъ, уже въ то время чумачество было развито, а объ угасаніи козачества тогда никто еще и не думалъ. Къ тому же, если принять во вниманіе, что для образованія типа потребны не одинъ и не два десятка лѣтъ, то окажется, что чумачество существовало не только раньше 1637 года, не только совмѣстно съ козачествомъ, но и до образованія его.

Этого именно мнѣнія держится другой знатокъ Малороссіи и ея исторіи П. А. Кулишъ. Онъ, какъ и г. Максимовичъ, утверждаетъ, что «чумацкій промыселъ былъ нераздѣльной частію казачества»; а о происхожденіи чумачества замѣчаетъ: «Прежде, чѣмъ козаки сдѣлались извѣстны всему міру своими наѣздами, въ актахъ уже шло дѣло объ ихъ чумачествѣ и о ссорахъ съ мѣщанами по торговымъ дѣламъ [3])». Впрочемъ и самъ г. Костомаровъ въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ приводитъ фактъ, подтверждающій это. Во введеніи къ послѣднему изданію Богдана Хмѣльницкаго онъ указываетъ грамоту 1499-го года, гдѣ говорится о козакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу [4]). Что это за козаки? неизвѣстно. Но, судя по занятію, нельзя не видѣть въ нихъ быть можетъ родоначальниковъ чумацкихъ. Акты конца

---

[1]) Черниговскій листокъ. 1863 г., № 9. «Отрывокъ изъ исторіи борьбы Польши съ козаками—Битва подъ Кумейками». П. А. Кулиша.

[2]) Ист. акты, изд. Археогр. Ком., т. 5, № 208.

[3]) Черниговскій листокъ, 1863 г. № 9. «Битва подъ Кумейками».

[4]) Богданъ Хмѣльницкій. 1870 г., т. I, XX.

XV-го и начала XVI-го вѣка показываютъ, что многіе украинцы, говоритъ г. Костомаровъ далѣе, «имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры [1]).

Такимъ образомъ, чумачество, если не по имени, то de facto, существовало раньше казаччины, съ ея гетманами, ея бурною исторіею. Никакіе акты конечно не укажутъ года, когда въ первый разъ двинулась изъ Украины въ дорогу первая чумацкая «вàлка» (обозъ изъ 30 или 40 возовъ). Но можно предположить, что чумачество въ томъ видѣ, какимъ мы его встрѣчаемъ въ народной поэзіи, т.-е. какъ отдѣльный типъ чумака, — возникло въ XV-мъ или началѣ XVI-го вѣка. Образовалось оно подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ—промысловъ и торговли, и если приняло отчасти военную организацію, сходную съ козацкою, то благодаря тому, что: во-1-хъ, промысломъ этимъ занимались и сами первые козаки, а во-2-хъ — этого требовали тогдашнія условія пустыннаго края, черезъ который пролегалъ путь въ Крымъ и къ южнымъ морямъ. Ѣзда по этому пути въ тѣ времена была далеко не безопасна. Никто безъ оружія не могъ пуститься въ дорогу, на которой поджидали добычи шайки грабителей, жившихъ «по пущахъ и нетрахъ Дніпровихъ» грабежемъ и разбоями, или же дикія орды татаръ. Только съ образованіемъ войска Запорожскаго было гдѣ пріютиться ѣдущему по этой безлюдной пустыни. И дѣйствительно запорожскіе «зімовники» служили пристанищемъ для чумаковъ. Въ пѣсни говорится:

Гей, дотягайте, славні чумаченьки,
До Великаго Лугу! [2])

Чумаки иногда даже проводили зиму на Запорожьѣ:

Ой которні та й поспішали,
То ті въ Лузі зімували;
А которні та й не поспішали,
То ті въ степу пропадали!

Вообще, Запорожье должно было играть очень важную роль въ образованіи и развитіи чумачества, такъ какъ оно въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ ст. служило посредникомъ въ торговлѣ

---

[1]) Ibidem, XXIII.

[2]) *Великимъ Лугомъ* назывался большой низменный островъ, облитый водою р. Днѣпра и р. Конской. По преданію, островъ этотъ былъ первымъ гнѣздомъ запорожцевъ.

между Украиною, Литвою и Польшею съ одной, и Крымомъ — съ другой стороны. Кромѣ того, запорожцы въ значительной степени занимались и сами солянымъ, а особенно рыбнымъ промысломъ. Они, по словамъ Поноччи, королевскаго секретаря временъ Хмельницкаго, возили вяленую и соленую рыбу «мажами» даже во Львовъ, продавали тамъ ее вмѣстѣ съ волами, а сами возвращались домой на одноколкѣ. Торговля пшеномъ была также въ большомъ ходу: его доставляли къ рѣкамъ, текущимъ въ Вислу.

Изъ этихъ-то торговцевъ-извощиковъ и сложился типъ малороссіянъ, извѣстныхъ подъ именемъ *чумаковъ*.

По поводу производства слова чумакъ существуютъ также разногласныя мнѣнія. Г. Максимовичъ полагаетъ, что слово это происходитъ отъ татарскаго и у насъ въ старину употребительнаго слова *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. Съ этимъ мнѣніемъ, чуть ли не почерпнутымъ отъ Карамзина, согласенъ и Жеготъ Паули, а г. Данилевскій утверждаетъ, что слово это взято съ татарскаго и значитъ просто — извозчикъ. Другое же мнѣніе, котораго держатся гг. Скальковскій, Новосельскій и Завревскій, слѣдующее: названіе *чумакъ* произошло отъ *чума* (язва), для предохраненія отъ которой чумаки, идя въ дорогу, имѣли въ обычаѣ обмазывать дегтемъ «штани и сорочку», что̀ дѣлается нѣкоторыми и теперь.

Первое мнѣніе, какъ намъ кажется, положительно невѣрно. Какое отношеніе чумака къ ковшу? Развѣ то, что онъ иногда пилъ ковшемъ? Но пилъ вѣдь и простой земледѣлецъ ковшемъ, пилъ ковшемъ и бурлакъ, а вѣдь они не названы чумаками. Что же касается послѣдняго мнѣнія, то оно имѣетъ за себя слѣдующія основанія. Чумаки, ѣздившіе въ Крымъ за солью, были едва ли не первыми, вывезшими оттуда въ Украину чуму, не говоря уже о томъ, что сами они нерѣдко заражались и умирали отъ этой болѣзни. Вотъ историческое подтвержденіе этого. Въ листѣ полковнику Новицкому (18-го іюля 1690-го г.) гетманъ Мазепа предупреждаетъ его: «Если бы тежъ Запорожцы или городовые чумаки, зъ Запорожья зъ рыбами идучи въ городы, вашихъ милостей стрѣтили, теды ихъ до себе вцалѣ не припущай те и рыбы въ нихъ своему войску пріймати сурове закажите, для *муравой заразы*, кгды жъ на Запорожью цагриваетъ великій моръ [1])». Другой признакъ, по которому могло произойти названіе чумака отъ чумы — это внѣшній видъ чумака. Постоянное пребываніе при волахъ, ежедневная смазка

[1]) Историч. акты, изд. Археографич. Ком., т. V, 237.

колесъ, пыль, въѣвшаяся во все тѣло чумака, дѣлають его *чернымъ* — что совершенно сходно съ чумными больными.

Впрочемъ, производство слова чумакъ отъ того или другого корня не особенно важно. Насъ занимаетъ самый образъ чумака и его прошлое.

II.

Чумаки въ старину и нынѣ.

Въ движеніи чумаковъ были заинтересованы какъ крымскіе ханы, такъ и запорожцы. Извѣстно, что соль въ древности составляла ханскую регалію и была однимъ изъ главныхъ источниковъ ханскихъ доходовъ. Поэтому ханы крымскіе не только заботились объ устраненіи препятствій къ возможно-большему вывозу соли за предѣлы Крыма, но даже предварительно извѣщали запорожцевъ объ урожаѣ соли на озерахъ, считая козаковъ главными посредниками въ торговлѣ съ чумаками. Такъ приставъ перекопскаго промысла пишетъ Кошевому: «Благодареніе Богу, Его святымъ произволеніемъ, сего году, уже выстояніе свое сдѣлавъ, соль произошла обильно противу прошедшаго году: какъ обычай, сѣла хорошо. Да при томъ же воды и травы въ Крыму, также и на пути вездѣ изобильно, такъ что очень спокойно нынѣ для чумаковъ, а для скота кормовъ достанетъ». Что же касается Запорожскаго войска, то прибытіе чумаковъ на Запорожье было выгодно во многихъ отношеніяхъ: рыболовство было однимъ изъ занятій козаковъ, которые продавали чумакамъ рыбу, или же мѣняли ее на воскъ, сало, хлѣбъ, водку и т. п. продукты, привозимые чумаками. Кромѣ того, запорожцы извлекали большіе доходы, для своего скарбу, за переправы чумаковъ черезъ рѣчки, пролегавшіе по Запорожью, и за проводы «чумацкихъ ватагъ» въ опасныхъ мѣстахъ. А тогдашніе пути сообщенія были вовсе не безопасны, да иногда ихъ и вовсе не было.

Въ тѣ отдаленные отъ насъ времена, въ «пустоширокихъ степахъ» нынѣшней Екатеринославщины и Херсонщины — по выраженію лѣтописи—«не имѣлось ни единой стежки, ни слѣду, какъ на морѣ»: въ этой дикой пустынѣ, въ которой проѣзжающіе «познавали путь свой въ день по солнцу, и кряжахъ высокихъ земныхъ и по могиламъ, ночью же по звѣздамъ, и вѣтрамъ и рѣчкамъ»,—пролегало только двѣ чумацкихъ дороги: Черный шляхъ и Муравскій. *Черный шляхъ* назывался такъ по причинѣ опасностей, которымъ подвергались проѣзжавшіе по немъ. Въ

простонародьи шляхъ этотъ именуется еще и *Шпаковымъ*, по имени чумацкаго атамана Шпака, искуснаго вожака «чумацкихъ ватагъ». Этотъ шляхъ проходилъ почти по той самой стези, что́ и нынѣшній торговый путь изъ западныхъ губерній. Начинаясь на Волыни, онъ идетъ до Умани, а оттуда по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и берегамъ степныхъ рѣчекъ доходитъ до Балты, потомъ до Ольвіополя, а наконецъ до Никитской переправы на Днѣпрѣ. *Муравскій* же шляхъ шелъ изъ глубины Малороссіи черезъ восточныя степи Запорожья. Пробравшись по вершинамъ Ворсклы до вершинъ рѣчки Берестоватой, впадающей въ Самару, онъ ведетъ къ югу, черезъ запорожскія паланки, до границы, или рѣки Конскія-Воды (Конка)— и тутъ уже переходитъ «на крымскую сторону». Названіе Муравскаго произошло отъ *муравы* — мелкой травы, растущей по окраинамъ дороги. По этимъ-то *одвичнимъ шляхамъ*, — какъ только весна, подсохнутъ дороги и трава на степи зазеленѣетъ, — многочисленныя чумацкія *вáлки* тянулись своими медленными волами.

Дойдя до запорожской границы, т.-е. до впаденія р. Синюхи въ Бугъ (если шли по Черному шляху), — чумацкій атаманъ отправлялся въ *гардъ* (присмотръ, стража) и просилъ провожатыхъ. Переправившись тамъ черезъ рѣку, за что̀ взымалась установленная пошлина—*мостовое*,—чумацкая ва́лка, по изслѣдованію г. Скальковскаго, «подъ прикрытіемъ запорожскаго отряда направлялась къ р. Мертвымъ Водамъ, а оттуда, смѣнясь провожатыми Ингульской паланки, доходила до Никитина, если шла въ Крымъ, или до Кодака, если на Донъ за рыбою. За то платили въ кошевой скарбъ 8 р. до Никитина, и 10 р. до Кодаку, и давали небольшой *ралѣць* (подарокъ) своимъ путеводителямъ». За проѣздъ же по мостамъ и за перевозъ на поромахъ взымалось въ войсковой скарбъ, смотря по нагрузкѣ воза, отъ 2-хъ до 10-ти коп. съ *хуры* (фура).

О пребываніи чумаковъ на Запорожьѣ и путешествіи по Ногайскимъ степямъ г. Скальковскій говоритъ такъ: «Въ Запорожьѣ чумакъ или польскій торговецъ находилъ защиту отъ гайдамакъ, пристанище у бѣлой хаты зимовника, обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ уединенной балкѣ или у вырытаго колодца, обложеннаго камнемъ, съ привѣшеннымъ ведерцемъ, деревяннымъ корчакомъ и жолобомъ, для поенія людей и рабочаго скота. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; слѣдовательно, безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго

зимовника распространяется скоро не только въ Украинѣ, но и за-границею. Къ тому же, исключая разбойничьихъ нападеній гайдамаства, и то ночью на одиночныхъ ватажанъ или неосторожныхъ молодиковъ, стерегущихъ скотину, — караваны могли быть спокойны на Запорожьѣ, какъ дома. Въ случаѣ обиды, всякій зналъ, что или панъ-полковникъ пограничный, или разъѣздныя команды, или даже и войсковая старшина жестоко накажетъ кіями шалуна или грабителя.

«Но перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности отъ «чумы и гадины», заряжалъ *рушницю*, добывалъ изъ воза *списа*, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ *гамднъ* (бумажникъ), въ которомъ хранился *ярлыкъ*. Въ ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если «трава уродила» и вода «въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской *башты*, не увидятъ уже они ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, также дикими, какъ и ихъ лошади.... Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ въ баштѣ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ и каймакановъ!»

Вообще путешествія чумаковъ въ тѣ времена обходились не даромъ: или гайдамаки набѣгутъ и ограбятъ чумацкую вáлку, или татары. Опасности были такъ велики, что «въ окрестностяхъ пороговъ, по словамъ Боплана, путешествіе съ сотнею, даже съ тысячею человѣкъ, не безопасно, такъ какъ татары, не имѣя постоянныхъ жилищъ, то-и-дѣло разъѣзжаютъ отрядами въ 5, 6—10 тысячъ». Слѣдствіемъ такой опасности явилось образованіе чумацкой *артілі*: чумакъ въ одиночку никогда не пускался въ такой опасный путь—и чумаки ѣздили не иначе, какъ «ватагами»—*вáлками*. Въ случаѣ же набѣга гайдамаковъ или ногайцевъ, съ цѣлью поживиться чумацкимъ добрóмъ,—чумаки дѣлали изъ возовъ *тáборъ*, который столь же трудно было взять, какъ и укрѣпленный лагерь.

Всякая валка имѣла своего выборнаго *отамана*, который шелъ съ своимъ возомъ всегда впереди валки. Отаманъ всегда избирался изъ чумаковъ бывалыхъ въ дорогахъ: онъ указывалъ путь, опредѣлялъ дневныхъ и ночныхъ сторожей для скота, распоряжался часомъ ѣзды и отдыха, разбиралъ ссоры между ватажанами и т. п. Кромѣ отамана, каждая валка имѣла еще и

другое должностное лицо—*ку́харя,* т.-е. кашевара, на возу котораго находились съѣстные припасы, а также *казанъ* и *тага́ны*—символы его званія.

Такимъ образомъ организованная и вооруженная чумацкая валка медленно подвигалась изъ Украины, Литвы или Польши въ Крымъ—за солью или къ рыболовнымъ притонамъ—за рыбою. Затѣмъ, набравши въ Крыму соли, за которую турецкое правительство въ перекопской башнѣ взымало извѣстную плату, или же накупивши на рыбныхъ ловляхъ (тафахъ) рыбы [1], чумаки возвращались обратно домой по тѣмъ же «одвічнимъ шляхамъ», одиночно тянущимся среди безлюдной и безводной степи,—шляхамъ до того длиннымъ, что видъ ихъ внушилъ даже малоросамъ загадку: «лежить гася—простяглася; якъ устане, то й неба достане»!

Таково отдаленное историческое прошлое чумачества.

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ чумаковъ вездѣ, гдѣ только слышна южнорусская рѣчь. Въ Полѣсьи, на Волыни, въ Подоліи и Украинѣ извѣстно названіе чумака. Хотя въ каждой изъ этихъ мѣстностей типъ чумака, имѣя многія общія черты, разнообразится вслѣдствіе мѣстныхъ требованій и особенностей, но существуетъ собственно два главныхъ вида чумаковъ. На берегахъ Стыри, Горыни и Березины, въ такъ, называемомъ Полѣсьи, чумачество возникло вслѣдствіе развитія торговыхъ отношеній съ окрестными городами и приняло значеніе извозничества; но въ Подоліи, право-и лѣво-бережной Украинѣ (Кіевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.) чумаки, торгующіе рыбою и солью, образовали изъ себя особый промышленный классъ, собственно и извѣстный подъ этимъ именемъ. Сбытъ лѣсныхъ продуктовъ Полѣщука заставлялъ чумака тянуться къ торговымъ пунктамъ на Днѣпрѣ, Двинѣ и Вислѣ: чумакъ нанимался доставлять туда деготь, лѣсъ, поташъ, гдѣ оставлялъ эти произведенія своей мѣстности, набиралъ, если случалось, новыхъ — и возвращался домой. Совершенно иное чумачество въ Подоліи и Украинѣ: тутъ оно до настоящаго времени почти совершенно сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ. Отправляясь въ Крымъ или Бессарабію за солью, на Донъ или къ

---

[1]) Приведемъ цѣны, существовавшія въ XVII и XVIII-мъ в. на предметы чумацкаго промысла. Дегтю ведро государево — 1 к.; рыбы сеньги—1½ к. десятокъ; сала свиного фунтъ—7 к.; хлѣба пшеничнаго фунтъ—3 к.; соли у вольныхъ торговцевъ пудъ—¼ к.; казенной—½ к.; пива ведро—23 к.; меду патоки ведро 2 р. 20 к.; горілки пѣнной ведро—50 к.; полугарной—1 р. 20 к.; сивухи—60 к.; масла коноплянаго ведро—1 р. 40 к. Свѣдѣнія эти извлечены изъ полусгнившихъ дѣлъ граждацскаго полкового архива.

Днѣпровскимъ лиманамъ—за рыбою и набравши тамъ полные возы этого «добра», — чумаки сами потомъ развозятъ его по ярмаркамъ и занимаются продажею. Если тамъ чумакъ игралъ убогую, прозаическую роль извозчика, то тутъ, проѣзжая по поэтической, полной воспоминаній мѣстности, при относительномъ богатствѣ, — чумакъ получилъ и поэтическую окраску и большое уваженіе народа: «то люде бувалі, говорится о нихъ,—сходили світа, багато бачили, багато знають...» И дѣйствительно, чумаки, сравнительно съ нашимъ простолюдиномъ, «богато бачили, багато знають...» Послѣ упадка казаччины, чумакъ все-таки не переставалъ шляться по старымъ татарскимъ и запорожскимъ шляхамъ,—онъ одинъ еще жилъ среди зеленыхъ степей, одинъ заглядывался на высокія украинскія могилы — нѣмые памятники казацкой славы, видѣлъ «темный лугъ», бывшій отцемъ казаччины, проѣзжалъ черезъ пустынныя руины «матери-Січі»... Окруженный такою поэтическою обстановкою, при выгодности самаго промысла, чумакъ такъ полюбилъ его, что не разстается съ нимъ вотъ уже нѣсколько вѣковъ. Промыселъ этотъ, переходя «отъ діда-прадіда», сталъ наслѣдственнымъ занятіемъ, вошелъ въ народный обычай украинца. Нѣтъ того села на Украинѣ, въ которомъ бы не было нѣскольких семей чумаковъ, а нѣкоторыя села преимущественно занимаются чумачествомъ. Кромѣ казаковъ и нѣкоторые мелкопомѣстные «панки» посылаютъ свои «паровиці» въ дорогу [1]).

Въ пѣсняхъ ясно отличены оба эти вида чумаковъ: собственно *чумаки* (торгующіе рыбою и солью) и чумаки, нанимающіеся въ извозъ, *хурщикй* (наняться въ извозъ называется *стать підъ ху'ру*)... Въ послѣднее время замѣтно вырожденіе перваго вида чумаковъ и преобладаніе второго. Не только на Полѣсьи и Волыни, но даже въ Подоліи и Украинѣ—особенно въ Харьковской губ.—началò развиваться чумачество-извозничество въ большихъ размѣрахъ и падать чумачество-торгашество [2]). Какъ переходная ступень отъ послѣдняго къ первому явилась совмѣстность занятій—и извозъ и торговля. Теперь весьма часто бываетъ, что чумаки, ѣдущіе въ Бессарабію, Крымъ или

---

[1]) Только однихъ постоянныхъ чумаковъ въ Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Курской, Воронежской и Орловской губерніяхъ считается 210.000. Но кромѣ того есть еще множество временныхъ чумаковъ, занимающихся этимъ промысломъ, между прочимъ, въ свободное время.

[2]) Двѣ трети вывоза изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ на сумму въ 30—40 милліоновъ р. с. состоитъ изъ товаровъ, привезенныхъ сухопутно, и чумаки—главнѣйшіе участники въ этой доставкѣ. Перевозка товаровъ по тракту отъ Харькова до Таганрога стоила въ 1860-хъ годахъ $1^1/_2$ милліона р. с.

на-Донъ, набираютъ по дорогѣ товаровъ, для доставки ихъ въ Одессу [1]), Херсонъ, Николаевъ, Маріуполь, Бердянскъ и т. д., и, получивши за извозъ деньги, отправляются въ мѣста, служащія цѣлью чумачества, покупаютъ тамъ соль и рыбу и возвращаются домой уже съ своими товарами.

По времени выѣзда чумаковъ изъ дому, народъ далъ имъ особыя названія. Чумакъ бываетъ *ранній*, *серéдній* и *пізній*. Какъ только весна освободитъ землю отъ ледяной коры, какъ только «заспивае жаворонокъ у лузі»—чумакъ выходитъ въ дорогу. Это чумакъ «ранній». Проведя въ дорогѣ недѣль 5, 6, чумакъ возвращается домой «на жнивà». Хорошенько выкормивши воловъ, давши имъ и себѣ порядочный отдыхъ,—чумакъ снова идетъ въ дорогу «объ Илиі» (20 іюля). То чумакъ «середній». А «пізній» чумакъ, т.-е. «осінній», ѣдетъ въ дорогу «передъ Покровою».

Такое постоянное скитаніе по дорогамъ, въ старину далеко небезопаснымъ, полуосѣдлая, полукочевая жизнь положила особенный отпечатокъ на лицо чумака; а одиночество, полное тревогъ дорожной жизни, образовало въ немъ нѣсколько суровый характеръ съ оттѣнкомъ грустнаго міровоззрѣнія. Чумакъ по большой части молчаливъ, угрюмъ, смотритъ на жизнь съ затаеннымъ презрѣніемъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ обнаруживаетъ полную самоувѣренность; но при этомъ всегда исполненъ ироніи и готовъ насмѣшить окружающихъ, сохраняя собственное достоинство. Г. Новосельскій въ «Lud Ukraińśki» говоритъ: «Крѣпкое сложеніе, мужественныя черты лица, длинные усы и длинная, закрученная за ухо, чуприна придаютъ особое выраженіе чумаку, такъ что его не трудно отличить въ толпѣ. Вотъ видишь его на ярмаркѣ, въ высокой бараньей шапкѣ, въ свитѣ, слегка наброшенной на плечи, съ гордо поднятою головою, пробирается онъ среди селянъ. Вотъ, съ внутреннимъ самодовольствомъ подошелъ онъ къ огромнымъ воламъ, спрашиваетъ о цѣнѣ, торгуетъ—и, схвативши сильными руками вола за рога, становитъ его на колѣни; оглядывается—видитъ толпу жидовъ — и однимъ взмахомъ батога или приподнятымъ кулакомъ жиды разогнаны... Идетъ дальше — и легкимъ толчкомъ ноги, какъ бы нéхотя, опрокидываетъ съ дегтемъ боченокъ и тутъ же расплачивается за убытокъ, или — тоже словно нéхотя—упускаетъ «паляницю» въ бочку меду и заявляетъ претен-

[1]) Сухопутная доставка одного хлѣба въ одесскій портъ до открытія балтской желѣзной дороги поглощала 6 милліоновъ р. с. ежегодно. (Мат. для геогр. и стат. Херсонской губ., I, 286).

зію, что испачкалъ хлѣбъ... При встрѣчѣ съ дівчиною — шепнетъ ей на ухо нѣсколько словъ и, наконецъ, протискиваясь сквозь толпу, пробирается въ середину кружка и останавливается передъ «лірникомъ», заложивши назадъ засмоленныя руки... Гордое и веселое лицо чумака, при первомъ звукѣ родной, заунывной думы, принимаетъ невыразимую грусть: дикимъ взоромъ смотритъ онъ на пѣвца, склонивши на грудь голову— и тысячи разнообразныхъ думъ и воспоминаній переплываютъ въ душѣ его и погружаютъ его въ долгое молчаливое раздумье»...

III.

Чумаки дома.

Пока чумакъ у себя въ селѣ, онъ весьма немногимъ отличается отъ «хліборoба», крестьянина: занятія его не выходятъ изъ круга обыденныхъ занятій украинца: онъ также оретъ, сѣетъ, коситъ, молотитъ, какъ и простой земледѣлецъ; также живетъ въ семьѣ, придерживаясь всѣхъ обрядовъ и обычаевъ земляковъ своихъ; также, если холостъ, ходитъ «на улицю» и «вечерниці», какъ и остальные парубки,—также «кохасцця за дівчиною». Но народъ, можетъ быть вслѣдствіе зажиточности и порядочности чумаковъ, окружаетъ ихъ особымъ уваженіемъ. Вообще о чумакахъ народъ высокаго мнѣнія: чумаки «чвалаями (развалисто) ходять, говоритъ пословица, а бісівъ проводять»! Эпитеты, которыми въ пѣсняхъ награждены чумаки, дышатъ большимъ почетомъ и нѣжностію: они—«славні чумаченьки», «люде на все гôжі и пригожі», «чумаченьки молодиі», «чорноброві» и т. п. Загорѣлое на солнцѣ, мѣднокрасное, лицо чумацкое именуется «личко козâче»; чумакъ «на личеньку—кращий рожі» и т. д.

Красота чумака, разумѣется, особенно трогаетъ сердце «дівчини»:

Ой на горі сонце гріэ,
Тамъ пріятний вітеръ віе,—
Ой тамъ ходить чумакъ гожий,
На личеньку кращий рожі.

Дівчина, разумѣется, только его увидѣла —

Заразъ кохати зачала;
Заразъ стала старатися,
Щобъ зъ чумакомъ спізнатися.

Чумака, говорится въ пѣснѣ—

На те й мати родила,
Щобъ дівчина любила!

Старанія дівчини «зъ чумакомъ спізнатися» не остались напрасны; дальше она говоритъ:

Я-мъ щаслива щиталася,
Що зъ чумакомъ спізналася.

Это, конечно, пріятно и самому чумаку: онъ взаимно «кохае» свою дівчину:

А вінъ тее повторяе,
Що коханку зъ неі мае.

Тихо и безмятежно плывутъ для нашего чумака и для дівчини дни за днями. Она ласкаетъ его то «надъ криницею» (источникъ), вышедши вечеромъ за водой «зъ відрами», то «підъ кислицею» (дикая яблонь), то «підъ повіткою» (навѣсъ): она готова отдать свою душу, чтобы только доставить счастіе «милому». Любовь дівчины-украинки не пустая «утіха», не интрига, вызванная ничтожнымъ самолюбіемъ, и не напускное чувство, нерѣдко встрѣчающееся между нашими поповнами и полуобразованными барышнями: дівчина дѣйствительно любитъ своего «милого чумаченька». Она будетъ не спать цѣлыя длинныя зимнія ночи, чтобы только вышить «чумаку рукавця».

Дивчина проситъ у матери:

Поідь, поідь, моя мамо,
У місто до торгу:
Купи, купи, моя мамо,
За три копи голку,
За чотирі золотиі —
Чорвоного шовку,
За пъятого рублевика
Купи, мамо, пъяльця, —
Я вишию — вигаптую
Чумаку рукавця!

Мать не поскупилась, купила все необходимое, и дівчина —

Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Золотомъ рубила —
За-для того чумаченька,
Що вірно любила;
Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Біллю вишивала —
Таки свойму чумаченьку
Правду висказала....

Между чумакомъ и его дівчиною не существуетъ недомолвокъ,

ерзающихъ душу. Дівчина не умѣетъ таить своихъ мыслей передъ своимъ милымъ; что у нея на сердцѣ, то и на языкѣ:

Сватай мене, чумаченьку,
Рано й у неділю:
Буду просить у матінки —
Нічого не вдію...

Буйное сердце, съ которымъ бѣдная «дівчина» «нічого не вдіе», и заставляетъ ее обратиться къ матери:

Пора, мати, жито жати —
Колосъ похилився:
Пора, мати, заміжъ дати —
Голосокъ змінився...

Мать, не желая такъ скоро разстаться съ своею «дитиною любою», — она рада, что дождала своей «пóмочи», — отвѣчаетъ:

Хоть колосокъ похилився —
Стѣбло зелененьке;
Хоть голосокъ и змінився —
Личко молоденьке!

Это обстоятельство на нѣкоторое время останавливаетъ дівчину; но время это коротко: «у дівоцькімъ серцці» тревога, тоска... Она съ нимъ «нічого невдіе», и прямо наконецъ, объявляетъ матери:

Ой піду я, моя мамо,
Та за його заміжъ, —
Якъ ти мене та не'даси,
Дакъ я й умру заразъ.

Но матери чумакъ, почему-то, неравится: она въ немъ видитъ «не пáру» для своей дочери и желала бы для нея другого мужа:

Легше мині, моя доню,
Дома поховати,
А ніжъ мині за такого
Заміжъ тебе дати!

Дівчина взгрустнула еще больше отъ такого категорическаго отвѣта, она не разъ, вѣроятно, проглотила и слезу горючую... она готова бы и умереть, какъ говорила; но у нея еще «невмерла надія», дающая ей нѣкоторую бодрость. «Дівчина» увѣрена, что мать возможно «ублагати», ибо извѣстно сердце матери-украинки: она ни въ чемъ не откажетъ своему дитяти, все готова сдѣлать для его счастія. Питая такія надежды, дівчина все-таки не оставляетъ своего любимаго «чумаченька»:

Буду ходить, буду топтать (говоритъ она)
Чумакові стежки (тропинки)!

Минула осень; проходитъ уже и зима; блеснуло уже и солнце веснянее» — и птицы длинными ключами потянулись изъ «вирія» (югъ), сопровождаемыя радостными, привѣтными криками ребятишекъ: «нáте вамъ на гніздò, а намъ дайте на добро!» уже и «зозуля (кукушка) закувала у лузі», и «соловейко» начинаетъ «щебетати—всему закликати», наконецъ, и —

Весна красна наступае,
Изъ стріхъ вода капле...

Чумакъ вышелъ изъ хаты подложить воламъ корму — видитъ: «сонце веснянее» таки-довольно высоко поднялося и грѣетъ уже довольно сильно, словно манитъ въ путь-дорогу. Да чумаку уже «мандрівочка (странствованіе) пахне» и «дорога чхаецця»... Тутъ-то настаютъ для дівчини невеселые дни, нерадостныя ночи.

Чумакъ, ея милый, чтобы внезапнымъ отъѣздомъ «не вразити у серденько» любимую дівчину, старается заранѣе пріучить ее къ мысли о разлукѣ. Онъ ее спрашиваетъ:

Ой чи будешъ, молода дівчино,
По мини журицця,
Та якъ піду у Крымъ по сіль,
Та буду барицця (медлить).

Дівчина отвѣчаетъ на это тоже полу-шутя:

Ой не буду, чумаченьку,
Далебі не буду:
Не виідешъ за нові ворота —
Я тебе й забуду!..

Хотя все это «жáрти» (смѣхъ, шутки), хоть это тоже любовь, хоть, наконецъ, и сама дівчина знаетъ, что чумаку сидѣть дома не приходится,—однако вопросъ чумака спугнулъ любящее сердце дівчини: оно будто сильнѣе сжалося:

Жàртуй, жàртуй, чумаченьку,
Жàртуй изо мною, —
А якъ підешъ у дорогу —
Буду плакать за тобою...
Жàртуй, жàртуй, чумаченьку,
Жàртуй, коли любишъ;
А якъ підешъ у дорогу,
То мене й забудишъ...

И бѣдная дівчина, грустная, опустила на грудь голову... Прилетаетъ «зозуленька сивесенька» — эта истолковательница предчувствій сердца и вѣщунья бѣды да печали—и начинаетъ «кувать жалібненько»... Дівчина тогда поняла, что сердце ея не даромъ

сжималося: оно предвѣщало скорую, неминуемую разлуку — и начала «вздыхать ва́женько»...

Впрочемъ дівчина не носится съ своею печалью: она, напротивъ, старается ее прятать отъ всѣхъ и никому не ввѣряетъ ее, — даже боится, чтобы мать не узнала. А печаль эта все больше и больше охватываетъ сердце дівчины: съ каждымъ днемъ, приближающимъ разлуку, тоска все больше усиливается... Но напрасно дівчина старается укрыться отъ матери: материнскій глазъ все видитъ:

Мела хату, мела сіни,
Та й загадалася...
Вийшла мати води брати,
Та й догадалася.
Вийшла мати води брати,
Та й стала питати:
«Чого стала, моя доню,
Важенько вздихати?»

Дівчинѣ, застигнутой въ расплохъ, невозможно уже скрыть отъ матери причину своей грусти, да ей уже и самой становится не въ моготу, и она признается:

Ой якъ мині, моя мати,
Важко не вздихати? —
Пригнавъ чумакъ сімъ паръ волівъ,
Та й ставъ запрягати!..

Но что́ же дѣлать чумаку? Не сидѣть же ему, «згорнувши рученьки», возлѣ дівчины, заглядываясь на ея «карі очі», на ея «чорниі брови», да на «личенько біленьке»... Ему нужно *грошей заробляти*. А «чумацькі гроші, говоритъ пословица, то въ возі, то въ перевозі». Это-то именно и составляетъ главное побужденіе къ чумачеству. Какъ въ старину чумаки ходили въ дорогу «ради своего торговаго дѣла», такъ и въ настоящее время ихъ гонитъ въ дорогу та же причина. Въ пѣснѣ одинъ «багачъ молодий» предлагаетъ товарищамъ сдѣлать «півтораста возивъ» и, отправившись «въ Кремень городъ на базаръ», накупить тамъ «дорого товару» — «все лисиці та куниці та чорніи соболі» — и ѣхать къ морю, чтобы тамъ, продавши свой товаръ, набрать другого нужнаго. Потому напрасно видятъ иногда въ постоянномъ скитаніи чумаковъ по дорогамъ какое-то безотчетное влеченіе къ странствованію или жажду славы. Условія чумацкаго быта гораздо проще объясняютъ это будто бы безотчетное стремленіе къ скитанію и жажду славы: во-первыхъ, матеріальною выгодою, какую чумакъ получаетъ отъ своего промысла; во-вторыхъ, привычкою къ занятію имъ, а въ-третьихъ — стремленіемъ къ

болѣе легкому и возможно болѣе благодарному труду, — какимъ чумачество является сравнительно съ хлѣбопашествомъ. Потому, чумакъ, которому дівчина совѣтуетъ оставить чумачество, а идти лучше косить траву, — видитъ въ этомъ для себя обиду:

Ой шобъ же ти, дівчинонько,
Того не діждала,
Щобъ рученька смоляная
Травиченьку тяла!

Чувство самосохраненія также иногда заставляетъ отправляться въ дорогу. «Бідна сірома» (круглый сирота), у котораго умираетъ отецъ и мать, а его самого «побила лихая година» — хотятъ «у некрути взять», — рѣшается бѣжать отъ предстоящей невеселой солдатской жизни:

Ой запряжу я воли у всі чотирі вози —
Піду на Дінъ риби брать!

И бѣгство бываетъ его спасеніемъ.

Побужденіемъ къ чумачеству бываетъ иногда какое-нибудь несчастіе, причинившее человѣку «горе невимовное». Вообще всякая невзгода, всякое горе, влечетъ человѣка вдаль отъ того мѣста, которое напоминаетъ давно случившееся, пережитое, но милое его сердцу, какъ, напримѣръ, несчастная любовь. Парубокъ, любивши «щиро (сердечно) дівчиноньку», намѣреваясь съ нею «на рушничку стати» (повѣнчаться), когда видитъ, что его дівчину «до шлюбу (бракъ) ведуть» съ ея «нелюбомъ», а у него только — «серце въяне: любивъ, та не взявъ», — желая изгладить изъ памяти и ту «криниченьку», что онъ копалъ для своей дівчини, чтобы она вышла туда «по воду», — съ тоски да съ горя, рѣшаетъ:

Ой думавъ я женитися,
А теперъ не буду:
Куплю собі сімъ паръ волівъ —
Чумакувать буду!

Несчастія *семейной жизни* также гонятъ чумака изъ дому. Жена чумака, догнавши его въ дорогѣ, спрашиваетъ:

Чомъ не хочешъ ти робити (работать)
И дома сидіти?
Чомъ не хочешъ жить зо мною
На білому світі?

Чумакъ вмѣсто отвѣта предлагаетъ ей другой вопросъ:

Ой ти жъ мила, мое серце,
Ой де жъ ти бувала:
Чи у полі льонъ ти брала,
Чи пшеницю жала?..

Получивши въ отвѣтъ, что жена «въ полі льонъ не брала, пшениці не жала, а нездужала робити — зъ похмілля лежала», — чумакъ погоняетъ себѣ дальше... Въ другой пѣснѣ несчастная семейная жизнь, охарактеризованная самою же чумачихою, служитъ тоже причиною «мандрівочки» чумака. Жена спрашиваетъ:

Ой куди жъ ти, чумаче, мандруешъ (уходишь)?
Кому мене, серце, даруешъ?
Люде вже їдуть у поле орати —
Ми зъ тобою у корчму гуляти;
Та вже люде въ полі поорали —
Ми зъ тобою въ корчмі прогуляли... и т. д.

Такая жизнь непривлекательна: она не можетъ заставить спокойно сидѣть дома. И мужъ такой жены бѣжитъ отъ нее. Онъ рѣшается полюбить «мандривочку — рідну тіточку», сдружиться съ волами «сивими, половими», а взамѣнъ того счастія, какое должна доставлять тихая семейная жизнь, найти среди «товариства веселого», въ кругу «славнихъ чумаченьківъ-бурлаченьківъ».

IV.

Выѣздъ изъ села и проводы.

Чумаки въ старину ходили въ дорогу не иначе, какъ только *артілью*, — ѣхали всегда *валкою* подъ предводительствомъ *отамана*; то же самое дѣлается и теперь. Чумакъ одинъ никогда не выходитъ въ дорогу: у него непремѣнно есть «славне товариство». Обыкновенно чумаки одного, а иногда и нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ условливаются между собою о времени выѣзда и о мѣстѣ сбора. Условіе непремѣнно должно быть исполнено, иначе нарушившій его чумакъ будетъ оставленъ своими товарищами. Мѣстомъ для сбора чумаковъ бываетъ почти всегда *вигінъ* (площадь) за селомъ — *майданъ*.

И вотъ, въ назначенный день и часъ, каждый изъ чумаковъ, поправивши хорошенько возы, выкормивши воловъ, набираетъ извѣстный — тоже условленный — запасъ пшена на кашу, муки на галушки, сала и т. п. припасовъ, и выѣзжаетъ къ назначенному мѣсту — *становищу*. Тутъ чумакъ останавливается подждать товарищей и проститься съ провожающей его родней.

Выѣздъ чумака изъ села бываетъ почти всегда «въ неділоньку до схід-сонця:

Щобъ кури по селу не піли,
Щобъ голуби на степъ не летіли,
Щобъ лебеді на тихій воді та й не клекотіли.

Вотъ какъ въ пѣснѣ рисуется выѣздъ чумака:

Ой у неділоньку, рано по-раненьку,
Сонечко зіходить, —
Ой уже синъ, синъ Гавриленко,
У дорогу виходить.

Проѣхалъ онъ родное село, сопровождаемый родичами, подъѣзжаетъ къ становищу:

Ой якъ прийшовъ же синъ Гавриленко
А до чумаківъ до валки:
«Здорови будьте, молоді чумаки,
Прийміте до своеі валки!»

—говоритъ онъ своимъ будущимъ товарищамъ. Но чумаки, усматривая со стороны Гавриленка неисполненіе издавна установленнаго обычая, — упрекаютъ его:

Ой який же ти, та синъ Гавриленку,
Такий дурень уродився,
Що ти прийшовъ та до становища —
Та й не перехрестився!

Чумаки имѣютъ свои, освященные вѣками, обычаи почти для всякаго дѣйствія: чумакъ выѣзжать изъ дому долженъ «по закону», — ѣхать въ дорогѣ тоже «по закону»; даже останавливаться въ дорогѣ пасти воловъ слѣдуетъ «по закону». И до настоящаго времени чумаки строго наблюдаютъ за исполненіемъ обычаевъ: *артіль* всегда бываетъ недовольна, если кто-нибудь «поломить чумацький звичай».

Но что же это за «артіль», за «валка», что выражаетъ собою эта организація чумаковъ? Ассоціація ли это капиталовъ для общаго предпріятія, или это только внѣшняя связь людей, ѣдущихъ вмѣстѣ? Южноруссъ никогда не любилъ вмѣшательства въ чужую личную жизнь, въ чужіе экономическіе разсчеты, въ чужое хозяйство: онъ всегда былъ собственникъ. Вотъ потому и чумацкая «артіль», несмотря на названіе, не имѣла ничего общаго съ ассоціаціею: она установилась единственно для безопасности каждаго въ дорогѣ. Каждый изъ чумаковъ, выѣзжая въ дорогу, беретъ извѣстную сумму денегъ, ему одному принадлежащихъ, нимало не заботясь о томъ — взялъ ли ихъ другой, или же нѣтъ. Даже и съѣстные припасы беретъ каждый только для себя, условившись впрочемъ съ товарищами что брать. Жизнь «валки» — далеко не община: она обща лишь настолько, насколько безопасность и выгода каждаго требуются въ дорогѣ. Все, что у нихъ общее въ пути—это пища, передъ выходомъ валки поступающая въ распоряженіе одного чумака—*кашовара*, и «сторожа» воловъ «на попасі».

Но вотъ, наконецъ, будущая «валка» вся собралась на становищѣ; неподалеку отъ дороги стоятъ чумацкіе возы, укрытые кожами, для сбереженія товаровъ отъ дождя; «мережані (узорчатые) ярма» висятъ на «війяхъ» (дышло) чумацкихъ огромныхъ возовъ, прикрѣпленные новыми *притиками* (гужи); у ярмахъ торчатъ *тернові занòзи*; тутъ же, невдалекѣ, «сірі та полові» волы чумацкіе ѣдятъ взятое изъ дому «сіно», или— немного въ сторонѣ—пасутся «на травиці-муравиці», или же стоятъ —«ремедаютъ» (отжевываютъ жвачку); а сами чумаки обсѣли вокругъ разведеннаго огня—варятъ *снідання* (завтракъ). Возлѣ каждаго изъ чумаковъ помѣстился кто-нибудь изъ близкихъ ему родныхъ: или его «мила», или «стара мати» сидитъ, поджавши подъ себя ноги и правою щекою опершись на правую руку, поддерживаемую лѣвой,—это любимая поза малороссіянки въ печали.... Вотъ уже и каша сварена, уже «поснідали».... «Пора рушати!» прожужжало въ толпѣ....

Тутъ чумаки сходятся «на раду» и изъ среды своей избираютъ *отамана*. Избраніе его происходитъ устнымъ голосованіемъ всѣхъ чумаковъ, принадлежащихъ къ валкѣ; его избираютъ на всю дорогу. Отаманъ бываетъ большею частью опытный чумакъ, не разъ уже ходившій въ дорогу и пользующійся особеннымъ почетомъ и довѣріемъ ватажанъ. Его выбираютъ «для порады»; онъ—«голова» въ дорогѣ; онъ «всімъ чумакамъ перèдъ веде», всѣмъ распоряжается, начиная съ того, гдѣ и когда «стать попасати» и кончая похоронами умершаго товарища. Вся валка въ дѣлахъ дорожной жизни обязана безусловнымъ повиновеніемъ отаману. Отаманъ въ дорогѣ пользуется огромнымъ значеніемъ. «Отаманомъ, говоритъ пословица, громада кріпка». Впрочемъ, въ послѣднее время отаманъ избирается не всегда и не на всю дорогу, какъ прежде, а кто идетъ впереди всѣхъ—тотъ и отаманъ. Однако и тутъ предпочтеніе отдается всегда какому-нибудь «сивоусому» чумаку, изъѣздившему на своемъ вѣку «всі стéпи широкі», исходившему «усі кримські базари».

Наконецъ и отаманъ избранъ. Наступаетъ пора *вùправи* для чумаковъ:

Ой ви хлопці, ви добрі молодці!

-обращается отаманъ къ своимъ чумакамъ-товарищамъ:

Та вставайте вози мажте,
Гей вози мажте, ярма наривайте,
Сірихъ волівъ запрягайте!
Хлопці встали, вози підмазали,
Нові ярма понаривали,—

Гей нові ярма та й понаривали,
Сірихъ волівъ позапрягали...!

Тутъ настаютъ прȍводы: начинается прощанье съ родней... слезы жены, матери, дівчини... пожеланія остающихся, обѣщанія отъѣзжающихъ... Еще минуты двѣ-три—и все вдругъ затихаетъ: настало обращеніе къ Богу... Чумаки снимаютъ шапки, крестятся, «Господи, благослови! Дай, Боже, часъ добрий!...» И «сірі-полові» волы медленно двинулись у путь-у-дорогу... «Прощавайте!» загудѣло вдоль валки. «Бувайте здорові!...» едва слышно сквозь слезы....

Пішовъ чумакъ у дорогу,
Помолившися Богу...
Ой пошли, Боже, тому чумакові
Та щасливу дорогу!

V.

Домашніе послѣ проводовъ и погоня за чумаками.

Чтȯ же въ это время дѣлается съ женою, матерью, которыхъ чумаки оставили дома? чтȯ сталось съ дівчиною, покинутою чумакомъ—ея милымъ—ворогамъ «на сміхъ, на потіху?»

Цѣлый рядъ пѣсенъ, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ любви и вмѣстѣ грусти, рисуетъ намъ состояніе домашнихъ послѣ выѣзда чумаковъ въ дорогу:

На въ горȯді буркунъ-зілля (волчецъ)
И листъ опадае:
Молодая чумачиха
Зъ жалю омліває...

Чумаку стало жаль жены, онъ старается ее утѣшить:

Не плачъ, не плачъ, чумачихо,
Та молися Богу:
Випроважу сиві воли—
Самъ вернусь до-дому!

Но чумачиха этимъ не утѣшается: она знаетъ, что это сказано только для ея успокоенія: она увѣрена, что чумакъ ни за чтȯ не возвратится.... грядущая жизнь сулитъ ей одиночество, грозитъ ей «розмовою зъ периною пухȯвою», да съ «німими стінами» —чуждыми утѣшеній огорченному сердцу...

Ко всему этому, безъ мужа, прибавились новыя огорченія

Малі діти плачуть,
Отецъ—ненька лае...

А «лайку» отца и матери, ни за что ни про что, а особенно плачъ дѣтей переносить долго невозможно. И чумачиха рѣшается бѣжать за чумакомъ «у погоню»:

Вози догоняе, воли випрягае—
И серденькомъ називае:
«Ой вернися, чумаче, до-дому,
Ой вернися, серденько, до-дому!»

Она старается представить причины, по которымъ чумаку слѣдуетъ вернуться:

Плачуть діти за тобою,—
Малі діти плачуть,
Отець—ненька тужить:
Тимъ намъ хвортуна не служить!

Но суроваго чумака, разъ рѣшившагося на «мандрівочку», этимъ не разжалобишь и поворотить назадъ не заставишь. Побѣжавшей за нимъ «у догоню» женѣ онъ отвѣчаетъ:

Якъ би ти жінка була добра,
То ти бъ сиділа дома:
Пьятінку спостила,
Неділоньку чтила,
То бъ намъ хвортуна служила!
А то—ти жінка погана:
У будденний день все пьешъ та гуляешъ,
На святу неділлю—
На великий день—
Все діло збираешъ!

И, обратившись къ «хвортуні» съ просьбою послужить ему «въ чумастві», какъ нѣкогда служила «въ бурластві и козастві»,— чумакъ плетется далѣе. Смотритъ чумачиха вслѣдъ медленно уходящимъ воламъ — и у нея сквозь слезы вырывается сожалѣніе о ея миломъ:

Не жаль мині сірихъ волівъ
Зъ крутими рогами,
А жаль мині чумаченька
Зъ чорними бровами!...

Между тѣмъ «чумаченько» уже совершенно скрылся изъ глазъ за горою, «въ глибокій долині». Взошла чумачиха на гору, посмотрѣла въ долину:

А у тій долині
Стоять дві калині—
Ажъ до землі віття гнеццця...

Видитъ она въ этихъ склоняющихся вѣтвяхъ образецъ своей будущей судьбы: и ей въ одиночествѣ, безъ милаго, придется также нагибаться «передъ гіркою долею», какъ нагибаются къ землѣ тонкія, безсильныя передъ вѣтромъ, калиновыя «віти»,— придется и ей клонить голову «до землі низенько»... А виновникъ такой горькой участи чумачихи—уже далеко-далеко, даже и «немріе»... Напрасно она восклицаетъ:

Чому мій миленький,
Мій голубъ сивенький,
Та до мене не горнецця?!

Развѣ одинъ вѣтеръ услышитъ ея горькую жалобу и разнесетъ ее по чистому полю — безъ отвѣта и привѣта... Только досада еще плотнѣе приляжетъ къ сердцу бѣдной женщины и сильнѣе заволнуетъ ея душу. Теперь чумачиха уже была бы рада и тому, если бы чумакъ «пригорнувся» къ ней «хочъ на часочокъ маленький»; но, конечно, не бывать и этому.

Возвращается она домой въ тоскѣ и печали, думаетъ отдаться дѣтямъ, хозяйству; но ничто нейдетъ ей на умъ: и дѣти не радуютъ, и хозяйство не занимаетъ! Смотритъ: сосѣдки ея работаютъ до вечера вмѣстѣ съ мужьями, а вечеромъ, собравшись гдѣ-нибудь «підъ криспою» или «за ворітьми», окруженныя «малими дітьми», ведутъ весело бесѣду о дневныхъ заботахъ, о завтрашнемъ трудѣ, о прошлой радости, о предстоящемъ «весіллі» (свадьбѣ).... Чумачиха почувствовала еще бо́льшую тоску на сердцѣ. Ходитъ, безутѣшная, — не знаетъ, что́ ей дѣлать съ собою....

Ой вийду я за ворота,
Та гляну поузъ двіръ:
Усімъ людямъ хороше живецця,
А я плачу на бездоллі!

Ой вийду я за ворота,
Та гляну по-підъ тинню:
Усімъ людямъ хороше живецця,
А я въ нещасті й загину...

Ой вийду я на горо̂ди,
Та гляну въ провалля:
Усімъ людямъ щастя-доля—
Мині жъ безталання!...

Случается также, что когда чумакъ, не взирая на всѣ просьбы о возвратѣ, «іде собі у дорозі—воли поганяе», —чумачиха рѣшается преслѣдовать его до самаго моря. Но все напрасно: и тамъ не найти ей «щастя-долі»: по-надъ моремъ, говорится

въ пѣснѣ, «жовтій пісокъ въ ноги коле»... И она должна возвратиться домой... Тогда ей ничего больше не остается, какъ только пожаловаться на свою «гірку долю», созданную тяжелыми условіями семейной жизни:

Ой коли бъ же я да знала
Свою гірку долю,—
То не пішла бъ же я заміжъ,
Не пішла бъ ніколи:
Пішла бъ лучче я въ черниці...
Зъ чорною косою
Не терпіла бъ я горечка
Оттакъ молодою!

Но напрасны всѣ эти жалобы: послѣ выхода чумаковъ и тѣ, что не были замужемъ, находятся не въ лучшемъ состояніи. Жизнь дівчини «безъ милого, голубонька сивого», представляется такимъ же «безталаннямъ», какъ и замужней. Конечно, дівчина имѣетъ гораздо меньше права, чѣмъ жена, удерживать чумака дома. Поэтому, когда онъ оставилъ ее одну, «якъ скіпку (щепка) на морі», она скорѣе примиряется съ своею «гіркою долею». Рѣшивши, что чумаку сидѣть дома, ради ея, нельзя, дівчина проситъ его провесть съ нею еще хоть одну «нічку»:

Чумаченьку, мій голубе,
Вволи мою волю:
Переночуй, мое серце,
Хочъ нічку зо мною!

Но чумакъ и этого исполнить не можетъ:

Ой радъ би я, дівчинонько,
И дві ночувати:
Въ мене хура страховая
Треба поспішати.

Мирится она и съ этимъ, какъ ни тяжело ей подобное примиреніе. Она готова ограничиться и тѣмъ, чтобы хоть проститься въ послѣдній можетъ разъ съ оставляющимъ ее чумакомъ. Обращается къ матери и проситъ, чтобы та разбудила ее, когда чумаки будутъ выѣзжать изъ села:

Ой такъ рано, ой такъ рано,
Щобъ що й не світало...

Изъ опасенія, что дівчина станетъ «тужить» за чумакомъ, мать и не думаетъ будить ее во время его выѣзда, а разбудила уже «въ обідню годину, якъ виіхавъ чумаченько одъ села за милю». Просыпается дівчина, но, увы!—

Пішли наши чумаченьки
По возахъ лежати...

Дивчіна къ матери:

Чому мене, моя мамо,
Въ ранці не збудила,—
Та якъ тая чумачина
Зъ села виіздила?

Мать, конечно, старается ее утѣшить—представляетъ ей побудительную причину:

Тимъ я тебе, моя доню,
Въ ранці не збудила:
По-переду твій миленький,—
Щобъ ти не тужила!

Но для любящаго сердца дівчини подобный резонъ—вовсе не утѣшеніе: быть можетъ она при разлукѣ съ милымъ гораздо бы меньше убивалась, чѣмъ теперь,—когда она даже не сказала ему послѣдняго слова, не спросила его о времени возврата...

Ти думаешъ, моя мати,
Що я й не журюся (печалюсь)?
А якъ выйду за ворота,
Одъ вітру валюся...
Ти думаешь, моя мати,
Що я и не плачу?
За дрібними слізоньками
Я й світа не бачу!

Враги, разумѣется, всѣмъ этимъ чрезвычайно довольны: для нихъ радость видѣть дивчіну въ печали:

Милый милу покидае—
Вороги раденькі!

Они готовы даже еще больше растравить эту печаль—и начинаютъ запугивать дівчину:

Ой говорять всі сусіде,
Що чумакъ вже не приде,
И говорять усі люде,
Що вже чумака не буде!..

Неужели же это правда? Неужели ей такъ-таки и не придется больше увидѣть своего чумака? А можетъ онъ ее промѣняетъ на «иншу», побогаче или покрасивѣе ее?.. Кто же эта «розлучниця,» гдѣ она? — Всѣ эти вопросы камнемъ ложатся на душу дівчини и выжимаютъ слезу за слезою...

Ой стояла калиноньна
Насупроти сонця:
Ой плакала дівчиионька,
Сидячи въ віконця...

И нигдѣ нѣтъ для нея утѣшенія, ни въ чемъ и ни въ комъ *она* не находитъ «розваги» (утѣшенія)...

Выйдетъ она вечеромъ за ворота между «чѐлядь» (молодежь): всѣ веселы, довольны... Пойдетъ она «розважить свою тугу» на улицу: тамъ на *тичку* собрались парубки и дівчата—ея подруги,—поютъ пѣсни, «перекидаюцця жартами».. Весело! Пѣсня «лунае» (разносится) по всему селу, откликаясь гдѣ-то далеко въ чащѣ вѣковѣчныхъ липъ и дубовъ—свидѣтелей старины давней; звонкій смѣхъ перерываетъ пѣсню и звучными раскатами летитъ въ догонь за нею... Тутъ позабыты всѣ суеты міра, всѣ его печали и горести: тутъ забывается все и всѣ!.. Однѣ выраженія радости и веселья наполняютъ улицу; одни порывы молодой, неотравленной невзгодами, жизни, въ пору которой только и бываетъ такое беззаботное веселье,—словомъ, одно ни чѣмъ незамѣнимое счастіе,—одна любовь, вызывающая обмѣны симпатическихъ взглядовъ, выражаемая звонкимъ смѣхомъ, радостными выраженіями лицъ... на которыя заглядѣлись ясныя звѣзды и выплылъ изъ-за тучи полюбоваться вѣчно-спокойный, блѣднолицый мѣсяцъ... Но веселье улицы существуетъ для тѣхъ, кому тепло на свѣтѣ и покойно на душѣ. А у нашей дівчини горе, «якъ чорна гадюка», обвилось вокругъ сердца: ей еще тяжеле стало отъ радостей своихъ счастливыхъ подругъ—и невольныя слёзы заискрились на глазахъ у нея... Съ тоски и горя слезы заводятъ «зъ білого світу» въ монастырь:

Ой на горі та сунниченьки,
Підъ горою полуниченьки:
Пішовъ милый у Кримъ по сіль,
А милая—у черниченьки...

Развѣ она «по волі» оставила «білий світъ» съ его возможными радостями,—промѣняла «бинди, червону плахту, намиста» на черную рясу, а густую роскошную дѣвичью косу покрыла «не білою наміткою,» а чернымъ могильнымъ «запиналомъ»?..

Не по волі я вчорніла—
Не думала постригатися:
Не пристае мое серце
Та зъ иншими женихатися...

Часто тоска дівчини за уѣхавшимъ чумакомъ бываетъ такъ велика, что не успѣетъ онъ выѣхать «за густиі лози,» какъ

«обіллють дівчиноньку дрібненькиі слёзи.» А то даже бываетъ и такъ, что не успѣетъ милый отъѣхать «за биллі хати,» какъ становится необходимымъ «молоду дівчину на вітеръ підняти,» или же:

Ще не виїхавъ молодий чумакъ
За високу могилу,—

а ему уже кричатъ:

Вернись, вернись, чумаченьку,
Роби домовину (гробъ)...

Впрочемъ, подобная катастрофа выходитъ изъ ряда печальныхъ случаевъ, сопровождающихъ разлуку чумака съ дівчиною. Въ пѣснѣ поется, что разлука эта для нихъ—«розставання—серцю розривання». Это-то сердце иногда и гонитъ дівчину, подобно женѣ, въ погоню за чумакомъ:

Ой з-за гори, та з-за кручі
Риплять вози йдучи,
А за ними дівчинонька—
Сильне ридаючи...

Но чумаку и горя мало, словно это не его касается:

Иде чумакъ дорогою,
На пужально (кнутовище) вихиляецця..
За нимъ біжить дівчинонька—
Слізоньками умиваецця...

Она обратилась къ нему, проситъ:

Годі тобі, чумаченьку,
На пужально вихилятися:
Нехай же я перестану
Слізоньками умиватися!

Лишнія слова! Чумакъ и не думаетъ останавливаться: густая пыль подымается все дальше и дальше—и даетъ знать объ исчезновеніи валки, пока не скроются за горою... Вотъ и рѣка: на паромѣ переправляется валка; — она уже по ту сторону... Дівчина не унимается преслѣдовать чумака:

Перебреду бистру річку,
Стану на пісочку,
Та виперу чумакові
Штани та сорочку!

Дѣйствительно перебрела она черезъ рѣку, ласкается къ своему милому и спрашиваетъ: отчего у него «сорочка не біла?»

Чумакъ отвѣчаетъ, что если бы у него «матуся рідненька,» то была бы «що-неділлі сорочка біленька.» А такъ какъ у него—

Мати стара, сестра мала,
И нікому прати,

да къ тому еще—

И далеко до дівчини:
Будуть люде знати!..

то «чумаченько-бурлаченько» и не заботится о костюмѣ: ему 5—8 недѣль проходить, не снимая рубахи, ничего не значитъ.

А що мині про те дбати?
Тільки серце нуде...

И тутъ же, обращаясь къ дівчині, «жартуе» съ нею:

Яко випре оці штани—
То та й моя буде!

А дівчина только того и ждала: она давно не жалѣетъ «ручекъ та пучокъ» для своего чумаченька. Наконецъ, надоѣли уже ему и «жарти,»—онъ совѣтуетъ дівчині оставить начатое дѣло:

Годі тобі, дивчинонько,
Сорочечку прати:
Бери серпъ, та йди въ степъ
Пшениченьку жати!

Дівчину слова эти обидѣли и ссора разводитъ ихъ въ разныя стороны. Дівчина, разсердившись, высказываетъ чумаку такое пожеланіе:

Бодай же ти, чумаченьку,
Тоді й оженився—
Якъ у млині на камені
Кукіль уродився!

А чумакъ тоже не остается въ долгу:

Ой щобъ же ти, дівчинонько,
Тоді заміжъ вийшла—
Якъ у млені на камені
Яра рута зійшла?

Послѣ этихъ пожеланій, они расходятся: чумакъ идетъ невозмутимо-медленнымъ шагомъ за «сивими волами,» а дівчина, въ слезахъ, возвращается обратно домой, проклиная ту минуту, когда судьба первый разъ свела ее съ чумакомъ.

Бываетъ однако и не столь тяжелая для дівчини разлука съ милымъ. Иногда самъ чумакъ, отправляяся «у Кримъ по сіль сірими волами»,—

Оглянецця назадъ себе—
Вмиецця слезами...

И тутъ же станетъ просить у Бога:

Допоможе мині, Боже,
Тамъ соли набрати,
А щобъ мині любую дівчину,
Та въ биндахъ *) застати!

Но вернуться чумакъ, какъ бы тяжела ему ни была разлука съ дівчиною, ни за что не согласится. Даже просьба объ этомъ «старої матері—порадниці—въ хаті» не имѣетъ успѣха. Когда мать изъ выѣзжающей валки «викликала» своего сына:

Иди, сыну, до-домочку,
Змию тобі головочку!

— онъ, также какъ и казакъ въ подобномъ случаѣ, отвѣчаетъ:

Измий, мати, сама собі,
Або моїй рідній сестрі.
Мене змиють дрібні дощи,
А рощешуть густі терни,
А висушить ясне сонце,
А роскуйдить буйний вітеръ!

Чумакъ не смѣетъ возвращаться, иначе его осмѣютъ товарищи: назовутъ «лежобокомъ,» «мамiемъ» (матушкинъ сынокъ) и т. п. Только въ пѣсняхъ позднѣйшей формаціи встрѣчается желаніе чумаковъ «вернуцця до-дому». Когда ихъ приглашаютъ къ тому, они отвѣчаютъ:

Ой ради бъ ми вернутися—
Рядчикъ не пускае.

Очевидно, что это являются не прежніе чумаки, съ ихъ «віковічными звичаями», а просто на-просто извозчики, нанятые подрядчикомъ и обязанные доставить товары къ сроку. Потому-то про выѣздъ ихъ и говорится:

Пішли наши чумаченьки
Въ великій неволі...

Чумачество, очевидно, утратило свой прежній духъ, и пѣсня запѣла другое.

Ив. Рудченко.

---

*) Въ бинди (ленты) одѣваются только дівчата. Чумакъ, поэтому, и проситъ у Бога, чтобы дівчину любимую застать еще «въ биндахъ,» т.-е., чтобы она, въ его отсутствіе, не вышла замужъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ

1825—1829 гг. *).

Съ легкой руки В. В. Варгина, пустился я (февраль 1825 г.) въ Петербургъ и пріѣхалъ туда въ самый разгулъ масляницы. Но, какъ говоритъ пословица, «чему быть, того не миновать». Дѣло мое[1]) закипѣло быстро. При вторичномъ моемъ приходѣ

---

*) На вопросъ, съ которымъ мы обратились къ сыну покойнаго С. Н. Глинки, доставившему намъ въ спискѣ настоящій отрывокъ изъ его воспоминаній, а именно: въ какой степени точенъ списокъ и гдѣ хранится оригиналъ, — В. С. Глинка отвѣчалъ намъ:

«... Отецъ мой за три года до смерти ослѣпъ, а потому диктовалъ, и съ его словъ записывали (записки его не всѣ, но большею частью писаны съ его словъ до его смерти въ 1847 г.). Онъ имѣлъ счастливую память и всегда просилъ перечитать написанное, что нужно дополнялъ и исправлялъ. Событія и факты изложены вѣрно, но конечно есть грамматическія ошибки. Печатая прежде отрывки изъ записокъ отца въ «Современникѣ» (подъ названіемъ «Мое цензорство»), я самъ свѣрялъ съ подлинникомъ, написаннымъ рукою отца, и находящимся въ Публичной Библіотекѣ. Много отрывковъ печаталось и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Русскомъ Словѣ», и на счетъ ихъ вѣрности сомнѣнія не было. Оригиналъ, съ котораго я списывалъ настоящій отрывокъ, нѣсколько лѣтъ лежалъ у А. В. Никитенко; онъ можетъ ручаться за выраженія и справедливость самаго факта, ибо самъ лично зналъ моего отца. Вотъ все, что я могу сказать вамъ. Пр., и пр. — Василій Глинка.

Какъ видно изъ одного мѣста въ текстѣ, настоящій отрывокъ писанъ въ 1841-мъ году. Нѣкоторые изъ новыхъ фактовъ, сообщаемыхъ авторомъ, требуютъ провѣрки и могутъ быть приняты пока къ свѣдѣнію; но для общей характеристики нравовъ и настроенія умовъ той эпохи въ запискахъ С. Н. Глинки историкъ найдетъ весьма драгоцѣнныя черты. *Ред.*

[1]) Просьба о вспомоществованіи, изложенная ниже. *Ред.*

къ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, въ день заговѣннаго воскресенья, Александръ Семеновичъ сказалъ мнѣ:

— Погодите у меня, я послалъ навѣдаться, будетъ ли сегодня пріемъ у Государя.

А тогда министръ просвѣщенія докладывалъ въ семь часовъ вечера по воскресеньемъ. Хотя было воскресенье необыкновенное, однакоже отвѣтъ пришелъ удовлетворительный: «будетъ пріемъ».

Будетъ! Но едва не разрушились всѣ мои ожиданія.

А вотъ какимъ образомъ.

Собираясь во дворецъ, министръ пересматривалъ приготовленные доклады въ портфелѣ и къ удивленію своему не нашелъ докладной своей записки обо мнѣ. Записка эта *исчезла*.

Объясняюсь.

Съ 1806-го года выдумали, что будто бы я отголосокъ какого-то невидимаго общества. А я изрѣдка, и то по неволѣ, заглядывалъ и въ видимое общество.

Съ 1812-го года облекли меня личиною таинственнаго человѣка, предполагая, что я самъ собою не отважился бы явно и гласно говорить все то, что тогда говорилъ. Со времени открытія масонскихъ ложъ, негодовали на меня за то, что я ни въ одну изъ нихъ не заглядывалъ. Не осуждая никакихъ обществъ, скажу только, что именно по духу моей независимости я не подчинялъ себя никогда самовластію часовъ. Даже въ юности моей я не приковывалъ себя къ колесницамъ нашихъ *Кипридъ*, страшась часового у нихъ дежурства; а въ 1811-мъ году, когда избранъ я былъ членомъ въ Обществѣ московскихъ любителей словесности, я прочиталъ тамъ рѣчь и въ тотъ же вечеръ оттуда выбылъ, услыхавъ отъ предсѣдателя общества, что члены должны высиживать до окончанія всѣхъ чтеній. И рѣчь моя, и записка о выходѣ изъ общества помѣщены были въ 1811-мъ году въ «Трудахъ любителей словесности» отъ Общества. Любовь моя къ независимости (если угодно назовите ее и какимъ-нибудь дикимъ порывомъ) возбудила странное подозрѣніе, будто бы я для того отъ всего и всѣхъ отклоняюсь, чтобы за *всѣмъ* и *за всѣми* наблюдать. Никогда и никто не оцѣплялъ меня никакимъ постороннимъ наблюденіемъ. Предположенія и заключенія человѣческія иногда бываютъ удивительныя! Вотъ мое объясненіе, и вотъ почему изъ портфеля министра взята была обо мнѣ записка, въ томъ предположеніи: нѣтъ ли въ ней какого доноса на духъ тогдашняго времени?

Великими историческими событіями ознаменовался 1825-й г. для нашего отечества: необыченъ онъ былъ и для меня.

Но какъ бы то ни было, а *увлеченіе записки* послужило къ пользѣ моей. А. С. Шишковъ быстрымъ и порывистымъ перомъ написалъ обо мнѣ нѣсколько строчекъ, заявляя въ нихъ: «безпредѣльную любовь мою къ отечеству и всегдашнюю готовность жертвовать всегда всѣмъ престолу и отечеству».

Это сущность отзыва министра; а вотъ содержаніе пропавшей моей записки:

I) *Служба.* 1795 года, я началъ службу въ числѣ адъютантовъ у князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, бывшаго въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ.—1799 года добровольно вызвался въ итальянскій походъ съ осьмисотнымъ отрядомъ Архаровскаго полка.—Въ 1806-мъ году находясь въ отставкѣ и бывъ безпомѣстнымъ дворяниномъ (ибо 1802 года, по словесному завѣщанію матери моей, я все родовое наслѣдство отдалъ сестрѣ), на собственномъ иждивеніи служилъ бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ по Сычевскому уѣзду, за что и награжденъ золотою медалью съ лицеизображеніемъ Императора Александра Перваго и съ надписью: «за вѣру и отечество». — 1812 года мнѣ удалось первому записаться въ ратники московскаго ополченія и первому возложить на алтарь отечества жертву. Того же года іюля 18-го награжденъ я былъ орденомъ 4-ой степени св. Владиміра при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Господинъ майоръ Глинка! Любовь къ отечеству, доказанная дѣяніями и сочиненіями вашими, обратили на васъ вниманіе наше». На подлинномъ рескриптѣ подписано: «Александръ.»

II) *Печатные труды.* Не стану здѣсь напоминать всѣхъ чернильныхъ моихъ грѣховъ, скажу, что въ запискѣ къ министру и тогда уже простирались они до 130-ти частей. А много ли листовъ отдѣлитъ отъ нихъ потомство? Не знаю. Покойный А. Ѳ. Воейковъ сказалъ мнѣ однажды, что «изъ всѣхъ моихъ многоплодныхъ сочиненій выкроится маленькая книжечка». Если и это сбудется, то будетъ для меня пальмою безсмертною. На моемъ вѣку сколько поколѣній книгъ пали въ Лету не съ шумомъ, но безмолвно!

III) *Просьба.* Здѣсь долженъ я прибавить, что вмѣстѣ съ возложенными на меня препорученіями развязаны мнѣ были руки *на триста тысячъ экстраординарной суммы*, изъ коей по запискѣ моей выдано только пятнадцать рублей для покупки шапки крылацкому крестьянину Никифору, благословившему трехъ сыновей своихъ въ ополченіе. Не до записокъ было въ то время, когда дѣло шло: быть или не быть Россіи въ Россіи! Тутъ настояла надобность необходимая успокоивать

умы, сколько возможно: а для этого, по возложеннымъ на меня особеннымъ порученіямъ, надлежало и днемъ и ночью быть въ непрестанной дѣятельности.

Сверхъ того, нельзя было ни часомъ, ни мгновеніями охлаждать жаркаго рвенія юношей, порывавшихся подъ хоругви ополченія. Вслѣдствіе сего днемъ и ночью, во всякое время, когда заставали меня юноши, я бралъ оставшіяся вещи жены моей отъ утраченнаго ея наслѣдства опекою, продавалъ и употреблялъ ихъ къ поспѣшному исполненію желанія новоополченныхъ. Такимъ образомъ снарядилъ я на службу до двадцати юношей и въ представленномъ о томъ свидѣтельствѣ показалъ, что это стоило женѣ моей свыше пяти тысячъ рублей, почему и просилъ о назначеніи мнѣ пенсіи.—Деньги же триста тысячъ возвратилъ я черезъ графа Ѳ. В. Растопчина куда слѣдуетъ.

Вотъ подлинная сущность моей записки. Не только не пеняю на руку похитившую ее, но еще благодарю. Ибо въ треволненный 1825-й годъ, читатели записки могли убѣдиться, что ни перо мое, ни сердце ни на кого не посягало. Много бурь нагоняли на меня, но я не отклонялъ ихъ отъ себя, чтобы сбить съ ногъ другихъ. Чтобы не возбудить притязательствъ за 1812-й годъ, мнѣ утверждено было Государемъ выдать шесть тысячъ, для уплаты въ университескую типографію за напечатаніе третьяго изданія моей русской исторіи и наградить перстнемъ. Слѣдовательно это уравнивалось съ издержками нашими 1812-го года. Я тогда объ этомъ разсчетѣ не мыслилъ: я радъ былъ, что семейство мое почувствуетъ хотя временную передышку отъ нашествія горестныхъ нуждъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отправился я къ Николаю Михайловичу Карамзину. Нашъ исторіографъ встрѣтилъ меня съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ обходился со мною въ Москвѣ. Однажды, вечеромъ былъ у него М. М. Сперанскій, и Николай Михайловичъ указывая на мою русскую исторію, лежавшую у стѣны на столичкѣ, сказалъ: «Сергѣй Николаевичъ, вы обогнали меня въ исторіи». Я отвѣчалъ:—Въ продолженіи годовъ, а не въ славѣ пера вашего.

А между тѣмъ, когда нашъ исторіографъ говорилъ въ Петербургѣ о быстромъ обгонѣ моей русской исторіи, ее, бѣдную въ Москвѣ безпощадно уничтожали, и она въ безмолвіи уснула сномъ непробуднымъ. Роковая внезапность невольно поражаетъ. Тогда я сильно былъ встревоженъ, а теперь не сержусь но радуюсь, что журнальная мысль дѣйствуетъ и пробуждает дѣятельность. Прибавлю притомъ только, что безъ пристраст

ной отчетливой критики она будетъ самоуправствомъ, ибо нужно показать недостатки, и что и почему не хорошо. А въ «Телеграфѣ», бывшемъ тогда въ ходу, сказано было лаконическимъ приговоромъ: «Не читать безъ замѣчаній русской исторіи Сергѣя Глинки ни отцамъ, ни матерямъ, ни наставникамъ.» Это приговоръ, а не доказательства.

Прочитавъ это въ «Телеграфѣ», Николай Михайловичъ прислалъ ко мнѣ слѣдующую записку: «Иду сейчасъ къ министру просвѣщенія». И онъ пошелъ.

На другой день передъ кабинетомъ министра просвѣщенія встрѣтилъ я Василія Андреевича Жуковскаго, и услышалъ отъ него, что Н. М. Карамзинъ въ докладѣ своемъ изъяснилъ, что моя русская исторія, по изложенію происшествій и по нравственной цѣли, заслуживаетъ быть *классическою книгою*, за что и ходатайствуетъ о предоставленіи мнѣ награды.

Между тѣмъ Н. И. Гречъ пригласилъ меня къ обѣду. Я пришелъ къ нему съ сыномъ моимъ Владиміромъ, котораго взялъ съ собою, чтобы не быть въ Петербургѣ вовсе сиротою въ разлукѣ съ семействомъ. Гости съѣзжались. Тутъ, не бывъ въ Петербургѣ около семнадцати лѣтъ, увидалъ я юное, новое поколѣніе, сильное словомъ, мыслію и перомъ. Въ числѣ ихъ былъ Грибоѣдовъ. Хозяинъ посадилъ меня между поэтомъ Гнѣдичемъ и И. А. Крыловымъ. Когда поднесли къ нему исполинское блюдо рыбы, Крыловъ сказалъ:—«Что это, Николай Ивановичъ, ты хочешь насъ закормить».—«Нѣтъ! возразилъ хозяинъ: я хочу васъ накормить». Для меня, тогдашняго московскаго затворника, все было какимъ-то чуднымъ зрѣлищемъ, которое и развернулось неожиданною выходкою. Когда подали жаркое, Н. И. Гречъ, наливъ бокалъ шампанскимъ, сказалъ:—«За здоровье Государя Императора и за здоровье всего Августѣйшаго Дома, увѣнчавшаго наградою Сергѣя Николаевича Глинку». Бокалы закипѣли. Когда дошла очередь до меня, я попросилъ перо, бумагу и тутъ же написалъ стихи, напечатанные въ «Сѣверной Пчелѣ» февраля 17-го 1825 года.

Послѣ заздравнаго тоста за домъ царскій, хозяинъ провозгласилъ тостъ за тогдашняго министра просвѣщенія А. С. Шишкова, обратившаго на меня Высочайшее вниманіе. Обѣдъ былъ данъ не для моихъ «прекрасныхъ глазъ». Ловкій хозяинъ только воспользовался случаемъ. Съ 1824 года, за похищенный изъ его типографіи печатный листъ, ему довелось терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье, то-есть попасть въ среду боровшихся страстей. Не любя вмѣшиваться въ чужія дѣла, не стану болѣе о томъ распространяться. А притомъ, съ 1825-го года къ от-

шельнической моей жизни столько прильнуло необычайныхъ обстоятельствъ, что и теперь, то-есть въ 1841-мъ году, едва могу ихъ сообразить.

Чтобы ѣхать изъ Петербурга, иду за подорожною къ графу Милорадовичу. При появленіи моемъ онъ держалъ № «Сѣверной Пчелы», въ которомъ напечатано было о пирѣ Н. И. Греча; размахивая листомъ, графъ сказалъ:

— Я сейчасъ объ васъ читалъ. Но я скажу Государю, что для васъ ничего не сдѣлано. Вамъ въ долгу правительство за двѣнадцатый годъ.—И къ тому высокопарно возгласилъ: «съ Сергѣя Николаевича ничего не брать за подорожную, онъ все отдавалъ отечеству».

Такимъ образомъ получилъ я *обѣленную* подорожную, и тутъ же графъ напѣвалъ множество хвалебныхъ вѣстей о государѣ во время и послѣ наводненія, для помѣщенія этихъ его разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но напыщенный его разсказъ доказывалъ, что сердце его отрицало то, что языкъ его усиливался высказывать во всемъ риторскомъ великолѣпіи. Это замѣчаніе впослѣдствіи объяснится само собою.

Получивъ подорожную, я поспѣшилъ къ министру откланяться и поблагодарить.

— Погостите у насъ въ Петербургѣ недѣли три, сказалъ Александръ Семеновичъ,—объ васъ будетъ еще другой докладъ по представленію Н. М. Карамзина.

— Не останусь и на три дня, отвѣчалъ я. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете для меня все, что будетъ возможно; а я спѣшу въ Москву.

Съ живымъ предчувствіемъ неизбѣжной политической бури отправился я въ Москву, и въ первыя минуты свиданія съ женою сказалъ ей: «Увѣряю тебя, что нынѣшній годъ непремѣнно будетъ въ Петербургѣ что-нибудь необычайное».

— Полно! возразила она: ты такой же мечтатель какъ и любезный твой Жанъ-Жакъ Руссо.

— Не говори этого, возразилъ я: мой Жанъ-Жакъ не только угадчикъ, но былъ почти и пророкомъ. За нѣсколько лѣтъ до революціи, онъ въ «Эмилѣ» своемъ цѣлому свѣту возвѣстилъ, что мы живемъ въ вѣкѣ революцій, цари будутъ подданными, а подданные царями, и мало ли что̀ онъ еще предрекалъ. Да когда въ вихрѣ свѣта прислушиваться и вслушиваться въ ходъ времени! Впрочемъ увидимъ, кто изъ насъ будетъ правъ.

Чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи въ Москву, получилъ я отъ Н. М. Карамзина слѣдующее письмо:

«Сердечно благодарю васъ за ласковое, обязательное письмо;

но ради Бога не говорите о моихъ мнимыхъ одолженіяхъ! Я еще не могъ ничѣмъ услужить вамъ. Г. министръ не рѣшился доложить объ васъ вторично, и сдѣлаетъ то современемъ, какъ сказалъ мнѣ вчера; думаю, что для вѣрнѣйшаго успѣха лучше подождать. Ему единственно обязаны вы первымъ благосклоннымъ докладомъ, обо мнѣ же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому въ искреннѣйшемъ вамъ доброжелательствѣ и въ готовности доказать вамъ дѣломъ истину чувствъ моихъ. Любите меня просто за любовь мою къ вамъ; а будетъ, что Богу угодно. Не забуду напоминать г. министру, пока *намъ* рѣшительно не откажутъ.

«Будьте выше зависти и клеветы, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ и которыя въ здѣшнемъ свѣтѣ не оставляютъ въ покоѣ добрыхъ людей. Къ счастію, есть Богъ! злымъ не всегда удается сдѣлать зло.—8-го марта 1825 года. С.-Петербургъ».

Я писалъ не о злыхъ людяхъ, но о легкомысленныхъ. Недовѣріе похитило мою записку въ Петербургѣ. Тревожное недоумѣніе встрѣтило меня и на берегахъ Москвы-рѣки. Поѣздка моя въ Петербургъ и данный мнѣ обѣдъ Н. И. Гречемъ взволновали весь московскій университетъ.

Нѣтъ въ мірѣ ничего хуже и вреднѣе предположеній и ребяческихъ догадокъ. Умъ опытный и основательный сперва все осмотритъ, все изслѣдуетъ, сообразитъ обстоятельства и душевныя свойства человѣка, а потомъ предъявитъ свое сужденіе. Весь университетъ всполошился; одни распустили молву, будто бы я давалъ въ Петербургѣ пиръ и ухлопалъ на него данное на уплату въ университетскую типографію.

Огромленный со всѣхъ сторонъ молвою, я невольно упадалъ духомъ подъ болтливымъ и шумнымъ ея налетомъ. Желчь разлилась у меня, и я слегъ въ постель. Опасаясь, что семейство мое въ случаѣ смерти моей останется безъ всякаго пособія, я писалъ къ графу Милорадовичу, чтобы онъ по обѣщанію своему ходатайствовалъ за меня у Государя.

Отвѣта не было. Графъ сердился на меня за то, что возгласы его не появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Еслибъ разсказы его дышали искренностію, то, несмотря на тяжкую болѣзнь мою, я написалъ бы и напечаталъ препорученную мнѣ статью: но ни мысли, ни сердце, ни перо мое не поддавались. Не думайте, чтобы издатель «Русскаго Вѣстника» нахватомъ излагалъ свои мысли и сердечныя чувства. Онъ говорилъ то, что душа его подсказывала ему.

Вмѣстѣ съ весною оживилось и мое здоровье, и въ маѣ мѣ-

сяцѣ того же года получилъ я изъ Петербурга отъ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, что Государь не можетъ дать мнѣ пенсіи, потому что я не служу, и что «Государь приказалъ сказать мнѣ, чтобы я служилъ».

Озабоченный этимъ извѣстіемъ и видя необходимость ѣхать снова въ Петербургъ, чтобы исполнить государево слово и проситься на службу, мнѣ надлежало усилить труды и какъ-нибудь собрать денегъ на новую поѣздку.

Въ концѣ іюля (1825 г.), я, взявъ бричку у моего домохозяина, выѣхалъ изъ Москвы. Не болѣзнь, но какая-то тяжелая тоска сильно давила мнѣ грудь и вовсе отбила меня отъ обыкновенной пищи. А потому я запасся апельсинами и лимонами, и дорогою покупалъ и ѣлъ ягоды, гдѣ попадались. Не умѣю высказать, что̀ отуманивало мою душу, помню, что я будто исчезалъ въ самомъ себѣ. Время было прекрасное, но глаза мои не обращались на ясный небосклонъ и ни на какіе виды. Въ такомъ чудномъ и безотчетномъ для меня состояніи пріѣхалъ я на Валдайское зимогорье часу въ шестомъ вечера 27-го іюля. Оставивъ чинить бричку, пострадавшую отъ дороги, я пошелъ медленнымъ шагомъ горами.

Несвязныя мысли толпились въ головѣ моей. Я самъ никуда не оглядывался и какъ будто не слыхалъ подъ собой земли. Проѣзжалъ ли кто въ это время мимо меня, не знаю. Пустынею безмолвною была вся окрестность, или такъ мнѣ показалось.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе вечерѣло. Къ исходу часу десятаго очутился я на шестой верстѣ, и въ это время просверкнула въ головѣ моей мысль: Государь требуетъ, чтобы я служилъ. Но чтобы добиться до какой-нибудь службы, надобно исканіе, время, а я не привыкъ къ исканію: или нужно ждать, чтобы смерть столкнула кого-нибудь съ мѣста. Это все для меня новое и тяжелое дѣло.

Тутъ не могу и теперь отдать себѣ отчета, по какому необычайному порыву быстро приподнялъ я голову, снялъ шляпу и вотъ что предстало удивленнымъ глазамъ моимъ.

Среди свѣтозарныхъ облаковъ я увидалъ императора Александра, ницъ преклоненнаго отъ *юга* на *сѣверъ* въ молитвенномъ положеніи. На головѣ его была корона, а надъ нею виталъ свѣтлый облакъ. Глубокое, душевное, святое умиленіе отражалось во всѣхъ чертахъ лица его. Дивными, радужными цвѣтами отсвѣчивалась державная порфира царя, молившагося Царю царей. Я стоялъ, какъ вкопанный, неподвижно; видѣлъ все явственно

и не вѣрилъ глазамъ моимъ, или лучше сказать вглядывался въ небесное видѣніе очами душевными, а не земными.

Съ постепеннымъ наступленіемъ сумерекъ величественный призракъ исчезалъ съ ногъ и далѣе. Наконецъ призракъ весь разсѣялся въ розовомъ сумрачномъ туманѣ. Въ это мгновеніе слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Раздался звонъ колокольчика; бричка моя подоспѣла, и я сѣлъ въ нее съ какою-то непостижимою думою.

На другой день около полудня встрѣтился я подъ Бронницами съ *Семеновымъ*, бывшимъ секретаремъ одного изъ тогдашнихъ обществъ. Пока перемѣняли лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ съ какимъ-то иностранцемъ.

— У меня есть къ вамъ письмо отъ Өедора Николаевича, сказалъ онъ: — но оно у меня въ чемоданѣ, достать нельзя. Братецъ вашъ здоровъ, и васъ въ Петербургѣ ждутъ.

Гдѣ ожиданіе, тамъ блеститъ лучъ надежды. При словѣ: «васъ ждутъ», какъ будто свинцовое бремя спало съ моего сердца.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я поспѣшилъ къ брату Өедору Николаевичу, и пересказалъ ему о дивномъ моемъ видѣніи.

Братъ убѣждалъ меня никому объ этомъ не разсказывать и между прочимъ сказалъ: «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ императоръ въ то время молился».

Петербургъ показался мнѣ какъ будто окинутымъ какою-то мрачною завѣсою, несмотря на то, что присутствіе Маріи Павловны вызывало празднества. Приготовлялись также и къ поѣздкѣ въ Таганрогъ. Но я уже не встрѣчалъ того движенія, которое такъ кипѣло въ февральскую мою поѣздку. То была та тишина, которая предшествуетъ бурному и грозному волненію океана.

Явясь къ министру просвѣщенія, говорю ему, что я готовъ на всякую службу; но особенно былъ бы радъ и благодаренъ, еслибъ гдѣ-нибудь па городу дано бы было мнѣ мѣсто директора гимназіи, что и доставило бы мнѣ средства воспитывать дѣтей моихъ. Министръ отвѣчалъ:

— Вы мнѣ будете нужны въ Москвѣ. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматриваютъ новый цензурный уставъ и вы будете назначены цензоромъ. Отнеситесь ко мнѣ объ этомъ письмомъ, а я напишу въ московскій университетъ, чтобы за безпредѣльное ваше просвѣщеніе дать вамъ какое-нибудь мѣсто до установленія новаго цензурнаго комитета.» Нечего было дѣлать, я не прекословилъ министру и откланявшись ему, поѣхалъ на дачу къ князю Дмитрію Ивановичу Лобанову.

Даря меня не рѣдко письмами своими и разговаривая со

мною не рѣдко откровенно, князь въ этотъ разъ около четырехъ часовъ дѣлалъ крайне мрачное обозрѣніе дѣйствіямъ нашихъ министровъ. Каждое слово его дышало раздраженіемъ противъ внутренняго тогдашняго управленія. Правду сказать, я ни отъ кого въ Петербургѣ не слыхалъ ни одного добраго слова о тогдашнемъ времени. Все приготовлялось, но подъ завѣсою.

Черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ въ Петербургъ, я пошелъ къ графу Милорадовичу; адъютантъ, доложивъ обо мнѣ, возвратился съ отвѣтомъ, что буду принятъ, а минутъ черезъ пять пришелъ сказать, что графъ уѣхалъ. Не уѣхалъ; онъ убѣжалъ другимъ выходомъ на канаву. Это было мщеніе за то, что я не напечаталъ хвалебныхъ его возгласовъ. «Милорадовичъ, подумалъ я, щеголялъ въ битвахъ геройствомъ, а отъ меня бѣгаетъ. Видно, я для него страшнѣе пуль». Но онъ страшился не меня, а собственной своей совѣсти, отъ которой не запрячешься и подъ землю.

Въ воскресенье, обѣдалъ я съ братомъ Ѳедоромъ Николаевичемъ на дачѣ у Никитина, бывшаго секретаремъ редакціи журнала «Соревнователь просвѣщенія». Нѣсколько разъ порывался разсказать я о моемъ видѣніи на Валдайскихъ горахъ; но братъ мой сильно дернулъ меня за руку и сказалъ мнѣ на ухо: «молчите»!

Дача Никитина была подлѣ Екатерингофа, и мы подъ вечеръ отправились туда. Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ по саду, графъ Милорадовичъ бросился ко мнѣ съ распростертыми руками и обнимая меня кричалъ по-французски:

— Вы забыли! забыли меня!

На восклицанія его я возразилъ также по-французски:

— Къ вамъ нельзя ходить, графъ! Вы въ одни двери принимаете, а изъ другихъ уходите.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ графъ, приходите ко мнѣ завтра поутру, мнѣ до васъ крайняя нужда.

Я рѣшился исполнить его приглашеніе. Но чтобы надежнѣе съ нимъ свидѣться я вооружился рукописью, заключавшею въ себѣ около двухсотъ русскихъ и собственноручныхъ французскихъ писемъ Суворова [1]), переплетенную въ сафьянъ. Приношу и съ восторгомъ представляю рукопись.

Но графъ при имени Суворова холодно поморщился и оттолкнулъ памятникъ души, ума и славы Суворова; и это сдѣлалъ онъ съ какою-то Навуходоносоровскою гордынею. Оттол-

---

[1]) Рукопись эта передана князю М. С. Воронцову.

кнувъ Суворова, онъ оборотился къ вазѣ, въ которой плавали золотыя рыбки.

— Не правда ли, сказалъ онъ, — что они очень красивы.

И не дождавшись моего отвѣта, всталъ и съ торжественнымъ видомъ расхаживая по комнатѣ возглашалъ:

— Видѣли ли вы безсмертный памятникъ императора Александра Благословеннаго на Петергофской дорогѣ, который онъ устроилъ отъ наводненія?

Я отвѣчалъ отрицательно.

— О, поѣзжайте! воскликнулъ графъ, — поѣзжайте! Я пришлю къ вамъ мою коляску. C'est un monument vers le ciel; я каждый день по нѣскольку разъ ѣзжу восхищаться заботами о человѣчествѣ великой души императора Александра.

Послѣ наводненія 1824-го года, покойный государь приказалъ по Петергофской дорогѣ при постройкѣ тамъ возвысить двѣ пострадавшія деревни, чтобы впредь вода не причиняла имъ никакого разоренія.

Спѣшу туда въ коляскѣ графа. Спрашиваю кучера: — давно ли былъ тутъ графъ Милорадовичъ? Слышу отвѣтъ: «никогда». Это поразило меня, и я, отпустивъ коляску графа, не поѣхалъ къ нему. Я понялъ, для чего графъ игралъ со мною комедію.

1825-го года о графѣ Милорадовичѣ можно сказать Корнеліевымъ выраженіемъ: «въ Римѣ не было уже Рима». Не задолго до моей мистической поѣздки на Петергофскую дорогу, мнѣ разсказывалъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, что когда 1824-го г. графъ Милорадовичъ вытѣснялъ и вытѣснилъ с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера Гладкова, онъ поэтому случаю получилъ грозное письмо отъ Дибича и отъ имени государя. Въ гнѣвномъ порывѣ графъ воскликнулъ: Дибичъ мнѣ заплатитъ! Схватилъ пистолеты, бросился въ карету, но съ Пулкововой горы, по убѣжденію своего спутника, котораго имя, къ сожалѣнію, изгладилось у меня изъ памяти, возвратился въ городъ. Съ той поры онъ облекъ себя личиною лести. Раболѣпствовалъ передъ Аракчеевымъ, толкаясь иногда по получасу въ его пріемной. А когда графу Аракчееву докладывали о Милорадовичѣ, онъ говорилъ: «пусть подождетъ, онъ пришелъ выманивать денегъ».

И при появленіи сильнаго графа Аракчеева, графъ Милорадовичъ изгибался въ три погибели.

Далеко, далеко былъ онъ отъ того Милорадовича, который въ итальянскую войну, видя, что ряды нашихъ войскъ отступаютъ отъ напора непріятеля, схватилъ знамя и воскликнулъ: «Солдаты! Посмотрите, какъ умретъ вашъ генералъ». Далеко былъ онъ 1825-го года отъ Милорадовича 1799-го года. Въ 1814-мъ

году, отправляясь генералъ-губернаторомъ въ С.-Петербургъ, онъ навѣстилъ меня и сказалъ, что поѣдетъ къ графу Растопчину поучиться, какъ дѣйствовать на чредѣ генералъ-губернатора. Онъ хвастался также, что вступитъ въ борьбу съ тогдашнимъ министерствомъ. Не знаю, далъ ли ему графъ Ростопчинъ какіе-нибудь уроки; но кажется жрицы Киприды и какая-то темная дума изъ прежняго Милорадовича вытѣснила Милорадовича.

Упомянулъ я выше, что въ первую поѣздку въ Петербургъ графъ Милорадовичъ приказалъ выдать мнѣ подорожную не взыскивая съ меня поверстныхъ денегъ. На этотъ разъ разсудилъ я уклониться отъ этого подарка, а для того послалъ человѣка узнать, у себя ли графъ. Узнавъ, что онъ въ Екатерингофѣ, иду въ канцелярію, беру подорожную, ѣду въ Екатерингофъ. Застаю графа на крыльцѣ.

— Я радъ, что вижу васъ, сказалъ графъ.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, вотъ и подорожная.

Графъ предложилъ мнѣ завтракъ.

— Согласенъ, сказалъ я, — завтракъ замѣнитъ мнѣ обѣдъ.

Приказавъ заготовить завтракъ, графъ пригласилъ меня съ собою на балконъ, обращенный къ заливу. Онъ сѣлъ на правую сторону къ заливу, а я на лѣвую. Не знаю для чего, указывая рукою на Стрѣльну, мелькавшую вдали, онъ сказалъ:

— Voyez vous ce chateau? C'est moi qui a fait tout ce plan?

Что такое онъ устроилъ или смастерилъ, я не озаботился узнать.

— Графъ, сказалъ я: — дня два тому назадъ ѣхалъ я съ Каменнаго Острова Троицкимъ мостомъ. Нева волновалась; небо было подернуто туманомъ; порывистые вѣтры бушевали со всѣхъ сторонъ. И мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: Pétersbourg est une ville où luttent tous les élémens et toutes les passions.

— Mais c'est vrai ça.

— Et vous, que faites-vous?

— Je suis irrité, je me suis jeté dans la populace.

— Vous vous êtes jeté dans la mer la plus orageuse.

Тутъ, прервавъ разговоръ французскій, я сказалъ:

— Ужели одно простонародье составляетъ цѣлое общество. И виноваты ли мы, бѣдные отцы семействъ, что мы родились дворянами? Вы знаете, графъ, что у меня нѣтъ ни деревни, ни дома, а у меня семь человѣкъ дѣтей.

— А на что вы ихъ надѣлали?

— Вы ошибаетесь, графъ. Дѣтей Богъ даетъ. Иной богачъ Богъ-знаетъ что̀ бы далъ, только были бы у него дѣти. Но дѣтей ни покупаютъ, ни дѣлаютъ. Рѣзецъ художника можетъ выдѣлать и Купидона, и Галатею, но повторяю, что: дѣтей Богъ даетъ.

Краска выступила на лицѣ графа. Онъ нѣсколько помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Хорошо, я непремѣнно выпрошу для васъ Анну съ алмазами и три тысячи пенсіи; донесите государю, что Гр. и Булг. его не любятъ. Я буду вамъ самъ диктовать, а вы только пишите своею рукою и подпишите свое имя.

Признаюсь: менѣе бы я изумился, еслибъ громъ упалъ къ ногамъ моимъ, сколько поразилъ меня такой вызовъ графа.

— Графъ! сказалъ я: — тѣми ли устами вы вызываете меня на пагубу, которыми нѣкогда воспламеняли русскихъ воиновъ къ дѣламъ славы? Вы меня оскорбляете, и я не узнаю въ васъ того героя, котораго братъ мой Ѳедоръ Николаевичъ назвалъ въ письмахъ своихъ: «русскимъ Баярдомъ». Я бѣденъ, я крайне угнетенъ обстоятельствами, но за всѣ сокровища свѣта не продамъ совѣсти моей и того душевнаго слова, которое Богъ далъ намъ для любви, а не для гибели людей.

Тутъ извѣстили, что завтракъ готовъ. Въ рѣчахъ графа отражалось раздраженіе. За столомъ мы ѣли, и переливали изъ пустого въ порожнее.

Я заговорилъ о лаврахъ его, пожатыхъ имъ на поляхъ Италіи, о тѣхъ дивныхъ дняхъ, когда онъ завидовалъ славной смерти храбраго Кульнева. Лицо графа прояснялось. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Опишите Екатерингофъ; не забудьте о воспоминаніяхъ оссіановскихъ, и я ваше описаніе отправлю въ Веймаръ, къ Маріи Павловнѣ.

— На это, отвѣчалъ я: — согласенъ. Ея высочество была, можно сказать, попечительною матерью русскихъ раненыхъ въ войну заграничную. Можетъ быть ей угодно будетъ наградить меня перстнемъ. Подарку буду радъ; но о вашихъ обольщеніяхъ стыжусь и подумать. Скажу только вамъ, что я такъ не люблю впутываться въ чужія дѣла, что даже не любопытствую узнать, что значатъ ваши слова, когда, указывая на Стрѣльну, вы сказали: «C'est moi, qui à fait tout ce plan».

Графъ смутился; хотѣлъ что-то сказать; но тутъ я замѣтилъ, что мнѣ пора ѣхать. Выпивъ по заздравному бокалу, мы простились — навсегда.

А когда вышелъ мой «Московскій Альманахъ», гдѣ помѣ-

стилъ я описаніе Екатерингофа и застольную нашу бесѣду, графъ уже былъ тамъ, гдѣ, говоря словами поэта: «Смерть кладетъ на жизнь завѣтную свою печать»...

Съ прежнею торопливостью я спѣшилъ въ Москву, и проѣзжая Царское Село, посѣтилъ я Н. М. Карамзина. Захожу въ Китайскую деревню, гдѣ жилъ тогда нашъ исторіографъ. Узнаю, что онъ занятъ въ саду утреннею прогулкою, беру перо и пишу: «Вы нѣжный отецъ семейства и вы можете судить, какъ тяжело быть въ разлукѣ съ семействомъ. Но гдѣ бы я ни былъ, напоминаніе о васъ будетъ вездѣ и всегда неразлучно со мною».

Вслѣдъ за мною летѣло слѣдующее письмо Николая Михайловича:

«Мнѣ сердечно жаль, что я не видался съ вами. Вѣрьте моему искреннему усердію. Обрадуюсь, когда узнаю, что вамъ дано хорошее мѣсто, иначе просьба о пенсіи впереди. Выбирайте любое мѣсто или пенсію. Буду навѣдываться о мѣстѣ черезъ Сербиновича. Александръ Семеновичъ теперь въ горѣ: лишился Дарьи Алексѣевны. Будьте здоровы съ вашимъ любезнымъ семействомъ, и проч.».

Въ Москвѣ встрѣтили меня и новыя предположенія, недоумѣніе и догадки, и всѣ разгулы молвы. Долго судили и рядили ученыя головы, куда дѣвать человѣка, извѣстнаго министру «чрезвычайнымъ своимъ просвѣщеніемъ». Наконецъ, придумали возвести меня въ небывалую степень: «Оберъ-корректора университетской типографіи». По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ предложено было званіе оберъ-корректора въ самый день кончины императора Александра Перваго, ноября 19-го. Мелкій объемъ моей жизни не разъ сталкивался съ великими событіями. 1808-го года, по жалобѣ Наполеона на «Русскій Вѣстникъ», предъявленной посланникомъ его Коленкуромъ, я былъ отставленъ отъ московскаго театра. А далѣе увидятъ, что за то, что я во французской брошюркѣ, изданной мною 1828-го года, подъ заглавіемъ: Considérations morales sur la presse périodique en France», касательно происходившихъ въ палатѣ Франціи жаркихъ преній о *журналахъ*, я предупредилъ паденіе Карла X-го, за то и самъ палъ со стула цензорскаго.

Но я право никогда не искалъ ни славы возвышенія, ни славы паденія, и остался цѣлую жизнь мою *четверократнымъ майоромъ*. А вотъ какимъ образомъ: въ 1806-мъ году служилъ я бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ, по Сычевскому уѣзду, и вышелъ въ отставку, сохраняя чинъ майора. Потомъ поступилъ на службу при московскомъ театрѣ, гдѣ былъ переводчикомъ и просилъ, чтобы оставили меня въ майорскомъ чинѣ.

1812-го года, я снова отстоялъ свой майорскій чинъ. А когда, 1828-го года, я вступилъ въ московскій цензурный комитетъ и принялъ должность цензора, я подалъ прошеніе къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, въ которомъ испрашивалъ дозволенія не носить гражданскаго мундира, и не давать мнѣ чиновъ, а оставить меня въ майорскомъ чинѣ. Вслѣдствіе просьбы моей попечитель московскаго учебнаго округа, въ іюлѣ мѣсяцѣ того года, получилъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія, генерала-отъ-инфантеріи князя Ливена слѣдующее отношеніе: «Предмѣстникъ мой, въ январѣ мѣсяцѣ сего 1828-го года, представленною государю императору докладною запискою ходатайствовалъ объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго комитета майора Глинки въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ полученный при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ вновь на службу ему не слѣдовалъ, объясняя, что цензоръ Глинка состоитъ въ майорскомъ чинѣ двадцать семь лѣтъ и литературными своими трудами пріобрѣлъ довольную извѣстность, чтобы ему оставленъ былъ на службѣ настоящій майорскій чинъ. По собраніи къ сему нужныхъ справокъ, г. начальникъ штаба его императорскаго величества входилъ съ докладомъ по означенному предмету къ государю императору и его величество по уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи г. адмирала Шишкова, высочайше повелѣть соизволилъ оставить цензора Глинку на службѣ въ настоящемъ чинѣ майора».

Итакъ, съ 26-ти лѣтъ отъ роду остался я вѣчнымъ майоромъ.

Ректоромъ московскаго университета былъ въ то время А. А. Антонскій. Онъ искусный былъ путеводитель юношей, никто лучше его не умѣлъ водворять тихомиріе среди всѣхъ волненій пылкой юности. Но и онъ, при всемъ ко мнѣ доброжелательствѣ не изъятъ былъ изъ числа людей, почитавшихъ меня какимъ-то лицомъ или дѣятелемъ таинственнымъ. А потому неумѣстный указъ о назначеніи моемъ въ должность оберъ-корректора не раздражилъ моего самолюбія, ибо такой труженникъ чернильный великимъ былъ бы глупцомъ, еслибъ затѣялъ лелѣять тщеславіе, которымъ живутъ и дышутъ баловни судьбы и искатели почестей. Мнѣ было уже тогда пятьдесятъ лѣтъ. Трудно было присматривать и за собственными буквами. Каково же было уполномочиться въ опекѣ надъ всѣми типографскими буквами. И смѣшно бы было, еслибъ я вступилъ въ оберъ-корректоры. Возразить на указъ было легко, онъ присланъ ко мнѣ помимо домогательства моего. Отыскивая въ головѣ такое слово, котораго значеніе было бы полновѣснѣе и отрывочнѣе, я остановился на сло-

вѣ: *поелику*, которое, по чести говорю, я никогда не употреблялъ. Итакъ, вооружась великимъ и сильнымъ *поелику*, я препроводилъ къ А. А. Писареву, тогдашнему попечителю московскаго университета, слѣдующее письмо:

«Поелику я никуда никогда не подавалъ никакого прошенія на предлагаемое мнѣ званіе, то на основаніи всѣхъ законовъ, отказываюсь не только отъ онаго, но и отъ всякаго сношенія съ университетомъ».

Вскорѣ послѣ письма моего попечитель московскаго университета давалъ обѣдъ для профессоровъ, на который и я былъ приглашенъ. Отвѣтъ мой на указъ былъ уже въ рукахъ попечителя. А. А. Писаревъ былъ моимъ корпуснымъ товарищемъ, и потому обходился со мною по-братски. При входѣ моемъ онъ сказалъ:

— Что это ты дѣлаешь, Сергѣй Николаевичъ?

— Ничего! а спроси, что дѣлаетъ университетъ? Вѣдь это на смѣхъ курамъ, что по свидѣтельству министра народнаго просвѣщенія, «за мое безпредѣльное просвѣщеніе» онъ же, министръ, подписалъ опредѣленіе мое въ оберъ-корректоры. Александръ Семеновичъ часто дремлетъ, и я увѣренъ, что онъ не читавъ подписалъ университетскую бумагу соннымъ перомъ...

Очень живо помню, что послѣднее круженіе мое къ отысканію мѣста кончилось ноября девятнадцатаго.

А въ то время, на другомъ краю въ Россіи, дивныя судьбы Провидѣнія сводили съ престола пол-вселенной въ обитель праотцевъ—Александра Перваго.

И все было необычайно въ судьбѣ его! Въ годъ рожденія встрѣченъ онъ былъ наводненіемъ, превосходившимъ всѣ прежнія, и за годъ до кончины свирѣпствовало наводненіе, какъ будто отъ крайнихъ рубежей океана вринувшееся въ Неву. Взирая съ балкона дворца своего на борьбу стихій, Александръ писалъ къ нашему исторіографу: «Наводненіе было необычайное. Столица много пострадала—я на своемъ мѣстѣ. Преклоняю главу предъ Провидѣніемъ». М. Н. Карамзинъ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ, гдѣ буря ломала и рвала съ корнями давнолѣтнія деревья. А нашествіе океана, моря и залива на стогны и окрестности петербургскія, забушевало почти ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ нашествія европейскихъ народовъ на Россію.

День ввезенія въ Москву тѣла императора Александра Перваго былъ въ полномъ смыслѣ слова днемъ могильнымъ. По опустѣлымъ улицамъ разъѣзжали конные отряды; среди глубокой тишины раздавался только благовѣстъ къ вечернямъ. Носились различные туманные слухи; но я пошелъ на встрѣчу хода

погребальнаго. Приближаясь къ Кремлю, Илья пріостановилъ печальную колесницу, бросилъ вожжи и всплеснувъ руками, вскричалъ: «Граждане московскіе! кого вы встрѣчаете!» Безмолвные сонмы народа, стоя неподвижно, осѣнялись крестомъ, то смотря на царственный гробъ, то обращаясь къ златымъ главамъ соборовъ московскихъ. Молчаніемъ окованы были уста гражданъ московскихъ! А давно ли торжественное ура гремѣло при появленіи Александра Перваго на крыльцѣ дворца Кремлевскаго!

Въ унылой задумчивости пошелъ я на Дѣвичье-поле, откуда жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Москва казалась глухою пустынею, ворота у домовъ были заперты; изрѣдка мелькали сани: пѣшеходовъ какъ будто не стало. На Дѣвичьемъ-полѣ бѣлѣлся только снѣгъ. Тутъ, взглянувъ на вершины горъ Воробьевыхъ, гдѣ видѣлъ торжественную закладку храма Христа Спасителя, и соображая минувшее съ настоящимъ, мелькали передо мною быстрые переходы земной жизни. Возвратясь домой и удовлетворя любопытство свое касательно тревожныхъ слуховъ, я развернулъ библію и занялся чтеніемъ Экклезіаста.

Между тѣмъ мѣсто исчезло, и доброму Н. М. Карамзину не до пенсіи было за русскую мою исторію. Онъ и самъ угасалъ и въ продолженіи исторіи своей, и на путяхъ жизни. Я горевалъ, но не терзался. Хотя и сказано, что надежда неразлучная спутница человѣка, но я всегда начиналъ и принимался за трудъ безнадежно; былъ бы только трудъ. Щекотливое самолюбіе бѣситъ насъ тогда, когда, создавъ въ мысляхъ что-нибудь затѣйливое и расчисливъ на успѣхъ, попадаемъ въ просакъ.

А я безъ всякой запасной мысли шагая изо дня въ день, высматривалъ только, откуда блеснетъ лучъ чернильной работы, и если угодно даже и поденщины. Упомяну здѣсь, что въ ценсорство мое въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ помѣщено было, что я не писатель, а ремесленникъ. Товарищъ мой ценсоръ Мерзляковъ сказалъ, что этого не пропустятъ. «Пропустите, отвѣчалъ я; прибавьте только: *ремесленникъ Сергѣй Глинка*, ибо у насъ есть писатель Ѳедоръ Николаевичъ Глинка.

Какъ бы то ни было, но въ работу подденную счастливый случай доставилъ мнѣ: «*сто* Лафонтеновыхъ басенъ».

А вотъ какимъ образомъ.

Московскому граверу Кудрявцову попались въ руки избранныя Лафонтеномъ басни съ картинами. Вырѣзая картины, онъ предложилъ мнѣ переводъ басенъ, съ условіемъ за каждую по пяти рублей ассигнаціями.

Въ продолженіи *ста дней* получать по пяти рублей вѣрныхъ—это было для меня рудникомъ перувіанскимъ. Были сто

дней и у дивнаго человѣка нашего вѣка, у Наполеона. Въ обмѣнъ за нихъ и за нѣсколько державъ получилъ онъ при жизни скалу Еленскую, а по смерти памятникъ на Вандомской площади. Кому изъ насъ болѣе прислужились сто дней? Тутъ конечно не сравненіе, а только намёкъ на быстрый перелетъ времени. Сто Наполеоновскихъ дней перешли въ столѣтія историческія! а будутъ ли когда-нибудь напечатаны мои *сто* басенъ — и этого не вѣдаю. Переводъ этихъ басенъ посвятилъ я Ивану Ивановичу Дмитріеву. А какъ состоялось посвященіе? Объясняюсь: по предварительному условію съ граверомъ, надлежало переводъ первой басни представить на разсмотрѣніе Ивана Ивановича Дмитріева. Поэтъ нашъ въ переводѣ моемъ перемѣнилъ только одно выраженіе, и подъ щитомъ его мой переводъ пошелъ безостановочно. Каждый день съ новою баснею спѣшилъ я къ граверу на Никольскую, каждый день получалъ по пяти рублей и засыпалъ въ ожиданіи другихъ пяти рублей за *басню* на нужды существенныя. По составу и ходу существующаго общества, труденъ подвигъ отца семейства. Жанъ-Жакъ Руссо, предвидя разгромъ старинной Франціи, плакалъ, когда напоминали ему о его дѣтяхъ. А баснописецъ Лафонтенъ, брося жену и сына, и издѣваясь надъ тружениками отцами-семействъ, говорилъ:

„O père de famille,
Je ne t'ai jamais envié cet honneur".
«Отецъ семейства будь, будь честь твоя съ тобой,
Мнѣ не завиденъ жребій твой».

Одинъ изъ издателей его басенъ замѣчаетъ, что honneur не означаетъ ни почести, ни чины, но просто выказываетъ заботы и хлопоты семейственныя. Жизнь бѣднаго отца семейства ни *чинъ*, ни *почесть*, а крестъ и крестъ тяжелый. Стоять на безсмѣнной стражѣ нуждъ ежедневныхъ; уравнивать въ умственномъ образованіи бѣдность съ богатствомъ, видѣть развитіе душъ и мыслей дѣтей и не видѣть для нихъ никакой отрадной цѣли въ обществѣ. Что это такое? Горе великое, неизъяснимое. На каждомъ шагу угрожала мнѣ гибель, если не встрѣтится новая работа къ подкрѣпленію выше упомянутаго труда. Встрѣтился мнѣ новый трудъ въ подспорье прежняго. Въ молодости моей мечтая съ *Юнгомъ*, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ, нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочиняя въ мысляхъ *Юнговы ночи;* возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою

душу? Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ жизнію труженической? Получа по ломбардному билету шесть завѣщанныхъ мнѣ тысячъ, я отдалъ священнику церкви Петра и Павла полтораста рублей для памятника Альберту Фишеру, предполагая, что и другіе со мною наслѣдники, которымъ по заемнымъ отказано было по десяти тысячъ, окажутъ свое содѣйствіе. Завѣщанныя имъ деньги по заемнымъ письмамъ состояли на богачѣ и по счету крестьянскихъ душъ, и по огромному дому. Но простосердечное то время давнимъ-давно пролетѣло, когда должникъ, страшась укоризны, торопился уплачивать долгъ. Въ нашъ вѣкъ брать и не отдавать одно и то же. Итакъ, назначенное мною на памятникъ рѣшась употребить по свойству души моего покойнаго друга, я написалъ къ католическому священнику по-французски слѣдующую записку: «Одинъ изъ вашихъ проповѣдниковъ сказалъ, что милостиня, полагаемая въ нѣдра бѣдныхъ, молится за насъ. Я теперь на чредѣ бѣдняковъ. А потому изъ доставленныхъ вамъ мною ста пятидесяти рублей пришлите мнѣ семьдесятъ пять, а остальные раздайте тремъ неимущимъ семействамъ. Вмѣстѣ съ ними отправлюсь я на могилу моего друга, и вмѣсто каменнаго памятника прольемъ за него душевную молитву къ небесному Отцу любви и милосердія».

Тутъ вполнѣ сбылась истина, что «добро не умираетъ». Другъ мой и съ того свѣта подалъ мнѣ руку помощи.

Около этого времени императоръ Николай Первый подарилъ мечъ Александра Перваго Войску Донскому.

Стихи, сочиненные мною на этотъ случай, принесли мнѣ нѣсколько сотенъ, что и развязало перо мое для работы безмездной и доставило душѣ моей сладостную льготу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ другимъ.

Но въ вѣкѣ рыцарства существовалъ во Франціи *Судъ любви*, и въ одномъ изъ опредѣленій его сказано было:

„Qui prend,
Se vend“.

«Кто беретъ—себя продаетъ».

Представился и мнѣ счастливый случай передавать и дѣлиться единственнымъ моимъ добромъ, то-есть трудомъ. При учрежденіи коммиссіи прошеній, каждый день стекалось ко мнѣ множество лицъ различныхъ сословій для сочиненія имъ просьбъ. Этотъ случай былъ для меня истиннымъ подаркомъ отъ Провидѣнія, которое посредствомъ друга моего Альберта Фишера и при жизни и по смерти его оживило мое семейство. Я не

могъ, думалъ, соорудить ему памятника. Но при сочиненіи прошеній неимущимъ страдальцамъ буду припоминать, что онъ завѣщалъ мнѣ помощь «за любовь мою къ бѣднымъ», и въ каждомъ благодарномъ словѣ просителей буду встрѣчать свидѣтельство, что я не измѣнилъ довѣренности его.

Можно ли жить безъ ожиданій и надеждъ?—не разсуждаю объ этомъ. Но повторяю и здѣсь, что не порицаю ни увеселеній, ни исканій свѣтскихъ удовольствій; я съ 1812 года вовсе отмежевался отъ всего того, что составляетъ и большой и малый кругъ и чѣмъ живутъ эти круги. Послѣдній другъ юности моей, Тучковъ, палъ въ битвѣ Бородинской, новыхъ у меня не было. Въ первые годы изданія «Русскаго Вѣстника» искали со мною знакомствъ и переписокъ. Въ 1826-мъ году знакомство отдалилось, переписка онѣмѣла. Иные за могилой отживаютъ на поприщѣ писателей, а я при жизни выбылъ изъ разряда писателей своевременныхъ. Въ свѣтѣ есть различные пути удачъ: пути случайности, чиновные, богатства, а въ свою очередь и писательскіе.

Улыбается счастіе, лелѣетъ и свѣтъ. Вмѣстѣ съ возрастомъ дѣтей цвѣтутъ въ семействахъ и ожиданія, и надежды и мечты; для меня и призракъ этого ни откуда не проглядывалъ. Съ возрастомъ дѣтей моихъ возрастала и боязнь за ихъ будущее. Я страдалъ, тяжело страдалъ, но не томился духомъ. Не муча мыслей моихъ никакими земными разсчетами дальновидной или мнимой разсчетливости; не тяготя сердце никакими натисками тщеславія и честолюбія, послѣ трудовъ дневныхъ я не былъ жертвою ночей безсонныхъ. Сонъ благодѣтельный освѣжалъ мои силы для новой борьбы житейской. «Не нужно, говоритъ Паскаль, вооружаться вселенной къ подавленію человѣка; и капля воды, и ничтожная былинка не рѣдко похищаютъ жизнь его». Въ такомъ расположеніи духа представилъ я просьбу мою въ коммиссію прошеній, состоявшею подъ предсѣдательствомъ князя Александра Николаевича Голицына.

Коммиссія вытребовала у меня списокъ дѣтямъ моимъ. Вслѣдъ затѣмъ по волѣ благодѣтельнаго государя сдѣланъ былъ мнѣ запросъ: «Куда желаю я помѣстить дѣтей моихъ?» Я отвѣчалъ, что «однажды препоруча дѣтей моихъ Богу и государю, я отрекаюсь отъ собственнаго моего распоряженія».

Тутъ совершилось въ семействѣ моемъ событіе, которое и здѣсь живетъ въ душѣ моей, и перейдетъ со мною въ обитель вѣчности.

Дѣла идутъ вслѣдъ за человѣкомъ и высказываютъ его душу. Дѣянія любви христіанской, сочетавшіяся съ обновленною

жизнію моего семейства, высказываютъ душу князя А. Н. Голицына. 1827 года отвезъ я старшаго сына моего въ С.-Петербургъ, куда надлежало препроводить и двухъ дочерей моихъ, опредѣленныхъ государемъ въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ или въ Смольный монастырь. Озабочивала меня мысль, какъ остаться матери безъ подспорья съ малолѣтными дѣтьми, чѣмъ платить мнѣ надзирательницѣ, да и кто будетъ отрадою въ болѣзняхъ ея? Все это изложилъ я въ письмѣ моемъ къ князю Александру Николаевичу, прося его предстательствовать у государя, чтобы назначенная тысяча на воспитаніе старшей моей дочери предоставлена была на домашнее наше содержаніе. По возвращеніи въ Москву я получилъ извѣстіе, что просьба исполнена, — и съ тѣмъ вмѣстѣ выдано мнѣ на путевыя издержки, для доставленія младшей дочери моей Анны въ Смольной монастырь.

Что это такое? Милость Божія, расположившая сердце царево къ дарованію новой жизни моему семейству, и пославшаго за насъ ходатая въ то время, когда, казалось, и люди и свѣтъ отвернулись отъ насъ. Меценатами слывутъ покровители писателей и художниковъ. Римскій Меценатъ покровительствовалъ двумъ счастливцамъ—поэтамъ и друзьямъ, Виргилію и Горацію, но въ то время, когда въ лицѣ князя А. Н. Голицына Провидѣніе послало ходатая за мое семейство, я былъ на тернистыхъ путяхъ жизни труженика, а не писателя. Горацій пѣлъ на лирѣ въ честь Мецената. Перо мое не расточало никогда похвалъ князю. Однажды я сказалъ:—Князь! я никогда не искалъ покровителей, но васъ самъ Богъ послалъ подкрѣпить мое семейство. Князь отвѣчалъ: «Богъ поставилъ меня на стражу вашего семейства; Богъ послалъ бы ему и другого попечителя. Благодарите государя; сердце его само собою расположено на всякое добро для вашего семейства?»

Упомянулъ я, что еще въ 1825-мъ г. мнѣ сказали, что я буду назначенъ цензоромъ, когда выйдетъ новый цензурный уставъ. Въ исходѣ 1826 года уставъ вышелъ, но я не поступилъ тогда въ званіе цензора.

Какъ бы то ни было, однакоже молва уже распространилась, что я буду избранъ въ цензорство, отчего и ласковѣе стали ко мнѣ тѣ книгопродавцы, которые прикосновеннѣе были къ цензурѣ по изданію и печатанію книгъ. Будто можно пенять на людей, что люди ищутъ въ людяхъ. Человѣкъ, ничѣмъ не сцѣпленный съ движеніемъ существующаго общества—живой мертвецъ. Знаю это по опыту жизни моей. Благоволеніе упомянутыхъ людей состояло въ томъ, что мнѣ стали предлагать ра-

боту. Въ одно время довелось мнѣ заниматься и переводомъ Лафонтеновыхъ басенъ, и составленіемъ книги: «Панорамы вселенной», и обработывать исторію Греціи.

Летучіе листки мои въ «Дамскій Журналъ» были для меня отдыхомъ отъ заказной работы. Впрочемъ и описаніе Греціи убыстряло полетъ мечтательности моей: я говорилъ уже и здѣсь повторяю, что начало воспитанія моего слилось съ очаровательными воспоминаніями о древней Греціи. А потому и новыя событія Греціи шли рядомъ съ моими мечтами, пересылаемыми въ «Дамскій Журналъ».

На другой день по пріѣздѣ жены моей изъ Петербурга, куда ѣздила она для помѣщенія младшей дочери нашей Анны въ Смольный монастырь, я сочинилъ романсъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что «возвращеніе ея возвратило мнѣ душу». Видя какъ торопливо я писалъ, и какъ, окончивъ, спѣшилъ съ бумагою изъ дома, жена моя прочла стихи и смѣясь сказала: «Какъ тебѣ не стыдно подъ такими нѣжностями полными буквами выставлять свое имя?»

— Да какъ же мнѣ подписываться?

— Если тебѣ снова придетъ охота сочинять романсы и пѣсни, то по крайней мѣрѣ подписывайся подъ ними: *мечтатель*.

Такимъ образомъ, 1827 года декабря пятаго произведенъ я въ званіе *мечтателя*. Такъ что-жъ? Мало ли было мечтателей? Солонъ сочинялъ элегіи, Сократъ въ темницѣ перекладывалъ въ стихи Эзоповы басни. Іоаннъ Собѣсскій, избавившій Европу отъ нашествія мусульманъ, пѣлъ пѣсни и сочинялъ пѣсни. Угрюмый Карно, заполонившій области исполинскими своими предначертаніями, до поступленія въ комитетъ du salut publique, писалъ мадригалы. Наконецъ нашъ Суворовъ на отрѣзъ сказалъ: «я живу въ непрестанной мечтѣ».

Въ 1828-мъ году пораженъ я былъ внезапною кончиною Николая Мартіановича Сипягина. И когда? Въ то самое время, когда онъ изъ-за вершинъ Кавказа, гдѣ былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, желалъ, чтобы дѣти его отъ перваго брака воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми моими. Мысли изъ-за горъ Кавказа летѣли въ Москву, а смерть сторожила его въ Тифлисѣ. Очеркъ военныхъ подвиговъ Сипягина находится въ «Письмахъ русскаго офицера». Очевидцы свидѣтельствуютъ, что непоколебимымъ хладнокровіемъ въ сраженіяхъ сберегалъ онъ людей, и въ опасностяхъ одушевлялъ ихъ примѣромъ своимъ: вотъ его лавры. Привыкнувъ къ умственной дѣятельности. Н. М. Сипягинъ обращалъ зоркій взглядъ на различныя отрасли управленія внутренняго. Нѣкоторыя изъ его бумагъ были въ рукахъ

покойнаго императора и возвращены ему съ карандашными помѣтками. Одна и очень рѣзкая странность проявлялась въ дѣйствіяхъ его: страсть къ безусловной точности.

Но эта точность относилась не къ разсчетамъ хозяйственнымъ, а въ разсчисленіи времени, въ ходѣ котораго онъ опирался на каждое мгновеніе—словомъ, съ часами своими онъ хотѣлъ уровнять стрѣлки всѣхъ часовъ.

Однажды онъ поручилъ мнѣ познакомить съ нимъ русскаго учителя, назначая для свиданія двѣнадцать часовъ. Учитель пришелъ десятью минутами позже, и не былъ принятъ. Извѣстно, что Карлъ V, удалясь въ уединеніе, домогался нѣсколько стѣнныхъ часовъ довести до такой точности, чтобы бой ихъ звучалъ въ одно мгновеніе. Извѣстно, что Наполеонъ говорилъ, что надобно слѣдить время мѣрнымъ шагомъ. Наконецъ извѣстно, что оба великана своего времени не оковали времени по своему произволу. То же случилось и съ Сипягинымъ, также человѣкомъ историческимъ на своей чредѣ. И какъ грозно наказала его *безусловная точность*. Отпуская вторую супругу свою, урожденную Кушникову въ Москву къ роднымъ для родовъ, онъ съ обыкновенною увѣренностью своею обнадежилъ ее, что черезъ двадцать дней пріѣдетъ къ ней. Срокъ проходилъ, а онъ не ѣхалъ. Наступилъ день родовъ; а его нѣтъ. Супруга Сипягина знала, что еслибы болѣзнь или что-нибудь непредвидѣнное по службѣ удержало Николая Мартіановича въ Тифлисѣ, то объ этомъ дали бы знать. Сипягина сказала окружающимъ, что навѣрно мужъ умеръ. Послѣ родовъ умерла и сама. Тутъ скажемъ съ Суворовымъ: точность въ одномъ Богѣ, а въ дѣлахъ человѣческихъ нужно теченіе. Теченіе для подвиговъ добра, и потому прибавлю другую суворовскую поговорку: торопитесь дѣлать добро!

Несмотря ни на какую погоду, я каждодневно передъ вечернимъ чаемъ ходилъ на прогулку. Нерѣдко слышалъ я въ Москвѣ: «Сергѣй Николаевичъ, ну, если въ ночныхъ вашихъ поискахъ кто-нибудь пырнетъ васъ ножемъ?» — Такъ чтó-жъ? возражалъ я: умру и только. Странно вамъ кажется, что вмѣсто театровъ и пышныхъ вечеровъ я брожу ночью по улицамъ, особливо въ дни праздничные и отыскиваю упившихся. Много горя глубокаго, скорби жестокой видѣлъ я въ темнотѣ на улицахъ московскихъ. Вы ходите въ театръ за тѣмъ, чтобы расшевелить душу, дремлющую въ оковахъ свѣтскихъ приличій или пресыщенную разгуломъ большого свѣта? А моя душа встрѣчаетъ живое, сладостное ощущеніе, когда затерявшагося въ чаду бахусовомъ отца семейства или юнаго гуляку, по косноязыч-

нымъ ихъ намёкамъ, провожу домой, въ кругъ семейства, неспящаго въ томительномъ безпокойствѣ и когда слышу сердечную молитву: награди васъ Богъ!

Я вѣрю этой сердечной молитвѣ. И подъ щитомъ ея въ 1829-мъ году на вербной недѣлѣ, послѣ сильныхъ цензурныхъ передрягъ, отправился я въ Петербургъ. Зимній дилижансъ занятъ былъ поэтомъ Мицкевичемъ, Ротчевымъ и мною. Провожавшіе насъ знакомые назвали этотъ дилижансъ поэтическимъ. Это было справедливо въ отношеніи къ двумъ юнымъ моимъ спутникамъ. Геніальный Мицкевичъ парилъ мыслію; Ротчевъ слѣдилъ за Шиллеромъ, а я тосковалъ по своему семейству. Замѣтя мою грусть, товарищи мои дарили меня сочувствіемъ. Зимняя дорога была ужасна; казалось, что на ней кипѣли волны морскія и вдругъ оледенѣли. Мы не ѣхали, а бились и выбивались изъ выбоевъ извилисто изрытыхъ обозами. Поэтъ Мицкевичъ претерпѣлъ сильный ушибъ.

За горами валдайскими пересѣли мы на телѣги. Въ Петербургъ пріѣхалъ я истомленный, измученный. Какъ будто сквозь сонъ пересѣвъ въ сани, я приказалъ извозчику ѣхать къ дому одного знакомаго, гдѣ думалъ остановиться. Встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, мой знакомый съ суровымъ видомъ воскликнулъ:

— Сергѣй Николаевичъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ? У меня для васъ нѣтъ мѣста.

Этотъ черствый пріемъ пробудилъ во мнѣ и память и сознаніе. Суровый пріемъ пробудилъ во мнѣ осторожность и осмотрительность, а свиданіе съ дѣтьми совершенно оживило меня. Пролежавъ нѣсколько дней въ нумерѣ, я оправился отъ болѣзни, и между прочими знакомыми посѣтилъ и Н. И. Гнѣдича. У него встрѣтилъ я эконома патріарха Григорія, спасшагося бѣгствомъ передъ злополучною кончиною пастыря церкви. Покойный Гнѣдичъ, знакомя меня съ экономомъ, сказалъ и мой чинъ, и мое авторство. Экономъ быстро привсталъ и оборотясь ко мнѣ проговорилъ: «не вы ли тотъ Глинка, который издалъ «Картину новой Греціи»? Услыша, что это мое сочиненіе, экономъ прибавилъ: «вы съ подлинной стороны обозрѣли и прежнюю судьбу грековъ и настоящее ихъ положеніе. Вы въ этомъ превзошли и французовъ и англичанъ». Слушая такой громкій отзывъ съ удивленіемъ, Николай Ивановичъ спросилъ: «давно ли вы издали книгу свою?»—Прошедшаго года отвѣчалъ я: —«Ну, продолжалъ Гнѣдичъ, я тотчасъ пошлю за нею» — и написалъ карандашемъ записку въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ которой служилъ.

— Весело же, сказалъ я,—выдавать у насъ книги. Еслибъ

не почтенный экономъ упомянулъ о сочиненіи моемъ, вы никогда бы не узнали о немъ.

Между прочимъ Н. И. Гнѣдичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ поступилъ на службу въ канцелярію великаго князя Константина Павловича, откуда знаменитый переводчикъ Иліады былъ изгнанъ, по приказанію Константина Павловича, за то, что въ бумагахъ писалъ старинное Д *съ ножками*.

Въ исходѣ того же 1829 года, получилъ я отъ президента Греціи изъ Навпліи письмо, которое предлагаю въ переводѣ съ французскаго:

Навплія, отъ 6/18 ноября 1829 года.

«Я принимаю съ признательностію книгу, которую вы сочинили для ознакомленія вашихъ соотечественниковъ съ народомъ, пользующимся благотвореніями и могущественнымъ покровительствомъ августѣйшаго вашего монарха. Почту себѣ за счастіе, если буду имѣть возможность чрезъ нѣсколько времени сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно событій, свидѣтельствующихъ, и надѣюсь,—могущихъ свидѣтельствовать, болѣе и болѣе успѣхи сего народа на стезѣ его возстановленія общественнаго и политическаго. Долгъ, налагаемый на меня обязанностью способствовать сей великой цѣли, труденъ, онъ выше силъ и средствъ моихъ, но не выше моего усердія.

«Богъ сдѣлалъ чудеса для спасенія сего народа. Онъ благословилъ побѣдоносное оружіе вашего государя. Онъ благословилъ его намѣренія, и участь Греціи будетъ обезпечена. Вы порадуетесь тому, и ваше перо передастъ вашу радость—всей Россіи.—Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи». Подписано: «I. Капо д'Истріо».

С. Н. Глинка.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ

Э. **Вреденъ**. Финансовый кредитъ. Изслѣдованіе основаній, существа нормальной области дѣйствія, границъ, видовъ и формъ общественной займовой системы. Часть I: Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Спб. 1871.

I.

Въ 1855-мъ году, въ Гейдельбергѣ вышла небольшая книжка Карла Дитцеля «Система государственныхъ займовъ», обратившая на себя всеобщее вниманіе экономистовъ и создавшая автору сразу славу самостоятельнаго изслѣдователя. Книжка ставила себѣ цѣлью—доказать невѣрность ходячихъ воззрѣній па государственный кредитъ и заново изслѣдовать какъ его природу, такъ и весь рядъ экономическихъ и политическихъ категорій, имѣющихъ наиболѣе непосредственную связь съ государственными займами. Въ какой бы мѣрѣ ни достигала книга своей цѣли, важнѣе то, что автору дѣйствительно удалось вдохнуть новую жизнь въ громадную область финансовой науки.

Практическое значеніе новаго движенія, начавшагося со времени появленія изслѣдованій Дитцеля въ этой области, заключалось въ попыткѣ затронуть самое основаіне понятія, весьма ходячаго и распространеннаго, игравшаго и продолжающаго играть большую роль въ оппозиціонной публицистикѣ: понятія именно о дефицитѣ. По ученію Дитцеля, старое раздѣленіе государственныхъ доходовъ на ординарные и экстраординарные

оказывалось лишеннымъ всякаго теоретическаго и практическаго значенія. Практика европейскихъ правительствъ сдѣлала давно уже ординарнымъ на дѣлѣ то, что на словахъ продолжало именоваться экстраординарнымъ. Государственные займы для большей части правительствъ стали такимъ же правильнымъ источникомъ доходовъ, какъ и налоги, то для покрытія дефицитовъ, прошлыхъ и текущихъ, то для образованія т.-наз. «остатковъ», которые могли бы служить запасомъ для покрытія дефицитовъ будущихъ. Если при подобной практикѣ теорія продолжала толковать про равновѣсіе въ бюджетѣ, то этимъ свидѣтельствовалось одно изъ двухъ: или, что наука отстала отъ жизни и продолжала твердить зады въ то время, какъ жизнь шла впередъ; или, что, напротивъ, жизнь болѣла хроническимъ недугомъ, и съ нимъ теоріи приходилось вести непрерывную борьбу. Но эмпирико-административное направленіе финансовой науки вовсе не свидѣтельствовало объ особой склонности теоретиковъ бороться съ правительственно-хозяйственною практикой. Фразы о равновѣсіи въ бюджетѣ, экстраординарномъ доходѣ и вредѣ государственныхъ долговъ повторялись традиціонно и безъ всякихъ глубокихъ анализовъ дѣла. Оставалось слѣдовательно думать, что теорія отстала отъ практики, наука—отъ жизни. Обосновать эту мысль и доказать ее подробнымъ разностороннимъ разборомъ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ — и поставилъ себѣ цѣлью Дитцель. Государственные долги необходимо должны быть источникомъ государственныхъ доходовъ не въ силу однихъ только случайныхъ моментальныхъ причинъ, не въ силу только «министерскихъ» непріятностей, когда въ кассахъ правительствъ не оказывается денегъ отъ налога, или ихъ оказывается мало для вызваннаго обстоятельствами большого дѣла. На самомъ дѣлѣ, основанія необходимости государственнаго кредита далеко не такого мелкаго свойства и кроются гораздо глубже. Дѣло тутъ не въ большей или меньшей ловкости министровъ или бережливости правителей, изъ которыхъ одни могутъ обходиться безъ долговъ, а другіе не могутъ. На извѣстной степени развитія государственный кредитъ становится необходимостью, вызываемою важными и основными законами экономической жизни народовъ. Съ одной стороны, въ высоко-развитыхъ народныхъ хозяйствахъ прогрессъ накопленія новыхъ капиталовъ принимаетъ такіе громадные размѣры, что ежегодно являются большія массы новыхъ капиталовъ, для которыхъ мало старыхъ «помѣщеній», которыя—стало быть—совершенно «свободны» отъ необходимости быть затраченными на старыя «дѣла». Образованіе этихъ «свободныхъ» капиталовъ становится такимъ же регулярнымъ и за-

кономѣрно-періодически повторяющимся и возобновляющимся фактомъ, какъ и образованіе чистыхъ доходовъ, податныхъ источниковъ. Съ другой стороны, надобно имѣть въ виду два обстоятельства, на которыя старая экономическая теорія обращала меньше вниманія. Экономическій прогрессъ находится въ тѣсной связи съ обще-культурнымъ прогрессомъ и, получая отъ него поддержку, самъ въ свою очередь оказываетъ ему подмогу. Это проявляется въ томъ, что новые «свободные» капиталы, результаты экономическаго прогресса, стремятся превратиться въ матеріалъ для воплощенія обще-культурнаго прогресса: строятся болѣе красивыя и болѣе удобныя зданія, больше тратится на науки и искусства, совершенствуются суды и тюрьмы, лучше оплачиваются труды медиковъ, адвокатовъ, педагоговъ, литераторовъ, больше расходуется на народное образованіе и т. д. По мнѣнію Дитцеля, господствующая экономическая теорія совершенно превратно понимаетъ народное хозяйство, включая въ него одну только совокупность частныхъ, отдѣльныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ, и совершенно изъ него выключая всю ту массу экономическихъ явленій, которыя каждый народъ переживаетъ въ своей политической сферѣ. По Дитцелю, государство входитъ интегральною частью въ народное хозяйство, и съ экономической точки зрѣнія она представляетъ собою только одну опредѣленную частную производственную сферу, рядомъ съ другими. Ея цѣль—наиболѣе хозяйственное производство извѣстнаго ряда благъ (продуктовъ), которыя въ другихъ производственныхъ сферахъ не могутъ или по разнымъ основаніямъ не должны быть изготовляемы. Значительная часть тѣхъ продуктовъ, которые порождаются обще-культурнымъ прогрессомъ, могутъ быть производимы только въ государствѣ, или въ государствѣ могутъ быть производимы всего лучше. Въ государство должны поэтому перейти и матеріальныя условія для ихъ производства. Функція кредита вообще — передавать капиталъ въ наиболѣе производительныя руки или наиболѣе успѣшно работающія производственныя сферы. Также точно закономѣрно и естественно, поэтому, какъ кредитъ переводитъ капиталъ изъ одного частнаго хозяйства въ другое, которое капиталомъ въ состояніи лучше воспользоваться, т.-е., которое данный продуктъ производитъ лучше,—также точно кредитъ переводитъ изъ частныхъ хозяйствъ капиталы, тамъ накопляемые, въ производственную сферу, представляемую государствомъ, потому что послѣднее въ извѣстныхъ отрасляхъ дѣйствуетъ всего производительнѣе и способно утилизировать капиталы съ наибольшею пользою для всѣхъ. Вотъ *этотъ-то* переводъ капиталовъ, совершаемый кредитомъ, изъ

области частныхъ хозяйствъ въ государственное, съ цѣлью — утилизированія ихъ для производства продуктовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ, вызваннымъ культурою, и есть государственный кредитъ. Государственные долги—такимъ образомъ—оказываются орудіями и послѣдствіями прогресса, матеріальнаго и духовнаго и также мало могутъ осуждаться, какъ и ихъ причина, общечеловѣческій прогрессъ. Напротивъ, научно разсуждая, надобно признать ту сторону болѣе счастливою и отражающею на себѣ большее вліяніе прогресса, у которой больше государственныхъ долговъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Дитцеля. Чтобъ замѣтить, въ какомъ пунктѣ оно особенно хромаетъ, для этого не нужно быть глубокимъ спеціалистомъ ни въ экономической, ни въ финансовой наукѣ. Всякому, упражнявшему свою логику не на однихъ только юридико-политическихъ теоріяхъ, извѣстно, конечно, различіе между разсужденіемъ, которое *можетъ* объяснить гипотетическое явленіе, и разсужденіемъ, которое одно только *должно* его объяснить. Можно для объясненія встрѣчающагося намъ явленія подобрать рядъ причинъ, которыя по своей природѣ въ состояніи *были бы* породить и это явленіе. Такое объясненіе однако не въ состояніи удовлетворить лице, для котораго болѣе или менѣе удачное построеніе разъясняющей гипотезы еще не составляетъ всего, что требуется отъ науки. Мало одного произвольнаго подбора фактовъ, необходимо еще доказать, что именно эти факты, а не какіе-либо другіе, только и могли вызвать данное явленіе. Въ явленіяхъ общественной и политической жизни такая строгая доказанность научныхъ теорій еще важнѣе, чѣмъ въ области естествовѣдѣнія. Примѣръ — у насъ передъ глазами. Дитцель остроумно подобралъ факты, которые въ состояніи породить государственный кредитъ, и на этомъ основаніи требуетъ того, что имѣетъ важное практическое значеніе: перемѣны не только взглядовъ на государственные долги, но и практическаго, дѣятельнаго къ нимъ отношенія. Онъ требуетъ ослабленія или даже полнаго прекращенія оппозиціи къ нимъ, чтобъ долгамъ не препятствовали. Очевидно, что когда дѣло идетъ не объ однихъ только теоретическихъ интересахъ, а еще о болѣе важныхъ практическихъ, то удовлетворяться одними только гипотетическими поясненіями нельзя. Мало одного того, что причины, указанныя Дитцелемъ, могли *бы* вызвать государственный кредитъ; необходимо было еще доказать, что именно *эти* и никакія другія причины на самомъ дѣлѣ вызвали его въ западной Европѣ. Мало одного того, что можно вообразить себѣ такой гипотетическій случай, въ которомъ госу-

дарственный кредитъ будетъ порождаться одними только нормальными причинами, вполнѣ достойными симпатіи. Необходимо еще доказать, что дѣйствительный государственный кредитъ, именно этими достойными одобренія, поддержки и симпатіи причинами былъ вызванъ; необходимо, слѣдовательно, доказать, что англійскіе, французскіе, американскіе, австрійскіе, русскіе, итальянскіе и т. д. государственные долги явились вслѣдствіи того, что 1) въ сферѣ частныхъ хозяйствъ этихъ странъ оказалась громадная масса капиталовъ, дѣйствительно «свободныхъ», т.-е. которыхъ не на что было употребить въ частной сферѣ; что 2) культурный прогрессъ указалъ на тѣ задачи, для которыхъ государства заимствовали капиталы; 3) что переходъ капиталовъ отъ частныхъ лицъ къ правительствамъ произошелъ совершенно свободно, т.-е. не только безъ всякаго физическаго, но и безъ всякаго нравственнаго насильства. Если же мы, теперь, обратимся къ исторіи за отвѣтомъ на вопросы, порождаемые этими тремя пунктами, то окажется, что какъ ни плохо разработана еще въ подробностяхъ экономическая исторія даже настоящаго столѣтія, тѣ результаты историческихъ изслѣдованій, которыми современная экономическая наука обладаетъ и пока принуждена довольствоваться, во всякомъ случаѣ говорятъ противъ Дитцеля, а не за него. Что касается перваго пункта, то свѣтъ еще пока никогда и нигдѣ не видалъ такой страны, въ которой частно-хозяйственная сфера была бы до такой степени насыщена капиталами, чтобъ извергать ихъ, какъ излишнее. Попытки нѣкоторыхъ экономистовъ начала XIX-го вѣка (Malthus, Chalmers, Spence, Sismondi) объяснять кризисы и пользу роскоши подобными излишними капиталами, встрѣтили такой единодушный отпоръ и такъ блистательно опровергнуты старшимъ и младшимъ Миллемъ, равно какъ и Ж.-Б. Сеемъ, что можно считать и Дитцелевскую попытку объяснять государственные долги этими излишними капиталами за убитую еще до рожденія и потому мертворожденную. Относительно второго пункта, достаточно ходячихъ знаній въ исторіи текущаго столѣтія, чтобы знать, что цѣли, для которыхъ государства занимали деньги, не только не были вызваны прогрессомъ культуры, но напротивъ еще противодѣйствовали этому прогрессу. Наконецъ, переходя къ третьему пункту, напомнимъ только про ту тѣсную связь, которая соединяетъ государственный кредитъ съ развитіемъ ажіотажа въ Европѣ,— про то систематическое стараніе, которымъ не одно европейское правительство способствовало развитію самой безобразной страсти, наживаться безъ труда,—про то содѣйствіе, которое европейскія правительства оказали развитію новѣйшей формы игры: фонды

замѣнили и продолжаютъ для многихъ замѣнять, благодаря имъ, кости и карты. А систематическое пріученіе цѣлыхъ, и притомъ состоятельныхъ, слоевъ *европейскихъ* народовъ къ игрѣ стóитъ вѣдь физическаго насильства и вполнѣ ему отвѣтствуетъ.

Мы распространились о Дитцелевой книгѣ, чтобы дать русскому читателю, которому не удавалось ознакомиться съ западно-европейскою литературою, понятіе о томъ, въ какомъ состояніи была литература вопроса о государственномъ кредитѣ въ то время, когда за него взялся г. Вреденъ. Книга Дитцеля до сихъ поръ продолжала быть основною въ западно-европейской литературѣ. Штейнъ, Умпфенбахъ, Вагнеръ, Зэтбееръ, Нассе и др. въ томъ или другомъ частномъ пунктѣ продолжали развитіе отдѣльныхъ частей теоріи, но чего-либо новаго, цѣльнаго не представили. Толчекъ, сообщенный Дитцелемъ, продолжалъ и продолжаетъ до сихъ поръ еще чувствоваться, какъ самый главный.

Если мы считали необходимымъ ознакомить читателя съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ засталъ свое дѣло г. Вреденъ, то это потому, что его книга выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ диссертацій. Подобно Дитцелю, онъ выбралъ предметомъ своего изслѣдованія—не какой-либо маленькій частный вопросъ, а цѣлый громадный отдѣлъ науки, который онъ себѣ поставилъ цѣлью заново разработать, критически разобравъ труды своихъ предшественниковъ и, подобно Дитцелю же, подвергнулъ новому переизслѣдованію рядъ теоретико-экономическихъ ученій, непосредственно соприкасающихся съ государственнымъ кредитомъ. Достаточно даже только внѣшняго сопоставленія труда г. Вредена съ появившимся 20 лѣтъ тому назадъ трудомъ г. Бунге, ставившемъ себѣ еще болѣе широкую задачу (Теорія Кредита), чтобы видѣть, что если западно-европейская наука въ вопросахъ о кредитѣ ушла впередъ въ эти 20 лѣтъ, то и наша литература далеко отъ нея не отставала.

II.

Характеръ имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни въ настоящее время прежде всего отличается неудержимымъ стремленіемъ этой сферы возможно болѣе опредѣленно и рѣзко обособиться отъ государства, обставить себя точными границами, внутри которыхъ она была бы вполнѣ безопасна отъ всякихъ захватовъ. Старая ея роль была — служить только придаткомъ къ государственному

хозяйству. За нею признавалось одно только значенiе государственно-хозяйственнаго источника. Стремленiе освободиться отъ этой роли и получить признанiе права на самостоятельное существованiе и значенiе, — вотъ что прежде всего отличаетъ означенный характеръ.

Но этимъ опредѣляется только отрицательная сторона его стремленiй. Въ чемъ же заключается положительное содержанiе характера имущественныхъ отношенiй государства къ частно-хозяйственной сферѣ?

Со времени появленiя сочиненiя Дитцеля стали много спорить о производительности государства. Какъ извѣстно, Ад. Смитъ, а за нимъ вся англiйская политическая экономiя отрицала у государства производительность. Французскiе экономисты разсматривали государство, какъ сферу, которая съ экономической точки зрѣнiя только уничтожаетъ цѣнности. Одни новѣйшiе нѣмецкiе экономисты стоятъ за его производительность. Но надобно сказать, что эти же экономисты внесли наиболѣе неясностей и запутанностей въ понятiя о производительности.

Съ самаго начала научной политической экономiи, въ половинѣ прошлаго столѣтiя, производительность стала категорiей, которая возбуждала наиболѣе споровъ. Физiократы признавали производительною только ту дѣятельность, которою къ человѣческимъ услугамъ предоставляется новое вещество. Всякую другую дѣятельность они называли stérile. Но каждый изъ нихъ въ теченiи своей жизни долженъ былъ употребить немало усилiй, чтобы защитить себя отъ массы недоразумѣнiй, которыя породила идея о безплодности всѣхъ нематерiальныхъ занятiй. Напрасно они поставляли на видъ, что, говоря о непроизводительности, они стоятъ на чисто экономической точкѣ зрѣнiя, — что они вовсе не признаютъ тождественности экономической непроизводительности съ общею безполезностью, — что они охотно допускаютъ основательность и право всякихъ другихъ точекъ зрѣнiя на вещи, кромѣ экономической, и что съ другихъ точекъ зрѣнiя экономически непроизводительное можетъ оказаться безконечно-полезнымъ, — на все это не обращали вниманiя.

Школу физiократовъ замѣнилъ индустрiализмъ; но ученiе о производительности все-таки не измѣнилось къ выгодѣ государства. Мало того, что былъ удержанъ критерiй матерiальности. Наиболѣе радикальные теоретики замѣнили его критерiемъ мѣноспособности, который еще менѣе шелъ къ государству. Если производительна всякая дѣятельность, матерiальная или нематерiальная, лишь бы она производила то, что̀ можно продать и купить, — то государство вѣдь не торгуетъ услугами, которыя оно

оказываетъ народу. Оно дѣйствуетъ по высшимъ нравственнымъ мотивамъ, а не по мотивамъ экономической цѣлесообразности. Оно можетъ даже дѣйствовать вопреки мотивамъ экономической цѣлесообразности.

Были правда экономисты, которые желали расширить понятіе о производительности до того, чтобъ она обнимала всякую полезную дѣятельность. Но подобныя обобщенія оказывались только общимъ мѣстомъ, которое годилось для введеній въ учебники и никакого примѣненія въ подробностяхъ не получало. Говорить вообще, что экономическая полезность сливается со всякою полезностью, и заняться на самомъ дѣлѣ изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ всякою полезною дѣятельностью,—вещи весьма различныя. За изслѣдованіе этихъ законовъ никто не брался. Содержаніе науки опредѣлялось изслѣдованіями тѣхъ, которые смотрѣли съ болѣе узкой точки зрѣнія на производительность. Понятно, что новыя опредѣленія могли только самымъ внѣшнимъ образомъ приклеиваться къ этой наукѣ.

Въ основѣ физіократическихъ и англійскихъ понятій о производительности лежитъ идея о хозяйственной самостоятельности. Производительна та дѣятельность, которая даетъ *экономическую* независимость. Физіократы ошибочно полагали, что одни только землевладѣльцы обладаютъ такою независимостью и что всѣ остальные люди у нихъ—salariés. Индустріалисты поправили ихъ ошибку *въ примѣненіи* идеи, но остались при самой идеѣ. Государство непроизводительно, потому что оно не создаетъ себѣ самаго важнаго хозяйственнаго блага — экономической независимости. Еслибъ оно было способно вести совершенно ни отъ кого независимую экономическую жизнь, тогда бы за нимъ была признана и производительность.

Но государство на это неспособно. И этимъ-то опредѣляется положительное содержаніе характера имущественныхъ отношеній его къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни. Государство само не производитъ для себя той суммы хозяйственныхъ средствъ, безъ которой оно не можетъ вести свою дѣятельность. Отсюда два послѣдствія. Нужныя ему средства оно принуждено *заимствовать* изъ посторонней хозяйственной сферы, которая производительна и съ чисто-экономической точки зрѣнія. Но этого мало. Заимствуя эти средства, государство не обладаетъ ничѣмъ, что̀ ему давало бы возможность *чисто-экономическими способами производить это заимствованіе.*

Подобныхъ экономическихъ способовъ два: производство и обмѣнъ. Но эти два способа такого рода, что второй изъ нихъ вызывается первымъ и безъ него невозможенъ вовсе. Кто ничего

не произвелъ, тому нечѣмъ и обмѣниваться. Для кого постороннее хозяйство производитъ, для того это постороннее хозяйство совершаетъ и обмѣнъ, или тотъ *за* это постороннее хозяйство, вмѣсто него, совершаетъ и обмѣнъ. Самостоятельнаго обмѣна отъ себя, не уменьшающаго количества чужихъ обмѣновъ, никто не въ состояніи совершать, если его обмѣну не предшествовало его же производство.

Ясно, что если частно-экономическое производство — какъ способъ добыванія хозяйственныхъ средствъ, для государства закрытъ, то для него закрытъ и другой способъ. Таковы послѣдствія его частно-хозяйственной непроизводительности. Если частно-хозяйственная сфера не находится въ зависимости отъ государства и не служитъ исключительно его цѣлямъ, то тогда государство само становится въ вѣчную зависимость отъ нея.

Государство съ помощью частно-хозяйственной сферы создаетъ себѣ свою экономическую почву. Изъ первой государство должно заимствовать свои средства. Но *въ обмѣнъ* за нихъ оно ничего не можетъ дать. Слѣдовательно оно можетъ ихъ взять только *безвозмездно*.

Положеніе, что государство не можетъ чисто-экономическими способами заимствовать нужныя ему средства, принадлежитъ къ самымъ основнымъ въ финансовой наукѣ и самымъ богатымъ по вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ. Но это положеніе оставалось всегда неяснымъ въ примѣненіи къ громадной области финансовыхъ явленій, порождаемыхъ государственнымъ кредитомъ. Заслуга труда г. Вредена и заключается въ убѣдительномъ и послѣдовательномъ проведеніи этого важнаго основнаго начала также и чрезъ эту область. Благодаря труду г. Вредена, можно теперь говорить объ *одномъ* общемъ началѣ, насквозь проникающемъ *всѣ* имущественныя отношенія правительства къ народу [1]).

То, что правительство беретъ у народа, какъ экономическое средство для достиженія своихъ цѣлей, оно беретъ у него *безвозвратно*, такъ какъ оно неспособно воспроизводить хозяйственнаго эквивалента за взятое. Чтó государство беретъ у частнохозяйственной сферы, оно беретъ разъ и навсегда. Вслѣдствіе того сумма средствъ, которыми располагаютъ всѣ частныя хозяйства въ совокупности взятыя, необходимо должна уменьшиться

---

[1]) Мы не могли только понять, какимъ образомъ нашъ почтенный изслѣдователь могъ соединить приверженность къ этому началу съ отрицательнымъ отношеніемъ къ англійскимъ идеямъ о производительности. Одно другому слишкомъ рѣзко противурѣчитъ.

всякимъ заимствованіемъ изъ нихъ какой-либо доли государствомъ.

Отсюда вытекаетъ слѣдующее положеніе. Какими путями государство ни собирало бы необходимыя ему средства, *всегда* заимствованныя имъ суммы уменьшаютъ на весь свой размѣръ ту массу средствъ, которою частныя хозяйства располагали въ моментъ заимствованія. Сумма, на которую уменьшается имѣющаяся въ моментъ заимствованія масса, берется у всего народа *безвозвратно* и не возстановляется.

Но безвозвратное заимствованіе изъ народно-хозяйственныхъ средствъ и уменьшеніе ихъ безъ возстановленія и составляетъ сущность налога. Такимъ образомъ получается важная финансовая теорема, что налогъ составляетъ *единственный* источникъ государственныхъ доходовъ, помимо котораго государство не можетъ браться ни за какую бы то ни было задачу. Чтó бы государство ни дѣлало, къ какимъ бы цѣлямъ оно ни стремилось, какіе вопросы оно ни рѣшало бы, всегда экономическая почва всѣхъ стремленій государства слагается въ концѣ концовъ изъ податныхъ взносовъ. Къ сожалѣнію, этотъ выводъ у г. Вредена не всегда одинаково и достаточно ясенъ.

Основная идея г. Вредена прямо противуположна идеѣ Дитцеля. Послѣдній возводилъ кредитъ на степень необходимаго и неизбѣжнаго самостоятельнаго источника государственныхъ доходовъ, имѣющій такое же крупное значеніе, какое имѣетъ налогъ, рядомъ съ нимъ стоящій, ему не подчиненный и не служащій, отъ него совершенно независимый и одинаково съ нимъ важный. Для г. Вредена, напротивъ, кредитъ вовсе не составляетъ самостоятельнаго источника доходовъ и вообще не служитъ вовсе *источникомъ* государственныхъ доходовъ. Это только одинъ изъ *способовъ взиманія* налога, вовсе не дѣлающій послѣдній излишнимъ, а напротивъ всегда его предполагающій, всегда ему служащій и его только облегчающій. Необходимость и неизбѣжность кредита г-мъ Вреденомъ не отрицается только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ имъ не отрицается современное и историческое значеніе различныхъ другихъ способовъ взиманія налоговъ. Мало того: по идеѣ г. Вредена, государство вовсе не обладаетъ своимъ собственнымъ кредитомъ. Нельзя говорить о кредитѣ государства въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о кредитѣ частныхъ хозяйствъ. Государственные долги — способъ, которымъ государство эксплуатируетъ единственно только возможный кредитъ — частный — въ свою пользу. Иногда государство собираетъ свои налоги прямо и непосредственно, иногда оно для ихъ собиранія пользуется частнымъ кредитомъ. Вся роль государства при

кредитѣ, единственно для него возможная—роль страховая: она обезпечиваетъ частный кредитъ, которымъ пользуется, ручается за него. Иная роль для государства и невозможна при кредитѣ по самой природѣ, какъ кредита, такъ и имущественныхъ отношеній правительства къ народу.

III.

Г. Вредену нужно было провести основное начало имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни также и чрезъ ту область финансовыхъ явленій, которая порождается государственными долгами. Ему нужно было доказать, что государство можетъ производить только такія заимствованія изъ имѣющихся у частныхъ хозяйствъ средствъ, которыми эти средства уменьшаются въ самый моментъ заимствованія, и что во всякомъ случаѣ государство не имѣетъ возможности производить заимствованія чисто экономическими способами. Для этого г. Вредену необходимъ былъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій и пересмотровъ ученій, считавшихся въ наукѣ прочно установленными.

Прежде всего ему было необходимо устранить воззрѣніе, которое долгое время процвѣтало не только въ финансовой наукѣ, но сверхъ того пользовалось большою популярностью и у практическихъ финансистовъ.

По этому воззрѣнію, налоги и государственные долги рѣзко противуположны другъ другу въ томъ отношеніи, что первыми уменьшаются *наличныя* народно-хозяйственныя средства, съ помощью же вторыхъ можно привлечь къ несенію тягостей и будущія поколѣнія. При налогѣ живущее въ данное время поколѣніе должно сразу внести всю его сумму и, стало быть, на своихъ плечахъ вынести всю его тяжесть. На всю его сумму должны уменьшиться и имѣющіяся у него хозяйственныя средства. Напротивъ, когда государство получаетъ необходимыя ему суммы путемъ займа, это его освобождаетъ отъ необходимости требовать большихъ налоговъ. Большія тягости для народнаго хозяйства и для государственнаго становятся одинаково излишними. Живущему въ данное время поколѣнію приходится только платить проценты и погашеніе. Такіе же проценты и погашеніе уплачиваютъ и будущія поколѣнія, пока долги не будутъ уплачены. Цѣлый рядъ поколѣній такимъ образомъ соединяется, чтобы совокупными усиліями вынести тягость, вызванную необходимостью единовременнаго крупнаго расхода. То, что трудно

для разрозненныхъ силъ отдѣльныхъ поколѣній, становится легкимъ при ихъ соединеніи. А это соединеніе возможно только благодаря государственному кредиту.

Наука давно уже начала свою работу для разрушенія этихъ иллюзій. Инціатива дѣла принадлежитъ, какъ почти всегда, англійскимъ экономистамъ. Но они нашли себѣ достойныхъ подражателей въ нѣмецкихъ ученыхъ, Дитцелѣ и въ особенности Зэтбеерѣ. Послѣдній съ замѣчательною наглядностью показалъ, что все равно, собираетъ ли государство свои доходы податями или займами, оно во *всякомъ* случаѣ уменьшаетъ *наличныя* средства народнаго хозяйства. Ни въ какомъ случаѣ тягости, возникающія отъ необходимости произвести крупный расходъ, не могутъ быть переложены какою бы то ни было своею частью на будущія поколѣнія.

Зэтбееръ выясняетъ это на гипотетическомъ примѣрѣ слѣдующаго рода. Предполагается замкнутое государство, которому предстоитъ сдѣлать крупный расходъ. Для простоты анализа предполагается, что богатство между его членами распредѣлено самымъ равномѣрнымъ образомъ. Спрашивается теперь, какъ легче будетъ собрать сумму, необходимую на предстоящій расходъ: налогами или займомъ? Зэтбееръ отвѣчаетъ, что *народному хозяйству* рѣшительно все равно, какъ это будетъ сдѣлано. Нужно, положимъ, 30 милл. руб. Въ государствѣ 15 мил. податныхъ плательщиковъ, между которыми богатство распредѣлено равномѣрно. При налогѣ въ два рубля на каждаго, государство соберетъ, а народное хозяйство потеряетъ 30 милліоновъ. Если государство рѣшится на заемъ, то опять-таки каждый внесетъ по два рубля и опять будетъ собрана и потеряна та же сумма. Разница будетъ та только, что въ послѣднемъ случаѣ придется еще собирать налоги для процентовъ и погашенія. Предполагая, что для того и другого нужно 6% занятой суммы, государству придется собрать налогомъ 1_{8} мил, или по 12-ти коп. съ каждаго плательщика. Въ концѣ перваго года оно соберетъ 1_{8} мил. руб. и уплатитъ ими проценты и погашеніе, т.-е. вернетъ ихъ обратно тѣмъ, съ которыхъ оно ихъ собрало. Каждый, давшій по 2 рубля, получитъ по 12-ти коп. на занятый имъ капиталъ тѣ же самые 12 коп., которые онъ уплатилъ налогомъ. То же повторится и въ слѣдующіе годы. Въ концѣ концовъ выйдетъ, что въ моментъ, когда заемъ былъ заключенъ, уничтожено было 30 мил.; во всѣ же послѣдующіе годы государство дѣлало только безполезную процедуру, собирая новыя деньги съ народнаго хозяйства и немедленно ихъ туда же возвращая. Никакой тягости на будущія поколѣнія не перемѣщено:

эти будущія поколѣнія, платившія налоги для процентовъ и погашенія, сами же потомъ регулярнѣйшимъ образомъ получали ихъ обратно, когда правительство выплачивало проценты по долгу. Что они расходовали, какъ податные плательщики, то они обратно получали, какъ кредиторы правительства.

Государство не можетъ питать своихъ чиновниковъ и солдатъ хлѣбомъ, еще не посѣяннымъ. Оно не можетъ воевать пушками, для которыхъ металлъ еще не добытъ, не можетъ перевозить солдатъ на корабляхъ и повозкахъ, для которыхъ лѣсъ еще не срубленъ и т. д. Какъ ни красивы фразы о томъ, что, благодаря кредиту, государство живетъ на счетъ своего будущаго—одного этого будущаго ему мало. Ему необходимо, чтобъ все, ему нужное, существовало въ моментъ, когда оно нужно, въ наличности, чтобъ его можно было немедленно израсходовать. Такъ или иначе, слѣдовательно, а весь расходъ долженъ будетъ быть сдѣланъ изъ имѣющихся у народнаго хозяйства наготовѣ средствъ. Эти средства будутъ уменьшены. Слѣдующія же поколѣнія — ровно тутъ ни при чемъ. Никакой абсолютной потери народному ихъ хозяйству уже не предстоитъ. Потеря, если и была, то была въ моментъ заключенія займа, когда добытыя средства истрачивались. Перемѣщеніе этой потери невозможно.

Таковы выводы Зэтбеера, во всей ихъ цѣлости принятые г. Вреденомъ. Въ этой части своего изслѣдованія г. Вреденъ вполнѣ слѣдуетъ своимъ предшественникамъ, *не провѣряя и не дополняя* ихъ анализовъ. А между тѣмъ такая провѣрка показала бы, что анализы далеко не полны, и что г. Вреденъ напрасно ихъ принялъ на вѣру.

Начать съ того, что при *заграничныхъ* займахъ ни одинъ изъ выводовъ Зэтбеера не можетъ получить практическаго примѣненія. Для точности анализа мы предположимъ, что заграничный заемъ остается заграничнымъ вплоть до того времени, пока весь долгъ будетъ уплаченъ. Если правительство вмѣсто 30-милліонаго налога заключаетъ заграничный заемъ, то прежде всего очевидно, что *данное* народное хозяйство освобождается вполнѣ отъ необходимости потерять такую сумму. Несомнѣнно, что заключеніе займа повлечетъ за собою потерю 30-ти милліоновъ. Но эти 30 мил. потеряетъ *всемірное* хозяйство. Данное же народное хозяйство сохранитъ свои средства въ цѣлости. Въ этомъ случаѣ слѣдовательно *народному* хозяйству далеко не все равно, соберетъ ли правительство нужны ему средства налогами или займомъ. Налогъ оно одно должно будетъ весь вынести на своихъ плечахъ. Заемъ заграничный весь будетъ вынесенъ *посторонним* народнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, не полу-

чаетъ примѣненія первый выводъ Зэтбеера о томъ, что налогъ и заемъ вызываютъ одинаковыя единовременныя затраты у народнаго хозяйства. Но и второй его выводъ, о непереложимости тягостей отъ займа, не можетъ въ этомъ случаѣ получить практическое примѣненіе. Народное хозяйство, которое заграничный заемъ освободилъ отъ необходимости единовременно потерять 30 милліоновъ, вмѣсто того будетъ ежегодно платить 6% съ государственнаго долга. Деньги, которыя будутъ съ него собраны для уплаты процентовъ и погашенія по долгу, *уже не будутъ къ нему обратно возвращаться.* Они уйдутъ къ заграничнымъ кредиторамъ. Для *даннаго* народнаго хозяйства *они* слѣдовательно будутъ составлять абсолютную потерю. Рядъ уплатъ въ послѣдующіе годы, пока весь долгъ будетъ уплаченъ, будетъ представлять рядъ абсолютныхъ потерь. Эти-то *уменьшенныя* потери, ежегодно повторяющіяся только въ размѣрѣ 6% съ остающагося долга, конечно ему будетъ легче вынести, чѣмъ единовременную утрату 30-ти милліоновъ. Этотъ рядъ потерь сверхъ того будетъ вынесенъ не однимъ поколѣніемъ, а послѣдовательно сначала однимъ, потомъ другимъ и т. д. Здѣсь, слѣдовательно, дѣйствительно тягость отъ займа распредѣлена между многими поколѣніями. Въ годъ, когда онъ былъ заключенъ, пришлось вынести, только незначительную его часть. Напротивъ, самая значительная часть перемѣщена на будущее.

Этого мало однако: намъ кажется, что напрасно г. Вреденъ повторяетъ вслѣдъ за Зэтбееромъ, будто на выводы его не имѣетъ никакого вліянія равномѣрность или неравномѣрность распредѣленія богатствъ. *Государственные долги имѣютъ тѣсную связь съ неравномѣрностью*, и безъ нея они не имѣли бы ни логическаго, ни практическаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Зэтбееровской гипотезѣ государство беретъ внутреннимъ займомъ 30 милліоновъ, которые оно съ неменьшимъ удобствомъ могло бы взять налогомъ. Заемъ вынуждаетъ необходимость установлять налоги для уплаты процентовъ и погашенія. Вслѣдствіе того государству приходится собирать съ каждаго отдѣльнаго плательщика еще по 12-ти коп., которыя оно имъ же и возвращаетъ. Но собираніе налога и администрированіе долга тоже сопряжены съ расходами. Эти-то расходы совершенно безполезно навлекаетъ на себя государство, заключающее внутренній заемъ при равномѣрномъ распредѣленіи богатствъ.

Посмотримъ теперь, какой характеръ имѣетъ внутренній заемъ при неравномѣрномъ распредѣленіи. Предположимъ общество, въ которомъ существуетъ 1000 человѣкъ, стоящихъ во главѣ

1000 частныхъ хозяйствъ. Изъ нихъ 10 получаютъ по 30-ти тыс. руб. годового дохода, всего 300 т. р., 90 по 10-ти т. р., итого 900 т. р., а 900 по 300 р., итого 270 т. Всѣ 1000 хозяйствъ получаютъ 1,470 т. Предположимъ, что первые откладывали по 20-ти т. въ годъ, всего 200 т.; вторые по 4 т., всего 360 т., а третьи ничего не откладывали; итого ежегодныхъ сбереженій 560 т. Предположимъ, что правительство нуждалось въ 147-ми т. При налогѣ въ 10% со всѣхъ доходовъ оно получало свои деньги. Но положимъ, что это разорительно для низшихъ классовъ, и поэтому прибѣгаютъ къ займу. Что же тогда происходитъ? Первый классъ изъ своихъ сбереженій въ 200 т. выдаетъ 147 т. и начинаетъ за нихъ получать проценты. *Вся* частно-хозяйственная сфера теряетъ навсегда и именно теперь 147 т. Но *третій классъ пока* ничего не теряетъ, кромѣ налога для уплаты 5% на 147 т. Всего нужно ежегодно собирать по 7350 руб. Для этого достаточно ½%-наго налога на доходы (вмѣсто 10%-наго). Но этотъ новый налогъ они будутъ платить, пока будетъ выплаченъ весь долгъ. Слѣдовательно, они *съ своей* точки зрѣнія могутъ утверждать, что распредѣлили на будущіе свои доходы всю истраченную за нихъ часть занятой суммы и такимъ образомъ перемѣстили тягость *своей* части на будущее.

Внутренній заемъ только при неравномѣрномъ распредѣленіи не представляетъ безсмыслицы. Одна только неравномѣрность даетъ ему смыслъ. Она — такимъ образомъ — одно изъ условій существованія государственныхъ долговъ. Безъ нея и ихъ бы не было. Но при неравномѣрномъ распредѣленіи, какъ извѣстно, интересы отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ классовъ далеко не гармоничны. Послѣдствіемъ оказывается то, что явленія, порождаемыя государственнымъ кредитомъ, получаютъ неодинаковое значеніе для различныхъ слоевъ населенія и ихъ интересовъ. Народное хозяйство, какъ цѣлое, начинаетъ играть по отношенію къ интересамъ отдѣльныхъ классовъ такую же роль, какую въ примѣрѣ, приведенномъ для разъясненія дѣйствій заграничнаго займа, всемірное хозяйство играло относительно отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ. Народное хозяйство, какъ цѣлое, при предпочтеніи внутренняго займа налогу, единовременно должно потерять всю занятую сумму, и тягостей отъ этой потери на будущія поколѣнія не перемѣститъ. Иное однако будетъ съ точки зрѣнія интересовъ *отдѣльныхъ* классовъ. Заемъ беретъ средства тѣхъ, которые ихъ имѣютъ въ излишествѣ и которые свободно ихъ отдаютъ. Тѣ классы, у которыхъ нѣтъ средствъ и которыхъ новый налогъ, равный займу, обременилъ бы новою тягостью, освобождаются поэтому отъ нея

займомъ. Потери, которыя они должны были бы понести при налогѣ сразу въ большомъ размѣрѣ, замѣняются рядомъ небольшихъ періодическихъ потерь, распредѣленныхъ на долгіе годы. Къ нимъ поэтому непримѣнимо ни то положеніе, что налогъ и заемъ вызываютъ одинаковыя единовременныя потери, ни другое положеніе, что тягости отъ долговъ непреложимы на будущія времена. Благодаря богатымъ классамъ, бѣдные дѣйствительно могутъ соединить свои разновременныя усилія, чтобъ вынести бремя отъ займа.

О государственныхъ долгахъ приходится поэтому разсуждать различно, смотря по тому, стоимъ ли мы на точкѣ зрѣнія индивидуальной (отдѣльнаго частнаго хозяйства, отдѣльнаго класса, отдѣльнаго народнаго хозяйства, среди другихъ такихъ же), или же на точкѣ зрѣнія общей (всей частно-хозяйственной сферы, всего народнаго хозяйства, всего всемірнаго хозяйства). Только съ послѣдней точки зрѣнія положенія Зэтбеера совершенно вѣрны [1]). Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно все равно, равномѣрно или неравномѣрно распредѣлены богатства. Но еслибы одна только эта точка зрѣнія была возможна и богатство было равномѣрно распредѣлено въ каждомъ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ и во всемірномъ хозяйствѣ, тогда бы и государственныхъ долговъ совсѣмъ не было. Только неравномѣрность дѣлаетъ ихъ возможными. Но та же неравномѣрность вызываетъ *необходимость* другой точки зрѣнія, имѣющей въ основаніи интересы частные. Новая точка зрѣнія не допускаетъ однако уже возможности полнаго и всегдашняго примѣненія означенныхъ положеній. Эту-то неравномѣрность и вызываемыя ею въ жизни явленія и имѣли основаніемъ любимыя идеи финансистовъ-практиковъ.

Но финансисты-практики упускали однако изъ виду, что равномѣрно ли, или неравномѣрно богатство въ каждомъ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ, или во всѣхъ ихъ въ совокупности,— общая точка зрѣнія, народно-хозяйственная и всемірно-хозяй-

---

[1]) На стр. 288-й своего сочиненія г. Вреденъ самъ усматриваетъ невозможн придавать абсолютное значеніе выводамъ Зэтбеера. Но и тутъ г. Вреденъ выражается неточно. «Хотя долги, говоритъ онъ, по отношенію къ народному и *частному* (?) хозяйству, рѣшительно непереложимы на будущее, однако для финансоваго хозяйства, въ частности, затрудненія и возникающія отъ нихъ безвыходныя послѣдствія дѣйствительно переложимы путемъ займовъ». Мы не считаемъ такого способа выражаться точнымъ, потому что «затрудненія и безвыходныя послѣдствія» для правительства—не тѣ тягости, о переложимости которыхъ идетъ рѣчь. Тягости, имѣющія не одинъ психологическій и біографическій интерессъ, лежатъ на народѣ, а не на правительствѣ. Совершенно неточно, далѣе, ставитъ г. Вреденъ на одну доску и народное, и частное хозяйства.

ственная, имѣетъ свою практическую почву. Въ какомъ бы антагонизмѣ ни стояли отдѣльные классы другъ въ другу и отдѣльныя народныя хозяйства, антагонизмъ не составляетъ всего содержанія ихъ взаимныхъ отношеній. Народное и всемірное хозяйства — теперь уже не научныя абстракціи. Это — соціальные организмы съ самобытною силою, возвышающіеся надъ государственными организмами общежитія и нерѣдко диктующіе имъ приказанія. Общія точки зрѣнія, имѣющія основаніями народно-хозяйственные и всемірно-хозяйственные интересы, поэтому, не менѣе важны, нежели частныя. Но съ этихъ общихъ точекъ зрѣнія дѣйствительно все равно, какъ ни распредѣлено богатство. Съ общей всемірно-хозяйственной точки зрѣнія важно то, что при всякомъ займѣ, также какъ и при налогѣ, всемірное хозяйство должно единовременно потерять всю его сумму. Кто эту сумму уплатитъ, всѣ ли поровну или не всѣ, для него неважно: для него весь интересъ въ томъ, что сумма будетъ потеряна. Нѣтъ для него также интереса и облегченія въ перемѣщеніи тягостей, которое для него невозможно. Проценты и погашеніе, которые ему будутъ выплачиваться, съ него же будутъ взяты. То же самое имѣетъ мѣсто въ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ при внутреннемъ займѣ. Какъ бы въ немъ ни было распредѣлено богатство между классами, — какъ цѣлое разсматриваемое, оно единовременно несетъ безвозвратную потерю. Что капиталъ, уничтоженный государственнымъ доходомъ, не у всѣхъ былъ взятъ, это для *него* менѣе важно, чѣмъ то, что капиталъ взятъ и потерянъ. Далѣе, какъ для цѣлаго, для народнаго хозяйства невозможно перенесеніе тягостей на будущее время. Какъ цѣлое, народное хозяйство будетъ въ будущемъ ежегодно расходоваться на проценты и погашеніе и потомъ обратно получать израсходованное. Что *не всѣ* члены его будутъ обратно получать израсходованное, а только нѣкоторые, это опять-таки менѣе важно, чѣмъ то, что во всякое данное время народное хозяйство обратно получаетъ все, что оно расходуетъ въ это время.

Государственное хозяйство, рѣзко отличаясь отъ того экономическаго соціальнаго организма, который образуется совокупностью частныхъ хозяйствъ, вмѣстѣ взятыхъ, имѣетъ однако съ нимъ то общее, что оно представляетъ собою цѣлую область хозяйственной жизни всего народа. Вотъ почему все, происходящее въ области государственнаго хозяйства, должно обсуждаться съ точки зрѣнія всего народа, а не отдѣльныхъ его слоевъ только. Недостойно поэтому высокаго положенія финансиста-практика — обсуживать свои мѣры не принимая во внима-

ніе общей точки зрѣнія народныхъ интересовъ и полагаясь только на временныя удобства, которыми онъ можетъ привлечь симпатію отдѣльныхъ классовъ.

Указываемыя двѣ точки зрѣнія на явленія, порождаемыя государственными долгами, не такого свойства, чтобъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только одна изъ нихъ могла получить примѣненіе. Напротивъ, какъ одна, такъ и другая, каждый разъ не только умѣстна, но и необходима. Какъ бы поэтому займы ни облегчали отдѣльные классы и какъ бы они ни перемѣщали *ихъ* тягости на будущее время, народное хозяйство, какъ цѣлое, остается при своей единовременной безвозвратной потерѣ, которая вся падаетъ на его наличныя средства и неперемѣстима на будущія времена.

Съ точки зрѣнія общихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ, такимъ образомъ, нѣтъ никакого различія между вліяніемъ на наличныя средства налоговъ и займовъ. И тѣ, и другіе одинаково уменьшаютъ эти средства; и тѣ, и другіе одинаково безвозвратно теряются разъ и навсегда.

Въ слѣдующемъ за симъ пунктѣ, на которомъ г. Вреденъ долженъ былъ остановиться, чтобъ провести свою идею, г. Вредену пришлось быть болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ въ предшествующемъ. Пунктъ этотъ касается способовъ, которыми государство заимствуетъ нужныя ему средства у частно-хозяйственной сферы народной жизни.

Вопросъ объ этихъ способахъ не принадлежитъ къ мало разработаннымъ въ финансовой литературѣ. Но то, что она представляетъ по этому вопросу, далеко не отличается единствомъ, полнотою и послѣдовательностью. Г. Вредену предстояла поэтому двойная работа: показать научную несостоятельность существующихъ воззрѣній и замѣнить ихъ новыми, способными выдержать теоретическую и практическую критику.

Выше было показано, что изъ двухъ способовъ, которыми частныя хозяйства добываютъ себѣ экономическія средства для удовлетворенія потребностямъ производства и обмѣна, ни одинъ невозможенъ для государственнаго хозяйства. Государство само не производитъ хозяйственныхъ цѣнностей, и ему потому нечѣмъ производить обмѣнъ. Чтобъ произвести обмѣнъ, оно должно безвозмездно добыть изъ чужого частнаго хозяйства одинъ родъ ихъ, затѣмъ *эти* цѣнности оно можетъ обмѣнять на другой родъ цѣнностей частнаго хозяйства. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ государство явится только посредникомъ между двумя посторонними хозяйствами, цѣнности которыхъ собственно и будутъ обмѣнены другъ на друга. Само государство непо-

средственно отъ себя и за себя обмѣнивающеюся стороною быть не можетъ.

Отсюда выводится неосновательность той финансовой теоріи, которая представляетъ государственное хозяйство какимъ-то подобіемъ обыкновенныхъ частныхъ хозяйствъ отдѣльныхъ людей, производящимъ, какъ и онѣ, извѣстные продукты и продающимъ эти продукты. Цѣна ихъ и представляется будто бы налогомъ. Теорію эту преимущественно проводятъ тѣ самые англійскіе экономисты, которые не хотятъ признать государство производительнымъ. Очевидна глубокая ихъ непослѣдовательность. Если государственное хозяйство ничѣмъ не отличается отъ частнаго по отношенію къ обмѣну, то оно ничѣмъ не отличается отъ него и по отношенію къ производству. Одно съ другимъ неразрывно связано. Но мало этой непослѣдовательности. Разбираемое воззрѣніе имѣетъ основаніемъ такое понятіе о государствѣ, которое развѣ идетъ къ безобразнѣйшему восточному деспотизму, а никакъ не къ европейскимъ политическимъ порядкамъ. Европейское государство—настоящаго времени—свободный союзъ людей, добровольно стѣсняющихъ свой индивидуальный произволъ ради общаго благополучія. Сколько бы ни встрѣчалось, во времени и пространствѣ, уклоненій отъ этого начала, несомнѣнно, что оно представляетъ основную двигательную силу политической жизни на европейской почвѣ. Государственное хозяйство по принципу не представляетъ поэтому экономической сферы, служащей какимъ-либо особымъ частнымъ интересамъ. Это—общее хозяйство всего того народа, который составляетъ государство. Это—такой же соціально-экономическій организмъ, какой представляется совокупностью частныхъ хозяйствъ. И тамъ, и здѣсь, субъектъ хозяйства—одинъ и тотъ же народъ. Только тамъ онъ живетъ одною стороной своей хозяйственной жизни, здѣсь—другою. Тамъ онъ тѣсно сплоченъ въ безразличную, однородную массу и въ такомъ видѣ ведетъ общее хозяйство. Здѣсь онъ дифференцированъ на части, которыя тѣмъ не менѣе интегрально связаны совершенно особыми путями, рѣзко отличными отъ политическихъ основъ единства. Но если и государственное хозяйство и частно-хозяйственная сфера—два хозяйства одного и того же народа, то какимъ образомъ между ними возможенъ обмѣнъ, который немыслимъ безъ совершенно различныхъ, другъ отъ друга независимыхъ, хозяйственныхъ субъектовъ? То, что народъ производитъ въ государствѣ, онъ производитъ для себя, и то что онъ производитъ въ частно-хозяйственной сферѣ, онъ производитъ опять для себя. Отчего же онъ не можетъ непосредственно потреблять и то, и другое? Къ чему тутъ еще

обмѣнъ? Обмѣномъ я могу получить то, что мнѣ еще не принадлежитъ. Но если обѣ обмѣниваемыя вещи мнѣ принадлежатъ, то какой смыслъ имѣетъ обмѣнъ? Еслибъ государство было нѣчто внѣ народа стоящее, еслибъ оно было не народнымъ учрежденіемъ, но проявленіемъ народной жизни; еслибъ оно было проявленіемъ частныхъ интересовъ, которые его въ свою пользу эксплуатируютъ, — тогда—конечно—другое дѣло. Но этого нѣтъ и никогда не было. Было время, когда *все* было государственнымъ, когда малѣйшая хозяйственная единица слагалась по государственно-хозяйственному типу. Но тогда и обмѣна почти вовсе не было.

Налогъ не составляетъ цѣны; поэтому и начала его регулирующія, не суть начала, регулирующія цѣну. Еслибъ теоретики мѣнового налога были послѣдовательны, они должны были бы признать начала запроса и предложенія за регуляторъ налога.

Если налогъ не составляетъ цѣны и если государство, не производя хозяйственныхъ цѣнностей, не можетъ отъ себя, и за себя только, совершать обмѣнъ,—то это имѣетъ важное послѣдствіе и для государственнаго кредита.

Насколько намъ извѣстно, въ финансовой литературѣ до сихъ поръ никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, имѣетъ ли государство свой собственный кредитъ? Напротивъ, это было несомнѣнно для всѣхъ, даже для самыхъ ярыхъ противниковъ государственныхъ долговъ. Еще несомнѣннѣе это должно было казаться послѣ появленія книги Дитцеля. По теоріи этого писателя, государство не только обладаетъ собственнымъ кредитомъ, но этотъ кредитъ составляетъ для государства особый самостоятельный источникъ доходовъ. Мало того: это — совсѣмъ особый кредитъ, какого въ частно-хозяйственной сферѣ вовсе и быть не можетъ. Такъ училъ Дитцель.

Г. Вреденъ объ этомъ иного мнѣнія. «Въ финансовомъ займѣ, говоритъ онъ (187), вѣрителю капиталисту противустоитъ, какъ прямой заемщикъ, только податной плательщикъ». «Только повидимому можетъ казаться, что заемщикомъ является само государственное хозяйство» (ib). Почему г. Вреденъ такъ думаетъ? Отвѣтъ дается на той же страницѣ: «государственное хозяйство никакой самостоятельной, непосредственной платежной способности не имѣетъ».

Всѣ посылки, которыя необходимы для вывода г. Вредена, давнымъ-давно у многихъ были предъ глазами. Но выводъ во всей его цѣлости все-таки не былъ сдѣланъ. А между тѣмъ многіе поэтому вдавались въ непослѣдовательности.

Современная экономическая наука видитъ въ кредитѣ только особый видъ обмѣна, сбыта, котораго отличительная черта заключается въ отсрочкѣ мѣнового эквивалента. Если для государства невозможенъ обмѣнъ и сбытъ, то для него нѣтъ *никакого* обмѣна и сбыта, ни наличнаго, *ни кредитнаго*. Кажется, просто? Но именно научный реформаторъ Дитцель могъ стоять за то, что государство не совершаетъ обмѣна, и все-таки стоять за самостоятельный государственный кредитъ.

Но вѣдь долги государство все-таки заключаетъ. Что̀ же это значитъ? Значитъ то, что когда государство не у всѣхъ податныхъ плательщиковъ находитъ наличныя средства, то это еще не абсолютное препятствіе взимать налогъ. «Не всѣ изъ васъ, говоритъ государство плательщикамъ, обладаютъ наличными средствами. Но нѣкоторые за то имѣютъ ихъ еще больше, чѣмъ сколько мнѣ нужно. Сверхъ того всѣ вы, какъ субъекты частно-хозяйственные, можете производить и обмѣниваться: для *васъ*, слѣдовательно, возможенъ кредитъ, на который *вы* и смотрите, какъ на самостоятельный источникъ богатства. Я не воспользуюсь вашею наличностью, но я воспользуюсь вашимъ кредитомъ: я на вашъ счетъ займу. Вы потомъ уплатите. Для каждаго изъ васъ въ отдѣльности возможно разложеніе тягости на долгое время. Каждый изъ васъ въ отдѣльности мало пострадаетъ. Доля вашего частнаго кредита, которымъ вы для меня пожертвуете, это будетъ безконечно мало сравнительно со всѣмъ вашимъ кредитомъ».

Правительству приходится, такимъ образомъ, играть только роль *посредника* между капиталистами съ одной стороны и податными плательщиками съ другой, между извѣстными частными хозяйствами (а не всею частно-хозяйственною сферою) и государственнымъ хозяйствомъ, т.-е. народомъ, между частью и цѣлымъ. Въ чемъ же заключается это посредничество?

Г. Вреденъ даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Кредитъ, какъ сказано, видъ обмѣна. Но всякій обмѣнъ совершается съ помощью договора между обмѣнивающимися сторонами. Гдѣ же есть договоръ, тамъ необходимо должна быть и гарантія его исполненія. Какой бы она ни имѣла видъ, будь она явная или скрытная, вещная или личная, достаточная или фиктивная,— существовать она должна всегда. Законы гражданскіе могутъ признавать только извѣстные виды гарантіи, и съ точки зрѣнія этихъ законовъ могутъ быть негарантированные договоры. Но съ экономической точки зрѣнія негарантированный договоръ— безсмыслица. Это—договоръ, о которомъ напередъ извѣстно, что онъ не будетъ исполненъ. Это—договоръ, который съ самаго же

начала не признается договоромъ. Если же онъ таковымъ признается, то это — потому, что имѣются основанія, по которымъ ожидаютъ его исполненія. Эти-то основанія и составляютъ экономическое содержаніе гарантіи. Это—экономическіе посылки, изъ которыхъ, какъ выводъ, вытекаетъ исполненіе договора.

Чтò же и кто гарантируетъ тѣ долги, которые возникаютъ изъ государственныхъ займовъ? Податная сила и исполнительная власть государства. Называя облигаціи государственнаго долга своими, государство является поручителемъ за податныхъ плательщиковъ. Оно ихъ гарантируетъ тою властью, которою оно располагаетъ для собиранія налоговъ и пользованія самыми этими налогами. Оно ихъ страхуетъ у того имущественнаго фонда, изъ котораго берутся налоги.

IV.

Государство не производитъ мѣновыхъ цѣнностей, но оно тѣмъ не менѣе въ нихъ нуждается. Оно принуждено поэтому безвозмездно ихъ заимствовать изъ той сферы, гдѣ онѣ производятся. По той же причинѣ, по которой оно получаетъ свои финансовыя средства безвозмездно, оно ихъ заимствуетъ и безвозвратно: ему нечѣмъ ихъ возвращать, ибо оно не производитъ мѣновыхъ эквивалентовъ. Безвозмездность и безвозвратность доходовъ государственнаго хозяйства обусловливаются такимъ образомъ самою природою государства, которое для своихъ членовъ не можетъ производить мѣновыхъ цѣнностей, т.-е. которое торговать со своими членами не можетъ и не должно.

Государственные займы не представляютъ исключенія изъ общаго правила. Мы показали, что средства, которыя государства получаютъ путемъ займовъ, безвозвратно гибнутъ для народнаго хозяйства. Но читателю, по всѣмъ вѣроятностямъ, не совсѣмъ ясно будетъ изложенное, такъ какъ ему извѣстно, что займы влекутъ за собою необходимость и процентовъ, и погашенія. Можетъ поэтому казаться, что займы даютъ средства, которыя государствомъ получаются и не безвозмездно, и не безвозвратно. Необходимо поэтому устранить это недоумѣніе, разъяснивъ сущность процентности и погашенія государственныхъ долговъ.

Вопросъ этотъ далеко не такой простой, какъ можетъ казаться сразу. Старые теоретики, не понимая различій между частнымъ и государственными займами, учили, что государственные долги должны быть процентны и погашаемы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ частные долги процентны и уплачиваются. Дитцель,

глубже проникнувшій въ вопросъ о государственныхъ долгахъ, въ туманѣ однако перебрался чрезъ вопросъ объ основаніяхъ ихъ процентности, но за то тѣмъ отчетливѣе и оригинальнѣе его мысль о погашеніи: онъ его отрицаетъ въ принципѣ. Государственный долгъ, по его мнѣнію, тѣмъ именно и отличается отъ частнаго, что по первому возвратъ капитала кредитору излишній, по второму же необходимъ. Г. Вреденъ упрекаетъ Дитцеля за то, что онъ не замѣтилъ, какъ создаваемое государствомъ изъ полученныхъ путемъ займовъ далеко не вѣчно (стр. 273). Поэтому и займы должны быть не вѣчные. Раньше или позже имъ долженъ настать срокъ, и тогда должна воспослѣдовать полная уплата ихъ. Другой доводъ г. Вредена противъ Дитцелевскаго воззрѣнія— тотъ, что оно упускаетъ изъ виду вліяніе займовой системы на распредѣленіе богатствъ, безконечное возрастаніе податей отъ платежа процентовъ, и необходимость *воспроизводства изъ податного обложенія* (?) капиталовъ, созданныхъ (?) на первый разъ (?) при помощи займовъ (стр. 275).

Намъ кажется, что опровергая Дитцелевскія идеи о ненужности погашенія государственныхъ долговъ, г. Вреденъ недостаточно принялъ во вниманіе смыслъ, въ которомъ самъ Дитцель излагалъ свои идеи. Ставъ на точку зрѣнія Дитцеля, всякій долженъ придти и къ его выводу. Въ самомъ дѣлѣ, по воззрѣніямъ этого писателя государственный кредитъ есть только своеобразное перемѣщеніе капитала, излишняго въ частно-хозяйственной сферѣ, въ государственное хозяйство. Но послѣднее прежде всего отличается тѣмъ, что мѣновыхъ цѣнностей оно не производитъ. Слѣдовательно, воспроизвести занятый капиталъ, возстановить въ первоначальномъ его видѣ государство не въ состояніи, какъ признаетъ это и г. Вреденъ. Чтобъ вернуть частно-хозяйственной сферѣ капиталъ, равный заимствованному, таковой пришлось бы заново заимствовать у послѣдней. Но это противорѣчило бы какъ цѣли, съ которой первоначально капиталъ былъ заимствованъ, такъ и природѣ отношеній государства къ частно-хозяйственному организму. Капиталъ вышелъ изъ послѣдней сферы, потому что онъ въ ней былъ излишній и что тамъ его помѣстить было некуда. Какой же имѣетъ смыслъ возвращеніе излишняго капитала? Вѣдь послѣ этого капиталъ, какъ излишній, снова долженъ будетъ перейти въ сферу государства. Погашеніе такимъ образомъ было бы чѣмъ-то похожимъ на вѣчную Сизифову работу. Далѣе однако: государство не представляетъ собою сферы, чуждой частно-хозяйственной области. Напротивъ, онѣ вмѣстѣ составляютъ одно органическое цѣлое, существуютъ другъ для друга, другъ для друга работаютъ и одна

другой служатъ. Когда частно-хозяйственная сфера разстается съ капиталомъ, переходящимъ въ государство, это не значитъ, что она теряетъ всякую связь съ нимъ. Когда то, что руки выработали, переходитъ въ желудокъ, намъ не приходитъ и на мысль сказать, что при этомъ удовлетворены интересы одного желудка. Руки и желудокъ—части одного организма, и переходъ продукта изъ одного органа въ другой — въ интересахъ всѣхъ частей. Лишь бы желудокъ выработалъ то, что полезно для всего организма, а тамъ все равно, какую форму будетъ имѣть выработанное, первоначальную ли, или новую. Такъ точно важно только, чтобъ капиталъ, перешедшій въ государство, переработанъ былъ въ полезное для всего народно-хозяйственнаго организма. Тогда будутъ удовлетворены и интересы частно-хозяйственной сферы. Напротивъ, органическое соотношеніе частей организма было бы извращено въ своей природѣ, еслибъ все, что желудокъ выработалъ, шло на одно только питаніе рукъ.

Нельзя такимъ образомъ отрицать у Дитцеля послѣдовательности, когда изъ идеи о государственномъ кредитѣ, какъ о помѣщеніи капитала, онъ заключаетъ о томъ, что государственные долги не должны быть погашаемы. Но его посылка—злоупотребленіе вѣрною идеею, и потому его выводъ построенъ на пескѣ.

Когда частно-хозяйственная сфера удѣляетъ часть своихъ средствъ для государства, то несомнѣнно совершается и процессъ перехода капиталовъ къ новому помѣщенію. Дитцель былъ только неправъ, когда говорилъ о своеобразномъ способѣ помѣщать частно-хозяйственные капиталы по поводу государственнаго кредита только, тогда какъ на самомъ дѣлѣ о немъ должно говорить по поводу *всей* системы финансовой, со всѣми ея доходами и расходами. Всѣ средства, которыя государство получаетъ, оставляютъ частно-хозяйственную сферу, и основной принципъ этого оставленія долженъ былъ бы быть, намъ кажется, тотъ же, какой дѣйствуетъ и въ другихъ аналогическихъ случаяхъ. Т.-е., хозяйственныя средства должны оставлять одно мѣсто и переходить въ другое только тогда, когда въ послѣднемъ они будутъ приносить болѣе пользы, чѣмъ въ первомъ. Какія это будутъ средства, изъ труда или капитала, изъ валового или чистаго дохода, рѣшительно все равно. *Это* начало на дѣлѣ, въ самой жизни, управляло переходомъ хозяйственныхъ средствъ изъ частно-экономической сферы въ государство, и оно будетъ продолжать имъ управлять, несмотря на все противудѣйствіе финансистовъ школы «чистаго дохода». Налогъ—не потеря и не уничтоженіе капитала, а своеобразное его помѣщеніе: вотъ основное начало ученія о налогѣ. Но объ этомъ помѣщеніи, о его выгодности и необходимости должны судить тѣ, которыхъ

капиталъ для него необходимъ: таково—второе основное начало означеннаго ученія. Поэтому, только частно-хозяйственная сфера сама въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ рѣшить, что̀ считать источникомъ налога и какой капиталъ затрачивать на нужды, всѣми сознанныя и у всѣхъ вызывающія готовность дѣлать для нихъ затраты.

Эти затраты не должны возвращаться обратно частно-хозяйственной сферѣ: онѣ не должны погашаться по частно-хозяйственному разсчету. Государство не воспроизводитъ полученныхъ капиталовъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно ихъ получило. Но это не значитъ, что государство абсолютно непроизводительно. Оно воспроизводитъ полученные капиталы въ новой формѣ, полезной для всего народнаго организма. Для превращенія капиталовъ въ новую форму оно ихъ и получило. Справедливо поэтому, что еслибы капиталы принимали первоначальную форму и въ этомъ видѣ возвращались въ мѣсто, откуда вышли,—то это противурѣчило бы природѣ отношеній государства къ народному хозяйству и функціямъ перваго и второго.

Но признавать вѣрность этихъ идей и признавать истинность Дитцелевскаго ученія о непогашаемости государственныхъ долговъ, далеко не одно и то же. По единственно-научному ученію г. Вредена, государственные долги — только одинъ изъ способовъ собрать налогъ. *Поэтому* и государственный кредитъ даетъ средства, безвозвратно остающіяся у государства. Г. Вреденъ долженъ былъ бы отказаться отъ своего ученія о принципіальномъ единствѣ налоговъ и долговъ, еслибъ онъ этого не призналъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что государство не должно погашать своихъ долговъ? Ни мало.

Когда государство совершаетъ заемъ, оно взимаетъ налогъ самымъ раціональнымъ образомъ *прежде всего* съ тѣхъ, которымъ всего легче разставаться съ хозяйственными средствами. Но если бы налогъ такъ и оставался навсегда распредѣленнымъ, то нельзя было бы его въ другой разъ повторить. Необходимо поэтому уравнять его съ другими налогами. Необходимо, чтобъ онъ былъ также распредѣленъ, какъ и остальные налоги. Его необходимо слѣдовательно *перераспредѣлить*. Вотъ это перераспредѣленіе только и совершается установленіемъ налога для процентовъ и погашенія. Такой налогъ никогда не представляетъ *новаго* налога для *государственнаго* хозяйства. Онъ только *замѣняетъ* другой. Онъ собирается не для того, чтобъ быть истраченнымъ, а напротивъ, чтобы обратнымъ возвращеніемъ въ народное хозяйство выравнять неравенства или возстановить

первоначальныя неравенства. Этимъ налогомъ постепенно замѣняется тотъ, который былъ установленъ съ помощію займа.

Такимъ образомъ, та возмездность и та возвратность, которыя представляются процентностью и погашаемостью государственныхъ долговъ, относятся не къ средствамъ, которыя государство получило путемъ займа. Эти средства государство получило и безвозмездно и безвозвратно. Но путь, которымъ государство получило эти средства, не такой, чтобъ имъ можно было пользоваться безвозмездно и чтобъ по нему можно было идти безвозвратно. Это приводитъ насъ къ необходимости разъяснить финансовое значеніе пути, которымъ государство получаетъ средства съ помощію займовъ.

V.

Финансовый характеръ и финансовую природу этого пути впервые вполнѣ научно опредѣлилъ г. Вреденъ. Кредитъ—видъ обмѣна; а обмѣнъ—дѣйствіе, чрезъ посредство котораго за отсрочиваемое вознагражденіе добывается экономическая цѣнность. Кредитъ, чѣмъ бы онъ ни былъ и гдѣ бы мы его ни наблюдали, только способъ *добыванія* цѣнностей уже готовыхъ, имѣющихъ независимый отъ него источникъ. Какъ видъ обмѣна, кредитъ всегда предполагаетъ производство ему предшествовавшее, результатомъ котораго и явились цѣнности, съ его помощью добываемыя.

Вотъ почему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объ кредитѣ можно говорить, какъ объ источникѣ цѣнностей, о немъ можно говорить, какъ объ источникѣ производномъ, а никакъ не первоначальномъ. Для даннаго, отдѣльнаго, частнаго лица кредитъ можетъ быть источникомъ цѣнностей, но никакъ не для замкнутаго народнаго хозяйства. Или: для народнаго хозяйства, какъ частно-хозяйственнаго организма, кредитъ можетъ быть источникомъ, но никакъ не для цѣлаго всемірнаго хозяйства. Что̀ кредитъ отдаетъ однимъ, то онъ всегда отнимаетъ у другихъ.

Для государственнаго хозяйства кредитъ является источникомъ только въ случаѣ заключенія заграничныхъ займовъ. Но когда государство помощью кредита пользуется туземными капиталами (а это бываетъ въ большинствѣ случаевъ), кредитъ не является источникомъ этихъ капиталовъ. Онъ самъ ихъ предполагаетъ, какъ готовые. Кредитъ даетъ только возможность ихъ добыть, собрать. Это только особый способъ произвести заимствованіе ихъ изъ частно-хозяйственной сферы.

Самое заимствованіе при этомъ, обусловливаясь природою имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ, ни на волосъ не измѣняетъ своей собственной природы. Какія бы особенности ни имѣлъ способъ его производства, само оно отъ того не измѣняется.

Совокупность способовъ производства заимствованій государствомъ нужныхъ ему средствъ изъ частно-хозяйственной сферы составляетъ существенное содержаніе того, что̀ въ финансовой наукѣ изслѣдуется въ теоріи *взиманія* налоговъ. Взиманіе это имѣетъ самыя разнообразныя формы, и въ число ихъ и входитъ кредитъ.

Взиманіе налоговъ или способъ производства заимствованій государствомъ нужныхъ ему хозяйственныхъ средствъ, прежде всего отличается существенно отъ самыхъ налоговъ или заимствованій слѣдующимъ. Въ то время какъ безвозмездность и безвозвратность—существенные признаки заимствуемыхъ или получаемыхъ налогомъ средствъ, та же безвозмездность и та же безвозвратность *необходимо не должны быть* признаками самаго полученія, способовъ заимствованія, или формъ взиманія.

Какую бы мы ни взяли форму взиманія налоговъ, всегда мы увидимъ, что она сопряжена съ расходами и жертвами, не всеобщими, а частными, падающими только на извѣстныхъ лицъ. Эти расходы и жертвы не могутъ быть безвозмездны и безвозвратны. Отсюда — спеціальныя финансовыя *издержки взиманія* государственныхъ доходовъ, встрѣчающіяся въ каждомъ бюджетѣ и покрываемыя опять изъ налога. Этими издержками взиманія оплачиваются расходы и жертвы тѣхъ лицъ, безъ содѣйствія которыхъ государство не собрало бы нужныхъ ему средствъ.

Нѣтъ поэтому ни одного государственнаго дохода, который, какъ бы очевидна ни была его безвозмездность и безвозвратность, тѣмъ не менѣе одною своего стороною, именно при взиманіи, не былъ бы сопряженъ съ возмездіемъ и возвратомъ. Это— черта, отличающая *всѣ* доходы, *всѣ* налоги. *Эту* только черту и представляютъ намъ возмездность и возвратность въ процентахъ и погашеніи государственныхъ долговъ. Мы видѣли, что процентами и погашеніемъ государство только возвращаетъ людямъ, болѣе другихъ для него жертвовавшимъ, ихъ излишніе, противъ его требованій, расходы. Ничего особеннаго, кромѣ этого, процентность и погашеніе государственныхъ долговъ не представляютъ. Изъ нихъ также мало можно заключить о возвратности и возмездности капиталовъ, получаемыхъ путемъ займовъ, какъ мало можно о томъ же заключить по издержкамъ взиманія всякаго другого финансоваго дохода. Расходы на го-

сударственный долгъ, показываемые во всякомъ бюджетѣ—статья совершенно тожественная съ другою, также всегда показываемою: расходы взиманія доходовъ. Только сложеніе этихъ двухъ цифръ можетъ дать ясное понятіе объ издержкахъ, съ которыми сопряжено производство заимствованій для государства. Строго научно поэтому А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ своемъ классическомъ трудѣ о финансахъ Пруссіи (стран. 420, I т.), ставитъ расходы на государственный долгъ непосредственно послѣ расходовъ на взиманіе остальныхъ доходовъ. Даже для Пруссіи эти два расхода составляютъ почти $38^1/_2\%$ всѣхъ расходовъ: 13% стоятъ займы и $25^1/_2\%$ остальные доходы; даже для этой классической по финансовой хозяйственности въ Европѣ страны «*новая*» форма взиманія доходовъ имѣетъ въ бюджетѣ только въ половину меньшее значеніе, сравнительно съ «старою».

Было бы однако ошибочно думать, что эта «новая» форма взиманія государственныхъ доходовъ, представляемая займами, указываетъ на какой-либо новый принципъ, проникнувшій недавно въ государственное хозяйство. Ея принципъ возникъ чуть ли не вмѣстѣ съ налогомъ и врядъ ли въ прежнія времена, только въ измѣненномъ видѣ, онъ эксплуатировался меньше, чѣмъ теперь

Когда финансовый доходъ взимается прямо, въ видѣ такъ-называемыхъ *прямыхъ* налоговъ, тогда очевиденъ основной его характеръ взноса, заимствованнаго изъ посторонняго производительнаго источника. Не теряется очевидность этого характера и у косвенныхъ податей. Но эта косвенность, принимая различныя формы, совершенно можетъ закрыть основную сущность финансоваго дохода — его заимствованность изъ посторонняго источника, влекущую за собою соотвѣтственное уменьшеніе этого источника. Еще болѣе ею закрывается безвозмездность и безвозвратность заимствованія.

Всякая косвенная подать прежде всего характеризуется тѣмъ, что она первоначально выплачивается не тѣмъ лицомъ, которое она въ концѣ концовъ должна настигнуть. Напротивъ, первоначально она въ видѣ аванса дается правительству, чтобъ облегчить ему и ускорить полученіе дохода. Всего очевиднѣе это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подати отдаются на откупъ. Но не менѣе очевидно то же самое и въ случаѣ каждаго другого косвеннаго способа собиранія налоговъ. Владѣлецъ водочнаго завода, уплачивающій акцизъ за выкуриваемую имъ водку, даетъ впередъ правительству сразу ту сумму, которую оно должно было бы въ противномъ случаѣ собирать долями съ потребителей водки. Возвышая цѣну водки на акцизъ, производитель ея

надлежитъ къ тѣмъ, которыхъ теоретическая разработка сильно задерживается соціальными и фискальными интересами, примѣшивающимися къ дѣлу изслѣдованія. Интересы господствующихъ въ обществѣ классовъ также точно, какъ и интересы правительства, слишкомъ сильно до сихъ поръ вліяли на отдѣльныхъ изслѣдователей, то положительно предписывая направленіе изслѣдованій, то отрицательно на нихъ вліяя устраненіемъ извѣстныхъ вопросовъ изъ научной области.

Теорія государственнаго кредита соприкасается со многими основными ученіями теоретической экономіи, которыя далеко еще не удалось наукѣ вполнѣ разработать. Только тотъ, поэтому, могъ бы претендовать на законченное изслѣдованіе государственнаго кредита, у кого хватило бы достаточно силъ, чтобъ поставить на болѣе прочныя основанія и означенныя ученія. Но коренные вопросы науки такого свойства, что силъ отдѣльнаго человѣка на подобную задачу никогда не хватитъ, ибо эти вопросы трудны не въ одномъ только научномъ отношеніи. Это — самые общіе вопросы о благосостояніи и бѣдности, т.-е. вопросы объ общемъ благосостояніи и общей бѣдности. Но подобные вопросы, касающіеся большинства, только имъ самимъ теоретически и практически, научнымъ и опытнымъ путемъ, и разрѣшаются. Въ счетъ большинства конечно входитъ и большинство ученое. Какъ силы отдѣльнаго практика мало значатъ въ подобномъ случаѣ, такъ точно не могутъ имѣть исчерпывающаго значенія изслѣдованія отдѣльныхъ ученыхъ, какъ бы они ни были велики сравнительно съ изслѣдованіями другихъ ученыхъ въ отдѣльности взятыхъ.

Основное значеніе для г. Вредена въ той части, къ которой мы теперь приблизились, имѣлъ вопросъ о чистомъ доходѣ. Послѣдній, несмотря на то, что теоретиками онъ разрабатывается уже около 100 лѣтъ, далеко однако еще не выясненъ, въ особенности съ той его стороны, которою онъ соприкасается съ финансами. Частно-хозяйственная сфера успѣла для себя выработать достаточно ясное понятіе о чистомъ доходѣ. Но ея отношенія къ финансовому хозяйству были до сихъ поръ до такой степени подъ вліяніемъ произвола, что никакихъ ясныхъ правилъ и понятій о томъ, какая часть частно-хозяйственныхъ средствъ можетъ служить финансовымъ источникомъ, практика не успѣла выработать. Если финансовая практика сегодня дѣлала своимъ источникомъ одно, завтра — другое, послѣзавтра опять третье, если она заходила такъ далеко, что ничего не оставляла не обложеннымъ,—то очевидно важно было добиться чего-либо, ограниченнаго опредѣленными предѣла-

взиманія подати, переданное въ частныя руки, достаточный за нее суррогатъ. За симъ, всѣ остальные элементы у косвенныхъ налоговъ и займовъ—общіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ государство пользуется наличными средствами частно-хозяйственной сферы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ часть этихъ наличныхъ средствъ берется государствомъ безвозмездно и безвозвратно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ частно-хозяйственная сфера, какъ цѣлое, не въ состояніи перемѣстить на будущее тягости отъ финансоваго заимствованія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ самое *производство* заимствованія сопряжено съ возмездіемъ и возвратомъ особыхъ расходовъ, при этомъ неизбѣжныхъ. Наконецъ, и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою способы быстраго сосредоточенія большихъ суммъ въ казну.

Съ виду кажется, что займомъ государство беретъ средства съ тѣмъ, чтобъ ихъ возвратить; когда же оно беретъ средства налогомъ, хотя бы для уплаты процентовъ и погашенія, то уже безвозвратно. На самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противуположное. Займомъ правительство беретъ средства безвозвратно. Налогомъ оно иногда ихъ беретъ, чтобъ, не пользуясь ими, возвратить ихъ обратно.

На основаніи изложеннаго можно позволить себѣ—утверждать, что если въ какой-либо отрасли государственныхъ доходовъ безвозвратность получаемыхъ средствъ несомнѣнна, то всего болѣе—при займахъ. Напротивъ, всего менѣе—это несомнѣнно при налогахъ. Ибо налогъ, который правительство возвращаетъ обратно, частое и нормальное явленіе. Напротивъ, несомнѣнный признакъ патологическаго состоянія государственнаго хозяйства представляется намъ тогда, когда государство заключаетъ займы для уплаты долговъ, т.-е. когда оно возвращаетъ въ народное хозяйство обратно суммы, полученныя путемъ займа.

VI.

Мы пересмотрѣли рядъ доводовъ, говорящихъ за принципіальное единство налоговъ и займовъ. Послѣдній доводъ, не менѣе всѣхъ предыдущихъ важный, представляетъ единство источниковъ того и другого вида государственныхъ доходовъ. Но въ этомъ пунктѣ намъ придется разойтись съ ученіемъ г. Вредена.

Вопросъ объ источникахъ государственныхъ доходовъ при-

всякомъ случаѣ онъ не долженъ быть отнятъ у частно-хозяйственной сферы.

Положеніе, что податнымъ источникомъ можетъ быть только чистый доходъ, формулированное, какъ основное для финансовой теоріи и практики, еще Ад. Смитомъ, достаточно ясно выгораживаетъ капиталъ изъ сферы обложенія. Когда капиталъ употребляется на нужды потребленія, онъ перестаетъ быть капиталомъ. Пока онъ остается капиталомъ, его не употребляютъ для потребленія, для котораго служитъ чистый доходъ. Поэтому обложеніе послѣдняго никогда не можетъ въ своей сферѣ встрѣтиться съ первымъ.

Но трудъ, на что́ бы онъ ни употреблялся, не перестаетъ быть трудомъ. Большая часть ежегодно истрачиваемаго труда служитъ именно цѣлямъ потребленія. По цѣли, такимъ образомъ, трудъ и чистый доходъ совпадаютъ въ большинствѣ случаевъ. Отсюда то послѣдствіе, что когда чистый доходъ облагается по внѣшнимъ признакамъ, которые у него имѣются общіе съ трудомъ, то настигается и послѣдній.

Этого мало. Чистый доходъ получается по возстановленіи *капитала*. Но несомнѣнно, что для народнаго хозяйства важно, чтобъ *всѣ* его производственныя силы сохранялись: слѣдовательно не одинъ только капиталъ, но и трудъ. Необходимо, чтобъ возстановлялась не одна только сила капитала, но и сила труда. Но послѣднее возстановляется потребленіемъ. Всякое обложеніе, сокращающее потребленіе не стѣсняя возстановленія капитала, можетъ поэтому стѣснить возстановленіе трудовъ производственной силы. Опредѣленіе чистаго дохода по затратѣ на потребленіе, захватываетъ такимъ образомъ и такіе доходы, которые, какъ необходимые для сохраненія чуть ли не самой основной производственной силы, далеко нельзя считать удобосократимыми и свободными или чистыми. Этого опредѣленія можетъ быть достаточно съ точки зрѣнія сохраненія капитала. Оно можетъ удовлетворить интересы капитала. Но интересы труда имъ далеко не могутъ удовлетвориться. Трудъ оно отдаетъ въ жертву правительственному хозяйству.

Но и этого мало: все, что трудъ производитъ, необходимо имѣетъ одну изъ тѣхъ двухъ формъ, подъ которыми признаются податные источники. Продуктъ текущаго или идетъ на потребленіе, или идетъ на образованіе новаго капитала.

Сословный характеръ господствующей теоріи, такимъ образомъ, очевиденъ. Именно потому она во всей своей цѣлости и безъ всякихъ измѣненій не можетъ имѣть значенія для насъ.

Тѣ интересы, которые она охраняетъ на Западѣ, у насъ имѣютъ второстепенное значеніе.

Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія чисто-экономической нѣтъ ничего важнѣе обереженія производственныхъ силъ. Но, *во*-первыхъ, беречь капиталъ значитъ беречь только одну производительную силу. Современная финансовая теорія только на словахъ стоитъ за производственныя силы вообще. Признавая одинъ чистый доходъ источникомъ государственныхъ доходовъ, она не оберегаетъ самой крупной по размѣру силы. Можно опять согласиться, что съ чисто-экономической точки зрѣнія важнѣе не та сила, которая беретъ своимъ размѣромъ, а та, которая стоитъ выше по производительности. Съ чисто-экономической точки зрѣнія капиталъ несомнѣнно важнѣе и дороже труда. Это — воплощеніе накопленнаго разума человѣка, сконцентрированное человѣческое прошлое, квинтъ-эссенція и трипль-экстрактъ прошлаго и настоящаго человѣческой хозяйственности. Но при всемъ томъ, капиталъ—вещь, а трудъ, это живой, чувствующій человѣкъ. Было время, когда чисто-экономическая точка зрѣнія до того увлекла многихъ экономистовъ, что менѣе одностороннимъ изъ нихъ стало «за человѣка страшно». Реакція началась съ Сисмонди и Дроза, была поддержана Дюноайе и Росси и, подъ вліяніемъ голоса соціалистовъ, въ настоящее время породила такъ-называемое этико-антропологическое направленіе. Его придерживаются лучшіе современные экономисты Англіи, Франціи, Германіи и т. д. Дж. Ст. Милль, Фоссетъ, Воловскій, Бодрильяръ, Штейнъ, Шеффле, Кери и т. д.— таковы имена новаго направленія экономической науки.

Менѣе всего чисто-экономическая точка зрѣнія умѣстна въ наукѣ о государственномъ хозяйствѣ. Уже самый основной принципъ послѣдней доказываетъ то. Въ то время, какъ съ чисто-экономической точки зрѣнія расходы, регулирующіе доходы — просто безсмыслица, именно это начало—верховнѣйшее въ государственномъ хозяйствѣ (Wagner, Ordnung des oesterreichischen Staatshaushalts. 1863). Беречь производственныя силы государства важно. Но беречь справедливость для него еще важнѣе. А всего важнѣе для него беречь человѣка. Для государства человѣкъ—нѣчто большее, чѣмъ простой экономическій факторъ. Это — главная, основная цѣль, для которой государство существуетъ. Кромѣ того необходимо еще имѣть въ виду, что примѣненіе сказанія о курицѣ не лишено преувеличеній. Свѣтъ еще пока не видалъ государствъ, которыя гибли бы отъ того, что капиталъ обложенъ податями. Но онъ не мало видалъ

государствъ погибшихъ оттого, что ихъ трудовыя силы были въ рабствѣ и разорены.

Нашу точку зрѣнія на разбираемый вопросъ мы уже имѣли случай выше намѣтить въ общихъ чертахъ. Во взносахъ, которыми каждый изъ членовъ государства участвуетъ въ созданіи экономической почвы послѣдняго, мы не видимъ расходовъ на потребленіе. Современное государство нельзя сравнивать съ домашнимъ хозяйствомъ, какъ сферу потребленія. Это можно было еще до извѣстной степени признавать справедливымъ въ пору процвѣтанія безграничнаго абсолютизма, когда гражданину въ государствѣ оставалось быть активнымъ только потребляя то, что заботливое правительство для него производило, а во всемъ прочемъ пребывая въ вынужденной пассивности. Но теперь гражданинъ активенъ въ государствѣ не только тогда, когда онъ потребляетъ. Право и нравственность теперь въ области государства начинаютъ квалифицировать пассивность —порокомъ. Вотъ почему теперь и налогъ—не расходъ на потребленіе. *Всѣ* государственные доходы въ настоящее время только своеобразное помѣщеніе, даваемое извѣстной долѣ частно-хозяйственныхъ средствъ съ цѣлью производства опредѣленнаго ряда благъ, для которыхъ государство какъ-бы служитъ мастерскою. Все, что государство ни получаетъ, въ него перемѣщается частными хозяйствами, какъ въ наиболѣе производительную сферу по данной отрасли человѣческой дѣятельности. Современный человѣкъ живетъ активно не въ одномъ только своемъ частномъ хозяйствѣ. Но всякая активность необходимо должна имѣть экономическую почву. Вотъ ее-то онъ и приноситъ съ собою въ государство. И отъ этого перемѣщенія средствъ и возникаетъ особый видъ движенія богатствъ, особый порядокъ прихода и расхода экономическихъ средствъ, который и изслѣдуется наукою о государственномъ хозяйствѣ.

Вотъ почему по нашему мнѣнію чистый доходъ не составляетъ абсолютнаго предѣла, въ которомъ замкнуты государственно-хозяйственные источники. Даже еслибъ онъ и составлялъ такой предѣлъ, одна его неясность уничтожила бы его. Но государственно-хозяйственные источники не имѣютъ также точно абсолютнаго предѣла, какъ не имѣетъ его никакой другой предметъ расходовъ. Отъ совокупности хозяйственныхъ средствъ и соотношенія между потребностями, отъ бо́льшаго или меньшаго преобладанія того значенія, которое имѣютъ одни потребности предъ другими, и отъ измѣнчивости этого значенія въ пространствѣ и времени, зависитъ всякій расходъ. Отъ того же зависятъ и государственные расходы. Оттого указать

на абсолютный предѣлъ, до котораго они могутъ простираться и который они не могутъ перешагнуть, нельзя вовсе. Чистый доходъ только сословная формула, выставленная западно-европейскою буржуазіею противъ государства, съ которымъ она борется и на которое она желала бы тратить возможно меньше, и—что самое важное—отъ котораго прежде всего она желала бы уберечь свой сословный капиталъ. Капиталъ,—по природѣ своей исключающій всякую привилегію и стремящійся къ безграничной конкурренціи, никому нежелающій быть обязаннымъ, желающій напротивъ опираться на одного себя, стремящійся захватить подъ собою возможно большее пространство,—въ настоящее время переживаетъ еще только первые періоды своей самостоятельности. Для борьбы съ враждебными ему элементами, ему приходилось не разъ самому вооружаться средствами, которыя употреблялись противъ него. Онъ самъ долженъ былъ добиваться привилегій и монополій, какъ основного условія самосохраненія. Вѣдь ему приходилось въ одно и то же время и рости, и бороться. Каждый шагъ въ его развитіи долженъ былъ быть отвоеванъ. Отсюда его сословный характеръ, который сохранился до сихъ поръ. Несмотря на громадный прогрессъ въ экономическихъ средствахъ, все-таки было того недостаточно, чтобъ лишить капиталъ сословнаго характера. Вотъ почему вопросъ о сохраненіи капитала до сихъ поръ еще только сословный, а не народный вопросъ. Онъ затрогиваетъ непосредственно интересы одного только класса, а не всѣхъ. Индустріализмъ въ *государственномъ* хозяйствѣ оказался также сильно сословнымъ, какъ и въ области частнаго народнаго хозяйства. Капиталъ долженъ быть свободенъ отъ податной повинности: вотъ что значитъ формула—только чистый доходъ можетъ быть податнымъ источникомъ. Какъ при феодальномъ режимѣ дворянство спасало основаніе своей соціальной экономической и политической независимости, землю, отъ фискальныхъ требованій, такъ того же самаго добивается и буржуазія. Не путемъ косвенныхъ налоговъ она это дѣлаетъ, какъ утверждалъ Лассаль: косвенные налоги постигаютъ и самоё буржуазію. У послѣдней имѣется болѣе радикальное начало въ исключительномъ обложеніи одного только чистаго дохода.

Но для государства важно не одно только то, чтобъ у него имѣлась экономическая почва. Важно кромѣ того, чтобъ каждый его членъ *соразмѣрно своей хозяйственной состоятельности* содѣйствовалъ образованію этой почвы. Финансисты безъ всякихъ доводовъ условились признавать, что мѣрою состоятельности служитъ чистый доходъ и вообще потребительная сторона состоя-

тельности. Но это врядъ ли идетъ въ современной экономической жизни и современному строю экономическихъ понятій. Въ старое время дѣйствительно по тому, какъ кто жилъ, можно было судить и о его состоятельности. Но въ настоящее время болѣе состоятеленъ на дѣлѣ и остается болѣе состоятельнымъ тотъ, у кого болѣе производственныхъ средствъ. Капиталъ и особыя производительныя качества труда, обезпечивающія ему сбытъ, вотъ современныя мѣрила состоятельности. Самъ по себѣ чистый доходъ и потребительные расходы не могутъ, поэтому, служить теперь основаніемъ при соразмѣреніи долей участія каждаго отдѣльнаго человѣка при образованіи экономической почвы государства. *Трудъ и капиталъ вмѣстѣ* единственно только могутъ служить такимъ основаніемъ. Не съ чистаго только дохода, а съ чего кто имѣетъ, должны быть взяты тѣ средства, которыя каждый членъ государства приноситъ съ собою въ послѣднее для созданія хозяйственной почвы политической активности.

Косвеннымъ образомъ это начало признаетъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ и финансовая наука [1]). Большое вліяніе на такое признаніе оказала въ особенности книга Дитцеля. Если кредитъ—нормальный источникъ для государственнаго хозяйства, и если кредитомъ капиталы берутся безвозвратно,—то значитъ не одинъ чистый доходъ, не однѣ потребительныя средства, а и капиталы могутъ быть податными источниками. Еще болѣе основаній для такого признанія представляетъ теорія г. Вредена. Для него несомнѣнно, что займы только способъ косвеннаго взиманія налоговъ. Какія же однако средства взимаются такимъ способомъ? Очевидно, что *капиталы*, какъ бы мы ихъ ни квалифицировали. Слѣдовательно, старое положеніе о томъ, что одинъ только чистый доходъ источникъ налоговъ, неполно: самъ г. Вреденъ вывелъ рядъ налоговъ, которые не берутся изъ чистыхъ доходовъ.

То обстоятельство, что долги погашаются, ни на волосъ не измѣняетъ дѣла. Погашеніе, какъ мы разъяснили выше, только замѣна одного налога другимъ. Можетъ казаться, что это—замѣна залога, падающаго на капиталъ,—налогомъ, падающимъ на доходы. Но подобное разсужденіе можетъ имѣть основаніемъ только petitio principii. Надобно прежде доказать, что распредѣлительный налогъ падаетъ на одни только доходы, и тогда можно будетъ утверждать, что погашеніемъ налогъ на капиталъ замѣняется налогомъ на доходы. Но пока это не доказано, ос-

---

[1]) Были даже и прямыя признанія: Шмоллеръ, Шеффле и др.

тается только утверждать одно: что погашеніемъ налогъ, который поглотилъ капиталъ только нѣкоторыхъ, замѣняется налогомъ, падающимъ на средства всѣхъ. На какія средства всѣхъ замѣняющій налогъ падаетъ?—это вопросъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, неразрѣшенный наукою. Во всякомъ случаѣ важно, что первый налогъ взялъ капиталъ, а второй долженъ дать эквивалентъ за него, т.-е. опять капиталъ. Во всякомъ случаѣ, отъ займа у частно-хозяйственной сферы капиталомъ оказывается меньше. Какія бы средства государство ни брало, онѣ во всякомъ случаѣ совершенно возстановляются частно-хозяйственною сферою. И въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, налогъ путемъ займа ничѣмъ существенно не отличается отъ другихъ налоговъ. Погашаются частнымъ хозяйствомъ всѣ его расходы на государство, только разными путями въ разныхъ случаяхъ.

Распредѣлительный налогъ имѣетъ существеннымъ своимъ признакомъ не источникъ, отъ котораго онъ берется, а приноровленность къ размѣру источника, все равно какой бы послѣдній ни былъ. Не качество экономическихъ средствъ его отличаетъ, а ихъ пропорціональное количество,—вотъ что его отличаетъ.

Если съ одной стороны единство налога и займовъ вытекаетъ изъ того, что налоги также, какъ и займы, могутъ падать на капиталъ, то съ другой стороны единство можетъ проявиться въ томъ, что займы, подобно налогу, иногда падаютъ на доходы. Высокій процентъ государственныхъ долговъ можетъ вызвать усиленное стремленіе къ сбереженію, сокращеніе потребленія и помѣщеніе доходовъ въ фондахъ. Выигрышные билеты у насъ могутъ служить тому примѣромъ. То же вліяніе имѣютъ вообще и повсюду лотерейные займы.

VII.

Рядъ доводовъ, которые въ настоящее время финансовая теорія можетъ представить въ пользу принципіальной тождественности налоговъ и займовъ, нами весь разсмотрѣнъ. Спрашивается теперь, какое практическое значеніе имѣетъ новый результатъ науки?

Съ помощью откуповъ и косвенныхъ налоговъ, государство пользовалось капиталами откупщиковъ и предпринимателей, отказываясь за это отъ будущихъ своихъ доходовъ, отъ налога. Благодаря займамъ, правительства получили возможность анти-

ципировать будущіе налоги еще въ бòльшихъ размѣрахъ. Каждый государственный долгъ представляетъ собою налогъ, потребленный государствомъ еще до того, какъ онъ собранъ. Кто въ настоящее время желаетъ себѣ составить понятіе о размѣрѣ тягостей, которыя лежатъ на частно-хозяйственной сферѣ, тотъ долженъ къ суммѣ текущихъ налоговъ прибавить еще государственные долги. Итогъ и покажетъ, сколько налоговъ должна она уплатить, чтобъ покрыть всѣ государственные расходы.

Новая теорія, такимъ образомъ, даетъ возможность точнѣе и опредѣленнѣе судить о предметѣ, о которомъ до сихъ поръ судили неопредѣленно и неточно. Сумма государственныхъ долговъ указываетъ на опредѣленную напередъ цифру налоговъ, которыми правительство уже воспользовалось, которые слѣдовательно должна будетъ вынести и уплатить частно-хозяйственная сфера.

Слѣдующій за симъ практическій вопросъ, возникающій по признаніи принципіальной тождественности займовъ и налоговъ, формулируется такъ. Существуютъ ли какія-либо основанія, руководствуясь которыми, можно было бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, какой изъ видовъ взиманія всего лучше, а потому какимъ изъ нихъ и слѣдуетъ воспользоваться?

Старая школа финансистовъ не признавала вопроса, чѣмъ въ отдѣльномъ случаѣ выгоднѣе воспользоваться: налогами, или займами? Для нея во всякомъ случаѣ правительство должно было избѣгать долговъ и всегда имъ предпочитать налоги. Новая школа, признавая нормальность займовъ въ финансовой системѣ, должна была заняться и вышепоставленнымъ вопросомъ.

Отвѣты Дитцеля и его важнѣйшаго послѣдователя и продолжателя въ этомъ пунктѣ, Ад. Вагнера, имѣютъ своимъ основаніемъ—различіе расходовъ, предстоящихъ государству. Они классифицируютъ государственные расходы на такіе, которые безусловно должны быть покрываемы изъ налоговъ, и на такіе, которые безусловно должны быть дѣлаемы изъ займовъ. Г. Вреденъ, не отказываясь вполнѣ отъ этого критерія, прибавилъ къ нему еще другой: состояніе частно-хозяйственныхъ средствъ.

«Частное хозяйство, говоритъ онъ, неизбѣжно въ различной степени подлежитъ вліянію или дѣйствію займовой системы и распредѣлительнаго взиманія подати уже потому, что въ первомъ случаѣ лица, желающія обезпечить свое потребленіе самымъ надежнымъ способомъ, ищутъ соотвѣтственнаго доходнаго помѣщенія своимъ запасамъ цѣнностей, чѣмъ обращаютъ ихъ для себя въ капиталъ ссудный; во второмъ случаѣ у всѣхъ безъ различія, слѣдовательно и у предпринимателей, отнимается часть чистыхъ хозяйственныхъ доходовъ, которую они, по большей

части, обратили бы въ предпринимательскій капиталъ, а этимъ путемъ, за незначительными исключеніями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ народный капиталъ»... «Заемъ ложится на капиталистовъ, а подать на всѣхъ податныхъ»... «Сила и дѣйствія займа и подати зависятъ отъ того, въ какой мѣрѣ они ложатся то на капиталистовъ, то на податныхъ плательщиковъ. Такъ, если заемъ поглощаетъ всѣ наличные ссудные капиталы, то и предпринимательскіе не будутъ возсоздаваться и развиваться; если даже процентъ государственнаго займа достаточно высокъ, то имъ могутъ быть привлечены и такіе ссудные капиталы, которые были въ частныхъ рукахъ. Къ тому же результату приводитъ и чрезмѣрная подать» (стр. 197).

Спрашивается въ такомъ случаѣ, чѣмъ же можно противупоставить налогъ и заемъ? Налогъ берется у всѣхъ, а слѣдовательно, и уменьшаетъ средства всѣхъ. Заемъ уменьшаетъ средства только капиталистовъ, и эти средства могутъ не находить себѣ помѣщенія въ предпринимательской сферѣ. Это первое основаніе для противупоставленія, которое мы находимъ у г. Вредена. Далѣе онъ утверждаетъ, что, во-2-хъ, «налогъ и заемъ не въ ровной прогрессіи и не съ одинаковою постепенностью (скоростью?) становятся чрезмѣрными. Преимущество займа предъ податью вытекаетъ уже изъ того, что онъ можетъ браться у иностранцевъ, которыхъ нельзя облагать». За тѣмъ г. Вреденъ уже обращается къ частному вопросу о томъ, какой изъ этихъ двухъ источниковъ государственнаго дохода *болѣе безвреденъ*. Вагнеръ при рѣшеніи этого вопроса различалъ случаи, когда заемъ беретъ туземные, или иноземные капиталы, свободные туземные капиталы, или извлекаемые изъ разъ даннаго имъ уже помѣщенія. По мнѣнію Вагнера, при чрезмѣрности займа и налога вѣрнѣе измѣрять сравнительную безвредность налога и займа по той высотѣ, до которой было бы необходимо сразу довести налогъ, и которую возможно избѣгнуть, т.-е. временно уменьшить займомъ, доставляющимъ возможность —постепенно возвысить налогъ. Такимъ образомъ, *размѣръ государственнаго расхода*, большая или меньшая его величина, вотъ что рѣшаетъ вопросъ. «До тѣхъ поръ, говоритъ г. Вреденъ далѣе, пока налогъ уплачивается изъ чистаго дохода и пока сложность формъ и способовъ взиманія не ложится затрудненіемъ и преградою для частно-хозяйственной дѣятельности, а послѣдняя можетъ продолжаться въ прежнихъ размѣрахъ, слѣдуетъ безусловно отдавать предпочтеніе возвышенію налога. Если же возвышеніе налога до этого предѣла не дастъ еще всего, что правительству нужно, если частно-хозяйственная дѣятельность

подъ его давленіемъ должна будетъ съузиться, стѣсниться и слѣдовательно уменьшиться, то *слѣдуетъ* обратиться за помощью добровольнаго или насильственнаго займа къ тѣмъ ссуднымъ капиталамъ, которые ждутъ помѣщенія и не находятъ его въ частно-хозяйственной сферѣ», и т. д. Приведенныя разсужденія достаточно опредѣленно указываютъ границы, въ которыхъ должны проявлять свое дѣйствіе и значеніе разные способы взиманія государственныхъ доходовъ. Первоначальный источникъ — чистый доходъ всѣхъ. Пока онъ не исчерпанъ, для кредита не должно быть мѣста въ государственно-хозяйственной сферѣ. Только тогда, когда отъ него уже ничего не остается, и нужда казны въ средствахъ продолжается, она обращается во второму источнику, къ тѣмъ ссуднымъ капиталамъ, которые не находили себѣ помѣщенія въ частно-хозяйственной сферѣ: «Совершенно нормальная хозяйственная необходимость прибѣгнуть къ пользованію кредитомъ наступаетъ тогда, когда потребности правительства простираются до такихъ суммъ, которыя налогомъ, даже поглощающимъ весь чистый доходъ, не могутъ быть одновременно и своевременно собраны. Пользованіе кредитомъ допускаетъ наибольшій просторъ въ формѣ свободнаго договорнаго займа и оказывается болѣе ограниченнымъ въ формѣ принудительнаго займа». Но г. Веденъ допускаетъ и такіе случаи, когда выборъ между налогомъ и займомъ не во власти правительства, когда и свободные, и принудительные займы не даютъ всего, что ему нужно. «Тогда *нормально* (?) перейти *какъ можно скорѣе* даже и къ такому возвышенію налоговъ, которое сопровождалось бы разореніемъ (203)».

Г. Веденъ не желаетъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что всякій чрезвычайный расходъ государства должно покрывать займомъ, если этимъ путемъ привлекаются капиталы *непомѣщенные*. Въ какомъ бы положеніи ни находился капитальный рынокъ, *никогда* заборъ чистаго дохода не можетъ причинить предпринимательскимъ хозяйствамъ большаго ущерба, чѣмъ отнятіе ссуднаго капитала, который также можетъ обратиться въ предпринимательскій (203). Этимъ положеніемъ г. Веденъ продолжаетъ приведенную уже выше его мысль, что для займа нѣтъ мѣста до тѣхъ поръ, пока не поглощенъ государствомъ чистый доходъ. Дальнѣйшіе его доводы за эту мысль слѣдующіе. Чистый доходъ можетъ быть употребленъ или на потребленіе, которое въ большинствѣ случаевъ бываетъ потребленіемъ роскоши, или на приращеніе производственныхъ средствъ. Въ первомъ случаѣ можно, уклоняясь отъ слишкомъ безусловныхъ мнѣній г. Ведена (заборъ дохода для необходимыхъ и важныхъ финан-

совыхъ нуждъ болѣе полезенъ, чѣмъ расширеніе частнаго потребленія), признать, что рѣчь идетъ только о предпочтеніи одного способа уничтоженія экономическихъ средствъ другому способу. Во второмъ случаѣ заемъ сдѣлаетъ то же, что сдѣлало бы безъ него потребленіе, т.-е. помѣшаетъ образованію новаго предпринимательскаго капитала. Если чистый доходъ во всякомъ случаѣ долженъ быть взятъ правительствомъ, то удобнѣе будетъ его взять налогомъ, потому что заемъ влечетъ за собою не только расходы при его заключеніи, но еще и дальнѣйшіе налоги для платежа процентовъ. Если на капитальномъ рынкѣ существуютъ ссудные капиталы, для которыхъ предпринимательская дѣятельность не находитъ помѣщенія, то это еще не доказываетъ, чтобъ народному хозяйству чистый доходъ былъ болѣе нуженъ. Усложненія же податной системы, необходимо вызываемаго займами, во всякомъ случаѣ полезнѣе избѣгать.

Г. Вреденъ указываетъ еще на другой случай, дающій возможность займамъ казаться болѣе предпочтительными, чѣмъ налоги. Это бываетъ при нераціональной системѣ обложенія (205, 206). Но весьма справедливо по этому поводу г. Вреденъ замѣчаетъ, что фактическая неосуществимость налога, возникающая отъ нераціональной системы обложенія, сама по себѣ ненормальна и должна быть устранена: ее нельзя считать нормальнымъ предѣломъ пользованія налогами.

Совершенно другое оправданіе получаетъ заемъ, если величина расхода государственнаго поглотила бы весь чистый доходъ податныхъ плательщиковъ и сверхъ того забрала бы еще часть народнаго капитала. Тогда заемъ, обращающійся къ ссуднымъ капиталамъ, отниметъ у частно-хозяйственной сферы наименѣе нужныя ей средства, и слѣдовательно будетъ менѣе разорителенъ. *Этимъ* и объясняется громадность наростанія государственныхъ долговъ въ новѣйшее время. Свободные государственные займы привлекаютъ капиталы, которые приносили своимъ владѣльцамъ меньшіе доходы или которыхъ помѣщеніе было менѣе обезпечено. Заемъ покрывается такимъ образомъ изъ менѣе доходной части народнаго капитала, тогда какъ подать, разъ коснувшись сверхъ чистаго дохода и самаго помѣщеннаго капитала, безразлично забираетъ и чрезвычайно доходные, и вовсе не доходные, и непомѣщенные (207). Г. Вреденъ усматриваетъ въ этихъ случаяхъ предпочтительность займа предъ налогомъ въ аналогичности перваго — пропорціональному налогу, а второго — непропорціональному. Налогъ, съ одинаковою тяжестью давящій на многодоходный и многопроизводительный капиталъ и на малодоходный

и вовсе непроизводительный, будетъ у перваго отнимать больше, чѣмъ у послѣдняго.

«Выгода займовой системы, *въ случаѣ единовременныхъ, чрезмѣрныхъ по сравненію съ чисто-хозяйственными доходами или вообще податною силою, расходовъ*, несомнѣнна» (210). Зэтбееръ и Гильдемейстеръ отрицаютъ, подобно Рикардо, абсолютную невозможность возвысить налоги въ такъ-называемыхъ исключительныхъ случаяхъ. Зэтбееръ ссылается на страшныя Наполеоновскія контрибуціи въ Пруссіи. Но то, что удается вытянуть непріятелю, врядъ ли удалось бы получить правительству. Гильдемейстеръ желаетъ статистически доказать, что Англія могла бы безъ особенно тяжкихъ усилій пройти періодъ 1793—1815 г. съ помощью однихъ налоговъ. Но г. Вреденъ доказываетъ невѣрность этихъ разсчетовъ. Г. Вреденъ думаетъ, что займы подѣйствовали спасительно, устранивъ разореніе, которое повлекло бы за собою дальнѣйшее повышеніе налоговъ. До войны англичане платили ежегодно 27.3 мил. фун. налоговъ, во время 2-ой половины войны—63.8 мил., за то они обратно получали проценты отъ долга 32.6 мил.; такимъ образомъ, собственно добавочная потеря народнаго хозяйства не простиралась и до 4 мил. фунтовъ. Г. Вреденъ думаетъ, что англичане только потому и въ состояніи были платить 63.8 мил. налоговъ, что получали обратно 32.6 мил. (214). Отрицая пользу погашенія долговъ во время продолжающихся чрезвычайныхъ расходовъ, г. Вреденъ тѣмъ энергичнѣе настаиваетъ на томъ, что разъ время чрезвычайнаго расхода прошло, высокіе налоги неизбѣжно необходимы для погашенія, и упрекаетъ финансовую практику за противуположный образъ дѣйствій (220 и сл.).

Для г. Вредена безспорно, что преимущество займовъ предъ налогами, поглощающими болѣе чѣмъ чистый доходъ, заключается въ томъ, что займами уничтожаются менѣе необходимыя для предпринимателей ссудные капиталы, т.-е. та часть ихъ, которая еще только ищетъ помѣщенія, тогда какъ налогъ захватываетъ и сокращаетъ, и даже затрачиваетъ предпринимательскіе капиталы. При этомъ однако онъ обращаетъ вниманіе на необходимость—сравнивать каждый разъ прямой убытокъ отъ чрезмѣрныхъ налоговъ съ *косвеннымъ* вредомъ, который *излишнее* развитіе долговъ производитъ своимъ *спросомъ на ссудные капиталы* (223). Возвышеніе ссуднаго процента отъ этого спроса можетъ побудить многихъ собственниковъ отказаться отъ помѣщеній, которыя они дали своимъ капиталамъ въ предпринимательской сферѣ: «Это возвышеніе процента можетъ стать равносильнымъ отнятію капитала у частныхъ лицъ путемъ подати» (223). Заемъ, заклю-

ченный по такому высокому проценту, лишаетъ его преимуществъ предъ чрезмѣрнымъ налогомъ (224). Вотъ почему г. Вреденъ только при дешевизнѣ капиталовъ признаетъ истинность того ученія Дитцеля и Вагнера, что у богатыхъ народовъ договорными займами берутся непомѣщенные ссудные капиталы.; менѣе г. Вреденъ согласенъ на признаніе того, что время войны особенно благопріятно для прилива свободныхъ ссудныхъ капиталовъ къ рынку (224).

Если теперь собрать изложенное нами содержаніе главы X, основной для догматики г. Вредена, то мы получимъ слѣдующіе результаты: 1) Пока чистый доходъ неисчерпанъ, онъ *единственный* источникъ государственныхъ доходовъ. То-есть, долю народно-хозяйственныхъ средствъ, которая уходитъ или назначена на производство, должно беречь до послѣдней крайности. Поэтому ссудный капиталъ долженъ обратить на себя вниманіе только тогда, когда чистый доходъ весь исчерпанъ. 2) Когда чистый доходъ уже весь исчерпанъ, то ссудный капиталъ, какъ представитель свободнаго, ищущаго помѣщенія капитала, можетъ стать источникомъ государственныхъ доходовъ, ибо въ этомъ случаѣ государство все еще продолжаетъ не трогать производства въ данномъ его размѣрѣ. Оно можетъ быть мѣшастъ ему разростаться, но во всякомъ случаѣ его не уменьшаетъ. 3) Разъ чистый доходъ исчерпанъ, заемъ имѣетъ преимущество предъ налогомъ и долженъ быть ему предпочтенъ, ибо налогъ уменьшалъ бы производство, тогда какъ заемъ препятствуетъ только его увеличенію. 4) Когда заемъ дѣлается по такому высокому проценту, стремленіе къ которому уменьшаетъ массу капиталовъ, прежде находившихъ себѣ помѣщеніе въ предпринимательской сферѣ, то онъ теряетъ свое преимущество и свою предпочтительность предъ налогомъ и становится ему подобнымъ.

Кромѣ указанныхъ двухъ критеріевъ, которыми г. Вреденъ руководствуется, разсуждая о предпочтительности займовъ, есть у него еще третій, у котораго онъ также не отрицаетъ значенія. Этотъ критерій — незамѣнимость займовъ для покрытія временно чрезмѣрныхъ общественныхъ расходовъ. Займами гораздо легче, чѣмъ другими способами взиманія, государство можетъ всего скорѣе и всего удобнѣе собрать громадныя суммы: «Первое условіе дѣйствія займовой системы предпочтительно предъ податями—это величина и мгновенность расхода» (стр. 297). По мнѣнію г. Вредена, только «*послѣ* величины» и мгновенности расхода, слѣдующая причина предпочтенія займа—самая цѣль расхода.

При этомъ г. Вреденъ даетъ сжато имъ же формулирован-

ную классификацію расходовъ, требуещихъ и недопускающихъ займовъ. Хотя авторъ и не приверженецъ теоріи возмездности государственныхъ услугъ, онъ однако допускаетъ, что государство можетъ оказывать и такія услуги, которыя оплачиваются пропорціонально расходамъ на нихъ (желѣзныя дороги, напр.). Эти услуги онъ называетъ пропорціонально-возмездными и полагаетъ, что расходъ на нихъ долженъ покрываться исключительно изъ займовъ. Напротивъ, то, что государство производитъ для своихъ членовъ безвозмездно, никакъ не можетъ подавать повода къ пользованію займами. При недостаточности для безвозмездныхъ услугъ средствъ изъ налоговъ, расходы на нихъ должны считаться несоотвѣтствующими хозяйственному положенію государства. Согласно съ этимъ г. Вреденъ думаетъ, что «финансовая несоотвѣтственность между расходами и податными поступленіями обусловливаетъ необходимое и соразмѣрное ограниченіе первыхъ, чѣмъ бы отдѣльные расходы ни оправдывались (298). Кредитъ, въ случаѣ подобнаго несоотвѣтствія, долженъ считаться прямымъ путемъ къ разоренію, или средствомъ самаго быстраго усиленія и развитія хозяйственнаго разстройства (298—9). Въ финансовой сферѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда воспроизводство капитала ненормальное требованіе, т.-е. въ большинствѣ случаевъ,—именно при отсутствіи пропорціональнаго возмездія за услуги государства,—расходъ становится хозяйственно не соотвѣтствующимъ уже тотчасъ, когда онъ превыситъ податную способность или средства податнаго обложенія» (299), которое здѣсь г. Вреденъ понимаетъ въ узкомъ смыслѣ: «Чрезмѣрное обложеніе, въ этомъ смыслѣ, прямое доказательство не хозяйственнаго характера государственныхъ расходовъ. Покрывать же расходы такого рода займами и кредитными операціями значитъ только прикрывать ихъ существо, но измѣнять его отнюдь не удается» (299).

Приступая къ разбору изложенныхъ соображеній и результатовъ теоріи г. Вредена, мы начнемъ съ того пункта, въ которомъ мы сходимся съ нимъ и постепенно перейдемъ къ тѣмъ, относительно которыхъ, на нашъ взглядъ, еще возможны сомнѣнія и поэтому еще необходимы дальнѣйшія изслѣдованія.

Мы видѣли, что г. Вреденъ допускаетъ нормальность не только свободныхъ договорныхъ займовъ, но и насильственныхъ, заключаемыхъ путемъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. Было бы однако ошибочно изъ этого заключить, что г. Вреденъ сторонникъ Ло и его продолжателей. Г. Вреденъ излагаетъ основанія нормальнаго, здороваго состоянія тѣхъ финансовыхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ чаще въ патологическомъ состояніи. Онъ даетъ,

такимъ образомъ, физіологическія основанія для раціональной патологіи и терапіи бумажныхъ денегъ.

«Средняя сумма денежныхъ средствъ, которая, при расходахъ съ одной и доходахъ съ другой стороны, всегда, несмотря на постоянно совершающіяся уплаты и постепенно поступавшіе сборы, въ своей величинѣ не измѣняется, является какъ-бы постояннымъ денежнымъ запасомъ правительства» (227—8). «Средняя кассовая наличность можетъ помощью оборотнаго дѣйствія кредита быть разомъ израсходована въ чрезвычайномъ случаѣ безъ всякихъ затрудненій для продолженія всѣхъ прочихъ обыкновенныхъ финансовыхъ операцій» (228). Это именно и осуществляется съ помощью бумажно-денежныхъ выпусковъ. Количество бумажныхъ денегъ, которое можетъ выпускать правительство, опредѣляется размѣромъ его кассового резерва. Таковъ основной принципъ бумажно-денежнаго дѣла. Этотъ выпускъ, говоритъ г. Вреденъ, поглощаетъ всю казну, которая возстановляется только извлеченіемъ бумажекъ изъ обращенія, иначе правительство остается безъ казны. Чтò собственно г. Вреденъ понимаетъ подъ своимъ выраженіемъ «выпускъ поглощаетъ казну» — трудно усмотрѣть изъ собственнаго его изложенія. Если правительство, располагая въ своихъ кассахъ извѣстною суммою, не расходуетъ ее непосредственно, а вмѣсто того дѣлаетъ выпускъ бумажныхъ денегъ, которымъ даетъ насильственный курсъ, — то его касса, очевидно, остается у него. Правительство могло бы израсходовать свою кассу на экстраординарныя нужды, но тогда нечѣмъ было бы производить ту часть денежнаго обращенія, которая происходитъ между государствомъ и частнохозяйственною сферою для такъ-называемыхъ казенныхъ платежей. Но если вмѣсто своего резерва казна употребляетъ бумажки, то послѣднія, — имѣя за собою вѣрное обезпеченіе, представляемое особенною потребностью въ денежныхъ орудіяхъ для казенныхъ платежей, — сами остаются въ опредѣленныхъ границахъ и даютъ правительству возможность сохранить наличный резервъ. Такой бумажноденежный выпускъ не находится, по мнѣнію г. Вредена, вовсе ни въ какомъ противорѣчіи съ основными кредитными началами (237). Можно согласиться, что если за правительствомъ признается возможность пользоваться кредитомъ, то и бумажно-денежный выпускъ вполнѣ уже заключается въ этой возможности. Выпускъ представляетъ одинъ изъ способовъ пользованія государственнымъ кредитомъ. Чтобъ онъ былъ непремѣнно краткосрочнымъ, нѣтъ никакой необходимости, какъ это и доказываетъ прусскій опытъ. Безсрочность можетъ практически также точно оказаться долгосрочностью, какъ она можетъ ока-

заться краткосрочностью. На самомъ дѣлѣ, выпускъ, о которомъ говоритъ г. Вреденъ, можетъ и долженъ быть объясненъ общими началами банковаго обращенія. Непрерывныя денежныя отношенія между правительствомъ и частно-хозяйственною сферою обусловливаютъ то послѣдствіе, что съ одной стороны правительство, а съ другой, частно-хозяйственная сфера во всякое данное время употребляютъ извѣстную сумму денежныхъ орудій для этой цѣли; ее, въ среднемъ размѣрѣ, можно считать постоянною. Наличная касса правительства представляетъ только часть того денежнаго капитала, который употребляется на казенные платежи (т.-е. на платежи правительствомъ и правительству). Но разъ между двумя хозяйствами установилось, въ твердо и опредѣленно выяснившихся предѣлахъ, взаимность платежей, эта взаимность сама по себѣ даетъ возможность ввести денежный суррогатъ, который представляетъ собою компенсація платежей. И вотъ эта-то компенсуемость платежей казнѣ платежами казны и составляетъ экономическое содержаніе того, что Штейнъ назвалъ податнымъ обезпеченіемъ. Правительство, какъ доказываетъ опытъ Пруссіи, можетъ часть своихъ платежей, совершать суррогатами, также точно и на такомъ же основаніи, какъ это дѣлается между банками въ Clearinghous'ѣ. Въ этихъ суррогатахъ пользованіе кредитомъ—второстепенное дѣло;—главное ихъ основаніе — взаимность платежей.

Воззрѣнія г. Вредена на бумажныя деньги, основанныя на теоріи Штейна, ни въ чемъ имъ неизмѣненной, опираясь на строго-научную почву, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ кругомъ идей, на которыхъ основываются разорительныя бумажныя деньги. Обосновывать и защищать эти деньги никакая наука не можетъ.

Переходя затѣмъ къ разбору идей г. Вредена о предѣлахъ пользованія разными способами взиманія податей (путемъ обложенія и займовъ), мы должны сначала остановиться на его теоретико-экономическихъ соображеніяхъ о природѣ чистаго дохода и капитала. Г. Вреденъ, признавая основную тождественность налоговыхъ и кредитныхъ заимствованій средствъ у частно-хозяйственной сферы государствомъ, не признаетъ единства источника налога при разныхъ способахъ его взиманія, хотя для этого ему пришлось впасть въ сильное противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ основываетъ свое ученіе о предѣлахъ пользованія разными способами взиманія налога на неодинаковости вліяній этихъ способовъ на разныя отрасли частно-хозяйственныхъ средствъ.

Теорія чистаго дохода г. Вредена вся исчерпывается слѣдующими положеніями, которыя мы и разберемъ по пунктамъ.

1) Г. Вреденъ недоволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ недостаточно различался доходъ изъ непосредственнаго участія въ производствѣ, и доходъ въ хозяйствѣ безъ всякаго участія въ производствѣ (91). По мнѣнію его, 2) доходъ даетъ не только предпріятіе, но и всякое хозяйство: «доходомъ мы считаемъ всякое приращеніе средствъ, повторяющееся съ извѣстною правильностью и имѣющее хозяйственный источникъ». 3) Чистый доходъ представляетъ остатокъ, получаемый по вычетѣ издержекъ потребленія участниковъ производства и издержекъ на возстановленіе капитала (92). 4) Вотъ почему чистый доходъ имѣетъ не одинъ только капиталистъ, но и работникъ, когда изъ всего валового дохода онъ вычитываетъ свои издержки потребленія. 5) Согласно съ основнымъ различіемъ между личностью человѣка вообще въ хозяйствѣ и олицетвореніемъ предпріятія въ предпринимателѣ, слѣдуетъ различать хозяйственный доходъ отъ предпринимательскаго. Чистый доходъ участниковъ производства зависитъ отъ избытка цѣны и вознагражденія за ихъ участіе въ производствѣ надъ прямыми ихъ хозяйственными потребностями (93). 6) Отъ хозяйственнаго дохода зависитъ самое существованіе труда и капитала, какъ хозяйственныхъ силъ; отъ предпринимательскаго же зависятъ только виды производства, его направленія (95). 7) «Наши доводы и воззрѣнія на чистый доходъ совершенно разнятся отъ принятыхъ существующею теоріею» (96). 8) Какъ несомнѣнную истину слѣдуетъ удержать то положеніе экономической науки, что только чистый доходъ можетъ служить источникомъ подати (ib).

Въ предыдущемъ выписана существеннѣйшая часть ученія г. Вредена о доходѣ. Попробуемъ разобрать всѣ отдѣльныя приведенныя изложенія.

Противъ мысли автора, что наука не различала дохода при участіи въ производствѣ отъ дохода безъ участія, должно замѣтить, что наука *давно* уже различаетъ первоначальные доходы отъ производныхъ, примитивные отъ деривативныхъ. Различіе между ними въ томъ именно и заключается, что первые имѣютъ производственное основаніе, что они результатъ самобытной производительности, тогда какъ вторые *заимствованы* изъ подобнаго дохода и всегда предполагаютъ его существованіе. Доходъ «безъ всякаго участія въ производствѣ», какъ съ неба не падающій, возможенъ только благодаря тому, что кто-либо въ производствѣ участвовалъ и его произвелъ, но потомъ свободно или противъ воли его передалъ другому безъ эквивалента.

Если второе положеніе, что доходъ даетъ не только предпріятіе, но и всякое хозяйство, понимать въ томъ смыслѣ, что

всякое хозяйство *можетъ* приносить доходъ, то это понятно будетъ послѣ сказаннаго. Но утверждать, что всякое хозяйство дѣйствительно даетъ доходъ, нельзя. Всякое хозяйство его только предполагаетъ, но не непремѣнно даетъ: оттого приходится хозяйствамъ и разоряться, а не только благоденствовать. Можно доходомъ безразлично называть всякое періодическое приращеніе имущества. Но при такомъ безразличіи и милостыня, получаемая промысловымъ попрошайничествомъ, и взятки, получаемыя непрерывною подкупностью, и доходъ отъ постояннаго честнаго труда, все это сольется въ одну безразличную категорію дохода, которая для науки не имѣетъ никакого интереса, а для практики лишена всякаго значенія.

Понимать подъ чистымъ доходомъ то, что остается по вычетѣ изъ валового дохода не однихъ только производственныхъ затратъ, но и потребительныхъ, нельзя потому, что тогда чистый доходъ будетъ выражать только средства, которыя, какъ не нужныя для потребителей, уходятъ на расширеніе производства и увеличеніе капитала. Понятіе чистаго дохода и свободнаго новообразованнаго капитала сольются.

Изъ того, что чистый доходъ, по мнѣнію г. Вредена, выражаетъ остатокъ по вычетѣ изъ валового дохода производственныхъ и потребительныхъ издержекъ, далеко не слѣдуетъ, чтобъ и рабочая плата давала чистый доходъ. Чтобъ выводъ г. Вредена былъ вѣренъ, для этого ему необходимо было бы доказать, что рабочая плата можетъ давать такой излишекъ. Но для этого было бы необходимо произвести полнѣйшій переворотъ въ ученіи о рабочей платѣ. Можно это ученіе толковать, какъ угодно, противъ нападковъ соціалистовъ. Можно утверждать, что по этому ученію вовсе не необходимо, чтобъ рабочій получалъ не больше, нежели сколько ему необходимо для плохого потребленія и плохой жизни. Можно признавать, что законъ рабочей платы допускаетъ и самое роскошное потребленіе: это зависитъ отъ standart of the life рабочихъ. Но нельзя утверждать, чтобъ законъ рабочей платы допускалъ такую рабочую плату, которая превышала бы необходимое для потребленія, какое бы оно ни было. Если бы это не было правдой, то не существовало бы и рабочаго класса, какъ таковаго, не было бы и соціальнаго, рабочаго вопроса. Рабочій классъ, по всеобщему опредѣленію, и экономистовъ, и соціалистовъ, есть тотъ классъ людей, которыхъ доходы уходятъ на потребительныя надобности, и которыхъ не хватаетъ на надобности производственныя, т.-е. для образованія капитала. Когда у рабочаго доходовъ на производственныя надобности хватаетъ и онъ можетъ образовать капиталъ, онъ

становится капиталистомъ, — крупнымъ или мелкимъ, это для науки, не увлекающейся наружностью, и для которой важенъ принципъ, въ данномъ отношеніи все равно. Такой человѣкъ къ классу пролетаріевъ-рабочихъ уже причисленъ быть не можетъ. Съ другой стороны однако, если человѣкъ причисляется къ классу пролетаріевъ-рабочихъ, то это именно и значитъ, что у него нѣтъ средствъ для образованія капитала. Рабочая плата поэтому всего менѣе способна доставлять чистый доходъ.

Пятое положеніе г. Вредена весьма неясное. Что такое личность въ хозяйствѣ вообще, въ отличіе отъ олицетворенія предпріятія въ предпринимателѣ? Что это за олицетвореніе и какое оно имѣетъ значеніе научное, кромѣ метафорическаго? Личность «въ хозяйствѣ вообще» можетъ конечно означать только человѣка, взятаго въ простомъ обыденномъ смыслѣ, съ его потребностью въ работѣ и хорошемъ вознагражденіи за нее. Олицетвореніе предпріятія въ предпринимателѣ можетъ означать въ переводѣ на простой языкъ то только, что предпріятіе принадлежитъ только предпринимателю, и ему одному достаются всѣ выгоды отъ него. Еслибъ г. Вреденъ желалъ выразить ту мысль, что различныя соціально-экономическія положенія обусловливаютъ различные виды доходовъ, то онъ повторялъ бы только въ неясной формѣ ходячую мысль. Но изъ того, что г. Вреденъ противупоставляетъ другъ другу только два вида доходовъ, а не три или четыре, какъ старые экономисты, надобно заключить, что онъ хотѣлъ строить свою теорію на болѣе современномъ фактѣ. Въ настоящее время не столько важно противупоставленіе рабочей платы прибыли и рентѣ, имѣвшее важное значеніе въ началѣ XIX-го в., сколько противупоставленіе доходовъ рабочаго, капиталиста и землевладѣльца съ одной стороны, доходамъ предпринимателя съ другой, потому что личность предпринимателя имѣетъ въ настоящее время гораздо большее значеніе, чѣмъ представители такъ-называемыхъ трехъ факторовъ производства. Къ нимъ въ руки переходятъ крупныя прибыли, и въ ихъ рукахъ сосредоточиваются источники образованія крупнаго капитала. Рабочій, капиталистъ и рентьеръ должны быть рады, если ихъ «факторы» даютъ имъ средства прожить. Эти-то средства для потребительныхъ цѣлей и составляютъ, должно полагать, «хозяйственный доходъ въ отличіе отъ предпринимательскаго». Нельзя однако при этомъ не указать на неудачное обозначеніе противуполагаемыхъ видовъ дохода: развѣ г. Вреденъ считаетъ предпринимательскій доходъ нехозяйственнымъ, если онъ ему противуполагаетъ хозяйственный?

Шестое положеніе доказываетъ справедливость только-что

сказаннаго. Если хозяйственный доходъ поддерживаетъ *существованіе* «факторовъ» производства, значитъ онъ идетъ на потребленіе. Если предпринимательскій доходъ опредѣляетъ *направленіе* производства, значитъ у него въ рукахъ капиталъ.

Седьмое положеніе—литературная неточность. Подобныя идеи о чистомъ доходѣ высказывались уже не разъ и особенно часто въ послѣднее время Ресслеромъ [1]).

Наконецъ, весьма жалко, что г. Вреденъ не вдался въ болѣе подробный разсчетъ того, насколько современные бюджеты, напр., русскій, должны были бы сократиться, еслибъ *его* чистый доходъ сталъ податнымъ источникомъ. Нѣсколько далѣе, авторъ говоритъ, что чистый доходъ проявляется въ разныхъ формахъ, и что стремленіемъ постигнуть его во всѣхъ разнообразныхъ его формахъ и объясняется разнообразіе налоговъ. Но г. Вреденъ весьма справедливо находитъ, что разнообразіе податныхъ формъ имѣетъ себѣ *научную* опору, хотя оправданіе податей въ частностяхъ, во многихъ формахъ, конечно не вездѣ и не всегда возможно.

Г. Вреденъ недоволенъ не одною только существующею теоріею доходовъ: существующая классификація капиталовъ его также мало удовлетворяетъ. Онъ считалъ поэтому необходимымъ дать новую, не затрогивая самыхъ основъ ученія о капиталѣ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобъ и классификація г. Вредена была совершенно нова: читатель найдетъ категорію господина Вредена въ книгахъ Шеффле (1867-мъ г.) и Мангольдта (1863 и 1868-хъ г.). Новая классификація построена не на основаніи какихъ-либо новыхъ анализовъ самой природы капитала, не на внутреннихъ особенностяхъ послѣдняго, а на чисто внѣшнемъ признакѣ. Существуютъ три класса хозяйственныхъ субъектовъ, о которыхъ можно сказать, что они располагаютъ капиталами: это, во-первыхъ, народы; во-вторыхъ—предприниматели; въ-третьихъ, капиталисты. Отсюда категоріи: народнаго капитала, предпринимательскаго и ссуднаго. Если капиталистъ самъ распоряжается своимъ капиталомъ, онъ—предприниматель и его капиталъ тогда предпринимательскій. Только тогда, когда капиталистъ самъ не въ состояніи или не желаетъ распоряжаться своимъ капиталомъ, и поэтому ищетъ ему помѣщенія, является новая категорія капиталовъ ссудныхъ.

---

[1]) Werth der Arbeit, въ Tübing. Zeitschr. für Staatsver. Bd. XVI; Zur Kritik der Lehre vom Arbeitslohn, 1861; Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, 1864; его же статьи въ Hildebrandt's Jahrbücher, подписанныя полнымъ именемъ, и приписываемыя ему рецензіи, помѣченныя R-r.

Категоріи «свободныхъ» капиталовъ, о которыхъ такъ много говорилъ Дитцель и которая у него играла такую большую роль, мы у г. Вредена совсѣмъ не находимъ. Но онъ тѣмъ не менѣе не разъ употребляетъ въ своихъ разсужденіяхъ выраженіе «свободный» капиталъ. Отсюда проистекаютъ неясности, подающія поводъ думать, что г. Вреденъ не всегда отчетливо различалъ ссудный капиталъ отъ свободнаго.

Свободный капиталъ и ссудный капиталъ далеко не тождественное явленіе, и поэтому далеко не тождественны понятія о нихъ. Ссудный капиталъ можетъ имѣть основною причиною своего ссуднаго характера или производственныя явленія, или явленія изъ области распредѣленія. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, одно то, что онъ—ссудный, ни на волосъ не можетъ свидѣтельствовать за его свободное состояніе. То, что капиталъ ссудный, доказываетъ только, что онъ свободный—*для даннаго частнаго хозяйства*, но не для народнаго хозяйства или для всей частно-хозяйственной сферы. Для народнаго хозяйства, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ гг. Дитцель и Вреденъ, свободный капиталъ вообще не существуетъ. Но даже и тогда ссудный капиталъ можетъ быть свободнымъ для отдѣльнаго частнаго хозяйства, не будучи свободнымъ для всей частно-хозяйственной сферы, т.-е. для всѣхъ совокупныхъ частныхъ хозяйствъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое. Ссудный капиталъ прежде всего означаетъ товаръ, который ищетъ сбыта и до того въ немъ нуждается, что можетъ допустить и кредитный сбытъ. Причины, по которымъ владѣлецъ капитала ищетъ ему сбыта, могутъ быть или производственныя: т.-е. техническая спеціальность владѣльца, замыкая его занятія въ опредѣленныя границы, ставитъ его въ невозможность утилизировать произведенный имъ капиталъ. Онъ можетъ его только производить, но не утилизировать: производить телескопы и утилизировать ихъ для астрономическихъ изслѣдованій—вещи различныя. Или причины, по которымъ капиталу ищется кредитный сбытъ, могутъ не имѣть ничего общаго съ хозяйственнымъ производствомъ и быть чисто соціальнаго свойства. Наслѣдникъ большого капитала, напр., или получившій его въ даръ, утилизировать его не можетъ вовсе не потому, что онъ спеціалистъ по другой части. Но если только въ частно-хозяйственной сферѣ существуетъ на подобные капиталы эффективный спросъ, т.-е., если существуетъ предприниматель, который въ состояніи производительно утилизировать эти капиталы,—то очевидно, что о подобныхъ капиталахъ нельзя говорить, какъ о свободныхъ.

Менѣе всего въ настоящее время ссудный характеръ капи-

тала можетъ быть признакомъ его свободнаго состоянія. Раздробленность производства на множество спеціальныхъ занятій повлекла за собою обширные размѣры производства и потребность въ обширномъ сбытѣ. Кредитъ явился при такихъ условіяхъ естественнымъ послѣдствіемъ, которое съ силою физической необходимости вытекало изъ производственныхъ посылокъ. Съ одной стороны, оказалась масса капиталовъ, для которыхъ непремѣнно долженъ былъ быть найденъ сбытъ. Съ другой — вслѣдствіе раздробленности производства на такія части, которыя одновременно не выполняются, а распредѣляются во времени въ извѣстномъ постепенномъ порядкѣ, слѣдуя другъ за другомъ, — оказался на рынкѣ рядъ спрашивающихъ, которые должны получить товаръ, эквивалентъ за который имъ долженъ быть отсроченъ, пока они не окончатъ своего производственнаго процесса.

Можно безъ преувеличенія сказать, что главнѣйшая часть той громадной массы капиталовъ, которая главнымъ образомъ характеризуетъ современную экономическую жизнь, распредѣляется не путемъ наличнаго обмѣна, а путемъ обмѣна кредитнаго. Не только на денежномъ рынкѣ поэтому наблюдаются кредитныя явленія: еще бо̀льшая масса ихъ представляется на рынкѣ товарномъ. Но считать всѣ эти капиталы, обращаемые кредитомъ, за свободные, было бы равносильно утвержденію, что вся современная стадія развитія экономической жизни могла бы безъ нихъ обойтись, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только ради ихъ и вслѣдствіе ихъ и существуетъ.

Ссудные капиталы представляютъ собою тѣ, которые находятся въ рукахъ, неумѣющихъ утилизировать ихъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что это недоходные или малодоходные капиталы. Кредитъ даетъ имъ производительное занятіе, и конкурренція ищущихъ кредита гарантируетъ имъ наиболѣе доходное помѣщеніе. Для народнаго хозяйства ссудный капиталъ вовсе не долженъ необходимо быть менѣе производительнымъ, чѣмъ капиталъ, принадлежащій въ собственность предпринимателю.

Кредитъ не составляетъ самостоятельнаго источника государственныхъ доходовъ, по теоріи г. Вредена: налогъ единственный источникъ для государства. Вотъ почему для г. Вредена не можетъ вовсе быть дилеммы: или тотъ, или другой *источникъ* доходовъ. Для г. Вредена можетъ только существовать вопросъ о предпочтеніи того или другого способа взиманія налога, одного или другого способа эксплуатированія единственнаго источника.

Г. Вреденъ невѣренъ собственной своей идеѣ, когда онъ ограничиваетъ налогъ чистымъ доходомъ, какъ единственнымъ податнымъ источникомъ. Если займы — способъ взиманія налога, то очевидно, что уничтожаемыя, съ ихъ помощью полученныя средства, тоже составляютъ податной источникъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ г. Вреденъ могъ бы утверждать, что чистый доходъ податной—источникъ *для распредѣляемаго налога*; но этотъ послѣдній не исчерпываетъ всего податного источника. И вотъ то, что изъ податного источника остается, и заимствуется займомъ. Что подобное толкованіе согласно съ идеями г. Вредена, явствуетъ изъ того, что изъ его воззрѣній вытекаетъ тождественность свободнаго ссуднаго капитала и чистаго дохода. Такимъ образомъ, или распредѣляемымъ налогомъ исчерпываются всѣ налоги, и тогда его источникъ *весь* податной источникъ. Т.-е. чистый доходъ—единственный источникъ налоговъ. Или же, распредѣляемымъ налогомъ еще не исчерпываются всѣ налоги. Тогда податной источникъ гораздо шире чистаго дохода. Мало того; если займы—нормальный способъ взиманія налога, то вѣдь займы забираютъ капиталы. Слѣдовательно, капиталы входятъ въ число податныхъ источниковъ.

Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, разъ государство получило путемъ займа сумму, которую оно израсходовало, эта сумма навсегда безвозвратно потеряна, и потеря непереложима на будущія поколѣнія. Но путемъ займа государство получило *капиталы*. Эти капиталы, слѣдовательно, оно и уничтожило. Потеря отъ уничтоженія ихъ и составляетъ ту непереложимую потерю, о которой говоритъ новая теорія.

Но, можетъ казаться, возвращаемыя потомъ изъ налоговъ суммы измѣняютъ дѣло. Этого-то и не происходитъ. Тѣ суммы, которыя потомъ государство собираетъ изъ чистаго дохода путемъ обложенія для уплаты процентовъ, возвращаются народному хозяйству. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно оказывается тотъ же результатъ, какъ еслибъ *чистые доходы* не были обложены и средства отъ *нихъ* сохраняются, прежніе же капиталы остаются потерянными.

Обратною уплатою долга у *кредиторовъ* возстановляются капиталы, уничтоженные государствомъ, но не у народнаго хозяйства. Послѣднее все-таки остается безъ возстановленныхъ капиталовъ. У кредиторовъ капиталы возстановлены съ помощью чистыхъ доходовъ податныхъ плательщиковъ. Другими словами, это значитъ только, что чистый доходъ, уменьшаемый налогомъ, можетъ потомъ явиться обратно въ народное хозяйство, но только уже доходомъ иного частнаго хозяйства. Чрезъ

посредство государства, онъ изъ одного частнаго хозяйства перешелъ въ другое.

Такимъ образомъ, изъ двухъ частей податного источника, та, которая представляется чистымъ доходомъ, отличается особенностью, что она можетъ возвращаться въ народное хозяйство обратно. Напротивъ, та, изъ которой берутся займы и которая состоитъ изъ капиталовъ, всегда уменьшается безвозвратно для народнаго хозяйства.

Выше разсмотрѣны основанія идей г. Вредена о чистомъ доходѣ, равно какъ и истинныя основанія принципа податного источника. Сопоставимъ съ этимъ тѣ положенія г. Вредена, что пока не исчерпанъ весь чистый доходъ, государство должно пользоваться налогомъ, какъ единственнымъ источникомъ своихъ доходовъ, и что оно должно перейти къ займамъ, когда ему нужно болѣе, чѣмъ сколько можетъ давать чистый доходъ частнохозяйственной сферы. Мы видѣли, что въ переводѣ на практическій, общепонятный языкъ, чистый доходъ можетъ означать только потребительныя средства низшихъ классовъ и свободные источники новыхъ капиталовъ у высшихъ классовъ. Когда налогъ исчерпалъ эти источники, это значитъ, что съ низшихъ классовъ *нечего* болѣе брать, а съ высшихъ приходится брать или ихъ производственныя средства, т.-е. ихъ капиталъ, или ихъ потребительныя средства. Понятно, что вопросъ о томъ, какъ при подобныхъ обстоятельствахъ государство будетъ собирать для себя хозяйственныя средства, превратится въ вопросъ или объ уменьшеніи капитала, чтó можетъ затронуть интересы всѣхъ классовъ, или о стѣсненіи потребленія высшихъ классовъ, чтó затронетъ только ихъ собственные интересы. Понятно, какой смыслъ въ такомъ случаѣ имѣетъ вопросъ о томъ, чтó чему предпочесть: налоги ли долгамъ, или наоборотъ? Продолжать взимать налоги съ потребительныхъ средствъ, значитъ обременять одни высшіе классы. Брать хозяйственныя средства займами, значитъ уменьшать капиталъ, т.-е. подрывать основаніе будущаго благосостоянія высшихъ классовъ, а можетъ быть и текущее благосостояніе низшихъ.

То, что г. Вреденъ называетъ чистымъ доходомъ, служитъ источникомъ, откуда черпаются сбереженія, идущія на образованіе новыхъ капиталовъ. Исчерпанность чистыхъ доходовъ налогами означаетъ, такимъ образомъ, полную невозможность дальнѣйшаго хозяйственнаго прогресса. Ссуднаго *свободнаго* капитала на рынкѣ уже нѣтъ.

Если при такихъ обстоятельствахъ правительство появится на ссудномъ рынкѣ со своимъ спросомъ для займовъ, оно тог-

да окажется конкуррентомъ части предпринимателей на тотъ капиталъ, который входилъ въ составъ ихъ предпринимательскаго. При *такихъ* обстоятельствахъ налогъ и заемъ на предпринимательскій капиталъ дѣйствуютъ, съ общей точки зрѣнія разсуждая, одинаково, такъ какъ и налогу приходится коснуться капитала.

Г. Вредену кажется, что когда чистый доходъ исчерпанъ налогами, продолженіе послѣднихъ необходимо должно коснуться капитала. Но именно при его пониманіи чистаго дохода этого и не можетъ быть. Для полученія чистаго дохода онъ изъ валового дохода вычитываетъ не только капиталъ, но и потребительныя затраты. Ясно въ такомъ случаѣ, что исчерпанность чистаго дохода оставляетъ свободу и просторъ для выбора источника дальнѣйшаго обложенія. Можно еще обложить не только капиталъ, но и потребительныя средства частно-хозяйственной сферы. Сокращеніе потребленія послѣдней будетъ равносильно усиленному и ускоренному образованію капитала съ спеціальною цѣлью—помѣстить его въ сферѣ государства. Только тогда, когда потребительныя средства и высшихъ классовъ стѣснены до невозможности дальнѣйшаго ихъ стѣсненія, и далѣе облагать возможно уже одинъ только капиталъ, можетъ возникнуть вопросъ, какъ удобнѣе взять этотъ капиталъ: налогомъ или займомъ? Тогда, но только тогда, и налогъ, и заемъ одинаково будутъ разорять народное хозяйство, и рѣчь можно будетъ вести только, какимъ путемъ собираніе государственныхъ доходовъ возможно при наименьшемъ разореніи. Тогда важенъ вопросъ: насколько тягости, возникающія отъ взиманія налога, больше или меньше тягостей періодическихъ, которыя повлечетъ за собою заемъ?

Доводъ г. Вредена за займы по истощеніи чистаго дохода, основанный на томъ, что займы не берутъ безразлично капиталъ, имѣющій уже помѣщеніе и притомъ очень доходное, и капиталъ, имѣющій совсѣмъ недоходное помѣщеніе (это дѣлаетъ налогъ), а одни только капиталы, неимѣющіе помѣщенія,—не доказываетъ желаемаго. Потому что разъ чистый доходъ истощенъ,—свободныхъ ссудныхъ капиталовъ, для которыхъ еще нѣтъ помѣщенія, уже не существуетъ, и остаются только капиталы, имѣющіе помѣщеніе. Заемъ слѣдовательно, какъ и налогъ, долженъ будетъ взять занятые капиталы. Нельзя даже основываться на томъ, что заемъ возьметъ менѣе доходные капиталы, тогда какъ болѣе доходные предпочтутъ остаться на своемъ мѣстѣ. Ибо если капиталамъ такъ легко оставлять малодоходное помѣщеніе, то это они могли сдѣлать и до займа, и не дѣлали они

это вѣроятно потому, что завязанный капиталъ далеко не такъ легко освободить, и волею—неволею приходится довольствоваться малою доходностью. Вообще эта малая доходность можетъ быть только исключеніемъ изъ правила, и г. Вреденъ могъ построить свою теорію на ея основаніи, только упустивъ изъ виду важную экономическую теорему, что всѣ капиталы стремятся такъ распредѣлиться между разными помѣщеніями, чтобъ взаимною ихъ конкурренціею доходность установилась на одномъ, общемъ для всѣхъ, уровнѣ. Эту теорему знали уже хорошо и экономисты XVIII-го вѣка.

Антиципація будущихъ доходовъ принадлежитъ къ тѣмъ экономическимъ способамъ, которые тѣмъ неизбѣжнѣе и тѣмъ необходимѣе, чѣмъ шире сфера дѣятельности хозяйствующаго субъекта, чѣмъ обширнѣе его задачи, и чѣмъ важнѣе и неотложнѣе удовлетвореніе потребностей, лежащее на его заботахъ. Уже поэтому кредитъ на высшей степени развитія хозяйственности—явленіе неизбѣжное. Какому бы онъ ни былъ доступенъ злоупотребленію, какое увлеченіе онъ ни допускалъ бы, какъ бы имъ на самомъ дѣлѣ ни злоупотребляли и какимъ бы опасностямъ ни подвергало пользованіе имъ, — все это противъ *кредита собственно* не говоритъ ни слова. Кто злоупотребляетъ силою, доказываетъ этимъ только *свою* неразвитость и *свое* неумѣніе, а не вредъ силы. Кредитъ самъ по себѣ и полезенъ, и необходимъ, и неизбѣженъ. Сравнительно съ другими способами взиманія налоговъ, это самый лучшій по быстротѣ взиманія, по громадности суммъ, которыя сразу съ его помощью могутъ быть собраны, и по своевременности и умѣстности, такъ сказать, взиманія. Несомнѣнно поэтому, что кредиту предстоитъ еще въ финансовой области блестящая будущность.

Но съ этимъ вовсе не связаны необходимо ни вопросъ о затратахъ на тѣ или другія цѣли, ни вопросъ о доходахъ при тѣхъ или другихъ источникахъ. По самой своей природѣ государство производитъ то́, что оно должно безвозмездно предоставлять въ пользованіе членамъ. Плата, взимаемая за проѣздъ по частной и государственной желѣзной дорогѣ, принципіально другъ отъ друга различна. Государственная желѣзная дорога принадлежитъ, между прочимъ, и тѣмъ, которыхъ она перевозитъ, и не *за* провозъ они платятъ *вознагражденіе*: *при* провозѣ они уплачиваютъ *налогъ* на пользованіе дорогою, такой же точно, какой они уплачиваютъ, когда пользуются шоссейною дорогою или судомъ. То, что платою за проѣздъ покрываются издержки на построеніе дороги, доказываетъ только одно: что налогъ на проѣздъ имѣетъ спеціальное назначеніе—покрывать эти издержки.

Государство не имѣетъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ налога, и кредитъ не есть источникъ доходовъ, это—только форма взиманія налога. За какія бы цѣли поэтому государство ни бралось, всегда оно ихъ достигаетъ только путемъ тѣхъ средствъ, которыя собраны налогомъ. *Какъ* собраны были *налоги*, прямымъ ли, или косвеннымъ путемъ, или откупомъ, или кредитною антиципаціею,—это рѣшительно не касается цѣлей, для которыхъ налогъ служитъ. Непослѣдователенъ, поэтому, г. Вреденъ и невѣренъ своей собственной идеѣ о кредитѣ, какъ способѣ взиманія налога, если онъ говоритъ, что когда исчерпанъ чистый доходъ, кредитъ становится источникомъ государственныхъ доходовъ. Исчерпанъ ли чистый доходъ, или не исчерпанъ, это вовсе не касается кредита. Доходъ можетъ быть еще совсѣмъ не исчерпанъ, и все-таки кредитъ будетъ умѣстенъ: просто потому, что другіе способы взиманія не такъ скоро дадутъ необходимыя суммы. Съ другой стороны, чистый доходъ можетъ быть исчерпанъ, и тѣмъ не менѣе налогъ не перестанетъ быть единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, пользуется ли при этомъ государство кредитомъ, или нѣтъ. Когда при исчерпанности чистаго дохода государство пользуется кредитомъ, оно уменьшаетъ капиталъ страны, постоянный или оборотный. При этомъ проявляется только та особенность, что во время собиранія средствъ уменьшается капиталъ однихъ лицъ, а по мѣрѣ уплаты процентовъ и погашенія капитала этихъ лицъ, какъ кредиторовъ, онъ возстановляется, тогда какъ ихъ же капиталъ, какъ податныхъ плательщиковъ, и капиталъ всѣхъ остальныхъ плательщиковъ уменьшается. Въ концѣ концовъ получается такое же уменьшеніе капитала, какъ и при простомъ взиманіи налога.

Какіе бы расходы государству ни предстояли, ординарные или экстраординарные, единовременные или періодическіе, они во всякомъ случаѣ покрываются изъ налоговъ, и необходимой тѣсной связи между ними, какимъ-либо разрядомъ ихъ, и кредитомъ, нѣтъ никакой. Еще менѣе тѣсная связь существуетъ между государственнымъ кредитомъ и государственно-хозяйственнымъ дефицитомъ. Отсутствіе средствъ для удовлетворенія потребностей можетъ также точно вызывать возрастаніе налоговъ, какъ и заключеніе долговъ. И если равновѣсіе бюджета возстановляется возвышеніемъ налоговъ, то это также мало свидѣтельствуетъ за устраненіе дефицита, какъ появленіе долга въ бюджетѣ не свидѣтельствуетъ о его возникновеніи. Не математическими выкладками открывается и свидѣтельствуется дефицитъ. Для этого мало сложенія и вычитанія. Дефицитъ не простая ариѳметическая величина, а нѣчто болѣе.

Вотъ почему врядъ ли предстоитъ блестящая теоретическая и практическая будущность тѣмъ идеямъ Дитцеля и Вагнера, которыми они желаютъ принаровить пользованіе кредитомъ къ стремленію разрѣшить только извѣстныя задачи. Практика до сихъ поръ многія изъ задачъ, которыя по Дитцелю и Вагнеру требовали средствъ изъ кредита, разрѣшала и безъ помощи кредита (судебныя реформы, тюремныя перестройки и т. п.); напротивъ, многія задачи, къ которымъ съ натяжкою можно было примѣнить идеи о долгосрочной пользѣ (войны), рѣшались главнымъ образомъ кредитомъ.

Мы пересмотрѣли характеръ всѣхъ трехъ критеріевъ пользованія налогами, въ тѣсномъ смыслѣ, и займами, каждаго въ отдѣльности, и въ заключеніе посмотримъ еще на ихъ отношеніе другъ къ другу. Прежде всего очевидно, что критерій внезапности нужды въ средствахъ прямо противорѣчитъ остальнымъ двумъ критеріямъ. Если внезапная нужда заставляетъ обращаться къ кредиту, то очевидно, что вопросъ о цѣли расхода отступаетъ на второй планъ, равно какъ и вопросъ о томъ, откуда будутъ взяты средства. Заемъ при достаточно высокомъ процентѣ можетъ привлечь доходы также точно, какъ высокій налогъ можетъ постигнуть капиталы. Но и критерій, представляемый цѣлью расхода, не имѣетъ никакой внутренней связи съ критеріемъ, представляемымъ разрядомъ средствъ, изъ котораго государство производитъ заимствованіе. Если какое-либо государственное учрежденіе содержится налогомъ на оказываемыя имъ услуги, то это не доказываетъ, что услуги — пропорціонально возмездны. Возмездныя услуги, оказываемыя государствомъ, извращаютъ природу послѣдняго и представляютъ слишкомъ случайное явленіе, чтобъ на его основаніи было возможно какое-либо научное построеніе.

Единственный критерій — на нашъ взглядъ, представляетъ, свободно самою частно-хозяйственною сферою обсуженное и порѣшенное, предпочтеніе того или другого способа взиманія налога.

VIII.

Еслибъ наличныя средства были распредѣлены между всѣми членами государства вполнѣ равномѣрно, государству никогда не приходилось бы обращаться только къ *нѣкоторымъ*, какъ оно это дѣлаетъ при займѣ. Оно всегда сразу, такъ сказать, должно было бы обращаться ко *всѣмъ*, такъ какъ только у всѣхъ оно нашло бы нужныя ему средства. Государственные займы отли-

чаются, слѣдовательно, весьма оригинальною особенностью: они необходимо предполагаютъ, какъ одно изъ своихъ основаній, неравномѣрность распредѣленія богатствъ.

Извѣстно однако, что эта неравномѣрность имѣетъ мало значенія на низшихъ степеняхъ развитія, когда неразвитость уравниваетъ всѣхъ, и пріобрѣтаетъ прогрессивно растущіе размѣры вмѣстѣ съ прогрессомъ производства. Этимъ объясняется, до извѣстной степени, широкое развитіе государственныхъ займовъ въ послѣднія два столѣтія.

До извѣстной степени это можетъ объяснить намъ также, какого времени нужно дожидаться народу, которому хотѣлось бы, чтобъ государство его заключало одни внутренніе долги. Весьма часто приходится у насъ встрѣчать людей, которыхъ патріотическому самолюбію обидно, что наше правительство заключаетъ свои займы заграницею преимущественно, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ желали бы своей родинѣ—избѣгнуть той болѣзни, которою западная Европа страдаетъ при неравномѣрности распредѣленія богатствъ. Имъ и въ голову не приходитъ подумать, какое глубокое противорѣчіе между этими двумя желаніями!

Необходимо, по отношенію къ неравномѣрности, обратить вниманіе на слѣдующее основное различіе между кредитомъ въ государствѣ и кредитомъ въ частно-хозяйственной сферѣ. И тамъ, и здѣсь, кредитъ находится въ тѣсной связи съ неравномѣрностью. И тамъ, и здѣсь, его функція—перевести или перемѣстить капиталъ изъ хозяйствъ, которыя непосредственно въ немъ не нуждаются, въ хозяйства, которыя въ немъ чувствуютъ настоятельную потребность. Но тѣ экономическія особенности, которыя отличаютъ частно-хозяйственную сферу отъ государственно-хозяйственной, обусловливаютъ и глубокія различія въ послѣдствіяхъ, вызываемыхъ кредитомъ въ обѣихъ сферахъ хозяйственной жизни народа.

Въ частно-хозяйственной сферѣ возможно воспроизводство капитала, перераспредѣляемаго кредитомъ. Въ государственно-хозяйственной—оно невозможно. Поэтому, хотя кредитъ совершаетъ перераспредѣленіе только на срокъ, тѣмъ не менѣе онъ въ тотъ срокъ, въ теченіи котораго длится, содѣйствуетъ образованію капитала въ рукахъ лицъ, куда онъ былъ перемѣщенъ. Для того, чтобъ имѣть кредитъ, достаточно личныхъ качествъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время широкое преобладаніе торговаго банковаго кредита надъ всѣми остальными его видами вполнѣ это доказываетъ. При личныхъ качествахъ, вызывающихъ кредитъ, человѣкъ,— не располагающій тѣмъ основаніемъ экономической независимости, которая представляется капиталомъ,—съ помощью

кредита можетъ постепенно пріобрѣсти это основаніе. Кредитъ имѣетъ, такимъ образомъ, въ частно-хозяйственной сферѣ важную *соціальную* функцію.

Здѣсь кредитъ, вызванный неравномѣрностью, борется съ нею, стремится подорвать ея почву и выработать экономическія основанія равномѣрности. Личныя качества, нужныя для кредита, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ кредита въ частно-хозяйственной сферѣ,—таковы двѣ гарантіи, которыя современная экономическая наука считаетъ основными для устраненія неравномѣрности. Первая гарантія дается народнымъ образованіемъ, профессіональнымъ—для экономическихъ ея основаній,—и общеобразовательнымъ, для моральныхъ ея основаній. Вторая—дается размноженіемъ банковыхъ учрежденій въ народѣ.

Совершенно иное представляетъ намъ кредитъ въ государственно-хозяйственной сферѣ вслѣдствіе того одного, что здѣсь капиталъ не воспроизводится. Кредитъ перераспредѣляетъ капиталъ только на срокъ. Если, въ теченіи этого срока, руки, въ которыя капиталъ попалъ, позаботятся извлечь изъ него пользу, какую онъ способенъ дать для возвышенія экономической самостоятельности, мы и будемъ имѣть послѣдствія, только-что описанныя. Но если въ это время капиталъ будетъ уничтоженъ, этихъ послѣдствій не случится, и дѣло будетъ обстоять такъ, какъ оно обстояло до кредита. Никакого противодѣйствія неравномѣрности оказано не будетъ, и она сохранится во всей своей цѣлости. Мало того однако: если капиталъ, перемѣщенный кредитомъ въ экономическую сферу государства, въ послѣдней будетъ уничтоженъ, то будетъ меньше и однимъ капиталомъ, который въ другой сферѣ противодѣйствовалъ бы неравномѣрности. Государственные займы, такимъ образомъ, не только что не противодѣйствуютъ послѣдней, а еще прямо содѣйствуютъ ея сохраненію.

И это положеніе имѣетъ общій характеръ, который одинаково примѣняется, какъ къ отдѣльнымъ членамъ въ народномъ хозяйствѣ, такъ и къ отдѣльнымъ членамъ во всемірномъ хозяйствѣ. Другими словами: сумма капиталовъ, которая ежегодно уничтожается государствомъ, заимствуемая съ помощью займовъ. содѣйствуетъ сохраненію неравномѣрности распредѣленія богатствъ между цѣлыми народами и отдѣльными индивидуумами.

Г. Вреденъ посвятилъ XII-ю главу своей книги изслѣдованію вліянія государственныхъ долговъ на экономическія неравенства и распредѣленіе богатствъ. Средства, которыя правительство беретъ съ помощью налоговъ и долговъ, по мнѣнію г. Вредена, представляются далеко не одинаково тягостными лишеніями для

отдѣльныхъ лицъ, именно потому, что высокіе налоги, какъ это указывалъ Небеніусъ, неравномѣрнѣе распредѣляются, чѣмъ невысокіе (240), а долги избавляютъ отъ единовременнаго и сильнаго повышенія налоговъ, слѣдовательно, даютъ средства къ сохраненію равномѣрности во всей системѣ обложенія (241). Но Небеніусъ признавалъ и то, что государственные займы усиливаютъ экономическія неравенства. Отъ займовъ капиталисты получаютъ возможность быстрѣе накоплять капиталы, такъ какъ ими возвышается процентъ, и доходъ съ капитала ростетъ въ то самое время, когда проценты по государственнымъ долгамъ отнимаютъ все бо́льшія доли чистаго дохода у производителей. Такимъ образомъ, при возрастающей возможности капитализировать для владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ, та же возможность уменьшается для предпринимателей и рабочихъ.

Ниже нѣсколько, г. Вреденъ признаетъ, что сама податная система виновата, если возвышеніе оклада вызываетъ усиленную податную неравномѣрность (245). Но займы же даютъ возможность, легкостью пополненія казны, сохранять нераціональность податныхъ системъ (246). Финансовая исторія новѣйшихъ государствъ, особливо Англіи и Франціи, убѣдительно доказываетъ, что главнымъ образомъ займы произвели неравенство состояній и затѣмъ усиливали его постоянно. Тѣ же факты не менѣе убѣдительно доказываютъ, что не только безполезно возвышался ссудный процентъ, но было и сохранялось чрезвычайно превратное обложеніе (ib). При такихъ условіяхъ государственные займы конечно могли быть, какъ, напр., въ Англіи и Франціи, средствомъ къ исключительному усиленію и обогащенію класса капиталистовъ (247).

Этимъ соображенія г. Вредена о данномъ вопросѣ исчерпываются. Но сравнительно съ тѣмъ, что о вопросѣ можно и должно было бы сказать, мы ихъ не можемъ считать вполнѣ его исчерпывающими.

Неравномѣрность распредѣленія богатствъ принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ человѣческаго знанія, которыхъ разработка задерживается не собственною только ихъ трудностью, а сверхъ того еще и сословною косностью, предпочитающею невѣжество и связанное съ нимъ бездѣйствіе, лишь бы этимъ избѣгались неясныя идеи и возможный при нихъ практическій вредъ. Вѣрныя мысли однако и точныя знанія съ неба не падаютъ, а получаются путемъ постепеннаго развитія и совершенствованія мыслей невѣрныхъ и знаній неточныхъ. Скорѣе руки человѣческія могутъ сотворить чудо и сдѣлать неожиданное, но голова человѣческая дѣйствуетъ послѣдовательнѣе, именно потому, что

она болѣе независима отъ внѣшнихъ вліяній. Верхъ безобразнѣйшей идеализаціи представляла поэтому старая экономическая наука, которая сложила свое оружіе у вопроса о неравномѣрности, дожидаясь, чтобъ сами собою явились точныя знанія о немъ. Но ни сословная косность, ни цеховая идеализація не могутъ быть препятствіями могучему ходу развитія человѣческой мысли. Исторія послѣдней убѣдительно это доказываетъ. Именно въ тѣ времена, когда развитію мысли ставились наибольшія преграды, она возрождалась съ наибольшею силою. Только благодаря этому естественному неудержимому теченію мысли и современная экономическая наука можетъ противодѣйствовать сословной косности. Она успѣла доработаться до результатовъ, дѣлающихъ послѣднюю излишнимъ. Косность не можетъ уже въ настоящее время имѣть основаніемъ всеобщее невѣжество; только необразованность, незнакомство съ результатами науки, можетъ быть ея основаніемъ. Только необразованность вмѣстѣ съ деморализаціею могутъ служить почвою апатичнаго бездѣйствія по вопросу о неравномѣрности.

Одна изъ важнѣйшихъ областей, въ которой противодѣйствіе неравномѣрности предстоитъ еще блестящая будущность, представляется именно государственнымъ хозяйствомъ. Не говоря уже о податной неравномѣрности въ узкомъ смыслѣ, для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе противодѣйствіе, которое раньше или позже будетъ вызвано современными государственно-долговыми порядками. Наука въ настоящее время заступается за государственные долги. Но это далеко не значитъ, что она защищаетъ ту неравномѣрность, которая ими поддерживается. Неравномѣрность, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, касается единственно области матеріальнаго богатства. Неудобства и бѣдствія, вызываемыя въ послѣдней неравномѣрностью, велики. Но онѣ были бы жертвами, которыя народы охотно приносили бы, еслибъ ими искупались пріобрѣтенія въ другихъ областяхъ, моральной, интеллектуальной, правовой, политической. Не тѣмъ главнымъ образомъ возбуждаетъ противъ себя государственно-долговая система, что она усиливаетъ неравномѣрность, а тѣмъ, что послѣ этихъ громадныхъ расходовъ и жертвъ матеріальнымъ благосостояніемъ, народы остаются только при томъ же невещественномъ благосостояніи, которое они себѣ выработываютъ внѣ политической сферы своей, — что необходимость жертвъ отрицалась и оспаривалась еще до того, какъ онѣ были принесены, — что онѣ были прямо и косвенно вынуждены, вопреки ихъ природѣ,—что онѣ вовсе не служили на пользу обще-народнымъ интересамъ, а только сословнымъ.

Только съ этой точки зрѣнія и имѣютъ свое значеніе и разсужденія экономистовъ о вліяніи государственно-долговой системы на усиленіе неравенствъ. Это значеніе — не принципіальное, а чисто-историческое.

Современные государственно-долговые порядки—только прямое продолженіе и дополненіе того, что государственное хозяйство представляетъ наблюденію въ области податей въ тѣсномъ смыслѣ слова. И здѣсь, и тамъ одинаково преобладаетъ сословность, интересы соціальные отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Мы видѣли эту сословность въ сферѣ податной. Мало того, что основное начало современнаго податного обложенія чисто сословнаго свойства, государственные займы даютъ еще новую, добавочную поддержку превратнымъ системамъ обложенія.

Но государственные долги имѣютъ для насъ при этомъ еще и другое значеніе. Ими западно-европейская буржуазія не только спасала свой капиталъ, но еще сверхъ того сама утилизировала государство, какъ сберегательную кассу. Мало того: она пользуется правительственнымъ путемъ, вопреки всякому laisser faire, для того, чтобъ обезпечивать себѣ непрерывную и вѣчную доходность капитала. Это—тоже droit au travail, но только au rebours. Соціалисты требовали для рабочихъ гарантированной доходности труда, и видѣли крайнюю гарантію этой доходности въ налогѣ. Путемъ «вѣчныхъ рентъ» капиталистамъ удалось добыть себѣ такую же точно гарантію доходности капитала путемъ налоговъ, изъ которыхъ уплачиваются проценты по государственнымъ долгамъ. Не нужно терять изъ виду глубокаго экономическаго различія между доходностью капитала, помѣщеннаго въ частно-хозяйственной сферѣ, и доходностью капитала, отданнаго въ долгъ государству. Первый капиталъ самъ воспроизводитъ свой доходъ и не долженъ необходимо возбуждать антагонизма интересовъ. Второй, напротивъ, самъ своего дохода не воспроизводитъ. Не хозяйственная производительность, а податныя силы—источники его доходности. Для того, чтобъ по этому капиталу могли быть уплачиваемы проценты, необходимо, чтобъ чей-либо частно-хозяйственный капиталъ или чей-либо трудъ уменьшилъ *свою* доходность. Здѣсь одинъ капиталъ доходенъ на счетъ другого капитала или труда. Такимъ образомъ, не только налоги не должны трогать капитала — этого мало. Если его все-таки придется взять, онъ долженъ быть взятъ путемъ займа, т.-е. съ тѣмъ, чтобы былъ возможенъ будущій возвратъ, и чтобы по нему продолжали получаться проценты, чтобъ онъ былъ также доходенъ, какъ еслибъ не былъ взятъ вовсе, чтобъ безвозвратно брались только подати, т.-е. опять-таки одинъ чистый доходъ.

Въ Западной Европѣ государственные долги дѣйствительно были средствомъ, которымъ капиталу гарантировалась непрерывная доходность. Капиталы накоплялись въ такое время, когда образованіе буржуазіи далеко не такъ же быстро шло впередъ, когда далеко не такъ легко ей было придумывать новымъ капиталамъ новыя помѣщенія, когда попытки открывать новыя помѣщенія, при невѣжествѣ и необузданности любостяжательныхъ стремленій, влекли за собою тяжкіе кризисы и безпримѣрнѣйшія растраты капиталовъ. Понятно, что при этихъ обстоятельствахъ вѣрное, спокойное помѣщеніе въ государственныхъ фондахъ могло имѣть и преимущество. Весьма вѣроятно, что безъ страшнаго возрастанія государственныхъ долговъ, растраты и безумныя спекуляціи имѣли бы еще бо́льшіе размѣры. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ подмоги податей ссудный процентъ не возвысился бы такъ сильно, какъ онъ повысился въ теченіи послѣднихъ 40-ка лѣтъ. Доходность доброй половины частно-хозяйственныхъ сбереженій была гарантирована налогомъ, государство находилось въ зависимости отъ крупнаго капитала, фондами сверхъ того еще можно было и играть, какъ костями, и выигрывать большія суммы. Чего еще было нужно? Можетъ быть не такой ходъ приняла бы жизнь, еслибъ экономическому прогрессу предшествовалъ болѣе глубокій моральный и интеллектуальный прогрессъ. Но во все это время въ наукахъ процвѣтали больше *отрицательныя* направленія: наукамъ приходилось еще только *расчищать* себѣ поле, онѣ сами оказались отставшими и безсильными помочь своему времени. Ругались, правда, много: но это только злило. Или же науки продолжали еще переживать періодъ смиренности: не сразу вѣдь люди пріучились уважать голосъ науки. Да и научились ли уже теперь—еще великій вопросъ. Вопросы о внесеніи практическаго элемента въ воспитаніе и обученіе до сихъ поръ раздѣляютъ педагоговъ. Ученые до сихъ поръ продолжаютъ спорить объ отношеніи науки къ жизни. Такимъ образомъ, основные элементы и до сихъ поръ еще въ такомъ состояніи, что, сознавая всю ненормальность происходящаго предъ глазами, приходится все-таки признаваться въ немощности жизни—избѣгнуть зла въ ея цѣлости. Могло ли выдти что-либо иное въ теченіи 100 лѣтъ до насъ?

Про западно-европейскіе государственные долги нельзя говорить, что ихъ можно объяснить исключительно одною, или другою основною причиною. Перечисленіе мотивовъ, которыми въ указахъ объясняется, для чего и почему заключается заемъ, также мало объяснитъ дѣло: законодатель можетъ и не видѣть тайныхъ пружинъ, вліяющихъ на его волю и толкающихъ его по

тому или иному направленію (законодатель вѣдь не ученый, и глубину можетъ замѣнять вѣскимъ авторитетомъ), или онъ можетъ скрывать эти причины (примѣры бывали не разъ). Только строго-научное изслѣдованіе, сравнительно-историческое и статистическое, безъ всякихъ предвзятостей, безъ трусливой смиренности, — вотъ что единственно выяснитъ эту часть. Но врядъ ли вся эта работа будетъ подъ силу одному человѣку, даже при долговѣчной жизни. Остановился же Небеніусъ, когда онъ долженъ былъ перейти именно къ этой части своей работы, да еще самъ забраковалъ свою первую попытку.

IX.

Тѣсныя рамки, въ которыя замыкаетъ пользованіе государственнымъ кредитомъ г. Вреденъ, раздѣляетъ глубокою пропастью ученіе его отъ ученія Дитцеля. Глубокая соціально-политическая идея у послѣдняго, несомнѣнный отблескъ и отраженіе соціалистическихъ (преимущественно сенсимонистскихъ и прудоновскихъ) идей, а именно, что государственный кредитъ представляетъ собою тотъ мостъ, по которому частно-хозяйственные капиталы должны пойти на цѣли, непосредственно связанныя съ благосостояніемъ общимъ, а не частнымъ, — эта идея безслѣдно исчезаетъ въ ученіи г. Вредена.

Въ ученіи Дитцеля важны были въ особенности два пункта. Во-первыхъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобъ цѣль не смѣшивали со средствами, и что неодобреніе первой не доказываетъ необходимость признанія и послѣдняго превратнымъ: «Крупные доходы во всякомъ случаѣ допускаютъ и болѣе крупное злоупотребленіе; но это порицаніе касается не кредита, а политическихъ цѣлей и намѣреній, неспособности и безнравственности правительствъ». Этими словами въ самомъ началѣ своей книги, на стр. 10-й ея, Дитцель уже устранялъ цѣлый рядъ доводовъ противъ своей темы. За симъ, второй пунктъ касается той смѣлой его идеи, которая сразу вносила въ финансовую науку результатъ долголѣтней теоретической и практической борьбы стараго съ новымъ. Государство имѣетъ активную роль въ прогрессѣ культуры и представляетъ единственную сферу общежитія, съ помощью которой только и могутъ быть сдѣланы извѣстные шаги въ прогрессивномъ движеніи народовъ. Дитцель не говоритъ ясно, какіе это именно шаги, но важнѣе всего было то, что государство являлось для него не однимъ только охранителемъ результатовъ, добытыхъ внѣ его, а само активно принимало участіе въ положительной выработкѣ этихъ результа-

товъ. И еще важнѣе было то, что Дитцель приводилъ въ связь прогрессивную роль государства со всѣми остальными сторонами матеріальнаго прогресса, и въ послѣднемъ видѣлъ выработываніе почвы для другихъ сторонъ прогрессивнаго развитія культуры. Свободные капиталы, которые играютъ такую крупную роль въ ученіи Дитцеля, означали эту матеріальную почву, уже вполнѣ приготовленную, уже ненужную для того, чтобъ на ея основаніи идти далѣе по пути *матеріальнаго* прогресса, отъ этой соціальной цѣли освобожденную именно развитіемъ культуры и поэтому получающую высшее назначеніе—служить цѣлямъ невещественнаго прогресса. Дитцель, такимъ образомъ, утверждалъ не только то, что государство принимаетъ активное участіе въ выработываніи культуры (это значеніе имѣютъ его идеи о производительности государства), но что, сверхъ того, сама частно-хозяйственная сфера, шествуя по тому пути прогресса, который она сама себѣ прокладываетъ, раньше или позже должна достигнуть конца этого пути съ суммою средствъ, не находящихъ себѣ примѣненія на старомъ поприщѣ. Тогда-то принимаетъ ее въ свои границы государственная сфера со всѣмъ, что̀ она съ собою приноситъ, чтобъ повести ее по новому пути далѣе.

Съ этими идеями можно спорить, и сильно спорить. Но во всякомъ случаѣ для этого нельзя пользоваться тѣмъ, что Дитцель, разъясняя свои мысли въ частностяхъ, не всегда умѣлъ удерживаться на одной высотѣ. Намъ кажется, что въ такомъ общемъ видѣ формулированныя, онѣ являются вполнѣ безспорными. Ошибка Дитцеля заключалась въ слишкомъ поспѣшномъ примѣненіи ихъ къ современной жизни и желаніи этими идеями объяснять явленія, которыя не ими вовсе объясняются. Доказывать, что государству можетъ принадлежать активная роль въ прогрессивной выработкѣ культуры, что частно-хозяйственная сфера сама для нея выработываетъ матеріальныя условія, еще не то же самое, что доказать производительность современныхъ государственныхъ долговъ или свободность тѣхъ капиталовъ, которые въ настоящее время являются на ссудный рынокъ. Именно въ послѣднія два столѣтія, въ которыя всего болѣе развился государственный кредитъ, активная роль государствъ въ исторіи прогресса была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Это—столѣтія борьбы съ государствами, непрерывныхъ нападокъ на нихъ и сосредоточенія всей ихъ активности на вопросѣ о самозащитѣ и самосохраненіи. Именно послѣднія два столѣтія выработали съ неслыханною и невиданною до того въ исторіи человѣчества силою и энергіею идеи о

государственной пассивности и о правѣ игнорировать государство (the rigth to ignore the state. Herb. Spencer, Soc. Stat).

Было бы совершенно ошибочно представлять себѣ, что Дитцель, говоря о переходѣ свободнаго капитала, выработываемаго экономическимъ прогрессомъ, въ область государства для содѣйствія споспѣшествуемому государствомъ духовному прогрессу, съумѣлъ возвыситься до той высокой точки зрѣнія, которая, не увлекаясь движеніемъ впередъ жизни *отдѣльныхъ* сословій или *отдѣльныхъ* слоевъ населенія, имѣетъ критеріумомъ прогрессъ движенія впередъ *всей* общенародной жизни. Если несомнѣнно съ одной стороны вліяніе соціалистическихъ идей на Дитцеля, то съ другой стороны несомнѣнно, что это вліяніе было чисто-безсознательное, въ которомъ Дитцель вовсе не отдавалъ себѣ отчета, котораго Дитцель самъ не разбиралъ. Идея объ активномъ участіи государства въ культурномъ прогрессѣ, при содѣйствіи капиталовъ высшихъ слоевъ народа, Дитцелемъ утилизируется, поэтому, далеко не на манеръ соціалистовъ. Онъ ни на волосъ не сходитъ съ сословной точки зрѣнія (см. въ особ. его соч. стр. 62—66). Прогрессъ, который государство выработываетъ, выходитъ у него чисто сословнымъ, и низшему классу рѣшительно все равно, гдѣ и какъ капиталы высшихъ классовъ утилизируются: въ частно-хозяйственной ли сферѣ, или государственно-хозяйственной. Это онъ не только признаетъ, но, сверхъ того, еще считаетъ доводомъ въ защиту справедливости сдѣланнаго имъ примѣненія соціалистической идеи къ объясненію современной государственно-долговой практики. Противъ государственныхъ долговъ приводили иногда тотъ доводъ, что ими отнимаются у частно-хозяйственной сферы капиталы, на которые можно было бы давать низшему классу занятіе и содѣйствовать и ихъ прогрессивному развитію. Дитцель противъ этого возстаетъ. Онъ утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ капиталы, гдѣ и на что́ они ни употреблялись бы, приносятъ пользу своимъ только владѣльцамъ. Кромѣ того, онъ придерживается того, что какова бы ни была судьба отдѣльныхъ членовъ низшаго класса, какъ они ни улучшали бы свое положеніе, самъ по себѣ классъ тѣмъ не менѣе будетъ непрерывно продолжать свое существованіе: если одни члены изъ него выйдутъ, ихъ мѣсто заступятъ другіе, и матеріалъ для этого никогда не истощится.

И въ этомъ-то пунктѣ ученіе Дитцеля имѣетъ особый интересъ. Утверждая, что члены высшихъ классовъ должны употреблять свои капиталы только для своихъ взаимныхъ сословныхъ нуждъ, онъ исходитъ изъ того, что еслибъ они дали капиталамъ направленіе, болѣе сообразное съ интерессами низшаго

класса, то, при отсутствіи эффективнаго спроса у послѣднихъ, это было бы равносильно безвозмездной отдачѣ капитала, т.-е. самоубійству капитала. Нельзя всегда употребить послѣдній на тѣ отрасли производства, которыя изготовляютъ вещи, необходимыя низшему классу, по той причинѣ, что низшему классу не на что покупать ихъ.

Ближе присматриваясь къ этимъ доводамъ, въ нихъ, конечно, не находишь и тѣни силы. По Дитцелевской теоріи самое помѣщеніе капитала въ государственной сферѣ имѣетъ основное значеніе, т.-е. важенъ государственный кредитъ не по процентамъ денежнымъ, которые онъ даетъ возможность получать владѣльцамъ капитала, а по тому употребленію, которое изъ занятаго капитала было сдѣлано, по его превращенію въ высшій, духовный капиталъ. Но какъ бы далеко мы ни заходили въ расширеніи понятія капитала, то, что государствомъ производится, въ концѣ концовъ придется признать *съ чисто экономической* точки зрѣнія именно господствующей теоріи запасомъ для потребленія (Gebrauchswerthe), который къ тому еще оно должно уступать безвозмездно своимъ членамъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, капиталъ, перешедшій въ государственно-хозяйственную сферу, будетъ потребленъ. Различіе будетъ только то, что въ одномъ случаѣ онъ будетъ потребленъ своими собственниками, въ другомъ — посторонними людьми. Кромѣ того однако, совершенно произвольно предположеніе Дитцеля, что фактъ существованія въ частно-хозяйственной сферѣ цѣлаго класса людей, неспособныхъ предъявить обширный эффективный спросъ, не есть послѣдствіе *извѣстной* стадіи экономическаго развитія народно-хозяйственной жизни, а неизбѣженъ на *всѣхъ* стадіяхъ ея развитія. Главное доказательство Дитцеля слѣдующее: «такой низшій классъ, говоритъ онъ, всегда долженъ будетъ существовать, хотя отдѣльные его члены и будутъ мѣняться. Ибо какъ только тѣ, которые состояли въ данное время его членами, начнутъ съ помощью образованныхъ ими для себя капиталовъ, а также и улучшенныхъ качествъ труда — возвышаться надъ своимъ положеніемъ, такъ тотчасъ же, именно вслѣдствіе новаго прироста къ капиталу, возникнетъ новый спросъ на трудъ и рабочихъ, который вызоветъ возможность размноженія населенія. Этою возможностью воспользуются тѣ, для которыхъ удовлетвореніе половой потребности — достаточный источникъ наслажденія, и такимъ образомъ возникнетъ классъ людей, принужденныхъ довольствоваться самымъ крайнимъ». Главный доводъ Дитцеля, другими словами выраженный, имѣетъ такимъ образомъ такой видъ. Есть люди, которымъ невѣдомо разнообразіе источниковъ наслажденій, выработанныхъ

танныхъ культурою. Самое крайнее ихъ удовлетворяетъ; половая потребность — ихъ источникъ наслажденій. До извѣстной степени это, конечно, справедливо. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, одно изъ двухъ: или что тотъ, который отрицаетъ возможность перемѣны ихъ положенія, этимъ только закрываетъ свою бѣдность въ средствахъ, которыя были бы нужны для достиженія подобной цѣли. Или же, что сколько бы ни употреблялось средствъ, людей не измѣнишь. Такъ какъ послѣднее — абсурдъ, то остается только первое предположеніе. И въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ всѣхъ идей, схожихъ въ разсматриваемомъ пунктѣ съ Дитцелевскою, всегда лежитъ нежеланіе сознаться въ собственной немощности предъ великою задачею.

Собственно говоря, это-то всего лучше и свидѣтельствуетъ, до какой степени безотчетно Дитцель подвергся соціалистическому вліянію.

Мысль, что кредитъ послужитъ мостомъ чрезъ пропасть, отдѣляющую классъ капиталистовъ отъ рабочихъ, что кредитъ призванъ и будетъ играть главную роль въ рѣшеніи рабочаго вопроса, эта мысль далеко не нова и съ разныхъ сторонъ къ ней приходили и соціалисты, и экономисты. Если возможно продолженіе работъ, которыя привели къ этимъ мыслямъ, то несомнѣнно оно должно касаться того, какъ эта мысль будетъ примѣнена въ дѣйствительности. И вотъ тутъ-то важна въ особенности идея Шеффле, что такое призваніе имѣетъ *частный* кредитъ, а не государственный. Увеличенные размѣры накопленія капиталовъ и производимыхъ богатствъ съ силою физическою, необходимо влекутъ за собою кредитный обмѣнъ. При этомъ распространяющееся употребленіе машинъ, эманципирующее человѣка отъ роли источника физической силы, вмѣстѣ съ распространяющимся въ низшихъ классахъ образованіемъ, оживляющимъ ихъ интеллектуальныя силы, создаютъ цѣлые новые классы лицъ, нуждающихся въ кредитѣ и достойныхъ его. Образованіе экономическое превращаетъ интеллектуальныя и моральныя силы въ предпріимчивость, а рабочаго или его потомка въ человѣка, которому нуженъ только личный кредитъ, чтобъ стать предпринимателемъ. Такимъ образомъ, образованность, кредитъ и перемѣщеніе физическаго фактора на природу,—вотъ тотъ мостъ, который ведетъ отъ рабочаго сословія къ предпринимательскому, отъ бѣдности къ состоятельности. Сама практика работаетъ съ разныхъ концевъ надъ постройкою этого моста. Съ одной стороны, она создаетъ капиталы, нуждающіеся въ сбытѣ, который они находятъ только при кредитѣ, и съ другой она создаетъ лицъ, въ кредитѣ нуждающихся и его достойныхъ. Менѣе всего,

конечно, при этихъ условіяхъ можно говорить объ излишнихъ для частно-хозяйственной сферы капиталахъ.

Такимъ образомъ, то, что наиболѣе блестяще въ теоріи Дитцеля, является идеею, безсознательно заимствованною, плохо переваренною, а сверхъ того примѣненною туда, куда она совсѣмъ не идетъ.

У г. Вредена мы совсѣмъ не встрѣчаемъ разсужденій на эту тему, но не потому, что критическая провѣрка убѣдила его въ неважности соціально-политическихъ соображеній для теоріи государственныхъ долговъ. Скорѣе, отсутствіе достаточно подробнаго анализа соціально-политической стороны дѣла было у г. Вредена послѣдствіемъ строго-финансовой точки зрѣнія на него. Ученый изслѣдователь имѣетъ, конечно, полное право замыкать свою тему въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ для себя считаетъ наиболѣе удобнымъ ее разработывать. Но тогда его изслѣдованіе не можетъ уже претендовать на цѣльность и на то, что предметъ имъ весь исчерпанъ. Отсутствіемъ этой цѣльности и страдаетъ главнымъ образомъ книга г. Вредена.

Заканчивая нашъ разборъ, мы не можетъ не указать на другой недостатокъ книги г. Вредена—полнѣйшую необработанность ея внѣшней стороны. Чтеніе книги представляетъ столько препятствій уже однимъ внѣшнимъ построеніемъ фразы, которою г. Вреденъ выражается, — самыя простыя вещи у него выражены до такой степени неясно, что неудивительно, если найдется мало читателей, которые въ состояніи будутъ дочитать «Финансовый Кредитъ» до конца. Наконецъ, книга повидимому составлена изъ замѣтокъ, въ разныя времена записанныхъ, весьма поспѣшно собранныхъ и далеко не выровненныхъ. Для невнимательнаго читателя или любителя ловить внѣшнія противорѣчія при чтеніи, книга г. Вредена представляетъ такихъ противорѣчій массу. Очень жалко, что г. Вреденъ въ такомъ видѣ выпустилъ свое изслѣдованіе, для безпристрастнаго читателя несомнѣнно цѣнное. Менѣе всего *у насъ* слѣдуетъ появляться предъ публикой въ такомъ видѣ, который обусловливаетъ необходимость просить извиненія за небрежную наружность. Извинить-то, можетъ быть, и наша публика извинитъ: но врядъ ли она это сдѣлаетъ *по* прочтеніи книги, а не *до* прочтенія.

И. КАУФМАНЪ.

ПЯТЬ ДНЕЙ

НА

ВЫСТАВКѢ ВЪ МОСКВѢ.

(Письма туриста).

I.

Я выѣхалъ изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ съ цѣлью побывать въ Москвѣ, на выставкѣ, и дальше за Москвой. Подъ вліяніемъ бесѣды съ сосѣдями по вагону, давнишняго, проснувшагося желанія посмотрѣть Волгу, и грустнаго однообразія прилегающей къ желѣзной дорогѣ мѣстности, состоящей изъ болотъ, кустарника, и изрѣдка чернѣющихся деревень, я оставилъ въ Твери свой вагонъ съ тѣмъ, чтобы до Нижняго ѣхать на пароходѣ, а оттуда въ Москву по желѣзной дорогѣ. Мы ѣхали на пароходахъ общества „Самолетъ", раздражающихъ всякаго туриста неопредѣленною продолжительностью своихъ стоянокъ у пристаней. Всѣ приволжскіе города—историческіе, (Угличъ, Кострома, Мологa и пр. [1]); въ большинство изъ нихъ хочется заглянуть, чтобы ознакомиться хоть съ внѣшностью, а между тѣмъ, это рѣшительно невозможно. У какого-нибудь городка пароходъ остается полчаса, и этого времени пожалуй достаточно, чтобы познакомиться съ его видомъ, но уйти съ парохода опасно, потому что продолжительность стоянки опредѣляется не временемъ, а фразой: „какъ примемъ грузъ и дрова, такъ сейчасъ же и отвалимъ". Въ Костромѣ, напримѣръ, мы простояли около двухъ часовъ; а между тѣмъ на мой вопросъ, сколько мы останемся у пристани? я получилъ въ отвѣтъ:

---

[1]) Отъ Твери до Нижняго 14 городовъ.

„около получаса". Наконецъ, я пріѣхалъ въ Москву и утромъ же пошелъ въ Кремль.

Какъ человѣкъ уже бывалый на большихъ выставкахъ, я составилъ себѣ предварительно краткую программу. первый день посвятить бѣглому ознакомленію со всей выставкой и болѣе внимательному съ ея отдѣлами наименѣе интересными; три слѣдующихъ дня—для отдѣловъ болѣе значительныхъ. По прежнимъ опытамъ мнѣ думалось, что для туриста совершенно достаточно провести на выставкѣ дня четыре, оставаясь на мѣстѣ выставки съ 11 часовъ утра и до 8 вечера. Увы, однако! мое распредѣленіе оказалось несостоятельнымъ. Пробродивъ по Кремлевскимъ садамъ цѣлый день, я вернулся домой ничего, можно сказать, не видѣвъ, крайне усталый и съ цѣлымъ коробомъ непріятныхъ впечатлѣній, вслѣдствіе разбросанности, безпорядка выставки и отсутствія общаго путеводителя. Во-первыхъ, выставленные предметы оказались размѣщенными на такомъ большомъ и пересѣченномъ пространствѣ, что человѣку новому, пріѣзжему, положительно необходимо нѣсколько часовъ утомительной ходьбы только для ознакомленія не съ выставкой, а съ ея мѣстностью. Второе важное неудобство, это разбросанность однородныхъ предметовъ по разнымъ садамъ и отдѣламъ; такъ, напримѣръ: искусственные цвѣты я встрѣтилъ въ отдѣлахъ садоводства и промысловыхъ животныхъ; пожарные насосы—въ отдѣлахъ сельско-хозяйственномъ, гидравлическомъ и желѣзно-дорожномъ; кровати—въ садовомъ, сельско-хозяйственномъ, севастопольскомъ и еще гдѣ-то; уголь—въ горномъ и морскомъ; швейныя машины—въ разныхъ отдѣлахъ; нашего общаго знакомца, капли отъ зубной боли Маіевскаго въ севастопольскомъ отдѣлѣ; рекламу о какомъ-то бальзамѣ отъ холерины и зубной боли мнѣ вручили также въ севастопольскомъ и еще въ какомъ-то другомъ (кажется, медицинскомъ) отдѣлѣ, и пр. и пр. Третье неудобство—дороговизна, вы платите за входъ 1 рубль (абонементныхъ билетовъ нѣтъ), и кромѣ того каждый день непремѣнно оставите нѣсколько рублей въ ресторанахъ выставки, вслѣдствіе весьма высокихъ буфетныхъ цѣнъ [1]). Четвертое неудобство—отсутствіе частныхъ указателей [2]) и совершенная непригодность, какъ гида, продающейся по полтиннику книги „Общее Обозрѣніе Выставки". Можно бы указать и на нѣкоторыя другія неудобства, но и сказаннаго достаточно. Была еще надежда, что первый бѣглый осмотръ познакомитъ съ идеею выставки, но и въ этомъ отношеніи разочарованіе

---

[1]) Такъ, напримѣръ, бифстексъ стоитъ 95 коп. А между тѣмъ нельзя не пользоваться внутренними буфетами, потому что каждый выходъ изъ сада связанъ съ потерею права входа безъ вторичной платы рубля.

[2]) Со второй половины іюня продавались только три частныхъ указателя: морской, артиллерійскій и первая часть желѣзно-дорожнаго.

было полное: пришлось остановиться на невозможномъ предположеніи, что выставка не имѣетъ идеи. По экспонированнымъ предметамъ, она, ни русская, ни международная, ни историческая, что впрочемъ нисколько не лишаетъ ее богатства содержанія. Возвращаясь домой въ первый день, я думалъ про себя слѣдующее: будь я москвичъ, я непремѣнно, по примѣру нашихъ предковъ, отправилъ бы гонцовъ на сѣверъ, въ Петербургъ, и поручилъ бы тамъ сказать: „Выставка наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; пріидите", и проч.

Убѣдившись такимъ образомъ въ первый же день, какъ мало сдѣлано для удобствъ посѣтителей выставки [1]), я запасся всѣми имѣвшимися указателями, лично узналъ, гдѣ и въ которомъ часу бываютъ устныя объясненія, и рѣшился посвятить вечеръ на подготовленіе себя дома по книжкамъ къ послѣдующимъ посѣщеніямъ. При отсутствіи общаго гида и богатствѣ содержанія выставки такое подготовленіе крайне необходимо и составляетъ единственное средство сберечь время (а здѣсь дѣйствительно *время—деньги*) и съ толкомъ ходить по лабиринту выставки.

Прежде всего меня интересовало узнать задачу или идею, которую учредители выставки желали осуществить ею. Благодаря любезности одного изъ сотрудниковъ комитета, я получилъ оффиціальную брошюрку: „Политехническая Выставка 1872-го года", которая на вопросъ объ идеѣ, дала мнѣ положительный отвѣтъ. Въ этой книжкѣ, на стр. 15, сказано слѣдующее: „Главная особенность политехнической выставки 1872-го года, отличающая ее отъ всѣхъ прочихъ выставокъ, до сихъ поръ происходившихъ, заключается въ томъ, что она должна представлять въ своемъ составѣ по возможности систематическія коллекціи предметовъ, исчерпывающія тѣ части въ области спеціальныхъ естественно-историческихъ и техническихъ наукъ, которыя имѣютъ соприкосновеніе съ обыденной жизнью и ея практическими требованіями.... Политехническая выставка составитъ родъ временнаго музея, *исключающаго лишнія повторенія* и стремящагося представить возможно наглядную и понятную картину современнаго состоянія различныхъ вопросовъ практической жизни. *Общедоступность содержанія, интересъ его, какъ для спеціалистовъ, такъ и для массы публики, возможность вызвать полезныя послѣдствія полезными указаніями—являются главными задачами предпріятія*, и оно естественно должно совмѣстить поэтому бóльшій рядъ выгодъ и результатовъ, какъ для публики, такъ и для разныхъ отраслей промышленности, хозяйства и искусствъ, чѣмъ могли этого достигнуть выставки ману-

---

[1]) Кстати, еще примѣръ нераспорядительности. У одной аллеи стоитъ столбикъ съ надписью: «входъ въ манежъ». Манежа около не видно, а стрѣлки, указывающей направленіе, въ которомъ слѣдуетъ его искать, не нарисовано.

фактурныя, сельско-хозяйственныя и другія, основанныя на принципѣ сравнительнаго поощренія. Исключая принципъ поощренія и всякое соревнованіе на выставкѣ между отдѣльными производителями, политехническая выставка представляетъ весьма существенную особенность и въ самомъ допущеніи экспонентовъ къ участію въ выставкѣ".

Нельзя не признать этой идеи прекрасною, но въ то же время сама нынѣшняя выставка доказываетъ, какъ мы увидимъ, что эта идея неприложима, а потому въ практической жизни малоцѣнна.

II.

Сегодня я провелъ день въ первомъ кремлевскомъ саду, въ которомъ находится большинство отдѣловъ выставки; а именно: прикладной ботаники и садоводства, промысловыхъ животныхъ, геолого-минералогическій и горнозаводскій, педагогическій, кустарной промышленности, техническій, часть медицинскаго, туркестанскій, кавказскій и дѣйствующихъ машинъ. Одно такое перечисленіе и притомъ одного перваго сада говоритъ достаточно, что отъ одного лица нельзя ожидать полнаго отчета о политехнической выставкѣ въ Москвѣ; это можетъ быть результатомъ развѣ коллективнаго труда многихъ и многихъ спеціалистовъ.

Я обѣщаю воздержаться отъ подробностей даже и въ тѣхъ отдѣлахъ, которые входятъ въ кругъ моей спеціальности, и останусь вездѣ вѣренъ своей ролѣ туриста.

Подъѣзжая къ выставкѣ съ Воскресенской площади, я могъ начать свой обзоръ наиболѣе удобно, т.-е. съ перваго сада. Отдѣлу садоводства (№ 1 и 2), который у самаго входа, я удѣлилъ, въ чемъ и каюсь, очень немного времени. Для непосвѣщенныхъ въ садовую науку этотъ отдѣлъ мало интересенъ. Правда, я видѣлъ въ немъ великолѣпные образцы пальмъ *комнатной* культуры; но, увы! въ комнатахъ, которыя служатъ жилищемъ обыкновеннымъ смертнымъ, подобныхъ пальмъ ни за что не вывести: они любятъ покои, способные вмѣстить сотни людей, въ которыхъ однако обитало бы не болѣе двухъ или трехъ счастливцевъ, и уходъ отличнаго садовника. Заслуживаютъ также вниманія образцы восковыхъ моделей доктора Циглера изъ Фрейбурга, служащіе для исторіи развитія зародышей растеній. Что касается до выставленныхъ тутъ же искусственныхъ цвѣтовъ госпожи Крамида, то многіе изъ нихъ дѣйствительно прекрасны, но есть и чисто лубочные произведенія, напр., образчикъ моркови; нехороши также листья у образцовъ смородины.

Послѣ отдѣла садоводства я посѣтилъ небольшой павильонъ № 9, гдѣ можно любоваться каменными граненными, очень цѣнными издѣ-

ліями [1]) и затѣмъ вступить въ отдѣленіе (№ 8) геолого-минералогическое и горнозаводское. При самомъ входѣ помѣщены модели инструментовъ, употребляемыхъ при буравленіи артезіанскихъ колодцевъ. Спеціалистъ этого дѣла, горный инженеръ Никольскій, любезно знакомилъ желающихъ съ важнѣйшими частностями и трудностями подобныхъ предпріятій. Далѣе, вы видите издѣлія нашихъ замѣчательнѣйшихъ горныхъ заводовъ [2]); образцы рудъ [3]), какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ; образцы сибирскаго и финляндскаго графита; массу моделей (употребительныхъ и даже неупотребительныхъ) устройствъ для механической и химической обработки рудъ; много прекрасныхъ орографическихъ и геологическихъ картъ, виды горныхъ мѣстностей и портреты геологовъ, минералоговъ и химиковъ. Наибольшее же вниманіе посѣтителей останавливаютъ модели соляного производства и каменноугольная часть отдѣла. Здѣсь, между прочимъ, имѣется модель въ натуральную величину угольнаго рудника, въ которомъ посаженъ манекенъ работника, ломающаго уголь. Въ этой части павильона, среди образцовъ русскаго угля изъ различныхъ мѣстностей, нельзя не застояться. Боже мой, думаешь невольно, какъ мы богаты минеральнымъ топливомъ, которымъ не можемъ однако пользоваться изъ-за дороговизны доставки [4]). Кто былъ на выставкѣ, тотъ вѣроятно не пропустилъ этой части павильона и обратилъ вниманіе на находящуюся здѣсь громадную глыбу антрацита, свидѣтельствующую о толщинѣ слоевъ и богатствѣ донецкихъ залежей. Въ этой глыбѣ мы видимъ искру надежды сохранить отъ лѣсовъ хотя остатки. Въ томъ же павильонѣ обращаетъ на себя вниманіе модель горнозаводской проволочной желѣзной дороги, системы Христіана Таля. Канаты протянуты на такой высотѣ отъ земли, чтобы подъ ними могли висѣть вагоны, имѣющіе колесныя оси сверху. Говорятъ, что, при обрывѣ одной проволоки, вагоны только наклоняются немного, но могутъ продолжать свое движеніе. Эта модель интересна и для спеціалистовъ, и для людей совершенно незнакомыхъ съ подобными дорогами. Вообще относительно этого отдѣла мы можемъ сказать, что задача, которую имѣли въ виду его учредители, выполнена весьма удовлетворительно и безъ отступленій. Отдѣлъ желалъ дать публикѣ „наглядное объясненіе наружнаго образованія земного шара съ помощью картъ,

---

1) Изъ прекрасныхъ вещей здѣсь выставленныхъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе мозаичные столики и шкатулка, бывшіе на парижской выставкѣ и принадлежащіе Государынѣ Императрицѣ, и малахитовый столъ отъ Шпергазе.

2) Интересна проволока, экспонированная гг. Балашевыми, которой кусокъ вѣсомъ около 10 фунтовъ, говорятъ, имѣетъ въ длину около 9 верстъ.

3) Мѣдный самородокъ, выставленный Поповымъ вѣситъ около 24 пудовъ.

4) Такъ, напримѣръ, Донецкій антрацитъ на мѣстѣ стоитъ около 8 коп. за пудъ, а въ Царицынѣ обойдется около 23 коп. за пудъ!

рельефовъ, разрѣзовъ и таблицъ; внутреннее образованіе земной коры также съ помощью разрѣзовъ, картъ, палеонтологическихъ и геогностическихъ коллекцій; горныя работы и инструменты, употребляемые вообще при горныхъ работахъ; инструменты и снаряды, употребляемые для горныхъ развѣдокъ; буровыя работы; выработка развѣданныхъ мѣсторожденій; способы освобожденія рудниковъ отъ воды, ихъ освѣщеніе и провѣтриваніе; тушеніе рудничныхъ пожаровъ; доставка добытыхъ матеріаловъ; заводская обработка рудъ, съ показаніемъ моделей машинъ, орудій, печей и различныхъ стадій продуктовъ; фабричныя и художественныя произведенія изъ минераловъ и минералогическія систематическія собранія". Вотъ цѣль, которую имѣли въ виду учредители; павильонъ № 8 даетъ, впрочемъ, больше. Въ немъ устроено еще особенное отдѣленіе для лѣсной горнозаводской промышленности, не успѣвшее войти даже въ „Общее обозрѣніе выставки". Это отдѣленіе—изъ двухъ частей: статистической, состоящей изъ собранія картъ, рисунковъ и таблицъ, относящихся къ лѣснымъ дачамъ при горныхъ заводахъ Россіи, и технической, состоящей изъ собранія моделей печей для переугливанія дерева и сараевъ для храненія угля. Выставленные образцы составляютъ идеалъ углежженія: мы видѣли, напримѣръ, полѣно, обращенное въ легкій, немаркій уголь, и совершенно неизмѣнившее своей первоначальной формы. Нельзя не замѣтить однако, что это отдѣленіе помѣстилось весьма неудачно. На выставкѣ имѣется особый лѣсной павильонъ, составляющій коллекцію моделей по углежженію, и притомъ тѣхъ способовъ, которые въ Россіи наиболѣе употребительны. Еслибъ лѣсное отдѣленіе горнаго павильона вошло, какъ бы слѣдовало, въ составъ лѣсного отдѣла, то коллекціи взаимно дополняли бы другъ друга, и всякій одновременно видѣлъ бы углежженіе, и какъ оно есть, и какимъ должно быть.

По выходѣ изъ павильона № 8, нельзя было не обратить вниманія на прекрасные жернова (уральскіе, французскіе и нѣмецкіе), помѣщенные снаружи.

Слѣдующій отдѣлъ, по порядку расположенія, туркестанскій (№ 25). Этотъ отдаленный край явился на выставку съ особою, самостоятельною цѣлью — напомнить о себѣ соотечественникамъ и наглядно познакомить ихъ, какъ съ своими туземными обычаями, такъ и со всѣми своими произведеніями, начиная отъ мѣстныхъ солитеровъ, такихъ же гадкихъ, какъ и ихъ европейскія братья, пріютившихся въ павильонѣ № 3, и съ промыслами. Петербургскимъ жителямъ этотъ край имѣлъ уже честь представиться два раза: единолично, въ 1869 году, и въ составѣ мануфактурной выставки въ 1870 г. Вообще его нельзя назвать скромной, застѣнчивой барышней; напротивъ, онъ напоминаетъ собою бравую особу, рѣшившуюся непремѣнно и хорошо пристроиться. На политехнической выставкѣ онъ экспонируется очень умно, полно и ин-

тересно; для устныхъ объясненій имѣется лицо весьма любезное и хорошо знакомое съ краемъ; вообще этотъ азіатецъ ведетъ себя здѣсь, какъ джентльменъ. Туркестанскій отдѣлъ начинается съ самаго фасада занимаемаго имъ павильона, который скопированъ съ самаркандскихъ древнихъ медрессе (духовное училище) [1]). Указатель дробитъ все выставленное на двѣ главныя части: географическую, состоящую изъ рисунковъ и картъ (громадная десятиверстная карта края занимаетъ одну изъ стѣнъ лѣваго, отъ входа, зала), и естественно-историческую. Подъ послѣднимъ наименованіемъ разумѣется все, что имѣется въ павильонѣ по частямъ: минералогической, зоологической, антропологической, сельско-хозяйственной, технической, этнографической и военной. Обозрѣвая эти части, вы легко переноситесь въ изображаемый ими край и наглядно знакомитесь съ его средствами и особенностями. Не удивительно по этому, что въ этомъ отдѣлѣ постоянно толпятся посѣтители и, какъ мы замѣтили, съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за устными объясненіями. Насъ всегда и наиболѣе интересуютъ разсказы двухъ родовъ: или о томъ, что совсѣмъ близко — объ окружающемъ, или о людяхъ и странахъ наиболѣе отдаленныхъ и отличныхъ отъ всего, къ чему мы привыкли. Казалось бы поэтому, что и мнѣ слѣдуетъ описать все, содержимое этимъ отдѣломъ; но это значитъ составить книгу, а я пишу къ вамъ письма съ дороги и прогуливаюсь по выставкѣ, какъ говорится, не по службѣ, а для своего удовольствія. Простите поэтому, если я скажу здѣсь единственно о томъ, чтó остановило на себѣ мое вниманіе, безъ претензій указывать наиболѣе важное. Въ зоологическомъ отдѣленіи туркестанскаго отдѣла мое вниманіе занялъ слѣдующій разсказъ указателя: „Изъ паразитовъ человѣка, наблюдавшихся въ Туркестанѣ, особенно интересна *ришта* (Filaria medinensis), которая въ теченіи лѣта появляется подъ кожей у жителей Джюзака и Бухары. Зародыши ея живутъ въ водѣ, гдѣ попадаютъ въ маленькихъ водяныхъ рачковъ, циклоповъ, въ нихъ развиваются далѣе и съ питьемъ попадаютъ въ человѣка, у котораго на слѣдующее лѣто и обнаруживаются подъ кожей. Вынимается ришта у людей туземными цирюльниками“. Въ мѣстномъ земледѣліи и представительницѣ его — сельско-хозяйственной части туркестанскаго отдѣла, наиболѣе характерную особенность составляетъ орошеніе. Кромѣ ячменныхъ и пшеничныхъ полей, всѣ остальныя, вслѣдствіе мѣстныхъ климатическихъ условій, нуждаются въ искусственномъ орошеніи и при томъ не въ одинаковой степени; такъ рисовыя поля должны оставаться подъ водою до наступленія жатвы; другія нуждаются въ пе-

[1]) Въ книгѣ «Общее обозрѣніе выставки» имѣется прибавленіе, гдѣ, стр. V, подробно и хорошо описанъ Туркестанскій отдѣлъ. Кромѣ того въ отдѣлѣ продается интересный сборникъ: «Русскій Туркестанъ».

ріодическомъ орошеніи и каждый разъ на нѣсколько часовъ; третьи, наконецъ, требуютъ только канавокъ между посѣянными рядами растеній, при чемъ вода изъ канавокъ всасывается почвою и этого вполнѣ достаточно. На основаніи такихъ неодинаковыхъ требованій мѣстные жители стараются расположить свои поля въ видѣ террасъ, уступами. Техническая часть отдѣла плохо рекомендуетъ край, хотя она и довольно разнообразна; здѣсь имѣются произведенія изъ хлопка, шерсти, шелку, камыша, хлѣба, винограда и пр. Мою сосѣдку больше заняли произведенія мѣстныхъ ювелировъ и золотошвейныхъ мастеровъ. На выставкѣ имѣется коллекція лучшихъ работъ этого рода, составленная изъ вещей, поднесенныхъ въ подарокъ Государю Императору и туркестанскому генералъ-губернатору. Но даже эти вещи вблизи неудовлетворительны. Къ тому же, говорятъ, что мѣстные ювелиры по преимуществу употребляютъ фальшивые камни для составленія драгоцѣнныхъ украшеній. Наибольшаго вниманія посѣтителей туркестанскаго отдѣла заслуживаетъ его этнографическое отдѣленіе. Большинство манекеновъ, помѣщенныхъ здѣсь какъ отдѣльными фигурами, такъ и группами, настолько порядочно, что при нѣкоторомъ воображеніи они легко представляются живыми картинами изъ мѣстной жизни, домашней и публичной. Вотъ, напримѣръ, предъ вами какъ бы средне-азіатская базарная площадь: вы видите и дувана (монахъ *нищенствующаго* ордена), пришедшаго за сборомъ подаяній всякаго рода; и сартянку, которой лицо скрыто подъ густою сѣткой изъ конскаго волоса; и поливальщика улицъ—представителя особой мѣстной профессіи; и еврея, обрившаго себѣ голову по мусульманскому обычаю, но и здѣсь, какъ вездѣ, сохранившаго свою вѣру, народность и пейсы; наконецъ, вотъ и киргизское семейство, пробирающееся чрезъ базарную площадь въ степь со всѣмъ скарбомъ на двухъ верблюдахъ, а впереди ихъ, на осѣдланномъ быкѣ, самого хозяина. Далѣе, цирюльня, харчевня, чайная съ тульскимъ самоваромъ, мелочная лавка, магазинъ готоваго платья, женская комната сартянскаго дома и пр.—словомъ, вы въ четверть часа знакомитесь съ главными особенностями обстановки средне-азіатскаго быта. Для полноты впечатлѣнія слѣдуетъ еще посѣтить киргизскую юрту или кибитку, поставленную снаружи у входа въ отдѣлъ и наполненную хозяйственными принадлежностями богатаго кочевника. Въ кибиткѣ находятся девять манекеновъ, представляющихъ киргизовъ разнаго пола и возраста. Говорятъ, что въ хорошей кибиткѣ и зимой тепло и что (отмѣчаю для нашихъ дачниковъ) весь этотъ степной домъ можно въ четверть часа разобрать, навьючить на двухъ или трехъ верблюдовъ и отправиться въ перекочевку. Богатый киргизъ обыкновенно имѣетъ нѣсколько юртъ и нѣсколько женъ (до семи), живущихъ каждая въ особой юртѣ; при чемъ самъ хозяинъ, имѣя резиденцію у старшей, посѣщаетъ остальныхъ поочередно, какъ бы го-

стемъ. Какъ ни благоразумно размѣщеніе женъ по отдѣльнымъ юртамъ, но надо полагать, что это не избавляетъ хозяина отъ семейныхъ сценъ и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ начнетъ сбиваться въ очереди посѣщеній.

Осмотрѣвъ бѣгло нѣсколько отдѣльныхъ павильоновъ съ серебряными и золотыми вещами (16, 17 и 19) и затѣмъ павильоны, способные заинтересовать однихъ медиковъ, напримѣръ, терапевтическій и зубной [1]), или никого, напримѣръ, парфюмернаго и кондитерскаго производства безъ производства, я посѣтилъ раздѣленныхъ сіамскихъ близнецовъ, т.-е. такъ-называемые мануфактурный и техническій отдѣлы (№№ 14 и 15, въ послѣднемъ много иностранныхъ экспонентовъ). Въ этихъ отдѣлахъ, какъ и въ голландской линіи Гостинаго двора, требуется *опытное* и спеціальное око для отличія хорошаго отъ дурного, дешеваго отъ дорогого, почему прошу позволенія пройти молчаніемъ качества мануфактурныхъ издѣлій. Но задача выставки заключается, между прочимъ, въ ознакомленіи посѣтителей не только съ издѣліями, но и съ самыми производствами. Удовлетвореніе этой цѣли въ павильонахъ №№ 14 и 15 было неудобно, а потому большинство изъ дѣйствующихъ механизмовъ мануфактурнаго производства помѣщено въ другомъ мѣстѣ и именно въ манежѣ (№ 30). Срединою технологическаго павильона овладѣлъ кавказскій край. Онъ явился на выставку не для похвальбы своимъ жиденькимъ прогрессомъ, какъ умственнымъ, такъ и техническимъ; а напротивъ, съ прямодушнымъ и серьезнымъ упрекомъ своимъ завоевателямъ. Собравъ все, что только власть можетъ собрать въ странѣ, „гдѣ огромное большинство производителей не понимаетъ значенія выставокъ“ [2]), этотъ изящный и богатый край, какъ бы говоритъ посѣтителямъ: „Неужели, россъ, ты потратилъ для овладѣнія мною такъ много своихъ силъ, чтобы потомъ забыть о моемъ существованіи! Неужели ты прогналъ моихъ полудикихъ обитателей только для того, чтобы окончательно сгубить мои орѣховые и пальмовые лѣса [3]), чтобы по прежнему давать киснуть моимъ прекраснымъ винамъ [4]), а моимъ пчеламъ дичать въ аромат-

---

[1]) Здѣсь имѣется аппаратъ, выдергивающій больной зубъ безъ боли, но съ платою, кажется, 20 рублей.

[2]) См. Обозрѣніе выставки стр. I.

[3]) Неразсчетливая рубка орѣховаго дерева и нераціональный способъ добыванія наплыва угрожаютъ скорымъ изчезновеніемъ этаго дерева изъ лѣсовъ Закавказья... То же самое нужно сказать и о кавказской пальмѣ, безъ сожалѣнія истребляемой мѣстными промышленниками. См. Обозр. выст., стр. III.

[4]) Пріемы обработки винограда до того просты и чужды всякаго искусства, что получаемый продуктъ, за немногими исключеніями, можетъ держаться только до слѣдующаго урожая и неспособенъ къ перевозкѣ на отдаленныя разстоянія... Отчего бы русскимъ капиталистамъ необратить вниманіе на эту отрасль промышленности. См. Обозр. выст., стр. II.

ныхъ лугахъ [1]). Неужели на моихъ тучныхъ, горныхъ пастбищахъ ты не въ силахъ развить молочнаго хозяйства" [2]), и т. д. Къ этой воображаемой рѣчи мнѣ остается прибавить только, что въ кавказскомъ отдѣлѣ есть на что посмотрѣть и любителямъ оригинальныхъ вещицъ, и что въ немъ же помѣстилось наибольшее число швейныхъ машинъ, которыя, въ качествѣ приживалокъ, встрѣчаются во многихъ отдѣлахъ. Посѣтители, повидимому, нисколько не интересуются послѣдними, а зауряд не обращаютъ вниманія и на новинку, самодѣйствующую швейную машину.

Познакомившись затѣмъ съ фабрикаціей шпалеръ (въ № 18), я вошелъ въ небольшой павильонъ кустарной промышленности (№ 13), относительно которой различные обозрѣватели выставки не могутъ сойтись во взглядахъ. Одни говорятъ, что машинная фабрикація настолько выгоднѣе ручной, что поддерживать и улучшать послѣднюю, т.-е. такъ-называемую кустарную промышленность, въ нашъ вѣкъ „чистая блажь", безсмыслица. Другіе, на сторону которыхъ и мы становимся, относятся къ вопросу иначе. Соглашаясь въ отсутствіи будущаго у кустарной промышленности, они помнятъ, что *кустарниковъ* въ Россіи сотни тысячъ, почти не цѣнящихъ своего времени въ теченіи долгихъ зимъ или занимающихся ручной фабрикаціей круглый годъ, вслѣдствіе дурного качества окружающихъ земель и давняго обычая. Поэтому гуманно и либерально относится къ вопросу не тотъ, который, забывая кустарниковъ, презрительно смотритъ на кустарную промышленность съ высоты многоэтажной фабрики, а тотъ, кто или указаніемъ лучшихъ ручныхъ пріемовъ старается сдѣлать трудъ кустарниковъ болѣе выгоднымъ, или надѣется распространеніемъ въ ихъ кругу техническаго образованія, безъ насилій сосредоточить вниманіе этой массы производителей на такихъ ручныхъ работахъ, которыя не особенно боятся сосѣдства большихъ фабрикъ. Мы думаемъ, поэтому,

---

[1]) Роскошная флора и теплый климатъ Закавказья вполнѣ благопріятствуютъ успѣшному пчеловодству... Несмотря на это, между Закавказскими хозяевами нельзя указать ни на одного, у котораго пчеловодство было бы въ значительныхъ размѣрахъ. См. О. В., стр. II.

[2]) Обиліе горныхъ пастбищъ во многихъ мѣстностяхъ Закавказья, съ древнѣйшихъ временъ возвели въ этомъ краѣ скотоводство на степень первостатейнаго промысла, а произведенія его, между которыми сыръ занимаетъ главное мѣсто, составляютъ насущную потребность туземнаго населенія. Между тѣмъ... продуктъ этотъ всюду обработывался въ краѣ весьма небрежно, не имѣлъ прочности и сбывался за безцѣнокъ. Администрація края, въ видахъ улучшенія за Кавказомъ этой отрасли хозяйства, въ 1861 году выписала изъ Швейцаріи сыродѣлателей для образовавшейся въ колоніи Александерсгильфъ (въ 45-ти верстахъ отъ Тифлиса) сыродѣльной ассоціаціи. Кромѣ того, въ 1863 году была выдана ссуда въ 21 т. р. прусско-подданному барону Кученбаху на устройство молочной фермы въ урочищѣ Манутли (въ 100 в. отъ Тифлиса). См. О. В., стр. I.

что нельзя не одобрить: и комитета выставки за мысль представить на ней какъ существующіе у насъ, такъ и улучшенные пріемы ручныхъ работъ, и вятскаго губернскаго земства, которое, какъ я слышалъ, въ видахъ усовершенствованія кустарной промышленности, послало на выставку отъ каждаго уѣзда нѣсколькихъ ремесленниковъ при руководителѣ. Не входя затѣмъ въ безполезную оцѣнку выставленныхъ произведеній, я ограничусь простымъ перечисленіемъ группъ,— перечисленіемъ, которое покажетъ разнообразіе кустарной промышленности. Вотъ группы: 1) льняныя и пеньковыя ткани отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тонкихъ великосельскихъ полотенъ; 2) оренбургскія сукна, кружева и весьма изящныя издѣлія изъ козьяго пуха; 3) валеныя издѣлія изъ овечьей и коровьей шерсти; 4) домашняя утварь; 5) трубки, табакерки, деревянные замки и т. п.; 6) одежды изъ овчинъ и мерлушекъ; 7) кузнечныя издѣлія; 8) рогожи, кули, циновки и прочія издѣлія изъ мочалы, лыка и древесныхъ вѣтвей; 9) крестьянскія шерстяныя издѣлія; 10) снасти; 11) гончарныя издѣлія; 12) кожаная обувь; 13) ярославскія полотна; 14) орудія, употребляемыя при тканьѣ холстовъ и приготовленіи пряжи; 15) русскія кружева и орудія для плетенія ихъ; 16) дуги и оглобли; 17) сундуки и шкатулки; 18) струны; 19) женскіе крестьянскіе наряды и полотенцы; 20) игрушки; 21) издѣлія изъ рога, и 22) щетина. Кромѣ того имѣются въ томъ же павильонѣ кожаныя издѣлія Шувалова, а рядомъ раскинута киргизская кибитка съ издѣліями Внутренней Букеевской Орды.

Павильонъ охоты (№ 7) декорированъ красиво, но интересенъ только для аматера-охотника. Я, лично, взглянулъ на него разсѣянно, спѣша воспользоваться послѣдними часами для осмотра павильоновъ (3, 4, 5 и 6) отдѣла промысловыхъ животныхъ. Предметы, входящіе въ составъ послѣдняго, относятся къ тѣмъ промысламъ и производствамъ, которыя связаны съ разведеніемъ и ловлею полезныхъ животныхъ и обработкою, какъ отдѣльныхъ частей ихъ, такъ и вообще продуктовъ животнаго царства. Здѣсь вы видите хорошій скелетъ кита и всѣ орудія его ловли, а по картинамъ и моделямъ можете наглядно познакомиться съ этимъ опаснымъ промысломъ; далѣе: уральскій рыбный промыселъ—въ картинахъ, моделяхъ и настоящихъ рыболовныхъ орудіяхъ; всѣ принадлежности искусственнаго разведенія рыбъ [1]); рыболовныя принадлежности изъ разныхъ мѣстъ; большой выборъ мѣховъ и кожъ; коллекцію чучелъ и головъ рогатаго скота англійскихъ породъ; коллекцію швейцарскихъ домашнихъ животныхъ; собраніе домашнихъ животныхъ

[1]) Экспонентъ полагаетъ, что его препараты настолько изящны, что могутъ стоять въ большихъ гостинныхъ, а слѣдовательно, самое рыборазведеніе можетъ служить темою разговора хозяйки съ гостями.

и ихъ дикихъ родичей; собраніе домашнихъ птицъ, изъ которыхъ, благодаря парижской осадѣ, наиболѣе останавливаются предъ почтовыми голубями, и собраніе полезныхъ и вредныхъ безпозвоночныхъ. Въ послѣднемъ отдѣленіи посѣтители получаютъ обстоятельныя устныя объясненія всѣхъ выставленныхъ коллекцій. Вообще же этотъ павильонъ весьма неполонъ, и его нельзя признать ни за русскаго, ни за космополита. Если бы его коллекціи были размѣщены по другимъ отдѣламъ и преимущественно въ сельско-хозяйственномъ, то осмотръ ихъ приносилъ бы большую пользу. Къ отдѣлу же промысловыхъ животныхъ относятся: голубятня (№ 6), куда я не лазилъ; шелководство (№ 5)—гдѣ въ десять минутъ можете узнать главныя черты этого промысла и видѣть, какъ дѣлается бархатъ; и пчеловодство (№ 4). Около павильона № 4 помѣщается цѣлая коллекція образцовыхъ ульевъ, а между ними, подальше отъ глазъ, положены незатѣйливыя болванки, которыя именно и употребляются нашими крестьянами. Между выставленными образцами меда есть сортъ дѣйствительно замѣчательный по нѣжности вкуса—нектаринъ.

III.

Вчера я провелъ на выставкѣ восемь часовъ, обнаруживъ изумительное прилежаніе, и все-таки не успѣлъ познакомиться со всѣми павильонами перваго кремлевскаго сада, который, впрочемъ, особенно интересенъ и богатъ самымъ разнороднымъ содержаніемъ. Мнѣ осталось еще видѣть въ немъ педагогическіе павильоны и отдѣлъ дѣйствующихъ машинъ. Къ педагогическому отдѣлу относятся: 1) фребелевскій павильонъ (№ 11), построенный на средства отдѣла; 2) зданіе для школы (№ 12)—отъ министерства народнаго просвѣщенія, и 3) педагогическій отдѣлъ военнаго министерства (хоры въ № 30). Фребелевскій павильонъ состоитъ изъ трехъ частей: дѣтскаго сада, собранія учебныхъ пособій для слѣпыхъ и собранія учебныхъ пособій для глухонѣмыхъ. Этотъ маленькій павильонъ имѣетъ серьезную педагогическую идею, хорошо осуществленную, и когда будетъ готовъ къ нему указатель, то онъ можетъ быть сдѣлается любимцемъ молодыхъ матерей; сколько мы могли замѣтить, здѣсь собрано все, что даютъ Фребель и его подражатели, и кромѣ того здѣсь часто можно встрѣтить лицъ знакомыхъ съ педагогическимъ дѣломъ, чтобы побесѣдовать и о фребелевскомъ методѣ, и объ его примѣненіяхъ, и примѣнителяхъ. Въ отдѣленіи слѣпыхъ обращаютъ на себя вниманіе ручныя работы. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько трудны и хороши, что даже, какъ-то невѣрится, чтобы они были сполна произведеніемъ слѣпого; а между тѣмъ это дѣйствительно такъ. Для бо́льшаго убѣж-

денія въ этомъ зрителей-скептиковъ, предполагается пригласить слѣпыхъ мастеровъ работать въ этомъ павильонѣ въ присутствіи зрителей. Павильонъ министерства народнаго просвѣщенія по архитектурному зданію представляетъ собою для образца двухклассное училище съ квартирами для учителей. По мнѣнію многихъ, архитекторъ исполнилъ свою задачу удовлетворительно. Что же касается до предметовъ, книгъ и вообще школьныхъ принадлежностей, находящихся въ этихъ комнатахъ, то они расположены такъ безпорядочно и несистематично, что посѣтитель остается въ крайнемъ недоумѣніи относительно назначенія всего имъ видимаго. Вы встрѣтите здѣсь и руководства къ изученію древнихъ языковъ, и книги для первоначальнаго обученія, и собраніе учебниковъ, написанныхъ учителями какой-то гимназіи, и рукодѣлья, и наконецъ, цѣлый кабинетъ учебныхъ пособій Юл. Симашко. Всѣ эти разношерстныя книги и вещи расположились каждая по своей единичной прихоти; отчего, по мнѣнію всѣхъ, съ кѣмъ я только говорилъ, двухклассное училище представило хаотическій видъ. Бродя въ недоумѣніи по комнатамъ училища, я увидѣлъ въ одной изъ нихъ стѣнные часы съ циферблатомъ грубо-синяго цвѣта. Безвкусіе окраски обратило на себя мое вниманіе, я сталъ разспрашивать и узналъ слѣдующее: въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, имѣется село Спасо-Деминское, состоящее исключительно изъ некрупныхъ купцовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе торговля деминскихъ жителей, по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, пришла въ упадокъ, и они начали бѣднѣть все болѣе и болѣе. Обратиться къ сельскому хозяйству не позволяли ни качество земли, ни привычка; усилія же инспектора народныхъ училищъ познакомить подростающее поколѣніе съ разными мастерствами, были безплодны до тѣхъ поръ, пока онъ не завелъ въ школѣ обученіе часовому ремеслу. Это ремесло было принято стариками благосклонно и привилось въ селѣ легко и быстро. Часы, висѣвшіе на стѣнѣ, присланы были на выставку именно изъ этой Новой-Женевы. Хоры манежа (№ 30) заняты образцами издѣлій учениковъ техническихъ школъ и классными пособіями нѣсколькихъ иностранныхъ и нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Коллекціямъ послѣднихъ принадлежитъ безспорно пальма первенства. При отсутствіи хорошей системы чуть не во всѣхъ отдѣлахъ, особенно пріятно остановиться въ педагогическомъ отдѣленіи военнаго министерства, гдѣ учебныя пособія такъ распредѣлены, что даже не чувствуется потребности въ указателѣ. Это отдѣленіе не что иное, какъ краткая копія съ педагогическаго музея Соляного-городка, и для петербуржца оно полезно въ томъ отношеніи, что непремѣнно вызоветъ въ немъ желаніе познакомиться съ оригиналомъ, который у него подъ бокомъ, но который, „за множествомъ другихъ дѣлъ“, онъ можетъ быть не успѣлъ еще посѣтить. На хорахъ же находится ветеринарный отдѣлъ.

Съ хоръ обозрѣватель можетъ спуститься въ отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ, въ которомъ съ удовольствіемъ и пользою проведетъ часа два времени, но описать которое рѣшительно нельзя. Здѣсь, какъ говорится: „чего хочешь, того просишь". Предъ вашими глазами крутятъ сигары, набиваютъ папиросы, шьютъ зонтики, мелютъ хлѣбъ, вышиваютъ золотомъ, растираютъ краски, набиваютъ шали, готовятъ искусственныя шипучія воды, дѣлаютъ спички и пр. и пр.

Во второмъ кремлевскомъ саду, въ который я могъ перейти только къ вечеру, находится пять отдѣловъ: медицинскій, лѣсной, прикладной физики, сельско-хозяйственный, почтъ и телеграфовъ и домоводства.

Рядомъ находится большое полукруглое зданіе (№ 40) лѣсного отдѣла, а предъ нимъ небольшой питомникъ (41). Этотъ отдѣлъ составленъ дѣльно и полно, но размѣщеніе предметовъ неудовлетворительно, что, при отсутствіи указателя, особенно бросается въ глаза. Впрочемъ въ 40-мъ павильонѣ имѣется въ извѣстные часы [1]) лицо, которое своими устными объясненіями замѣняетъ отсутствіе указателя. Лѣсной павильонъ состоитъ изъ четырнадцати отдѣленій, которыя при хорошемъ расположеніи могли бы легко познакомить какъ со всѣми подробностями лѣсного хозяйства, такъ и съ эксплуатаціей лѣсовъ. Первое отдѣленіе — историческое: здѣсь вы видите портретъ императора Петра Великаго, основателя лѣсного дѣла въ Россіи; картину собственноручной посадки Петромъ вязовыхъ деревьевъ въ рижскомъ саду въ 1721-мъ году; фотографическій снимокъ съ дуба, посаженнаго Петромъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ; портреты (безъ подписей) и бюсты лицъ, способствовавшихъ успѣхамъ лѣсного хозяйства въ Россіи и планъ одной изъ лѣсныхъ дачъ въ Финляндіи, искусственно возращенной по повелѣнію Петра. Второе отдѣленіе — географіи и статистики—состоитъ изъ картъ и таблицъ, которые хотя и убѣдятъ посѣтителя, что въ Россіи еще много лѣсовъ, но нисколько не успокоятъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердятъ извѣстную горькую истину, что въ жилыхъ мѣстахъ лѣсъ почти уже истребленъ. Третье отдѣленіе—дендрологіи (лѣсные гербаріи и образцы древесины). Четвертое—лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія. Пятое—лѣсовозращенія, гдѣ лѣсохозяева могутъ фактически убѣдиться въ пользѣ *прочистокъ*. Шестое — лѣсохраненія; здѣсь собраны образчики поврежденій, которыя наносятся лѣсамъ: морозомъ, солнцемъ, молніей, навалами снѣга, растеніями, животными, болѣзнями, и наконецъ людскою безпорядочностью. Седьмое — геодезическое. Восьмое — лѣсной таксаціи и лѣсоустройства. Девятое — эксплуатаціи. Содержаніе этого отдѣленія въ

---

[1]) Въ отдѣлахъ, гдѣ бываютъ устныя объясненія, они происходятъ почти одновременно, съ $11^1/_2$ до 4, что для посѣтителей очень неудобно.

такой степени обильно и разнообразно, что, несмотря на интересъ предмета, я не признаю за собой даже права перечислить его сполна: здѣсь множество орудій для нумерованія срубки, спилки и раскалыванія деревьевъ и корчеванія пней, модели складки дровъ, лѣсопилень, крестьянскихъ построекъ, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, образцы топлива, строевого и бочарнаго лѣса, досокъ, ободьевъ, дугъ, дубильнаго матеріала, мочальное производство, издѣлія изъ бересты, украшенія изъ древесныхъ сѣмянъ, образцы орѣховаго и буковаго масла, торфяное производство и всѣ прочіе виды пользованія лѣсомъ. Десятое отдѣленіе дополняетъ предыдущее, знакомя посѣтителя съ добываніемъ древеснаго угля, кислоты, смолы, скипидара, пека, вара, канифоли и дегтя. Одиннадцатое — добываніе лѣсной шерсти. Двѣнадцатое—сухопутныя и водяныя перевозочныя средства. Къ тринадцатому отнесены немногія коллекціи по части анатоміи и физіологіи древесныхъ растеній; а къ четырнадцатому—нѣсколько моделей домовъ лѣсничихъ. Изъ вышесказаннаго видно, что 40-й павильонъ имѣетъ всѣ средства, которыя необходимы для легкаго и нагляднаго ознакомленія съ лѣснымъ хозяйствомъ и промысломъ; но, какъ уже замѣчено, неудовлетворительное расположеніе выставленныхъ предметовъ и отсутствіе указателя устраняютъ достиженіе означенной цѣли.

Изъ лѣсного вы переходите въ отдѣлъ ему родственный: сельскаго хозяйства, домоводства и сельскихъ построекъ (№№ 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51). „Коллекціи и предметы, входящіе въ сельско-хозяйственный отдѣлъ, распадаются,—говоритъ Обозрѣніе,—на двѣ главныя части: 1) по земледѣлію и 2) по скотоводству, которыя въ свою очередь подраздѣляются каждая на нѣсколько отдѣленій. Всѣ коллекціи размѣщены въ такомъ порядкѣ, чтобы посѣтители могли прослѣдить послѣдовательно все сельское хозяйство, начиная отъ ученія о почвѣ до культуры отдѣльныхъ растеній и промышленнаго назначенія послѣднихъ. Предметы и коллекціи отъ частныхъ экспонентовъ, за исключеніемъ машинъ и орудій въ натуральную величину, отнесены въ соотвѣтствующія отдѣленія, чтобы по возможности сохранить вполнѣ цѣльность каждаго отдѣленія“. Распорядителямъ удалось осуществить свою программу, и сельскій хозяинъ изъ посѣщенія этого павильона вынесетъ, конечно, и нѣкоторую пользу и удовольствіе. Онъ встрѣтитъ здѣсь приборы для механическаго анализа почвъ; образцы почвъ примитивныхъ, наносныхъ и образовавшихся при участіи растеній; снаряды для опредѣленія физическихъ свойствъ почвы; растенія, характеризующія почвы: песчаную, глинистую, черноземную, известковую и торфяную; большую коллекцію орудій для обработки земли; модели, рисунки и настоящія орудія, относящіяся къ улучшенію полей, посредствомъ осушенія или орошенія ихъ,—устройства опушекъ, обжи-

ганія глины и наплавленія; коллекцію удобреній съ объяснительными таблицами; рисунки, представляющіе, или различные способы пахапія, или глубину развитія корней у различныхъ растеній, какъ момента опредѣляющаго глубину пахапія и пр. Затѣмъ имѣются таблицы, рисунки, модели и образцы: съ одной стороны, по части ухода за растеніями,—приготовленія произведеній для рынка и ихъ сохраненія; а съ другой—по части разведенія и пользованія крупнымъ рогатымъ скотомъ, лошадьми, овцами и свиньями. Сельско-хозяйственныя машины занимаютъ большое отдѣльное помѣщеніе и, судя по составу, онѣ пожаловали на выставку съ цѣлью *исключительно* коммерческою. Проходя ихъ путаные ряды, вы какъ-бы слышите отъ каждой машины или машинки: „Пожалуйте! здѣсь покупали!" Словомъ, отдѣленіе машинъ имѣетъ обыкновенный видъ и характеръ торговаго склада; въ чемъ, конечно, мы нисколько не обвиняемъ распорядителей, которые никогда и нигдѣ не въ силахъ побѣдоносно бороться съ торговымъ эгоизмомъ экспонентовъ. Замѣтимъ кстати, что изъ нихъ только князь Тенишевъ зазываетъ къ себѣ толково и предупредительно.

Къ тому же отдѣлу относятся: разборная сельская церковь (48) на 200 человѣкъ, отличающаяся простымъ и изящнымъ вкусомъ и подробно описанная въ „Обозрѣніи выставки" на стр. 42; домъ землевладѣльца, заслужившій общее одобреніе, какъ относительно удобства расположенія комнатъ (одинъ недостатокъ — малы), такъ и относительно выбора мебели и вообще всѣхъ принадлежностей домашней, семейной обстановки; сельская школа (47); сельскій питомникъ (51)[1]; сельская больница (46), и наконецъ сельская лечебница (50). Существованіе, бокъ-о-бокъ, двухъ больничныхъ павильоновъ, изъ которыхъ одинъ назвали больницей, а другой лечебницей составляетъ одну изъ особенностей и странностей выставки. „Обозрѣніе" неудачно объясняетъ это тѣмъ, что 46-мъ павильономъ хотѣли показать приспособленіе обыкновенной крестьянской избы къ устройству въ ней больницы; а сельская лечебница (№ 50) это „постройка, содержащая въ себѣ покой для пріема приходящихъ больныхъ и для нахожденія посѣщающаго лечебницу врача, а также аптеку съ необходимыми предметами для поданія медицинской помощи"[2]. Въ сущности павильонъ

---

[1]) «Обозрѣніе выставки» на стр. 44 говоритъ слѣдующее: «Сельскій питомникъ, устроенный по проекту профессора Киттары, имѣетъ цѣлью показать уходъ за дѣтьми грудными и ползающими, т.-е. недостигшими возраста дѣтскихъ садовъ, на время полевыхъ работъ ихъ родителей. Питомникъ можетъ быть примѣненъ и къ рабочимъ фабричнымъ, а равно послужить и вообще образцомъ способа выкормленія и воспитанія дѣтей безъ надзора родителей».

[2]) Назначеніе или идея постройки павильона № 50 объяснена въ «Обозрѣніи» такъ непонятно, что я счелъ за лучшее привести это объясненіе дословно.

46-й—безполезная, ничему ненаучающая постройка, а № 50-й полезенъ въ томъ единственно отношеніи, что далъ возможность г. Кёлеру, московскому продавцу аптекарскихъ матеріаловъ, показать свою уютную, весьма удобную и *дешевую* сельскую аптеку.

IV.

Вчера, во второмъ саду, я не успѣлъ посѣтить двухъ отдѣловъ: почтоваго и прикладной физики. Первый изъ нихъ, пожалуй, и представляетъ въ цѣломъ какую-либо поучительность для гг. почтовыхъ чиновниковъ; но весь остальной людъ можетъ любоваться въ немъ только изображеніями сибирской почты на собакахъ и архангельской—на оленяхъ. Говорятъ, что всѣ принадлежности почты, костюмы и даже шкуры оленей и собакъ выписаны (для чучелъ) съ мѣста. Манекены самоѣда и сибирскаго вожака сдѣланы очень хорошо; снѣжная же пустыня скопирована и освѣщена превосходно. Декораторъ желалъ удивить своимъ искусствомъ и вполнѣ достигъ цѣли; такого декоративнаго совершенства намъ не случалось видѣть даже на сценѣ Большого театра.

Къ отдѣлу прикладной физики отнесены два павильона (43 и 42), фотографическій и центральный. Первый изъ нихъ имѣетъ, по словамъ „Обозрѣнія“, „цѣлью показать публикѣ исторію развитія фотографіи, современное ея состояніе и самое производство работъ“. Первая цѣль достигается коллекціями инструментовъ, свѣтописныхъ изображеній и сочиненій, доставленныхъ варшавскимъ фотографомъ Мечковскимъ; вторая — произведеніями многихъ современныхъ фотографовъ, между которыми наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе портреты въ натуральную величину г. Досѣкина изъ Харькова. Въ другомъ павильонѣ, названномъ почему-то центральнымъ, вы увидите гальванопластическое серебреніе и золоченіе; собраніе моделей мѣръ: линейныхъ, вѣса и ёмкостей; примѣненіе электричества въ различныхъ приборахъ; приборъ для примѣненія газа къ освѣщенію и нагрѣванію; метеорологическіе инструменты и, наконецъ, разнообразные музыкальные инструменты. Здѣсь же продаются довольно дорогіе волчки особенной конструкціи, но менѣе долговѣчные (сужу по экземпляру мною купленному), чѣмъ ихъ родственники, имѣющіеся въ гостинномъ дворѣ по 30-ти копѣекъ за штуку.

Во второмъ саду находится еще павильонъ (№ 52): типографскій и литографный.

Въ третьемъ саду слѣдующіе отдѣлы: церковной утвари (57), гидравлическій (59), архитектурный (54, 55, 56) и историческій. Въ гидравлическомъ отдѣлѣ помѣщены: разной силы и формы насосы, по-

жарныя трубы и принадлежности водоснабженія. По неимѣнію указателя, въ которомъ бы содержались свѣдѣнія о количествѣ выбрасываемой воды и цѣнности выставленныхъ насосовъ, этотъ павильонъ не приноситъ никакихъ свѣдѣній или указаній огромному большинству посѣтителей. Что касается до архитектурнаго отдѣла, то онъ распадается на двѣ части: въ одной постройкѣ находятся образцы каменныхъ работъ, чертежи и модели, имѣющія назначеніемъ познакомить съ будущимъ видомъ храма Спасителя, строющагося въ Москвѣ; а въ другой — собрано, повидимому, все, что почему-либо признавало для себя удобнѣйшимъ помѣститься въ павильонѣ (54—56) художественно-архитектурномъ. Здѣсь вы встрѣчаете поэтому самые разнородные предметы, какъ-то: асфальтовый войлокъ для крышъ, бронзу, краски, известку, цементъ, планы лифляндскихъ церквей съ свѣдѣніями объ ихъ смѣтной и дѣйствительной стоимости, печныя принадлежности, печи, мебель и пр. Среди этого разнообразія попадаются произведенія, имѣющія дѣйствительное право на названіе художественныхъ; напримѣръ, круглая изразцовая печь изъ Стокгольма или буфетъ работы скульптора Шнейдера въ Лейпцигѣ (цѣна 2800 руб.). Архитектурный отдѣлъ сформировался поздно и имѣлъ неосторожность явиться въ публику не вполнѣ собравшись и разобравшись. Къ августу мѣсяцу онъ, вѣроятно, успѣетъ сдѣлать и то и другое и тогда, можетъ быть, будетъ архитектурнымъ не только по названію, но и по содержанію. Домикъ историческаго отдѣла копія, какъ говорятъ, съ Коломенскаго дворца. Здѣсь находятся предметы, напоминающіе Великаго царя-труженика и замѣчательнѣйшую эпоху въ исторической жизни нашего отечества, какъ-то: большая коллекція портретовъ Петра Великаго, его возокъ, верхнее платье, лопата, топоръ и др. простыя вещи, драгоцѣнныя для каждаго русскаго по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ.

V.

По набережной Москвы-рѣки расположились отдѣлы: морской, часть военнаго и желѣзнодорожный. Желѣзное зданіе морского отдѣла очень красиво и, сравнительно, велико; поэтому выставленнымъ въ немъ предметамъ не пришлось громоздиться другъ на друга. Этимъ важнымъ преимуществомъ не упустили воспользоваться распорядители и украсили стѣны множествомъ большихъ картинъ баталій и портретовъ, ничего, конечно, неуясняющихъ, но хорошо декорирующихъ внутренность зданія [1]). Мнѣ кажется, что на этотъ разъ моряки даже увлек-

[1]) Желающіе могли одушевить полотно картинъ при помощи указателя, въ которомъ 60 страницъ in-quarto посвящены описанію событій и лицъ, изображаемыхъ картинами.

лись стремленіемъ декорироваться и размѣстить вещи въ порядкѣ пріятнѣйшемъ для глаза, чрезъ что сдѣлали безполезнымъ свой подробный указатель, въ которомъ предметы расположены не такъ, какъ они дѣйствительно лежатъ въ отдѣлѣ. Цѣль морского отдѣла по указателю слѣдующая: „Представить, по возможности, полное развитіе современнаго состоянія техники военнаго и коммерческаго флота, съ указаніемъ какъ на тѣ матеріалы, которые употребляются при постройкѣ, вооруженіи и плаваніи судовъ, такъ и на *техническіе пріемы, которые необходимы при превращеніи дерева, металла и другихъ матеріаловъ изъ сырого ихъ вида на всѣ потребности судостроенія и соединенныя съ ними многоразличныя спеціальности* [1]). По военно-морскому отдѣлу имѣлось въ виду изобразить возможно полно въ образцахъ, чертежахъ, моделяхъ и картинахъ историческое развитіе военно-морской техники въ Россіи со временъ Петра Великаго до настоящаго времени". Выставленные предметы современной техники подраздѣляются на слѣдующіе разряды: кораблестроеніе, судовыя паровыя машины и механизмы, артиллерія, предметы для вооруженія и комплектаціи судовъ, гидрографія, судовые лазареты, заводская промышленность въ примѣненіи ея къ морскому дѣлу, спасительныя станціи и (наконецъ-то!) торговое мореплаваніе. Полнота отдѣла собственно по торговому мореплаванію, къ сожалѣнію, говоритъ указатель, „находится преимущественно въ зависимости отъ того участія, которое принимаютъ въ выставкѣ частные экспоненты". Въ дѣйствительности частными экспонентами выставлено очень немного, и именно слѣдующее: обществомъ „Кавказъ и Меркурій"—нѣсколько моделей, изъ которыхъ больше всего обращаетъ на себя вниманія многоярусный пароходъ американскаго типа „Александръ II", вѣроятно удобный для пассажировъ, но едва ли дающій дивидендъ владѣющей имъ компаніи, такъ какъ имѣетъ машину въ 1500 дѣйствительныхъ силъ и слѣдовательно нуждается въ большомъ грузѣ для каждаго рейса; фирмою Милютиныхъ — нѣсколько судовыхъ моделей; братьями Сапожниковыми — нѣсколько моделей морскихъ и рѣчныхъ судовъ, употребляемыхъ въ Каспійскомъ морѣ для рыбной ловли [2]); русскимъ обществомъ П. и Т.—нѣсколько моделей; г. Кишкинымъ—три судовыхъ моделей-

[1]) Курсивъ означаетъ ту часть задачи, которая невыполнена, если предположить, что имѣлось въ виду, исполненіемъ нѣкоторыхъ работъ въ зданіи выставки, показать публикѣ пріемы производства.

[2]) Этимъ моделямъ приличнѣе бы находиться въ отдѣлѣ промысловыхъ животныхъ. Вообще, морской отдѣлъ страдаетъ болѣзнью общею многимъ отдѣламъ, т. е. помѣщаетъ у себя предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ морскому дѣлу; напр. углепромышленныя карты (№№ 678, 679 и 680) горныхъ инженеровъ Носовыхъ или машинку для дѣланія желѣзныхъ сапожныхъ шпилекъ (№ 684).

проекта; рѣчными яхть-клубами—десять прекрасно сдѣланныхъ шлюпокъ (стóитъ вниманія пожарный баркасъ для мелководной Москвы-рѣки); царскосельскимъ адмиралтействомъ — одиннадцать шлюпокъ; коллекція моделей бѣломорскихъ судовъ и карта морского и рѣчного судоходства г. Мусницкаго. Если къ этому присоединимъ продающуюся на выставкѣ брошюру: „Юбилей Петра Великаго и торговый флотъ Россіи" и двѣ оснащенныя мачты въ натуральную величину (изъ которыхъ одна названа военною, а другая, почему-то, купеческою), то вотъ и все, кажется, съ чѣмъ явился морской отдѣлъ для поощренія купеческаго судоходства и судостроенія. Нельзя не сознаться, что всего этого весьма и весьма недостаточно; что въ отдѣлѣ не хватаетъ даже основного, а именно свѣдѣній о существовавшемъ и существующемъ у насъ морскомъ и рѣчномъ судостроеніи и судоходствѣ, о степени выгодности парового и парусного судоходства, а равно какихъ-либо иныхъ общихъ указаній, необходимыхъ лицамъ, желающимъ положить свои капиталы на торговое мореплаваніе [1]. По вышеназванной брошюркѣ у насъ въ Россіи морского люда больше, чѣмъ въ Пруссіи или Франціи; а именно: по словамъ ея автора, „прибрежное населеніе рыбаковъ и судоходовъ обоего пола, у всѣхъ нашихъ морей, доходитъ до милліона" (стр. 8). Въ остальной части отдѣла, кромѣ ботика Петра Великаго, есть на что посмотрѣть. Мы съ своей стороны обратили вниманіе на рельефное изображеніе способа возстановленія дыханія у мнимо-умершихъ утопленниковъ (579, 580, 581 и 582) и взяли нѣсколько экземпляровъ объясненія, распространеніемъ котораго можно принести обществу несомнѣнную пользу. Противъ среднихъ дверей морского павильона находится модель, въ натуральную величину, саардамскаго домика Петра Великаго.

Изъ морского отдѣла вы входите въ интендантскія и артиллерійскія мастерскія военнаго отдѣла, знакомыя петербуржцамъ по мануфактурной выставкѣ 1870 года. Рядомъ съ ними идетъ фабрикація сукна съ рабочими, по преимуществу, татарками въ оригинальныхъ и красивыхъ національныхъ костюмахъ. Остальныя части военнаго отдѣла помѣщены выше, въ Кремлѣ. Тамъ кромѣ манекеновъ, наглядно знакомящихъ посѣтителя съ формою обмундированія нашихъ войскъ въ различныя эпохи, замѣчательно богатствомъ историческаго содержанія артиллерійское отдѣленіе. Продающійся же его указатель можно

---

[1] Точно также въ посовой части купеческаго судна приличнѣе было бы положить сочиненіе Скальковскаго «Срочное Пароходство» и вообще книги по части купеческаго судостроенія и судоходства, чѣмъ журналъ «Техническій Сборникъ» (перелистовавъ который, мы ничего не нашли о флотѣ), брошюрку объ отопленіи и проч.

назвать произведеніемъ, въ своемъ родѣ образцовымъ. Въ саду, рядомъ съ павильономъ помѣщены лазаретныя палатки, а также очень удобные экипажи и вагоны (тоже наши знакомцы 1870 года) для больныхъ и раненыхъ.

Послѣдній изъ отдѣловъ, расположенныхъ по набережной Москвы-рѣки, — отдѣлъ желѣзно-дорожный. Этотъ отдѣлъ, судя по содержанію его, поставилъ себѣ задачею всесторонне представить желѣзнодорожное дѣло въ образцовыхъ принадлежностяхъ подвижного состава, моделяхъ, вагонахъ, инструментахъ, картахъ, таблицахъ и сочиненіяхъ. „Желѣзно-дорожный отдѣлъ политехнической выставки, говоритъ указатель, имѣлъ въ виду сдѣлать по возможности полный обзоръ развитія этой отрасли современнаго состоянія желѣзныхъ дорогъ, съ послѣдовательнымъ представленіемъ производства всѣхъ работъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и выставить всѣ новѣйшія усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности, способствующихъ успѣхамъ желѣзно-дорожнаго дѣла". Вниманіе неспеціалистовъ наиболѣе обращается въ немъ: на товарный вагонъ Грязе-Царицынской желѣзной дороги, въ которомъ перевозится живая рыба [1]), императорскій вагонъ русской постройки, снѣгоочистители и т. п. крупные предметы. Замѣчательная особенность этого отдѣла—это полнѣйшее соотвѣтствіе порядка расположенія предметовъ съ порядкомъ ихъ описанія въ указателѣ, который самъ по себѣ заслуживаетъ полной похвалы.

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать, что рядомъ съ военнымъ отдѣломъ имѣется еще особый павильонъ — севастопольскій, куда входятъ за отдѣльную плату (20 или 30 коп.). Назначеніе этого павильона—возсоздать вещественную обстановку событія, замѣчательнаго и въ самомъ себѣ и по тому вліянію, которое оно имѣло на послѣдующую жизнь нашего отечества. За исключеніемъ лѣваго отдѣленія, наполненнаго военно-санитарными принадлежностями, не имѣющими большею частью прямого отношенія къ Севастополю, все остальное въ этомъ павильонѣ напоминаетъ трудную, непосильную борьбу, которую пришлось намъ выдержать въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Въ этомъ павильонѣ, по особенному, нравственному, такъ сказать, его характеру не такъ важны, конечно, выставленные предметы, какъ сопровождающія ихъ объясненія. Эту особенность хорошо поняли учредители: и ни въ одномъ отдѣлѣ нѣтъ устныхъ объясненій такъ правильно и хорошо организованныхъ, какъ въ севастопольскомъ.

---

[1]) Мы, несмотря на просьбы показать устройство, не могли его видѣть; потому что надзиратель отдѣла не умѣлъ отворить дверей.

Пять дней оказалось достаточнымъ временемъ для составленія себѣ общаго понятія о выставкѣ, но и то только при условіи оставаться въ кремлевскихъ садахъ съ 11 ч. утра и до 8 часовъ вечера, что весьма утомительно во всѣхъ отношеніяхъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня выставкой въ первый день, не исчезло и въ послѣдующіе: чѣмъ больше я знакомился съ отдѣлами, тѣмъ яснѣе понималъ трудность размѣстить ихъ содержаніе въ системѣ строго научной, оставляющей безъ всякаго вниманія личныя желанія и интересы экспонентовъ. Теперь, еще болѣе чѣмъ въ первый день, я убѣжденъ, что стремленіе учредителей: „исключить принципъ поощренія и всякое соревнованіе на выставкѣ между отдѣльными производителями", не болѣе, какъ неисполнимая мечта. Выставки всегда жили и будутъ жить принципомъ соревнованія и желаніемъ производителей погромче заявить о себѣ; только музеуми могутъ преслѣдовать исключительно научныя цѣли. Учредители московской выставки напрасно мечтали о томъ, что политехническая выставка составитъ исключеніе; въ дѣйствительности она не носитъ на себѣ и тѣни исключенія, и какой-нибудь несчастный бальзамъ отъ холерины, ломоты, зубной боли и пр. болѣзней, здѣсь, какъ и вездѣ, съ разныхъ угловъ зазываетъ къ себѣ посѣтителей обѣщаніемъ исцѣлить всѣ ихъ недуги.

Е. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября, 1872.

Учрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи. — Будущее значеніе и практика ея учепицъ. — Ученицы цюрихскаго университета. — Привилегіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій. — Развитіе холеры и условія благопріятныя для нея въ Петербургѣ. — Холера 1872 года. — Мѣры пресѣченія эпидеміи. — Устройство помѣщеній для прибывающихъ рабочихъ. — Правила о примѣненіи городового положенія къ столицамъ. — Денежныя средства Петербурга и главныя его потребности.

Въ аугсбургской „Всеобщей газетѣ" были недавно помѣщены три интересныя статьи одного изъ профессоровъ цюрихскаго университета объ изученіи медицины женщинами. Статьи эти были написаны по поводу сочиненія мюнхенскаго профессора анатоміи и физіологіи Бишофа, направленнаго противъ изученія медицины женщинами. Изъ положеній, поставленныхъ Бишофомъ, собственно одно только и требуетъ разбора, именно его положеніе, что женщина неспособна къ изученію наукъ вообще, а естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ особенности. Какъ ни странно это положеніе въ его обширности, его все-таки стóитъ по крайней мѣрѣ опровергать фактами, какъ то совершенно убѣдительно и дѣлаетъ цюрихскій профессоръ. Прочія же положенія Бишофа указываютъ въ видѣ препятствій только на врожденную женщинамъ стыдливость и кротость, на „безнравственность", происходящую отъ совмѣстнаго ученія женщинъ и мужчинъ, и (въ этомъ вся суть) на „переполненіе" (Überladung) медицинской профессіи, если въ нее будетъ открытъ доступъ и женщинамъ. Вопросъ о хлѣбѣ, борьбѣ за существованіе посредствомъ медицины можетъ представляться первостепеннымъ для спеціалистовъ. Но для общества чѣмъ больше будетъ врачей, тѣмъ разумѣется лучше. Особенно для Россіи еще далеко то время, когда медицинская профессія переполнится. Изъ статей цюрихскаго профессора мы узнаемъ, что въ числѣ слушательницъ тамошняго университета болѣе всего рус-

скихъ; что русскихъ женщинъ находится тамъ теперь на философскомъ факультетѣ 10, а на медицинскомъ 44. Это обстоятельство имѣетъ и нѣчто утѣшительное, но прежде всего бросается въ глаза та его сторона, которая никакъ утѣшительною быть названа не можетъ. Оставимъ на время Цюрихъ, къ которому перейдемъ послѣ, и обратимся къ Россіи.

Въ Россіи крайній недостатокъ въ медикахъ достигъ такой степени, что всякій полковой фельдшеръ, даже не вышедшій изъ фельдшерской школы, а просто подготовленный полковымъ врачемъ изъ „слабосильныхъ“ солдатъ, легко получаетъ мѣсто отъ земства, и все-таки громадное большинство народа остается безъ всякой возможности пользоваться медицинскимъ пособіемъ иначе, какъ въ больницахъ. А между тѣмъ, легко было въ скоромъ времени удвоить наличность нашихъ врачей, допустивъ къ изученію медицины женщинъ. Несомнѣнно притомъ, что именно женщины-врачи принесли бы наиболѣе пользы сельской массѣ, потому что женщина рада будетъ и за сравнительно малое жалованье практиковать гдѣ-нибудь въ сельской средѣ, безъ всякой надежды „вырваться изъ этой трущобы“ и попасть на одну изъ ступеней медицинской іерархіи, какъ то имѣютъ въ виду всѣ молодые врачи, смотрящіе на подобное положеніе, какъ на временную ссылку. Жалованье въ 300—500 рублей съ самостоятельнымъ положеніемъ для женщины все же гораздо привлекательнѣе, чѣмъ занятіе рукодѣльемъ, при конкурренціи швейныхъ машинъ, или хотя бы положеніе гувернантки—почти единственныя сферы, открытыя женщинамъ у насъ до сихъ поръ. Но мы до крайности деликатны и щепетильны по нѣкоторымъ пунктамъ. Извѣстно съ какимъ раздражительнымъ недовѣріемъ и даже злобнымъ недоброжелательствомъ относятся у насъ многіе къ вопросу о допущеніи женщинъ къ изученію медицины, которое предполагаетъ и анатомическія занятія. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что такъ относится къ этому вопросу у насъ большинство самихъ женщинъ, разумѣется, *замужнихъ*. Извѣстные факты громадной смертности дѣтей въ русскомъ народѣ и варварской практики деревенскихъ бабокъ нисколько не оскорбляютъ „эстетическаго чувства“ нѣкоторыхъ нашихъ кавалеровъ и большинства нашихъ замужнихъ дамъ. Но представить себѣ женщину, дѣвушку со скальпелемъ въ рукѣ — они не могутъ не содрогаясь, такъ это дѣйствуетъ на ихъ чувствительные нервы, такъ оскорбляетъ ихъ высшее эстетическое чувство.

И вотъ, несмотря на совершенную почти недоступность врачебной помощи для сельскаго населенія, мы заставляли своимъ эстетическимъ коснѣніемъ десятки дѣвушекъ ѣхать—легко сказать—въ Цюрихъ, на свой счетъ и рискъ, усвоивать себѣ сперва иностранный языкъ до такой степени, чтобы публично защищать на немъ ученое разсужде-

ніе, а потомъ, возвратясь на родину, вторично подвергать себя тому же испытанію по другой программѣ и при иной обстановкѣ. Наконецъ, сдѣланъ шагъ, чтобы положить конецъ такому странному, чтобы не сказать болѣе, отношенію къ этому вопросу. Въ прошломъ мартѣ сдѣлалось извѣстно весьма крупное пожертвованіе (50 т. руб.) на устройство медицинскихъ курсовъ для женщинъ въ Петербургѣ. Итакъ, первоначальныя средства для этого явились не отъ военно-медицинскаго вѣдомства, хотя оно издерживаетъ въ годъ на одни механическія улучшенія по зданію военно-медицинской академіи гораздо болѣе, чѣмъ сколько составляетъ вся сумма, пожертвованная частнымъ лицомъ на одинъ изъ предметовъ первой потребности для Россіи. Но оставимъ это, и посмотримъ, насколько то, чтó нынѣ предположено сдѣлать, соотвѣтствуетъ практическому рѣшенію вопроса о допущеніи женщинъ въ ученую медицинскую практику.

Въ мартѣ же, вслѣдъ за пожертвованіемъ, было объявлено о предположеніи учредить отдѣльные медицинскіе курсы для женщинъ при здѣшней академіи. Въ концѣ іюля напечатано въ „Прав. Вѣстникѣ" распоряженіе военнаго министра, содержащее въ себѣ „временное положеніе объ особомъ женскомъ курсѣ при академіи для образованія *ученыхъ акушерокъ.*" Положеніе это утверждено, военнымъ же министромъ, на 4 года, въ видѣ опыта. Вотъ его главныя основанія: преподаваніе будетъ производиться отдѣльно отъ студентовъ, но по преимуществу тѣми же профессорами, и за особое вознагражденіе; курсъ будетъ 4-хъ-лѣтній; женское отдѣленіе будетъ имѣть свою особую конференцію, составленную изъ тѣхъ же профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ того же начальника академіи; слушательницы будутъ имѣть особую инспектрису, какъ студенты имѣютъ инспектора; слушательницы будутъ состоять на правахъ студентовъ, то-есть женскій курсъ при академіи будетъ не то, что публичные курсы, устроенные для женщинъ при помощи нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Въ академіи женщины будутъ матрикулироваться, то-есть къ слушанію курса будутъ принимаемы только имѣющія уже свидѣтельство въ окончаніи средне-образовательнаго курса (отъ институтовъ и женскихъ гимназій или дипломъ на званіе домашнихъ учительницъ). Изъ одного годичнаго курса въ другой ученицы академіи будутъ переходить не иначе какъ по экзамену, при чемъ въ одномъ курсѣ имъ дозволяется оставаться не болѣе одного лишняго года, и то только дважды въ теченіи всего курса ученія. Итакъ, пріемъ ученицъ въ академію будетъ происходить на равномъ основаніи со студентами, а также и съ годичной платою въ 50 рублей. Но въ то время, какъ для учениковъ достаточно представленіе свидѣтельства гимназіи, для ученицъ оно достаточно только условно, а именно онѣ все-таки подвергаются при пріемѣ еще провѣрочному экзамену. Выпускной экза-

болѣзни уже потому, что въ этой именно области онѣ могутъ успѣшнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, конкуррировать съ врачами-мужчинами, короче—потому что женскія болѣзни обѣщаютъ имъ болѣе широкую практику. Итакъ, спеціализація въ этомъ смыслѣ представляется намъ дѣломъ практичнымъ, но спрашивается: кáкъ она будетъ достигнута. Пусть ученая акушерка, какъ и акушеръ, пройдетъ полный общій медицинскій курсъ, совершенно равный съ тѣмъ, который проходятъ лекаря независимо отъ того, какую спеціальность они себѣ избираютъ: акушера ли, или окулиста, или врача внутреннихъ или накожныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть проходятся спеціальныя примѣненія, то-есть женскія и дѣтскія болѣзни и акушерство въ болѣе обширномъ объемѣ. Вотъ это будетъ правильная спеціализація, не идущая въ ущербъ полнотѣ общаго курса. Совсѣмъ иное будетъ тогда, если общій курсъ будетъ ограниченъ, урѣзанъ, приносимъ въ жертву въ виду спеціальнаго призванія, если нѣкоторыхъ частей общаго курса акушеркамъ преподавать не будутъ или будутъ преподавать неполно потому соображенію, что для чего молъ имъ это, когда ихъ назначеніе состоитъ исключительно въ практикѣ повивальной. Этимъ путемъ тотчасъ же достигнется пониженіе уровня курса, предназначеннаго для женщинъ, и сознательно подготовится ихъ *научное неравенство* съ мужчинами, устранится возможность равнаго къ женщинамъ довѣрія со стороны публики, а стало быть и возможность серьезной ихъ конкурренціи врачамъ-мужчинамъ. При такого рода спеціализаціи женскаго курса, публика будетъ все-таки въ правѣ предпочитать даже и въ акушерствѣ—ученаго спеціалиста ученой спеціалисткѣ не потому, что на знаніе женщины будто бы менѣе можно полагаться, но потому, основательному поводу, что акушеркѣ *сообщаютъ* въ самомъ курсѣ менѣе знанія, чѣмъ акушеру.

Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что именно на этотъ путь спеціализаціи, посредствомъ ограниченія общаго курса, уклоняется росписаніе курса для ученыхъ акушерокъ, приложенное къ утвержденному военнымъ министромъ положенію. Предметы въ немъ тѣ же, чтó для студентовъ, но объемъ и характеръ преподаванія въ женскихъ курсахъ съуживается и понижается особыми оговорками. Такъ, на второмъ курсѣ читаются: физіологія здороваго человѣка, медицинская химія, физіологія больного человѣка (патологія), методы изслѣдованія болѣзней, фармакологія и фармація съ рецептурою. Но преподаваніе этихъ предметовъ для женщинъ опредѣляется такъ: „физіологія здороваго и больного человѣка должна имѣть въ виду *по преимуществу* организмы женскій и дѣтскій съ роковымъ (?) назначеніемъ перваго и прогрессомъ развитія, совершающимся въ послѣднемъ“. „Не впадая въ односторонность, говорится далѣе, должны имѣть въ виду эту же *особенность* врачебнаго обученія женщинъ изложеніе мето-

довъ, изслѣдованіе болѣзней и фармакологія“. Какъ же это не впадать въ односторонность, когда особенность имѣемая въ виду и есть не что иное, какъ именно односторонность? Здѣсь изъ выписанныхъ выше словъ росписанія ясно, что ученицамъ будетъ преподаваема какая-то особая, ограниченная физіологія и патологія, а именно въ примѣненіи къ „роковому назначенію“ женщины. Точно такъ и анатомія на первомъ курсѣ будетъ преподаваема женщинамъ не въ томъ объемѣ, какъ того требовалъ бы полный курсъ общей сравнительной анатоміи, а опять *по преимуществу* „съ прикладнымъ направленіемъ и въ особенной подробности излагать строеніе тѣхъ органовъ, которымъ принадлежитъ особенное значеніе въ организмахъ женскомъ и дѣтскомъ“. И не будучи медикомъ можно знать, что въ анатоміи и физіологіи важнѣйшую часть составляетъ именно изученіе основаній и фактовъ общихъ обоимъ поламъ; примѣнять изложеніе этихъ наукъ преимущественно къ одному половому отличію, значитъ примѣнять изложеніе науки къ факту во всякомъ случаѣ второстепенному, или иными словами, сокращать и понижать строго-научное изложеніе съ цѣлью спеціализаціи и приложенія. Въ какой мѣрѣ возможно и самостоятельное, научное изученіе фактовъ второстепенныхъ безъ основательнаго, полнаго и равномѣрнаго усвоенія всѣхъ сторонъ науки въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ данное время — вотъ вопросъ, который рѣшится на дѣлѣ, при самомъ преподаваніи. Очень можетъ случиться, что почтенные преподаватели, убѣдясь на дѣлѣ въ невозможности пренебречь сравнительной анатоміею для того только, чтобы имѣть болѣе времени на изложеніе процесса прорѣзыванія зубовъ у дѣтей, на практикѣ и отбросятъ тѣ перегородки, которыя хочетъ создать „росписаніе“. Въ такомъ случаѣ можно будетъ только сказать, что преподаваніе—лучше своей программы. Но мы пока можемъ имѣть въ виду только программу. И для чего это потребовалось оговаривать въ программѣ „*роковое* назначеніе“ женщины? Имѣлось ли при этомъ въ виду осудить слишкомъ смѣлыя теоріи о равенствѣ женщинъ съ мужчинами, тѣмъ болѣе съ мужчинами-врачами, такъ чтобы ученицы постоянно помнили, что несмотря на всевозможную ученость женщина все-таки имѣетъ свое „роковое назначеніе“? Или слово „роковое“ внушено было составителямъ программы только чувствительностью и представляетъ не что иное, какъ мимолетный вздохъ о судьбѣ женщины, рожденной для того, чтобы рождать? Или, наконецъ, напоминаніе о роковомъ назначеніи вставлено въ томъ смыслѣ, что кромѣ учено-медицинской карьеры для женщины можетъ открыться и другая, а именно—выдти замужъ?

Относительно одного изъ важнѣйшихъ предметовъ третьяго курса, а именно клиники внутреннихъ болѣзней, въ росписаніи уже прямо выражено, что клиника внутреннихъ болѣзней для ученицъ „*имѣетъ*

ограничиваться общими болѣзненными процессами (воспаленіями, лихорадками, тифомъ, катарромъ, анэміею, скорбутомъ, бугорчаткою и т. д.)", а ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ также „*ограничиваются*" тѣмъ, что въ первомъ необходимо для женской, а въ послѣднемъ для дѣтской практики.

За всѣми этими ограниченіями весьма важныхъ частей общей медицины, спрашивается, возможно ли, чтобы курсъ ученицъ академіи стоялъ на равной научной высотѣ съ курсомъ студентовъ? Боимся, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Затѣмъ, уже нечего и спрашивать, возможно ли будетъ при такихъ условіяхъ одинаковое довѣріе общества къ врачамъ-женщинамъ и врачамъ-мужчинамъ, и сколько-нибудь серьезная конкурренція „ученыхъ акушерокъ", хотя бы только болѣе ученымъ акушерамъ. О конкурренціи же врачей-женщинъ врачамъ-мужчинамъ по другимъ отраслямъ леченія нечего и говорить, такъ какъ мы узнаемъ, что она прямо устраняется. Правда, въ положеніи это не выражено; въ немъ не сказано ни слова о томъ, что „ученымъ акушеркамъ" предназначается и практика исключительно акушерская, короче, что онѣ не будутъ имѣть права лечить иныхъ болѣзней, кромѣ спеціальныхъ женскихъ и дѣтскихъ. Въ особомъ объявленіи отъ начальства медико-хирургической академіи, напечатанномъ въ „Прав. Вѣстникѣ", выражено весьма ясно именно то, чтб не договорено въ утвержденномъ военнымъ министромъ положеніи. „Открываемый курсъ—говоритъ объявленіе—имѣетъ *исключительнымъ* назначеніемъ образованіе ученыхъ акушерокъ *въ той степени* (то-есть не менѣе, но и не болѣе), чтобы по окончаніи ученія онѣ были способны подавать самостоятельную врачебную помощь *при родахъ и послѣдствіяхъ ихъ*, а также въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и сифилисѣ женщинъ и дѣтей». Исключительное назначеніе здѣсь уже совершенно ясно. Сверхъ того, въ этихъ дополнительныхъ къ положенію правилахъ, установляемыхъ объявленіемъ академическаго начальства, есть одно весьма существенное: „отъ дѣвицъ, имѣющихъ родителей, необходимо дозволеніе послѣднихъ на поступленіе ихъ дочерей въ курсъ". Положеніе опредѣляетъ, что въ ученицы принимаются особы не моложе 20-ти лѣтъ. Дѣвица, имѣющая 21 годъ, какъ совершеннолѣтняя можетъ обойтись безъ согласія родителей при вступленіи въ бракъ, можетъ продавать свое имѣніе и давать векселя, но не можетъ безъ согласія родителей вступить въ академію, хотя бы ей было 50 лѣтъ отъ роду. Такъ страшна все еще кажется намъ наука.

Въ печати вообще выражено было удовольствіе по поводу учрежденія при академіи женскихъ курсовъ. Мы охотно присоединяемся къ тѣмъ органамъ, которые высказали благодарность за то, что въ пользу честнаго труда женщинъ упала новая кроха съ обиль-

наго стола нашей общей работы. Полагаемъ, что благодарность общества въ этомъ случаѣ должна всецѣло принадлежать той высокочтимой особѣ, которая дала средства на учрежденіе женскихъ курсовъ. Что касается тѣхъ условій, какими эти курсы обставлены нынѣ, то относительно ихъ мы позволили себѣ откровенно выразить наше мнѣніе. Не мѣшаетъ теперь справиться, откуда явились подобныя условія, кѣмъ они были выработаны; хотя положеніе и утверждено военнымъ министромъ, но слишкомъ ясно, что выработали его люди не военные, а спеціалисты медицинской же профессіи. Изъ октябрьской книжки „Журнала министерства народнаго просвѣщенія" 1871 года оказывается, что проектъ, совершенно сходный въ общихъ чертахъ съ нынѣшнимъ положеніемъ, былъ выработанъ еще въ 1870-мъ году въ медицинскомъ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и что основанія, на какихъ признано было возможнымъ и полезнымъ допустить женщинъ къ изученію и практикѣ медицины, а также и самое росписаніе курса со всѣми ограниченіями, какія мы находимъ въ нынѣ вышедшемъ положеніи, были поставлены гг. Козловымъ, Здекауэромъ и Красовскимъ, весьма извѣстными врачами, изъ числа которыхъ г. Красовскій имѣетъ знаменитость именно какъ акушеръ. Каковы бы ни были успѣхи будущихъ ученицъ нынѣшнихъ курсовъ академіи, слишкомъ ясно—говоримъ это безъ всякаго намѣренія польстить почтеннымъ ученымъ, которыхъ мы назвали—что изъ этихъ курсовъ не можетъ выдти ни одна ученица, которая бы могла сравниться съ г. Козловымъ въ административномъ положеніи, съ г. Здекауэромъ и г. Красовскимъ въ обиліи свѣдѣній, обширности практики, а потому и вполнѣ заслуженной ими славы. Но нѣтъ никакого основанія утверждать все-таки, что соперницы въ знаніи и искусствѣ, достойные даже равной знаменитости, не выйдутъ современемъ изъ русскихъ женщинъ, учащихся *въ Цюрихъ*, проходящихъ тамъ полный медицинскій курсъ и удостоиваемыхъ тамъ той самой высшей ученой степени, которую такъ достойно носятъ наши извѣстнѣйшіе и заслуженные врачи. Съ открытіемъ женскихъ курсовъ при петербургской медицинской академіи, многія дѣвушки, безъ сомнѣнія, воспользуются ими, вмѣсто того чтобы ѣхать учиться въ Цюрихъ; но едва ли и затѣмъ цюрихскій университетъ лишится всѣхъ своихъ русскихъ слушательницъ. Очень можетъ быть, что даже нѣкоторыя изъ ученицъ, прошедшихъ *женскій* курсъ въ академіи, будутъ ѣздить на годъ, на два *доучиваться* въ Цюрихъ.

Обратимся теперь къ статьямъ цюрихскаго профессора и посмотримъ, чтó показалъ до сихъ поръ дѣйствительный опытъ изученія медицины женщинами. Опытъ этотъ начался съ 1864-го года и именно съ одной русской дѣвушки, которой разрѣшено было посѣщать меди-

цинскія лекціи. До 1867-го года, въ цюрихскомъ университетѣ и не было другихъ слушательницъ, кромѣ русскихъ. Съ тѣхъ поръ стали являться англичанки, швейцарки, нѣмки и американки. Всѣхъ слушательницъ въ Цюрихѣ теперь 63, и изъ нихъ, какъ мы уже сказали, 54 — русскихъ. Онѣ слушаютъ лекціи нераздѣльно со студентами и сами матрикулируются, такъ какъ признано было полезнымъ сдѣлать пріемный экзаменъ обязательнымъ. Пройдя весь курсъ и выдержавъ всѣ установленные экзамены, онѣ получаютъ степень докторовъ медицины, безъ всякаго ограниченія и спеціализаціи. Избрать спеціальность и усовершенствоваться въ ней, это уже ихъ дѣло, а не дѣло университетскаго начальства, которое считаетъ себя призваннымъ только открывать доступъ къ наукѣ и строго повѣрять успѣхи ученія, а не ограничивать его по какимъ-либо произвольнымъ предубѣжденіямъ. Первая дама, получившая степень доктора медицины въ Цюрихѣ, была г-жа Суслова. „Хотя всѣ члены медицинскаго факультета" говоритъ авторъ, „относятся къ вопросу объ ученіи женщинъ (Frauenstudium) безъ предвзятаго мнѣнія, но намъ повѣрятъ, что экзаменъ достался докторанткѣ не легко". Присутствіе женщинъ на лекціяхъ не имѣло никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій; число студентовъ на медицинскомъ факультетѣ продолжало по прежнему возрастать, а тактъ слушателей и слушательницъ, и вмѣстѣ строго-научный характеръ преподаванія устраняли всякое чувство неловкости, всякую возможность какой-либо пошлой выходки. Достоинство науки и чувство личнаго достоинства вполнѣ охраняли аудиторію отъ всякой такой мысли, которая такъ упорно лѣзетъ въ голову именно консерваторамъ при обсужденіи этого вопроса; и профессора нисколько не были стѣснены въ своемъ преподаваніи, и аудиторія не имѣла никакого повода испытывать какое-либо неловкое чувство. Въ этомъ отношеніи восьмилѣтній опытъ Цюриха, можно сказать, устранилъ окончательно всякія опасенія относительно смѣшанныхъ, то-есть совмѣстныхъ курсовъ. А такіе именно курсы весьма важны, какъ то сознаютъ въ Цюрихѣ, для того, чтобы доставить врачамъ-женщинамъ равное довѣріе общества, какимъ пользуются врачи-мужчины. „Піонерки женскаго ученія въ Цюрихѣ", говоритъ авторъ, „хотятъ показать, что онѣ проходятъ тотъ самый курсъ какъ и студенты, и что онѣ въ состояніи справляться съ тѣмъ самымъ учебнымъ матеріаломъ. Большинство публики, не безъ основанія, имѣло бы менѣе уваженія къ успѣхамъ отдѣльнаго преподаванія для женщинъ, потому что оно вѣроятно всегда держалось бы ниже уровня мужскихъ курсовъ и едва ли привлекло бы къ себѣ первостепенныя преподавательскія силы. На полѣ науки женщины могутъ ожидать себѣ успѣха (Heil und Erfolg) только въ свободной конкурренціи съ мужчинами. Наука, въ ея высшихъ цѣляхъ и задачахъ, не можетъ быть раздѣляема сообразно раз-

личію половъ. Тѣмъ дѣвушкамъ, которыя, имѣя способности и охоту къ ученію, принимають великое рѣшеніе вступить въ карьеру необычную для ихъ пола, предстоитъ затѣмъ выдерживать вполнѣ и окончательно конкурренцію съ мужчинами, и въ самой своей жизни, онѣ должны заботиться о томъ, чтобы выдерживать сравненіе (sich bewähren) не промежъ себя, а именно съ мужчинами, если онѣ не хотятъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе". Цюрихскій профессоръ высказалъ здѣсь истину, горькую, конечно, но тѣмъ не менѣе очевидную.

Успѣхи, оказанные уже женщинами въ медицинѣ, и до сихъ поръ ручаются въ томъ, что онѣ *способны* выдерживать и такую конкурренцію, разумѣется въ такомъ именно случаѣ, если само знаніе сдѣлано доступно для нихъ совершенно наравнѣ съ мужчинами. Авторъ обращаетъ вниманіе на слѣдующіе факты: въ Америкѣ уже практикуютъ съ успѣхомъ многія изъ врачей-женщинъ, въ Европѣ первенство въ этомъ отношеніи принадлежало Петербургу и Лондону, такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ въ настоящее время занимаются практикою по двѣ женщины-врача. Фамилія второй изъ петербургскихъ дамъ не названа, но извѣстна. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней изъ занимающей насъ статьи. Получивъ дипломъ въ Цюрихѣ, она присоединилась къ швейцарской врачебной экспедиціи, отправившейся въ январѣ 1871 года къ Бельфору, и начальникъ этой экспедиціи, докторъ Розе, свидѣтельствовалъ, что „въ лазаретномъ управленіи при Герикурѣ, она своей скромностью и самопожертвованіемъ заслужила общее сочувствіе". Бишофъ, въ числѣ своихъ возгласовъ противъ допущенія женщинъ въ медицинскую профессію, поставилъ и слѣдующій: „представьте себѣ женщину въ званіи медика управляющаго госпиталемъ!" На это нашъ авторъ отвѣчаетъ простою ссылкою на примѣръ: а г-жа Гарретъ-Андерсонъ, извѣстный врачъ въ Лондонѣ, сама основала женскій госпиталь и управляетъ имъ, а лучшіе врачи Лондона поддерживаютъ это учрежденіе и изъявили готовность быть при немъ консультантами. Въ помощницы себѣ г-жа Гарретъ взяла англичанку, окончившую курсъ въ Цюрихѣ. Директоръ медицинской клиники въ Цюрихѣ, профессоръ Бирмеръ опредѣлилъ другую даму, получившую тамъ же докторскій дипломъ, помощницей ассистента въ женскомъ отдѣленіи цюрихскаго госпиталя.

До сихъ поръ въ Цюрихѣ получили докторскіе дипломы шесть женщинъ, изъ которыхъ четыре получили на послѣднемъ испытаніи общую отмѣтку „хорошо" а двѣ даже — „очень хорошо". „Когда учащіяся женщины, — замѣчаетъ авторъ, — проходятъ весь курсъ на одномъ мѣстѣ, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находятся подъ наблюденіемъ и испытываются столь разнообразно въ лабораторіи, препаратурныхъ залахъ, у постели больныхъ, наконецъ въ письменномъ и

словесномъ экзаменахъ, то, кажется, возможно сдѣлать заключеніе о способности къ медицинѣ единичныхъ лицъ женскаго пола; а какъ только такое заключеніе должно сложиться въ смыслѣ благопріятномъ, хотя бы только относительно одного лица, то во всякомъ случаѣ теорія, гласящая о невозможности хорошаго результата отъ этого опыта, уже лишилась главной своей опоры". Авторъ, который основываетъ свое разсужденіе исключительно на фактахъ, а не на произвольныхъ умозрѣніяхъ, какъ Бишофъ, прибавляетъ, что многія изъ цюрихскихъ ученицъ уже оказали и дальнѣйшіе успѣхи въ качествѣ поликлиническихъ практикантокъ и въ леченіи больныхъ, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ частныхъ домахъ, и пріобрѣтали полное довѣріе своихъ паціентовъ, между прочимъ именно и своей заботливостью и терпѣніемъ. Недавно еще въ одномъ медицинскомъ обществѣ въ Цюрихѣ, при обсужденіи одного случая, обращено было вниманіе на тонкую діагнозу болѣзни, поставленную врачемъ - женщиною. Послѣ такихъ указаній опыта, казалось бы, въ настоящее время не было сколько-нибудь основательныхъ причинъ къ ограниченію учебнаго курса и стѣсненію врачебной практики женщинъ, особенно въ Россіи, гдѣ всякій трезвый фельдшеръ можетъ безбѣдно существовать леченіемъ, и при полной безпомощности сельскаго народа приносить несомнѣнную пользу.

Замѣчательно, что несмотря на недостатокъ у насъ врачей, и несмотря на очевидную возможность съ пользою лечиться у иностранца, хотя бы и плохо знающаго русскій языкъ, у насъ не принимается уже нынѣ никакихъ мѣръ для облегченія иностранцамъ полученія лекарскаго диплома нашихъ факультетовъ. Но крайняя необходимость, какую мы ощущаемъ, имѣть ученыхъ филологовъ, вызвала въ іюлѣ такую исключительную мѣру въ пользу иностранцевъ. По представленію министерства народнаго просвѣщенія состоялось 10-го іюля повелѣніе, которымъ допускается въ пользу филологовъ изъ иностранцевъ весьма важное исключеніе изъ общаго университетскаго устава. Въ силу этого повелѣнія, „лица изъ иностранцевъ, получившія образованіе въ *заграничныхъ* гимназіяхъ и затѣмъ пробывшія положенное число семестровъ студентами одного изъ *заграничныхъ* университетовъ (не сказано: окончившія курсъ со степенью), изучая въ немъ историко-филологическіе предметы, буде выдержали установленное на званіе *гимназическаго* учителя древнихъ языковъ испытаніе *за границей* или въ Россіи, и на основаніи свидѣтельствъ о семъ были опредѣлены учителями древнихъ языковъ въ гимназіяхъ имперіи, допускаются прямо къ испытанію на степень магистра, а затѣмъ и къ пріобрѣтенію степени *доктора* греческой или римской словесности, или же и той и другой, *безъ предварительнаго испытанія на степень кандидата.*" Послѣднія слова значатъ буквально: безъ окончанія университетскаго курса. Итакъ, у насъ могутъ быть затѣмъ такіе доктора римской и греческой словес-

ности, которые изъ нѣкоторыхъ университетскихъ и даже гимназическихъ предметовъ не выдержали бы экзамена, но будутъ знать одну свою спеціальность. Уже въ то время, когда прошелъ уставъ нашихъ классическихъ гимназій, мы не скрывали отъ себя тѣхъ многообразныхъ трудностей, съ какими неизбѣжно должно было встрѣтиться у насъ быстрое усиленіе классической системы, и изъ которыхъ первою долженъ былъ оказаться именно недостатокъ въ преподавателяхъ. Нѣтъ нужды особенно останавливаться надъ нынѣ принятою мѣрой; она есть только одно въ числѣ исключеній изъ общаго закона, которыя придется допустить при спѣшномъ примѣненіи мысли о перевоспитаніи всего общества. Одна изъ слабыхъ сторонъ нынѣшней мѣры конечно та, что въ воспитатели придется звать людей, не знающихъ русской грамматики.

Отъ медицинскихъ курсовъ и отъ вопроса о недостаткѣ у насъ врачей вообще, весьма кстати перейти къ холерѣ, которая вотъ уже третье лѣто къ ряду появляется въ Петербургѣ. Оффиціальныя цифры по 14-е августа показываютъ и на нынѣшній разъ 2625 случаевъ холеры, изъ которыхъ 1,256 доселѣ окончились смертью. Такъ какъ съ 1848-го года, холера въ Петербургѣ открывается едва ли не въ восьмой разъ, то казалось бы, есть достаточный поводъ къ тому, чтобы признать эту эпидемію спеціально-опасною именно для Петербурга, изслѣдовать причины благопріятствующія ея появленію и развитію здѣсь, и затѣмъ предпринять какія-либо серьезныя и энергическія мѣры для пресѣченія или ограниченія зла, которое теперь держится здѣсь третій годъ и грозитъ стать въ Петербургѣ постояннымъ, непрекращающимся, а только періодически-ослабѣвающимъ и затѣмъ снова развивающимся бѣдствіемъ. Предѣлы этого обозрѣнія и самая спеціальность вопроса не позволяютъ намъ заняться имъ со всей подробностью; мы должны ограничиться бѣглымъ обзоромъ фактовъ и коснуться фактовъ научныхъ единственно настолько, чтобы показать, что и при нынѣшней, далеко не полной обработкѣ вопроса о способѣ распространенія эпидеміи, оказывается на лицо достаточно поводовъ для принятія энергическихъ мѣръ, чтобы избавить Петербургъ отъ непрерывно-холерной будущности.

Какъ ни неполно обработанъ вопросъ о холерѣ въ наукѣ, но и при взглядѣ на то, что́ уже сдѣлано для него заграницею, становится совѣстно подумать, что у насъ даже и эти послѣдніе два года продолженія эпидеміи прошли для науки почти безслѣдно. При первомъ извѣстіи о нѣсколькихъ случаяхъ холеры въ Берлинѣ, въ иностранныхъ газетахъ появились обширныя статьи, посвященныя этому предмету, съ цѣлью побудить правительство и общество къ тому, чтобы принять своевременно мѣры для отпора эпидеміи. При нашемъ краткомъ очеркѣ,

мы преимущественно воспользуемся весьма обстоятельными статьями „Allgemeine Zeitung", которыя, по новѣйшему труду Петтенкофера, излагаютъ положеніе вопроса о причинѣ и способахъ распространенія холерной эпидеміи въ наукѣ. Европейская наука не ограничилась наблюденіемъ хода холеры на западѣ Европы; она начала изслѣдовать холеру въ самомъ отечествѣ ея — Остъ-Индіи, и труды англичанина Брайдона, который сдѣлалъ сводъ наблюденій за послѣднія 20 лѣтъ, надъ 63,409 европейцами въ Индіи и 93,648 туземцами, составилъ карты путей холеры, представилъ драгоцѣнныя статистическія данныя относительно дѣйствія эпидеміи въ Индіи, по условіямъ климатическимъ и гигіеническимъ, съ отдѣльными цифрами заболѣваній и смертности для различныхъ группъ больныхъ, находившихся въ разныхъ условіяхъ. Самый патологическій процессъ холеры нашелъ дѣятельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей въ Европѣ, между которыми первыя мѣста занимаютъ Клобъ, Томé и Галліеръ. Наконецъ, относительно общей теоріи самаго способа распространенія холеры, наиболѣе полное и доселѣ наиболѣе вѣроятное объясненіе представилъ Петтенкоферъ. Въ виду такихъ почтенныхъ трудовъ, совѣстно сознаться предъ самими собой, что мы, несмотря на холеру 1870-го, 1871-го и 1872-го годовъ, не можемъ даже представить международному статистическому конгрессу, собравшемуся теперь въ Петербургѣ, сколько-нибудь полной и раціонально-обработанной холерной статистики по имперіи. Сводъ помѣщаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" валовыхъ цифръ медицинскаго департамента о ходѣ холеры—вотъ все, чтó мы можемъ представить конгрессу, если еще такой сводъ будетъ сдѣланъ.

Не останавливаясь на различіи относящихся къ свойству холерной эпидеміи научныхъ теорій, приведемъ въ краткихъ словахъ тѣ *предположенія*, которыя пока основываются на наиболѣе полныхъ наблюденіяхъ. Микроскопическо-анатомическія изслѣдованія привели къ открытію, что желудочно-кишечный каналъ холерныхъ покрытъ какъ бы пылью, которая представляетъ массу микроскопическихъ грибковъ нижайшей органической формы—такъ-называемыхъ „споръ". Эта пыль или масса извергается въ рвотѣ и кишечныхъ испражненіяхъ, придавая имъ видъ чего-то въ родѣ рисовой жидкости. Можно догадываться, что эти-то споры и заключаютъ въ себѣ холерный ядъ. Оставимъ въ сторонѣ другую научную догадку, которою возражается, что появленіе этихъ споръ на поверхности пораженныхъ внутренностей можетъ быть *послѣдствіемъ*, а не *причиною* самаго факта пораженія. Для насъ не такъ важенъ этотъ вопросъ, какъ тотъ несомнѣнный фактъ, что холерное пораженіе органа и появленіе въ немъ споръ — неразлучны, и затѣмъ другой фактъ, именно что такіе споры, при секціяхъ, не были никогда открываемы въ органахъ дыханія, а находились именно только въ желудочно-кишечномъ каналѣ и связанныхъ съ нимъ органахъ.

Изъ этихъ фактовъ представляется достаточный поводъ заключать (все предположительно), что холера сообщается организму не путемъ дыханія, а путемъ пищеварительныхъ каналовъ, то-есть, что зараженіе происходитъ не посредствомъ вдыханія міазмовъ, а непосредственно внесеніемъ споръ въ пищеварительные органы — черезъ пищу, а въ особенности питье, и даже прямо — входомъ споръ изъ зараженныхъ нечистотъ въ кишечные каналы.

Допустивъ это, намъ совершенно вѣроятнымъ представится то объясненіе хода холеры, которое даетъ именно Петтенкоферъ, а именно, что холера распространяется посредствомъ грунтовой воды, или иными словами—стокомъ водъ, а переносится въ далекія мѣстности самими больными путешественниками, которыхъ изверженія, проникая въ грунтовую воду мѣстности незараженной, вносятъ въ нее холерный ядъ. Затѣмъ, занесенная такимъ образомъ эпидемія и будетъ распространяться по направленію стока водъ. Если бы холера распространялась посредствомъ воздуха, то-есть, если бы ее несли теченія атмосферныя, то невозможно было бы объяснить, почему нѣкоторыя мѣстности, среди полосы пораженной холерою, остаются отъ нея свободными, и почему холера распространяется минуя иногда огромныя разстоянія.

Какъ бы то ни было, уже та масса наблюденій, какою обставлена теорія Петтенкофера и легкость, съ какою именно посредствомъ ея можно объяснить движеніе холеры, совершенно достаточны для того, чтобы основать на этой теоріи серьезныя мѣры для пресѣченія и ограниченія развитія эпидеміи. Необходимость предупредительныхъ и ограничительныхъ мѣръ особенно очевидна именно для Петербурга. Безъ нихъ, Петербургъ, по свойству тѣхъ условій разнаго рода, которыя въ немъ соединяются и всѣ благопріятствуютъ холерной эпидеміи, будетъ подверженъ ей почти постоянно. Взглянемъ на эти условія. Развитіе желѣзныхъ дорогъ сдѣлало то, что если только гдѣ-нибудь въ имперіи появится холера, есть всѣ шансы для того, чтобы она занесена была въ Петербургъ. Ни одинъ городъ въ Россіи не можетъ сравниться съ Петербургомъ относительно постояннаго наплыва пріѣзжихъ. Нѣтъ такой мѣстности въ Россіи, изъ которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не явилось бы нѣсколько пріѣзжихъ въ Петербургъ. А такъ какъ поѣздка по желѣзной дорогѣ ограничивается по большей части нѣсколькими часами, то можно почти съ достовѣрностью утверждать, что если только гдѣ-нибудь въ имперіи есть холера, въ Петербургъ непремѣнно явятся нѣсколько заразившихся ею пассажировъ, которые въ столицѣ выздоровѣютъ или умрутъ, но внесутъ въ здѣшнюю почву ядъ эпидеміи. То же самое вѣрно и для Москвы, но послѣдующія затѣмъ явленія для обѣихъ столицъ совершенно различны. Почва въ Москвѣ гораздо суше, уровень грунтовой воды гораздо ниже, наконецъ вода, которую пьютъ въ Москвѣ, стекаетъ ключами

съ высотъ, находящихся внѣ города и стало быть можетъ совершенно предохраниться отъ зараженія. Такъ извѣстно, что въ Москву нынѣшнимъ лѣтомъ эпидемія была занесена богомольцами изъ Кіева. Но при твердости мѣстной почвы и по свойству теченія воды, употребляемой въ пищу, холера могла локализироваться въ Москвѣ, такъ что ядъ ея не распространился на весь городъ, на все населеніе. Совсѣмъ иныя условія почвы въ Петербургѣ. Здѣшняя почва жидка, влажна, а уровень грунтовой воды на большей части поверхности Петербурга составляетъ всего 2—3 фута, и только въ немногихъ мѣстахъ доходитъ до 4-хъ саженъ. Здѣсь мы сошлемся на извѣстную книгу доктора Гюбнера „Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія Петербурга". Уровень почвенной воды не постояненъ; онъ иногда возвышается, иногда понижается. Причина этого явленія указывается спеціалистами различная. Такъ докторъ Пель доказываетъ, что повышеніе уровня почвенной воды въ Петербургѣ зависитъ исключительно отъ атмосферическихъ осадковъ, т.-е. дождя и тумана, а докторъ Илишъ утверждаетъ, что степень влажности петербургской почвы зависитъ прямо отъ уровня воды въ Невѣ, такъ что съ паденіемъ рѣчного уровня всѣ соединенія въ почвенной водѣ стекаютъ въ Неву.

Не намъ предстоитъ разбирать степень вѣроятности каждаго изъ этихъ объясненій. Для насъ достаточно и то, и другое, чтобы понять почему въ петербургской почвѣ всякое зараженіе легко можетъ проникнуть во всѣ мѣстности, сообщиться всей почвенной водѣ и, не говоря уже о каналахъ, отравить и самую Неву. Петербургская почва это губка, которая всасываетъ легко и болѣе или менѣе равномѣрно всякое химическое начало, которое будетъ привито хоть къ одному ея пункту, особенно если прежде всего оно прививается именно мѣстности лежащей выше, мѣстности, отъ которой идетъ стокъ водъ, то-есть теченіе какъ самой рѣки, такъ и дождевыхъ и почвенныхъ водъ, и наконецъ обратный стокъ въ Неву ея же воды, подмывшей почву при морскомъ вѣтрѣ. Итакъ, зараженіе, по теоріи Петтенкофа, въ Петербургѣ непремѣнно должно сообщаться всему городу съ особенной легкостью. Но у насъ есть и еще нѣкоторыя условія для этого, кромѣ жидкости и влажности почвы, и условія эти сосредоточены именно къ самимъ источникамъ той воды, которую мы пьемъ.

Первоначально эпидемія заносится прибывающими въ Петербургъ. Но какіе же изъ прибывающихъ въ Петербургъ людей находятся въ положеніи наиболѣе благопріятномъ для развитія въ ихъ организмѣ холернаго зараженія? Конечно—рабочіе. Въ Петербургъ ихъ являются десятки тысячъ человѣкъ, являются именно лѣтомъ. Не мало уже было говорено о тѣхъ плачевныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся эти прибывающіе въ Петербургъ рабочіе; о томъ, что они ѣдятъ и гдѣ они спатъ. Но и изъ этой массы рабочихъ, въ условіяхъ самыхъ благо-

пріятныхъ для развитія эпидеміи находятся именно тѣ, которые прибываютъ въ Петербургъ на баркахъ, которые при самой изнурительной работѣ получаютъ самое скудное вознагражденіе, а стало быть и пищу, работаютъ не рѣдко въ водѣ, и спятъ всегда на холоду, на водѣ же, въ одеждѣ по большей части сырой, если и не совершенно мокрой. Извѣстно, что холера бываетъ особенно сильна именно въ средѣ судорабочихъ. Итакъ, наиболѣе вѣрныя условія для развитія холернаго яда сосредоточиваются у насъ именно у самаго источника Невы и по берегамъ ея, выше города, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ холера обыкновенно и начинается. Такимъ образомъ, зараженіе непосредственно сообщается Невѣ, изъ которой всѣ мы пьемъ, и путемъ стоковъ изъ наиболѣе возвышенной въ Петербургѣ мѣстности сообщается всей почвенной водѣ. Затѣмъ уже, зараза, быстро распространяясь по всему городу, сильнѣе всего начинаетъ дѣйствовать въ мѣстностяхъ наиболѣе низменныхъ, то-есть тамъ, куда стокъ направляется и гдѣ уровень почвенной воды всего ближе къ поверхности почвы, то-есть въ частяхъ нарвской, коломенской, а за рѣкою — въ петербургской и васильевской. Прибавимъ еще, что какъ нарочно въ самыхъ мѣстностяхъ Петербурга, лежащихъ всего выше по теченію Невы, находятся два кладбища: на правомъ берегу Охтенское, на лѣвомъ—Невскаго монастыря. Затѣмъ: въ мѣстности, лежащія за рѣкой, на холмахъ окружающихъ Петербургъ съ сѣвера, эпидемія путемъ зараженія почвенный воды не могла бы проникнуть. Однакоже мы знаемъ, что холера бываетъ сильна на Охтѣ всякій разъ, на Пороховыхъ (въ прошломъ году), а появляется и въ Парголовѣ (нынѣшнимъ лѣтомъ) и въ Лаврикахъ (около 2 верстъ за Муринымъ). Это уже мѣста лежащія высоко и притомъ имѣющія иную почву и иную воду; почва ихъ сухая, песчаная, вода изъ тамошнихъ источниковъ сама по себѣ имѣетъ даже крѣпительное свойство. Но во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, начиная отъ Новосаратовской колоніи, на правомъ берегу Невы (15 в. выше Петербурга) до тѣхъ холмовъ, на которыхъ лежатъ чухонскія деревни, принадлежащія къ комендантскому вѣдомству и до самой Лахты (6 верстъ ниже Петербурга), во всемъ этомъ полукругѣ земледѣліе производится при удобреніи, вывозимомъ изъ отхожихъ мѣстъ Петербурга. Эти массы нечистотъ, нисколько не дезинфецированныя, вывозятся не только зимою, но и въ теченіи всего лѣта, въ самое холерное время, тамошними крестьянами изъ частныхъ домовъ, посѣщенныхъ холерою и даже изъ больницъ, безъ всякаго разбора. Привезенныя на мѣсто, онѣ сваливаются въ кучи, а потомъ разбрасываются по полямъ. Что при дождѣ холерный ядъ изъ нихъ можетъ заражать и мѣстную воду, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ почва имѣетъ гигроскопическое свойство, это доказывается случаями холеры въ Парголовѣ и особенно въ Лаврикахъ, гдѣ нынѣш-

нимъ лѣтомъ какой-то антрепренеръ устраивалъ ямы для своза нечистотъ, съ цѣлью добывать изъ нихъ какое-то улучшенное удобреніе. Крестьяне въ Лаврикахъ приписываютъ происхожденіе у нихъ холеры прямо этому обстоятельству и, въ подтвержденіе ссылаются на фактъ, что первый случай холеры былъ въ самомъ заведеніи этого предпринимателя.

Но успѣетъ ли ядъ изъ петербургскихъ нечистотъ заразить мѣстные колодцы этихъ возвышенныхъ мѣстъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что дожди несутъ его съ полей въ рѣку Охту и вообще внизъ, по скату водъ, на Пороховые и въ Охтенскій посадъ. А оттуда онѣ смываются опять-таки въ Неву и уносятся туда рѣкою Охтою, которая впадаетъ въ Неву.

Сверхъ того, и независимо отъ такого, можно сказать, систематическаго зараженія Невы у самаго ея источника, или въ верховья ея, выше Петербурга, въ самой столицѣ почвенная вода должна просачиваться въ Неву, а вода съ улицъ и дворовъ береговыхъ мѣстностей, вода зараженная, не можетъ не проникать въ Неву. Мы не беремъ на себя утверждать никакихъ новыхъ научныхъ фактовъ, ни рѣшать между фактами спорными въ наукѣ. Но полагаемъ, изъ предшествующаго слѣдуетъ одно изъ двухъ: 1) или нужно a priori отвергать научное мнѣніе, что холера производится тончайшимъ органическимъ ядомъ, который даже въ весьма малыхъ дозахъ способенъ отравлять цѣлую мѣстность посредствомъ ея почвенной воды, или 2) что въ Петербургѣ, гдѣ условія почвы благопріятствуютъ распространенію холеры, куда стекаются массы рабочихъ, гдѣ преимущественно заражается самое верховье рѣки, дающей воду для питья и пищи, холера будетъ развиваться каждый годъ, какъ только она явится гдѣ-либо въ имперіи. Благодаря скорости сообщеній она неизбѣжно будетъ заносима, благодаря свойствамъ петербургской почвы она будетъ легко распространяться и держаться по два года, такъ что едва оставшійся въ почвѣ ядъ начнетъ истощаться, какъ уже новыми пріѣзжими изъ холерныхъ мѣстностей онъ будетъ занесенъ въ Петербургъ вновь, опять на два года и такъ далѣе. Однимъ словомъ, безъ серьезныхъ мѣръ пресѣченія холера въ Петербургѣ водворится постоянно, и будетъ каждый годъ уносить по тысячѣ, а иногда и по *тысячамъ* жертвъ.

Необходимость мѣръ пресѣченія очевидна. Мѣры, какія можно предложить, всѣ слѣдуютъ изъ того, что́ выше сказано о способѣ развитія эпидеміи въ Петербургѣ. Стало быть, намъ достаточно будетъ назвать ихъ, не объясняя, чѣмъ именно оправдывалась бы каждая изъ нихъ. Исчислимъ эти мѣры. Самая трудная изъ нихъ: устройство правильнаго отвода нечистотъ изъ Петербурга въ море. Мѣра эта удобнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ гдѣ-либо, удобнѣе, конечно, чѣмъ въ Па-

рижѣ, который отъ моря отстоитъ далеко; правильное дренированіе почвы, въ связи съ устройствомъ отвода нечистотъ. Изъятіе производства дезинфекціи въ частныхъ и казенныхъ домахъ изъ рукъ самыхъ управленій этихъ домовъ и порученіе постоянной дезинфекціи компаніи, или же образованіе для этой важной санитарной мѣры особаго service public, особыхъ городскихъ агентовъ. Всѣ ретирадныя мѣста и ямы въ городѣ должны быть перенумерованы и раздѣлены на околотки, ввѣренныя агентамъ, такъ чтобы достаточно было взгляда на нумеръ, чтобы знать, кто за исправность его состоянія отвѣчаетъ. Повѣрка городскими медиками и городскими властями, а также и полиціею должна происходить неослабно. Для дезинфекціи должны быть употребляемы карболовые составы, а быть можетъ и болѣе сильныя средства, уничтожающія органическія зачатки (споры) зараженія. Тогда нечистоты, вывозимыя на поля и отвезенныя на взморье, не будутъ уже заразительны. Дезинфекція сама по себѣ операція столь легкая и дешевая, сравнительно хотя бы съ постояннымъ леченіемъ 2-хъ тысячъ больныхъ въ теченіи лѣта, что не можетъ быть и вопроса о пользѣ примѣненія ея. Но для того, чтобы она производилась не для виду только, а серьезно и неослабно, необходимо извлечь ее изъ рукъ домовладѣльцевъ, смотрителей и дворниковъ и организовать ее столь же исправно, какъ организовано, напр., освѣщеніе города газомъ. Когда дѣломъ этимъ не будутъ завѣдывать домовладѣльцы, а городъ будетъ производить дезинфекцію на свой, то-есть на ихъ же счетъ, тогда сами домовладѣльцы будутъ жаловаться на малѣйшую неисправность содержанія ихъ отхожихъ мѣстъ, а стало быть наблюденіе будетъ двустороннее и неослабное. Необходимо также подумать и объ устройствѣ въ Петербургѣ порядочныхъ ночлежныхъ помѣщеній для приходящихъ рабочихъ. Съ этой цѣлью недавно образовалось спеціальное благотворительное общество. Но такъ какъ средства оно на это дѣло предполагаетъ добывать устройствомъ концертовъ, спектаклей, лотерей и т. п., то ясно, что дѣйствія его не будутъ значительны и не снимутъ съ города обязанности озаботиться этимъ вопросомъ. Наконецъ, при истокѣ Ладожскаго канала можетъ быть устраиваемъ лѣтомъ медицинскій осмотръ барокъ, въ видѣ карантина, и сверхъ того вообще на всѣхъ системахъ нашихъ каналовъ слѣдовало бы учредить холерныя станціи или пріюты, также какъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Эти двѣ послѣднія мѣры входятъ уже въ кругъ дѣятельности разныхъ земствъ и желѣзно-дорожныхъ компаній. Но и спеціально въ самомъ Петербургѣ не слѣдуетъ ограничиваться одной дезинфекціею, какъ бы дѣйствительна она ни была. Необходимо все-таки подумать объ отводѣ нечистотъ и объ устройствѣ правильной системы водосточныхъ трубъ для осушенія почвы. Пословица говоритъ: „не плюй въ колодезь, изъ котораго пить при-

дется"; при нынѣшнемъ стокѣ нечистотъ въ Петербургѣ, можно сказать, населеніе дѣлаетъ еще хуже, чѣмъ плюетъ въ ту воду, которую послѣ употребляетъ въ пищу.

Вопросъ о своевременныхъ и успѣшныхъ мѣрахъ къ отвращенію и пресѣченію эпидемій въ такихъ многолюдныхъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, очевидно связанъ самымъ существеннымъ образомъ съ другимъ вопросомъ, именно о степени самостоятельности городскихъ управленій столицъ и въ особенности ихъ денежной состоятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вовсе не трудно было бы, при нынѣшнемъ развитіи кредита, такому городу, какъ Петербургъ, составить планы правильнаго отвода нечистотъ, городского производства усиленной дезинфекціи при приближеніи и наступленіи эпидеміи, одновременной перестройки мостовыхъ большими участками, улучшенія содержанія городскихъ больницъ, наконецъ, пожалуй и устройства нѣсколькихъ обширныхъ казармъ для ночлега прибывающихъ въ городъ рабочихъ. Устройство правильной дезинфекціи и стоило бы въ теченіи цѣлаго лѣта суммы вовсе не большой; всего важнѣе здѣсь то, чтобы этими дѣлами завѣдывали не домохозяева, а само городское управленіе. Улучшить содержаніе городскихъ больницъ совершенно необходимо. Удовлетворительно содержать и лечить больного на 8 копѣекъ въ сутки нѣтъ возможности, а поручить уходъ за ними людямъ, которые получаютъ въ мѣсяцъ менѣе 7-ми рублей жалованья, изъ которыхъ еще 2 р. 50 к. вычитаются на харчи—какъ то недавно обнаружилось относительно Обуховской больницы въ извѣстномъ процессѣ ея служителей—слишкомъ нераціонально. Наконецъ, когда же нибудь стóитъ подумать и о томъ, чтобы мостовыя въ Петербургѣ устроены были сплошными площадями съ правильнымъ разрѣзомъ.

На все это, въ настоящее время, имѣется основательное возраженіе—нѣтъ денегъ! городъ не имѣетъ средствъ! Правда, противъ этого возраженія можно, также не безъ основательности, сказать, что городъ Петербургъ еще не испробовалъ могущественнаго средства развитія, а именно—обращенія къ кредиту для работъ, указываемыхъ не прихотью роскоши, а первыми, настоятельнѣйшими городскими потребностями. Кредитъ же у такихъ городовъ, какъ Петербургъ и Москва, долженъ быть. Вѣдь нашли же Парижъ и Вѣна возможность почти совершенно перестроиться въ короткій періодъ времени. Не надо, конечно, вступать на путь „оссмановской" расточительности. Но для обзаведеній первоначальной необходимости, для охраненія жизни, рукъ, ногъ и шей гражданъ слѣдуетъ обратиться и къ кредиту, если наличныхъ средствъ недостаетъ. Для чего же и можетъ служить кредитъ во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ, какъ не для того, чтобы самое хозяйство поставить правильно?

Впрочемъ, поспѣшимъ оговориться, что наше возраженіе на воз-

раженіе можетъ быть предъявлено только въ неопредѣленномъ будущемъ, а никакъ не могло быть предъявляемо доселѣ. Раціонально ли обращаться къ кредиту тому, кто не можетъ самостоятельно распоряжаться занятою суммой, чьи постоянные доходы обложены обязательными статьями расхода въ такой степени, что онъ можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію едва одной пятой ихъ частью? Возможно ли было предпринимать обширныя мѣры къ улучшенію условій городской жизни, когда городскому управленію лишь въ незначительной степени принадлежало право издавать обязательныя для жителей постановленія? Мыслимо ли городу посредственно или непосредственно приниматься за производство какихъ-либо большихъ строительныхъ работъ, когда самое дѣло строительства зависитъ отъ трехъ, а иногда и болѣе чѣмъ трехъ вѣдомствъ?

Въ концѣ іюля опубликованы правила о примѣненіи городового положенія 16-го іюня 1870 года къ столицамъ и городу Одессѣ. Вотъ почему мы повели рѣчь о мѣрахъ къ „будущему" устройству столицъ. Городовое положеніе, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ обезпечиваетъ самостоятельность самоуправленія. Кругъ вѣдѣнія городскихъ властей имъ расширенъ, а учрежденіе особыхъ присутствій по городскимъ дѣламъ, состоящихъ на половину изъ лицъ административныхъ и на половину изъ лицъ выборныхъ, — во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ дѣйствіямъ городскихъ управленій значительную долю самостоятельности. Такъ какъ Петербургъ предположено выдѣлить изъ состава губерніи въ особое градоначальство, то обязанности, возлагаемыя городовыми положеніями на губернатора, здѣсь будутъ принадлежать градоначальнику. Обязанности эти, по отношенію къ общественному управленію, ограничиваются надзоромъ за законностью его дѣйствій. Присутствіе по городскимъ дѣламъ здѣсь составляется: изъ вице-губернатора, управляющаго казенною палатой, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя столичнаго съѣзда мировыхъ судей или члена съѣзда по назначенію послѣдняго. Предсѣдательствуютъ въ присутствіяхъ по городскимъ дѣламъ губернаторы. Но такъ какъ Петербургъ выдѣляется изъ губерніи, то при разсмотрѣніи присутствіемъ дѣлъ, касающихся Петербурга, предсѣдательствовать будетъ градоначальникъ; губернатору же будетъ принадлежать предсѣдательство только при разсмотрѣніи дѣлъ другихъ городовъ Петербургской губерніи. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, почему же въ обсужденіи дѣлъ Петербурга будетъ участвовать вице-губернаторъ, когда Петербургъ къ губерніи принадлежать не будетъ? Сверхъ того, въ составъ присутствія приглашается городской голова того города, до котораго относится разсматриваемое дѣло. При существованіи въ столицѣ нѣсколькихъ мировыхъ округовъ, членомъ присутствія по городскимъ дѣламъ назначается одинъ изъ предсѣдателей мировыхъ съѣз-

довъ, по постановленію общаго присутствія этихъ съѣздовъ. Городскія думы будутъ состоять въ Петербургѣ изъ 252, а въ Москвѣ изъ 180 гласныхъ. Если особый предсѣдатель городской думы въ Петербургѣ или Москвѣ не назначенъ верховной властью, то предсѣдательствуетъ въ думѣ городской голова. Дума избираетъ двухъ кандидатовъ въ городскіе головы: „перваго" и „второго"; затѣмъ одинъ изъ нихъ утверждается въ этомъ званіи верховной властью (въ столицахъ); въ Петербургѣ и Москвѣ учреждается еще, также выборная, должность товарища городского головы.

Городовое положеніе, какъ извѣстно, предоставляетъ городскимъ думамъ издавать, съ соблюденіемъ установленнаго порядка, обязательныя для городскихъ жителей постановленія по опредѣленнымъ предметамъ. Сверхъ этихъ общихъ предметовъ, думамъ петербургской и московской предоставляется издавать обязательныя постановленія еще по нѣкоторымъ, особо для нихъ указаннымъ предметамъ, и въ числѣ такихъ предметовъ находятся: мѣры къ огражденію общественнаго здоровья отъ опасности, происходящей вслѣдствіе неправильнаго устройства и *неисправнаго содержанія* фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и вообще *помѣщеній для рабочихъ*. Расширеніе власти городского управленія въ этой сферѣ весьма важно въ санитарномъ отношеніи и, надо надѣяться, поведетъ къ преобразованію тѣхъ ночлежныхъ пріютовъ на Сѣнной, которые составляютъ одно изъ темнѣйшихъ пятенъ Петербурга, и той извѣстной фабрики въ Москвѣ, которая служила центромъ для развитія тамъ холеры. Въ числѣ такихъ же предметовъ, спеціально отнесенныхъ къ компетентности думъ петербургской и московской, находимъ еще и регуляцію времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни. Право городскихъ думъ издавать обязательныя постановленія по этому предмету могло бы дать городскимъ собраніямъ столицъ немаловажное практическое средство для ограниченія пьянства, которое у насъ, какъ извѣстно, не только процвѣтаетъ, но именно и возникаетъ въ праздничные дни, простираясь отъ нихъ уже и на дни непосредственно слѣдующіе за праздниками. Авторъ того представленнаго харьковской думѣ доклада, о которомъ мы упоминали въ одномъ изъ послѣднихъ обозрѣній, именно настаивалъ на важности предоставить городскимъ думамъ право вовсе запрещать торговлю спиртными напитками въ дни воскресные и праздничные. Но „правила", о которыхъ мы теперь говоримъ, хотя и предоставляютъ столичнымъ думамъ право опредѣлять время открытія и закрытія торговыхъ, а стало быть и питейныхъ заведеній, однако тотчасъ исключаютъ возможность какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ для ограниченія питейной продажи тѣмъ, что обусловливаетъ это право столичныхъ думъ статьею 329-ю устава питейнаго. Справляясь съ этой статьей находимъ, что она запре-

щаетъ продажу крѣпкихъ напитковъ только до окончанія обѣдни, а также волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Такъ какъ притомъ въ одномъ примѣчаніи къ этой статьѣ питейнаго устава сказано, что городскимъ думамъ предоставляется только опредѣлить разъ навсегда часъ, до котораго кабаки должны быть закрыты по праздникамъ, сообразно со временемъ окончанія въ городѣ обѣдни, а другое примѣчаніе освобождаетъ даже и отъ такого ограниченія трактиры, буфеты и постоялые дворы, то ясно, что предоставляемое столичнымъ думамъ право опредѣлять время открытія и закрытія торговыхъ заведеній сводится, собственно говоря, ни къ чему. При дополнительномъ согласованіи нынѣшнихъ правилъ съ общими законами, которое, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, возложено на попеченіе II отд. канцеляріи его величества и министра внутреннихъ дѣлъ, въ порядкѣ законодательномъ, не мѣшало бы обратить вниманіе на указанный нами пунктъ правилъ, который какъ бы предоставляетъ въ видѣ особой привилегіи столичнымъ думамъ, относительно питейной продажи, только такое право, которое по общимъ законамъ уже принадлежитъ всѣмъ безъ изъятія городскимъ думамъ. Нѣтъ, собственно говоря, причины давать столичнымъ думамъ какую-либо въ этомъ отношеніи привилегію предъ прочими думами, но весьма полезно было бы предоставить всѣмъ вообще думамъ право вполнѣ запрещать продажу спиртныхъ напитковъ по праздникамъ, или ограничивать ее небольшимъ числомъ часовъ въ день, какъ то принято въ Лондонѣ.

Разрѣшеніе частныхъ построекъ въ Петербургѣ, которое теперь происходитъ весьма медленно, и за введеніемъ городового положенія облегчится не много, такъ какъ въ правилахъ оговорено, что утвержденіе фасадовъ частныхъ зданій въ тѣхъ мѣстностяхъ города, гдѣ нынѣ оно доводится до усмотрѣнія верховной власти чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, и впредь должно совершаться тѣмъ же порядкомъ. Нельзя не признать нѣсколько необычайнымъ новаго правила, по которому для разсмотрѣнія всѣхъ плановъ и *фасадовъ* на постройки и перестройки во всѣхъ вообще мѣстностяхъ Петербурга и Москвы въ присутствіи городской управы приглашается, съ правомъ голоса, брантъ-майоръ. Вѣдь городская управа рѣшенія свои въ этомъ дѣлѣ будетъ основывать на заключеніяхъ строительной коммиссіи, въ которой находятся спеціалисты строительнаго дѣла, т.-е. архитекторы. Для чего же тутъ еще брантъ-майоръ? Развѣ онъ спеціалистъ какого-либо искусства, кромѣ умѣнья обращаться съ пожарными инструментами? Да и въ этомъ умѣньи брантъ-майоръ дѣлается спеціалистомъ только вслѣдствіе назначенія его въ эту должность, на которую назначаются лица случайно, просто по личному довѣрію, напримѣръ: то артиллерійскій офицеръ, то мелкій чиновникъ. Казалось бы нѣтъ достаточной причины вводить въ присутствіе выборнаго учрежденія

административнаго агента, не обязаннаго притомъ имѣть никакой спеціальной подготовки. Вѣдь для разсужденія о мѣрахъ къ охраненію общественнаго здоровья не вводится же въ городскую управу съ правомъ голоса докторъ медицины, а между тѣмъ, это было бы все-таки раціональнѣе, чѣмъ привлеченіе брантъ-майора къ разсмотрѣнію „фасадовъ". Въ высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, къ которому приложены нынѣшнія правила, постановлено, между прочимъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ вѣдомствами, при которыхъ состоятъ особыя по строительной части учрежденія, представилъ соображенія о мѣрахъ, какія, въ видахъ лучшаго устройства строительной части въ Петербургѣ, могли бы быть приняты для точнѣйшаго опредѣленія отношеній между упомянутыми учрежденіями и общимъ управленіемъ, завѣдывающимъ строительной частью, и свои соображенія внесъ въ государственный совѣтъ. Желательно, чтобы такое „опредѣленіе отношеній" состоялось именно въ смыслѣ упрощенія процедуры разрѣшеній и устраненія необходимости разнообразныхъ сношеній.

Перейдемъ теперь къ самому существенному вопросу городского хозяйства столицъ, именно къ вопросу о денежныхъ сборахъ и ихъ употребленіи. Извѣстно, что городской бюджетъ Петербурга крайне обремененъ обязательными расходами, изъ которыхъ наиболѣе тяжкимъ представляется расходъ по содержанію полиціи. Весь бюджетъ Петербурга на 1872-й годъ едва превышаетъ сумму $3^1/_2$ милл. р., а содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ составляетъ 1 м. 302 т. р., не считая весьма значительнаго расхода по содержанію и ремонтировкѣ различныхъ зданій, занимаемыхъ полиціею. Расходъ на полицію былъ уже тяжелъ для Петербурга и несоразмѣренъ съ его средствами и до того времени, какъ на городъ упалъ расходъ по содержанію мировыхъ судебныхъ учрежденій, составляющій нѣсколько менѣе 200 т. р. Сверхъ того, на городской же бюджетъ относится расходъ по отопленію и освѣщенію тюремъ вообще, по устройству и содержанію тюремъ для арестантовъ, приговоренныхъ къ заключенію мировыми судьями, и издержки по содержанію казармъ. Примѣненіе къ столицамъ городового положенія можетъ облегчить тягость обязательныхъ расходовъ въ будущемъ, но на первое время они останутся въ настоящемъ видѣ, и столицы пока получаютъ только право облагать своихъ жителей новыми сборами для своихъ нуждъ. Городовое положеніе опредѣляетъ, что города *участвуютъ* въ расходахъ по содержанію полиціи, „тамъ, гдѣ такое участіе возложено въ законномъ порядкѣ на городскія средства". Стало быть примѣненіе городового положенія къ столицамъ, само по себѣ, не измѣнитъ нынѣ существующей тягости. Сверхъ того, одно изъ правилъ по примѣненію установ-

ляетъ, что сборы существующіе въ столицахъ на основаніи особыхъ, высочайше-утвержденныхъ положеній сохраняются въ теченіи трехъ лѣтъ, а другое правило выражаетъ прямо, и безъ всякаго назначенія срока, что „на городскія средства обязательно относятся въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, сверхъ предметовъ исчисленныхъ въ ст. 139-й городового положенія (т.-е. обязательныхъ, въ числѣ которыхъ находится и *участіе* въ содержаніи полиціи), расходы по содержанію мировыхъ судебныхъ установленій, а также по устройству и содержанію помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей".

Расходы по содержанію мировыхъ учрежденій и особыхъ мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ судей, естественно, должны оставаться на городскомъ бюджетѣ. Но за этими новыми расходами тѣмъ болѣе необходимымъ становится облегчить для города огромную тягость содержанія полиціи, тягость, которая съ 1859-го года въ Петербургѣ *удвоилась*. Мнѣніе государственнаго совѣта, къ которому приложены нынѣшнія правила, между прочимъ опредѣляетъ: по приведеніи въ дѣйствіе новаго городового положенія въ столицахъ, вмѣнить въ обязанность столичнымъ думамъ представить въ теченіи трехъ лѣтъ (то-есть къ тому сроку, на который, какъ выше сказано, сохраняются особые сборы въ нынѣшнемъ ихъ видѣ) соображенія свои объ отмѣнѣ существующихъ въ нихъ, по мѣстнымъ положеніямъ, и оставляемыхъ на первое время сборовъ, или же объясненіе причинъ, по коимъ такая отмѣна нѣкоторыхъ изъ этихъ сборовъ была бы признана несвоевременною, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ министромъ финансовъ, внесъ окончательныя заключенія свои по этому предмету на разрѣшеніе, въ законодательномъ порядкѣ. Вотъ тотъ прямой поводъ, предоставленный городскимъ обществамъ столицъ примѣненіемъ городового положенія, который долженъ послужить для облегченія и правильной постановки ихъ хозяйства въ будущемъ. Нынѣшній законъ вмѣняетъ имъ въ обязанность пересмотрѣть сборы. Но пересмотръ сборовъ ни къ чему не поведетъ, да и невозможенъ безъ разсмотрѣнія всѣхъ статей постояннаго бюджета расходовъ. Если изъ бюджета расходовъ Петербурга въ $3^1/_2$ милл. р. исключить расходы: по управленію губернатора, по содержанію управы благочинія, адресной экспедиціи, полиціи и пожарныхъ командъ, мировыхъ учрежденій, городской тюрьмы и дома неисправныхъ должниковъ, казармъ и другихъ военныхъ зданій и караульныхъ домовъ, и квартирныя деньги нижнимъ чинамъ, то на все остальное, то-есть на все настоящее хозяйство города: строительную часть, освѣщеніе, содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, содержаніе и пенсіи городского управленія, углубленіе каналовъ и рѣкъ и даже на участіе города въ губернскихъ потребностяхъ остается всего менѣе 1 м. 700 т. р., то-есть менѣе половины всей бюд-

жетной суммы $3^{1}/_{2}$ милл., сбираемой съ жителей Петербурга въ сборахъ разныхъ наименованій.

Если же изъ суммы 1 м. 700 т. р. мы исключимъ содержаніе прежняго городского управленія (228 т. р.) и участіе въ губернскихъ земскихъ потребностяхъ ($58^{1}/_{2}$ т. р.), то на все хозяйство и благоустройство въ тѣсномъ смыслѣ остается гораздо менѣе $1^{1}/_{2}$ милл. р. Скуднѣйшую и поистинѣ недостойную столицы огромнаго государства статью въ городскомъ бюджетѣ представляетъ народное образованіе, на которое городъ издерживаетъ менѣе 28 т. р. Справедливо ли и возможно ли, чтобы на городъ, который уже издерживаетъ для одного военнаго вѣдомства (на казармы, квартирныя деньги и т. д.) до 120 т. р. въ годъ, возлагался въ столь значительной мѣрѣ расходъ по содержанію полиціи, какъ то было доселѣ?

Расходъ на содержаніе полиціи въ Петербургѣ, по самому своему свойству, есть расходъ по меньшей мѣрѣ настолько же обще-государственный, насколько и спеціально-городской. Самое устройство нашей полиціи противорѣчитъ содержанію ея преимущественно на мѣстныя общественныя средства; полиція наша есть учрежденіе правительственное, а стало быть и содержаніе ея естественно было бы принять на счетъ государственнаго бюджета, оставивъ на городѣ, положимъ, только содержаніе и отопленіе помѣщеній для чиновъ полиціи, но уже никакъ не расходъ по личному составу. Совершенная необходимость облегчить, такъ или иначе, городской бюджетъ выступаетъ все съ бóльшей очевидностью; если уже съ 1848-го года холера въ Петербургѣ появлялась нѣсколько разъ и почти всегда держалась по два года, то при нынѣшнемъ развитіи желѣзныхъ дорогъ она можетъ просто акклиматизироваться въ Петербургѣ, при отсутствіи цѣлой раціональной системы дезинфекціи. Если мостовыя наши, при нынѣшнемъ способѣ ремонтировки ихъ по лоскуткамъ, всегда находились въ плохомъ состояніи, то съ возрастаніемъ города, съ увеличеніемъ въ немъ числа экипажей и вообще движенія, мостовыя въ центрѣ города, куда все движеніе неизбѣжно стекается, придутъ наконецъ въ состояніе безнадежное, то-есть каждый вновь починенный лоскутъ мостовой будетъ исправенъ всего какой-нибудь мѣсяцъ въ году, а все остальное будетъ изображать нѣчто въ родѣ поверхности бурнаго моря.

Въ мнѣніи государственнаго совѣта положено еще предоставить министру юстиціи, вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющимъ II отд. обсудить вопросъ: „представляется ли полезнымъ и необходимымъ *возвысить*, и въ какой именно мѣрѣ, строгость взысканія, опредѣляемаго въ ст. 29-й устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ

властей, а равно земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій, и затѣмъ войти по этому предмету съ представленіемъ въ государственный совѣтъ“. Справляясь со ст. 29-ю видимъ, что установленное ею обыкновенное наказаніе представляется штрафомъ не свыше пятнадцати, а въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ двадцати-пяти рублей штрафа и семидневнаго ареста. Такъ какъ рѣчь идетъ о примѣненіи собственно къ столицамъ, а стало быть объ отвѣтственности именно по неисполненію требованій полиціи и городскихъ властей, то этотъ размѣръ наказанія представлялся бы кажется вполнѣ достаточнымъ, и нельзя желать его увеличенія. Полиція, правда, приноситъ Петербургу не малую пользу своимъ наблюденіемъ за благоустройствомъ и благочиніемъ. Но если бы нашлось возможнымъ облегчить городъ отъ огромной его тягости по содержанію полиціи, то это предоставило бы въ его распоряженіе такія денежныя средства, которыя дали бы ему возможность сдѣлать для своего благоустройства безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ для него можетъ сдѣлать одно наблюденіе полиціи, какимъ бы штрафомъ ни было караемо неисполненіе ея требованій.

Мы ограничились въ нынѣшней хроникѣ своими внутренними дѣлами, несмотря на то, что въ послѣдній мѣсяцъ наша печать обращала главное вниманіе публики на дѣло международное — какимъ былъ статистическій конгрессъ въ Петербургѣ; но мы имѣемъ въ виду посвятить въ ближайшей книгѣ журнала спеціальную статью засѣданіямъ конгресса и ознакомленію читателей съ предполагаемыми результатами его дѣятельности.

«ВИДЫ» и «СООБРАЖЕНІЯ»

министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ.

До сихъ поръ, говоря о новомъ родѣ училищъ, открываемыхъ у насъ съ нынѣшняго года, на основаніи закона 15-го мая, и названныхъ „реальными“, мы могли только угадывать, но точно не знали, какія собственно цѣли имѣетъ въ виду министерство народнаго просвѣщенія при открытіи этихъ новыхъ училищъ, и почему оно называетъ ихъ реальными, хотя въ Пруссіи, отечествѣ реальныхъ училищъ, подъ реальными училищами разумѣютъ такія же общеобразовательныя и научныя школы, какъ гимназіи. Въ августѣ „Правитель-

ственный Вѣстникъ“ публиковалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія къ начальникамъ учебныхъ округовъ (отъ 31 іюля), и теперь не можетъ быть больше мѣста никакимъ недоразумѣніямъ: въ этомъ циркулярѣ изображены совершенно ясно тѣ „виды“ и „соображенія“, которыми руководилось министерство народнаго просвѣщенія, представляя въ государственный совѣтъ проектъ устава реальныхъ училищъ. Эти „виды“ и „соображенія“, конечно, намъ не были тогда извѣстны: мы знали изъ газетъ одно, а именно, что большинство въ государственномъ совѣтѣ не согласилось съ этими видами и соображеніями; а потому теперь болѣе чѣмъ интересно познакомиться съ ними, чтобы понять и оцѣнить вполнѣ уставъ „реальныхъ“ училищъ съ точки зрѣнія самого министерства народнаго просвѣщенія, помимо воззрѣній тѣхъ, которые не соглашались съ проектомъ.

По словамъ циркуляра, „реальныя училища имѣютъ цѣлью давать *общее* образованіе *въ практическомъ направленіи* и тѣмъ непосредственно приготовлять учащееся въ нихъ юношество къ поступленію преимущественно на различныя поприща полезной практической дѣятельности“. Такое назначеніе названо въ циркулярѣ „особымъ, отличнымъ отъ гимназій“, которыя, „имѣя своими основными предметами оба древніе классическіе языка (а отечественный языкъ?) и *затѣмъ* математику, даютъ общее образованіе *въ направленіи теоретическомъ*, и, снабжая учащееся юношество всѣми необходимыми (т.-е. древними классическими языками и затѣмъ уже математикой) знаніями для дальнѣйшаго научнаго образованія, приготовляетъ его наилучшимъ образомъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ странъ (кромѣ, однако, самой образованной, а именно, кромѣ Пруссіи), ко вступленію не только въ университеты, но и вообще во всѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія“. Итакъ, съ этой минуты, у насъ будетъ, по плану самого министерства народнаго просвѣщенія, *два* общихъ образованія, а слѣдовательно и въ будущихъ ближайшихъ поколѣніяхъ образуется два рода людей: одни будутъ *теоретики*—кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, а другіе — *практики*, кончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ. Но собственно говоря, наши теоретики сами собою распадутся на двѣ весьма неравныя части; до сихъ поръ, окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и поступающіе въ университетъ, составляютъ около 5%, и слѣдов., только 5 изъ 100 теоретиковъ будутъ вполнѣ достойны этого названія, а 95 человѣкъ составятъ особую и значительную фалангу; о нихъ можно будетъ сказать, что они „убоялись реторики и возвратились вспять“. Такое распаденіе теоретиковъ на двѣ слишкомъ неравныя части предвидѣно и циркуляромъ; циркуляръ самъ признаетъ, что „весьма многіе“ теоретики не кончаютъ курса въ гимназіи, и при этомъ справедливо замѣчаетъ, что подобные теоретики составляютъ силу потерянную для страны, которая можетъ „обра-

щаться во вредъ обществу“. Имѣя въ виду парализировать такой вредъ, министерство народнаго просвѣщенія и создало теперь свою новую систему образованія, которая, по его убѣжденію, доставляетъ возможность избавить страну отъ массы некончившихъ курса въ гимназіи, а именно, значительная часть этой массы должна уйдти въ реальныя училища и тамъ кончить какой-нибудь практическій курсъ. Съ этой цѣлью предоставлена большая льгота гимназіямъ, а именно, ученики гимназій и прогимназій, удостоенные перевода во II, III, IV и V классы, принимаются въ соотвѣтствующіе классы реальныхъ училищъ *безъ* предварительнаго экзамена“.

Вполнѣ сочувствуя мотиву такого плана, а именно, намѣренію избавить общество отъ тѣхъ недоучившихся 95 изо 100 теоретиковъ, при помощи направленія ихъ въ реальныя училища, мы должны однако указать на то, что всѣ тѣ виды и соображенія, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, могутъ оказаться удовлетворительными только въ теоріи; на практикѣ же они приведутъ къ тому, чего, мы предполагаемъ, никакъ не можетъ желать министерство народнаго просвѣщенія; а чтобы наше мнѣніе не было голословнымъ, мы для тѣхъ, кому мало одпихъ логическихъ доводовъ, приведемъ и примѣры изъ исторіи другихъ странъ, болѣе опытныхъ насъ и уже давно отказавшихся отъ тѣхъ видовъ и соображеній, которыми у насъ думаютъ руководиться на будущее время. Само наше министерство косвенно сознается, въ настоящемъ циркулярѣ, что изъ его взглядовъ на значеніе реальныхъ училищъ и гимназій слѣдуетъ то, что „такимъ образомъ гимназіи *разсчитаны* на тѣхъ преимущественно, кто имѣетъ *возможность* учиться, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста, въ продолженіи 12 или 13 лѣтъ, и желаютъ пріобрѣсти высшее научное образованіе“. Разсчетъ сдѣланъ вѣрно, но какая можетъ быть при этомъ достигнута цѣль? Министерство, конечно, преслѣдуетъ при этомъ какую-нибудь благую цѣль; но выйдетъ ли такъ на дѣлѣ? Мы очень хорошо знаемъ, на практикѣ, и это не безъизвѣстно и министерству народнаго просвѣщенія, что „возможность учиться“ въ теченіи 12 или 13 лѣтъ (допустивъ же одинъ или два года слабости ученика или болѣзни, то и въ теченіи даже 14 и 15 лѣтъ) опредѣляется всего чаще матеріальнымъ состояніемъ родителей; а потому гимназіи, волей-неволей, окажутся „разсчитанными“ не на способнѣйшихъ, а главнымъ образомъ, на людей со средствами: имъ однимъ и будетъ доступно высшее научное образованіе и справедливо сопряженныя съ нимъ всѣ позднѣйшія выгоды его въ практической жизни. Тутъ не было бы ничего невыгоднаго для государства и общества, если бы и въ природѣ вещей заключался соотвѣтственный такой учебной системѣ порядокъ, если бы матеріальное благосостояніе родителей безусловно было связано съ высокими умственными и нравственными способностями ихъ дѣтей, и наоборотъ, безденежье

первыхъ являлось бы непремѣнно вмѣстѣ съ бездарностью послѣднихъ. Но въ природѣ вещей такого порядка нѣтъ, а потому нельзя ожидать отъ противодѣйствія естественному положенію дѣлъ выгодныхъ послѣдствій, какъ для государства, такъ и для общества. Между тѣмъ, таково неизбѣжное послѣдствіе теоріи, въ силу которой высшее научное образованіе и основательно связанное съ нимъ общественное положеніе и вліяніе лицъ будутъ разсчитаны на однихъ имѣющихъ „возможность" затрачивать чуть не 15 лѣтъ на полное образованіе, которое притомъ такого свойства, что и въ будущемъ не требуетъ отъ человѣка практическаго труда для добыванія всѣхъ средствъ къ жизни, а предполагаетъ ихъ готовыми.

Что же касается до другого, весьма почтеннаго по себѣ разсчета со стороны министерства на то, что искончившіе курса въ гимназіи будутъ съ настоящаго времени поглощаться реальными училищами, то это еще большой вопросъ, къ какому результату приведетъ насъ подобный разсчетъ, а именно, къ тому ли, чего желаетъ министерство, то-есть, избавить общество отъ цѣлаго легіона недоучившихся теоретиковъ, или къ чему-нибудь другому, чего, по нашему предположенію, министерство опять желать не можетъ? На практикѣ должно произойти и произойдетъ вотъ что́: неимущіе родители, взявшіе изъ гимназіи талантливаго сына по бѣдности, естественно не отдадутъ его по той же самой причинѣ и въ реальное училище, такъ какъ въ данную минуту они и берутъ сына потому, что нечѣмъ за него платить, а пожалуй нечѣмъ и кормить, а потому сына нужно пристроить прямо или въ канцелярію или въ контору. Такимъ образомъ, въ реальное училище будутъ переведены въ дѣйствительности только тѣ, которые окажутся слабыми, малоспособными и лѣнивыми, вообще испорченными натурами; убѣжищемъ таковыхъ и сдѣлаются реальныя училища. Такой только практическій результатъ и можетъ выйдти изъ благого намѣренія министерства избавить общество отъ недоучившихся теоретиковъ: реальныя училища, прежде нежели успѣютъ развиться и окрѣпнуть, потеряютъ всякое довѣріе въ обществѣ, и репутацію ихъ можно считать впередъ ненадежною. Самъ циркуляръ не особенно уважительно относится къ будущимъ реальнымъ училищамъ, когда говоритъ, наприм., о коммерческомъ отдѣленіи реальнаго училища такимъ образомъ: „Тотъ же (слова циркуляра), кто затруднялся бы не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики (значитъ, особенно неспособный и отлично лѣнивый), или имѣлъ бы надобность *скорѣе* (?) окончить школьное свое образованіе въ полезномъ практическомъ направленіи, имѣетъ *полную* возможность перейти въ коммерческое отдѣленіе реальнаго училища, двухлѣтній курсъ котораго не представляетъ *никакихъ особенныхъ трудностей*". Но будетъ ли счастливо то коммерческое отдѣленіе реальнаго училища

отъ пріобрѣтенія такого господина, и справедливо ли мнѣніе министерства народнаго просвѣщенія вообще о торговлѣ, приготовленіе къ которой будто бы „не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей“? По словамъ самого же циркуляра, выше, „молодые люди, окончившіе курсъ по коммерческому отдѣленію, должны обладать *весьма удовлетворительнымъ* общимъ образованіемъ, *хорошимъ* знаніемъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ, способностью *побѣждать* всѣ трудности, встрѣчающіяся въ коммерческомъ дѣлѣ вычисленій“, и т. д.,— но и этого довольно! Министерство какъ будто понимаетъ весь тяжелый трудъ человѣка, готовящагося къ коммерческой дѣятельности; но, подъ вліяніемъ своей теоріи, тѣмъ не менѣе рекомендуетъ само тѣмъ, кто не успѣлъ въ математикѣ, коммерческое реальное училище, гдѣ нужна именно „способность побѣждать всѣ трудности“ вычисленій; въ коммерческомъ реальномъ училищѣ потребуютъ „весьма удовлетворительнаго общаго образованія“ и „хорошаго знанія двухъ новыхъ языковъ“, а удаляющійся изъ гимназіи до окончанія курса не можетъ похвастаться ни весьма удовлетворительнымъ общимъ образованіемъ, ни способностью къ языкамъ. И такое-то лицо, которое „затруднилось бы не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики“, получитъ право поступить въ реальное училище безъ экзамена.

Но кромѣ указанія циркуляра самого нашего министерства на то, что реальныя училища будутъ таковы, что окажутся годными для принятія безъ экзамена плохихъ лингвистовъ и математиковъ изъ гимназій, мы имѣемъ предъ собою опытъ Пруссіи, гдѣ до 1859 года повторялось тоже школьное явленіе, а именно, что на реальныя училища смотрѣли какъ на убѣжище лѣности и неспособности, гдѣ „ученіе, какъ говоритъ нашъ циркуляръ, не представляетъ особыхъ трудностей“. Вредъ такого ненормальнаго отношенія реальныхъ училищъ къ гимназіямъ обнаружился въ Пруссіи очень скоро, и въ 1859 году реальныя училища были сдѣланы равносильными гимназіямъ, общеобразовательными и научными заведеніями, гдѣ ученіе представляетъ теперь не меньшія трудности, какъ и въ гимназіи, если только не бóльшія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что хотя виды и соображенія министерства народнаго просвѣщенія направлены къ тому, чтобы строго отдѣлить въ нашей общественной жизни теорію и практику, но на дѣлѣ окажется, что общественная масса раздѣлится у насъ на людей съ научнымъ образованіемъ и безъ научнаго образованія, и люди съ научнымъ образованіемъ будутъ только тѣ, которые имѣютъ возможность около 15 лѣтъ ни въ чемъ матеріальномъ не нуждаться; люди же способные, но неудовлетворенные „практическимъ направленіемъ“ сво-

его общаго образованія, сами на скорую руку и кое-какъ создадутъ себѣ теоріи помимо школьнаго труда. Это именно и будетъ то явленіе, отъ котораго наше общество страдало не мало, а именно, у насъ будутъ теоретики безъ трезваго пониманія современной практической жизни, и практики съ собственноручными теоріями. Другіе же виды и соображенія министерства, а именно относительно устроенія недоучившихся теоретиковъ въ реальныя училища, заключатся униженіемъ педагогическаго уровня послѣднихъ: можно ли имѣть высокій уровень какому-нибудь коммерческому училищу, когда само министерство приглашаетъ туда тѣхъ, кто хочетъ *скорѣе* кончить курсъ и обѣщаетъ при этомъ, что курсъ будетъ *легкій*,—какъ говорится, для маменькиныхъ сынковъ?!

Теперь, посмотримъ, остался ли циркуляръ вѣренъ самому себѣ и высказаннымъ имъ въ началѣ видамъ. На это отвѣчаетъ второй и послѣдній пунктъ циркуляра, на который мы и обращаемъ потому особенное вниманіе. Циркуляръ остался вѣренъ видамъ министерства народнаго просвѣщенія, но за то, намъ кажется, онъ, не вполнѣ вѣренъ духу устава реальныхъ училищъ, который былъ составленъ этимъ же министерствомъ, такъ какъ этотъ второй пунктъ сводитъ вопросъ объ основаніи у насъ реальныхъ училищъ къ вопросу объ основаніи двухклассныхъ профессіональныхъ школъ. Не смотря на то, что уставъ признаетъ сущностью реальнаго училища *общее образованіе*, хотя бы и примѣненное къ практикѣ, не смотря на то, что циркуляръ въ своемъ первомъ пунктѣ вынужденъ былъ также заявить, что „*существеннымъ признакомъ* реальныхъ училищъ признано то, чтобъ они давали *общее образованіе*, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“, — не смотря на все это, второй пунктъ циркуляра, въ опроверженіе своихъ же словъ въ первомъ пунктѣ, объявляетъ, что „существенную принадлежность каждаго реальнаго училища составляютъ классы V и VI“, а затѣмъ высшій дополнительный классъ; т.-е. другими словами, три высшіе класса реальнаго училища; а первые четыре класса, въ которыхъ собственно и получается настоящее общее образованіе, объявляются такимъ образомъ несущественною принадлежностью реальныхъ училищъ. Есть, слѣдовательно опасность, что слова циркуляра въ округахъ будутъ поняты такъ, что мы получимъ „принадлежность“ реальныхъ училищъ, а „признака“ ихъ не будетъ, и на такую мысль наводятъ особенно послѣдующія слова циркуляра. Ослабивъ значеніе низшихъ четырехъ классовъ въ реальномъ училищѣ, циркуляръ замѣчаетъ далѣе, какъ бы мимоходомъ, что курсъ четырехъ низшихъ классовъ въ реальномъ училищѣ „*почти вполнѣ*“ (?!) соотвѣтствуетъ курсу прогимназій, а въ низшихъ двухъ классахъ и курсу городскихъ учи-

лищъ [1])“. И на этомъ одномъ основаніи, полный организмъ еральнаго училища, какого мы могли бы ожидать по общему смыслу устава, можетъ оказаться въ „видахъ“ министерства излишнимъ, а въ заключеніе говорится уже прямо: „Изъ этого (т.-е. изъ вышеприведенныхъ словъ циркуляра) явствуетъ, что тамъ, гдѣ имѣются хорошо устроенныя городскія училища, а также прогимназіи, гимназіи и другія (?) среднія учебныя заведенія, реальныя училища могутъ быть учреждаемы, смотря по мѣстнымъ условіямъ, *безъ одного, двухъ, трехъ или даже и четырехъ классовъ*». Но такъ какъ нѣтъ ни одного города, гдѣ бы не было городского училища, прогимназіи или гимназіи или другого средняго учебнаго заведенія, то, очевидно, нигдѣ не нужно учреждать настоящаго реальнаго училища, а достаточно устроить просто двуклассное техническое училище, въ которое будутъ поступать изъ V класса классическихъ гимназій болѣе или менѣе плохіе ученики, такъ какъ хорошіе пойдутъ дальше; притомъ, основать полное реальное училище значило бы со стороны министерства признать собственную гимназію того же города плохо устроенною. Такимъ образомъ, чего мы только опасались, какъ невольнаго слѣдствія нашихъ реальныхъ училищъ, возводится циркуляромъ въ систему. Хотя циркуляръ и говоритъ, что курсъ прогимназій, т.-е. четырехъ нисшихъ классовъ гимназій „почти вполнѣ“ одинаковъ съ нисшими классами реальнаго училища, но кто же не знаетъ, что теперь будущіе воспитанники высшихъ классовъ реальныхъ училищъ будутъ почти одни гимназисты, остановившіеся на спряженіи какого-нибудь латинскаго глагола съ слабѣйшимъ знаніемъ русскаго языка, математики и новыхъ языковъ и безъ обученія рисованію и черченію. Можно ли сказать, что уставъ имѣлъ въ виду такихъ питомцевъ для ре-

---

[1]) До какой степени справедливо это «почти вполнѣ», всякій можетъ легко судить по одному тому, что въ нисшихъ четырехъ классахъ гимназій классическихъ латинскій и греческій языки занимаютъ 36 часовъ въ недѣлю; эти 36 часовъ въ недѣлю въ нисшихъ классахъ реальнаго училища не тратятся на древніе языки, а уходятъ на рисованіе и черченіе (18 часовъ въ недѣлю), совсѣмъ не преподаваемыхъ въ гимназіяхъ классическихъ, и на усиленіе другихъ предметовъ: на одинъ русскій языкъ въ 4 нисшихъ классахъ реальнаго училища уходитъ 18 часовъ, тогда какъ въ гимназіяхъ только 15, да и то совокупно съ церковно-славянскимъ языкомъ; на одну математику 16 часовъ, а въ гимназіяхъ 15 часовъ на математику съ физикою, математическою географіею и краткимъ отечествовѣдѣніемъ; на два новыхъ языка 28 часовъ въ недѣлю, а въ гимназіи 9 часовъ, притомъ на одинъ изъ новыхъ языковъ. Можно ли въ виду всего этого сказать, что курсъ 4 нисшихъ классовъ реальнаго училища «почти вполнѣ» соотвѣтствуетъ курсу 4 нисшихъ классовъ гимназіи, т.-е. прогимназіи? Не было ли бы справедливѣе сказать, что между тѣми и другими даже очень мало общаго? Однѣ употребляли огромное количество часовъ на то, чтобы все-таки недоучиться латинскому и греческому языку; другія въ это же время весьма раціонально подготовлялись къ старшимъ классамъ реальнаго училища.

альныхъ училищъ, которые засвидѣтельствовали бы въ гимназіи свою неспособность къ изученію языковъ и математики? Вотъ почему мы и были вынуждены считать все это за отступленіе отъ духа устава реальныхъ училищъ, который въ своемъ § 1 постановляетъ первою ихъ цѣлью „доставить учащемуся въ нихъ юношеству *общее* образованіе", для котораго первые четыре класса, низшіе—самые важные; а въ § 2 уставъ только разрѣшаетъ устроивать реальныя училища безъ младшихъ классовъ, и то только съ точки зрѣнія «мѣстныхъ удобствъ». Изъ циркуляра же, можно заключить, что мы вовсе не будемъ имѣть настоящихъ реальныхъ училищъ, удовлетворяющихъ полному плану устава, а будемъ имѣть однѣ гимназіи, въ которыхъ воспитанники будутъ расходиться въ V классѣ: лучшіе изъ нихъ останутся въ томъ же зданіи и пойдутъ дальше хорошо приготовленными къ продолженію своего дѣла; худшіе же, а во всякомъ случаѣ плохо приготовленные для новаго направленія, такъ какъ они остановились въ латинской и греческой грамматикахъ на какой-нибудь ихъ страницѣ, перейдутъ (и притомъ безъ экзамена) въ сосѣднее зданіе, въ которомъ будетъ помѣщаться коммерческое, механико-техническое или химико-техническое училище. Циркуляръ министерства, развивая свою мысль начальникамъ округовъ, ссылается впрочемъ не на уставъ реальныхъ училищъ, а на постороннія сущности дѣла соображенія, и говоритъ: „такая организація реальныхъ училищъ (т.-е. безъ младшихъ четырехъ классовъ) представляетъ два *существенныя* (?) удобства: во-первыхъ, значительное сбереженіе денежныхъ средствъ и учебныхъ силъ, потребныхъ для учрежденія и содержанія сихъ училищъ, вслѣдствіе чего и самое число ихъ можетъ значительно увеличиться; и во-вторыхъ, то удобство, что родители, отдавая своихъ дѣтей первоначально въ гимназіи или прогимназіи, не прежде 14-тилѣтняго возраста будутъ предрѣшать ихъ дальнѣйшую участь, т.-е, не прежде того возраста, когда въ большинствѣ случаевъ уже опредѣляются способности и наклонности учащихся". Но, во-первыхъ, мы убѣждены, что при организаціи у насъ новыхъ реальныхъ училищъ, самое существенное удобство составляетъ строжайшее исполненіе высочайшей воли, выраженной въ самомъ уставѣ реальныхъ училищъ, а именно, что можно устроивать реальное училище безъ младшихъ классовъ, только смотря «по мѣстнымъ удобствамъ», а вовсе не по финансовымъ соображеніямъ или какимъ-нибудь инымъ. А во-вторыхъ, въ настоящемъ случаѣ и самыя финансовыя соображенія министерства не оказываются безошибочными: если классическія гимназіи дѣлаются приготовительными заведеніями какъ для университетовъ, такъ и для высшихъ классовъ реальныхъ училищъ (а именно этого и желаетъ циркуляръ), то въ такомъ случаѣ число желающихъ поступить въ гимназіи удвоится; другими словами, гдѣ была до того

времени одна гимназія, тамъ будетъ нужно двѣ, а слѣдов. потребуются новыя финансовыя и учебныя силы. Что же касается до удобства родителей позже опредѣлять назначеніе дѣтей, то по § 15 устава реальныхъ училищъ они и безъ того могутъ, когда захотятъ, переводить дѣтей въ соотвѣтствующіе классы реальнаго училища, только теперь они этого не могутъ сдѣлать, потому что въ «видахъ» циркуляра вовсе и не предполагается основывать полныхъ реальныхъ училищъ, ибо «существенную принадлежность каждаго реальнаго училища составляютъ классы V и VI», а не первые четыре класса. Пусть бы еще такъ разсуждали частные люди, общества или земства, но отъ правительственныхъ реальныхъ училищъ мы ожидаемъ образцоваго устройства, полнаго во всѣхъ частяхъ, со всѣми подробностями устава, а не просто двуклассныхъ профессіональныхъ школъ, въ которыя будутъ стекаться недоучившіеся латинской и греческой грамматики гимназисты, которые «затруднялись бы, какъ говоритъ циркуляръ, не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики», и желали бы «скорѣе» окончить курсъ, и притомъ «безъ особенныхъ трудностей»—какъ это говорится въ томъ же циркулярѣ.

„Соображая все предъидущее, — такъ заключаетъ циркуляръ свое обращеніе къ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ — вы усмотрите что реальныя училища, по уставу 15-го мая 1872-го года, дополняютъ нашу учебную систему недостававшими ей доселѣ учебными заведеніями, отъ которыхъ можно ожидать удовлетворенія существеннымъ потребностямъ страны въ многоразличныхъ отношеніяхъ“. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, министерство не рекомендуетъ гг. попечителямъ прежде всего вполнѣ осуществить планъ реальнаго училища, какъ онъ изложенъ въ уставѣ, и поставляетъ на видъ—въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть гимназіи, прогимназіи и т. п., а слѣдовательно вездѣ,—вмѣсто полнаго реальнаго училища устроивать два высшихъ его класса по одному изъ трехъ отдѣленій, и наполнять эти классы въ такомъ случаѣ одними недоучившимися гимназистами. Это, какъ мы видѣли, будетъ мало выгодно для реальныхъ училищъ и противно духу устава. Мы и прежде мало могли сказать въ пользу этого устава, какъ устава реальныхъ училищъ, когда онъ былъ еще проектомъ, но разъ проектъ сдѣлался закономъ, мы будемъ всегда думать, что его слѣдуетъ осуществить въ цѣлости его плана; да и вообще, должно сознаться, что наши уставы приносили всегда мало пользы оттого, что лѣтъ черезъ 10-ть или 15-ть циркуляры не оставляли въ нихъ почти ни одного параграфа въ дѣйствіи; нынѣшній же разъ уставъ реальныхъ училищъ наклоненъ въ одну сторону еще прежде, нежели онъ успѣлъ найдти полное себѣ осуществленіе.

Прежній споръ о самомъ учебномъ планѣ проекта реальныхъ училищъ и его значеніи разрѣшается теперь циркуляромъ окончательно.

Очевидно, мы нисколько не ошибались тогда, когда утверждали, что проектъ училищъ, названныхъ „реальными", есть собственно проектъ училищъ профессіональныхъ. Это признаетъ теперь и циркуляръ, который въ доказательство достоинствъ своего учебнаго плана реальныхъ училищъ по уставу 15-го мая 1872-года ссылается на „сравненіе онаго съ учебнымъ планомъ прусскихъ *промышленныхъ* училищъ (по уставу 1850-го года), а также *профессіональныхъ* отдѣленій бельгійскихъ и швейцарскихъ кантонскихъ", — а не на учебный планъ реальныхъ училищъ въ Пруссіи; кромѣ того, наше министерство народнаго просвѣщенія въ своемъ циркулярѣ для доказательства пользы училищъ, названныхъ у насъ „реальными", приводитъ отзывъ не министра народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, какъ того слѣдовало бы ожидать, — а прусскаго министра *торговли*; очевидно, что наши „реальныя" училища и въ глазахъ самого министерства народнаго просвѣщенія есть не болѣе, какъ „промышленныя" училища Пруссіи, которыя тамъ вовсе и не находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, по той простой причинѣ, что только научное образованіе можетъ составлять основу народнаго просвѣщенія, а не прикладное. За то прусскій министръ торговли никакъ уже не скажетъ, какъ спеціалистъ своего дѣла, что коммерческія училища основываются для тѣхъ, кто желаетъ „скорѣе" кончить курсъ и притомъ безъ "особенныхъ трудностей; а министерство народнаго просвѣщенія, не будучи спеціалистомъ въ дѣлахъ торговли, можетъ имѣть и менѣе правильный взглядъ на торговлю.

Но гдѣ же, спросятъ насъ, въ общей системѣ нашихъ учебныхъ заведеній прусскія реальныя училища, гдѣ можно было бы и въ Россіи пріобрѣсть *научное* образованіе, помимо классическихъ гимназій? Циркуляръ утверждаетъ одно, что наши новыя „реальныя" училища „*дополняютъ* нашу учебную систему недостававшими ей доселѣ учебными заведеніями". Но это можно было бы справедливо сказать только тогда, когда мы имѣли бы реальныя училища въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ имѣетъ Пруссія, т.-е. какъ строго-научныя учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ прикладными. Нынѣшнія же училища, названныя у насъ реальными и по словамъ самого циркуляра соотвѣтствующія прусскимъ профессіональнымъ училищамъ, составляютъ конечно важное и полезное пріобрѣтеніе для страны, но онѣ могли бы быть устроены и другими нашими министерствами, соотвѣтственными министерству торговли въ Пруссіи, а отъ министерства народнаго просвѣщенія ожидаются только строго-научныя школы, именно потому, что оно завѣдуетъ *народнымъ* просвѣщеніемъ, а не коммерческимъ, технологическимъ, агрономическимъ и т. д. Въ Пруссіи народное просвѣщеніе въ настоящую минуту покоится на классической и на реальной школѣ; наше министерство остановилось исключительно на первой; а относи-

тельно второй пошло прямо противоположнымъ путемъ сравнительно съ Пруссіей: въ уставѣ прусскихъ реальныхъ училищъ 1859-го года запрещается давать правá реальнаго училища такому учебному заведенію, которое обнаружитъ профессіональное или прикладное направленіе; въ циркулярѣ же нашего министерства, отъ 31-го іюля 1872-го года, объявлено, что „наименованіе реальныхъ училищъ не должно быть присвоиваемо тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, курсъ которыхъ не имѣетъ вышеозначеннаго характера“, т.-е. „приспособленія къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“. Однимъ словомъ, въ Пруссіи наши новыя училища были бы названы профессіональными и попали бы въ руки министра торговли. Конечно, дѣло не въ названіи; пусть у насъ профессіональныя училища называются реальными; пусть ихъ основываетъ министерство народнаго просвѣщенія, а не другое какое-нибудь: это все же лучше, чѣмъ еслибы ихъ никто не основывалъ; наконецъ, такія профессіональныя училища во всякомъ случаѣ необходимы и полезны; онѣ не были бы излишни даже и при настоящихъ реальныхъ (научныхъ) училищахъ; но все же нельзя сказать, какъ-то утверждаются въ циркулярѣ, что теперь „цѣль, къ которой издавна, но безуспѣшно стремилось правительство — возможно *большее* распространеніе техническихъ познаній — будетъ дѣйствительно достигнута съ помощью техническихъ отдѣленій реальныхъ училищъ“. Во-первыхъ, наше правительство, какъ и всякое другое правительство просвѣщенныхъ странъ, не можетъ стремиться только къ *бóльшему* распространенію техническихъ познаній, — оно, конечно, цѣнитъ выше всего распространеніе тѣхъ *научныхъ* познаній, которыя необходимы для успѣха во всякой техникѣ; доказательствомъ тому служитъ и уставъ гимназій 1864-го года, котораго противники приписываютъ его лицамъ, между тѣмъ какъ этотъ уставъ, какъ и нынѣшній уставъ, былъ дѣйствіемъ самого же правительства; а тамъ было выражено именно стремленіе нашего правительства въ 1864-мъ году не отстать отъ Пруссіи, издавшей въ 1859-мъ году свой знаменитый уставъ реальныхъ училищъ, который составляетъ по справедливости гордость и причину успѣховъ этой страны; уставъ 1864-го года, правда, былъ не полонъ, исполненіе его досталось тѣмъ лицамъ, которыя не участвовали въ его составленіи; но все же это не даетъ намъ повода игнорировать его и забывать, что наше правительство еще весьма недавно стремилось къ тому, чтобы не отставать отъ научнаго движенія въ Пруссіи. Вотъ въ этомъ стремленіи, наше правительство, можно сказать, дѣйствовало „безуспѣшно“; не наше дѣло въ эту минуту объяснять—по чьей винѣ?—это принадлежитъ исторіи; но мы думаемъ, что отчасти причина неуспѣховъ заключалась въ неполнотѣ устава 1864-го года во всемъ, чтó относилось къ реальнымъ гимназіямъ, а дальнѣйшаго развитія имъ, какъ извѣстно, не было дано впослѣдствіи.

Но еще разъ повторяемъ, новыя реальныя училища, разсматриваемыя какъ профессіональныя, вовсе не излишни и весьма полезны даже въ глазахъ тѣхъ, кто желалъ бы видѣть въ Россіи прежде всего прусскія реальныя училища; новыя наши училища заслуживаютъ полной симпатіи нашего общества и энергическаго содѣйствія съ его стороны правительству въ дѣлѣ ихъ основанія, лишь бы онѣ были полными, а не двуклассными; прусскій министръ торговли весьма справедливо сказалъ о своихъ промышленныхъ училищахъ: „польза, приносенная прусскими промышленными училищами, и вліяніе ихъ на возвышеніе уровня отечественной промышленности признаны повсюду, даже и заграницей“. Эти слова приводитъ и циркуляръ, — они совершенно справедливы; мы убѣждены, что и основываемыя теперь наши промышленныя училища могутъ принести ту же пользу; но прусскій министръ торговли не сказалъ при этомъ, что прусскія реальныя училища приносятъ вредъ странѣ; мы даже увѣрены, что польза прусскихъ промышленныхъ школъ во многомъ обусловлена тѣмъ, что въ Пруссіи есть надъ ними разсадники реальныхъ наукъ; это именно прусскія реальныя училища. Вотъ почему мы также думаемъ, что какъ ни велика заслуга нашего министерства народнаго просвѣщенія, приступившаго теперь къ основанію новаго рода школъ въ Россіи, но это не избавляетъ его отъ желаній общества идти дальше по одному пути съ прусскою школою; конечно, и министерство народнаго просвѣщенія, указывая на сдѣланное имъ, можетъ справедливо отвѣчать на это: non omnes omnia possunt! Наконецъ, не менѣе вѣрно, пожалуй и то, что какъ бы мы ни много сдѣлали, всегда останется еще больше того, что нужно сдѣлать; никакъ нельзя ничего не оставить для дѣятельности потомства. Если же мы отстаивали всегда преимущества прусской реальной школы, то единственно вслѣдствіе нашего убѣжденія, что каково бы ни было общее образованіе страны, оно должно быть прежде всего *научное*, будетъ ли оно классическое или реальное. Иначе намъ придется еще долго читать отзывы иностранцевъ о „русскомъ умѣ“, подобные тому, который былъ произнесенъ недавно извѣстнымъ англичаниномъ Ридомъ; читатели найдутъ это ниже, въ статьѣ: „Англійское мнѣніе о русскомъ флотѣ“. Въ томъ, за что г. Ридъ упрекаетъ русскій умъ, виноватъ вовсе не русскій умъ...

М. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Сорокъ три мильярда. — Учредительные планы Тьера. — Сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Тьеръ въ Трувиллѣ. — Парламентская сессія въ Англіи. — Положеніе министерства. — Ballot на практикѣ. — Бельфастскіе безпорядки. — Митинги. — Уѣдетъ ли папа изъ Рима? — Муниципальные выборы въ Италіи. — Тьеръ о Викторѣ-Эммануилѣ. — Толки о берлинскомъ свиданіи. — Министерскій кризисъ въ Турціи.

Громадный успѣхъ французскаго займа трехъ мильярдовъ подалъ большинству французскихъ газетъ поводъ торжествовать этотъ фактъ, какъ доказательство неисчерпаемаго богатства Франціи и даже особеннаго «сочувствія» къ ней европейскаго капитала. Преувеличеніе здѣсь очевидно. Дѣло въ томъ, что при подпискѣ на этотъ заемъ у иностранныхъ банкировъ вовсе не требовалось представленія залога, да и въ самой Франціи отъ залога были освобождены биржевые маклера. Залоговъ въ дѣйствительности внесено было не многимъ болѣе полумильярда франковъ. Огромная сумма подписки (43 мильярда вмѣсто 3) представляла, такимъ образомъ, цифру, поставленную совершенно произвольно, безъ всякаго соотношенія съ дѣйствительными средствами подписчиковъ, и просто въ ожиданіи, что подписка во всякомъ случаѣ превзойдетъ требуемую сумму, и затѣмъ послѣдуетъ разверстка. Тѣмъ не менѣе, самая эта увѣренность европейскаго капитала въ томъ, что подписка на новый французскій заемъ непремѣнно превзойдетъ требуемую сумму, что затѣмъ временныя свидѣтельства будутъ ходить съ преміею и представятъ хорошее средство для спекуляціи — представляетъ все-таки симптомъ весьма благопріятный для Франціи. Кредитъ ея, стало быть, не поколебался, и республиканскому правительству обезпечена полная возможность исполнить денежныя обязательства передъ Германіею и осуществить въ скоромъ времени очищеніе французской территоріи отъ германскихъ войскъ.

Въ числѣ новыхъ налоговъ, вызванныхъ увеличеніемъ суммы процентовъ по иностранному долгу, вмѣстѣ съ увеличеніемъ и нѣкото-

рыхъ другихъ частей бюджета, президенту республики, наконецъ-таки, удалось провесть и излюбленные имъ налоги на первобытные или сырые продукты, ввозимые во Францію. Извѣстно, что въ январѣ національное собраніе, несмотря даже на угрозу Тьера выдти въ отставку, отвергло проектъ этихъ налоговъ. Но Тьеру удалось посредствомъ сопротивленія налогу на доходы и представленія вмѣсто него непопулярнаго налога на соль, и добавочныхъ сантимовъ къ прямымъ податямъ, добиться въ іюлѣ согласія національнаго собранія на то, что было отвергнуто въ январѣ. При утвержденіи налога на сырые продукты, Тьеръ получилъ большинство 46 голосовъ на 576 голосовъ, поданныхъ по этому вопросу. Лѣвая сторона подавала голоса въ пользу проекта Тьера прямо вопреки своимъ экономическимъ убѣжденіямъ и изъ соображеній чисто-политическаго свойства. Въ настоящее время матеріалы, ввозимые во Францію для обработки, будутъ оплачивать пошлину отъ 10 до 20% своей стоимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ французская промышленность вступаетъ на открытый путь экономической реакціи.

Національное собраніе закрыло свои засѣданія 3-го августа, назначивъ, по прежнему примѣру, наблюдательную коммиссію изъ 25-ти своихъ членовъ. Черезъ два дня и Тьеръ отправился въ Нормандію, въ Трувилль, для отдыха и приготовленія къ новой сессіи. Въ Трувиллѣ неутомимый старикъ занялся спеціально артиллерійскими опытами и изготовленіемъ такого учредительнаго проекта, который долженъ дать исходъ изъ нынѣшняго, временнаго положенія Франціи. Мысль, о которой Тьеръ упомянулъ мимоходомъ въ своемъ памятномъ разговорѣ съ представителями правой стороны, требовавшими отъ него объясненій, а именно мысль объ учрежденіи верхней палаты не оставлена президентомъ, и приготовляемый имъ проектъ, какъ говорятъ, заключается въ томъ, чтобы генеральные совѣты и національное собраніе избирали по половинѣ членовъ въ эту верхнюю, консервативную палату. Консервативной же палатѣ предполагается предоставить власть утверждать рѣшеніе президента республики о распущеніи національнаго представительства, то-есть какъ нынѣшняго собранія, такъ и будущихъ палатъ депутатовъ. Такимъ образомъ, сдѣланъ былъ бы новый шагъ для признанія и упроченія во Франціи республиканскихъ учрежденій, и самая конституція, въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ status quo, получила бы не маловажное дополненіе. Въ томъ, что новая конституція Франціи развилась бы такимъ путемъ постепенно, рядомъ отдѣльныхъ дополненій и исправленій, вызываемыхъ каждое практической необходимостью, не было бы ничего дурного. Вѣдь точно такимъ путемъ и установилась нынѣшняя конституція Великобританіи, только англійская конституція развивалась столѣтіями, а французская могла бы дойти до достаточной полноты хотя бы черезъ нѣсколько десяти-

лѣтій. Такимъ образомъ, республика установилась бы сама собою, безъ всякаго торжественнаго признанія. Если бы возможно было ожидать этого, то лучше ничего и не надо. Слишкомъ много торжественныхъ признаній уже пережила Франція въ послѣднія три четверти вѣка; слишкомъ много полныхъ, раціонально-составленныхъ конституцій принято было ею за это время окончательно, конституцій, которыя всѣ были превосходны, потому что въ каждой изъ нихъ всѣ элементы, будучи создаваемы вдругъ, могли быть строго согласованы и все могло быть предвидѣно. Но одного въ нихъ не предвидѣлось, именно того, что онѣ составлялись не на вѣчныя времена, а всего на 10, 15 или 20 лѣтъ. Правда, ничто не ручается, что и нынѣшняя конституція, состоящая всего изъ двухъ законовъ (о назначеніи президента и о продленіи его власти; съ предполагаемымъ проектомъ о верхней палатѣ конституція будетъ состоять изъ трехъ законовъ) продержится дольше, чѣмъ прежнія, прекрасныя въ своей полнотѣ и всеобъемлемости, уложенія; но въ такомъ предположеніи, можно сказать, что незачѣмъ и строить высокое зданіе въ странѣ, гдѣ безпрестанно предвидятся землетрясенія.

Что касается самой мысли о верхней палатѣ, то раціональною ее признать нельзя, хотя, впрочемъ, если при ея помощи можно найти выходъ изъ нынѣшняго заколдованнаго круга какой-то нескончаемой власти однажды, и то только на извѣстный случай, избраннаго представительства, то и она принесетъ временную пользу. Верхняя палата во Франціи всегда была простымъ орудіемъ въ рукахъ правительственной власти, потому именно, что компактнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ представительствомъ служила бы верхняя палата, во Франціи нѣтъ. Положимъ, членовъ въ предполагаемую палату будетъ назначать не правительство, а генеральные совѣты и палата депутатовъ. Но за то же составъ и положеніе такой верхней палаты будутъ еще случайнѣе и значеніе ея еще меньше, чѣмъ прежнихъ палатъ пэровъ и сенатовъ. Въ томъ видѣ, какъ, по слухамъ, ее предполагаетъ Тьеръ, верхняя палата будетъ не что иное, какъ результатъ ограниченнаго выборнаго права, поставленный на ряду съ палатою депутатовъ, которая исходитъ изъ избирательства всенароднаго. Такое сопоставленіе ведетъ прямо къ антагонизму и притомъ къ самому худшему антагонизму, именно къ борьбѣ между сословіемъ рабочихъ и сословіемъ достаточныхъ людей, которая и теперь уже составляетъ истинное національное бѣдствіе во Франціи. На верхнюю палату всегда будутъ смотрѣть какъ на представительство зажиточныхъ классовъ, опираясь на которые правительство „давитъ" народъ или не хочетъ слушать народнаго голоса и т. п. Какъ бы преувеличены ни были жалобы въ этомъ смыслѣ, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе верхней палаты все-таки дастъ для нихъ поводъ, потому

что, по мысли самого Тьера, верхняя палата должна, говорятъ, имѣть именно такое значеніе; должна служить органомъ интеллигентной, консервативной силы общества и быть для правительства опорою противъ „слишкомъ революціонныхъ“ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ. Но если мы вспомнимъ, что правленіе Людовика-Филиппа пало оттого, что онъ признавалъ только интересы буржуазіи, что республика 1848-го года погибла именно вслѣдствіе преувеличеннаго страха, внушеннаго зажиточнымъ классамъ, возстаніемъ іюньскихъ дней, наконецъ, что вторая имперія, со всей своей глубокой деморализаціей, держалась 18 лѣтъ именно тѣмъ же страхомъ, основывалась на томъ же антагонизмѣ классовъ, съ одной стороны подкупая массу военной славою и уступками духовенству, а съ другой—пугая буржуазію анархіею и стараясь сдѣлать ее своей единомышленницей въ неслыханной системѣ спекуляціи на народныя сбереженія — то ясно увидимъ, каковъ тотъ принципъ, который Тьеръ предполагаетъ нынѣ внесть въ самую конституцію страны. Освятить антагонизмъ зажиточныхъ классовъ съ бѣдными—закономъ, возвесть общественное бѣдствіе въ національное учрежденіе, давъ народу какъ бы нарочно два представительства для вѣчной борьбы—мысль по меньшей мѣрѣ странная. Но со стороны Тьера она странна менѣе, чѣмъ съ чьей-либо. Тьеръ самъ не что иное, какъ завзятый, самоувѣренный представитель зажиточной, эгоистической и самодовольной буржуазіи временъ Людовика-Филиппа. Онъ не избѣгаетъ борьбы и антагонизмъ сословій его не пугаетъ, потому что, по его убѣжденію, окончательная побѣда въ этой борьбѣ и должна принадлежать буржуазіи. Какъ „цѣльный характеръ“, Тьеръ не колеблясь идетъ по пути, который по мнѣнію его представляетъ и на вѣчныя времена будетъ представлять единственный „путь ко спасенію“. Если бы не было слишкомъ опасно, или если бы онъ успѣлъ продержаться самъ еще лѣтъ десять, то Тьеръ безъ сомнѣнія попробовалъ бы ограничить и всенародное голосованіе, или лучше — отмѣнить его, возвратиться къ имущественному цензу. Имущественный цензъ, какъ основаніе политическаго права въ государствѣ, которое и само есть не что иное какъ совокупность имуществъ — вотъ истинный идеалъ той узкой философіи государственнаго права, которая лежитъ въ основѣ буржуазной политики. И то уже, говорятъ, Тьеръ предполагаетъ обставить если не всеобщее избирательное право, то хоть самое голосованіе всего народа, нѣкоторыми стѣсненіями; Барду́, докладчикъ коммиссіи, которой національное собраніе поручило разсмотрѣть прошенія, поступившія по поводу выборовъ, въ своемъ мемуарѣ предлагаетъ требовать для права голосованія, чтобы избиратель не только имѣлъ не менѣе 21 года отъ роду, но и прожилъ въ своей общинѣ не менѣе одного года. А Тьеръ, по слухамъ, хочетъ, чтобы былъ установленъ мини-

мумъ возраста въ 25 лѣтъ, и минимумъ пребыванія въ общинѣ — трехлѣтній.

Прямая цѣль послѣдняго ограниченія — устранить отъ участія въ выборахъ значительную массу городскихъ рабочихъ, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто. Les ouvriers nomades — вотъ по убѣжденію консерваторовъ главная опора радикализма. На это можно возразить, что опасность состоитъ не въ убѣжденіяхъ рабочихъ, а именно въ недостаткѣ, неясности и нетвердости у нихъ какихъ-либо убѣжденій, однимъ словомъ, въ невѣжествѣ массы народа, не только переходящихъ рабочихъ, но—и въ особенности—рабочихъ самыхъ усидчивыхъ, то есть сельскаго населенія. При всемъ томъ, и какъ бы городскіе рабочіе ни поддавались легко минутнымъ увлеченіямъ, факты убѣждаютъ, что съ этой стороны опасность не бываетъ велика. Въ самомъ дѣлѣ, каково бы ни было настроеніе городскихъ рабочихъ во времена особенно-сильнаго возбужденія, никогда еще въ нынѣшнемъ столѣтіи выборы не производили во Франціи радикальной палаты, такой палаты, въ которой радикаламъ, хотя бы даже и умѣреннымъ, принадлежало большинство.

За всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что планъ Тьера задуманъ довольно ловко и пожалуй приведетъ къ тому результату, котораго онъ желаетъ: при помощи нынѣшняго національнаго собранія, онъ можетъ провести какую хочетъ мѣру въ смыслѣ противодѣйствія радикальному элементу и усиленія элемента консервативнаго. Воспользовавшись нынѣшнимъ собраніемъ для того, чтобы нѣсколько ограничить всеобщее голосованіе и создать въ странѣ спеціально-консервативное учрежденіе, онъ затѣмъ, съ согласія вызванной имъ къ жизни верхней палаты, можетъ распустить національное собраніе, произвесть новые выборы, которые непремѣнно будутъ благопріятны Тьеру, такъ какъ авторитетъ его въ странѣ весьма великъ, и вотъ при помощи этого новаго собранія, которое уже по необходимости будетъ учредительнымъ, Тьеръ, если вся комбинація ему удастся, можетъ окончательно упрочить свою власть и создать „консервативную республику“ на тѣхъ основахъ, какія признаетъ лучшими. Впрочемъ, нѣтъ основанія положительно утверждать, что изъ этого должно произойти что-либо дурное. Дѣло не въ формахъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Конечно, если формы таковы, что онѣ сами исключаютъ вовсе общественное мнѣніе отъ управленія страной, какъ то было при второй имперіи, то судьба страны становится просто игрушкою въ рукахъ временныхъ правителей. Но тѣ формы, какія предполагаетъ Тьеръ, вовсе не таковы. Положимъ, ограниченіе всеобщаго голосованія нераціонально потому, что оно нисколько не ведетъ къ предупрежденію революцій. Никогда выборы въ современной Франціи не имѣли революціоннаго характера, а революція можетъ быть

произведена и не-избирателями. Нѣтъ нужды пробыть непремѣнно три года въ одной общинѣ, чтобы приняться за ломку мостовой и стать съ ружьемъ въ рукахъ за грудою камней. Положимъ, верхняя палата во Франціи, если она будетъ учрежденіемъ постояннымъ, скорѣе усилитъ, нежели уменьшитъ антагонизмъ между сословіями. Но тѣмъ не менѣе, и при этихъ формахъ судьба народа все-таки будетъ въ его рукахъ, онъ можетъ воспользоваться и ими къ приготовленію себѣ лучшей будущности, какъ можетъ злоупотреблять и иными, болѣе раціональными формами. Въ смыслѣ же учрежденія временнаго, которое дало бы исходъ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ, приведя безъ всякаго насилія къ распущенію нынѣшняго національнаго собранія, верхняя палата, какъ уже сказано, могла бы даже оказать Франціи услугу.

Агитація въ смыслѣ распущенія собранія ожидалась весьма дѣятельная, но на дѣлѣ оказалось, что республиканская партія гораздо осторожнѣе, чѣмъ думали консерваторы. Если бы лѣвая сторона, какъ они предвѣщали, воспользовалась вакаціями собранія для произнесенія рѣчей и проведенія усиленной полемики въ смыслѣ враждебномъ нынѣшнему представительству, то нѣтъ сомнѣнія, что собраніе, по возобновленіи сессіи, самымъ рѣшительнымъ образомъ вступило бы на путь реакціи и, быть можетъ, прямо объявило бы себя учредительнымъ. Но лѣвая сторона не впала въ эту ошибку. Гамбетта и лѣвый центръ, котораго президентомъ состоитъ генералъ Шанзй, выказали большой тактъ, первый въ статьяхъ своей газеты „République Française“, второй въ заявленіи лѣваго центра, относительно бюллетеней о положеніи дѣлъ, какіе онъ предполагаетъ выпускать по временамъ въ видѣ корреспонденцій въ газеты. Республиканцы поступили весьма благоразумно отказываясь выступать сами противъ консервативнаго, монархическаго большинства и предоставляя ему самому обнаружиться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Поводъ къ этому избранъ республиканцами строго-законный. Сессія генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ открылась 19-го августа (н. с.) Республиканцы условились возбудить въ этихъ совѣтахъ два весьма важныхъ вопроса, именно о введеніи обязательнаго, гражданскаго (т.-е. государственнаго, а не церковнаго) обученія и подоходнаго налога. Необходимость поднять умственный уровень массы народа и привлечь зажиточные классы къ бо́льшему участію въ податномъ бремени, все болѣе и болѣе сознаются всѣми безпристрастными людьми. Аргументы, предъявляемые консерваторами, каковы всѣ монархисты, противъ того и другого, даже въ ихъ собственныхъ устахъ становятся все менѣе искренни и рѣшительны. А между тѣмъ, согласиться на эти мѣры консерваторы-монархисты никакъ не могутъ; одна изъ нихъ вырвала бы сельское населеніе изъ-подъ опеки духовенства, солидарнаго съ

монархистами, другая противорѣчитъ матеріальнымъ интересамъ какъ крупныхъ землевладѣльцовъ, такъ и богатаго промышленнаго класса, въ которыхъ монархисты находятъ своихъ поборниковъ. При возбужденія обоихъ этихъ вопросовъ въ генеральныхъ совѣтахъ, монархистамъ придется выкинуть истинный свой флагъ, доказать своими рѣчами, чего они желаютъ для націи не во внѣшнихъ, политическихъ формахъ, а на самомъ дѣлѣ: какой бытъ они желаютъ упрочить для народа. И вотъ, если окажется, что въ сущности они добиваются поддержанія въ народѣ невѣжества, подъ клерикальнымъ вліяніемъ, и оставленія на рабочихъ классахъ нынѣшняго бремени налоговъ, безъ привлеченія къ нему капиталовъ, въ такомъ случаѣ и безъ всякой прямой агитаціи со стороны республиканской партіи страна пойметъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло въ монархическомъ большинствѣ національнаго собранія, которое и Тьера еще находитъ недостаточно консервативнымъ политикомъ, а хотѣло бы новаго государственнаго переворота, даже подъ опасностью новой междоусобной борьбы, единственно для того, чтобы закрѣпить надъ массою населенія тяготѣющія нынѣ надъ нею невыгодныя общественныя условія.

Французскія газеты съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за малѣйшими подробностями пребыванія президента въ Трувиллѣ, поѣздками оттуда всего на нѣсколько часовъ въ Гонфлёръ и т. д. Между этими подробностями двѣ, дѣйствительно, заслуживали вниманія. Это были посѣщенія президента принцомъ уэльскимъ и русскимъ посломъ княземъ Орловымъ. Слишкомъ ясно, при нынѣшнемъ положенія Европы, что ни Англія, ни въ особенности Россія не могли предлагать Франціи какой-либо особой дружбы, а тѣмъ болѣе союза. Со стороны Англіи для политическихъ переговоровъ, во всякомъ случаѣ, былъ бы посланъ не принцъ уэльскій. Но нельзя все-таки не придавать нѣкотораго значенія помянутымъ визитамъ потому именно, что они были сдѣланы, такъ сказать, наканунѣ свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Въ этомъ смыслѣ, пріѣздъ въ Трувилль теперь именно наслѣдника великобританскаго престола и свиданіе его съ президентомъ французской республики было даже характеристичнѣе, чѣмъ былъ бы пріѣздъ въ Трувилль лорда Гранвилля, или хотя бы Гладстона. Какъ ни нерасположена нынѣ Англія къ протекціонистской политикѣ Тьера, но британская дипломатія все-таки, быть можетъ, хотѣла показать, что свиданія происходятъ не въ одномъ Берлинѣ. Что касается посѣщенія Тьера нашимъ посломъ, то хотя мы и считаемъ сомнительными извѣстія нѣкоторыхъ французскихъ газетъ о тѣхъ заявленіяхъ крайне-дружественнаго характера, для которыхъ будто бы пріѣзжалъ князь Орловъ въ Трувилль, однако находимъ довольно вѣроятною связь его посѣщенія съ берлинскимъ свиданіемъ. Свиданіе трехъ императоровъ, вообще говоря, считается обстоятельствомъ для Франціи неблагопріятнымъ. Что, поэтому,

русскій дипломатъ имѣлъ порученіе объяснить президенту миролюбивыя цѣли берлинскаго свиданія и своимъ внимательнымъ визитомъ такъ сказать „позолотить пилюлю“ для французскаго правительства— въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но всякое предположеніе, идущее *дальше* этого, представляется невѣроятнымъ. Что бы ни говорили о томъ способѣ, какимъ въ Берлинѣ подготовилось свиданіе именно *трехъ* императоровъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что до тѣхъ поръ, пока самое это свиданіе не состоялось и не обнаружились ближайшія его послѣдствія, русская дипломатія не можетъ обнаруживать никакой иной комбинаціи (не говоря уже о невѣроятности вообще всякой иной комбинаціи въ настоящее время).

За то нѣкоторыя другія подробности пребыванія Тьера на берегу моря, схваченныя большинствомъ французскихъ газетъ и возведенныя ими болѣе или менѣе въ событія, показываютъ не что иное какъ явленіе, на которое мы уже и прежде указывали: необыкновенную важность, какая придается во Франціи такъ-называемымъ incidents, то-есть случаямъ, которые касаются личностей, нисколько не имѣя вліянія на положеніе дѣлъ. Такова была демонстрація нѣсколькихъ подгулявшихъ господъ на морѣ, въ виду берега, на которомъ находился президентъ республики. Одинъ французъ и двое мексиканскихъ уроженцевъ, принадлежащихъ къ категоріи того интернаціональнаго полупридворнаго, полу-биржевого, закулиснаго и псевдо-политическаго „парижскаго свѣта“, который процвѣталъ при второй имперіи и былъ одной изъ вреднѣйшихъ язвъ, привитыхъ ею Франціи, кричали въ честь экс-императора и съ поношеніемъ Тьера, находясь на яхтѣ, принадлежащей русскому. Не напоминаемъ именъ, которыя всѣ получили извѣстность единственно по поводу этого скандала. На него не обратили бы вниманія въ Англіи, гдѣ Гладстонъ когда-то привлекъ къ мировому судьѣ какого-то подобнаго скандалиста, такъ и оставшагося неизвѣстнымъ всему міру. Но во Франціи изъ такого случая тотчасъ сдѣлали событіе: пошли толки о строгомъ выговорѣ со стороны князя Орлова, изъявленномъ имъ сожалѣніи, о происках бонапартистовъ и т. п. Обаяніе Франціи, существующее два вѣка, все еще такъ велико, что европейская печать добросовѣстно передавала на своихъ столбцахъ всѣ эти толки о фактѣ въ сущности совершенно ничтожномъ, но который сочтенъ былъ во Франціи нѣкоторымъ событіемъ. Все это характеристично, и упомянутый скандалъ если заслуживаетъ вниманія, то именно съ этой стороны. Если сравнить живость и разнообразіе толковъ французской печати объ этомъ случаѣ съ тѣмъ безмолвнымъ утомленіемъ, какимъ она сопровождала окончательное принятіе закона о налогѣ на сырые продукты, то нельзя не придти къ заключенію, что во Франціи—какъ и у насъ, замѣтимъ—въ большинствѣ читающей публики болѣе всего развита наклонность къ предметамъ свойства увесе-

лительнаго. Что серьезные люди во Франціи сознаютъ этотъ національный недостатокъ—несомнѣнно. Нелишне будетъ привесть нѣкоторыя разсужденія „Journal des Débats“, которыя хотя и высказаны по этому глупому поводу, но имѣютъ отношеніе и къ гораздо болѣе важнымъ предметамъ. „Гдѣ въ настоящее время наша столица: въ Парижѣ, въ Версалѣ или въ Трувиллѣ“? спрашиваетъ себя „Débats“, и продолжаетъ такъ: „съ этимъ вопросомъ мы обращаемся не къ географамъ, а къ тѣмъ, кто пишетъ въ газетахъ, и къ тѣмъ кто ихъ читаетъ. Парижъ скученъ и монотоненъ, Версаль пустъ. Весь шумъ перенесся въ Трувилль и всѣ отголоски приходятъ къ намъ оттуда; они даже оглушаютъ насъ. Корреспонденціи, дневники, депеши изъ Трувилля приняли тревожные размѣры; невозможно всего перечитать, что исходитъ оттуда, нѣтъ возможности всего запомнить. Нѣкоторыя газеты видятъ въ этомъ явленіи признакъ, что нравы наши все-таки имѣютъ свойство совершенно монархическое. Сколько мы ни дѣлаемъ революцій, въ насъ, говорятъ онѣ, все держится духъ монархическій. Нѣтъ у насъ Тюльери, такъ есть le chalet Cordier (дача, на которой живетъ Тьеръ) и выходитъ то же самое; мы не можемъ обойтись безъ короля. Но развѣ извѣстія, которыя сообщаютъ намъ изъ Трувилля, всѣ разсчитаны на то, чтобы возвысить наше уваженіе къ президенту республики? Совсѣмъ нѣтъ, и каррикатура тоже играетъ въ нихъ свою роль. И сама публика, серьезно ли она принимаетъ пустяки, которые ей доносятъ изъ Трувилля? Нѣтъ, она смѣется надъ ними и хотя бросается на нихъ съ жадностью, но именно для того, чтобы потѣшиться. Что сказать объ этой легкости, съ которой мы смѣняемъ съ году на годъ предметъ нашего вниманія, занимаемся одинаково сегодня королемъ, завтра императоромъ, потомъ президентомъ республики? Въ этомъ ли равнодушномъ отношеніи къ подобной смѣнѣ можно открыть монархическій духъ, который намъ приписываютъ? Нѣтъ, въ этомъ ни причемъ ни монархическіе, ни республиканскіе нравы; это просто доказательство неизлечимаго легкомыслія и пустоты нашихъ привычекъ. Мы претерпѣли жестокія бѣдствія, и что же? мы ощущаемъ именно по этой причинѣ особую потребность повеселиться. Пусть бы нравы наши были въ самомъ дѣлѣ монархическіе, или пусть они въ самомъ дѣлѣ были бы республиканскіе. И за то и за другое намъ слѣдовало бы благодарить Бога. Но бываютъ ли монархическими или республиканскими нравы народа? Нѣтъ, народъ можетъ только или имѣть просто *политическіе* нравы, или не имѣть ихъ. Такъ, наши сосѣди, англичане, имѣютъ въ высшей степени духъ, нравы политическіе. Еслибы исторія дала имъ республику, они бы и со своей республикой уживались также хорошо, какъ теперь уживаются со своей монархіей. Формы правленія вовсе не имѣютъ той важности, какую мы имъ придавали; онѣ не представляютъ сами ника-

кой магической силы, могущей обезпечить благосостояніе народа. И такъ, оставимъ этотъ лексиконъ словъ, который мы приняли-было за арсеналъ надежнаго оружія. Не станемъ болѣе разсуждать о правахъ монархическихъ и правахъ республиканскихъ, но постараемся воспитать въ себѣ духъ *политическій*, то-есть спокойный, трезвый, способный сознавать вещи въ ихъ дѣйствительномъ соотношеніи. Тогда мы поймемъ, что было такое время, когда мы поступали благоразумно, придерживаясь образа правленія монархическаго и что время это теперь, можетъ быть, уже миновало".

Сессія англійскаго парламента закрылась 10 августа рѣчью, произнесенною лордомъ-канцлеромъ отъ имени королевы. Эта тронная рѣчь не была замѣчательна ничѣмъ и состояла исключительно изъ самопоздравленій съ благополучіемъ. Впрочемъ, нельзя также отрицать, что и англійское общество и нынѣшнее правительство имѣли причины ощущать самодовольство. Изъ текущихъ явленій жизни къ концу сессіи развѣ только одно могло внушать нѣкоторое безпокойство, а именно сильное вздорожаніе каменнаго угля, и порожденные имъ вновь толки о возможности скораго истощенія каменно-угольныхъ пластовъ Великобританіи. Изъ дѣлъ минувшей сессіи важнѣйшимъ было окончательное проведеніе Ballot-bill'а, то-есть учрежденія негласнаго вотированія на выборахъ. Ровно годъ тому назадъ законъ этотъ, пройдя въ палатѣ общинъ послѣ нескончаемыхъ затрудненій, былъ устраненъ палатою лордовъ отсрочкою. Въ нынѣшнюю сессію лорды приняли, наконецъ, этотъ законъ, ослабляющій вліяніе богатыхъ классовъ на выборы, но обставили первоначальный проектъ такими измѣненіями и дополненіями, которыя уничтожали его сущность; между прочимъ, по дополненію, принятому лордами, скрытая подача голосовъ дѣлалась не обязательною для избирателей, а предоставлялось на ихъ волю подавать голоса закрытымъ или открытымъ способомъ. Палата общинъ при вторичномъ разсмотрѣніи измѣненнаго такимъ образомъ билля отвергла тѣ дополненія, которыя искажали сущность реформы, но доставила лордамъ удовольствіе согласившись на другія ихъ поправки, между прочими и на ту, которая придаетъ нынѣшнему закону характеръ временной мѣры, опредѣляя дѣйствіе ея только на восемь лѣтъ. Верхняя палата пропустила затѣмъ билль безъ измѣненія, въ его обязательномъ смыслѣ, и законъ былъ утвержденъ королевою.

Четыре дня по закрытіи парламента, ballot bill'ю представился уже первый случай примѣненія на практикѣ. Это было 14-го августа въ Понтефрактѣ, мѣстечкѣ, котораго представителемъ въ палатѣ общинъ былъ г. Чильдерсъ. Чильдерсъ вступилъ въ кабинетъ въ званіи канцлера Ланкастерскаго герцогства, и потому въ Понтефрактѣ назначены были новые выборы. Кандидатами явились Чильдерсъ и консерваторъ

лордъ Поллингтонъ, богатый землевладѣлецъ, такъ что конкурренція была весьма серьезная. Первымъ результатомъ примѣненія закрытаго голосованія была побѣда либеральной партіи: Чильдерсъ былъ избранъ вновь. Правда, онъ и прежде, то-есть при открытыхъ выборахъ, былъ представителемъ мѣстечка. Но на предшествующихъ общихъ выборахъ въ парламентѣ, Чильдерсъ получилъ въ Понтефрактѣ большинство всего 13-ти голосовъ, а теперь—и несмотря на опасную конкурренцію лорда Поллингтона, либеральный кандидатъ получилъ большинство 80-ти голосовъ. Впрочемъ, не столько важенъ результатъ выборовъ въ этомъ мѣстечкѣ, какъ тотъ характеръ, какой они получили вслѣдствіе примѣненія закрытаго голосованія. Извѣстно, что при прежней системѣ выборы въ Англіи весьма походили на ярмарку; необходилось безъ шума, пьянства и дракъ. Теперь на выборахъ въ Понтефрактѣ все происходило самымъ чиннымъ образомъ. Волненія и шума никакого не было. Кандидаты мирно расхаживали по городу, но не было никакихъ овацій и встрѣчъ враждующихъ партій потому именно, что избиратели не желали обнаруживать своихъ намѣреній. Избирательный ящикъ оставался открытымъ до 5-ти часовъ пополудни, и въ теченіи всего дня избиратели являлись къ нему, брали листки, незамѣтно вписывали на нихъ карандашемъ имена или знаки, складывали листки и опустивъ ихъ въ ballot-box, удалялись. Эта скромная церемонія знаменовала для Англіи весьма важное событіе, событіе, которое несомнѣнно отзовется на ея политической жизни и на всемъ ея законодательствѣ, приближая old England къ „демократизаціи".

Но реформа нынѣшней системы избирательства, предпринятая правительствомъ Гладстона, еще не окончена съ проведеніемъ ballot'а. Въ слѣдующую сессію внесенъ будетъ законъ о новомъ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ (redistribution of Seats), то-есть о новомъ составѣ избирательныхъ округовъ или о новомъ распредѣленіи между городами и графствами всего числа представителей въ палатѣ общинъ. Продолжая обзоръ сессіи минувшей, упомянемъ, что въ ней состоялся законъ о преобразованіи арміи, законъ о народномъ образованіи въ Шотландіи и нѣсколько важныхъ законовъ, неимѣющихъ политическаго значенія. Министерство Гладстона чувствовало себя въ концѣ сессіи гораздо сильнѣе, чѣмъ при ея началѣ, когда надъ нимъ висѣла грозная туча элебемскаго вопроса съ тѣми обвиненіями, которыя исходили изъ оппозиціи противъ уашингтонскаго трактата, которымъ правительство въ свое время такъ гордилось. Но третейскій судъ въ Женевѣ выручилъ лорда Гранвилля и Гладстона изъ ихъ неловкаго положенія. Онъ самъ устранилъ вопросъ о косвенныхъ убыткахъ и повелъ вопросъ о прямыхъ убыткахъ такимъ образомъ, что Англіи, очевидно, возможно будетъ удовольствоваться его рѣшеніемъ, хотя быть можетъ сумма присужденнаго воз-

награжденія и не будетъ такъ мала, какъ то поспѣшили сообщить недавнія англійскія телеграммы. Вслѣдствіе такого оборота дѣла вождь оппозиціи Дизраэли сохранилъ благоразумное молчаніе объ элебемскомъ дѣлѣ, а лордъ Россель, который давно объявилъ намѣреніе сдѣлать по этому предмету запросъ правительству, все откладывалъ этотъ запросъ и такъ его и не сдѣлалъ.

Личныхъ incidents, подобныхъ тѣмъ, которые такъ обильно являются въ палатѣ французской, въ сессіи англійскаго парламента не произошло, за исключеніемъ республиканскихъ рѣчей сэра Чарльза Дилька и г. Герберта въ началѣ сессіи и запроса по поводу выборовъ въ Гальвеѣ—въ концѣ ея. Мы назвали рѣчи Дилька и Герберта республиканскими, но это названіе не точно; возбужденъ былъ вопросъ только о слишкомъ большомъ расходѣ на содержаніе двора, и республиканскаго въ этихъ преніяхъ была собственно только тенденція, но не содержаніе рѣчей, которыя большинствомъ палаты были сопровождаемы давно уже неслыханными въ Уэстминстерѣ мычаньемъ и другими столь же остроумными заявленіями идей.

Запросы о выборахъ въ Гальвеѣ, въ Ирландіи, также не имѣли большого значенія, хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты и усмотрѣли въ отвѣтахъ британскаго правительства какъ бы намѣреніе послѣдовать за правительствомъ германскимъ въ его походѣ на іезуитовъ и вообще на клерикаловъ-католиковъ. Но въ чемъ же въ сущности было дѣло? Въ Гальвеѣ избранъ былъ, огромнымъ большинствомъ, одинъ изъ представителей католической партіи, и вмѣстѣ Home-rule, капитанъ Ноленъ. Но такъ какъ отъ нѣкоторыхъ избирателей поступили жалобы на незаконность этихъ выборовъ, совершенныхъ подъ рѣшительнымъ руководствомъ католическаго духовенства, то судья Кіо (Keogh), разсмотрѣвъ дѣло, призналъ выборы незаконными. Отсюда негодованіе клерикальной партіи на Кіо, который хотя самъ католикъ, но разсудилъ дѣло безпристрастно. Стали устраивать враждебныя ему демонстраціи, торжественно жгли куклу, изображавшую его, какъ лондонскіе мальчишки жгутъ соломеннаго Гея Фокса, и дѣлали судьѣ различныя угрозы, вслѣдствіе чего онъ не могъ выѣзжать иначе какъ съ вооруженнымъ конвоемъ. По поводу этихъ фактовъ, сэръ Робертъ Пиль спросилъ правительство, намѣрено ли оно или нѣтъ примѣнить законъ 1829 года противъ іезуитовъ, который преданъ забвенію. Гладстонъ сказалъ на это, что онъ не можетъ дать отвѣта, намѣрено ли или не намѣрено правительство примѣнять какой-либо законъ. Отвѣтъ Гладстона означалъ въ сущности: „посмотримъ, что будетъ дальше". Затѣмъ баронетъ, предъявлявшій вопросъ объявилъ, что въ началѣ слѣдующей сессіи онъ обратитъ вниманіе парламента на этотъ предметъ. Дѣло о выборахъ въ Гальвеѣ, впрочемъ, не кончилось отмѣною произведеннаго избранія. За этимъ должно послѣдовать судебное дѣло

противъ католическихъ епископовъ гальвейскаго и клонфёртскаго и 22-хъ священниковъ, на которыхъ падаетъ обвиненіе въ незаконныхъ дѣйствіяхъ при выборахъ.

Между тѣмъ, католическая агитація высказалась въ самой Англіи аристократическимъ митингомъ въ Лондонѣ для осужденія мѣръ, принятыхъ въ Германіи противъ іезуитовъ. Пренія и рѣшенія этого митинга не выходили изъ общихъ мѣстъ ультрамонтанства. Болѣе интереса представляютъ имена важнѣйшихъ его участниковъ. Предсѣдательствовалъ герцогъ Норфолькъ, присутствовали архіепископъ Маннингъ, монсиньоръ Кэпель (Capel), описанный въ романѣ Дизраэли Lothair подъ именемъ монсиньора Кэтсби, графъ Денби, лордъ Питръ, графъ Генсборо, лордъ Говардъ-Глоссопъ, графъ д'Альбани-Стюартъ, маркиза Лотіанъ и т. д. О томъ, присутствовалъ ли на этомъ митингѣ въ защиту іезуитовъ самъ Lothair, герой Дизраэлева романа, маркизъ Бютъ — нѣтъ извѣстія. Забавно было заключеніе рѣчи архіепископа Маннинга, состоявшее въ томъ, что Германія, лишая себя помощи іезуитовъ, тѣмъ самымъ отдаетъ себя въ жертву—даже не пресловутой Интернаціоналкѣ, а—масонамъ (!). Ужъ не масоны ли представляютъ тотъ возвѣщенный недавно Германіи Піемъ IX камень, что скатится съ горы и сломитъ ноги «глиняному колоссу»?

Кстати объ «интернаціональномъ обществѣ рабочихъ». Оно собиралось въ половинѣ іюля на первый свой годичный конгрессъ, въ Ноттингэмѣ. На этомъ конгрессѣ важнѣйшее предложеніе исходило отъ генеральнаго секретаря общества, Гельса (Hales), который, признавая важность общественныхъ вопросовъ, указалъ на необходимость политической дѣятельности для осуществленія хотя бы общественныхъ реформъ, а потому предложилъ организовать во всѣхъ странахъ особую политическую партію, партію рабочихъ. Предложеніе Гельса было принято собраніемъ единогласно. Сверхъ этого, замѣчательно еще одно рѣшеніе интернаціональнаго общества, а именно то, которымъ признается необходимость установленія въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи федеративной формы правленія, съ отдѣльными парламентами въ каждой изъ этихъ странъ.

Въ Бельфастѣ, въ Ирландіи, произошли между 15-мъ и 21-мъ августа безпорядки, которые впрочемъ не имѣли отношенія къ какому-либо текущему политическому вопросу. Сильныя драки протестантовъ съ католиками происходили въ теченіи цѣлой недѣли, но не по поводу отмѣны выборовъ въ Гальвеѣ или одобренія правительствомъ ихъ отмѣны, а по поводу—странно сказать—событій происшедшихъ два вѣка тому назадъ. Вражда между протестантами (оранжистами) и католиками, посѣянная въ Ирландіи прежнею политикою правительства, существуетъ доселѣ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Ирландія сохранитъ національныя стремленія къ полной независимости

или по крайней мѣрѣ къ самостоятельности внутренняго управленія (Home rule), стремленій, которыя представляются партіею католическою. Эти стремленія, какъ и самая вражда ирландскихъ католиковъ съ протестантами, происходятъ изъ одного источника, а именно изъ вѣкового угнетенія Ирландіи британскимъ правительствомъ, обширныхъ конфискацій земель, раздачи ихъ протестантамъ и всякаго рода эксплуатаціи страны. Все это давно прекратилось, но послѣдствія системы державшейся вѣка́ исчезаютъ не скоро.

Оранжисты (Orangemen) до сихъ поръ празднуютъ торжественными процессіями воспоминаніе о революціи, которая лишила престола послѣдняго Стюарта и доставила престолъ Вильгельму Оранскому. Эти процессіи происходятъ 12 и 13 августа. Католики же устраиваютъ процессіи въ день праздника Успенія, т.-е. 15-го августа. По поводу такихъ процессій въ городахъ, гдѣ населеніе не представляетъ одной сплошной вѣроисповѣдной массы, обыкновенно происходятъ драки, болѣе или менѣе крупныя, но одинаково лишенныя всякаго человѣческаго смысла. Извѣстно, что драки эти, по тому же поводу и между тѣми же партіями, происходятъ и въ Сѣверной Америкѣ, особенно въ Нью-Іоркѣ, такъ какъ ирландцы, даже оставивъ родину, не оставляютъ этихъ пагубныхъ традицій. Для предупрежденія такихъ столкновеній, полиціею обыкновенно принимаются мѣры, сообразно собраннымъ ею свѣдѣніямъ; иногда воспрещаются процессіи, но всегда временно усиливается составъ полицейскихъ командъ. На нынѣшній разъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, не имѣя никакихъ тревожныхъ извѣстій, понадѣялось на благоразуміе населенія и не приняло особыхъ мѣръ въ Бельфастѣ. Между тѣмъ, въ Бельфастѣ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Ирландіи могутъ происходить религіозныя драки потому, во-первыхъ, что большинство населенія въ немъ—протестанты, такъ что оранжисты сознаютъ здѣсь за собой силу, которой имъ не достаетъ въ Дублинѣ или Коркѣ, во-вторыхъ, потому что Бельфастъ имѣетъ населеніе въ 120 т. душъ и есть городъ фабричный.

Клубы оранжистскіе и католическіе на этотъ разъ сами поощрили полицію къ бездѣйствію тѣмъ, что своевременно выпустили воззванія, приглашавшія обѣ стороны къ сохраненію спокойствія. Въ томъ видѣ, какъ разсказываетъ событіе газета Times, виновниками нарушенія спокойствія были оранжисты. „Неоспоримъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ“, говоритъ о́рганъ Сити, „что католики не мѣшали оранжистскимъ процессіямъ, но что когда пришла очередь процессіямъ католическимъ, то онѣ подверглись нападеніямъ“. Въ день праздника Успенія, 15 августа (н. с.), послѣ обѣдни вышли католическія процессіи, которыхъ участники были украшены зелеными кокардами и несли зеленыя знамена съ золотой лирою безъ короны (цвѣтъ и

гербъ Ирландіи, „зеленаго Эрина"). Несмотря на мирныя заявленія, обнародованныя еще до оранжистскихъ демонстрацій 12-го числа католическимъ обществомъ защиты рабочихъ (Working men's defense association) и протестантскимъ обществомъ учениковъ (Apprentive boys association), какъ только появились зеленыя процессіи, тотчасъ начались драки, и превратились вскорѣ въ общую свалку по всему городу. Главнымъ оружіемъ были камни и палки, но скоро пущены были въ ходъ и ножи, и даже огнестрѣльное оружіе. Полиція пыталась разнимать дравшихся, но сама потерпѣла и не оказалась въ силахъ ничего сдѣлать. Затѣмъ, въ теченіи еще нѣсколькихъ дней драки возобновлялись съ необыкновенной яростью и ежедневно телеграммы изъ Бельфаста сообщали о нѣсколькихъ убитыхъ и десяткахъ раненыхъ. Потребованы были войска изъ разныхъ мѣстностей Ирландіи и созвана была полиція изъ окрестныхъ городовъ. Полкъ шотландскихъ горцевъ, полкъ милиціи, полкъ линейной пѣхоты и полкъ гвардейскихъ драгуновъ прибыли въ Бельфастъ; мэръ города сэръ Джонъ Сэвэджъ издалъ прокламацію о прочтеніи riot-act'а (закона о дѣйствіи противъ мятежа) и предложилъ войскамъ дѣйствовать штыками. Полиція должна было наконецъ стрѣлять въ народъ, и подъ конецъ большая часть ранъ нанесена была именно полиціею, въ которой также оказалось не мало раненыхъ, а одинъ констэблъ былъ убитъ. Бѣшенство партій было такъ велико, что разсказываютъ, какъ жена католичка нанесла нѣсколько ранъ ножемъ своему мужу—протестанту, когда онъ вернулся домой съ побоища. Явилось много «спеціальныхъ констеблей», то-есть волонтеровъ, которые вступили въ ряды полиціи для усмиренія бунта. Наконецъ, едва къ 22-му числу удалось справиться съ бунтомъ, который продолжался, стало быть, цѣлую недѣлю. Католики наиболѣе пострадали при этомъ, не столько въ самой дракѣ, сколько въ томъ разрушеніи и ограбленіи домовъ, которыми она сопровождалась.

Газета „Times" хотя и отнеслась безпристрастно къ началу безпорядковъ, признавъ первыми виновниками въ нихъ оранжистовъ, однако впослѣдствіи, въ другой статьѣ, вывела изъ этихъ фактовъ заключеніе весьма близорукаго свойства. Драки въ Бельфастѣ, по заключенію органа лондонскаго Сити, доказываютъ, что всѣ тѣ уступки, посредствомъ которыхъ правительство (т.-е. собственно Гладстонъ, такъ какъ отмѣна господства англійской церкви въ Ирландіи и новый поземельный законъ, въ пользу фермеровъ—его личныя дѣла) думало примирить ирландскій народъ, оказываются безсильными упрочить ему спокойствіе; что стало быть никакихъ уступокъ болѣе не надо, а слѣдуетъ примѣнять къ управленію Ирландіею только „терпѣливую волю" и „твердую руку". Какъ будто цѣлыя вѣка безпримѣрной эксплуатаціи и намѣреннаго сѣянія вражды могли быть изглажены двумя зако-

нами, проведенными въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ! Гладстономъ дано было прежде городскому управленію Бельфаста обѣщаніе посѣтить этотъ городъ въ сентябрѣ. Любопытно, исполнитъ ли премьеръ свое намѣреніе послѣ того, что произошло.

Между тѣмъ, какъ свѣтъ не безъ нѣкотораго удивленія видитъ появленіе въ такой странѣ какъ Англія свѣтскихъ защитниковъ общества Іисуса, въ ближайшей окружности римскаго клерикализма, въ Италіи, даже въ самомъ Римѣ, вліяніе его постоянно и весьма быстро падаетъ. „Узникъ Ватикана" не владѣетъ уже ничѣмъ, кромѣ Ватикана, Латерана и Кастель-Гандольфо. Правда, и это владѣніе достаточно обширно для отправленія въ немъ всевозможныхъ церемоніаловъ: въ одномъ ватиканскомъ дворцѣ заключается 11-ть тысячъ комнатъ и 22 двора, а при дворцахъ имѣются обширные парки. Но всего этого слишкомъ мало для преемника Григорія VII-го, и мысль о перенесеніи папскаго престола въ иную страну, повидимому, все еще не совершенно оставлена римскою куріей. Въ перепискѣ по римскому вопросу, обнародованной бывшимъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Жюлемъ Фавромъ, заключалось любопытное свѣдѣніе, что папа въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, графомъ д'Аркуромъ, 26-го апрѣля прошлаго года, высказалъ будто, еслибы ему вновь предложена была свѣтская власть надъ всѣми бывшими папскими владѣніями, то онъ не принялъ бы ея, но желалъ бы найти гдѣ-нибудь такой уголокъ, гдѣ онъ могъ бы быть совершенно независимымъ владыкой, соотвѣтственно своему высокому духовному призванію. Это заявленіе Пія IX-го было тогда же тотчасъ оффиціально опровергнуто изъ Рима, но нѣтъ никакой причины вѣрить болѣе опроверженію римской куріи, чѣмъ сообщенію Жюля Фавра. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя новѣйшія извѣстія заставляютъ предполагать, что въ Римѣ задумывается нѣчто въ виду именно будущаго конклава для избранія преемника Пію IX-му. Предполагаютъ, что наиболѣе фанатическая часть куріи, то-есть именно кардиналы, состоящіе подъ прямымъ вліяніемъ общества Іисуса и самъ генералъ ордена іезуитовъ Бэксъ желали бы перенесть временно престолъ св. Петра въ Бельгію (въ Мехельнъ), для того, чтобы устранить въ будущемъ конклавѣ большинство кардиналовъ итальянскихъ, въ числѣ которыхъ подозрѣваютъ нѣкоторыхъ въ склонности къ примиренію съ „расхищеніемъ", то-есть съ національною Италіей. Если конклавъ будетъ внѣ предѣловъ Италіи, то многіе старцы-кардиналы не примутъ въ немъ участія. Но къ этимъ слухамъ примѣшался въ послѣднее время слухъ весьма странный о разладѣ, будто бы происшедшемъ между папою и его государственнымъ секретаремъ, кардиналомъ Антонелли, при чемъ, этотъ кардиналъ, взывавшій нѣкогда къ строжайшимъ мѣрамъ со стороны австрійскихъ и французскихъ войскъ противъ итальянскихъ патріотовъ,

теперь будто бы вдругъ явился представителемъ мысли о необходимости полнаго и окончательнаго примиренія съ революціоннымъ итальянскимъ королевствомъ. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать этотъ слухъ, теперь еще неясно, а понимать его можно весьма различно. Можно допустить, что кардиналъ Антонелли дѣйствуетъ или согласно съ іезуитами, или противъ нихъ. Первое, конечно, вѣроятнѣе. Въ такомъ случаѣ можно полагать, что предпринявъ по возможности устранить изъ будущаго конклава элементъ итальянскій, іезуиты, на всякій случай, приготовляютъ про запасъ и итальянскую кандидатуру, но такую, которая будетъ вполнѣ благонадежна. Для этого, можетъ быть, кардиналъ Антонелли и озабочивается заранѣе составить себѣ репутацію національно-итальянскаго кандидата на папство. Затѣмъ, въ случаѣ если непройдетъ другой, болѣе любезный іезуитамъ кандидатъ, и Антонелли будетъ избранъ благодаря итальянскому большинству членовъ конклава, то ему придется разыграть роль Сикста V-го, „обмануть всѣ ожиданія“, то-есть оказаться непримиримымъ врагомъ той Италіи, которой онъ нынѣ будто бы является другомъ. Эта комбинація — въ духѣ іезуитовъ, какъ по хитрости своей, такъ и по своей рискованности. Іезуиты, вообще, всегда проигрывали всѣ важнѣйшія политическія дѣла именно потому, что „перехитряли“. Рискъ же настоящей комбинаціи могъ бы быть двоякій: во-первыхъ, Антонелли, бывъ предназначенъ къ роли Сикста V-го, могъ бы по своимъ избраніи въ папы сыграть ее въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ, подобно Сиксту, обмануть именно ту партію, которой принадлежала бы иниціатива въ его кандидатурѣ, то-есть самихъ отцовъ-іезуитовъ. Во-вторыхъ, доселѣ почти никогда не удавалось государственному секретарю предшествовавшаго папы быть избрану въ преемники его, и объясняется это тѣмъ, что первый министръ, неся на себѣ нравственную отвѣтственность за все, что дѣлалось при прежнемъ папѣ, въ составѣ конклава непремѣнно долженъ былъ имѣть гораздо болѣе личныхъ враговъ, чѣмъ друзей.

Какъ бы то ни было, но собственно въ желаніи іезуитовъ перенесть пребываніе папы внѣ Италіи въ виду будущаго конклава, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ, перенесеніе это и по ихъ мысли можетъ быть только временное. Остаться въ Римѣ или возвратиться въ Римъ для папства будетъ все-таки необходимо, несмотря на потерю имъ свѣтской власти, а можетъ быть еще болѣе необходимо вслѣдствіе потери ея. Теперь, когда папа пересталъ быть свѣтскимъ государемъ, авторитетъ его все-таки упалъ, какъ бы ни утверждали противное итальянскіе министры, представители идеи свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Іезуиты думали вознаградить папство за эту потерю провозглашеніемъ его непогрѣшимости. Но этотъ актъ, какъ теперь оказалось, не только не упрочилъ дисципли-

ны католической церкви, а напротивъ внесъ въ нея новый элементъ раздора, то-есть слабости. При такомъ положеніи, нужно все обаяніе папскаго „вѣчнаго города", апостольскихъ гробницъ и всемірной базилики св. Петра, однимъ словомъ, самого Рима, для того, чтобы папство не лишилось по крайней мѣрѣ своего историческаго величія. Въ Римѣ оно если и будетъ развалиной, то все-таки развалиной внушающей уваженіе и всѣми безспорно признаваемой за „подлинную", какъ признаются подлинными остатки Колизея или Термъ Каракаллы. Внѣ Рима, въ наше время, папство, блуждающее по свѣту, еще съ новымъ свойствомъ непогрѣшимости, будетъ казаться чѣмъ-то въ родѣ претенденства, чѣмъ-то стоящимъ въ ряду изгнанныхъ Бурбоновъ, Гвельфовъ и Бонапартовъ; уже не почтенной развалиной, а какой-то новой, но уродливой и совершенно несвоевременной постройкой. Наконецъ, католическая церковь только до тѣхъ поръ и будетъ считаться римской въ массѣ народа, пока глава ея останется въ Римѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эту истину курія не упускаетъ изъ виду. Очень можетъ быть, что окончательное рѣшеніе въ ней и теперь еще не созрѣло, что въ ней существуетъ еще нѣсколько равносильныхъ направленій и что одно изъ нихъ предполагаетъ неподвижное пребываніе папы въ Римѣ во что бы то ни стало. Не слѣдуетъ ли видѣть именно это послѣднее направленіе въ совершенно неожиданномъ вмѣшательствѣ римскаго двора въ муниципальные выборы непризнаваемаго имъ итальянскаго королевства? Самъ папа, въ одной изъ тѣхъ аллокуцій, которымъ, для бо́льшей свободы выраженія, придается характеръ заявленій частныхъ, но которыя потомъ печатаются клерикальными газетами въ видѣ совершенно оффиціальныхъ воззваній, выразилъ желаніе, чтобы вѣрные сыны церкви при предстоявшихъ 4-го августа выборахъ озаботились охраненіемъ „нравственнаго благосостоянія" своихъ городовъ и для того выбрали въ ихъ управленія людей „достойныхъ". За этимъ призывомъ папы послѣдовала столь сильная избирательная агитація многочисленнаго въ Италіи духовенства, что правительство, зная апатію большаго числа избирателей, не на шутку испугалось возможности всеобщаго торжества клерикальныхъ кандидатовъ. Для этого достаточно было бы, еслибы, по прежнимъ примѣрамъ, огромное число избирателей не воспользовались своимъ правомъ, а всѣ находящіеся подъ вліяніемъ духовенства избиратели приняли бы участіе въ выборахъ. Поэтому, правительство сочло даже нужнымъ разослать префектамъ циркуляры, приглашавшіе избирателей не отказываться отъ участія въ выборахъ. Это, сколько помнится, первый примѣръ вмѣшательства итальянскаго правительства въ выборное дѣло, хотя въ точномъ смыслѣ приглашеніе все-таки еще не есть вмѣшательство, какъ его понимаютъ во Франціи, Испаніи и Австріи. Избиратели откликнулись на призывъ правительства и произо-

шла столь жаркая борьба, какой еще не бывало по поводу муниципальныхъ выборовъ. Правительство, то-есть единство Италіи, одержало блестящую побѣду надъ всѣми усиліями враждебнаго ему духовенства. Даже такіе города, какъ Неаполь и Палермо, которые еще по воспоминаніямъ 1861 и 1862 годовъ не любятъ „пьемонтскаго“ правительства, избрали въ свои управленія людей правительственной партіи именно для того, чтобы нанесть враждебному Италіи клерикализму, которой вѣка терзалъ ее посредствомъ „чужеземныхъ коршуновъ“, рѣшительное и окончательное пораженіе. Практическій смыслъ итальянскаго народа явился здѣсь во всемъ блескѣ: почти вездѣ радикалы и республиканцы подали голоса вмѣстѣ съ приверженцами правительства, чтобы не разъединять либеральной партіи. Тамъ же, гдѣ—какъ въ Римѣ—республиканцы не послѣдовали этой благоразумной мысли, они увлекли съ собою не только менѣе голосовъ, чѣмъ сколько ихъ получило правительство, но и менѣе, чѣмъ сами клерикалы, такъ что пораженіе ихъ было еще ярче, чѣмъ пораженіе клерикаловъ. „Признаюсь“ говорилъ недавно Тьеръ въ одной частной бесѣдѣ, которую мы находимъ въ „Temps“, „что если какой-либо народъ рѣшительно обманулъ меня, такъ это народъ итальянскій. Я никогда не думалъ, что онъ можетъ оказаться столь готовымъ къ согласному, сплошному дѣйствію и столь зрѣлымъ для свободы, какъ то показала исторія послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, я охотно сознаю свою ошибку“. Въ той же бесѣдѣ знаменитый историкъ и президентъ республики высказалъ совсѣмъ новое мнѣніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ. „Пока живъ былъ Кавуръ, говорилъ Тьеръ, всѣ успѣхи итальянской дипломатіи относились къ нему. Между тѣмъ, Кавуръ давно умеръ, а итальянская дипломатія осталась точно такою, какъ была при немъ: то же терпѣніе въ выжиданіи, то же умѣнье хватать удобный случай за загривокъ (à la nuque). Мнѣ кажется, личность Виктора-Эммануила никѣмъ не оцѣнена какъ слѣдуетъ. Его считаютъ великимъ охотникомъ, всадникомъ, весельчакомъ и солдатомъ. Но онъ не только держитъ въ своей рукѣ всѣ нити какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Италіи, но еще обладаетъ и высшимъ родомъ искусства, именно искусствомъ показать какъ будто отъ него ничто независитъ“. Мы уже обращали вниманіе на вліятельное, хотя и скрытое участіе Виктора-Эммануила во внутреннихъ дѣлахъ посторонней страны, именно Испаніи. Этотъ фактъ, выяснившійся недавно, какъ нельзя болѣе подходитъ подъ то мнѣніе о роли Виктора-Эммануила въ политикѣ, какое высказываетъ Тьеръ.

Нынѣшнее обозрѣніе мы должны заключить наканунѣ весьма важнаго факта, именно ожидаемаго свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Свиданіе это вызвало многочисленные и весьма разнообразные

толки во всѣхъ органахъ европейской печати. Уже самое это разнорѣчіе наводитъ на мысль, что въ обстоятельствахъ, при которыхъ это свиданіе должно состояться, не усматривается положительныхъ, несомнѣнныхъ данныхъ для опредѣленія какой-либо цѣльной программы дѣйствій между тремя государствами, которыхъ государи встрѣтятся въ столицѣ германской имперіи. И Германіи, и Австріи, и Россіи приписываютъ весьма разнообразныя, взаимно-исключающія одно другое намѣренія именно потому, что, во-первыхъ, интересы трехъ имперій далеко не тождественны—кромѣ общаго интереса въ поддержаніи мира—а во-вторыхъ, потому, что у каждой изъ нихъ есть интересы такъ сказать двусторонніе, одни такіе, которые указываютъ на одинъ союзъ, другіе такіе, которые заставляютъ не устранять вполнѣ и союза совсѣмъ противоположнаго первому.

Наиболѣе распространенное предположеніе относительно цѣли берлинскаго свиданія заключалось въ томъ, что германское правительство, предвидя въ будущемъ возможность реванша со стороны Франціи, хотѣло бы обезпечить себѣ вновь пріобрѣтенныя владѣнія формальнымъ признаніемъ другихъ великихъ державъ и устранить для Франціи возможность разсчитывать на какого-либо могущественнаго союзника. Что такое желаніе со стороны германскаго правительства естественно—объ этомъ нечего и говорить; но вѣдь оно и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ исполнено: признанія формальнаго хотя и не было, но нельзя сомнѣваться, что всѣ европейскія державы признаютъ присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи къ германской имперіи. Устранять отъ Франціи союзника въ настоящее время также не имѣется надобности, потому что Франція на союзника для новой войны съ Германіей разсчитывать и теперь не можетъ. Что же касается болѣе отдаленнаго времени, то нынѣшнее свиданіе едва ли было условлено въ виду его, потому что на союзъ Австріи Франція не можетъ разсчитывать уже по сдѣланному сю опыту, а что касается Россіи, то къ ней настоящее свиданіе первоначально и не относилось; оно было условлено собственно только между императорами германскимъ и австрійскимъ, и только впослѣдствіи превратилось въ ожидаемое свиданіе трехъ государей. Другая изъ наиболѣе распространенныхъ догадокъ приписываетъ императору Вильгельму мысль, воспользовавшись оборотомъ, какой приняло берлинское свиданіе, примирить Австрію съ Россіей.

Въ этомъ смыслѣ и недавній пріѣздъ эрцгерцога Вильгельма въ Россію объясняется какъ приступъ къ такому примиренію. Но такъ какъ близкаго столкновенія между Австріею и Россіею и доселѣ не предвидѣлось, то изложенная догадка предполагаетъ, стало быть, такое примиреніе, которое было бы равносильно полному соглашенію въ видахъ относительно будущаго. Но такого соглашенія не можетъ

произойти между Австро-Венгріею, съ ея извѣстными стремленіями на Дунаѣ, стремленіями, которыя Германія вѣроятно была бы готова поддерживать, и Россіею съ ея традиціонной политикою на юговостокѣ, политикою, отъ которой Россія отказываться не можетъ и не должна. Мы разумѣемъ политику Россіи не въ смыслѣ захвата и поглощенія всѣхъ славянскихъ и вообще христіанскихъ областей Турціи, но въ смыслѣ всегдашней готовности оказать имъ защиту и противъ притѣсненія ихъ турками, и противъ захвата ихъ германскою расой въ лицѣ Австріи. Славяне привыкли видѣть въ Россіи такую защиту для себя, и Россія никогда не можетъ отказаться отъ такой своей исторической, вполнѣ раціональной и нисколько не завоевательной роли. Съ тѣхъ поръ, какъ дознано, что оттоманское государство не можетъ существовать безъ опеки, Россія не можетъ отказаться отъ нѣкоторой опеки надъ тѣми населеніями, которыя со стороны ея одной и могутъ ожидать защиты. Такъ-называемое полное соглашеніе видовъ относительно будущаго могло бы состояться между Австріею, Германіею и Россіею неиначе, какъ посредствомъ уступокъ именно со стороны Россіи, и едва ли не ея одной. Вотъ почему такое соглашеніе едва ли и возможно.

Фактъ, предшествовавшій свиданію въ Берлинѣ: внезапное увольненіе великаго визиря Махмуда, который держался союза съ Россіею и замѣна его Мидхатомъ, которому приписываются сочувствія западныя, такой фактъ, происшедшій къ тому же во время короткаго отсутствія нашего посла изъ Константинополя, доказываетъ уже самъ по себѣ, если бы это требовало новыхъ доказательствъ, что полное соглашеніе видовъ другихъ великихъ державъ съ видами Россіи въ восточномъ вопросѣ, а стало быть и наоборотъ — подчиненіе видовъ Россіи стремленіямъ другихъ державъ въ этомъ вопросѣ невозможны. Что касается самой отставки Махмуда, то русская дипломатія не имѣетъ причинъ ею сокрушаться. Дѣла въ Константинополѣ не могутъ идти иначе, какъ путемъ подобныхъ, періодическихъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Задача постоянно держать порту въ своихъ рукахъ слишкомъ тяжела для всякой дипломатіи и вовсе не нужна Россіи для того, чтобы исполнить ея естественное призваніе на юго-востокѣ Европы. Визирство Махмуда послужило намъ для того, чтобы дать наконецъ Болгаріи самостоятельность въ церковныхъ дѣлахъ; учрежденіемъ болгарскаго патріархата правленіе Махмуда уже сослужило русскому покровительству надъ славянами всю службу, какой мы были въ правѣ отъ него ожидать. До того времени, когда вновь представится необходимость оказать защиту турецкимъ славянамъ, въ составѣ Порты произойдетъ еще не одна перемѣна: kommt Zeit, kommt Rath!

АНГЛІЙСКОЕ МНѢНІЕ О РУССКОМЪ ФЛОТѢ.

«The Imperial Russian Navy». Naval Science, ed. by *E. J. Reed.* July, 1872.

Въ прошедшемъ году г. Ридъ посѣтилъ Петербургъ, и при этомъ имѣлъ случай близко познакомиться и съ нашими работами въ адмиралтействахъ, и съ самими строителями. Г. Ридъ пользуется въ своей спеціальности европейскою репутаціею, какъ одинъ изъ первоклассныхъ техниковъ-строителей англійскаго флота. Онъ былъ еще недавно главнымъ кораблестроителемъ (Chief Constructor of the Navy), и теперь состоитъ вице-президентомъ института морскихъ архитекторовъ въ Лондонѣ; его имя, какъ автора многихъ ученыхъ работъ, занимаетъ почетное мѣсто и въ наукѣ; г. Ридъ извѣстенъ также какъ редакторъ морского техническаго журнала „Naval Science", основаннаго имъ же. Именно, въ этомъ журналѣ и явилась недавно статья самого г. Рида, въ которой онъ излагаетъ результаты своего личнаго ознакомленія съ современнымъ морскимъ строительнымъ искусствомъ въ Россіи, и посвящаетъ его описанію особую статью, подъ заглавіемъ: „Русскій Императорскій флотъ". Помимо рѣдкости вообще иностранныхъ отзывовъ о русскихъ дѣлахъ, что впрочемъ не мѣшаетъ иностранцамъ знать иногда наши дѣла лучше, чѣмъ мы сами ихъ знаемъ, —одно имя г. Рида обращаетъ вниманіе на его отзывъ, при томъ, о дѣлѣ, которое занимаетъ не маловажное мѣсто въ нашемъ бюджетѣ. Правда, до сихъ поръ отзывы иностранцевъ о насъ и нашихъ дѣлахъ почти всегда оказывались не лестными, и надобно было потому всегда умѣть отличать въ этихъ отзывахъ дѣло отъ простой брани, весьма часто основательной и намъ полезной, а иногда внушенной недружелюбіемъ и старою привычкою презрительно относиться къ намъ; но на этотъ разъ читателю придется встрѣтить въ отзывѣ г. Рида столько похвалы и одобренія, что нужно уже разсчитывать на наше національное недовѣріе, которое предписываетъ даже и на самого „Бога надѣяться, а самому не плошать". Вотъ текстъ самой статьи, которая, мы увѣрены, не заставитъ никого изъ насъ „выронить сыра", а между тѣмъ познакомитъ съ воззрѣніями одного изъ первоклассныхъ европейскихъ техниковъ на важный вопросъ, который теперь волнуетъ весь морской міръ.

„Замѣчательное обстоятельство — такъ начинаетъ г. Ридъ свою статью — если мы (англичане) желаемъ видѣть наиболѣе интересные и важные образцы военныхъ судовъ, то должны искать того не во Франціи и Англіи, а въ адмиралтействахъ и портахъ Россіи. Во Фран-

ціи г. Дюпюи де-Ломъ строилъ воздухоплавательные снаряды, и мы не находимъ, чтобы и его преемники были тоже способны сдѣлать что-нибудь серьезное для флота въ правленіе г. Тьера. Въ Англіи требуется превозмочь такъ много затрудненій, прежде чѣмъ можетъ быть введено въ военномъ флотѣ что-либо новое и хорошее, что въ послѣднее время мы съ трудомъ могли разсчитывать на будущность начатыхъ постройкою судовъ, за исключеніемъ развѣ множества крошечныхъ канонирскихъ лодокъ, проектированныхъ много лѣтъ тому назадъ. Изъ судовъ предположенныхъ къ постройкѣ въ настоящемъ году, представляютъ еще нѣкоторый интересъ два броненосныя судна, но усовершенствованія предполагаемыя въ нихъ такъ малы, что развѣ только пророческій глазъ можетъ останавливаться на долгое время на этихъ проектахъ. Намъ однакожъ пріятно заявить, что въ проектѣ новыхъ первоклассныхъ броненосцевъ, г. Барнаби и его сослуживцы, подчиняясь новымъ потребностямъ времени, внесли весьма существенныя и важныя нововведенія, которыя состоятъ въ усиленіи носового огня и въ увеличеніи числа отдѣленій въ подводной части корпуса. Сѣверо-германское правительство конечно нельзя обвинять въ лѣности, но новость его морского положенія заставляетъ его предпочитать постепенное развитіе кораблестроенія быстрому переходу къ новымъ идеямъ.

Австрія держится весьма похвальнаго правила, строить желѣзные броненосцы въ своихъ собственныхъ портахъ; но она не можетъ дѣлать этого скоро, и потому морская администрація въ Вѣнѣ, какъ бы она ни была воодушевлена духомъ прогресса, не въ силахъ привести свой флотъ въ такое состояніе, чтобы онъ могъ держаться въ приличномъ положеніи, при общей погонѣ другъ за другомъ морскихъ націй. Своимъ рѣшеніемъ не строить судовъ за границею, эта нація отдаляетъ себя отъ равенства съ другими европейскими державами, которыя, развивая свою національную промышленность, въ то же время находятъ благоразумнымъ пользоваться и результатами, выработанными Англіею и Шотландіею въ дѣлѣ кораблестроенія. Италія, благодаря несовершенству морской администраціи, занимаетъ въ средѣ морскихъ державъ положеніе худшее того, какое она должна была бы занимать по своимъ затратамъ. Турція, главнымъ образомъ въ лицѣ своего Султана, показала удивительную предпріимчивость, но, къ несчастію, мы опасаемся, что его величество слишкомъ много полагается на величину, цѣнность и прекрасный внѣшній видъ своего флота; *турецкая же система администраціи лишаетъ его совѣта передовыхъ людей, способныхъ имѣть широкій взглядъ на морское дѣло.* Мы надѣемся, что Махмутъ-Паша, какъ великій визирь, не замедлитъ благоразумно разрѣшить эту важную задачу.

Повторяемъ, въ Россіи только мы должны теперь искать результатовъ энергической и самостоятельной дѣятельности; тамъ морской духъ Петра Великаго видимо воскреснулъ вновь, даже съ бóльшимъ чѣмъ въ то время жаромъ. Эта дѣятельность выражается въ такой формѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ настоящаго періода времени. Мы сейчасъ покажемъ, что въ Россіи строятся теперь три различныхъ типа броненосныхъ судовъ, и всѣ они олицетворяютъ собою новыя идеи; всѣ весьма хорошо удовлетворяютъ своему назначенію и всѣ быстро подвигаются къ окончанію. Обстоятель-

ства, связанныя съ нашимъ посѣщеніемъ Россіи въ прошломъ году, заставляютъ насъ умолчать о причинахъ, по которымъ морскія силы этого государства такъ сильно развиваются, но нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ будутъ здѣсь не лишними.

Во-первыхъ, русскій флотъ пользуется особымъ покровительствомъ самой императорской фамиліи. Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ, мы видѣли много тому доказательствъ. Участіе, которое принимаетъ самъ Императоръ въ своемъ флотѣ, достаточно свидѣтельствуется тѣмъ, что всякій новый и важный опытъ въ морскомъ дѣлѣ, даже въ начальной степени его развитія, уже внимательно разсматривается лично Его Величествомъ. Врядъ ли можно сказать съ увѣренностью то же самое относительно какого-либо другого монарха. Цесаревичъ, Наслѣдникъ Престола, хотя военный офицеръ и по своему рожденію предназначенный заботамъ о болѣе обширныхъ интересахъ имперіи, принимаетъ живѣйшее личное участіе во флотѣ и хорошо знакомъ съ каждою происходящею въ немъ перемѣною. Его братъ великій князь Алексѣй, подобно нашему принцу Альфреду герцогу Эдинбургскому, практическій морской офицеръ, командующій отдѣльнымъ фрегатомъ и изучающій тайны, если можно такъ выразиться, современнаго военнаго судна. Е. И. В. великій князь Константинъ, который уже давно пользуется всѣмъ извѣстной репутаціей морского офицера, настолько преданъ интересамъ флота, что сохраняетъ за собою званіе генералъ-адмирала, несмотря на то, что занимаетъ еще высокій постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, — который составляетъ конечно важнѣйшее изъ административныхъ учрежденій въ Европѣ. Каковы бы ни были достоинства нашей (англійской) системы, благодаря которой главный надзоръ за британскимъ флотомъ достался въ руки сначала г. Чильдерса, а потомъ г. Гошена, высокія качества которыхъ, оцѣненныя г. Гладстономъ, поставили ихъ какъ людей самыхъ способныхъ во всей Великобританіи для исполненія высокой обязанности Перваго Лорда Адмиралтейства, — несмотря на то, надо признаться, что русская система, по которой управленіе флотомъ отдается въ руки человѣка, который при личныхъ способностяхъ обладаетъ обширными свѣдѣніями, большою опытностью въ морскомъ дѣлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ высшіе посты въ морской и обще-государственной службѣ—надо сознаться, говоримъ мы, что такая система имѣетъ за собою также весьма важныя выгоды. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что постройкою тѣхъ замѣчательныхъ судовъ, которыя готовятся теперь въ Россіи, эта страна обязана въ значительной мѣрѣ тому интересу, который принимаетъ во флотѣ императорская фамилія, и безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ тотъ членъ ея, который управляетъ этимъ флотомъ.

Другая причина, которой въ большой мѣрѣ приписывается прогрессъ въ русскомъ флотѣ, вытекаетъ изъ предыдущей. Лицо, стоящее нынѣ во главѣ флота, предоставляетъ свободу дѣйствій людямъ, обладающимъ самобытнымъ и обширнымъ умомъ и въ высшей степени знающимъ свою спеціальность морскимъ офицерамъ. Это обстоятельство заслуживаетъ большого вниманія, потому что есть люди, которые считаютъ русскій умъ вообще подражательнымъ и неоригинальнымъ. Можетъ быть, такой подражательный характеръ ума обнаруживается въ Россіи чаще нежели въ Западной Европѣ. Посѣщая русскія учеб-

ныя заведенія, мы сами нерѣдко замѣчали большія восприниматель-ныя способности и недостатокъ въ приложеніи познаній къ *новымъ* задачамъ [1]). Но, съ другой стороны, въ средѣ русскаго общества мы рѣшительно не замѣчали недостатка въ самодѣятельности и оригинальности мысли; кромѣ того, какъ мы увидимъ далѣе, русскій флотъ, въ противоположность со всѣми другими флотами, отличается силою идей и смѣлостью, съ которыми разрѣшаются извѣстныя нѣкоторыя задачи кораблестроенія.

Новыя суда, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, проектированы адмираломъ Поповымъ, офицеромъ, который обнаружилъ свои личныя качества еще въ такъ - называемой нами русской войнѣ (крымской), при защитѣ Севастополя и въ другихъ мѣстахъ, и, безспорно, человѣкомъ весьма замѣчательныхъ способностей. Идеи его, на которыхъ онъ основывалъ свои проекты, не трудно охарактеризовать въ короткихъ словахъ: эти идеи такого свойства, что отвѣтственныя лица, поставленныя во главѣ управленія флотами, конечно не захотѣли бы имъ слѣдовать, даже и при самыхъ убѣдительныхъ доводахъ. Это были такія идеи, которыя могли быть осуществлены только лицами, привыкшими мыслить весьма самостоятельно и смотрѣть ясно на морское дѣло.

Къ счастію адм. Попова и его проектовъ, в. кн. Константинъ былъ способенъ на то и другое и, вмѣстѣ съ почтеннымъ морскимъ министромъ адмираломъ Краббе, предоставилъ ему необходимую свободу дѣйствій для разработки его проектовъ.

Мы думаемъ также, что и другое обстоятельство способствовало настоящему положенію русскаго флота, а именно сильная реакція, которая послѣдовала въ немъ послѣ гибели „Captain'а". Громкая агитація, возбужденная этою катастрофою, имѣла большое вліяніе во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ нашей собственной. Во Франціи, правда, ни г. Дюпюи де-Ломъ, ни императоръ никогда не были сильно заняты ею; въ Пруссіи его корол. высочество принцъ Адальбертъ противился ей въ сильной степени, и при своемъ высокомъ званіи генералъ-адмирала противился успѣшно почти до конца. Но въ Россіи, также какъ и у насъ, нѣкоторые высокопоставленные морскіе офицеры были проникнуты невѣрными идеями и успѣли ихъ провести также весьма дѣйствительно, какъ и въ Англіи.

---

[1]) Это замѣчаніе иностранца о нашей школѣ пріобрѣтаетъ въ настоящее время огромное значеніе. Наши защитники профессіонализма въ реальныхъ школахъ должны подумать надъ этимъ приговоромъ г. Рида русскому уму. Получая въ школѣ не общее, научное образованіе, какъ то мы видимъ въ прусскихъ реальныхъ училищахъ, а общее съ примѣненіемъ его къ практической жизни, у насъ человѣкъ и умѣетъ примѣнить свои общія познанія только въ тѣхъ случаяхъ, которыя указала школа, и притомъ такъ, какъ тому учили въ школѣ; въ виду же новой задачи, не представленной школою, этотъ умъ теряется и уже не можетъ приложить своихъ познаній. Другое дѣло, если реальная школа преслѣдуетъ однѣ научныя цѣли, безъ профессіональности: человѣкъ такой школы не будетъ озадаченъ новымъ положеніемъ вещей и новою ихъ комбинаціею, потому что онъ вполнѣ знакомъ съ наукою, съ общими законами природы, которые развили и его умъ самостоятельно. Итакъ, недостатокъ русскаго ума, указанный г. Ридомъ, принадлежитъ собственно не русскому уму, а русской школѣ. *Ред.*

Когда же перевернулся „Captain", тогда и всѣ эти господа перевернулись вмѣстѣ съ нимъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ, подобно несчастному экипажу этого судна, старались выползти въ безопасное положеніе, на свои собственныя опрокинутыя мнѣнія, однакожъ настало наконецъ общее отступленіе отъ этихъ мнѣній, и люди, которые, подобно адм. Попову, въ принципѣ противились пагубной ереси, теперь, несмотря на то, что впечатлѣніе послѣ потери „Captain'a" ослабѣло, натурально обращаютъ на себя вниманіе, котораго они заслуживали, и даже пріобрѣли вліяніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію русскихъ судовъ, которыя по нашему мнѣнію достойны особеннаго вниманія и сначала опишемъ тотъ ихъ классъ, которому въ нашемъ флотѣ нѣтъ ни одного подобнаго. Этотъ классъ составляютъ въ настоящее время два судна „Александръ Невскій" и „Ген.-Адмиралъ", которыя въ прошломъ году, во время нашего посѣщенія Петербурга, были доведены до четверти полной ихъ готовности и поэтому теперь должны быть скоро окончены. Эти суда по своей величинѣ занимаютъ средину между нашими „Inconstant" и „Volage", и хотя, подобно этимъ судамъ, проектированы для большей скорости хода, какъ главнаго качества, однакожъ имѣютъ поясъ брони по грузовой ватерлиніи и другой поясъ на верхней палубѣ, достаточно высокій для прикрытія орудійныхъ станковъ въ батареѣ, состоящей изъ 4 орудій. Борта судна противъ батареи выдаются впередъ подобно тому, какъ на нашихъ судахъ класса „Invincible", для продольнаго огня на носъ и на корму. Суда эти около 300 фут. длины, 48 фут. ширины и около 23 фут. углубленія. Машины ихъ въ 900 лош. силъ. Броня 6 д. толщины, батарейныя орудія 8-ми-дюймоваго калибра, и кромѣ того есть еще два 6-ти-дюймовыхъ орудія. Корпуса этихъ судовъ желѣзные со шпангоутами, помѣщенными снаружи, и въ подводной части обшиты деревомъ и мѣдью. Они будутъ имѣть весьма большую парусность. Если вычисленія, на которыхъ были основаны проекты этихъ судовъ, сдѣланы вѣрно и вполнѣ достаточны, —обстоятельство, о которомъ говорить мы конечно не въ состояніи, —въ такомъ случаѣ очевидно русское правительство будетъ имѣть два судна болѣе быстрыя на ходу, чѣмъ всякое изъ судовъ нашего флота, за исключеніемъ „Inconstant'a" и „Blonde'a", которые однако не имѣютъ брони, также болѣе быстрыя и дѣйствительныя подъ парусами, и защищенныя въ главныхъ своихъ частяхъ бронею. Въ нашемъ отечествѣ нѣтъ ничего подобнаго, наши суда быстраго хода совсѣмъ не имѣютъ брони; броненосныя же суда, водоизмѣщенія одинаковаго съ этими русскими судами, блиндированы гораздо болѣе, и слѣдовательно не могутъ имѣть одинаковой съ ними скорости хода. Мы не жалуемся на то, что прежде не имѣли такихъ судовъ. Задача всего нашего военнаго кораблестроенія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать нашу страну какъ можно болѣе неприступною; и никогда, во все время нашего національнаго существованія, не были мы болѣе безопасны въ этомъ отношеніи, какъ два года тому назадъ или даже теперь, хотя въ эти цѣлыхъ два года въ нашемъ флотѣ не прибавилось ни одного новаго значительнаго судна. Но теперь мы сожалѣемъ о совершенномъ отсутствіи въ нашемъ флотѣ судовъ, подобныхъ этимъ двумъ русскимъ судамъ, и рѣшаемся привести здѣсь слѣдующій замѣчательный фактъ: самый первый изъ нашихъ проектовъ, который

былъ представленъ правительству (англійскому) въ 1862-мъ году, было судно умѣренной вмѣстительности, пропорціонально большой паровой силѣ, съ большою парусностью, съ центральною батареею на верхней палубѣ, способною стрѣлять почти на носъ и на корму, и съ поясами брони по батареѣ и по грузовой ватерлиніи. Это судно имѣло также добавочный сильно блиндированный ящикъ, соединяющій батарею съ подводною частью судна. Броню предполагалось имѣть въ 6 дюймовъ. Проектъ этотъ появился, какъ мы сказали, въ 1862-мъ году, а не въ 1872-мъ.

Если бы насъ спросили, почему же это судно или усовершенствованныя суда такого типа никогда не были построены для англійскаго флота, то мы отвѣтили бы на это, во-первыхъ, что мы строили весьма сильные броненосцы, и во-вторыхъ, предложили бы другой вопросъ: какимъ образомъ могли наши общественные дѣятели помышлять о созданіи вполнѣ могущественнаго флота въ послѣднія десять лѣтъ, когда ни одинъ шагъ не могъ быть сдѣланъ безъ того, чтобы не приходилось убѣждать или отталкивать вліятельную гражданскую власть, которую общество поставило надъ морскимъ вѣдомствомъ и которая подчасъ не понимаетъ достаточно того, чего хочетъ; когда, сверхъ того, каждый новый шагъ преслѣдовался еще болѣе невѣжественными (!) и менѣе отвѣтственными людьми, засѣдающими въ палатѣ общинъ, у которыхъ частные интересы преобладають (?) надъ благомъ и могуществомъ страны; когда обѣ палаты не имѣли въ своемъ составѣ ни одного спеціалиста, который бы совершенно понималъ дѣло, отъ души былъ бы преданъ интересамъ общественной службы? Это было какимъ-то чудомъ, что при такихъ условіяхъ сэръ Спенсеръ Робинзонъ могъ создать въ нашемъ отечествѣ тотъ первенствующій теперь броненосный флотъ, которымъ, по мнѣнію всего свѣта, мы теперь обладаемъ! Но, какъ бы то ни было, онъ это сдѣлалъ, и за то отнынѣ имя его будетъ стоять высоко между именами тѣхъ немногихъ морскихъ офицеровъ, которые и въ мирное время считаютъ своею обязанностью энергично служить своему дѣлу и отечеству. Для націи было бы весьма желательно, чтобы его преемники въ послѣдующія десять лѣтъ успѣли бы столько возвысить нашу морскую силу, сколько успѣлъ въ томъ сэръ Спенсеръ Робинзонъ, несмотря на зависть, противодѣйствія и осужденія.

Мы имѣли не разъ удовольствіе разговаривать съ почтеннымъ адмираломъ, который составилъ проекты новыхъ русскихъ судовъ, и рѣшаемся теперь набросать въ нѣсколькихъ словахъ, какіе были его виды при составленіи этихъ проектовъ, и почему е. и. в. великій князь Константинъ рѣшился на постройку такихъ судовъ для русскаго флота. Въ этихъ судахъ, какъ справедливо было сказано, превосходная скорость хода сама по себѣ есть сила, дающая возможность избѣжать сильнѣйшаго противника, принудить слабѣйшаго изъ нихъ къ сраженію и избрать самую выгодную позицію для боя. Исходя изъ того принципа, что изъ двухъ судовъ, одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ ихъ величины, большее имѣетъ и бо́льшую скорость хода, необходимо было дать имъ значительную величину, а при этомъ условіи матеріаломъ для постройки необходимо было выбрать желѣзо; такимъ образомъ явилась дальнѣйшая выгода, заключающаяся въ легкости корпуса судна и бо́льшей его прочности. Далѣе, суда этого типа,

предназначаемыя для отдѣльнаго крейсерства и для нападенія на суда коммерческія и на болѣе слабыя желѣзныя суда, не требуютъ большого числа орудій. „Александръ Невскій“ и „Генералъ-Адміралъ“ имѣютъ поэтому только 4 главныхъ орудія; но чтобы они были какъ можно болѣе дѣйствительны, они приспособлены такимъ образомъ, что могутъ обстрѣливать всякую точку горизонта. Сила этихъ 4 главныхъ орудій опредѣлялась тѣмъ условіемъ, чтобы она превосходила силу наибольшихъ орудій, какія только купеческія паровыя суда могутъ носить на своихъ палубахъ, т.-е. болѣе чѣмъ 100-фунтоваго калибра. Наконецъ, такъ какъ и 100-фунтовой снарядъ могъ бы достаточно разстроить не вполнѣ блиндированное военное судно, то во избѣжаніе этого суда́ адмир. Попова имѣютъ поясъ брони по грузовой ватерлиніи. Таковы въ общихъ чертахъ соображенія, которыя привели адмирала къ проектированію этихъ судовъ, на которыя можно смотрѣть какъ на выраженіе взгляда русскихъ моряковъ на тотъ предметъ, какимъ судномъ долженъ быть *Крейсеръ* въ настоящее время. Мы полагаемъ, что немногіе рѣшатся сказать, чтобы эти проекты были не хороши и не окончательно разработаны. Въ Англіи поясная броня предлагалась часто, но только вмѣсто полной брони обыкновенныхъ броненосцевъ. Проводя и выполняя на самомъ дѣлѣ идею устройства мѣстной брони, русское правительство этимъ самымъ приноситъ пользу наукѣ и заслуживаетъ похвалу.

Второй классъ судовъ, обращающій на себя также особенное вниманіе, можетъ быть очерченъ въ нѣсколькихъ словахъ. Въ настоящее время, мониторъ „Крейсеръ“[1]) представляетъ собою единственный образецъ судовъ этого класса. Это значительное судно начато около того же времени и даже раньше чѣмъ нашъ „Devastation“, послѣ появленія нашего проекта чрезвычайно сильнаго броненосца того же типа, извѣстнаго тогда въ Адмиралтействѣ подъ именемъ „Devil“. „Крейсеръ“ имѣетъ 325 ф. длины, 63 ф. ширины, 5,350 строевыхъ тоннъ, около 10,000 тоннъ водоизмѣщенія и весьма сильную машину (1,400 лош. силъ), приводящую въ движеніе два винта. Это судно имѣетъ брустверъ и отъ него до носа длинную надстройку. Во время нашего посѣщенія монитора, было рѣшено раздвинуть стѣны бруствера до бортовъ судна, какъ это одновременно предположено было сдѣлать на „Devastation“, но потомъ отмѣнено за недостаткомъ водоизмѣщенія, но такъ предназначено сдѣлать на „Fury“. „Крейсеръ“ будетъ обшитъ деревомъ и мѣдью; будетъ имѣть четыре самыхъ тяжелыхъ орудія и броню съ коробчатымъ желѣзомъ въ подкладкѣ, равносильную сплошной бронѣ въ 14 дюйм. толщины. При существованіи въ нашемъ собственномъ флотѣ судовъ класса „Devastation“ и „Fury“, ослабляется конечно то впечатлѣніе, которое въ противномъ случаѣ на насъ долженъ былъ бы произвести этотъ необыкновенно сильный мониторъ. При всемъ томъ мы совѣтовали бы припомнить тѣмъ господамъ, которые никогда не перестаютъ желать остановки въ развитіи британскаго броненоснаго флота, что руское правительство заложило это громадное и сильное судно прежде, чѣмъ мы начали нашъ „Devastation“; что изъ этихъ двухъ судовъ, русское гораздо больше, а слѣдовательно и сильнѣе.

---

[1]) Въ нынѣшнемъ году переименованъ въ «Петра Великаго».

Его броня и подкладка будутъ способны гораздо болѣе сопротивляться ударамъ снарядовъ, чѣмъ на нашихъ значительно меньшихъ судахъ „Devastation“ и „Thunderer“. Короче сказать, по окончаніи постройки „Крейсера“ русскіе будутъ обладать самымъ сильнымъ броненосцемъ во всемъ свѣтѣ. Замѣчателенъ также фактъ, что въ то время, какъ наши представители адмиралтейства останавливали постройку „Fury“—судна большей величины сравнительно съ „Thunderer“ —русское правительство подвигало безостановочно свой „Крейсеръ“ и такимъ образомъ достигло того выгоднаго положенія, которое мы, начавшіе строить „Fury“, и г. Чильдерсъ, который утвердилъ эту постройку, такъ жадно надѣялись сохранить за нашею собственною страною. Увы! вмѣсто сильнаго броненосца самаго послѣдняго типа намъ только досталось прочесть цѣлый рядъ рапортовъ особаго комитета и порицательныхъ на нихъ отвѣтовъ двухъ адмираловъ [1]).

Наконецъ, мы переходимъ къ тѣмъ круглымъ броненосцамъ, которые, какъ извѣстно, Россія уже строитъ, и при заложеніи киля на первомъ изъ нихъ мы присутствовали въ Петербургѣ въ маѣ прошлаго года. Эти круглыя суда, по нашему мнѣнію, впослѣдствіи должны будутъ обратить на себя вниманіе всего свѣта. Первое впечатлѣніе тѣхъ, кто слышитъ о круглыхъ броненосцахъ, выражается улыбкою. Когда мы вспомнимъ тотъ всеобщій скептицизмъ, съ которымъ были встрѣчены наши собственныя усилія достигнуть, съ короткими судами „Bellerophon“ и „Hercules“ скорости равной съ судами болѣе длинными, какъ „Minotaur“ и др., то можемъ дѣйствительно удивляться той смѣлости, съ которою русское правительство въ послѣднихъ постройкахъ съ одного взмаха обрѣзало длину своихъ судовъ до величины равной ширинѣ. Но люди, какими бы они ни были скептиками сначала, по надлежащемъ размышленіи скоро начинаютъ видѣть, что эта вещь не такъ нелѣпа, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда; и тогда слѣдуетъ восклицаніе: „но отъ нихъ нельзя ожидать скораго хода или

---

[1]) Нашимъ читателямъ можетъ быть неизвѣстенъ документъ, напечатанный однимъ изъ этихъ скромныхъ офицеровъ, адмираломъ Джорджемъ Эліотомъ, въ которомъ онъ не одобряетъ донесенія своихъ товарищей по комитету и рекомендуетъ свои собственные «понятные, обработанные и законченные» взгляды, присовокупляя, что того же мнѣнія «компетентные авторитеты». Адмиралъ, повидимому, вырвалъ одинъ листъ изъ «Исповѣди» Жанъ-Жака, и вышло такъ:—«Я показалъ себя, какимъ я былъ въ самомъ дѣлѣ... добрымъ, великодушнымъ, высокимъ, когда я былъ такимъ, я раскрылъ мою внутреннюю жизнь». Но онъ къ сожалѣнію вѣроятно забылъ прибавить послѣдующія признанія Руссо, какъ тотъ выставлялъ себя «презрѣннымъ и низкимъ, когда былъ такимъ»; мы полагаемъ, что адмиралъ поступилъ правильно, такъ какъ самохвальство доблестнаго офицера есть пріятное занятіе. Однакожъ вспоминая ту легкость, съ которою онъ унизилъ работу и мнѣнія другихъ и возвысилъ свои собственныя въ ущербъ тѣхъ, при чемъ ссылался на компетентные авторитеты, мы намѣрены напечатать окончаніе вышеприведеннаго мѣста гдѣ говорится:—«Я раскрылъ свою внутреннюю жизнь такъ, какъ ты самъ ее увидишь въ будущей жизни. Собери вокругъ меня многочисленную толпу мнѣ подобныхъ; пусть слушаютъ мою исповѣдь, пусть вздыхаютъ о моихъ недостаткахъ, пусть краснѣютъ за мои слабости. Пусть каждый изъ нихъ въ свою очередь раскроетъ свое сердце у подножія твоего трона съ такою же искренностію, и пусть хоть одинъ изъ нихъ осмѣлится тогда сказать: «я былъ лучше этого человѣка».

плаванія въ морѣ". Мы же думаемъ, что ожиданіе отъ нихъ весьма хорошей скорости хода справедливо, и что нисколько не будетъ удивительно, если они скажутся весьма дѣйствительными даже и на морѣ. Ожиданіе хорошей скорости хода основано на томъ, что они будутъ имѣть весьма большую паровую силу, подобно тому какъ короткія суда нашего флота способны носить на себѣ болѣе сильныя машины нежели длинныя (потому что въ нихъ не тратится на блиндированіе весьма длинныхъ и остролинейныхъ оконечностей носа и кормы), также и эти круглыя суда способны только въ гораздо большей мѣрѣ вмѣщать въ себѣ болѣе сильныя машины при томъ же вѣсѣ корпуса. Нѣтъ никакой основательной причины, почему бы даже и круглое судно не могло двигаться въ водѣ съ большою скоростью, если оно вмѣщаетъ огромный источникъ силы для этого движенія. Въ прошломъ году, въ Кронштадтѣ, мы имѣли случай плавать въ круглой шлюпкѣ 24-хъ-футоваго діаметра, причемъ мы шли также скоро, какъ ходитъ большая часть паровыхъ шлюпокъ. Правда, что вода сильно затрудняла, чтобы расчистить путь для прохода нашему судну и производила глубокую волну; но мы знаемъ, что въ Англіи есть много способныхъ людей, считающихъ себя учеными, которые такъ боятся возмущенія воды при ходѣ судна, что печатно увѣряли, будто бы „Bellerophon" могъ сдѣлаться лучшимъ судномъ чѣмъ теперь, еслибы мы истратили 100,000 фунтовъ для удлиненія его по 50-ти футовъ съ каждаго конца и такимъ образомъ обратили бы его въ „Minotaur"; но мы увѣрены, что послѣ этого онъ ходилъ бы нисколько не скорѣе, а конечно былъ бы гораздо менѣе поворотливъ чѣмъ теперь. „Однакоже, онъ менѣе возмущалъ бы воду съ носу и кормы", говорятъ при этомъ критики— и это, мы должны предполагать, и есть та выгода, за которую по ихъ мнѣнію стоило бы заплатить 100,000 фунтовъ! Но русскіе не обращаютъ никакого вниманія на подобный вздоръ и предоставляютъ водѣ прокладывать себѣ путь гдѣ ей угодно, лишь бы только суда могли имѣть очень толстую броню и самыя большія орудія на сравнительно маломъ и дешевомъ суднѣ, и могли бы двигать его съ хорошею скоростью при умѣренной тратѣ силы.

Впрочемъ мы считаемъ необходимымъ оговориться.

Мы здѣсь не утверждаемъ, да и не намѣрены этого дѣлать безъ предварительныхъ изслѣдованій—которыхъ не можемъ произвести по неимѣнію средствъ—что круглая форма судна есть лучшая, такъ какъ при ней судно съ толстою бронею можетъ ходить съ наибольшею скоростью. По этому поводу мы скажемъ, что считаемъ длинные броненосцы, покрытые толстою бронею, нелѣпостью; что мы достигли большихъ выгодъ отъ укороченія броненосцевъ, особенно въ экономическомъ отношеніи, и что нѣтъ существенныхъ основаній для опроверженія той мысли, что если бы имѣть въ виду достиженіе только одной скорости, то пришлось бы укорачивать суда до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлались круглыми. Можетъ быть, увеличивая толщину брони и вслѣдствіе этого укорачивая суда, мы достигли бы того же предѣла, т.-е. круглой формы. Задачи, заключающіяся въ этомъ вопросѣ, неразрѣшены окончательно; но мы полагаемъ, что если сохранить ту же скорость и увеличивать толщину брони, то одинъ только русскій планъ можетъ быть экономическимъ.

Надо принять также въ соображеніе опыты г. Фруда, которые доказали, что при большей скорости полное образованіе носовой

части превосходнѣе острагѣ. Онъ говоритъ также, что опыты „ясно показали, какъ необыкновенныя формы могутъ обладать совершенно неизвѣстными и неожиданными достоинствами“, и что „надлежащія отношенія длины къ ширинѣ до сихъ поръ не подвержены правиламъ, на которыя съ увѣренностью можно было бы положиться“. Профессоръ Ранкинъ тоже не только выражалъ подобныя мысли, но даже приписывалъ значительныя выгоды именно такимъ судамъ, т. е. круглымъ [1]). Этотъ вопросъ конечно разъяснится испытаніями перваго русскаго судна, которое будетъ спущено въ концѣ нынѣшняго года или въ началѣ будущаго, и такъ какъ мы были почтены приглашеніемъ на эти опыты, то надѣемся въ недалекомъ будущемъ сообщить нашимъ читателямъ много полезныхъ свѣдѣній по этому предмету.

Мы не можемъ съ увѣренностью сказать что-нибудь относительно скорости и морскихъ качествъ этихъ судовъ, потому что кромѣ немногихъ данныхъ въ нашихъ рукахъ нѣтъ ни ихъ элементовъ, ни вычисленій. Большая остойчивость и малое углубленіе обыкновенно производятъ сильную качку, но въ этихъ судахъ существуютъ особенности, которыя ослабляютъ этотъ недостатокъ. Первое судно будетъ 90 футъ въ діаметрѣ, сидѣть въ водѣ $12^{1}/_{2}$ ф. и покрыто 12-дюймовою бронею; въ носовой части имѣется надстройка, которая будетъ разбивать волны, и на ней же будутъ подыматься якоря; въ кормѣ вѣроятно будетъ выступъ для прикрытія головы руля. Сильныя машины приводятъ въ движеніе винты, помѣщенные назади параллельно діаметральной плоскости.

Наблюденія надъ моделью такого судна въ Кронштадтѣ привели насъ къ заключенію, что круглыя суда весьма быстро вращающіяся отъ дѣйствія простого руля, подъ парами будутъ еще послушнѣе, по крайней мѣрѣ въ тихой водѣ, и нѣтъ причины предполагать, что они не будутъ также хороши и на волненіи; это одно изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ качествъ для этихъ судовъ, которымъ они и обладаютъ въ высшей степени. Такъ какъ они мелко сидятъ въ водѣ, круглой формы и имѣютъ большое водоизмѣщеніе, то совершенно удобно помѣстить на нихъ толстую броню внизъ до наружнаго днища, и такимъ образомъ предохранить ихъ какъ можно болѣе отъ торпедо, подобныхъ минамъ Гарвея, или самодвижнымъ.

Мы думаемъ, что сказаннаго нами пока достаточно, чтобы вполнѣ оправдать наше вступленіе, и мы доказали, что въ самомъ дѣлѣ въ настоящее время въ русскихъ портахъ и адмиралтействахъ мы должны искать самыхъ свѣжихъ новостей и образцовъ желѣзныхъ броненосныхъ судовъ; громадныя усовершенствованія, какія производятся въ Россіи, должны бы вызвать у нѣкоторыхъ иныхъ знакомыхъ намъ правительствъ иную дѣятельность, совсѣмъ отличную отъ ихъ усыпляющаго самодовольства; но относительно этого предмета мы воздержались говорить въ настоящую минуту.

---

[1]) Должно замѣтить, что круглыя суда, достоинства которыхъ подробно обсуждены профессоромъ Ранкинымъ, были проектированы покойнымъ Джономъ Эльдеромъ и совершенно отличаются отъ судовъ адмирала Попова, такъ что представляютъ два различныхъ типа. Сѣченіе судна г-на Эльдера есть дуга круга, у русскихъ же судовъ дно плоское.

Кто прочелъ съ нами всю статью г. Рида отъ начала до конца, тотъ не могъ не замѣтить, что дѣло, о которомъ разсуждаетъ авторъ, весьма близко его сердцу, что онъ самъ принадлежитъ къ числу тѣхъ отважныхъ умовъ, которые быстро раздражаются всякими, иногда дѣйствительно мелочными, препятствіями со стороны ума хозяйственнаго, буржуазнаго, который, какъ сѣверо-германское правительство, по словамъ автора, „предпочитаетъ постепенное развитіе кораблестроенія быстрому переходу къ новымъ идеямъ". Очевидно, г. Ридъ самъ въ собственномъ отечествѣ встрѣтилъ препятствія своему творчеству; вотъ почему его статья, несмотря на описательную цѣль, имѣетъ въ виду домашнюю полемику. Г. Ридъ, какъ Тацитъ въ своей „Германіи", хочетъ показать своимъ римлянамъ, насколько они могутъ уступить варварамъ вслѣдствіе того, что не смѣютъ избрать своимъ девизомъ: osez! Быть можетъ, г. Ридъ и правъ: геніальность и первый плодъ ея, изобрѣтательность, всегда идутъ впереди холодныхъ разсчетовъ будничнаго ума; но едва ли правъ г. Ридъ, когда онъ ропщетъ на гражданскую власть въ Англіи и видитъ въ своей палатѣ общинъ только „невѣжественныхъ" людей, увлекаемыхъ „частными интересами, преобладающими надъ благомъ и могуществомъ страны", и все это только потому, что эта „гражданская власть" слишкомъ робка всякій разъ, когда дѣло идетъ о затратѣ общественныхъ суммъ. Можно подумать, что идеаломъ г. Рида служитъ Турція, гдѣ онъ не встрѣтитъ тѣхъ „невѣжественныхъ" людей, если бы только почтенный авторъ самъ, какъ мы видѣли, энергически не осудилъ Турціи за то, что „турецкая система администраціи лишаетъ правительство совѣта передовыхъ людей, способныхъ имѣть широкій взглядъ на морское дѣло". Г. Ридъ, очевидно, самъ въ высокой степени талантливая натура, преслѣдующая свою идею со всѣмъ пыломъ убѣжденія, и какъ то часто бываетъ съ подобными натурами, легко увлекается за предѣлы спокойнаго обсужденія всякій разъ, когда встрѣчаетъ препятствіе своимъ порывамъ. Но всякій сколько-нибудь опытный читатель всегда съумѣетъ выдѣлить въ статьѣ г. Рида то, что попало въ нее случайно, отъ того, что сказано имъ со всѣмъ авторитетомъ высоко-талантливаго человѣка, искренне убѣжденнаго въ правотѣ своей идеи и глубоко изучившаго предметъ своей спеціальности до послѣднихъ ея мелочей.

Z.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА

Признаки возрожденія Франціи.

24-го августа.

Я знаю, что можно многое возразить противъ громаднаго успѣха, противъ неслыханнаго результата, — на видъ даже непонятнаго, — займа трехъ мильярдовъ. Въ этой операціи было много шарлатанства, а въ ея видимомъ результатѣ — значительная часть фикціи. Французское правительство изъ похвальнаго намѣренія обезпечить за собой массу иностранныхъ бумагъ, для расплаты съ Германіей, а быть можетъ и ради менѣе похвальной цѣли: увеличить насколько возможно цифру подписки, давало чрезмѣрныя льготы иностраннымъ подписчикамъ и въ особенности нѣмцамъ. Домъ Блейхрёдера въ Берлинѣ могъ принять обязательства, лишенныя всякой гарантіи, и даже предложить премію въ $1/2$ % тѣмъ изъ своихъ кліентовъ, которые подпишутся при этихъ условіяхъ. Съ другой стороны, предвидя, что требованія будутъ уменьшены, вслѣдствіе этого самаго преувеличивали ихъ для того, чтобы получить во всякомъ случаѣ ту цифру займа, на которую желали серьезно подписаться. Такимъ образомъ, тѣ, которые желали 1000 франковъ ренты, подписывались на сумму въ десять разъ большую, и все-таки обманулись въ своемъ разсчетѣ. Это постоянное движеніе въ смыслѣ преувеличенія все сильнѣе и сильнѣе развивалось въ послѣдніе дни и кончило тѣмъ, что превзошло всѣ ожиданія. Возможно, что еслибы выпускъ отсрочился еще на недѣлю, то кажущійся успѣхъ достигъ бы еще болѣе баснословныхъ размѣровъ.

Но уступая все это и отводя должное мѣсто шарлатанству, преувеличенію, *humbug*'у, тѣмъ не менѣе нельзя не признать дѣйствительнаго и изумительнаго успѣха, съ которымъ Франція и ея правительство по справедливости могутъ себя поздравить. Франція теперь знаетъ, что къ ней имѣютъ довѣріе, довѣріе къ ея честности, къ ея солидности; она чувствуетъ, что не потеряла кредита ни у себя дома, ни въ Европѣ. Такое блистательное доказательство не можетъ не придать силы и мужества. Но быть можетъ съ этой самой точки зрѣнія лучше было бы, если бы успѣхъ займа оставался въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Народное воображеніе, а у французовъ въ особенности, легко склонно воспламеняться. Множество умовъ уже не думаютъ больше объ обязательствахъ, которыя странѣ пришлось наложить на себя. Они также не помышляютъ о томъ, что мильярды, которые Франція добыла себѣ такъ легко, въ окончательномъ резуль-

татѣ увеличатъ рессурсы Германіи. Ихъ поражаетъ только обольстительная легкость, съ какой можно достать деньги, въ которыхъ нуждаешься, и исходя изъ этого пункта, разсчитывая на неистощимые рессурсы, они полагаютъ, что отнынѣ отъ самой Франціи зависитъ выбрать день возмездія. Это чувство особенно живо въ отрѣзанныхъ провинціяхъ, въ которыхъ нѣмцы, кстати, совершаютъ одну неловкость за другой, словно на смѣхъ. Многіе эльзасцы нашли возможнымъ въ своей наивности назначить будущій январь срокомъ, когда Эльзасъ будетъ возвращенъ Франціи. Что касается результатовъ новой войны, то на этотъ счетъ не питается никакихъ сомнѣній, потому что вообще признается, что въ 1870-мъ году Франція была побѣждена только потому, что ее застали врасплохъ и ей измѣнили.

Эти иллюзіи конечно являются не лучшимъ результатомъ займа; но у меня есть всѣ основанія думать, что, къ счастію, правительство ихъ отнюдь не раздѣляетъ. Оно здравѣе судитъ о вещахъ, да къ тому же у него есть всѣ причины быть довольнымъ дѣйствительностью, не преувеличивая и не искажая ея. Заемъ во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія чрезвычайно какъ улучшилъ его положеніе. Онъ нанесъ послѣдній ударъ легитимнымъ и орлеанистскимъ химерамъ, и я полагаю, что даже самые бонапартисты, не взирая на все ихъ нахальство, утратили нѣсколько довѣрія къ своимъ силамъ. Мнѣ говорили, что подписка на ихъ газеты значительно уменьшилась въ послѣднее время. Само собой разумѣется, что не слѣдуетъ придавать ни малѣйшаго значенія приключенію съ русской яхтой, пассажиры которой, въ числѣ семи человѣкъ и среди нихъ одинъ французъ, вздумали кричать „да здравствуетъ императоръ!“ въ гавани Трувилля. Правительство показало настолько такта, что не обидѣлось этимъ и ни одной минуты не думало искать въ этомъ дѣлѣ предлога къ дипломатическимъ претензіямъ. Къ тому же Россія—послѣдняя страна, съ которой оно хотѣло бы затѣять ссору.

Теперь съ сожалѣніемъ долженъ засвидѣтельствовать, что въ несомнѣнномъ улучшеніи, которое сказывается въ порядкѣ вещей и въ настроеніи умовъ играютъ роль и другія причины, кромѣ займа, и въ числѣ этихъ послѣднихъ фигурируетъ на первомъ планѣ пріостановка засѣданій національнаго собранія.

Франція отличается одной странностью: сожалѣетъ о парламентскомъ шумѣ, когда его лишится, и пугается его, когда ей дано имъ наслаждаться. Въ настоящую минуту она считаетъ себя счастливой, потому что можетъ разсчитывать на четыре мѣсяца покоя, обезпечиваемаго ей каникулами собранія. Со всѣмъ тѣмъ, изъ сравненія настоящаго положенія съ состояніемъ умовъ въ эпоху такихъ же каникулъ собранія въ прошломъ году, выпадаютъ весьма важныя замѣчанія. Версальское собраніе уже тогда утратило популярность; оно обезсилило, утомило,

разжигало общественное мнѣніе преніями не менѣе страстными и не менѣе безполезными, чѣмъ пренія нынѣшняго года. Несмотря на это пріостановка засѣданій встрѣчена была съ сожалѣніемъ, потому что никто не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Каникулы прошлаго года были для цѣлой страны эпохой великой тревоги и истинныхъ терзаній. Охотно вѣрилось, что правительство будетъ низвергнуто какимъ-нибудь непредвидѣннымъ ударомъ. Въ настоящее время нѣтъ ничего подобнаго, тревоги улеглись и умы наслаждаются спокойствіемъ, котораго не знавали съ самаго начала войны. Тьеръ, не взирая на важныя ошибки, совершенныя имъ въ теченіи прошлой сессіи, пользуется безграничной популярностью. Въ него вѣрятъ, вѣрятъ въ прочное существованіе его правительства. Забываютъ, что Тьеру семьдесятъ-пять лѣтъ; его считаютъ какъ-бы безсмертнымъ. Онъ абсолютный властитель Франціи; газетные корреспонденты сообщаютъ о каждомъ его словѣ, о каждомъ его жестѣ, о малѣйшихъ подробностяхъ его дачной жизни въ Трувиллѣ, словно бы онъ былъ Людовикомъ XIV-мъ или Наполеономъ. Франція съ восторгомъ читаетъ эти разсказы и вѣритъ, что черные дни прошли на вѣки.

Конечно эта увѣренность грѣшитъ крайностью, какъ грѣшитъ ею и громадное вліяніе Тьера, доказывающее прирожденную и упорную склонность Франціи къ личной власти и ея стремленіе признавать надъ собой господина и подчиняться ему. Но во всякомъ случаѣ современное положеніе дѣлъ несравненно лучше прошлогодняго. Если сознаніе безопасности и нѣсколько преувеличено, то оно тѣмъ не менѣе благопріятствуетъ труду и слѣдовательно содѣйствуетъ возстановленію нашей дѣловой жизни. Надо отдать справедливость нашимъ радикаламъ, что они могутъ претендовать на содѣйствіе такому счастливому настроенію умовъ. Съ нѣкоторыхъ поръ они отличаются благоразуміемъ, котораго я за ними не подозрѣвалъ. Конечно, простого здраваго смысла достаточно было, чтобы понять съ одной стороны, что необходимо отложить наши домашнія распри до освобожденія территоріи и что, слѣдовательно, національное собраніе, какъ бы оно ни было непопулярно, не можетъ быть распущено до того времени. Съ другой же стороны, самыя ошибки монархическихъ партій отлично устраиваютъ дѣла республики и слѣдовательно, съ республиканской точки зрѣнія нѣтъ ни малѣйшаго интереса содѣйствовать преждевременному распущенію собранія. Для всего этого, повторяю, требовалось имѣть простой здравый смыслъ; но радикальная партія столь долгое время представлялась лишенной его, что настоящее поведеніе ея не могло не удивить и не порадовать. Говорили, и было основаніе такъ думать, что оно воспользуется каникулами, чтобы организовать, посредствомъ банкетовъ и народныхъ собраній, великое движеніе пропаганды въ пользу распущенія. Напротивъ того, оно ведетъ себя совсѣмъ смирно, и поведеніе

Гамбетты стало безукоризненнымъ. Конечно, терпѣнію его особенно содѣйствуетъ то обстоятельство, что онъ считаетъ себя естественно призваннымъ наслѣдовать Тьеру, и эта увѣренность не лишена нѣкотораго основанія, допустивъ, что дѣла будутъ идти своимъ естественнымъ ходомъ и что ихъ теченіе не будетъ прервано никакимъ насильственнымъ переворотомъ. Какъ бы то ни было, а теперь кажется несомнѣннымъ, что собраніе просуществуетъ еще въ 1873-мъ г., но не далѣе того, потому что уплата послѣднихъ суммъ контрибуціи можетъ быть ускорена. Слѣдовательно, территорія можетъ быть очищена къ концу будущаго года, послѣ чего собраніе вынуждено будетъ общественнымъ мнѣніемъ немедленно разойтись. Само собой разумѣется, что я предполагаю, что нѣмцы съ своей стороны честно выполнятъ всѣ условія послѣдняго договора, включая сюда и очищеніе Бельфора. Лично я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь, потому что полагаю, что имъ желательно возможно скорѣе окончить свои дѣла съ Франціей. Но я долженъ сказать, что вижу вокругъ себя много людей, сомнѣвающихся въ этомъ. Какъ на возраженіе указываютъ на то, что они исправляютъ укрѣпленія Бельфора; но упускаютъ при этомъ изъ вида, что хотя эта крѣпость служитъ имъ залогомъ, но они съ своей точки зрѣнія могутъ считать себя въ правѣ привести ее въ хорошее состояніе, и пока ее занимаютъ поддерживать ее въ такомъ состояніи.

Какъ вы легко можете себѣ представить, здѣсь весьма озабочены предстоящимъ свиданіемъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Оно внушаетъ многимъ опасенія, которыя я считаю нелѣпыми. Многіе задаются мыслію: не есть ли это новая лига, новый священный союзъ на пагубу Франціи. По странному противорѣчію, тѣ самые умы, которые, вспоминая про успѣхъ займа, убѣждаются, что Европа предоставила сорокъ-три мильярда въ распоряженіе Франціи именно затѣмъ, чтобы помочь ей занять прежнее мѣсто въ Европѣ, и вслѣдствіе этого мечтаютъ, что возмездіе наступитъ будущей зимой или будущимъ лѣтомъ,—тѣ самые умы, минуту спустя, вспоминая про страшную массу силъ, которымъ предстоитъ резюмироваться въ Берлинѣ въ лицѣ трехъ государей, считаютъ Францію осужденной на погибель, потому что воображаютъ, что Австрія и Россія неразрывно соединятся съ Германіей, и убѣждены, что ненависть послѣдней къ Франціи еще не успокоилась. Сообщая вамъ о подобныхъ сужденіяхъ, я тѣмъ самымъ показываю, какъ мало еще развитъ у насъ политическій смыслъ. Существуютъ конечно люди, но они составляютъ меньшинство, которые болѣе здраво судятъ о вещахъ и которые прежде всего указываютъ на то, что ни для Австріи, ни для Россіи нѣтъ никакого интереса еще больше ослаблять Францію или же мѣшать ей собраться съ силами. Напротивъ того, выгоды ихъ требуютъ, чтобы Франція не была вытѣснена изъ системы европейскаго равновѣсія. Наконецъ, что какія бы ни были

въ настоящую минуту ихъ отношенія съ Германіей, но онѣ не могутъ беззавѣтно приковать себя къ ней и необходимо должны оставить за собой свободу дѣйствія на будущее время. Австрія конечно признала, что пока ей нельзя не идти за одно съ Германіей и что въ этомъ ея спасеніе; но тутъ очевидно Габсбургскій домъ налагаетъ на себя нѣкоторое стѣсненіе, отъ котораго долженъ желать со временемъ освободиться. Что касается Россіи, то она свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, но въ силу этой самой свободы ея присутствіе въ Берлинѣ доказываетъ, что это свиданіе не можетъ грозить непосредственной опасностью для Франціи, потому что именно Россія должна желать, чтобы мы продолжали жить. Ея участіе служитъ для насъ скорѣе гарантіей, что въ Берлинѣ ничего не станетъ замышляться противъ насъ: ей нѣтъ разсчета участвовать въ враждебныхъ замыслахъ противъ Франціи и она не въ такомъ положеніи, чтобы ее могли къ этому принудить противъ воли.

Мы можемъ, слѣдовательно, говорятъ трезвые люди, спокойно заниматься своими дѣлами, не заботясь о берлинскомъ свиданіи. Конечно, прибавляютъ они, въ нѣкоторомъ отношеніи это свиданіе представляетъ непріятныя стороны для насъ: оно показываетъ, что въ случаѣ, еслибы мы захотѣли возобновить войну, то пока въ настоящее время мы не можемъ найти союзниковъ на континентѣ. Но что за дѣло, если не въ нашихъ выгодахъ и даже не въ нашихъ силахъ искать немедленнаго возмездія; если намъ необходимо нѣсколько лѣтъ, чтобы вполнѣ стать на ноги и возсоздать свои военныя силы. Съ этой точки зрѣнія берлинское свиданіе можетъ даже быть сочтено за невольную услугу, оказанную Франціи, потому что оно послужитъ уздой для опаснаго и неразсудительнаго нетерпѣнія. Такъ разсуждаютъ люди, которые сохранили свое хладнокровіе, къ которому примѣшивается доля оптимизма. Нѣкоторые идутъ далѣе. Всѣ державы, говорятъ они, стремятся въ настоящее время къ одной цѣли, но изъ различныхъ причинъ; всѣ онѣ нуждаются въ мирѣ: Франція, затѣмъ, чтобы залечить свои раны; Германія, потому что желаетъ упрочить свое настоящее положеніе; Австрія, потому что для нея всякое движеніе опасно, и наконецъ Россія, потому что производитъ въ настоящую минуту полную реорганизацію своихъ военныхъ учрежденій, реорганизацію, потребующую нѣсколькихъ годовъ, да еще потому, что для Франціи нуженъ отдыхъ, ибо въ случаѣ европейскаго столкновенія она была бы ея естественной союзницей. Поэтому не невозможно, что Россія вступитъ во временный союзъ съ Германіей въ виду сохраненія мира лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ свой будущій союзъ съ Франціей.

Люди, которые увлекаются этими предположеніями, по всей вѣроятности слишкомъ увлекаются Маккіавелемъ. Какъ бы то ни было, но

очевидно, что берлинское свиданіе обезпечиваетъ континенту періодъ мира, которому было бы можетъ быть слишкомъ рискованно назначить долгій срокъ, но который все же можетъ продлиться пять-шесть лѣтъ. Не менѣе очевидно, что Франціи, съ точки зрѣнія своихъ истинныхъ интересовъ, не приходится особенно огорчаться такимъ результатомъ. Къ тому же, если пока она остается безъ вліянія на иностранную политику, то можетъ утѣшать себя тѣмъ, что другія державы ничего не могутъ предпринять, ничего не могутъ рѣшить важнаго безъ нея, потому что ихъ интересы слишкомъ расходятся.

Итакъ, мы можемъ во всѣхъ отношеніяхъ спокойно взирать на берлинскія демонстраціи; но, какъ я уже замѣтилъ, не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе. Въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя упорно занимаются этимъ дѣломъ, есть такія, что воображаютъ, будто всѣ три державы не столько точатъ зубы на Францію, сколько на ея современную форму правленія, то-есть на республику. Я считаю это чистѣйшимъ заблужденіемъ; европейскія монархіи очевидно не оказываютъ нашей третьей республикѣ той чести, какую они оказывали первой: онѣ ее не боятся. Мнѣ впрочемъ кажется, что ихъ равнодушіе внушается отчасти мнѣніемъ, что республика не можетъ долго существовать во Франціи и роковымъ образомъ осуждена поглотить самое себя. Если, слѣдовательно, республика упрочится, то я полагаю, что это возбудитъ нѣкоторую досаду за-границей, и главное въ Германіи. Можетъ случиться, что французская республика, по истеченіи болѣе или менѣе долгаго срока, станетъ, благодаря заразительности примѣра, истинной опасностью для династіи Гогенцоллерновъ. Но, съ другой стороны — вѣдь политическія дѣла такъ сложны — выходитъ, что Германіи выгодно, чтобы республика упрочилась во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, монархическое правительство гораздо легче можетъ быть вовлечено въ войну изъ-за династическихъ интересовъ. И нѣтъ сомнѣнія, что только счастливая война могла бы водворить во Франціи какую-нибудь династію.

Поэтому я не думаю въ сущности, чтобы иностранныя державы косо смотрѣли на нашу республику, и убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи намъ нечего опасаться какого бы то ни было вмѣшательства. Вопросъ въ томъ: съумѣемъ ли мы воспользоваться этой относительной безопасностью, чтобы устроить свои дѣла? Если мы потерпимъ неудачу, то не по недостатку доброй воли у Тьера, намѣренія котораго теперь рѣзко опредѣлились. Монархисты праваго центра льстили себя послѣдней надеждой, что онъ сблизился съ лѣвой лишь затѣмъ, чтобы получить ихъ голоса въ вопросѣ о налогѣ на сырье; но въ настоящее время они должны были разочароваться. Тьеръ не разъигрывалъ комедіи. Онъ серьезно желаетъ основать республику; онъ въ этомъ видитъ свою славу, да я кажется уже говорилъ вамъ, что во Франціи

нѣтъ болѣе яраго республиканца, чѣмъ онъ, лишь бы ему приходилось быть первымъ лицомъ въ республикѣ. Рѣчи его министровъ въ средѣ генеральныхъ совѣтовъ, сессія которыхъ уже началась, не оставляютъ сомнѣній на счетъ направленія, которое Тьеръ желаетъ дать нашимъ внутреннимъ дѣламъ.

Онъ постарается по возобновленіи парламентской сессіи побудить собраніе вотировать какіе-нибудь органическіе законы, которые въ общей сложности могутъ быть представлены на ратификацію французскаго народа, какъ бы родъ конституціи. Я не могу иначе понять заявленій въ родѣ того, какое сдѣлано Гуляромъ, министромъ финансовъ, въ одномъ изъ генеральныхъ совѣтовъ, и гласящее, что правительство будетъ работать въ смыслѣ упроченія республики, имѣя въ виду испросить одобреніе французскаго народа. У насъ будетъ, слѣдовательно, плебисцитъ и плебисцитъ съ простымъ *да* и *нѣтъ*, какъ при имперіи. Это будетъ, подобно императорскимъ плебисцитамъ, дѣло простой формы, одна комедія; но я спрашиваю себя: не будетъ ли это лучшимъ способомъ выдти изъ затрудненія. Съ одной стороны, заткнутъ ротъ бонапартистамъ, которымъ нечего будетъ возражать, когда имъ укажутъ на плебисцитъ; съ другой стороны, мы обойдемъ затрудненія и опасности, представляемыя собраніемъ спеціально учредительнымъ, которое, подъ предлогомъ основанія новаго порядка, пожалуй все перевернуло бы вверхъ дномъ.

Въ числѣ органическихъ учрежденій, которыя Тьеръ желаетъ побудить собраніе вотировать, на первомъ планѣ стоитъ учрежденіе второй палаты. Онъ придаетъ этому большое значеніе, и въ теоріи онъ конечно правъ; но на практикѣ эта задача представляется необыкновенно трудной въ странѣ совершенно нивеллированной и гдѣ отвращеніе ко всякаго рода аристократіи обратилось какъ бы въ суевѣріе. Идея Тьера, кажется, заключается въ томъ, чтобы образовать вторую палату изъ делегатовъ генеральныхъ совѣтовъ, которые выберутъ ихъ изъ своей среды. Слѣдовательно, эта палата была бы чѣмъ-то въ родѣ американскаго сената или же швейцарскаго государственнаго совѣта, съ той разницей, что наши департаменты, представителями которыхъ являются генеральные совѣты, далеко не имѣютъ политическаго значенія гельветическихъ кантоновъ или штатовъ американскаго союза. Съ своей стороны, я сильно сомнѣваюсь, чтобы собраніе, составленное такимъ образомъ, могло уравновѣшивать другое собраніе, непосредственно вышедшее изъ всеобщей подачи голосовъ. Между тѣмъ Тьеръ желалъ бы надѣлить его обширными полномочіями, и между прочимъ, правомъ распускать палату депутатовъ. Эта затѣя кажется мнѣ химеричной и ложнеской, во-первыхъ, потому что у верхней палаты по всей вѣроятности не хватило бы на это власти, во-вторыхъ,

потому что при республиканскомъ порядкѣ право распущенія палаты никому не можетъ принадлежать.

Распущеніе является уловкой, необходимой для конституціонной монархіи; потому что этотъ порядокъ представляетъ компромиссъ между двумя правами, естественно противоположными,—правомъ монархическимъ и правомъ народнымъ, а монарху можетъ быть необходимо въ каждую данную минуту убѣдиться: существуетъ ли достаточное согласіе между его правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ? Между тѣмъ у него нѣтъ другого средства спросить объ этомъ націю, кромѣ новыхъ выборовъ. Напротивъ того, республика является простымъ порядкомъ, въ основѣ котораго не лежитъ никакого компромисса. Въ ней все и непосредственно проистекаетъ отъ самой націи, которая, предполагается, знаетъ, чего хочетъ и всегда въ ладу съ самой собой. Нація даетъ полномочія извѣстному числу гражданъ на опредѣленный срокъ, котораго никто не имѣетъ права сократить. Такимъ именно образомъ обставлено дѣло въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народное представительство никогда не можетъ быть распущено. Не можетъ быть монархіи конституціонной безъ права распущенія, не можетъ быть республики съ этимъ правомъ. Эта невозможность распущенія является даже однимъ изъ неудобствъ республиканскаго порядка, который точно также какъ и всякій другой не свободенъ отъ неудобствъ; но этому послѣднему можно пособить, сокративъ срокъ существованія парламентовъ.

Но если услуги, которыя можетъ оказать верхняя палата, нѣсколько проблематичны, то иное дѣло ея учрежденіе, смыслъ котораго былъ бы превосходенъ потому, что указывалъ бы на прогрессъ, на замѣтный переходъ отъ временнаго къ окончательному въ области существующаго факта, на начало организаціи республиканскаго порядка. Еслибы собраніе учредило вторую палату до своего распущенія, то дѣйствительно заявило бы учредительную власть, на которую оно такъ часто заявляло претензіи, но заявило бы ее безъ опасности для общественнаго порядка, безъ риска междоусобной войны и въ смыслѣ по истинѣ консервативномъ. Одна изъ величайшихъ опасностей, постоянно угрожающихъ намъ, заключается въ томъ, что теперешнее собраніе исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ смыслѣ политической организаціи. Ее смѣнило бы въ такомъ случаѣ учредительное собраніе, которое быть можетъ навлекло бы на насъ безконечные раздоры.

Если же бы, напротивъ того, теперешнее собраніе приступило къ дѣлу республиканской конституціи, то собранію, которое ему наслѣдовало бы, пришлось бы только продолжать начатое дѣло, и новыя учрежденія могли бы выдѣляться однѣ изъ другихъ, незамѣтнымъ и естественнымъ ходомъ развитія.

Если въ окончательномъ результатѣ, когда взвѣсишь всѣ обстоятельства, находишь значительное улучшеніе въ состояніи нашей внутренней политики, то нельзя сказать того же самаго объ умственномъ и нравственномъ состояніи страны. Въ этой сферѣ симптомы отнюдь не благопріятны. Литературная производительность скудна, если не считать посредственныхъ или отвратительныхъ произведеній. Всѣ замѣтили невѣроятную слабость послѣдняго конкурса французской академіи. *Похвала Вобану*, удостоившаяся преміи, не возвышалась надъ уровнемъ того, что могъ бы сдѣлать дюжинный ученикъ класса реторики. Но настоящимъ и печальнымъ скандаломъ является послѣднее произведеніе Дюма-сына и полемика, порожденная имъ. Дѣло идетъ о брошюрѣ, озаглавленной L'Homme-Femme, текстъ которой вѣроятно дошелъ уже до васъ. Я не думаю, чтобы такая дикая, варварская и циническая манера обсуждать самые возвышенные и щекотливые вопросы нравственности была возможна гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ существуетъ такая же и даже сильнѣйшая испорченность чѣмъ въ Парижѣ, но она знаетъ свое мѣсто и не заявляетъ претензій на законодательство. Здѣсь же полу-свѣтъ желаетъ направлять и реформировать общество. Въ Лондонѣ больше пороковъ, чѣмъ въ Парижѣ; совсѣмъ тѣмъ англійскіе романы цѣломудренны и находятъ цѣломудренную публику. Можно сказать то же самое и о другихъ иностранныхъ литературахъ, и въ особенности о русской литературѣ, произведенія которой, по крайней мѣрѣ переведенныя, весьма нравятся здѣсь образованнымъ людямъ и могутъ читаться всѣми. Напротивъ того, современный французскій романъ почти исключительно содержитъ варіаціи на тему супружеской невѣрности. Я могу сказать безъ преувеличенія, что французское общество лучше, чѣмъ картины, въ которыхъ его рисуютъ.

Но нельзя отрицать, что подобная литература создаетъ отвратительную нравственную атмосферу. Брошюра Дюма-сына — это грибъ, выросшій на подобной ядовитой почвѣ. Въ глазахъ Дюма, женщина почти роковымъ образомъ является куртизанкой; она родится такой, а воспитаніе большею частію не въ силахъ измѣнить ее. Онъ конечно допускаетъ еще двѣ другихъ категоріи: весталокъ и хозяекъ, то-есть женщинъ, естественно предназначенныхъ для брака, но онѣ составляютъ для него исключеніе. Невѣрныя жены, а по его мнѣнію онѣ составляютъ большинство, суть по-просту куртизанки, которыя слѣдуютъ своему первоначальному призванію. Мужъ имѣетъ право убить такую жену. Что касается тѣхъ, которыя остались вѣрными своему призванію, то-есть не вышли замужъ, то онѣ заслуживаютъ такого же уваженія въ своемъ родѣ и въ своей сферѣ, какъ и хозяйки и весталки. Самое заглавіе брошюры выражаетъ въ неприличной и возмутительной формѣ вѣрную, но банальную мысль, что

мужчина и женщина должны составлять одно цѣлое въ бракѣ. Но всего возмутительнѣе не столько сущность идей, сколько форма, въ которую онѣ облечены, цинизмъ и нахальство изложенія.

Эта брошюра продавалась въ огромномъ числѣ экземпляровъ и породила нѣсколько другихъ, которыя точно также нашли покупателей. Самымъ выдающимся изъ оппонентовъ Дюма-сына явился знаменитый Эмиль де-Жирарденъ. Послѣдній не желаетъ, чтобы убивали невѣрныхъ женъ. Зло по его мнѣнію заключается не въ женщинѣ, но въ бракѣ. Поражать слѣдуетъ не невѣрную жену, но самую причину невѣрности, отмѣнивъ бракъ. Надо уничтожить различіе между незаконными и законными дѣтьми. И тѣ, и другіе должны быть законными. Какимъ образомъ? А очень просто. Женщина не выходитъ больше замужъ, но можетъ сожительствовать постепенно со всѣми мужчинами, которые ей нравятся, и каждый изъ нихъ обязанъ дать ей приданое, соотвѣтственно своему состоянію и числу дѣтей, которые у нея родились отъ него. Дѣти носятъ имя матери. Еслибы подобныя странности стоили возраженій, то послѣднихъ нашлось бы не мало. Можно было бы, напримѣръ, спросить, въ чемъ заключалась бы легальная санкція этой системы и чтó могло бы помѣшать женщинѣ имѣть нѣсколько любовниковъ разомъ, и, наконецъ, что долженъ былъ бы дѣлать человѣкъ, не имѣющій возможности давать приданое своимъ временнымъ женамъ. Но всякое разсужденіе безполезно. Не осуществленія этихъ идей приходится опасаться, но нравственнаго состоянія общества, гдѣ подобныя разсужденія возможны. Въ этомъ выражаются симптомы развращенія, противъ которыхъ всѣмъ нравственнымъ силамъ страны слѣдовало бы возстать и реагировать. Къ несчастію консервативныя силы, которыми Франція располагаетъ въ сферѣ нравственныхъ идей, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ католицизмѣ, а этотъ послѣдній съ своей стороны какъ будто стремится изъ всѣхъ силъ къ тому, чтобы стать все болѣе и болѣе непригоднымъ для руководства новѣйшихъ обществъ. Здѣсь мы находимся въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго быть можетъ трудно выдти.

Изъ серьезныхъ произведеній, я могу указать вамъ лишь на послѣдній томъ *Исторіи парламентскаго порядка во Франціи*, сочиненія Дювержье де-Горанна. Этотъ томъ, весьма интересный, посвященъ послѣднимъ годамъ царствованія Карла X и революціи 1830 г. Онъ не долженъ былъ быть послѣднимъ въ первоначальномъ планѣ автора, который обнималъ также и революцію 1848 г. Очень жаль, что Дювержье де-Горраннъ остановился на пол-дорогѣ. Отъ этого его сочиненіе носитъ подготовительный характеръ, тогда какъ катастрофа 1848 г. послужила бы для него трагическимъ и естественнымъ заключеніемъ, потому что паденіе Луи-Филиппа можетъ считаться какъ

бы самоубійствомъ или разрушеніемъ парламентскаго порядка, вызваннымъ имъ самимъ. Большое участіе, которое принималъ Дювержье де-Гораннъ въ политическихъ движеніяхъ и интригахъ той эпохи, сначала какъ членъ партіи Гизо, затѣмъ какъ приверженецъ Тьера, придало бы много интереса его сужденіямъ и авторитетности его свидѣтельству. Но, быть можетъ также, оно стѣснило бы свободу повѣствователя, и вотъ конечно соображеніе, остановившее историка на его пути. Краткое предисловіе показываетъ намъ впрочемъ, что авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ опытъ ничему не научаетъ. Отвѣтственность за паденіе іюльской монархіи сваливается въ немъ исключительно на этого бѣднаго короля Луи-Филиппа, который конечно далеко не безупреченъ, но тѣмъ не менѣе былъ скорѣе жертвой чужихъ ошибокъ, упрямства Гизо, честолюбія Тьера, вѣтренности и интригъ всѣхъ окружающихъ.

Если что-нибудь несомнѣнно, такъ это то, что іюльская монархія была главнымъ образомъ подточена своими такъ-называемыми приверженцами и защитниками и ихъ яростными распрями изъ-за портфелей. Дювержье де-Гораннъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ политическихъ Фигаро этой эпохи; онъ сильно содѣйствовалъ разрушенію политической системы своего выбора. Небольшое *meâ culpâ* было бы не лишнимъ съ его стороны. Но какъ и вся либеральная школа того времени, какъ и самъ Тьеръ, онъ убѣжденъ, что ему не въ чемъ упрекать себя. Эта школа все еще держится своего знаменитаго правила: „король царствуетъ, но не управляетъ“, правила ложнаго въ самомъ основаніи, ибо опирается на различіи совершенно произвольномъ и отвлеченномъ между двумя выраженіями, которыя на практикѣ не могутъ быть разъединены. Государь, обсуждающій дѣла вмѣстѣ съ своими министрами, всегда необходимо принимаетъ нѣкоторое участіе въ управленіи, и это участіе всегда и само собой будетъ пропорціональнымъ его политическимъ талантамъ и способностямъ. Конституціонный король не долженъ только пытаться управлять помимо своихъ министровъ и наперекоръ имъ; но пока онъ дѣйствуетъ съобща съ своими конституціонными совѣтниками, а эти послѣдніе въ свою очередь слушаются общественнаго мнѣнія, то въ сущности рѣшительно все равно: принадлежитъ ли авторитетъ въ средѣ совѣта королю или президенту; онъ всегда будетъ принадлежать наиспособнѣйшему. Достоинство конституціонной монархіи заключается въ томъ, что она также хорошо уживается съ обыкновеннымъ монархомъ, какъ и съ геніальнымъ государемъ: достаточно, чтобы правительство не упорствовало въ желаніи управлять наперекоръ общественному мнѣнію. Король Луи-Филиппъ палъ не потому, чтобы желалъ расширить королевскую власть въ ущербъ народному самодержавію — на что онъ былъ вполнѣ неспосо-

бенъ — но потому, что слишкомъ ограниченный избирательный порядокъ изолировалъ его правительство и палаты отъ общественнаго мнѣнія страны, и не одинъ онъ виноватъ въ томъ, что этотъ порядокъ не былъ измѣненъ во́-время. Парламентскіе вожди требовали избирательной реформы, когда находились въ оппозиціи и отсрочили ее, когда стали во главѣ управленія. Я разскажу вамъ по этому поводу одинъ фактъ, который мало извѣстенъ, но кажется мнѣ весьма характеристичнымъ. Въ первыя времена министерства Гизо, министръ и самъ король желали ввести небольшую реформу въ выборы и слегка расширить ихъ. Герцогъ Орлеанскій, который еще былъ въ живыхъ въ то время и былъ либераленъ, какъ и всѣ обыкновенно наслѣдники, поддерживалъ это мнѣніе въ правительственныхъ кружкахъ. Но Тьеръ, который имѣлъ большое вліяніе на него и считалъ себя почти неизбѣжнымъ министромъ преемника короля Луи-Филиппа, узналъ объ этомъ, и такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ предоставить такому союзнику, какъ Гизо, честь подобной мѣры, какъ избирательная реформа, то уговорилъ герцога Орлеанскаго, что лучше отсрочить этотъ проектъ и приберечь его для новаго царствованія. Герцогъ Орлеанскій оказался настолько простякомъ и эгоистомъ, чтобы сдаться на подобные резоны. Онъ отступился отъ дѣла, котораго былъ главнѣйшимъ зачинщикомъ, и оно кончилось ничѣмъ. Вотъ какимъ образомъ Франція не добилась при Луи-Филиппѣ избирательной реформы, которая быть можетъ предохранила бы насъ отъ революціи 1848 года.

Возвращаясь къ сочиненію Дювержье де-Горанна, я, не смотря на узкость и неточность нѣкоторыхъ изъ его воззрѣній, тѣмъ не менѣе рекомендую его тѣмъ, кто желаетъ изучить политическую исторію Франціи со времени революціи 1789 г. Это несомнѣнно наиболѣе полезная книга, на какую только можно имъ указать. Уму автора недостаетъ глубины и упругости, но онъ разсудителенъ, проницателенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно безпристрастенъ, когда дѣло касается не до его современниковъ. Но что придаетъ особенную цѣну его исторіи — это безчисленное множество цитатъ, какъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ различныхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, такъ изъ газетныхъ статей, изъ неизданныхъ мемуаровъ, которыми авторъ имѣлъ случай воспользоваться. Это подробный сборникъ, которому можно довѣриться и который освобождаетъ отъ многихъ изслѣдованій и чтенія.

Кстати о неизданныхъ мемуарахъ. Ихъ существуетъ довольно, и они имѣютъ отношеніе къ нашей новѣйшей и современной исторіи, не говоря уже о мемуарахъ Талейрана или герцога Пакье́, о которыхъ всѣ слыхали и которые Богъ вѣсть когда выйдутъ въ свѣтъ. Много лицъ, изъ числа тѣхъ, которые имѣли прикосновенность къ

политическимъ событіямъ, начиная съ 1789 г., записывали свои впечатлѣнія. Иные изъ этихъ документовъ сохраняются въ семейныхъ архивахъ въ рукописяхъ и сообщаются любителямъ историческихъ изслѣдованій. Другіе появляются время отъ времени въ печати, въ сроки, назначенные самими авторами. Такимъ образомъ, черезъ два мѣсяца будутъ обнародованы мемуары одного члена директоріи, то-есть правительства, наслѣдовавшаго комитету общественной безопасности и предшествовавшаго консульству. Этотъ директоръ—Ларевельеръ-Лепо́, лицо, нынѣ позабытое, но посмертные мемуары котораго по всей вѣроятности надѣлаютъ шума, потому что въ нихъ низводятся съ пьедестала многія знаменитости и въ числѣ прочихъ Карно, поклоненіе которому получило во Франціи характеръ національнаго предразсудка. Я пробѣгалъ эти мемуары, и воздерживаясь пока отъ приговора надъ сужденіями автора, могу засвидѣтельствовать, что они весьма интересны. Исторія революціи была подтасована, разукрашена и окончательно искажена нашими историками (включая сюда и Тьера), что постоянно чувствуешь себя въ какомъ-то новомъ мірѣ, когда сталкиваешься съ ней непосредственно и въ нѣкоторомъ родѣ *en deshabillé*, въ интимномъ описаніи современныхъ мемуаровъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ Дантона, который кажется мнѣ менѣе поэтическимъ, конечно, но болѣе реальнымъ, чѣмъ портреты у Мишле и другихъ... „Когда я называю Дантона *циклопомъ*, то не потому, чтобы ему не доставало одного глаза; но его громадное лицо, все изрытое оспой, его свирѣпый видъ, его атлетическое сложеніе, его размашистыя движенія, какъ будто бы онъ бросалъ горы, съ цѣлью раздавить своихъ противниковъ, голосъ громкій и дикій, какъ ревъ быка, образы и выраженія грандіозно-чудовищныя—все въ немъ напоминало миѳическихъ циклоповъ, и воображеніе охотно искало глаза посреди лба. Впрочемъ это былъ человѣкъ до крайности сластолюбивый и преданный наслажденіямъ, испытывавшій постоянную нужду въ деньгахъ и неразборчивый на средства пріобрѣтать ихъ. Онъ не былъ, подобно Робеспьеру, мстительнымъ и завистливымъ; у него не было также, какъ у того, жажды проливать человѣческую кровь, но онъ созерцалъ или вѣрнѣе допускалъ проливать ее какъ воду, если только считалъ это выгоднымъ лично для себя или для своей партіи“.

Или вотъ еще небольшая сцена, въ которой фигурируетъ Робеспьеръ и которая не лишена значенія: „Одинъ богатый столяръ, по имени Дюплэ, его жена, его три или четыре дочери и его сынъ, мальчикъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, добрые въ сущности люди, но чрезвычайно экзальтированные и весьма ограниченные, поклонялись революціи.... Я отправился къ нимъ въ одно утро. Меня очень хорошо приняли и ввели въ пріемную, къ которой примыкалъ маленькій

кабинетъ, дверь котораго была отворена. Что же я увидѣлъ, входя? Робеспьера, который внѣдрился въ домѣ, гдѣ ему оказывали такія же почести, какія оказываютъ божеству. Бюстъ его стоялъ, окруженный различными орнаментами, стихами, девизами и проч. Сама пріемная была уставлена маленькими бюстами изъ красной и сѣрой глины и увѣшана портретами великаго человѣка, сдѣланными карандашемъ, растушкой, сепіей, акварелью. Самъ онъ расчесанный, напудренный, облеченный въ чистый шлафрокъ, красовался въ большомъ креслѣ передъ столомъ, покрытымъ прекраснѣйшими фруктами, свѣжимъ масломъ, молокомъ и душистымъ кофе. Вся семья, отецъ, мать, дѣти старались угадывать всѣ его желанія и предупреждать ихъ въ ту же минуту. Богъ удостоилъ мнѣ улыбнуться и протянулъ руку. Такъ какъ дверь въ пріемную была стеклянная, то поклонники, входя во дворъ, медленно и почтительно подходили къ этой двери и входили въ пріемную лишь тогда, когда божественный человѣкъ головой или рукой давалъ имъ на то позволеніе".

Послѣ 9-го термидора, Камбасересъ, бывшій позднѣе консуломъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ, затѣмъ княземъ, архи-канцлеромъ при имперіи, былъ президентомъ комитета общественнаго спасенія. Ларевельеръ-Лепо, авторъ, котораго я цитирую въ настоящую минуту, былъ равно призванъ участвовать въ немъ. Вотъ какъ происходили дѣла въ этомъ комитетѣ, оставившемъ по себѣ такое страшное воспоминаніе. Обстоятельства продолжали быть критическими и, главное, вопросъ о продовольствіи страшно озабочивалъ правительство. „Камбасересъ являлся къ десяти часамъ утра. Первой его работой было заказать хорошій супъ и велѣть подать на столъ отличнаго хлѣба и отличнаго вина, три вещи, которыя только тутъ и можно было найти въ Парижѣ.—У меня правило, говорилъ онъ намъ, что люди, участвующіе въ трудахъ собранія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудахъ комитета, должны хорошо питаться, иначе они не вынесутъ тягости своихъ трудовъ". Эта мудрая предусмотрительность гражданина-президента привлекала къ нему всѣ умы. Всѣ спѣшили ею воспользоваться. Различные члены комитета одинъ за другимъ появлялись въ немъ между двѣнадцатью и двумя часами. Они входили въ залу собранія. — Президентъ, нѣтъ ли чего новаго?—Нѣтъ, ничего, былъ обычный отвѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибывшіе справлялись о ѣдѣ, ѣли супъ, вытаскивали кусокъ говядины изъ кастрюли и отрѣзали себѣ кусочекъ, который и съѣдали съ вкуснымъ бѣлымъ хлѣбомъ, запивали отличнымъ бургонскимъ, послѣ чего мясо снова отправлялось въ кастрюлю, пока прибывавшая публика не заставляла послѣднихъ посѣтителей провѣрить на себѣ пословицу: *tarde venientibus ossa*. Набивъ себѣ желудокъ, на минуту заходили въ свое бюро, чтобы заняться тамъ одну минуту частными дѣлами и частными интересами. Такимъ образомъ оканчивались утренніе и днев-

-ные труды. Со всѣмъ тѣмъ, вечеромъ просыпалась забота о слѣдующемъ днѣ. Два существенныхъ пункта приковывали вниманіе въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, потому что мы рисковали разстаться съ головой на завтра. Эти два пункта были: продовольствіе и деньги: — Ну, какъ же, президентъ, говорилось обыкновенно съ признаками сильной тревоги, въ какомъ положеніи находятся финансы? — Да ассигнаціи все падаютъ, отвѣчалъ гражданинъ-президентъ, и нельзя успѣть напечатать ночью то количество, которое необходимо для завтрашняго обращенія. Если это продлится долѣе, то мы рискуемъ быть повѣшенными на фонаряхъ. — А продовольствіе! хватитъ ли его у насъ на завтра? — Эге, ге! рѣшительно не знаю.

„Членами комитета овладѣвало на нѣкоторое время глубокое смятеніе, но вскорѣ свѣтлая мысль разгоняла мрачное облако. Оно быстро разсѣевалось отъ слѣдующей бесѣды: — Президентъ, приготовлено ли для насъ что-нибудь поѣсть? Послѣ такихъ тяжелыхъ дней, необходимо подкрѣпить свои силы. — Да, да. Есть хорошій кусокъ телятины, большой тюрбо, порядочный сладкій пирогъ и еще кое-что. Тогда прости заботы! прости боязнь завтрашняго дня! Уныніе и страхъ смѣнялись самой оживленной веселостью, и мы весело спасали отечество, поѣдая вкусныя блюда, запивая ихъ шампанскимъ, при чемъ остроты служили приправой хорошей ѣдѣ“.

Это послѣднее воплощеніе комитета общественнаго спасенія, это превращеніе правительства крови въ правительство виверовъ уже даетъ предвкушать директорію, это республиканское регентство, въ которомъ Ларевельеръ-Лепо — весьма добродѣтельный лично или по крайней мѣрѣ выдающій себя за добродѣтельнаго человѣка — играетъ роль заблудившагося Катона и постоянно одураченнаго Дон-Кихота. Онъ былъ, заодно съ Барра, главнымъ зачинщикомъ 18-го фруктидора, одного изъ тѣхъ насильственныхъ переворотовъ, которыми губили республику, заявляя, что ее спасаютъ. Онъ содѣйствовалъ ссылкѣ своего собрата Карно и вскорѣ затѣмъ самъ палъ, незадолго до 18-го брюмера, вслѣдствіе интриги, подведенной противъ него его вчерашними друзьями и соучастниками. Когда проникаешь такимъ образомъ за кулисы первой республики, то понимаешь, какъ неизбѣжно было то, чтобы ее конфисковалъ въ свою пользу Бонапартъ. Со времени взятія Бастиліи и до учрежденія консульства во Франціи, собственно говоря не существовало правительства. Страна принадлежала партіямъ, которыя преслѣдовали одна другую. Эта система до сихъ поръ еще въ ходу у нашихъ крайнихъ партій, но къ счастію она значительно потеряла въ своей силѣ. Если бы ужь такъ же увлекались ею въ настоящее время, какъ въ эпоху первой революціи, то у насъ было бы уже нѣсколько государственныхъ переворотовъ или попытокъ къ нимъ со времени заключенія мира. Тьеръ попытался бы силой избавиться отъ

правой, а правая попыталась бы низвергнуть Тьера, подкупомъ какого-нибудь генерала. Сравненіе между этими двумя эпохами доказываетъ, что чувство законности хотя еще не развито вполнѣ, но все же значительно укрѣпилось между нами.

Воспоминаніе о Ларевельерѣ-Лепó, насколько оно сохранилось, подернуто нѣкоторымъ шутовскимъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе его попытки основать новую религію. Этотъ честный директоръ призналъ весьма основательно, что народы не легко обходятся безъ религіи; но онъ весьма ложно вообразилъ, что религію можно импровизировать. Поэтому онъ основалъ секту, которая называлась *теофилантропіей* и которая облекала весьма простыя идеи натуральной религіи театральной торжественностью и напыщенной реторикой, которая отличала высокій слогъ той эпохи. Ларевельеръ-Лепó пожелалъ, чтобы нѣсколько отрывковъ этого рода заняли мѣсто въ его мемуарахъ, и они составляютъ въ нихъ не послѣднюю рѣдкость. Это—реторическія словоизверженія, въ которыхъ подражаніе древнимъ, Руссó и Оссіану, играетъ почти равную роль. Эта смѣсь, кажущаяся намъ теперь нелѣпой и безсмысленной, весьма нравилась нашимъ дѣдамъ. Въ мемуарахъ Ларевельеръ-Лепó есть надгробное слово въ честь генерала Гоша, которое представляетъ не что иное, какъ сколокъ съ стенаній Мальвины и Фингала. Сынъ Ларевельера, который уже старикъ теперь и издатель книги своего отца, самъ зовется Оссіаномъ и у него нѣтъ другого имени. Это рисуетъ эпоху.

Черезъ нѣсколько недѣль, если не ошибаюсь, появится другая книга, которая тоже надѣлаетъ шуму. Это—*Антихристъ* Ренана. Дѣло состоитъ просто въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ ученаго писателя о происхожденіи антихриста. Ренанъ дошелъ до того момента, когда христіанская вѣра, раздраженная ожиданіемъ, выведенная изъ себя преслѣдованіями, пришла къ убѣжденію о скорой кончинѣ міра и приближающемся днѣ послѣдняго суда и о близкомъ возобновленіи всего. Апокалипсисъ, приписываемый св. Іоанну, есть выраженіе этого ожиданія. Онъ выводитъ на сцену существо, называемое Антихристомъ, въ которомъ резюмируются всѣ злыя силы, чтобы вступить въ послѣднюю борьбу съ Мессіей и его поклонниками. Будущая книга Ренана посвящена главнымъ образомъ объясненію этого особеннаго настроенія первобытнаго христіанства, объясненію Апокалипсиса. Онъ не даетъ ничего особенно новаго тѣмъ, кто занимался этимъ вопросомъ, потому что смыслъ Апокалипсиса, возбуждавшій столько споровъ и о которомъ написано такъ много пустяковъ, въ настоящее время вполнѣ разъясненъ и внѣ всякаго сомнѣнія. Антихриста, преслѣдующаго христіанъ и возстающаго противъ Мессіи, считаютъ просто императоромъ Нерономъ, и всѣ пророчества, всѣ видѣнія священной книги относятъ къ этому императору и къ его времени. Всѣ тайны Апокалипсиса

были такъ объяснены нѣмецкой критикой слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, но ея открытія не выходили изъ круга, довольно ограниченнаго, богослововъ и философовъ. Кругъ читателей Ренана гораздо обширнѣе, а талантъ его къ изложенію и популяризаціи неизмѣримо выше всего, что даютъ въ этомъ отношеніи нѣмцы, которые впрочемъ и не заявляютъ на это никакихъ притязаній. Важная заслуга, оказываемая Ренаномъ, заключается въ томъ, что онъ предлагаетъ результаты науки всѣмъ образованнымъ людямъ вообще, а это не бездѣлица. Къ тому же онъ такъ проницателенъ, что, быть можетъ, по многимъ пунктамъ могъ дополнить анализъ своихъ предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не пощадилъ трудовъ, потому что книга, о которой я извѣщаю, является, какъ мнѣ лично извѣстно, результатомъ многолѣтнихъ занятій.

Н.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новости изъ нашей старины.

Архивъ князя Воронцова. Книги 4-я и 5-я. М. 1872. Стр. 542 и 495.

Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. Книга вторая. М. 1872. Стр. 296+242.

Изданія, названныя нами, относятся къ нашей старинѣ болѣе или менѣе близкой; публика полюбила эти изданія и охотно раскупаетъ и читаетъ ихъ, знакомясь въ нихъ съ интимною стороною прошлой общественной жизни; изданія эти, помимо относительной важности для исторіи, полезны въ томъ отношеніи, что они обратили многихъ къ изученію русской исторіи, открывъ въ ней такія стороны, о которыхъ прежде или ничего не было извѣстно, или извѣстно по смутнымъ преданіямъ. По мѣрѣ того, какъ стѣснялся кругъ вопросовъ въ современной публицистикѣ, читатели находили утѣшеніе въ этомъ прошломъ, которое иногда многое говорило, иногда просто развлекало. Въ этомъ чтеніи смѣшалось традиціонное „пріятное съ полезнымъ", съ выгодою замѣнивъ собою чтеніе сухихъ историческихъ разсказовъ и слишкомъ „вольныхъ" историческихъ романовъ. За г. Бартеневымъ въ этомъ отношеніи — безспорная заслуга: онъ напалъ на родникъ, повидимому неизсякаемый и, вызвавъ подражателей, неутомимо подноситъ публикѣ разные сборники, изъ которыхъ почти нѣтъ ни одного такого, гдѣ бы не было, рядомъ съ лицами поверхностными, ничтож-

ными и ненужными даже для записныхъ археологовъ, вещей цѣнныхъ и важныхъ. Но „Архивъ князя Воронцова“ представляетъ едва ли не первую у насъ попытку систематической разработки архивовъ частныхъ лицъ, занимавшихъ высокія государственныя должности, и попытку счастливую, потому что историкъ найдетъ въ вышедшихъ книгахъ не мало любопытныхъ документовъ, рисующихъ и жизнь правительственныхъ сферъ и частную жизнь. Большая часть пятой книги „Архива князя Воронцова“ состоитъ изъ документовъ на французскомъ языкѣ, перевода которыхъ не прилагается, изъ благоразумной экономіи, и почти всѣ эти документы имѣютъ общій интересъ, знакомя насъ съ такими лицами, какъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, княгиня Дашкова, Радищевъ, Екатерина II и др. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова, вся сплошь написанная по-французски, къ сожалѣнію, не окончена имъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отыскано продолженія. Записка эта вводитъ насъ въ кругъ жизни и воспитанія молодого знатнаго человѣка не изъ числа тѣхъ, которые „прогуляли“ свою юность и били баклуши, а изъ тѣхъ немногихъ въ то время, которымъ выпало на долю солидное образованіе. (Впрочемъ, должно сказать, что въ екатерининское время, помимо людей, имѣвшихъ на нее вліяніе, государственные люди по большей части были образованы). Графъ А. Р., благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, получилъ и дома порядочное образованіе и, пользуясь большимъ знакомствомъ и совѣтами дяди своего, канцлера, рано привыкъ къ „матеріямъ важнымъ“, къ политикѣ, къ обсужденію общественныхъ вопросовъ. Царствованіе Елисаветы застало его еще мальчикомъ, и онъ съ большой симпатіей говоритъ объ этой государынѣ, вспоминая дѣтскіе балы, которые она давала во дворцѣ своемъ, и ея доброе сердце. Къ Екатеринѣ онъ относится сдержанно и, признавая за нею большой умъ и образованіе, критически разбираетъ ея нравственный характеръ и обвиняетъ ее за интриги, которыя она весьма искусно вела, будучи еще великой княгиней. Говоря объ отношеніи ея къ супругу, онъ не могъ пропустить и того, чтобы не сказать о Елисаветѣ Воронцовой, своей родной сестрѣ, и въ этомъ случаѣ родственное чувство, быть можетъ, мѣшало его безпристрастію. Онъ увѣряетъ, что Екатерина сама постаралась сблизить Петра Θедоровича съ Елисаветой Воронцовой, которой было тогда всего 14 лѣтъ, желая ею замѣнить дѣвицу Шафирову, любовницу великаго князя, и что Екатерина вообще, стараясь имѣть на великаго князя какъ можно болѣе вліянія, окружала его такими особами женскаго пола, которыхъ могла держать въ своемъ подчиненіи. Что Екатерина имѣла на мужа своего большое вліяніе и старалась объ этомъ, это явствуетъ между прочимъ, изъ допросныхъ пунктовъ Лестоку, напечатанныхъ въ 4-ой книгѣ „Арх. кн. Воронцова“. „Она такъ интриговала, говоритъ графъ А. Р.,

что мужъ ея влюбился въ нее (Воронцову). Она покровительствовала этой связи, но увидавъ, около 1756 г., что связь эта пустила глубокіе корни, она захотѣла ее порвать; но несмотря на всѣ свои старанія и подходы (ses menées et intrigues), она въ этомъ не успѣла, потому что великій князь серьезно привязался къ моей сестрѣ, и эта связь, которую можно назвать платоническою, продолжалась до самаго сверженія съ трона Петра III". Разсказавъ затѣмъ объ интригѣ Бестужева и сообщая нѣсколько подробностей о семилѣтней войнѣ, Воронцовъ переходитъ къ описанію своего путешествія по Европѣ. Маркизъ Лопиталь, пріѣхавшій въ 1757 г. посломъ ко двору Елисаветы, сблизился съ дядею графа А. Р. и посовѣтовалъ ему послать своего племянника для окончанія образованія во Францію, именно въ школу des chevaux légers. Графу А. Р. шелъ семнадцатый годъ, когда онъ отправился въ дальнее путешествіе. Дорожныя впечатлѣнія его очень любопытны. Снабженный письмами и рекомендаціями, племянникъ русскаго канцлера повсюду встрѣчалъ радушный пріемъ и все видѣлъ: онъ проѣхалъ часть Пруссіи, занятой въ то время нашими войсками, и направился на Вѣну, черезъ Польшу. „Пребываніе въ Варшавѣ, говоритъ онъ, мнѣ понравилось чрезвычайно. Польскіе вельможи, ихъ образъ жизни, уваженіе, которымъ они пользовались, все это меня поразило и заставляло думать, что нѣтъ болѣе завиднаго состоянія, какъ быть польскимъ вельможею. Эта республика была тогда сильнымъ и уважаемымъ государствомъ въ Европѣ. Хотя по своей конституціи она не могла играть дѣятельной роли въ общихъ (международныхъ) дѣлахъ, но я не думаю, чтобы это составляло счастіе народа. Она пользовалась полнѣйшею безопасностью не только по массѣ своихъ силъ, но также и потому, что сосѣди ея казались въ то время заинтересованными въ поддержкѣ этого порядка вещей и въ неприкосновенности ея владѣній". Слѣдующее мнѣніе графа Воронцова любопытно, какъ отголосокъ той партіи, которая не желала раздѣленія Польши и не одобряла въ этомъ случаѣ политику Екатерины: „Надо было царствованіе принцессы, чуждой Россіи, лишившей своего мужа престола, чтобы разрушить этотъ (вышеописанный) порядокъ вещей. Она не удовольствовалась тѣмъ, чтобы царствовать надъ огромнымъ народомъ, чего она никогда не могла ожидать, она захотѣла также, чтобы и другъ ея, графъ Понятовскій, имѣлъ престолъ. Смерть короля Августа случилась въ 1763 г. Она не пожалѣла ни денегъ, ни войскъ своихъ, чтобъ помѣшать избранію саксонскаго принца, котораго желали поляки и избраніе котораго вполнѣ отвѣчало интересамъ Россіи, но все было пожертвовано тщеславію и страсти. Волей-неволей императрица заставила выбрать королемъ Понятовскаго... Это желаніе поставить королемъ своего друга имѣло большія послѣдствія для политической системы Россіи тѣмъ, что оно отдалило отъ насъ

дворы вѣнскій и дрезденскій и бросило насъ въ объятія Берлина, чтобъ онъ содѣйствовалъ избранію Понятовскаго, и породило ту чудовищную и смѣшную сѣверную систему, которую такъ превозносилъ графъ Панинъ, ея изобрѣтатель, и которою воспользовался только прусскій король, потому что система эта послужила къ возвеличенію прусской монархіи, совсѣмъ несогласному съ истинными интересами Россіи". Надо помнить, однако, читая это мнѣніе, что графъ Воронцовъ былъ аристократомъ по убѣжденію и то, что ему больше всего нравилось въ Польшѣ—образъ жизни ея магнатовъ—было въ ней хуже всего. Его сужденія объ Австріи также указываютъ на эту черту въ его политическихъ убѣжденіяхъ: высоко ставя Марію-Терезію, онъ безпощадно относится къ ея сыну, Іосифу II, и огульно осуждаетъ его реформы, какъ извѣстно, снискавшіе ему уваженіе потомства. О Кауницѣ онъ выражается такъ: „Въ это первое путешествіе мое въ Вѣну, я не видѣлъ въ графѣ Кауницѣ великаго министра, какимъ онъ былъ, но человѣка тщеславнаго, высокомѣрнаго, исполненнаго мелочностей въ своей внѣшности (plein de petitesses dans les manières), между которыми были непріятныя, какъ напр. полоскать себѣ ротъ за обѣдомъ, и это довольно долгое время, или чистить бриліанты своего ордена Золотого Руна щеточкой, которую онъ приказывалъ приносить себѣ". При дворѣ курфирста палатина онъ встрѣтилъ Вольтера, который жилъ въ то время тамъ, и нѣсколько разъ посѣщалъ его, проводя въ разговорахъ съ нимъ по нѣскольку часовъ: „Онъ много говорилъ мнѣ объ императрицѣ Елисаветѣ, объ извѣстномъ человѣколюбіи ея, о ея законахъ, отмѣнившихъ смертную казнь, и восхищался Петромъ Великимъ". Пріѣхавъ во Францію, онъ засталъ тамъ то до-революціонное броженіе, которое было вызвано борьбою парламентовъ съ дворомъ. „Въ трактирахъ, гдѣ я останавливался и которые очень хороши, хотя и дороги, даже трактирщицы говорили со мной не о чемъ другомъ, какъ только о своемъ уваженіи къ парламентамъ, къ принцу Конти, который былъ, по ихъ словамъ, другомъ народа и опорой парламентскихъ привилегій, и о томъ, что ихъ добрый король, въ то время еще любимый, былъ обманутъ. Я слушалъ и оставлялъ ихъ говорить. Если бы обратили тогда вниманіе на горячее и экзальтированное расположеніе умовъ во Франціи, быть можетъ открыли бы зародышъ того, что́ случилось впослѣдствіи. Между тѣмъ дѣло тогда и близко не касалось трона и алтаря; напротивъ, всѣ вѣрили, что монархія нераздѣльна съ правленіемъ во Франціи и съ домомъ Бурбоновъ, который тамъ царствовалъ. Эта истина была написана во всѣхъ сердцахъ. Ропотъ и недоброжелательство народа раздавались противъ налоговъ, которыми онъ былъ обремененъ, и противъ личности г-жи Помпадуръ и министровъ, которымъ приписывали разстройство финансовъ. Парламенты, и въ особенности парижскій, пріобрѣтали со

дня на день больше и больше довѣрія и уваженія во французскомъ народѣ. Даже изгнанія, которыми ихъ иногда наказывали, были дѣломъ желательнымъ, потому что они только увеличивали народный энтузіазмъ къ нимъ", и проч. Все, что говоритъ Воронцовъ о тогдашнемъ положеніи Франціи, не только любопытно само по себѣ, какъ мнѣніе русскаго просвѣщеннаго человѣка, отличавшагося проницательностью, но и не лишено относительной важности какъ историческій документъ. Было бы очень желательно, чтобъ отыскалось продолженіе этихъ интересныхъ мемуаровъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и честнѣйшихъ людей прошлаго вѣка, великаго приверженца англійскихъ порядковъ.

Послѣ этихъ мемуаровъ слѣдуетъ цѣлый, длинный рядъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ племяннику, княгини Дашковой къ графу Александру Романовичу и Радищева къ нему же изъ сибирской ссылки. Все это цѣнный историческій матеріалъ. Между письмами графа Михаила Ларіоновича особенно выдаются тѣ, въ которыхъ онъ говоритъ о племянницѣ своей, знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ. Дядя очевидно вооруженъ противъ нея за то, что она, попавъ на первое мѣсто при дворѣ Екатерины, не заботилась о „благополучіи" своихъ родственниковъ: „О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой, пишетъ старикъ, увѣдомить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣли, какъ и отъ Елисаветы Романовны (любовницы Петра III), и только что подъ именемъ ближняго свойства слывемъ, а никакой искренности, ни откровенности, а еще менѣе какого-либо вспомоществованія или надежды, чтобы въ пользу нашу старанія прилагала, отнюдь не имѣемъ; и она, мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, *въ наукахъ и пустотѣ* (?) время свое проводитъ. Я опасаюсь, чтобы она каприсами и неумѣстнымъ поведеніемъ и отзывами столько не прогнѣвила государыню императрицу, чтобы отъ двора отдалена не была, а черезъ то наша фамилія въ ея паденіи напраснаго порока отъ публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей государыни, *и въ томъ мы должны ее весьма прославлять и почитать*; да когда поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не иное что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе... Господинъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и къ намъ преданность и благодарность свою показываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюда своей фамиліи, и уже съ мѣсяцъ времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ еще награжденія, какъ токмо 1000 рублевъ для проѣзда своего. Господинъ Одаръ въ состояніи написать весьма лучшую реляцію, какъ

о счастливой нашей перемѣнѣ, такъ и особливо достойную похвалу великимъ добродѣтелямъ и качествамъ ея и. величества, нежели Пиктетъ вздумалъ не по силѣ разума своего писать". Все это очень иллюстрируетъ тогдашнее настроеніе умовъ и прибавляетъ матеріалъ для сужденія о переворотѣ 1762-го года. Письма М. Л. и слухи поссорили Александра Романовича съ его сестрой, съ которою они были весьма дружны, и они обмѣнялись между собою нѣсколькими горячими письмами. Затѣмъ все вошло въ норму и они продолжали переписку. Почти вся она на французскомъ языкѣ. Мы остановимся только на одномъ письмѣ княгини Дашковой, касающемся извѣстнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій". Дѣло это разсказано въ письмѣ Дашковой къ брату ея гораздо подробнѣе, чѣмъ въ „Запискахъ" Дашковой; очевидно, тутъ она писала подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, тогда какъ въ „Запискахъ" только по воспоминаніямъ. Письмо, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, все писано по-французски. Извѣстно, какъ началось это дѣло. У вдовы Княжнина осталась рукопись трагедіи, которую пріобрѣлъ книгопродавецъ Глазуновъ и испросилъ позволенія у Дашковой, бывшей президентомъ академіи наукъ, напечатать ее въ академической типографіи. Дашкова позволила, забывъ дать письменный приказъ о томъ, чтобъ комедія была процензурована. Сама Дашкова ее тоже не читала, подумавъ, что коли трагедія—значитъ въ ней, кромѣ любовной интриги, ровно ничего нѣтъ. По напечатаніи, трагедія попалась въ руки Ив. Петр. Салтыкова, который и донесъ о вредномъ содержаніи ея императрицѣ. Никита Ивановичъ Панинъ, какъ разсказываетъ Дашкова, выразился объ этомъ поступкѣ Салтыкова такъ: „Дуракъ, думаетъ подслуживаться доносами, а того не разумѣетъ, что ее самое понапрасну мучитъ и тревожитъ". Марковъ повторилъ самой Дашковой почти тѣ же слова: „Люди безъ достоинствъ и способностей, не умѣя сдѣлаться необходимыми государынѣ, прибѣгаютъ къ оффиціознымъ запугиваніямъ (terreurs officieuses)". Екатерина прочитала трагедію сама и потомъ Самойлову и Безбородко, послѣ чего „сдѣлалась гнѣвнѣе". Въ этотъ же вечеръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой и имѣлъ съ ней продолжительный разговоръ, въ теченіе котораго старался представиться человѣкомъ, который дѣйствуетъ у императрицы въ пользу княгини; тутъ же онъ намекнулъ ей, что есть люди, которые клевещутъ на Дашкову, будто она принимала участіе въ книгѣ Радищева. Вотъ дальнѣйшій ходъ дѣла: „Суббота прошла безъ всякихъ новыхъ или какихъ-нибудь переговоровъ отъ кого-нибудь. Въ воскресенье я, по обыкновенію, поутру поѣхала во дворецъ. Скоро изъ спальни вышелъ Самойловъ и, прошедъ нарочно мимо меня въ бриліантовую комнату, въ пол-голоса мнѣ сказалъ: „будьте умѣренны, снисходи-

тельны". Казалось, что онъ боялся, чтобы кто примѣтилъ, что онъ примолвилъ со мною. Признаюсь, что мнѣ жалко и смѣшно было. Я сказала ему: „совѣсть моя чиста и спокойна". Показалась императрица, и увидѣла, что лицо ея очень серьезно. Я подошла къ ней по обыкновенію. Она также по обыкновенію пригласила меня въ бриліантовую комнату. Войдя я подошла къ ней и сказала: „Я очень огорчена за мою оплошность и прошу васъ извинить меня", и не давъ ей времени принять гнѣвный тонъ, поцѣловала ей руку, а она меня въ щеку. Выславъ своего парикмахера-француза, она мнѣ сказала:

«— Признайтесь, однако, что это непріятно.

«— Признаюсь, и потому-то меня это огорчаетъ.

«— Мнѣ мѣшаютъ дѣлать добро; я сдѣлала его столько, сколько могла, и для отдѣльныхъ лицъ, и для страны; неужели и здѣсь хотятъ надѣлать такихъ же ужасовъ, какъ во Франціи.

«— Надѣюсь, что у насъ совсѣмъ нѣтъ такихъ безумцевъ.

«— Но вы видите, однако, что они есть.

«— Никогда не слышала я другого мнѣнія и другихъ желаній, какъ только, чтобъ ваше царствованіе продолжалось.

«— Есть неблагодарные и двоедушные люди, а когда у человѣка дурное сердце—онъ желаетъ несчастія другимъ.

«— Извините, государыня, но одно дурное сердце не можетъ произвесть этого; для этого нужно еще помѣшанную голову, ибо дурное сердце можетъ стремиться къ злобѣ и мщенію, но не можетъ желать ни собственнаго несчастія и несчастія дѣтямъ своимъ, ни потоковъ крови.

«— Если государь — зло, то это зло необходимое, безъ котораго невозможны ни порядокъ, ни спокойствіе.

«— Ваше величество ужъ сдѣлали мнѣ честь и прежде высказать эту трогательную въ устахъ государя мысль, и я уже отвѣчала вамъ, что въ ваше царствованіе никто и никогда не подумаетъ, что государь—зло.

«— Что касается меня, я могу очень хорошо вынести все то, что обо мнѣ скажутъ, и если преступленіе быть на томъ мѣстѣ, гдѣ я нахожусь (ибо я признаюсь, я не имѣю на него правъ ни по рожденію, ни другихъ), то это преступленіе вы раздѣлите со мною.

«Я посмотрѣла на нее пристально и имѣла также возражать на эту мысль и признаніе. Она продолжала такъ:

«— Вотъ уже другое сочиненіе подобнаго рода,—первое раньше явилось, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

«—Въ теченіе одиннадцатилѣтняго президентства моего въ академіи, это первая вещь которая проскочила. Тоже трагедія это была?

«—Нѣтъ, путешествіе [1]). Теперь стану ждать третьяго.

«— Мнѣ кажется, что я знаю, что вы разумѣете, государыня; на этотъ счетъ есть анекдотъ извѣстный многимъ лицамъ. За годъ до напечатанія этого сочиненія, авторъ издалъ жизнь одного изъ своихъ друзей, который пилъ, ѣлъ, спалъ и умеръ, какъ и всѣ, не сдѣлавъ ровно ничего замѣчательнаго. Разъ, когда мы были въ русской академіи, г. Державинъ, говоря о маломъ знаніи у насъ русскаго языка, о томъ, что у насъ не понимаютъ значенія словъ, а между тѣмъ претендуютъ на авторство, сказалъ, что онъ только что прочелъ глупую книгу Радищева [2]) на счетъ одного изъ его умершихъ друзей, и спросилъ меня, читала ли я ее. На отрицательный мой отвѣтъ и на замѣчанія, что я не думаю, чтобы книга была глупа, потому что авторъ ея не глупъ, онъ приказалъ ее принести (онъ жилъ тогда въ академіи) и далъ мнѣ. Прочитавъ ее, я ясно увидѣла, что онъ подражаетъ Стерну, автору „Сантиментальнаго Путешествія", что онъ читалъ Клопштока и другихъ нѣмецкихъ писателей, не понимая ихъ, и я многимъ говорила, что онъ запутался въ метафизикѣ и потеряетъ голову. Я предсказала подобное же Зуеву и еслибъ у него не было жены, которая заботится о немъ, его пришлось бы запереть въ сумасшедшій домъ.

«— Кто это Зуевъ?

«—Это академикъ, сказала я.

«Затѣмъ мы стали говорить о Гершелѣ, о его телескопѣ» и пр.

Изъ писемъ Радищева къ графу Александру Романовичу видно, какое теплое участіе принималъ послѣдній въ судьбѣ несчастнаго автора „Путешествія". Онъ пишетъ тверскому губернатору, прося его принять участіе въ судьбѣ Радищева, отправленнаго въ Сибирь, и снабдить его всѣмъ необходимымъ, для чего послалъ губернатору 200 рублей. „Вы усугубите еще ваше одолженіе, говоритъ онъ, которое я конечно съ признательностію приму, когда при отправленіи его изъ Твери препоручите тому, на кого возложено будетъ изъ Твери его отвезть, чтобъ онъ съ нимъ поступалъ человѣколюбиво, а не менѣе еще признателенъ я буду вашему пр—ву, когда меня увѣдомите, въ какомъ онъ состояніи въ Тверь привезенъ, и когда оттуда и какимъ образомъ отправленъ". Въ этомъ же письмѣ есть слѣдующія строки: „Радищевъ, до несчастія своего издавна мнѣ не токмо былъ знакомъ, *но и любилъ я* его, такъ какъ прежнее его поведеніе оное и заслуживало, такъ что никогда и уповать не можно было, чтобъ онъ впалъ въ толь неожиданное преступленіе, никакъ не соотвѣт-

---

[1]) Дѣло идетъ о книгѣ Радищева, и Дашкова притворяется, что не знаетъ о чемъ идетъ дѣло.

[2]) Дѣло идетъ о сочиненіи Радищева «Житіе Ушакова».

ствующее прежнему его поведенію". Онъ заботится о воспитаніи его дѣтей, посылаетъ ему книги и журналы, физическіе инструменты, предлагаетъ деньги и проч. Письма Радищева, частью на французскомъ языкѣ, частью на русскомъ, звучатъ искреннею благодарностью, и свидѣтельствуютъ о томъ, что Радищевъ былъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ и наблюдательнымъ. Европейская литература и періодическая печать живо его интересуютъ. Онъ то и дѣло обращаетъ вниманіе графа то на ту, то на другую политическую брошюру, заглавія которыхъ ему удается вычитать изъ каталоговъ. Вы видите въ этой перепискѣ человѣка свободномыслящаго, живого. Онъ сообщаетъ графу свои наблюденія въ Сибири, говоритъ о народѣ, о его нравахъ и обычаяхъ, о торговлѣ и промыслахъ. Видно, что онъ жилъ тамъ не праздно, предаваясь отчаянію, а принимая участіе въ окружающемъ. Чтобы судить о литературномъ талантѣ Радищева, необходимо прочитать нѣкоторыя его письма на французскомъ языкѣ: по-русски онъ писалъ тяжело, но французскій языкъ даетъ ему полную возможность картинно и образно выражать свои мысли. И странное впечатлѣніе производятъ его русскія письма рядомъ съ французскими: въ самомъ языкѣ первыхъ есть что-то принижающее, неуклюжее; между тѣмъ какъ, читая французскія письма, чувствуешь словно другого человѣка, свободнаго, живого, впечатлительнаго, краснорѣчиваго. Эта переписка наводитъ на мысль ближе узнать отношенія Воронцовыхъ къ Радищеву и то вліяніе, которое имѣлъ графъ Александръ Романовичъ на автора „Путешествія"; это новая фаза въ исторіи знаменитой книги, заслуживающая, по нашему мнѣнію, серьезнаго изслѣдованія. Невозможно вѣрить искренности допросныхъ отвѣтовъ Радищева, который, напр., на вопросъ: «съ какимъ намѣреніемъ писали вы сію книгу?» отвѣчалъ: „Главное мое намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того; впрочемъ теперь при объясненіи о ней и самъ онъ видитъ, что она наполнена пустыми, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего сердца жалѣетъ». Допросные пункты и отвѣты на нихъ, какъ и замѣчанія на книгу самой императрицы, помѣщены въ четвертой же книгѣ „Архива князя Воронцова". Тутъ же помѣщены и «Повинная Радищева, въ которой разсказываетъ, какъ пришла ему первая мысль о написаніи книги, откуда онъ заимствовалъ «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости» и проч.

Что касается второй книги «Девятнадцатаго вѣка», то большая часть ея занята сочиненіемъ Н. И. Ушакова «Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ (1853 — 1855)". Къ этому сочиненію исполненному интереса, больше для военныхъ людей, мы, быть можетъ, вернемся, когда выйдутъ остальные томы

„Севастопольскаго Сборника“, предпринятаго Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; самыя „записки“ эти какъ нельзя больше шли въ этотъ „Сборникъ“ и составили бы его украшеніе. Изъ остальныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ“ заслуживают вниманія письма знаменитаго графа Растопчина къ князю П. Д. Циціанову, записка Пушкина о народномъ образованіи, представленная имъ императору Николаю Павловичу и записки о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ съ 1826 — 1848. Тутъ находятся проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, кн. Меньшикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова, кн. Друцкаго-Соколинскаго и др., которые вели къ „секретнымъ“ и „весьма секретнымъ комитетамъ“, дѣятельность которыхъ, какъ извѣстно, осталась безъ результатовъ. Письма графа Растопчина полны желчи и будированія. Послѣ вліянія своего при дворѣ Павла, онъ жилъ то въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ, то въ Москвѣ, и конечно, былъ не доволенъ тѣмъ порядкомъ вещей, который наступилъ въ первые годы царствованія Александра. Онъ очевидно предпочиталъ мѣры покойнаго императора, когда онъ пользовался значеніемъ. На смѣлые приговоры надъ людьми новаго царствованія онъ чрезвычайно скоръ, и поэтому часто противорѣчитъ себѣ; но въ его письмахъ есть любопытныя замѣтки, и сквозь злость и оскорбленное самолюбіе иногда виднѣется смѣлая правда; но конечно, правда эта не въ такихъ замѣчаніяхъ, какія онъ позволяетъ себѣ относительно намѣреній Александра I освободить крестьянъ, или такихъ какъ „развратность нравовъ дошла у насъ до того, что нѣтъ ничего святаго“. Вотъ нѣсколько отрывковъ другого порядка: „Правда ли, что Кнорингъ, ѣздя лѣтомъ по Тифлису, заставлялъ себя обмахивать двумъ ѣздовымъ, по сторонамъ его кареты ѣзжавшими? Это хоть бы Павлу Сергѣевичу“ (Потемкину, который дѣйствовалъ самовластно на Кавказѣ въ царствованіе Екатерины II). „Въ Москвѣ всѣ спились оттого, что гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ и князь А. Борисовичъ Куракинъ, желая — одинъ за сына, а другой — за себя, дочь богатыря Орлова, въ угодность ему пьютъ мертвую чашу“. „Вотъ, наконецъ, и гр. Аракчеевъ опять главою всей артиллеріи. Дай Богъ ему пожить и чтобъ онъ не привелъ въ ненависть и этого государя, какъ покойника“. „Всѣ говорятъ о новой (князя Циціанова) осенней компаніи, и незнающіе положенія вещей воображаютъ, что возобновляется персидская кампанія. Глупые думаютъ, что сіе дѣлаетъ гр. Вал. Зубовъ (бывшій въ милости у имп. Александра) для предводительства надъ войсками; но онъ, я думаю, до того краю и не охотникъ, да и держится истиннаго правила, что отъ государей и отъ любовницъ отлучаться не должно“. „Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный исторіографомъ съ 2000 р. пенсіона, забывъ свою жену (недавно умершую) и отчаяніе, сговоренъ на до-

чери князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. И счастіе и несчастіе его истекаютъ изъ глазъ". Объ императорѣ Александрѣ онъ говоритъ: „Крезъ добрыми намѣреніями, но нищій исполнителями". „Кочубей въ напечатанномъ проектѣ, для отвращенія бѣдъ отъ неурожая, полагаетъ въ Смоленской губерніи жатву совсѣмъ оконченною къ 1-му числу іюля". „Я видѣлъ отъ Васильева запросъ въ орловскую казенную палату объ оброчныхъ статьяхъ, есть ли оныя; а онъ министръ финансовъ!" „Не могу удержаться, чтобъ не сообщить тебѣ глупость тверскаго губернатора кн. У. На него взошла къ государю просьба отъ бѣдной барыни, что К. — исправникъ пріѣзжалъ къ ней, рылъ въ домѣ у крестьянина ея, разорилъ дворъ и пр. Сенатъ потребовалъ отъ губернатора объясненія и получилъ въ отвѣтъ, что онъ, узнавъ, что у сего крестьянина есть знатный кладъ, и увѣрясь по словамъ К. — исправника о дѣйствіи разрывъ-травы, отправилъ его для сысканія клада, имѣя въ виду единственно казенную прибыль. Сенатъ написалъ къ губернатору, что онъ сдѣлалъ неприличное и вѣрно былъ не въ здравомъ разсудкѣ. Однакоже У. остался правителемъ губерніи". «Я не очень доволенъ, что Чичаговъ и Румянцевъ въ Совѣтѣ; первый отъявленный якобинецъ (?!) на аглицкую стать, а второй съ рѣдкимъ умомъ придворный философъ». Выхваляя Адама Чарторижскаго, который былъ другомъ князя Циціанова, Растопчинъ замѣчаетъ: «Ему должно было сначала знать, что его пребываніе и просто у двора сопряжено будетъ со всякаго рода затрудненіями, кольми паче въ дѣлахъ такихъ, гдѣ самые честные люди подвержены не довольно хуленію, но и подозрѣніямъ, единственно по естеству дѣлъ, кои покрыты тайною, а часто и неизвѣстностью. Онъ справедливо чувствуетъ, что ему, бывъ иностраннымъ для Россіи, еще труднѣе природнаго держаться въ такое время, гдѣ довѣренность и любовь самаго царя не весьма сильная опора. Всѣ заражены мыслію, что онъ скрытный врагъ Россіи и первый пророкъ вольности, коею стращаетъ дворянство. Но, какъ бы то ни было, зная всѣхъ вельможъ, я скажу тебѣ, что, смѣня Чарторижскаго, на мѣсто его ни единаго человѣка нѣтъ. К. — оселъ, Марковъ — зажигатель, П.—злодѣй, Разумовскій—цесарецъ, а Семіонъ — Питова рука; Румянцевы, Николай—враль, а Сергѣй вѣчно закуся удила носится. Прочіе же изъ тѣхъ, кои употреблены по иностранной части, половина плутовъ, а другая годная быть тѣмъ, гдѣ есть". Вотъ еще образчикъ столь же рѣзкихъ приговоровъ: «Войну затѣяли (1805 г.)— дай Богъ хорошій конецъ! На командировъ, правду сказать, надѣяться трудно. Кутузовъ, коего нѣмецкіе принцы загоняютъ; Буксгевденъ дуракъ безсчетный, а Бенигсонъ и Михельсонъ на все готовы, а своего дѣла не знаютъ. Цесарцы захотѣли отвѣдать еще французскихъ генераловъ и увѣрены, что успѣхъ вѣрный отъ того, что Тугута нѣтъ

въ дѣлахъ, — будто Кобенцель лучше. Но государю нашему, имѣвъ уже оспу и корь, должно имѣть и союзъ съ Англіей и Цесаріею". Мы извиняемся передъ читателями за эти безсвязныя выписки, но иначе нельзя пользоваться письмами Растопчина, занимающими въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ" 113 страницъ и большею частію наполненными подробностями, никакого интереса не имѣющими. Послѣднія строки, написанныя графомъ, были—о кончинѣ Александра. Онъ очевидно къ ней совершенно равнодушенъ. „Имп. Александръ скончался въ Таганрогѣ, говоритъ онъ, городѣ, въ который въ прошлое столѣтіе ссылали преступниковъ. Бальзамированіемъ тѣла его, конечно, занимался хирургъ его Вилье. Вечеромъ пріѣзжала Гальяни (урожденная Свѣчина), съ соболѣзнованьями. Только потому, что она иностранка, ей два раза давали 50,000 р. на путешествія и дана пожизненная пенсія въ 4,000 руб. Имп. Александръ любилъ, чтобъ въ чужихъ краяхъ его восхваляли". О впечатлѣніи, произведенномъ смертью императора, Растопчинъ говоритъ: „Народъ равнодушенъ; дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно; военные надѣются, что ихъ менѣе будутъ мучить".

„Записка о народномъ воспитаніи" Пушкина сама по себѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго, но по отношенію къ характеристикѣ поэта не лишена своего значенія. Въ 1826-мъ году 8-го сентября Пушкинъ былъ необыкновенно милостиво принятъ имп. Николаемъ въ Москвѣ. Сколько извѣстно, государь продолжительно бесѣдовалъ съ нимъ, между прочимъ о 14-мъ декабря и о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества и вообще народному образованію. Въ теченіи разговора онъ приказалъ Пушкину письменно изложить свои мысли по этимъ предметамъ. Вслѣдствіе этого приказанія и была составлена упомянутая записка, довольно безхарактерная. Пушкинъ говоритъ, разумѣется, о необходимости просвѣщенія и, признавая, что „уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды", совѣтуетъ однако представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія. Не совѣтуетъ запрещать воспитанія заграничнаго и приводитъ такой примѣръ: „Мы видимъ, что Николай Тургеневъ, воспитывавшійся въ Гетингенс. университетѣ, несмотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди своихъ буйныхъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній". Въ кадетскихъ корпусахъ онъ совѣтуетъ уничтожить тѣлесное наказаніе: „надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правило чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое наказаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ". Далѣе онъ говоритъ противъ изученія латинскаго и греческаго языка. „Позволи-

тельна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго“? Мысли его о преподаваніи исторіи въ высшихъ классахъ совершенно здравы и смѣло высказаны: „Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источникъ нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для них прелесть новизны“.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Томъ седьмой. Сочиненія въ прозѣ. Спб. 1872. Стр. XVII + 757.

Этимъ томомъ г. Гротъ закончилъ свой огромный трудъ по изданію сочиненій Державина; слѣдующій томъ будетъ посвященъ біографіи Державина, для которой матеріалы уже собраны, а отчасти и разработаны. Мы говорили уже не разъ о значеніи труда г. Грота и считаемъ излишнимъ повторять свое мнѣніе еще разъ; но намъ кажется не безполезнымъ сказать о содержаніи этого тома. Онъ почти весь занятъ дѣловыми записками Державина, которыя онъ писалъ отчасти по собственной инициативѣ, отчасти вызванный къ тому правительствомъ. Тутъ нѣсколько бумагъ, относящихся къ пугачевщинѣ, оффиціальныя записки по управленію имъ Олонецкой губерніей, записка о Бѣлоруссіи и о евреяхъ, о правахъ сената, проектъ устава третейскаго суда, мнѣніе объ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ, о срокѣ службы дворянъ, мечты о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ Россіи, мнѣніе о оборонѣ имперіи на случай покушенія Бонапарта, нѣсколько литературныхъ произведеній, писемъ и проч. и проч. Томъ составился огромный. Просматривая эти сочиненія, прежде всего обращаешь вниманіе на то странное обстоятельство, что языкъ Державина въ нѣкоторыхъ дѣловыхъ запискахъ, напр. о Бѣлоруссіи, очень хорошъ сравнительно съ его прозаическимъ языкомъ. Извѣстно, что прозою онъ писалъ тяжело въ такой степени, что чтеніе „Записокъ“, его, несмотря на весь ихъ интересъ, составляетъ трудъ немаловажный; Державинъ, принимаясь за литературное произведеніе, какъ будто считалъ своею обязанностію продолжать традиціи литературнаго языка первой половины XVIII-го столѣтія и является крайне неуклюжимъ, и тотъ же Державинъ, принимаясь за дѣловую записку, говорилъ языкомъ современнымъ, довольно чистымъ и яснымъ, не злоупотребляя длинными періодами. Желающіе провѣрить это могутъ сравнить, напримѣръ, записку его о Бѣлоруссіи, относящуюся къ 1800 г., и предисловіе къ изданію его сочиненій 1808 г. Нельзя сказать, чтобы

между ними не было родства, но всякій увидитъ, что тутъ являются какъ бы два человѣка, современники, изъ которыхъ одинъ пишетъ свободно, другой придумываетъ каждую фразу и высиживаетъ ее. Есть еще болѣе раннія доказательства того же раздвоенія Державина-сочинителя и Державина-чиновника; это письмо его къ калмыкамъ, или лучше сказать увѣщаніе къ нимъ не служить Пугачеву, между прочимъ весьма непонравившееся Екатеринѣ: „Кто вамъ сказалъ, что государь Петръ III живъ? Послѣ одиннадцати лѣтъ смерти его откуда онъ взялся? Но еслибъ онъ былъ и живъ, то пришелъ ли бы онъ къ казакамъ требовать себѣ помощи? Нѣтъ развѣ на свѣтѣ государей, друзей его и сродниковъ, ктобъ за него вступился, кромѣ бѣглыхъ людей и казаковъ? У него есть отечество, Голштинія, и свойственникъ, великій государь прусскій, котораго вы ужасъ и силу, бывши противъ его на войнѣ, довольно знаете". Очевидно, Державинъ могъ писать хорошо по своему времени и прозою, но онъ былъ скованъ литературными преданіями и не считалъ возможнымъ простымъ языкомъ говорить въ произведеніяхъ, которыя должны были явиться передъ публикой, какъ его „сочиненія". Въ этомъ томѣ есть еще рѣчь, сказанная въ Тамбовѣ однодворцемъ Захарьинымъ при открытіи народныхъ училищъ въ 1786 году, но сочиненная Державинымъ. Рѣчь довольно напыщенная, но слогъ ея опять-таки весьма недуренъ: Державинъ „спускался", такъ сказать, до народа, до болѣе или менѣе простой рѣчи съ высотъ Парнаса, гдѣ позволялось говорить только неуклюжимъ образомъ.

Рѣчь эту Державинъ выдалъ за сочиненіе однодворца Захарьина съ тѣмъ, чтобъ произвести эффектъ открытіемъ народныхъ училищъ въ Тамбовѣ, чего и достигъ. Онъ искусно приготовилъ цѣлую сцену: когда торжественная процессія двигалась изъ храма въ училище, Захарьинъ вдругъ явился передъ нею и сказалъ: „Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего", и пошелъ, и пошелъ. Въ рѣчи этой есть мѣста характерныя, напр. о сходствѣ человѣка съ животнымъ: „Сію непостижимую сложность ни въ какихъ тваряхъ лучше, кажется, предопредѣлить не можно, какъ между дикими людьми и обезьянами. Въ самомъ дѣлѣ, ежели отнять даръ смысла и даръ слова отъ готентота, то какое животное ближе его сравниться можетъ съ орангутангомъ? Сія обезьяна какъ организаціею внутреннихъ чувствъ, такъ и наружнымъ устроеніемъ тѣла имѣетъ удивительное сходство съ человѣкомъ. Подобно и всѣ дѣйствія людей дикихъ весьма сходствуютъ съ механическимъ движеніемъ безсловесной твари", и проч. Затѣмъ слѣдуетъ мастерская, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, характеристика неграмотной черни. „Не имѣя расширеннаго нужными свѣдѣніями разума, ни исправленнаго добрыми навыками сердца, весьма близко она подходитъ къ орангутангамъ,

понгамъ, іокамъ и тому подобнымъ безсмысленнымъ и безсловеснымъ животнымъ. Они или свирѣпствуютъ, устремляясь за добычею, или погружаются въ сонъ, насытясь оною. Съ самаго начала свѣта лѣтописи царствъ земныхъ представляютъ намъ ее, въ разсужденіи различныхъ ея дѣйствій, подобною медвѣдицѣ, которую поводильщикъ, восхитивъ съ самой ея младости изъ берлоги, продѣвъ ей въ ноздри кольцо, водитъ всюду за собою, то приласкивая ее пищею, то усмиряя дубиной, повелѣваетъ лежать или прыгать по своему произволенію. Часто, наполняя слѣды свои кровью, разсвирѣпѣвъ, растерзывала она и своихъ поводильщиковъ. Часто, утомленная голодомъ, поневолѣ плясала, коверкалась и оказывала странныя дурачества, или, живя на свободѣ, скиталась по пустынямъ, бродила туда и сюда, съѣдала меньшихъ себя животныхъ и засыпала въ ямахъ". По силѣ и образности, это сравненіе черни съ медвѣдицею прекрасно: оно вырвалось у него также свободно, какъ вырывались у него иногда безподобные стихи, проникнутые жаромъ и смѣлостью, за которые на него косились и ворчали и онъ, превращаясь изъ вдохновеннаго поэта въ поденщика, спѣшитъ загладить ихъ пустозвонными и надутыми одами. Державинъ понималъ великое значеніе народныхъ училищъ и заставилъ однодворца Захарьина восхвалять за основаніе ихъ Екатерину превыше всѣхъ прежнихъ государей и даже Петра: „Вы основали духовную и свѣтскую академіи, а она—народныя школы! Вы обучали дворянъ и духовенство, а она, усугубя ваши заведенія, просвѣщаетъ чернь! Кто изъ васъ болѣе?" Есть въ этой рѣчи и черта времени, сильно отмѣченная Державинымъ: „сія прозорливая монархиня обратила человѣколюбивый взоръ свой на простой народъ, и, *не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ*, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть нынѣ народныя школы". Адская политика коварныхъ умовъ, какъ видно, у насъ не со временъ „Вѣсти": она тянется столѣтіе, усугубляясь и постоянно измышляя новыя пружины, и когда нѣтъ возможности противустоять общему теченію, она, прикрываясь практическими цѣлями, яко бы одобренными всею Европой, съуживаетъ рамки просвѣтительныхъ средствъ. Странно читать эту рѣчь, почти столѣтіе тому назадъ произнесенную: точно выходецъ изъ могилы становится передъ нами и ядовито-насмѣшливо улыбается и глумится надъ нами. Начало народнымъ училищамъ было положено въ 1786-мъ году, и съ того года вплоть до настоящаго времени народныя училища все еще въ зачаточномъ состояніи, какъ будто и не прошло съ тѣхъ поръ 86-ти лѣтъ...

Говоря о „Запискахъ" Державина въ прошломъ году, мы старались показать, что при отсутствіи образованія, онъ обладалъ большимъ здравомысліемъ, которое помогало ему находиться въ важныхъ государственныхъ вопросахъ и подавать мнѣнія, заслуживающія внима-

нія. Напечатанныя въ этомъ томѣ „мнѣнія“ его и доклады какъ нельзя лучше это доказываютъ. Державинъ, конечно, былъ консерваторомъ, но консерваторомъ на свой образецъ, безъ тѣхъ строго проводимыхъ этой партіей принциповъ, которые дѣлаютъ ее столь антипатичною; онъ былъ человѣкомъ чувства, а не убѣжденій, консерваторомъ-лирикомъ, консерваторомъ-славянофиломъ; въ немъ въ самомъ дѣлѣ было нѣчто славянофильское—искренняя любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, честность, любовь къ народу; но все это въ той лишь мѣрѣ, въ какой подсказывало ему это чувство и подтверждалъ опытъ; за опытъ онъ держался какъ за якорь спасенія по той простой причинѣ, что онъ не могъ замѣнить его образованіемъ, котораго онъ не получилъ: „насъ научали тогда (т.-е. во время его юности), говоритъ онъ, вѣрѣ—безъ катихизиса; языкамъ—безъ грамматики; числамъ и измѣренію — безъ доказательствъ; музыкѣ — безъ нотъ и тому подобное. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія царственнаго правленія“. Онъ былъ самоучкой, отсюда и всѣ противорѣчія въ его поэзіи и жизни, отсюда его нѣсколько странный консерватизмъ, прерывавшійся довольно часто вспышками самого яраго либерализма; не даромъ же въ придворной сферѣ онъ слылъ иногда якобинцемъ. Бывши самоучкой, онъ не могъ себѣ усвоить идеала государственнаго человѣка достаточно: онъ носился передъ нимъ въ туманномъ образѣ настолько, что Державинъ хорошо понималъ, что не составляетъ истиннаго государственнаго человѣка, но не совсѣмъ хорошо, чтó составляетъ его. Доказательство этому мы находимъ также въ настоящемъ томѣ, именно „Разсужденія о достоинствѣ государственнаго человѣка“; оно сохранилось въ трехъ редакціяхъ, и всѣ онѣ не кончены. Державинъ предназначалъ его для прочтенія въ Бесѣдѣ любителей Р. Слова, соблазненный успѣхомъ сочиненія Шишкова о любви къ отечеству, читанномъ въ томъ же литературномъ обществѣ. Мы полагаемъ, что Державинъ не окончилъ этого сочиненія потому, что не могъ, потому, что у него не хватало данныхъ для обрисовки истиннаго гоударственнаго человѣка. „Онъ благочестивъ, изъ дѣтства напоенъ страхомъ божіимъ, яко началомъ всякой премудрости“ — такимъ общимъ мѣстомъ началъ-было онъ упомянутую характеристику; но отрицательныя стороны типа государственнаго человѣка Державинъ представилъ ярко: „Я хочу изобразить, говоритъ онъ, не того любимца монарха, который близокъ къ его сердцу, обладаетъ его склонностями, имѣетъ рѣдкій и завидный случай разливать его благодѣянія, пріобрѣтая себѣ друзей, ежели ихъ тѣмъ пріобрѣсти можно. Не того расторопнаго царедворца, который по званію своему лично обязанъ угождать государю, изыскивать для облегченія его тяжкаго сана пріятное препровожденіе времени, увеселенія, забавы, поддерживая порядокъ и вели-

колѣніе двора его. Не того царскаго письмоводца, трудящагося таинственно во внутреннихъ чертогахъ его, изливающаго въ красивомъ слогѣ мысли его на бумагу. Нѣтъ, но того открытаго, *обнародованнаго* дѣльца, который удостоенъ засѣдать съ нимъ въ совѣтахъ, имѣетъ право непосредственно предлагать ему свои умозрѣнія, того облеченнаго великою силою дѣйствовать его именемъ и отличеннаго блистательнымъ, но вкупѣ и опаснымъ преимуществомъ свидѣтельствовать, скрѣплять или утверждать его высочайшіе указы своею подписью, отвѣчая за пользу ихъ честью и жизнію. Словомъ, я хочу описать посредника между трономъ и народомъ". Для человѣка, только искусившагося въ практической жизни и видѣвшаго только свою русскую среду, эта задача была тѣмъ труднѣе, что въ дѣйствительной жизни не представлялось ему идеальнаго государственнаго человѣка.

Между записками Державина, помѣщенными въ этомъ томѣ, первое мѣсто принадлежитъ, конечно, „Мнѣнію объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи голода и устройствѣ быта евреевъ". Державинъ былъ отправленъ въ Бѣлоруссію на ревизію и мнѣніе это—результатъ его наблюденія. Мы и здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же качествомъ Державина, о которомъ уже говорили: онъ рисуетъ настоящее положеніе края яркими чертами, отъ него не ускользнуло почти ничего изъ того, что дѣлаетъ положеніе народа тягостнымъ и невыносимымъ; какъ честный наблюдатель, какъ репортеръ, онъ исполнилъ свое дѣло замѣчательно хорошо; характеристики его бѣлоруссовъ, поляковъ и евреевъ вѣрны, иногда глубоки и проницательны, но онъ оказывается мало состоятельнымъ, когда приходится подавать совѣты для излеченія зла. Тутъ вы тотчасъ же видите человѣка неглубокаго, выѣзжающаго на полумѣрахъ и большого любителя пространной регламентаціи. Несмотря на это, записка его о евреяхъ имѣетъ значеніе и въ настоящее время: это одно изъ обстоятельныхъ изслѣдованій о евреяхъ, написанное русскимъ человѣкомъ; многое изъ того, что замѣтилъ Державинъ у евреевъ ненормальнаго, вреднаго, несогласнаго съ общими законами, которыми управляется имперія, до сихъ поръ существуетъ и приноситъ такой же вредъ, какъ самому еврейскому населенію, такъ и той средѣ, гдѣ оно поселено. Державинъ справедливо говоритъ, что еврейскіе „кагалы—опасный status in statu, которыя благоустроенное политическое тѣло терпѣтъ не долженствуетъ: въ Пруссіи они уничтожены. Денежные сборы („священный", коробочный, каширный) болѣе къ угнетенію ихъ народа, нежели къ пользѣ служатъ, и по собственному ихъ хвастовству, вино у корчмарей для простаго народа, а деньги для кабальныхъ у прочихъ, суть такіе мечи, противъ которыхъ рѣдко кто устоитъ" и проч. Свое изслѣдованіе Державинъ сопровождаетъ цѣлымъ проектомъ новаго устройства евреевъ; этотъ

проектъ также заслуживаетъ вниманія, хотя въ немъ есть и курьезы, въ родѣ слѣдующаго, относящагося къ платью, которое должны носить евреи, во избѣжаніе среди нихъ роскоши: „первой гильдіи еврейскимъ купцамъ и ихъ женамъ носить шелковыя и другія всякія матеріи и украшаться драгоцѣнными камнями, также золотомъ и серебромъ; второй гильдіи шелковое платье, серебро и корольки; третьей гильдіи—бумажное, суконное и полотняное тонкое, бисеръ и прочія малыхъ цѣнъ вещи; четвертому классу, то есть поселянамъ, суконное, сермяжное и толстое холщевое. Хозяева однако могутъ употреблять крашеные синею краскою, но только не по жидовскому покрою". Замѣчательна живучесть именно такихъ регламентацій: многимъ, что есть дѣйствительно дѣльнаго въ проектѣ Державина, до сихъ поръ у насъ еще не воспользовались, но параграфъ о платьѣ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, какъ извѣстно, введенъ въ прошломъ году въ царсвѣ польскомъ.

Въ „Мечтахъ о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ Россійской Имперіи", есть также дѣльныя мысли, осуществляющіяся только въ настоящее время, какъ, напр., о необходимости практическихъ занятій для офицеровъ и генераловъ (стр. 453), или слѣдующій совѣтъ: „весьма недурно было бы занять войска работою за особенную умѣренную плату, какъ-то строеніемъ крѣпостей, рытьемъ каналовъ, подчисткою лѣсовъ, исправленіемъ дорогъ и проч., ибо съ одной стороны сіе отвращало бы ихъ отъ праздности и разслабленія, а съ другой полезно было бы и землѣ".

Объ отношеніи государства къ народному образованію. Сочиненіе *Антона Окольскаго*, экстраординарн. профессора варшавскаго унив. Спб. 1872. Стр. 626 + II.

Книга эта очень кстати является въ настоящее время; она можетъ служить дополненіемъ „Самоуправленія" князя Васильчикова по вопросу о народномъ образованіи, хотя нельзя сказать, чтобъ особенно важнымъ дополненіемъ. Г. Окольскій задался широко: „я считалъ соотвѣтственнымъ,—говоритъ онъ,—сперва изслѣдовать исторически отношеніе государства къ народному образованію, чтобы въ результатѣ узнать, какія препятствія затрудняли распространеніе просвѣщенія въ народѣ; впослѣдствіи перейдти къ изслѣдованію общихъ началъ, на которыя государство въ дѣятельности своей должно опираться; наконецъ, указать отношеніе государства къ отдѣльнымъ вопросамъ, представляющимся въ дѣятельности его относительно народнаго образованія, указать, какое должно быть это отношеніе, чтобы удовлетворить вполнѣ потребностямъ новаго общества". Если въ этихъ строкахъ вы замѣтите не совсѣмъ стройную русскую рѣчь, то это не бѣда: профессора варшавскаго университета даже изъ русскихъ, какъ

напр. г. Аристовъ, по-русски выражаются плохо; у г. Окольскаго языкъ постоянно хромаетъ, а масса опечатокъ въ его книгѣ вовсе не способствуетъ гармоніи его рѣчи; но у г. Окольскаго есть здравыя сужденія, тогда какъ у нѣкоторыхъ его товарищей и этого нѣтъ. Г. Окольскій ставитъ народное образованіе самою важною задачею государства и общества и беретъ эпиграфомъ въ своей книгѣ извѣстныя слова Ж. Симона: „Народъ, у котораго лучшія школы, есть первый народъ; если онъ сегодня не первый, то будетъ первымъ завтра". Но, широко задавшись, г. Окольскій только повредилъ, въ нашихъ глазахъ, своему сочиненію; онъ хотѣлъ обнять вопросъ о народномъ образованіи въ его всемірной исторіи, и въ частности въ исторіи главнѣйшихъ европейскихъ государствъ; онъ дѣйствительно обнялъ его, но поверхностно, хотя въ изслѣдованіи его больше шести-сотъ страницъ; ему хотѣлось коснуться и грековъ и римлянъ, и начала христіанства, и среднихъ вѣковъ, и новѣйшаго времени; къ тому же подъ „народнымъ образованіемъ" онъ разумѣетъ собственно образованіе низшихъ классовъ народа, образованіе вообще; естественно, что, задаваясь такимъ образомъ, онъ считалъ своею обязанностію написать нѣчто въ родѣ курса всеобщей исторіи по образованію; курсъ вышелъ въ однихъ мѣстахъ неполонъ и поверхностенъ, въ другихъ, менѣе важныхъ, слишкомъ пространенъ; еслибъ г. Окольскій лучше оріентировался, еслибъ онъ сосредоточился на одномъ новѣйшемъ времени и къ тому же не вносилъ въ свое сочиненіе нѣкоторыхъ избитыхъ школьныхъ истинъ, то онъ могъ бы болѣе подробно остановиться на XIX-мъ вѣкѣ, когда собственно и выступилъ впередъ вопросъ о *народномъ* образованіи; книга его выиграла бы тогда и въ живости и въ ясности, ему не пришлось бы такъ разбрасываться, какъ дѣлаетъ онъ это теперь; разумѣется, ко всему этому необходимо было бы владѣть русскимъ языкомъ лучше.

Несмотря однако на всѣ эти недостатки, мы должны сказать, что сочиненіе г. Окольскаго не безполезно для русской публики оно резюмируетъ, иногда очень обстоятельно, исторію народнаго образованія и даетъ понятіе о развитіи школьнаго дѣла у нашихъ сосѣдей по Европѣ, и отчасти у сосѣдей по Великому Океану; въ немъ есть также нѣсколько замѣтокъ о народномъ образованіи въ Польшѣ. Новыхъ взглядовъ и новыхъ фактовъ можно и не искать у нашего автора; онъ большею частію компилируетъ, какъ и всѣ наши ученые; въ Европѣ столько выходитъ сочиненій по всѣмъ вопросамъ, что намъ, быть можетъ, ничего и не нужно, какъ только талантливо компилировать, да выбирать изъ массы вопросовъ такіе, которые наиболѣе намъ близки и необходимы въ данную минуту. Г. Окольскій выбралъ вопросъ очень хорошо, и если слабѣйшая часть его изслѣдованія— исторія русскаго просвѣщенія, то въ этомъ виноватъ не столько онъ,

сколько матеріалы и самая скудость этого просвѣщенія. Принимая во вниманіе эту скудость, тѣмъ удивительнѣе показался намъ панегирическій тонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его изслѣдованія; онъ говоритъ, напр., что мы сдѣлали „громадные шаги“ въ дѣлѣ народнаго образованія въ послѣднее время, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, мы не сдѣлали ничего рѣшительнаго, ничего такого, что́ дѣлается въ настоящее время даже въ Австріи, даже въ Испаніи; не понимаемъ мы также заботы г. Окольскаго о томъ, чтобъ народное просвѣщеніе было сосредоточено непремѣнно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не понимаемъ тѣмъ болѣе, что самъ же г. Окольскій цитируетъ въ одномъ мѣстѣ статью г. Корнилова отъ 1862 г.; г. Корниловъ тоже стоялъ за централизацію учебнаго дѣла и приводилъ, между прочимъ, такой аргументъ: „мин. народ. просвѣщенія, по самому устройству своему, непричастно никакой другой спеціальной государственной дѣятельности, духовной или свѣтской“; г. Окольскій долженъ бы принять въ разсчетъ, что если это такъ было въ 1862-мъ г., то не такъ оно въ настоящее время, когда мин. народ. просвѣщенія является причастнымъ дѣятельности духовной. За то намъ совершенно ясно, почему у г. Окольскаго данныя относительно народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ довольно стары; подобно другимъ нашимъ ученымъ, г. Окольскій не обращался къ непосредственнымъ источникамъ, напр. къ оффиціальнымъ отчетамъ, а выбиралъ что ему нужно было изъ тѣхъ изслѣдованій, которыя были у него подъ рукою. Такъ напр. свѣдѣнія объ Англіи относятся къ 1859—1862 г., а потому заключенія, построенныя на столь устарѣлыхъ данныхъ, выходятъ неправильными. Высчитывая расходы Англіи на народное образованіе, г. Окольскій приводитъ цифру 1862 г., именно около 800,000 фунтовъ стерл.; между тѣмъ было бы любопытно узнать, какъ колебалась эта цифра въ послѣдующіе годы; намъ извѣстно, что до 1869 г. она опускалась, доходя до 636,306 ф. ст.; въ 1869-мъ г. она достигла 840,711 фунт. стерл., въ 1870 г. до 914,721 ф. стерл.; кромѣ того, правительство дало на ирландскія школы въ 1868 г. 360,195 ф. ст., въ 1869 г.— 373,950 ф. ст., слѣдовательно всего въ 1869—70 году правительство отпустило на народныя школы 1,288,671 ф. ст. или больше 9-ти милл. рублей, т.-е. почти столько же, сколько у насъ расходуется на все образованіе вообще по мин. народнаго просвѣщенія. Г. Окольскій легко могъ бы добыть и болѣе свѣжія свѣдѣнія о прогрессѣ грамотности въ Великобританіи, чѣмъ тѣ, которыя онъ приводитъ, почерпая ихъ изъ „Журн. мин. нар. просв.“ Для этого ему стоило бы только обратиться къ такому извѣстному сборнику, какъ „The Statesman's year-book“, гдѣ онъ нашелъ бы данныя не за 1865 г., какія онъ приводитъ, а за 1869 г., публикованныя въ сентябрѣ 1871 г. Мѣркою для сужденія объ этомъ прогрессѣ служатъ брачные списки, на кото-

рыхъ женихъ и невѣста должны подписать свое имя или поставить условный знакъ, въ случаѣ безграмотности. Въ 1841 г. на 100 браковъ приходилось грамотныхъ мужчинъ 67%, въ 1851 г. 69%, въ 1869 г. 75%; грамотныхъ женщинъ: въ 1841 г. 51%, въ 1851 г. 54% и въ 1869 г. 65%. Возрастаніе довольно медленное, но тѣмъ важнѣе эти факты, что они доказываютъ, какъ туго подвигается грамотность даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительство тратитъ на народное образованіе сравнительно много, и гдѣ общество, съ своей стороны, не отстаетъ отъ правительства; какъ же медленно должно это дѣло идти у насъ, гдѣ народныя школы получаютъ отъ правительства около 500,000 руб. и отъ общества около милльона и сколь преждевременнымъ долженъ показаться намъ панегирикъ г. Окольскаго, о чемъ мы упомянули выше...

Какъ бы то ни было, мы рекомендуемъ книгу г. Окольскаго вниманію читателей, которые найдутъ въ ней все-таки довольно обильный матеріалъ для соображеній и сравненій.

Городскіе общественные банки Россіи. Обзоръ ихъ дѣятельности по 1 января 1871 года. *В. Я. Ососова*. Спб. 1872. Стр. 192.

Городскіе банки существуютъ у насъ недавно; до 1857 г. число ихъ не достигало и 20-ти; со временъ нормальнаго положенія 1862 г. по 1870 г. ихъ возникло 171 въ разныхъ городахъ имперіи; въ настоящее время вмѣстѣ съ банками, возникшими до изданія Положенія 1862 г., всѣхъ городскихъ банковъ считается 222. Ежегодно въ „Прав. Вѣстникѣ" и „Ежегодникѣ Мин. Финансовъ" появляются своды о дѣятельности городскихъ банковъ, причемъ ежегодно же оказывается, что нѣсколько банковъ не представили своихъ отчетовъ ни въ министерство внутреннихъ дѣлъ, ни въ министерство финансовъ. Являющіеся своды, заключая въ себѣ цифровый матеріалъ, расположенный по рубрикамъ: „обороты банка", „основной и запасный капиталъ", „вклады", „учетъ векселей", „ссуды" и проч.; не давало массѣ читателей, помѣщающихъ свои деньги въ банкѣ, почти никакого сколько-нибудь яснаго представленія о дѣятельности и прочности банковъ; вкладчики вѣрили цифрамъ, не повѣряя ихъ, вѣрили рекламамъ, разносившимъ молву о томъ или другомъ банкѣ. Книга г. Ососова есть первый опытъ критически отнестись къ банковымъ отчетамъ, повѣрить ихъ и составить таблицы, изъ которыхъ положеніе банковъ становится яснымъ для всякаго читателя, непосвященнаго даже въ финансовыя операціи; кромѣ того, г. Ососовъ указываетъ пробѣлы въ Положеніи о банкахъ, которые даютъ возможность людямъ недобросовѣстнымъ злоупотреблять довѣріемъ публики и рисковать общественными вкладами, т.-е. громадною суммою народнаго богатства. Вслѣдствіе этого книга г. Осо-

сова, помимо спорныхъ экономическихъ положеній, служащихъ введеніемъ къ его критической работѣ и, пожалуй, не нужныхъ въ такой работѣ, заслуживаетъ общаго вниманія. Общее заключеніе автора о дѣятельности банковъ таково: „Доставляя кредитъ промышленному и торговому люду провинціи, городскіе банки не всегда поступали достаточно нелицепріятно и тѣмъ самымъ не достигали далеко той пользы, которую могли бы доставить всѣмъ, чему служитъ доказательствомъ неизмѣнившаяся нищета мѣщанъ и часто скандальныя обогащенія нѣкоторыхъ тузовъ, изъ губернскаго и уѣзднаго купечества. Дѣло въ томъ, что живительными средствами кредита эти господа распоряжались себѣ въ карманъ, оставляя бѣдному обывателю одну будущую отвѣтственность за чужія увлеченія и ошибки. Неумытная справедливость казны, заводившей банки, не достигла своей цѣли, помочь всѣмъ, и бѣдному и богатому, тогда какъ этой цѣли достигнуть было куда какъ легко, еслибъ получше оградить интересы первыхъ и потуже связать черезъ-чуръ безцеремонныя руки послѣднихъ". Но принесли ли городскіе банки пользу? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но „успѣхъ достигнутъ цѣною черезъ-чуръ большихъ безпорядковъ и, главное, бьющихъ въ глаза безпрерывныхъ нарушеній правъ вкладчиковъ, жителей всей Россіи и самого городскаго общества, подвергающихъ себя всѣмъ послѣдствіямъ этихъ явленій". Изъ 143 банковъ, отчеты которыхъ были у г. Ососова, балансы 47-ми, относительно основнаго капитала, несходны, несходны потому, что правленіямъ этихъ банковъ во что бы то ни стало хотѣлось показать своимъ обществамъ или правительству, что они работаютъ съ барышемъ; у многихъ банковъ на 1 января 1870 и 1871 гг. наличность кассы были значительно менѣе, чѣмъ почти вся цифра тѣхъ процентовъ, которые уже наросли на вклады и которые они обязаны были ежедневно, безпрекословно выплачивать своимъ вкладчикамъ. Изъ таблицъ, составленныхъ авторомъ на основаніи банковыхъ отчетовъ, видно, что за два года (1869 и 1870 г.) у 31-го банка наличность кассы не могла удовлетворить своими рессурсами вкладчиковъ, еслибъ они потребовали проценты; именно наличность кассы равнялась у нихъ 591,881 р., а процентовъ вкладчикамъ причиталось 1.459,704 р., т.-е. недоставало 622,406 руб.; первое мѣсто между этими банками занимаетъ Иркутскій и Орловскій, изъ которыхъ у перваго недоставало на 1 янв. 1870 г. 32,370 р., и на 1 янв. 1871 г. 87,879 р., у втораго на 1 янв. 1870 г. недоставало 94,137, а на 1 янв. 1871 г. 84,702 р. Между банками, у которыхъ только на 1 янв. 1871 г. недоставало въ кассѣ денегъ на уплату процентовъ, первое мѣсто занимаетъ извѣстный Скопинскій банкъ, у котораго недоставало 108,111 р. Г. Ососовъ старается доказать и по нашему мнѣнію не безосновательно, что Скопинскій банкъ не по праву пользуется своей громкой репута-

ціей, что значеніе этого банка, Воронежскаго и нѣкоторыхъ другихъ вслѣдствіе разчисленія барыша не на тотъ основный капиталъ, который ихъ правленіями угодно было заносить въ торговыя банковыя книги, а на тотъ, который имъ бы слѣдовало имѣть по этимъ книгамъ, сильно падаетъ. „Банки эти оказываются, говоритъ г. Ососовъ, по цѣлесообразной успѣшности своихъ операцій, значительно ниже банковъ, о которыхъ вовсе никто и не слыхалъ и которые не тратились на свои рекламы. Такъ мелко-уѣздные банки Рязанской губ., напр. Касимовскій и Зарайскій оказываются несравненно выгоднѣе для своихъ городскихъ обществъ и разумнѣе по своимъ операціямъ, нежели столько разъ превознесенный въ газетной рекламѣ Скопинскій". Что городскіе банки работаютъ не на свое городское общество, видно между прочимъ изъ того, что въ Скопинскомъ банкѣ вкладовъ приходится на жителя 99 р., это въ маленькомъ, бѣдномъ городкѣ, имѣющемъ всего 9511 жителей; ни одинъ городъ русской имперіи не имѣетъ въ своихъ банкахъ и въ отдѣленіяхъ государственнаго банка относительно столько вкладовъ; въ Харьковѣ приходится по 10 р. на жителя, въ Рязани по 12 и проч.; для таблицъ г. Ососова не достаетъ одной, весьма существенной графы: такъ какъ городской банкъ отвѣчаетъ за исправность свою стоимостью всѣхъ своихъ имуществъ, то для правильнаго сужденія о прочности банка необходимо было бы представить стоимость городскихъ имуществъ. Любопытны двѣ таблицы, въ которыхъ банки распредѣлены по умѣнью пользоваться вкладами; одна изъ нихъ составлена относительно ссудъ подъ процентныя бумаги, другая — подъ недвижимыя имущества; первое мѣсто по умѣнью пользоваться вкладами въ первой таблицѣ занимаютъ банки Каргопольскій, Рыбинскій, Чигиринскій, Либавскій, Петровскій, Ростовскій (Ярослав. губ.), Мологскій, Спасскій, Вольскій, Саратовскій и проч., во второй первыя же мѣста занимаютъ: Балаклавскій, Каргопольскій, Чигиринскій, Усманскій, Воскресенскій, Лугскій, Пензенскій, Камышловскій, Хвалынскій, Шадринскій и проч. Скопинскій банкъ въ первой таблицѣ занимаетъ 145-е мѣсто, во 2-й 75-е, Воронежскій въ первой таблицѣ 32-е мѣсто, во второй — 13-е. Изъ другихъ городскихъ банковъ, извѣстныхъ своими огромными оборотами, въ первой таблицѣ Харьковскій занимаетъ 38-е мѣсто, Казанскій — 134-е, во второй Харьковскій — 78-е мѣсто, Казанскій — 129-е.

Повѣсти и разсказы *Д. В. Григоровича*. Въ семи томахъ. Спб. 1872.

Г. Григоровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, дѣятельность которыхъ вполнѣ закончена; настоящее изданіе его сочиненій— есть такъ сказать памятникъ, воздвигнутый надъ писателемъ заживо;

тутъ все, что онъ написалъ, начиная съ его „Деревни", отъ которой Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ, и кончая послѣдними его повѣстями, появлявшимися въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и не обращавшими на себя ничьего вниманія. Г. Григоровичъ давно не пишетъ, какъ бы сознавая, что его пѣсня спѣта; литературной критикѣ предлежитъ теперь оцѣнить его дѣятельность и отдѣлить въ ней тѣ моменты, которые имѣли свое значеніе въ общей суммѣ русской литературной дѣятельности. Въ краткой замѣткѣ, мы не беремъ на себя этой задачи; заявляя о томъ, что вышелъ послѣдній томъ „Повѣстей и Разсказовъ" Д. В. Григоровича, что изданіе это окончено и достаточно изящно по своей внѣшности, мы ограничимся лишь нѣсколькими словами. Въ той благотворной по своимъ результатамъ литературной дѣятельности писателей сороковыхъ годовъ, которая стремилась къ пробужденію сознанія въ русскомъ обществѣ и привела, между прочимъ, къ освобожденію крестьянъ, г. Григоровичу принадлежитъ видное мѣсто. Не обладая ни талантомъ, ни степенью литературнаго развитія Тургенева, г. Григоровичъ, однако, былъ первый писатель, который взялъ для своихъ разсказовъ бѣдствія крѣпостныхъ. Послѣ „Деревни", страдавшей через-чуръ идиллическимъ элементомъ, онъ написалъ знаменитаго „Антона-Горемыку", сильно испорченнаго цензурой, но извлекавшаго обильныя слезы изъ глазъ чувствительныхъ читателей. Эта повѣсть сдѣлала г. Григоровичу репутацію; за „Антономъ-Горемыкой" слѣдовалъ рядъ небольшихъ разсказовъ, въ которыхъ главными дѣятелями являлись либо крестьяне, сильно идеализированные, либо помѣщики, не столько типически, сколько карикатурно представленные. Мы разъ ужъ выражали мнѣніе, что идеализація въ извѣстные періоды литературной дѣятельности, вещь не только законная, но необходимая. Еслибъ въ сороковыхъ годахъ появились реальные очерки гг. Успенскихъ, Слѣпцовыхъ, Рѣшетниковыхъ и проч., то они могли бы имѣть лишь отрицательное, а не положительное значеніе, они представили бы обществу, и безъ того расположенному считать крестьянъ за полу-людей, такіе типы, которые подтверждали бы въ массѣ такое убѣжденіе; вслѣдствіе этого идеализація крестьянской жизни, которую мы находимъ у Григоровича, Тургенева, Толстаго (Л. Н.) была какъ разъ во-время и дѣлала свое дѣло быстро и прочно. Изъ трехъ названныхъ писателей, у г. Григоровича, какъ менѣе сильнаго таланта, идеализаціи было больше; она даже обращалась у него въ сентиментальность и приторность; оттого болѣе трезвые и болѣе художественные типы въ „Запискахъ Охотника" заставили забыть типы г. Григоровича; но онъ и послѣ „Записокъ Охотника" продолжалъ держаться той же среды, изображеніе которой сдѣлало ему репутацію. „Рыбаки" и „Переселенцы"—два романа изъ крестьянской жизни, мѣстами не лишенные поэзіи, правды и даже трагизма, исчерпали все содержаніе г. Григоровича; онъ обратился

къ другой средѣ, но кромѣ легкихъ очерковъ, съ значительнымъ элементомъ каррикатуры, ничего не произвелъ, и остановился. Благо писателю, который умѣетъ остановиться во́-время; г. Григоровичъ сдѣлалъ достаточно; онъ не зарылъ своего таланта въ землю и принесъ извѣстную пользу своими произведеніями; онъ не создалъ ничего вѣчнаго, даже ничего такого, что могло бы разсчитывать на продолжительное существованіе, но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ второстепенныхъ работниковъ русской мысли, которые однако не забудутся исторіей русской литературы.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Gasparin. La France. Nos fautes, nos périls, notre avenir. 2 vol. P. 1872.

Гдѣ причина тѣхъ бѣдъ и несчастій, которыя недавно обрушились на Францію и слѣдствія которыхъ долго не забудутся французами—вотъ вопросъ, на который отвѣчали цѣлыя сотни французскихъ статей, газетныхъ и журнальныхъ, брошюръ и объемистыхъ сочиненій; всякій по-своему старался разрѣшить этотъ вопросъ. Одни видѣли причину несчастій въ равнодушіи европейской дипломатіи къ тѣмъ принципамъ, которые должны быть священны и неприкосновенны; другіе обвиняютъ во всемъ вторую имперію, характеръ Наполеона III, его развращающую систему; легитимисты указываютъ на изгнаніе Карла X, какъ на начало бѣдъ, орлеанисты на 1848-й годъ, бонапартисты во всемъ обвиняютъ оппозицію, клерикалы все взваливаютъ на безбожіе; многіе убѣждены въ томъ, что будь у Франціи больше ружей и пушекъ, будь лучше укрѣпленъ Метцъ, Седанъ и Страсбургъ, будь Базенъ, Бурбаки и др. болѣе талантливыми военачальниками, будь Бисмаркъ менѣе ехиденъ—и страшная катастрофа не случилась-бы. Каждое изъ этихъ мнѣній претендуетъ на непогрѣшимость и заключая въ себѣ, можетъ быть, крупинку правды, успѣвая объяснить одинъ-другой частный, второстепенный вопросъ, стремится наложить свой отпечатокъ на объясненіе событія, сложность и капитальность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Но среди громадной массы сочиненій, весьма различныхъ и по направленію, и по характеру, и по объему, не много можно насчитать такихъ, которыя бы стремились охватить вопросъ во всей его полнотѣ, поискать корня не на поверхности, а въ глубинѣ, а главное—отрѣшиться отъ національныхъ предразсудковъ и чувства оскорбленнаго патріотизма, взглянуть на Францію и ея побѣдителей безпристрастно, во всей полнотѣ показать

и своимъ и чужимъ тѣ слабыя стороны своего отечества, которыя требуютъ безотлагательнаго леченія. Книги и статьи съ такимъ направленіемъ во Франціи немногочисленны, и эта-то немногочисленность заставляетъ тѣмъ болѣе обратить вниманіе на трудъ Гаспарена, представляющій собою счастливое исключеніе.

Гаспаренъ—другъ Людовика-Филиппа, значитъ орлеанистъ по убѣжденіямъ; но онъ удаляетъ изъ своего сочиненія всякія личныя симпатіи, вполнѣ освобождается отъ духа той партіи, къ которой принадлежитъ по традиціямъ своей молодости. Онъ даже заявляетъ, что республиканская форма, по его мнѣнію, самая подходящая для Франціи. Впрочемъ, форма управленія для него дѣло второстепенное, ему нужна сущность. „Преклоняясь передъ 89-мъ годомъ и его принципами, говоритъ Гаспаренъ, не забудемъ, что тогда имѣли въ виду вовсе не форму. Болѣе думали тогда о насажденіи свободы, чѣмъ о взаимныхъ преимуществахъ монархіи и республики, и потому прежде всего сочли нужнымъ провозгласить права человѣка. Безчисленныя революціи должны были научить французовъ по крайней-мѣрѣ тому, что форма, обстановка, декораціи большой цѣнности не имѣютъ“. Менѣе заботясь о формѣ, Франціи нужно позаботиться о томъ, чтобы познать себя и чтобы имѣть смѣлость признать свои недостатки, а затѣмъ и исправить ихъ. Съ горькою ироніею, со смѣхомъ сквозь слезы отзывается авторъ о тѣхъ писателяхъ, которые своимъ мелочнымъ взглядомъ на вещи и патріотическими словоизверженіями затемняютъ дѣло самосознанія, способствуя такимъ образомъ не улучшенію, а ухудшенію отечества. „Они (писатели) жалуются на случай, а не на болѣзнь; они не допускаютъ, что въ исторіи почти нѣтъ случайности, и что все происходящее рождается изъ существовавшаго; они не понимаютъ, что есть патріотизмъ выше того, который бѣгаетъ по улицамъ, распѣваетъ „Марсельезу“, мало заботясь о правотѣ и здравомысліи“. Такой патріотизмъ не приведетъ къ добру: онъ легче заключаетъ союзы съ традиціею, оставленною Франціи Наполеономъ I, мечтаетъ о побѣдахъ, объ увеличеніи территоріи, о подавленіи силою того, чего не можетъ взять умомъ. Франція, по мнѣнію Гаспарена, несчастна именно потому, что всякое свободное мнѣніе, несовпадающее съ патріотическимъ самовосхваленіемъ, навлекаетъ на себя каждый разъ бурю, изъ опасенія которой многіе предпочитаютъ молчать. Эта тираннія извѣстнаго, разъ сложившагося мнѣнія порождаетъ цѣлую систему лжи и обмана. „Съ начала до конца войны намъ лгали, а мы выносили ложь: Паликао и Гамбетта объявляли постоянно о побѣдахъ, результатомъ которыхъ было все-таки отступленіе; изъ Метца дѣлались блистательныя вылазки, Берлинъ сожигался французскими плѣнными; мы завоевывали Баденъ, король прусскій сходилъ съума, Бурбаки повелѣвалось истребить всѣхъ нѣмцевъ заразъ и т. д. Мы всегда

самодовольные фразёры, не даромъ кто-то насъ назвалъ „les rois de la blague“.

Отсутствіе независимыхъ мнѣній во Франціи блистательнѣе всего выразилось во время объявленія войны. Одинъ только голосъ Тьера раздавался въ пользу мира, все же остальное рукоплескало шовинисту-императору и восхищалось тѣми побѣдами, на которыя надѣялось. Всѣ какъ-бы забыли, что императоръ бросилъ вызовъ ради династическихъ интересовъ, а можетъ быть, и ради того, чтобы въ громадныхъ военныхъ расходахъ потопить разныя болѣе мелкія суммы, которыхъ не оказывалось въ казначействѣ. Военное сословіе (оно во Франціи именно сословіе, чуждое гражданскихъ интересовъ) жаждетъ повышеній и орденовъ; духовенство провозглашаетъ войну и старается придать ей религіозный оттѣнокъ, всѣ партіи примиряются, лишь-бы только блеснуть военною доблестью и пріобрѣсть, хотя несправедливымъ путемъ, берегъ Рейна. А люди другого образа мыслей молчатъ, боятся высказаться противъ тиранніи общественнаго мнѣнія, а потомъ оправдываются тѣмъ, что говорить о мирѣ, послѣ того какъ шагъ къ войнѣ сдѣланъ, вредно. Что же должны были дѣлать люди, любящіе миръ и понимавшіе какъ несправедливость, такъ и опасность поступка правительства? „Вотъ что должно было быть ихъ программою: борьба противъ манифеста Граммона, борьба за миръ въ промежутокъ времени до формальнаго объявленія войны; борьба при посредствѣ газетъ, журналовъ, митинговъ, рѣчей до начала военныхъ дѣйствій; продолженіе этой мирной борьбы при каждомъ удобномъ случаѣ, послѣ каждой битвы“. Но ничего подобнаго во Франціи не проявилось; даже Тьеръ, подавшій голосъ противъ войны, былъ, можно сказать, однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ ея. „Онъ въ своихъ книгахъ и рѣчахъ былъ всегда представителемъ нашего задорнаго патріотизма; онъ поддерживалъ у насъ Наполеоновскій культъ, восхищался военнымъ могуществомъ Франціи, требовалъ всегда содержанія большого флота и сильной арміи; онъ убѣждалъ, что при Садовѣ побѣждена Франція вмѣстѣ съ Австріей, называлъ единство Германіи нестерпимымъ зломъ, всегда враждебно смотрѣлъ на объединеніе Италіи; онъ поддерживалъ безпрестанно изношенный принципъ равновѣсія и ослабленія сосѣдей“. Итакъ—не только императоръ, но и большая часть выразителей общественнаго мнѣнія хотѣла войны; даже тотъ единственный человѣкъ, который протестовалъ противъ нея, говорилъ не въ интересахъ мира, а ради лучшей подготовки къ борьбѣ съ могучимъ сосѣдомъ. Что касается до людей истинно-миролюбивыхъ, то они молчали, не дерзая выступить со своимъ мнѣніемъ впередъ, и молчаніемъ совершили крупное преступленіе. „Но теперь, когда мы побѣждены, всякій изъ насъ кричитъ, что не хотѣлъ войны; императоръ не хотѣлъ, но долженъ былъ уступить народной волѣ; оппозиція не

хотѣла, но была увлечена одушевленіемъ законодательнаго корпуса; провинціи увлеклись парижскимъ движеніемъ, которое въ свою очередь вышло изъ среды гаменовъ; военная партія ея боялась, клерикальная не хотѣла тоже, однимъ словомъ война явилась сама собою".

Разсматривая вопросъ объ испанской кандидатурѣ, Гаспаренъ обвиняетъ Францію въ придирчивости и исканіи повода къ войнѣ; за Пруссіей и вообще Германіей онъ признаетъ вполнѣ миролюбивое настроеніе, не брезгая даже подчасъ натяжками, чтобы вполнѣ оправдать враговъ Франціи какъ до войны, такъ и во время войны, вѣроятно съ цѣлью сдѣлать еще болѣе яркимъ изобличеніе недостатковъ своихъ соотечественниковъ. Духъ задора и безпокойства всегда присущъ, по его мнѣнію, послѣднимъ, а Европа не любитъ подъ бокомъ у себя сосѣда, который страшитъ ее постоянно революціями, или, успокоившись внутри, питаетъ завоевательные планы. Этимъ онъ объясняетъ и оправдываетъ равнодушіе Европы къ кровавымъ ранамъ Франціи и продолженіе Германіею войны послѣ Седана.

Итакъ—причины униженія Франціи старше, чѣмъ вторая имперія; сама она была слѣдствіемъ болѣзни, которую, впрочемъ, и усилила. Причины эти глубоко коренятся въ національномъ характерѣ французовъ, въ ихъ любви къ эффекту, непостоянствѣ, шовинизмѣ, тиранніи общественнаго мнѣнія, централизаціи. Въ умственномъ отношеніи Франція сильно отстала отъ Германіи, а между тѣмъ, влюбившись въ самую себя, на подобіе Китая, не хотѣла знать, что дѣлается у сосѣда. „Теперь мы говоримъ о мести, объ отыгрышѣ. Прекрасно! увеличимъ армію и флотъ, вмѣсто того, чтобы уменьшить ихъ, будемъ разорять народъ большими налогами, будемъ централизоваться по прежнему, возбуждать страсти, восхищаться иллюзіями, заботиться о завоеваніяхъ, отложимъ попеченіе о внутреннихъ дѣлахъ. И пока мы будемъ идти этою дорогою—нѣмцы пойдутъ своею и сдѣлаются еще болѣе просвѣщенными, еще болѣе сильными. Наконецъ настанетъ роковая минута, и вѣроятность нашего новаго пораженія удесятерится. Я тоже отъ всей души желаю, чтобы Франція смыла стыдъ своего паденія, но я совѣтую начать съ леченія самой себя. Франція понизилась нравственно—пусть она повысится; Франція въ просвѣщеніи отстала—пусть она сравняется и превзойдетъ. Мы можемъ отыграться только путемъ реформы; будемъ помнить, что народы гибнутъ только отъ самоубійства, а не отъ внѣшнихъ враговъ." Далѣе авторъ продолжаетъ: „Мы не должны печально садиться на распутьи и оплакивать кончину нашего народа, признавать въ паденіи нашемъ волю судебъ, опустить руки и стонать на рѣкахъ Вавилонскихъ. Мы должны бороться, провозглашать истину, разсѣевать мракъ невѣжества, лжи и ошибокъ, отгонять смерть признаками жизни. Не въ первый разъ намъ приходится переживать трудное время, не въ первый разъ ударялъ,

какъ казалось, послѣдній часъ Франціи; но она не умирала и опять потомъ находила счастливыя минуты—минуты мира и свободы".

Итакъ—радикальная реформа должна обновить Францію; разъясненію этой реформы посвященъ почти весь второй томъ сочиненія Гаспарена. Какъ ревностный протестантъ, Гаспаренъ нападаетъ на католическое духовенство, требуетъ прекращенія его ультрамонтанскихъ тенденцій и отдѣленія церкви отъ государства. Не менѣе важнымъ дѣломъ онъ считаетъ децентрализацію и освобожденіе отъ гнета Парижа. „Американская свобода много выигрываетъ отъ того, что столицею своею избрала небольшой городъ Вашингтонъ". Федеративная система во Франціи невозможна, потому что она противурѣчитъ ея исторіи; поэтому коммунальная жизнь, сопровождаемая парламентскимъ представительствомъ (съ государемъ или безъ онаго—все равно) и отвѣтственность министровъ должна быть предпочтена. На парижское коммунальное движеніе авторъ смотритъ не иначе, какъ на начало требованія децентрализаціи самимъ народомъ. Обязательное обученіе, свобода торговли, общая воинская повинность по образцу прусской—тоже непремѣнныя условія возрожденія Франціи тѣмъ болѣе, что они не только въ прямомъ смыслѣ будутъ вліять на нее благотворно, но и не могутъ во многихъ случаяхъ не изгладить тѣхъ шероховатостей французскаго характера (шовинизма, легкомыслія и т. д.), на которыя указано было выше. Но чтобы осуществить все это, нужно сознать свои заблужденія и недостатки, чего Франція, по мнѣнію Гаспарена, очень не любитъ. „А между тѣмъ сознаніе это, раскаяніе, необходимо. Пруссія послѣ Тильзитскаго мира изыскиваетъ свои недостатки и создаетъ широкую систему образованія, какъ народнаго, такъ и высшаго; Россія послѣ Севастополя оправляется успѣшно, но опять-таки путемъ реформъ: она уничтожаетъ крѣпостное право и подаетъ этимъ сигналъ къ столь значительному перерожденію, соціальному и политическому, что и границъ его почти нельзя указать напередъ".

П — чъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Петръ Петровичъ Пекарскій.

Смерть П. П. Пекарскаго была нежданной и тяжелой потерей для русской исторической науки. Въ немногочисленномъ ряду нашихъ историковъ не стало дѣятеля, съ которымъ немногіе изъ нихъ могли сравниться неутомимымъ трудолюбіемъ въ своихъ изысканіяхъ. Его

послѣдняя болѣзнь состояла въ легкомъ нездоровьѣ, продолжавшемся нѣсколько дней, за которымъ послѣдовала сильная холера: черезъ шесть часовъ страданій, онъ умеръ 12-го іюля.

Онъ родился въ маѣ 1827-го или 1828-го года, въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ поселились его предки, происходившіе, если не ошибаемся, отъ польской фамиліи. Его прадѣдъ по отцу попалъ въ плѣнъ къ Пугачеву, который велѣлъ содрать съ него живого кожу. Дѣдъ со стороны матери былъ уфимскій губернаторъ Пеутлингъ. Пекарскій получилъ высшее образованіе въ казанскомъ университетѣ, по юридическому факультету, и кончилъ курсъ въ 1847-мъ году. Въ слѣдующемъ году онъ началъ свою службу, въ провинціи, сперва въ Оренбургѣ, потомъ въ Самарѣ, и затѣмъ въ концѣ 1851-го года перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ канцелярію министерства финансовъ [1]).

Университетскій курсъ мало подготовилъ его къ тѣмъ предметамъ, которые стали его любимымъ занятіемъ. Казанскій университетъ не славился ученостью, и профессора повидимому мало внушали своимъ слушателямъ любви къ наукѣ. Въ исторіи студенчества это былъ такъ сказать героическій вѣкъ, въ которомъ не столько господствовала умственная работа, сколько развлеченія, нерѣдко довольно бурнаго свойства. Университетъ самъ вѣдалъ своихъ питомцевъ, которые, въ сознаніи своей автономіи, нерѣдко приходили въ столкновеніе съ мирными гражданами, а также и съ полиціей: университетская власть, когда было наконецъ нужно, дѣйствовала патріархально, но и съ энергіей. Пекарскій любилъ бывало разсказывать объ этихъ оригинальныхъ нравахъ, которые онъ видѣлъ еще въ полномъ цвѣтѣ и которые можно считать теперь почти исчезнувшими. Факультетъ, какъ мы сказали, мало привлекалъ слушателей; между прочимъ были еще профессора, выписанные изъ-за границы, напримѣръ одинъ профессоръ дипломаціи или международнаго права, незнавшій ни слова по-русски (онъ читалъ на французскомъ языкѣ) и которому студенты на экзаменѣ бойко отвѣчали „отче нашъ“ или „вѣрую“. Но одно имя выдавалось въ воспоминаніяхъ Пекарскаго, какъ имя замѣчательнаго, достойнаго наставника, которому онъ считалъ себя въ университетѣ наиболѣе обязаннымъ не только въ юридическомъ, но и всемъ вообще образо-

---

[1]) По формулярному списку, эта служба состояла въ слѣдующемъ. Онъ опредѣлился, 22-го апрѣля 1848, въ оренбургское губернское правленіе помощникомъ столоначальника; 20-го октября того же года переведенъ въ самарскую удѣльную контору исправляющимъ должность городового депутата; 17-го февр. 1849 опредѣленъ испр. должность столоначальника въ той же конторѣ; 18-го ноября 1851-го года переведенъ въ канцелярію министра финансовъ старшимъ помощникомъ секретаря; 1-го іюня 1854 назначенъ помощникомъ главнаго бухгалтера канцеляріи, а 14-го іюля того же года младшимъ секретаремъ канцеляріи.

ваніи. Это былъ извѣстный Д. И. Мейеръ. Онъ былъ профессоромъ въ настоящемъ смыслѣ слова, какой нуженъ особенно въ русскомъ университетѣ; его лекціи были не однимъ сухимъ спеціальнымъ учебникомъ, напротивъ, съ изложеніемъ права, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ соединялъ цѣлые экскурсы изъ области современныхъ нравственно-политическихъ вопросовъ,—разумѣется, сколько это было возможно въ тѣ времена. Пекарскій относился къ нему съ самыми теплыми воспоминаніями, которыя, какъ извѣстно, раздѣлялись всѣми вообще слушателями Мейера.

Когда мы познакомились съ Пекарскимъ въ Петербургѣ, въ зиму 1853—1854 года, изученіе литературы было уже въ немъ господствующимъ интересомъ: вскорѣ, онъ сталъ все свободное время проводить въ Публичной Библіотекѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда для его занятій еще не представлялось другой возможности, онъ былъ столь постояннымъ посѣтителемъ Библіотеки, какихъ безъ сомнѣнія она видала только немного. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ познакомился съ П. А. Плетневымъ, отъ котораго ожидалъ полезныхъ совѣтовъ для предположенныхъ имъ занятій; потомъ присоединились знакомства въ болѣе молодомъ кругу. Объ одномъ изъ этихъ знакомствъ—съ писателемъ, нынѣ не дѣйствующимъ въ литературѣ — онъ, говорятъ, не забывалъ до послѣднихъ годовъ, какъ такомъ, которое оказало тогда большое вліяніе на складъ его понятій и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпило и самую ревность его изученій. Занятія Пекарскагосъ самаго начала были сухія, трудныя занятія собирателя фактовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ надо было восполнить пробѣлы, оставленные казанскимъ университетомъ,— такъ уже въ это время онъ занимался исторіей и вновь изучилъ латинскій языкъ, который понадобился въ его чтеніи старыхъ источниковъ, и т. п. Въ этихъ занятіяхъ Пекарскій выказалъ большое постоянство, съ какимъ вообще онъ велъ всѣ свои работы. Но при всей сухости его изученій, въ это первое время онъ живо сочувствовалъ возникавшимъ стремленіямъ новаго поколѣнія, раздѣлялъ его надежды и самыя увлеченія, возбужденныя событіями временъ крымской войны. Въ послѣдніе годы мы видѣли его рѣдко; мнѣнія его приняли, кажется, нѣсколько иной оттѣнокъ, и онъ исключительно предался своей ученой и служебной карьерѣ.

Первые труды Пекарскаго печатались въ „Современникѣ", въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Это были статьи о русскихъ мемуарахъ (запискахъ) XVIII-го столѣтія; затѣмъ замѣчательнѣйшими статьями его были здѣсь: „Петербургская Старина", три статьи (Соврем. 1860, № 6, 7 и 10) и разборъ Исторіи Петра Великаго, Устрялова (Соврем., того-же года). Онъ писалъ также и въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ были имъ помѣщены статьи: „Баронъ Гюйсенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII-го вѣка (От. Зап. 1860,

№ 3); „Нейбауеръ и его брошюра противъ Россіи (тамъ-же, № 12); „Представители кіевской учености въ половинѣ XVII-го вѣка“, двѣ статьи (От. Зап. 1862, № 2 и 3).

Послѣднія названныя статьи были приготовленіями къ тому большому труду, который уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ Пекарскаго и остался замѣчательнѣйшимъ изъ его трудовъ. Это была извѣстная книга: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1863, два тома), — одна часть которой заключаетъ въ себѣ богатый сборникъ фактическихъ свѣдѣній объ исторіи образованія при Петрѣ, а другая состоитъ изъ подробнаго библіографическаго описанія петровскихъ книгъ [1]).

Это сочиненіе, представленное Пекарскимъ въ рукописи въ академію наукъ, получило полную Демидовскую премію и, кажется, еще пособіе на изданіе; затѣмъ сочиненіе было пріобрѣтено отъ автора и издано товариществомъ „Общественная Польза“.

Между тѣмъ, эти ученые труды такъ занимали Пекарскаго и требовали такъ много вниманія, что онъ, кажется, сталъ тяготиться своей службой въ министерствѣ финансовъ, и счастливый случай (если не ошибаемся, содѣйствіе Ег. П. Ковалевскаго) далъ ему возможность найти служебныя занятія, которыя совершенно отвѣчали его интересамъ. По выходѣ въ отставку изъ прежней должности, 7-го февраля 1862 г., Пекарскій поступилъ, въ мартѣ того же года, въ государственный архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ и оставался до послѣдняго времени [2]). Здѣсь его историческая любознательность находила полное удовлетвореніе, масса важныхъ и вообще мало доступныхъ матеріаловъ была громадная, и онъ началъ работать безъ устали.

Его ученыя связи расширялись болѣе и болѣе. Въ 1858-мъ году онъ поступилъ въ число членовъ археологическаго общества въ Петербургѣ, и нѣсколько времени занималъ въ немъ мѣсто секретаря русскаго отдѣленія. Въ „Извѣстіяхъ“ Археологическаго Общества появилось также нѣсколько небольшихъ его статей и матеріаловъ археологическаго содержанія.

Занятія въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ уже вскорѣ доставили Пекарскому матеріалъ для новыхъ трудовъ. Такова была книга, составленная послѣ, но вышедшая ранѣе его книги о времени Петра: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742. Переводъ ру-

[1]) Проба этого описанія было помѣщена раньше въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ.

[2]) Онъ назначенъ былъ, 29-го марта, старшимъ архиваріусомъ; затѣмъ 19-го апрѣля 1864 года начальникомъ отдѣленія архива; 1-го іюля 1863—дѣлопроизводителемъ VI класса въ госуд. архивѣ.

кописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ", Спб., 1862.

Въ 1863-мъ году, 11 января, Пекарскій избранъ былъ въ адъюнкты въ академію наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности; онъ вскорѣ прошелъ академическія степени, и въ послѣднее время былъ уже ординарнымъ академикомъ [1]). Для его трудолюбивыхъ изысканій представлялось теперь слишкомъ много матеріала: по своему положенію въ академіи, по службѣ въ государственномъ архивѣ, онъ имѣлъ подъ руками множество архивныхъ рукописей; различная обработка этого матеріала и составляла главную долю всѣхъ дальнѣйшихъ трудовъ Пекарскаго.

Мы укажемъ здѣсь вкратцѣ главные его труды, которые съ тѣхъ поръ исключительно печатались въ академическихъ изданіяхъ.

Въ 1863-мъ году имъ изданы были „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II".

Въ 1864—„Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ", съ его портретомъ и снимкомъ почерка; „Слово о полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами импер. Екатерины II".

Въ 1865—„Путешествіе академика Н. І. Делиля въ Березовъ въ 1740 году".

Въ 1866-мъ онъ издавалъ вмѣстѣ съ г. Гротомъ, къ карамзинскому юбилею, „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву", съ большимъ числомъ объяснительныхъ примѣчаній.

Въ 1867—„Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова", съ его портретомъ и снимкомъ почерка; „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764".

Въ 1868—разныя бумаги для біографіи Ломоносова.

Въ 1869—„Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII-го столѣтія", составленныя по поводу книги г. Лонгинова, на основаніи бумагъ, находящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; „Архивныя розысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis".

Такъ какъ работы Пекарскаго почти съ самаго начала носили характеръ архивныхъ изслѣдованій и вращались почти исключительно на исторіи образованія въ XVIII-мъ вѣкѣ, то черезъ нѣсколько времени по вступленіи его въ академію наукъ, ему предложено было взять на себя составленіе ея исторіи. Онъ много лѣтъ работалъ въ академическомъ архивѣ и результатомъ его трудовъ было сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ въ 1870 году. Второй томъ „Исторіи императорской академіи наукъ", который, по его обширности, предполага-

---

[1]) Экстра-ординарнымъ академикомъ онъ былъ избранъ 1-го мая 1864; ординарнымъ—4-го октября 1868.

лось раздѣлить на два отдѣльные выпуска, уже находился въ печати, какъ извѣстно было по отчетамъ объ академическихъ засѣданіяхъ. Въ цѣломъ, этотъ трудъ обнимаетъ исторію академіи съ ея основанія до 1767 года.

Послѣдними изданными трудами Пекарскаго были „Историческія бумаги К. И. Арсеньева" (съ его біографіей) и „Бумаги императрицы Екатерины II", отчетъ о которыхъ въ свое время былъ отданъ въ библіографіи „Вѣстника Европы". Это послѣднее изданіе предпринято было Русскимъ Историческимъ Обществомъ, и Пекарскій избранъ былъ его редакторомъ, при посредствѣ государственнаго канцлера кн. Горчакова.

Если ко всему этому мы прибавимъ еще труды Пекарскаго по государственному архиву, состоявшіе въ описи порученнаго ему отдѣла архива и также требовавшіе много вниманія, то количество сдѣланнаго Пекарскимъ оказывается очень велико. Исторія нашей науки отдастъ должное той ревности, какую вносилъ Пекарскій въ свои историческія изысканія. Изъ различныхъ отраслей историческаго знанія онъ выбралъ себѣ ту, въ которой мало привлекательнаго для обыкновенныхъ читателей, но которая даетъ необходимое основаніе для изслѣдованій. Это—разработка чисто фактическаго матеріала. „Неоспоримыя достоинства ученыхъ трудовъ Пекарскаго,—говоритъ одинъ изъ академическихъ его товарищей,—заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ источниковъ, въ положительности, точности и достоинствѣ всѣхъ его показаній. Въ своихъ разысканіяхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою основательною, осторожною критикою, иногда доходившею, можетъ быть, до излишняго уваженія къ записанному факту, до преувеличеннаго опасенія позволить себѣ какую-нибудь догадку или смѣлое соображеніе. Поэтому всѣ труды его носятъ господствующій характеръ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго будущаго изслѣдователя, но не представляютъ того оживленнаго интереса, котораго неспеціалистъ ищетъ въ каждомъ чтеніи. Эту сторону своихъ трудовъ и отсутствіе въ нихъ художественнаго изложенія онъ самъ ясно сознавалъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, и еще незадолго передъ смертью говорилъ, что въ настоящемъ положеніи исторіи русской литературы считаетъ наиболѣе нужными именно такого рода труды, составляющіе первоначальную основу для послѣдующей разработки предмета" [1]). Дѣйствительно, Пекарскій доводилъ до крайности свой пріемъ; изъ опасенія сдѣлать ошибку, онъ оставлялъ свои изслѣдованія безъ выводовъ, которые освѣщали бы собранный матеріалъ и давали точку опоры для дальнѣйшаго изслѣдованія; съ дру-

[1]) Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ», Я. Грота, въ Спб. Вѣд. № 208.

гой стороны, заботясь исключительно о собираніи фактическихъ данныхъ, онъ нерѣдко увлекался въ мало значительныя подробности.

Въ нынѣшнемъ году, 25-го апрѣля, въ ожиданіи петровскаго юбилея, совѣтъ казанскаго университета, за разъясненіе эпохи и значенія дѣятельности Петра I и вообще за заслуги на поприщѣ отечественной исторіи, возвелъ Пекарскаго въ степень доктора русской исторіи.

Къ сожалѣнію, обширные труды, сдѣланные Пекарскимъ, не доставались безъ жертвъ. Усиленныя занятія, отъ которыхъ онъ давалъ себѣ слишкомъ мало отдыха, подѣйствовали на его здоровье: лѣтъ пять тому назадъ съ нимъ сдѣлался легкій параличъ, и онъ для леченья уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу; онъ поправился на время, но затѣмъ его здоровье снова стало разстроиваться, и онъ не вынесъ послѣдней болѣзни.

Пекарскій похороненъ былъ 15-го іюля, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

А. Н.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе членовъ Общества 23-го апрѣля 1872-го года.

По открытіи собранія, секретарь общества прочелъ слѣдующій отчетъ: „Мм. гг. Съ 1-го января текущаго года по настоящее число комитетомъ Общества оказаны слѣдующія пособія:

Единовременно выдано: одному лицу 400 р., одному 300 р., одному 250 руб., четыремъ по 100 р., одному 80 р., шести по 75 руб., девяти по 50 р., двумъ по 40 р., одному 35 р., тремъ по 30 р. и двумъ по 25 р., а всего 30-ти лицамъ 2,585 р.

Вдовѣ одного писателя назначено производить по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ.

На похороны двухъ писателей выдано 50 р.

На выдачу бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ харьковскаго университета отпущено въ распоряженіе совѣта этого университета 120 р.

Въ ссуду выдано двумъ лицамъ по 300 р.

Пенсія, въ 120 р. въ годъ, назначена вдовѣ молодого писателя, пользовавшагося такимъ же пособіемъ со стороны Общества.

Одному лицу, по ходатайству предсѣдателя Общества, предоставлено мѣсто въ общественномъ установленіи.

Независимо отъ этихъ пособій, комитетъ сообщилъ двумъ редакціямъ объ удовлетвореніи двухъ сотрудниковъ ихъ и, какъ видно изъ

письма одного изъ нихъ, часть причитавшихся ему денегъ имъ уже получена.

Наконецъ, комитетъ вошелъ съ представленіемъ къ управляющему морскимъ министерствомъ о назначеніи пособія находящейся въ крайней бѣдности дочери одного извѣстнаго русскаго мореплавателя.

Отклонено 18 ходатайствъ о пособіи.

Объявлена благодарность Общества: а) за содѣйствіе комитету: Н. Х. Бунге, М. С. Каханову, Т. И. Музыкантову; б) за безвозмездное участіе въ устроенномъ въ пользу Общества и доставившемъ чистой прибыли 2,353 р. концертѣ: Е. А. Лавровской, А. Н. Эсиповой, М. И. Раабъ, Ѳ. О. Лешетицкому и Л. Ауеру, и в) за продажу билетовъ на тотъ же концертъ магазинамъ Іогансена, Бютнера, Базунова и Черкесова".

Послѣ того, казначеемъ Общества были доложены слѣдующія свѣдѣнія о состояніи кассы Общества: „По 2-го февраля 1872-го года въ кассѣ было 54,042 р. 29 коп. Поступило въ приходъ: въ февралѣ 1.961 р. 57 к.; въ мартѣ 1,740 р. 79 коп. и въ апрѣлѣ 3,799 р. 10 к.

Главныя статьи прихода были слѣдующія: пожалованные отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго князя Константина Николаевича и Государыни Великой княгини Александры Іосифовны 100 р.; отъ 126 членовъ Общества 2,217 р.; отъ П. П. Демидова 500 руб., отъ министра народнаго просвѣщенія 1000 р.; проценты съ капитала 984 р. 99 к.; процентныя деньги отъ редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 100 р. и отъ „Отечественныхъ Записокъ" 58 47 коп., и единовременно пожертвованные 28 р.; отъ концерта, даннаго 29-го марта, 2,353 руб.

Израсходовано: на пенсіи и единовременныя пособія и ссуды: въ февралѣ 1,225 руб., въ мартѣ 1,817 руб., въ апрѣлѣ 600, всего 3,832 руб.

Всего съ 1-го января по 23-го апрѣля 1872 г.

Записано на приходъ.	62,803 р. 85 к.
Выписано въ расходъ.	5,202 „ 10 „
Въ кассѣ на лицо . . .	57,601 р. 75 к.

По выслушаніи этихъ отчетовъ, общее собраніе положило объявить члену комитета В. П. Гаевскому и секретарю Общества Г. К. Рѣпинскому благодарность Общества за труды ихъ по устройству концерта 29-го марта.

Засѣданіе комитета 23-го апрѣля 1872-го года.

1) Принято съ благоговѣйною къ Его Императорскому Величеству признательностью извѣщеніе г. министра народнаго просвѣщенія, что Государю Императору благоугодно было благосклонно принять экземпляръ отчета Общества за 1871 г.

2) Выдано по 75 р. двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдственномъ положеіи.

3) Выдано 30 р. въ пособіе молодому писателю, лишенному средствъ къ жизни.

4) Выдано 50 р. вдовѣ недавно скончавшагося писателя и положено, во-первыхъ, принять мѣры къ помѣщенію ея сына въ учебное заведеніе, и, во-вторыхъ, просить министерство, въ вѣдомствѣ котораго служилъ покойный, о назначеніи пенсіи его семейству.

5) Выдано 50 р. въ пособіе трудно-больному писателю.

6) Предоставлено предсѣдателю Общества выразить г. управляющему морскимъ министерствомъ чувства глубочайшей благодарности Общества за назначеніе, по ходатайству комитета, пособія дочери извѣстнаго русскаго мореплавателя.

7) Выдано двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности: одному 35 р. и другому 25 р.

8) Принято съ благодарностью предложеніе М. М. Андреянова объ устройствѣ чтенія въ пользу Общества.

9) Заявлена благодарность Общества А. Н. Островскому за содѣйствіе его комитету.

Отчетъ казначея за апрѣль 1872 года.

Къ 1-му апрѣля состояло на лицо 54,702 р. 65 к.—Въ апрѣлѣ поступило 4,295 р. 85 к., въ томъ числѣ: а) отъ концерта 2,353 р., б) процентовъ съ капитала 1,197 р. 85 к., в) взносы 37 членовъ—725 р., г) возвращено 20 р.—Израсходовано 850 р., въ томъ числѣ: пенсіи 3 лицамъ — 240 р., единовременныя пособія 10 лицамъ — 580 р., и пособіе на воспитаніе 30 р.—Къ 1-му мая въ кассѣ 58,148 р. 50 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 р., на текущемъ счету 4,042 р. наличными 966 р. 50 к.

Засѣданія комитета 22-го мая, 6-го и 20-го іюня, 4-го и 18-го іюля 1872 года.

I. Выданы пособія:

1) Вдовѣ писателя, на воспитаніе ея дочери, 50 руб.

2) Семейству писателя, лишенному пропитанія и вынужденному оставить квартиру, 50 руб.

3) Провинціальному писателю, обремененному семействомъ, 50 р.

4) Писательницѣ, находящейся въ болѣзненномъ состояніи, 100 р.

5) Вдовѣ учителя, только что оставившей больницу и неимѣющей средствъ къ жизни, 25 руб.

6) На воспитаніе сына писателя 75 руб.

7) Дочери покойнаго писателя, на покупку необходимыхъ матеріаловъ для работы, 25 руб.

8) На покупку одежды и бѣлья для воспитывавшейся на счетъ Общества и кончившей курсъ ученія дочери писателя 105 р.

9) На содержаніе больной дочери писателя 60 руб.

10) Провинціальному писателю, находящемуся въ бѣдности, 60 р.

11) Вдовѣ извѣстнаго писателя, лишенной средствъ къ жизни, 100 р.

12) Двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности, одному 25 р., другому 40 р.

13) Молодому писателю, только что кончившему курсъ наукъ и неимѣющему еще опредѣленныхъ занятій, 40 р.

14) Писателю, лишившемуся должности, 50 р.

15) Сыну извѣстнаго въ свое время писателя 75 руб.

16) На погребеніе пенсіонерки Общества 40 р.

17) Молодому человѣку, для окончанія его образованія, 75 руб.

18) На погребеніе сына пенсіонерки Общества 25 руб.

19) Переводчицѣ, на уплату долговъ, 50 р.

20) Извѣстному писателю, находящемуся въ крайности, 200 руб.

21) Дочери писателя, на воспитаніе сына, 50 руб.

22) Писателю, находящемуся въ бѣдности 30 руб.

II. Отклонены ходатайства четырехъ лицъ, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія.

III. Изъявлена благодарность Общества: доктору В. А. Манасеину, предложившему свое постоянное содѣйствіе комитету, и М. М. Андреянову за устроенное имъ чтеніе въ пользу Общества.

IV. За смертью Б. И. Утина, избранъ казначеемъ Общества Н. Н. Тютчевъ.

II. Программа конкурса

Распорядительной Коммиссіи III-го съѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ, въ Кіевѣ.

1. Во время III-го съѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ, въ Кіевѣ, будетъ происходить конкурсъ жатвенныхъ машинъ.

2. Конкурсъ назначается 23-го сентября текущаго года.

Примѣч. День отмѣняется въ случаѣ ненастья.

3. Къ конкурсу допускаются жатвенныя машины какъ отечественныя, такъ и заграничныя.

4. По опредѣленію Коммиссіи экспертовъ, изъ членовъ соотвѣтственныхъ отдѣленій съѣзда, лучшей машинѣ присуждается *золотая* медаль, слѣдующей за нею по достоинству — *серебряная* медаль; остальнымъ лучшимъ машинамъ—похвальные отзывы.

Примѣч. Медали—отъ Импер. Московскаго Об. Сельск. Хозяйства.

5. Отечественной машинѣ, при равныхъ прочихъ условіяхъ, отдается предпочтеніе.

6. Всѣ машины испытуются на одномъ и томъ-же полѣ по свойству почвы и роду жатвы.

. По желанію экспонента и членовъ экспертной Коммиссіи опытъ можетъ быть повторенъ, но съ тѣмъ, чтобы заявленіе (экспонента) о томъ представить до окончательнаго присужденія наградъ.

8. Желательно, чтобы при машинахъ представлены были обстоятельные чертежи, для сокращенія труда и времени оцѣнки машинъ.

9. Машины, доставленныя позже 20-го сентября, будутъ допущены къ работѣ, *но считаются внѣ конкурса* и могутъ получить лишь обстоятельный отзывъ о своей работѣ.

10. Экспоненты благоволятъ извѣстить распорядительную коммиссію III съѣзда о участіи въ конкурсѣ не позже 15-го сен. по адресу: Кіевъ, Распоряд. К. 3-го съѣзда русск. сельскихъ хозяевъ.

Первое общее собраніе съѣзда назначается на 20-е сентября; съ 21-го по 30-е—засѣданія общія и по отдѣленіямъ; 30-го сентября—послѣднее общее собраніе и закрытіе съѣзда.

М. Стасюлевичъ.

ый Атласъ всеобщей географіи. 29 таблицъ,
ства. *А. Линбергъ*. Лейпцигъ, 1872.

ставитель атласа, желая своимъ трудомъ
ать преподаванію географіи въ современ-
смыслѣ этого слова, поставилъ себѣ зада-
ллюстрировать физическія и политическія
пяти частей свѣта совокупными изобра-
ни изъ мѣстныхъ царствъ природы и вида-
ѣчательныхъ мѣстностей и городовъ. Такъ
начительная часть картинъ печатана по го-
ъ формамъ подобныхъ нѣмецкихъ атласовъ,
шность изданія вполнѣ удовлетворительна;
ты приноровлены къ учебной цѣли, т. е. съ
имъ выборомъ номенклатуры, необходимой
для преподаванія, но не для справокъ.
нно полезны, по своей наглядности, карты
ительнаго характера и карты распростра-
племенъ, вѣръ и важнѣйшихъ растеній и
ныхъ. Европѣ, кромѣ того, посвящены двѣ
льныя карты — этнографическая и промы-
ная. Вообще говоря, трудъ г. Линберга остав-
далеко за собою тѣ небольшія попытки, ко-
уже дѣлались въ его направленіи, и нельзя
желать, чтобы авторъ выполнилъ подобный
рудъ для отечественной географіи, для кото-
уществующія у насъ иллюстрированные жур-
могутъ оказать ему такую же услугу, ка-
оказали ему теперь готовыя картины лейп-
ихъ изданій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи
ленія изданія.

ы палермскихъ монастырей. Историческій
романъ *Оскара Піо*. Перев. съ итал. И. А.
Петрова. Спб. 1872. Стр. 476. Ц. 2 р.

Новѣйшая итальянская литература очень рѣд-
бращаетъ на себя вниманіе нашихъ перевод-
въ, и мы указываемъ на настоящій переводъ,
нымъ образомъ, по рѣдкости самаго явленія.
воемъ отечествѣ романъ Оскара Піо можетъ
цѣну, какъ патріотическая попытка изло-
въ полуисторической, въ полулитературной
ѣ памятныя событія 1860 года съ его рево-
ею въ Палермо и освобожденіемъ Сициліи
ига Бурбоновъ, наканунѣ появленія Гари-
ди. Центромъ интриги служатъ монастыри,—
да и названіе романа. Но въ наше время,
ъ родъ литературы сдѣлалъ такой успѣхъ,
въ романѣ О. Піо непріятно поражаютъ ста-
пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ для
ужденія вящшаго интереса въ читателяхъ.
амысловатости авторскаго воображенія при-
иняется искусство переводчика, который по-
-то въ разговорахъ заставляетъ палермскихъ
фовъ и князей говорить другъ-другу: «ладно,
-ты, шабашъ, раздобыться, расфуфыриться»,
ъ довершеніе всѣхъ этихъ красотъ, одинъ мо-
ой итальянскій франтъ, другъ маркиза Белла-
м, въ русскомъ переводѣ, цитируетъ (невѣ-
тное дѣло!) строфы изъ извѣстной лакейской
ни: «Сударыня, барыня, сядьте», и т. д. Это
не переводъ, а перевозъ.

щій элементарный курсъ практической меха-
ники. *Евг. Котельникова*. Спб. 1872. Ц. 2
р. 50 к.

Настоящее изданіе, по намѣренію автора, слу-
тъ введеніемъ къ изготовляемому имъ курсу сельско-хозяйственныхъ машинъ, и въ тоже время предназначается какъ практическое руководство для тѣхъ, которые имѣютъ въ своемъ промыслѣ дѣло вообще съ механическими двигателями и потому нуждаются въ популярномъ ознакомленіи съ тѣми общими условіями, которымъ подчинена правильность и выгода работы на машинѣ. Самое изложеніе курса предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ гимназическимъ курсомъ математики; примѣры, объясняющіе то или другое положеніе, заимствованы главнымъ образомъ изъ сельскаго хозяйства. Текстъ сопровождается постоянно рисунками, числомъ болѣе 200.

Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ, по системѣ Линга, сост. *В. Уховъ*. Двѣ части. Спб. 1870—72. Ц. 2 р. и 2 р. 50 к.

Нигдѣ, какъ у насъ, не пренебрегаютъ такъ истиною, что «въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа». Наша публичная школа и до сихъ поръ мало заботится о гимнастикѣ, или лучше сказать, ограничивается пока одними заботами; а потому трудъ г. Ухова, которымъ могутъ воспользоваться родители, является весьма кстати. Не всякое движеніе полезно, и упражненіе тѣла требуетъ предварительнаго познанія пріемовъ такого движенія; вотъ почему авторъ и посвятилъ свой трудъ главнымъ образомъ на разъясненіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ движеніе можетъ быть полезно не только здоровью, но и успѣшному развитію всего организма. Первая часть объясняетъ вольныя движенія; вторая—упражненія на снарядахъ; обѣ части сопровождаются многочисленными рисунками, наглядно дополняющими толкованіе текста. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній содѣйствовало изданію этой полезной книги для своихъ училищъ, и министерство народнаго просвѣщенія также приняло ее въ число своихъ руководствъ. Намъ теперь недостаетъ хорошей образцовой школы, которая могла бы снабжать наши училища опытными гимнастами.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Состав. *А. В. Яковлевъ*. 2-ое изданіе. Спб. 1872. Стр. 183. Ц. 40 коп.

Починъ весьма важнаго дѣла въ народномъ хозяйствѣ, какимъ является введеніе кредита въ его практику, принадлежитъ новгородскому земству; не прошло двухъ лѣтъ со времени заявленія первой о томъ мысли, какъ она нашла себѣ отголосокъ во всѣхъ концахъ Россіи. Въ видахъ содѣйствія такому полезному дѣлу, былъ образованъ комитетъ при москов. общ. сельскаго хозяйства, который вскорѣ и выработалъ образцовый уставъ для ссудо-сберегательныхъ товариществъ и уставъ для постояннаго комитета о нихъ въ Москвѣ съ отдѣленіемъ въ Петербургѣ. Настоящая брошюра посвящена именно обзору дѣятельности земствъ по этому дѣлу и весьма толковому объясненію образцоваго устава. Къ новому изданію приложены: уставъ новаго комитета, различныя правила, вѣдомости объ оборотахъ товариществъ, уже открытыхъ, и сравнительная таблица дѣйствующихъ уставовъ. Эта полезная брошюра заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ обществѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

НА **1872**-ОЙ ГОДЪ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣ...
книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 100...
ницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногородныхъ подписчиковъ, книги сдаются в...
зетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленном...
трактовъ. Журналъ доставляется на почту съ адрессомъ подписчика, въ собой...
ложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. — *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщен...
поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью изв...
редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой...
адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ ад...
для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто пре...
няго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ ино...
ные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

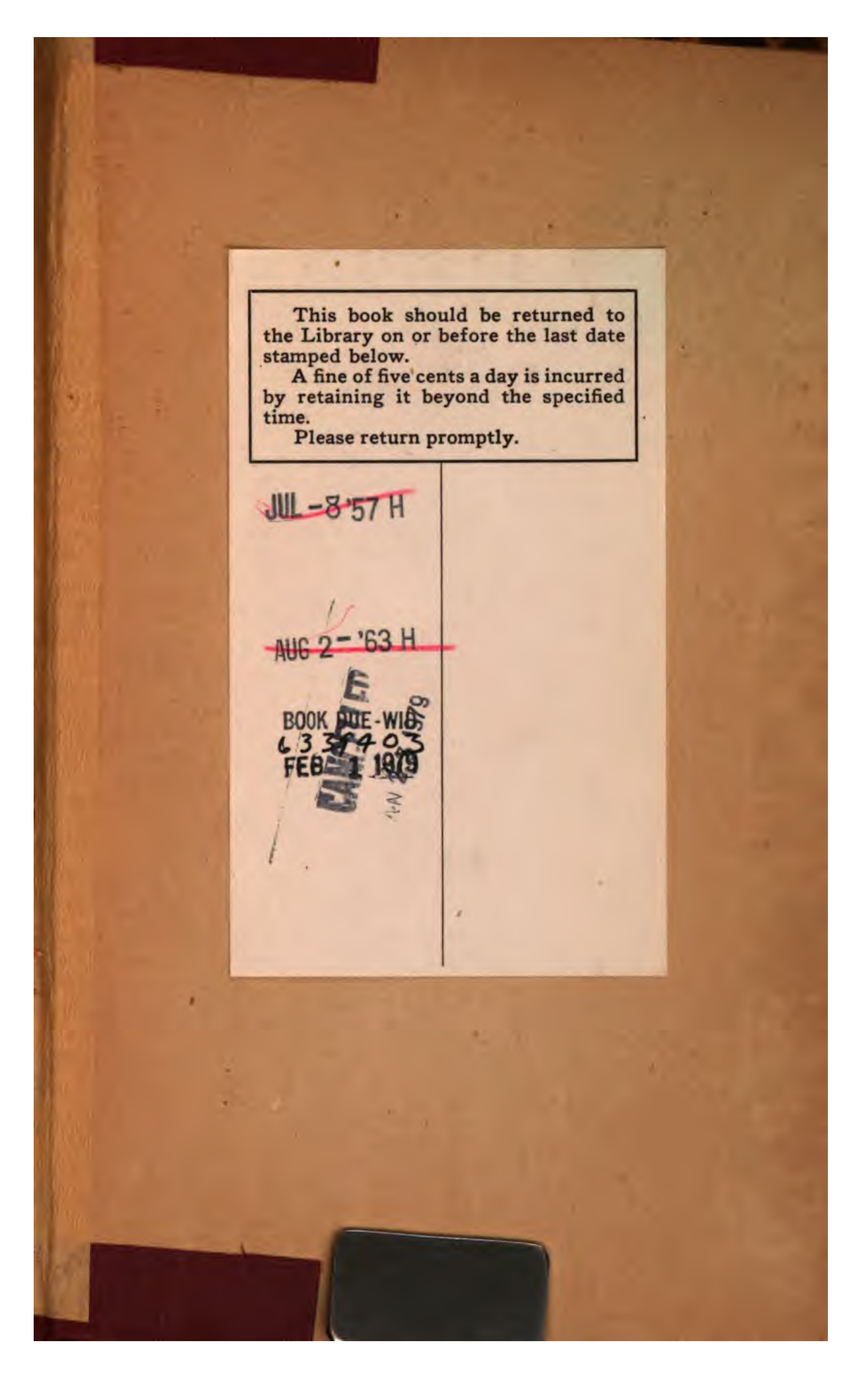
3. — *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается пр...
мо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы...
ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Га...
зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельст...
Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись с...
Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта изслѣд...

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаг...
мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подпи...

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редак...

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
JUL - 8 '57 H
AUG 2 - '63 H
BOOK DUE-WID
FEB 1 1979